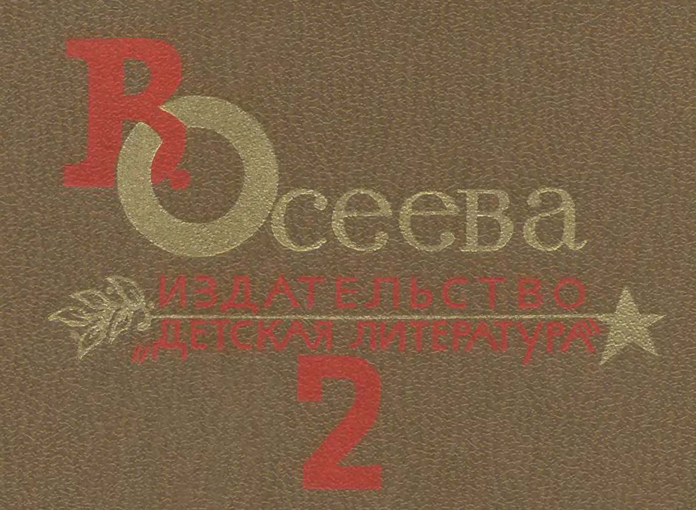

2
В. Осеева

В. Осеева
Издательство
„Детская литература"
2

МОСКВА
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"
1985

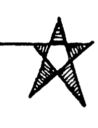

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

ТОМ

ВАСЕК ТРУБАЧЕВ И ЕГО ТОВАРИЩИ

ПОВЕСТЬ

КНИГА ТРЕТЬЯ

РАССКАЗЫ, СКАЗКИ, СТИХИ

Оформление А. Ганнушкина

Рисунки Г. Фитингофа, И. Дунаевой

Осеева В. А.

О-72 Собрание сочинений в 4-х томах / Коммент. З. Короза.— М.: Дет. лит., 1984.— т. II. Васек Трубачев и его товарищи. Повесть. Кн. 3-я.; Рассказы; Сказки; Стихи, 1985. 559 с., ил.

В пер.: 1 р. 40 к.

Во второй том Собрания сочинений входят рассказы, сказки, стихи В. Осеевой, а также 3-я книга повести «Васек Трубачев и его товарищи».

О $\frac{4803010102—309}{М101(03)85}$ Подп. изд. Р2

КНИГА ТРЕТЬЯ

Глава 1

РОДНЫЕ МЕСТА

— Нюра! Нюра! Это улица Чехова! Вот здесь мы шли в поход!

— А вот магазин школьных принадлежностей! Моя мама мне тут тетрадки покупала...

— Бежим! Бежим!

— Сева, давай руку!

Нюра, Лида и Сева Малютин бегут по улице родного города. Все оставшееся позади кажется им страшным сном.

— Мы дома, дома! — взволнованно повторяет Нюра. Каждый знакомый переулок вызывает в ней бурную радость, каждый камешек кажется родным.

— Это же все наше, наше!

— Мамочка... мамулечка... мама моя! — прижимая к сердцу руки, повторяет Лида, спотыкаясь от волнения.

Сева бежит рядом с девочками. Он не может говорить, он

счастлив, что снова видит свой родной город, и встревожен переменами в нем: опустевшие улицы, крест-накрест наклеенные на окнах белые полоски, большие черные надписи на подвалах домов — «Бомбоубежище». Значит, и здесь эта страшная война! Она пришла и сюда, в их маленький мирный городок, где все еще полно теплых воспоминаний, где весной на школьном дворе, весело толкаясь, мальчики и девочки собирались на экскурсии, где в зимние каникулы выезжала за город шумная ватага лыжников. В то счастливое время каждый раз под Новый год по заснеженным улицам медленно шествовал к школе румяный Дед Мороз с целым мешком подарков за спиной, а на улицах сновали веселые, торопливые люди, в окнах светились елочные огоньки, и за каждым окном был праздник.

Сева напряженно вглядывается в заколоченные дома, видит около магазина длинную очередь стариков и женщин. Зачем они там стоят? Разве магазин еще закрыт? Какие усталые лица у этих женщин! Сева думает о своей матери. Сердце его сильно бьется, и радостная улыбка снова появляется на губах. Может быть, сейчас мама что-то чертит за большим столом. Сева видит склоненную голову матери, чуть-чуть растрепавшиеся мягкие волосы. «Мама, ты еще ничего не знаешь, а я уже здесь!»

Люди удивленно глядят вслед бегущим по улице ребятам. У всех троих толстые байковые кофты, похожие на медвежьи шкурки, и радостные, счастливые лица. Люди так соскучились по счастливым лицам ребят!

...Вот сквер! Вот переулок! Колонка! Здесь, за калиткой, уже виден дом Пети Русакова. И маленький флигель, где живет Мазин.

Девочки замедляют шаг, с трудом переводят дух:

— Зайти? Сказать, что они уже едут?

— Нет, нет! Это потом. Раньше домой! К нашим мамам!

Они пробегают еще одну улицу.

Школа! Вот она, красная крыша родной школы!

Школочка, миленькая! Что там сейчас? Идут ли уроки? Может быть, все учителя ушли на фронт, а учительницы с маленькими детьми уехали. Ведь все матери увозили своих детей! С кем же занимаются ребята? А может, ребята тоже

уехали?.. И где теперь Сергей Николаевич? Скорей бы узнать, пишет ли он!

Может, на одну минутку заглянуть в школу? Нет, нет! Это потом. Сейчас к родителям!

Еще и еще переулки, улицы... Здесь знаком каждый столбик, каждый двор... И вот уже...

Все трое останавливаются перед зеленой калиткой.

— Мой дом! — задыхаясь, говорит Сева.

Девочки распахивают калитку настежь:

— Беги же, беги, Сева!

— А вы... как же? — неуверенно спрашивает мальчик.— Одни?

Лида тянет его за рукав к калитке.

— Может, пойти с тобой, Сева? Может, нам с Нюрой пойти? — спрашивает она, оглядываясь то на Севино крыльцо, то на длинную улицу, где стоит ее дом и где ждет ее мама.

— Нет, нет! Идите... я один... Идите скорее!

— Мы здесь... мы недалеко,— бормочет Нюра.

Девочки оставляют его и, часто оглядываясь, бегут дальше. Даже здесь, в родном городе, им страшно расставаться. Сева машет рукой, бежит к крыльцу.

Дверь открыта, но в квартире пусто. В общей кухне не слышно гудения примусов. У соседей висит замок. Сева медленно открывает дверь в свою комнату. Сквозь занавешенные окна чуть-чуть пробивается свет. Мамина кровать смята, на столе лежат луковица и кусок хлеба... Чьи-то грязные, запачканные глиной башмаки попадаются под ноги. В углу, на письменном столе, сложены Севины учебники... Сева оглядывается, ищет записку. Уходя, мама часто оставляла ему записки...

На улице грохочет грузовик; какая-то женщина в грубой солдатской стеганке прыгает с машины и идет к крыльцу. Сева выглядывает из своей комнаты в коридор:

— Не знаете ли вы, где моя мама?

Женщина останавливается на пороге, сдергивает с головы платок:

— Сева!.. Боже мой... Сева!..

Сева утыкается лицом в солдатскую стеганку:

— Мама! Я пришел...

* * *

Лидина мама на работе. Девочка бежит к ней в незнакомое учреждение, долго стоит под воротами и просит дежурного пустить ее к маме. Дежурный звонит по телефону.

Лида тянется к трубке, подпрыгивает.

— Это я, мамочка, золотая, родненькая!..— кричит она.

Разговор обрывается. Дежурный гладит Лиду по голове:

— Бежит твоя мама, бежит...

Одна, другая секунда кажутся девочке вечностью. Потом дощатая дверь в конце коридора широко распахивается, и Лидина мама, живая, настоящая мама, бросается к своей дочке. Она ощупывает ее голову, плечи, целует в глаза, в щеки, смеется и плачет, плачет и смеется...

— Когда же? Откуда?.. Все вы приехали? С Митей?

Лида ловит мамины руки, обнимает ее, заглядывает ей в глаза.

— Нет, мы просто... мамочка, там такая война... мы одни... на самолете...— беспорядочно рассказывает она между поцелуями.— Нас три дня держали в Москве, хотели куда-то эвакуировать. Мы еле-еле упросили, просто плакали... Мамочка, родненькая!..

А на другой улице перед забитой наглухо дверью стоит Нюра Синицына.

— Уехали... уехали...— растерянно повторяет она.

Тихо обходит пустой дворик и, прислонившись головой к забору, смотрит на улицу:

— Уехали...

Сева Малютин вместе со своей мамой бежит по мостовой. Сева перебегает на тротуар, толкает плечом калитку, хватает Нюру за руку:

— Вот она, мама! Вот она!

Севина мама гладит девочку по голове, обнимает ее за плечи:

— Нюрочка, твой папа должен был уехать — его командировали в Уфу. Он очень боялся оставить твою маму одну, а мама

плакала и не хотела уезжать, она все ждала тебя. Мы с Лидиной мамой заходили к ней перед ее отъездом и обещали, что ты поживешь пока у нас. Пойдем к нам, Нюрочка! Ведь вы с Севой товарищи.

Нюра соглашается, вытирая слезы. На улице она еще раз оглядывается на свой дом. А на углу их догоняет встревоженная Лида.

— Нет, Сева, нет! — говорит она, обнимая подругу.— Нюра пойдет к нам, мы с ней никогда не расстанемся, мы всю жизнь будем вместе!

Глава 2

ТЕТЯ ДУНЯ

Когда Павел Васильевич, не дождавшись сына, ушел на фронт, тетя Дуня осталась одна. Таня училась на краткосрочных курсах сестер и работала в госпитале, где проводила дни и ночи.

Иногда она забегала спросить, не слышно ли чего о Ваське́, о Павле Васильевиче. Тетя Дуня делилась с ней своим горем, каждый раз читала и перечитывала письма Павла Васильевича, где он писал, что работает машинистом в санитарном поезде, вывозит с передовой раненых, что писем он давно не получает и не знает, вернулся ли его Рыжик. В каждой строчке чувствовалось острое отцовское горе: «...Увижу ли когда, обниму ли своего вихрастого?»

Таня прижималась к плечу тети Дуни, плакала вместе с ней. Потом вскакивала, наскоро вытирала слезы:

— Идти надо!..

— Погоди, чайку вместе попьем... конфеты я по карточкам получила,— удерживала Евдокия Васильевна.

— Некогда. Побегу я, работы у нас много! — торопилась Таня.

В городе было тревожно. Бомбежки учащались. У магазинов и лавок, прислушиваясь к отдаленной стрельбе и гудению за облаками, молчаливо стояли очереди. У деревянных домов подростки наливали водой бочки, волочили по улице мешки с песком; девушки торопливо бежали с лопатами, на ходу завтракая только что полученным хлебом; по мостовой

громыхали машины, шли красноармейцы; из депо слышались паровозные гудки. Воющий звук сирены разгонял народ. У ворот появлялись дежурные с противогазами, подростки хватали рукавицами и тряпками зажигательные бомбы, засыпали их песком, лезли на крыши и, задрав кверху головы, возбужденно следили за воздушным боем.

Иногда вечером на затемненный город враги сбрасывали ракету. В ее мертвенно-беловатом свете ярче выделялись дома и палисадники...

Военная обстановка постепенно втягивала и тетю Дуню. Наравне со всеми женщинами она дежурила во дворе, деловито распоряжалась подростками, загоняла в бомбоубежище зазевавшихся граждан... Мирный порядок ее жизни нарушился.

Стоя на дежурстве, тетя Дуня глядела на непрерывно двигающиеся белые столбики прожекторов и думала о родном любимом Паше и о Ваське... От гудения «юнкерсов» и «мессершмиттов» сердце у нее начинало сильно биться, к горлу подступала тошнота. И когда, настигая врага, появлялся быстрый «ястребок», она дрожащей рукой крестила его.

— Господи, помоги ему! Господи, не допусти погибнуть!

Побывав один раз в госпитале у Тани, она пришла домой тихая, собрала в пакет сберегаемые для Васька конфеты и отнесла их раненым.

— Возьми... возьми... Там разделите меж собой... Чайку попьете...— совала она в руки бойца пакетик.

— Ну что ж, спасибо, мамаша... Без конфет обойтись можно — внимание дорого,— принимая подарок, говорил раненый.

— Одинокая я...— плакала тетя Дуня.— Племянник у меня был, брат...

— Мы все чьи-нибудь племянники, да братья, да сыновья, а Родина у всех одна, всех под своим крылом держит! — вздыхал раненый.

— Видать, все в войну породнимся,— улыбалась сквозь слезы тетя Дуня.

И часто говорила Тане:

«Может, помочь в чем надо, так ты скажи, прибеги»

* * *

В этот день тетя Дуня не топила печь. Она сидела одна в пустой, холодной комнате, уронив на колени руки. На столе стоял недоеденный вчерашний суп. С угольника смотрели на тетю Дуню знакомые, дорогие лица Трубачевых. Павел Васильевич с ласковой укоризной улыбался сестре, словно выговаривая ей за беспокойство о нем. Мать Васька глядела из рамки глубокими ясными глазами; эти глаза как будто искали кого-то в комнате и, не находя тех, кого искали, останавливались на тете Дуне. Цветная фотография Васька заслоняла портреты его родителей. Синие глаза мальчика смеялись, золотой чуб торчал вверх, на рукаве матросской курточки блестел якорь.

Тетя Дуня медленно отводила взгляд, и по лицу ее текли слезы.

На дворе уже стояла глухая осень, в окна царапались голые ветки деревьев. Было сиротливо и неуютно и на дворе и в комнате.

Тетя Дуня встала, накинула шаль.

«Пойти в домоуправление узнать — может, что нужно помочь».

Внизу хлопнула дверь, по лестнице кто-то быстро поднимался, словно две пары ног перегоняли друг дружку.

— Евдокия Васильевна! Евдокия Васильевна!

Тетя Дуня, уронив шаль, бросилась в кухню, бессильно опустилась на табуретку.

Девочки говорили быстро, перебивая друг друга:

— ...Васек уже едет! Они все вместе — Одинцов, Мазин, Саша Булгаков, Русаков! Нас отправили на самолете, но мы целых три дня жили в Москве. Они скоро, скоро будут дома! Они уже, наверно, перешли через фронт и сели на поезд...

Тетя Дуня очнулась, подняла побелевшее лицо, тихо пошевелила сухими губами:

— Васек... через фронт?..

— Ну да... Вы не бойтесь! С ними Митя и дядя Яков. Дядя Яков знает все тропинки. Они уже, наверно, перешли. Не бойтесь за них! — успокаивали девочки.

Тетя Дуня вдруг улыбнулась, крепко обняла обеих и сдержанно сказала:

— Что ж, буду ждать. Спасибо вам, девочки...

Когда Лида и Нюра ушли, она вспомнила, что надо было хорошенько расспросить их, узнать, где остался Васек, через какой фронт он будет переходить.

Мысли тети Дуни мешались. Представление о фронте складывалось из чьих-то рассказов, обрывков прочитанных книг и, главное, из военных картин в кино.

Перед глазами встали тяжелые танки, ползущие по взрытой земле, черные столбы дыма, изломанная колючая проволока, падающие люди... и среди них маленькая фигурка Васька...

Тетя Дуня схватилась за голову, застонала...

Ночью ей снились страшные сны. Тяжело переваливаясь с боку на бок, на Васька двигался фашистский танк. Тетя Дуня металась на кровати:

«Посторонись, Васек, голубчик! Задавит!..»

А откуда-то с плаката спрыгивали длинноногие чудовища в железных касках и направляли на Васька пулеметы. Потом скручивали ему назад руки... Тетя Дуня строго глядела в синие бесстрашные глаза племянника:

«Помни, Васек: мы Трубачевы. Умирать один раз!»

Рассвет поднял тетю Дуню на ноги, рассеял мучительные кошмары. Сердце ее вдруг обожгла горячая радость, что Васек жив, что, может быть, он уже близко...

Вечером в городе завыла сирена. Тетя Дуня спокойно вышла на дежурство и, шагая по двору с противогазом, громко командовала:

— Граждане! Спускайтесь в бомбоубежище! Спокойно, дорогие, спокойно!..— Но душа у нее самой была неспокойна.

Глава 3

ФРОНТОВЫЕ ТОВАРИЩИ

Васек Трубачев, Саша Булгаков, Коля Одинцов, Мазин и Русаков приехали поздно вечером. Родной город встретил их грозным, предостерегающим воем сирены. Перебегая от дома

к дому, под грохот орудийной пальбы товарищи пробирались по улицам. На вокзале Саша встретил соседского паренька, который рассказал, что семья Саши Булгакова уехала вместе с заводом на Урал. Сначала Саша растерялся от этого известия, но, когда над городом проплыли немецкие «мессершмитты» и от орудийной пальбы задрожала земля, он крикнул на бегу Трубачеву, закрывая обеими руками уши:

— Мал мала далеко! Там спокойно! Молодцы они, что уехали!

— Ко мне бежим — я всех ближе! — не слыша его, отвечал Васек.

У двора Трубачевых стояла тетя Дуня в кожаной куртке, с противогазом на боку. Васек и его товарищи чуть не сбили ее с ног и, узнав, остановились как вкопанные.

— Тетя Дуня! — Васек повис на ее шее.— Тетечка, здравствуйте!

Тетя Дуня ахнула, обхватила его за плечи, потащила в дом. Товарищи, смущенно улыбаясь, двинулись за ними.

В маленькой кухоньке тускло горела лампа. Ребята сбросили у порога вещевые мешки.

— Батюшки, живой пришел!.. Паша-то, Паша узнает!..— поворачивая во все стороны Васька и прижимая его к себе, бормотала тетка.

— Где папа? Тетечка, где папа? — вырываясь из ее рук, кричал Васек.— Где он?

— Пишет, пишет нам отец. Вчера письмо прислал — раненых возит... Сейчас сменюсь с дежурства, найду письмо-то... Вот, ешь пока... да гостей угощай своих! — торопливо говорила тетя Дуня.

— Это не гости — это мои фронтовые товарищи! — горячо сказал Васек.— Ты ничего не жалей им, тетечка. Мы последний кусок вместе делили.

— Да разве мне чего жалко? Что ты! Что ты, господь с тобой!.. Ешьте, пейте, были б живы...— суетилась тетя Дуня, вытаскивая на стол всякие кулечки, баночки.— Ешьте, ешьте, а я побегу...

* * *

«Батюшки, Васек у меня дома! В бомбоубежище, что ли, их свести? Не случилось бы чего!» — с волнением думала она про себя, громко убеждая граждан не беспокоиться.

А в это время усталые и голодные ребята, наскоро уничтожив все запасы тети Дуни, стояли у занавешенного окна, прислушиваясь к тяжелым ударам зениток и гудению самолетов.

— Пойдем! — нетерпеливо дергал Мазина Петя Русаков.— Меня мать ждет.

— Нас тоже ждут... Мы пойдем, Трубачев! — торопились Мазин и Одинцов.

— Не надо, подождите! — удерживал их Саша.— Вдруг убьют? На самом пороге, подумайте только! У самого дома!

Васек колебался. Он понимал нетерпение товарищей. Но на улице была уже ночь, и от гула орудий по спине пробегал неприятный озноб. Ну что, если осколок или воздушная волна!..

— Не уходите, ребята! Только до утра останьтесь. А то мы с Сашкой не будем даже и знать, добежали вы или нет. Ну, хоть бомбежку переждите... Давайте заберемся на папкину кровать все вместе и переждем. Ладно? — просил Васек.

Ребята согласились.

Васек прыгнул на отцовскую постель, обеими руками обхватил подушку и, зарывшись в нее лицом, счастливо засмеялся.

— Все, все полезайте! Всем места хватит,— приглашал он товарищей, отодвигаясь к стене.

Широкая, уютная кровать Павла Васильевича приняла всех пятерых, и через полчаса ребята крепко спали, уткнувшись друг в друга.

Васек заснул последним. Мягкая подушка, словно теплая отцовская рука, лежала под его горячей щекой; перед сонными глазами тихо качались и кланялись знакомые с детства вещи: «Здравствуй, Васек, здравствуй, Рыжик...» Васек жмурился, как от солнца. Но сон его часто прерывался тяжелыми ударами зенитных орудий. Мальчик ближе придвигался к товарищам.

Мысли его убегали назад — к Мите. Он вспоминал тяжелый,

мокрый лес, запутанные тропы, идущих впереди дядю Якова и Митю. Изредка они перебрасывались словами, о чем-то советовались. Несколько раз, поворачивая к ребятам строгое, серьезное лицо, Митя тихо командовал: «Ложись!» Они ложились и ползли, прижимаясь к мокрой земле.

Один раз, совсем близко от них, промчались на мотоциклах фашисты. Другой раз, под вечер, переходя вброд речку, они заметили немецкого солдата, стиравшего белье... В минуту опасности Митя быстро взглядывал на ребят; лицо у него становилось твердым, словно оно было высечено из камня. Когда опасность оставалась позади, Митя улыбался им, кивал головой, а Яков Пряник тихонько подшучивал, одобряя веселой прибауткой. Так они шли день и ночь, и еще день и еще ночь и только к рассвету третьего дня перешли фронт. Васек понял это в тот момент, когда из чащи леса вышли с винтовками три красноармейца...

Васек вспомнил, как, прощаясь, Митя обнимал его и всех ребят по очереди, долго глядел в лицо каждому, торопливо повторяя:

«Ну, все... Езжайте домой... Поклонитесь школе от меня, ребята...»

А дядя Яков, подняв вверх густые выцветшие брови, задумчиво сказал на прощанье:

«Главное в человеке — честность. От нее все качества».

Хорошие слова у Якова Пряника! О них надо еще подумать, но сейчас думать не хочется. Васек мысленно еще раз обнимает Якова Пряника, Митю, передает привет Генке.

Он вспоминает, как, уходя, Митя несколько раз оглядывался и кивал головой.

Воспоминания Васька путаются, крепкий сон укладывает его голову на отцовскую подушку...

Прибежав с дежурства, тетя Дуня долго смотрела на смешные, сонные лица, оттопыренные по-детски губы, вихрастые головы. Осторожно поправила неловко согнутую ногу Мазина, положила на подушку голову Пети, покрыла всех пятерых одеялом и с уважением сказала:

— Ишь ты, фронтовые товарищи...

Глава 4

В ОПУСТЕВШЕЙ ШКОЛЕ

Школьный сторож Иван Васильевич сидит в своей каморке под лестницей. Целая пачка писем лежит перед ним на столе. Надев на нос очки, он медленно разворачивает написанные разными почерками листки, внимательно перечитывает их, сортирует, потом достает из ящика ученическую тетрадь в две линейки и, вздыхая, пишет ответ. Ручка вертится в его неумелых пальцах, большие, жирные кляксы расползаются по бумаге.

— Эхе-хе...— кряхтит школьный сторож.— Не просто и отвечать на письма...

Вот письмо из Магнитогорска от матери Саши Булгакова на имя директора школы:

«...изболелась душа за нашего мальчика. Если есть какие вести, сообщите, дорогой Леонид Тимофеевич! Измучились мы, места себе не находим...»

Иван Васильевич откидывается на спинку стула и, глядя на эти строчки, качает головой:

— Что ж сообщать?..

Не только семья Саши Булгакова не находила себе места.

Прибегали с работы мать Лиды Зориной и мачеха Пети Русакова. Долго медлили, прежде чем постучать в дверь. Тащилась через весь город бабушка Коли Одинцова. Плакала, сидя на крыльце. Перед отъездом на Урал приходили Митины старики и, молча посидев, ушли. Мать Коли Мазина лежала в больнице — она ни о чем не спрашивала.

Иван Васильевич отложил письмо Сашиной матери и взял другой конверт. Из конверта выпал еще конверт с марками и обратным адресом: «г. Уфа, детский дом». Писала воспитательница Вали Степановой:

«Простите, что часто беспокою вас, дорогой Иван Васильевич. Нет ли вестей о наших детях? Я писала в Свердловск Леониду Тимофеевичу, но он сам ждет вестей от вас, так как письма приходят на школу. Мне очень тяжело. Валя пришла в детский дом совсем ребенком и выросла на моих руках...»

Иван Васильевич устало трет лоб. Под глазами у него

набухли мешки, лицо осунулось, глаза потускнели; по ночам стала болеть спина.

«Измучились мы с вами, Иван Васильевич, нет сердцу покоя»,— не раз говорила тетка Трубачева, навещая старика.

Грозный вынимает из пачки еще одно письмо — пишут родители Нюры Синицыной:

«...Примите срочные меры к розыску нашей дочери...»

— Эх, дети, дети! — вздыхает Иван Васильевич.— Много слез из-за вас пролито...

Когда Сергей Николаевич привез первую партию ребят, родители оставшихся встревожились, прибежали в школу, но, узнав, что со дня на день можно ждать Митю, разошлись по домам, обнадеженные. Прошло томительных три дня. Ни Мити, ни детей не было. Школа делала все возможное, чтобы разыскать их: в Жуковку летели телеграммы, по пути следования поезда запрашивались самые крупные станции, Сергей Николаевич несколько раз звонил в Киев. Ответы получались неутешительные: Жуковка была разбита, враги бомбили шоссейные дороги, повсюду шла эвакуация детей. Маленькая кучка ребят со своим вожатым затерялась в гуще событий. Родители собирались в школе, забрасывали учителя вопросами, но Сергей Николаевич и сам не мог понять, почему Мити с ребятами до сих пор не было. Ведь легковая машина должна была в тот же вечер доставить их на станцию, и следующий поезд отходил на Киев в ту же ночь... Учитель в мельчайших подробностях рассказывал все как было. Бледный, измученный тревогой за ребят, Сергей Николаевич стал похож на человека, перенесшего тяжелую болезнь. Под глазами его легли черные тени, лицо осунулось. Леонид Тимофеевич не терял надежды и как мог успокаивал родителей.

А над городом уже появлялись вражеские бомбардировщики... Каждая семья провожала на фронт своих близких. Сергей Николаевич явился в военкомат, получил направление в часть и должен был спешно выехать.

Учитель покидал город с тяжелым беспокойством в душе.

Серый от бессонных ночей, он шагал среди своих новых фронтовых товарищей, суровый и беспощадный к врагу.

Дорожная пыль клубилась под его ногами, и в глазах неотступно стояли лица ребят.

Вскоре после ухода Сергея Николаевича на фронт в городке началась эвакуация. Выезжали детские дома, школы, заводы, фабрики. Ушел на фронт отец Пети Русакова, уехал с ополченцами отец Лиды Зориной, эвакуировалась вместе с заводом семья Саши Булгакова, Синицыны, не дождавшись дочери, перебрались в Уфу. Туда же был вывезен детский дом Вали Степановой. Из роно Леониду Тимофеевичу пришло распоряжение вывезти ребят в Свердловск.

На вокзале толпились отъезжающие школьники. Их сопровождали вожатые и учителя. Многие учителя уходили ополченцами на фронт.

Грозный остался один в опустевшей школе. Каждое утро, потряхивая связкой ключей, он шел по коридору, открывал классы, стирал пыль со столов и парт. Потом присаживался на ступеньку маленькой школьной сцены и, подняв вверх голову, слушал, как гудят под потолком осенние мухи.

Под вечер он разбирал пачки писем, полученных на адрес школы. Вытирая со лба обильный пот, старик часами просиживал за своим столом. Иногда, опершись головой на руку, он незаметно для себя задремывал. Во сне слышался ему заливчатый школьный звонок, задорные голоса школьников, дружный топот по коридору...

«Во двор, во двор пожалуйте! Вам где приказано гулять? Ишь вы!» — кричал Грозный и, просыпаясь от собственного голоса, с испугом оглядывал пустую каморку.

* * *

Сейчас Грозный не спит, и не во сне, а наяву он слышит топот ног на крыльце, слышит знакомые детские голоса. Он медленно выпрямляется, протягивает руку к своей мохнатой шапке.

На крыльце хлопает дверь, осторожно стучат по коридору чьи-то каблучки, со скрипом отворяются двери.

— Эй, кто там? — кричит школьный сторож. Глаза у него блестят, в голосе появляются знакомые грозные нотки.— Кто там ходит?

Шум мгновенно стихает. Осторожно открывается дверь, в нее просовываются головы девочек, за ними выглядывает еще несколько голов.

— Это мы...

Грозный делает два шага вперед и останавливается.

— Иван Васильевич, миленький! Не узнали нас? Это мы, четвертый «Б»... то есть пятый «Б»...

— Иван Васильевич, здравствуйте!

Лида и Нюра тормошат старика:

— Не узнали нас? Не узнали нас?

Мальчики со всех сторон обступают школьного сторожа:

— Здравствуйте, Иван Васильевич! Здравствуйте!..

Ключи со звоном падают из рук старика.

* * *

В каморку школьного сторожа заглядывает тусклое осеннее солнце. Ребята сидят на сундуке, на кровати, на табуретках, придвинутых к столу. Грозный не спеша надевает очки, осторожно вынимает из конверта листок почтовой бумаги, исписанный крупным почерком учителя.

— Не мне это письмо писано, да вот взял на душу грех — распечатал,— говорит Иван Васильевич.

— Читайте! Читайте! — нетерпеливо шепчут ребята.

— «Здравствуйте, дорогой Леонид Тимофеевич! Еще так недавно расстались мы с вами, а кажется — прошли годы...»

Ребята слушают затаив дыхание, боясь пропустить хоть одно слово. Грозный медленно переворачивает страницу:

— «...Среди эвакуированных, попадавшихся нам по пути, я видел много ребят. Все они казались мне похожими на наших. На привале товарищи вспоминали свои семьи. Я слушал их тихие, душевные разговоры и думал о кучке ребят, затерявшихся где-то на украинских дорогах: думал о Мите, мысленно представлял себе Трубачева, Севу Малютина, девочек, Мазина и Русакова, Колю Одинцова... Наутро мы шли в бой. Каждому из нас было что защищать. Я просто не узнавал вчерашних мирных людей, вспоминавших на привале своих детей

и жен,— они дрались бешено и упорно, отстаивая каждую пядь своей земли...»

Грозный останавливается и поверх очков смотрит на ребят.

— Читайте! — шепчут за его плечом взволнованные голоса.

Грозный читает. В каморку медленно заползают сумерки, серые осенние тучи совсем закрывают слабый, желтеющий свет солнца. Старик придвигается ближе к окну:

— «...Прощайте пока, дорогой Леонид Тимофеевич! Обнимите нашего доброго Ивана Васильевича и, если вернутся мои ребята, передайте им, что наступит счастливый день победы и мы снова будем вместе».

Грозный складывает письмо.

— Подождите, Иван Васильевич! Дайте, дайте подпись посмотреть!

Ребята вскакивают и, наклоняясь над письмом, жадно вглядываются в подпись: «Сергей Николаевич».

Глава 5
ЧТО ДЕЛАТЬ?

Серая, глухая, безрадостная осень окутала маленький городок. Как будто никогда не было яркого солнца, зеленых деревьев, свежей травы в палисадниках. По черным стволам бегут дождевые капли, прибилась к мокрой земле увядшая трава... Нет солнца! Но никто не вспоминает о солнце, о зеленых деревьях, о свежей траве. Люди не обращают внимания на дожди, на ветры, на грязь и слякоть.

Тревожно в городе, тревожно вокруг города, хмуро шагают по улицам граждане, не слышно громких голосов. Все знают — полчища врагов стягиваются к Москве. Люди лихорадочно и упорно работают на оборону. Редкий человек ночует дома — бóльшую часть времени каждый проводит там, где он нужен в данный момент.

Дружной семьей сплотился советский народ. Каждый чувствовал себя частью той великой преграды, о которую должен был сокрушиться враг. Люди трудились не покладая рук.

Севина мама работала на заводе. Мачеха Пети Русакова, Екатерина Алексеевна, ночи напролет просиживала в редакции районной газеты, чтобы город мог рано утром получить свежие новости. Многие женщины шили и вязали теплые вещи для бойцов.

Выйдя из больницы, мать Коли Мазина тоже стала вязать носки и варежки для армии. Коля, скучая, смотрел, как быстро двигаются спицы в худых пальцах матери. Он томился без дела. При объявлении воздушной тревоги первый выскакивал на улицу и, охотясь за зажигательными бомбами, приводил всех в изумление своей ловкостью.

Дружба Коли с Петей Русаковым иногда нарушалась ссорами. Петя во всем старался помочь матери и много времени проводил дома. Мазин скучал без товарища. Однажды, когда Петя появился на пороге его дома, он отвернулся и грубо крикнул:

— Киш! Иди отсюда, сыночек!

Петя, вспыхнув, подскочил к товарищу:

— Ты что, драки хочешь?

Мазин удивился, засучил рукава, но потом раздумал и, скучно улыбаясь, сказал:

— Мне дело нужно, а не драка!

Не один Мазин тосковал о настоящем деле — отсутствие этого дела мучило и его товарищей. Ребята не находили себе места оттого, что они стали вдруг бесполезными в такое время, когда все люди кругом без устали работают. Еще так недавно на Украине они как могли помогали взрослым. Им хотелось бы и сейчас вместе со всеми людьми что-то делать для общей пользы. А день шел за днем, и непривычное безделье становилось все тяжелее.

Саша Булгаков жил у Васька. Оба они часто бывали у Севы. Туда же приходили девочки, Коля Одинцов, Мазин и Русаков. Собравшись все вместе, хмуро глядели друг на друга.

— Зачем мы приехали? — с укором спрашивал Мазин.— Какая от нас польза здесь?

— Я говорил вам: останемся, а вы все Трубачева слушались, вот и сидите теперь! — поддерживал его Петя Русаков.

Васек вспыхивал гневом:

— Я не распоряжался! Там старшие были!

— При чем тут Васек? Нам сказано было уезжать — и все. Как это мы могли остаться? — удивлялся Сева.

— Неблагодарные! Вот уж неблагодарные! — возмущенно кричала Лида.

— «Неблагодарная! — примолвил Дуб ей тут...» — пробовал шутить Петя.

Но Нюра Синицына резко обрывала его:

— Оставь!.. Я удивляюсь вам, ребята! Скоро же вы все забыли! Да еще на Трубачева нападаете, а ему больше всех на Украине досталось. Думаете, легко ему было...

Ребята начинали смущенно оправдываться:

— Васек, ты не подумай чего-нибудь, это мы так!

— С горя! — усмехнулся Мазин и, подойдя к Трубачеву, ласково заглядывал ему в глаза: — Ты не сердись. Нам дело нужно... понимаешь, дело!

Васек не сердился. Он чувствовал себя плохим командиром, распустившим свой отряд. Он сам обвинял себя в том, что его отряд бездействует.

— Остаться мы не могли, понятно? И об этом разговор надо кончить. И о геройстве мечтать нам нечего, а то пока мы думаем да раздумываем, все люди работают, а мы без дела шатаемся. И не учимся даже! — хмуро говорил он товарищам.

— Конечно! Лишний разговор это, ребята,— поддерживал его Коля Одинцов.— И вообще... нехорошо как-то получается... Люди везде работают, никакой работой не гнушаются, лишь бы на пользу. Ремесленники дороги чинят, дома ремонтируют, ребята по дворам бутылки собирают, а мы все ищем чего-то особенного.

— Давайте пока хоть бутылки или железный лом собирать,— это все нужно для фронта. Давайте, правда, ребята? — предложил Саша.

Ребята согласились, но неожиданно для них нашлось другое дело.

Глава 6

ГОСПИТАЛЬ

Моросит мелкий, осенний дождик. У ворот школы останавливается грузовик, доверху наполненный железными койками. Двое рабочих торопливо сбрасывают койки на землю, прыгают в кузов и отъезжают.

— Живо убирайте! Сейчас матрацы привезем! — кричат они двум девушкам-санитаркам, выбегающим со двора.

Койки, выкрашенные зеленой краской, штабелями лежат у забора.

— Сбросили у ворот и уехали! Хоть бы во двор внесли! — сердятся санитарки, хватаясь за липкие спинки кроватей.

С крыльца быстрыми шагами сходит Грозный, затягивая ремешком старое, порыжевшее пальто. Опережая Грозного, прыгает со ступенек Васек Трубачев.

— Ребята, сюда! Койки привезли! Живо! — кричит он на бегу.— Коля! Саша!.. Койки!..

Из глубины двора, где кучей свалены бревна, выбегают ребята. Около ворот закипает работа.

— Поднимай! Поднимай!

— Боком, боком поворачивай! За ножки придерживай!

— Куда нести?

— В зал?

— Иван Васильевич, в зале шестнадцать коек станет — мы высчитали!

— Ребята, по двое берись!.. Куда тащите? — кричат санитарки.

Грозный, кряхтя, суетится вокруг коек, потом бежит к крыльцу.

— Ноги вытирайте! Весь коридор затопчете! Зачем половик положен? — ворчит он на санитарок.

— Ладно, дедушка! Сами затопчем — сами и вымоем. Не видишь — матрацы везут, а мы еще с койками возимся!

— Эх вы, санитары! У меня все ребята ноги вытирали, я их без этого ни одного в класс не пускал,— ворчит Грозный.

— Сашка, бегом, бегом!.. Девочки, в зал идите! — командует Трубачев.

— Васек, матрацы везут!

Ребята тащат койки. Лида и Нюра расставляют их в зале.

— Лида, здесь тумбочки нет. Возьми в классе, там лишняя. Ставь между кроватями!

Сева бегает с тряпкой, вытирает мокрые железные сетки.

У ворот буксует машина. На ней возвышается гора красных полосатых матрацев, покрытых сверху брезентом.

— Толку у вас нет! Куда в дождь матрацы везете? Где их сушить? — ругается Грозный.

— Приказано, отец... Бери, бери! Не ругайся зря! Спешка, ничего не поделаешь... А ну, а ну, ребята! На плечи кладите... Вот это молодцы!

Ребята, согнувшись под матрацами, один за другим бегут по двору. Сильные девушки-санитарки берут по два матраца и медленно шагают к крыльцу.

— Живо, красавицы! Гляди, дождь промочит! — подгоняют их рабочие.

Васек хлопает себя по лбу:

— Эх, не догадались сразу!.. Сашка, за мной! Мазин!

Он бросается в раскрытый сарай, вместе с Сашей вытаскивает приготовленные для раненых носилки:

— Дядя, клади! Больше клади!

— Вот это голова! Вот это стахановец! — шумно одобряют рабочие.— Стой! Хватит с них — тяжело будет.

Санитарки тоже хватают носилки. Машина быстро пустеет и, пятясь задом, отъезжает от ворот.

В зале между койками ходит Грозный, ощупывает матрацы:

— Затопить надо... Беги, Малютин, за спичками — на столе у меня возьми, а я дров принесу.

Сева бежит за спичками. Иван Васильевич тащит дрова, гремит заслонками и, присаживаясь на корточки перед печкой, тихонько ворчит:

— Эх, на охоту ехать — собак кормить! Раньше бы затопить надо!

Лида подкладывает ему сухие щепки.

Васек Трубачев, Мазин, Саша и Одинцов в боевой готовности стоят у ворот.

— Везут! Везут! — громко кричат они, завидев на улице грузовую машину.

Машина подъезжает к воротам.

Ребята носят одеяла, подушки, сложенное столбиком белье. Во дворе появляется строгая высокая сестра в черном пальто, накинутом на халат. Она обходит классы, зал, на ходу бегло здоровается со школьным сторожем, спускается в раздевалку, делает замечания санитаркам.

— Это что ж за птица такая? — неодобрительно оглядывает ее Грозный.

— Это старшая сестра Нина Игнатьевна,— на ходу поясняет ему санитарка.

— Почему здесь ребята? Зачем они здесь? — доносится из коридора голос старшей сестры.

Ребята тихонько шмыгают на крыльцо.

— Пойдемте дрова колоть,— хмуро говорит товарищам Васек,— дров мало.

Старшая сестра смотрит в окно. По стеклу бьются мелкие капли дождя.

Около сарая возятся мальчики. Одинцов и Саша пилят мокрое бревно, Васек колет дрова, Лида и Сева носят в сарай поленья, Нюра собирает щепки, Петя и Мазин тащат бревна.

— Это чьи ребята? — спрашивает Нина Игнатьевна.

— Это школьники, воспитанники этой школы,— вырастая за ее плечом, с достоинством говорит Грозный и, заложив руки назад, важно шествует в свою каморку.

Под вечер в теплой, уютной школе появляются первые раненые. Ребята со страхом и сочувствием смотрят, как из санитарной машины выносят на носилках закутанных в одеяла людей, видят на подушках изжелта-бледные лица, лихорадочно блестящие глаза, слышат стоны... Хромая и опираясь на санитарок, идут по двору молодые, безусые, и пожилые, бородатые, бойцы. Нина Игнатьевна стоит на крыльце,

молоденькая сестричка осторожно ведет раненого красноармейца.

— Ничего, ничего, голубчик, сейчас мы вас уложим, перевязку сделаем,— мягко говорит старшая сестра.

Врачи в белых халатах, накинутых поверх военных гимнастерок, принимают раненых в бывшей учительской. Запах йода и еще каких-то лекарств распространяется по коридорам.

— Ребята, завтра чуть свет опять сюда. Работа найдется! — говорит товарищам Васек.

* * *

Время шло. Васек и его товарищи работали в госпитале.

Старшая сестра уже не спрашивала, чьи это ребята: она знала их всех по именам и, смеясь, называла «скорой помощью».

— Сестричка, пошлите ребят, пускай газетку почитают,— просили раненые.

— Васек, отряди кого-нибудь в пятую палату письмо писать.

— Нюра, посиди около Петрова. Он очень по своей дочке тоскует, поговори с ним,— напоминала Нина Игнатьевна.

Вечерами ребята читали раненым книги из школьной библиотеки. Смешные фигурки в длинных белых халатах вызывали у красноармейцев добродушные улыбки.

— Сюда, сюда, профессор! Посерединке садись, чтобы никому не обидно было...

Ребята возвращались из госпиталя только поздно вечером.

Вместе с ними в госпитале работала и тетя Дуня. В раздевалке, оборудованной под кухню, на громадной плите сияли начищенные до блеска котлы. Ранним утром в котлах уже весело булькала вода, тетя Дуня сыпала в котлы крупу и, вооружившись длинной деревянной ложкой, помешивала кашу.

Санитарки, гремя подносами, уносили из кухни завтрак и в полдень прибегали за обедом. Тетя Дуня, в белом халате, раскрасневшаяся от горячей плиты, пробовала на вкус каждое кушанье и доверху наливала тарелки.

— Ты спроси, вкусно ли. Может, не нравится моя стряпня? — беспокоилась она.

Но «стряпня» нравилась. Нина Игнатьевна хвалила повариху, а раненые почтительно называли тетю Дуню «мамашей» и запросто обращались к ней с просьбой сделать хлебный квас или побаловать их солеными огурчиками. Тетя Дуня ставила квас, посылала судомойку в погреб за огурчиками и, натоптавшись за день, спешила домой, чтобы наутро снова стать у плиты.

* * *

Саша по-прежнему жил у Васька. Вечерами они забирались на широкую кровать Павла Васильевича, говорили о госпитале, о Сашиных родных, о Мите и обо всех, кто остался в партизанском лагере. Потом, уткнувшись в подушку, оба замолкали.

— Васек, о ком ты сейчас думаешь? — приподняв голову, спрашивал Саша.

— О папе,— шепотом отвечал Васек.— А ты?

— О маме.

— Спите, спите! — откликалась из кухни тетя Дуня.— Завтра рано вставать! В котлах у меня вода не налита, дрова сырые... Ох ты, господи!

Но Ваську не спалось. Мысли его подолгу останавливались то на одном, то на другом близком человеке. Давно не было Тани...

Васек виделся с ней только один раз. Забежав на одну минутку, Таня крепко прижала к себе его голову, сбросила с ресниц быстрые слезинки, тихо шепнула на ухо:

— Золотой ты мой, сколько ж я поплакала из-за тебя!..

Васек начал рассказывать ей что-то, но она торопилась, не слушала:

— Потом, потом расскажешь! Некогда сейчас...

С тех пор она больше не появлялась.

— Тетя, а где наша Таня? — тоскливо спрашивал Васек.— Почему она не приходит?

— Мало ли дел-то у ней... Она ведь комсомолка. Может, послали куда,— отвечала тетя Дуня.

Глава 7

ПОДРУГИ

Быстро надвигаются сумерки. В комнате чуть белеет застланная белым одеялом кровать и смутно отсвечивает на стене зеркало.

Девочки зашторивают окна и зажигают свет. Лидина мама на работе, соседи — тоже. Квартира кажется пустой и тихой. Лида и Нюра сидят рядышком в большом папином кресле и перечитывают письмо тети Ани, воспитательницы детского дома, где жила Валя:

«...Спасибо вам, девочки, за хорошее письмо. Много в детском доме дорогих мне детей, но сколько бы ни было детей у матери, никогда один не заменит другого. Тяжело мне без Вали. Как только можно будет, поеду в Макаровку, посмотрю, где она жила, посижу на вашей полянке. Пишите мне чаще. Все, что вспомните о Вале... Говорила ли обо мне моя дорогая девочка, вспоминала ли свою тетю Аню?..»

— Говорила, всегда говорила... Помнишь, Нюра?

Перед девочками встает лесная поляна. Яркое солнце заливает широкий пень. Золотыми тонкими ниточками разлетаются пушистые волосы Вали, на губах ее светлая улыбка.

«...Тетя Аня всегда знала, что кому хочется. И как это она всегда знала?» — удивленно сказала тогда Валя.

Воспоминания обрываются слезами.

Лида крепко обнимает за шею Нюру.

— Валя не хотела бы, чтобы мы столько плакали,— говорит она, сморкаясь в мокрый платок.

— Я никогда не забываю ее, что бы ни делала, что бы ни говорила...— тихо отвечает Нюра.

Лида достает конверт и бумагу. Девочки пишут письмо в детский дом:

«Мы все плачем, тетя Анечка. Нам так тяжело. И вы нам как родная, потому что вы тоже любили Валю. Вы были для нее самой дорогой, она всегда вспоминала вас».

Лида задумывается.

— Почему мальчики никогда не напишут тете Ане? Они как будто совсем забыли Валю,— грустно говорит она.— Я даже обижаюсь на них за это.

— Мальчики — совсем другие люди,— мягко оправдывает товарищей Нюра.— Они хорошие, только скрытные. При них если вспомнишь что-нибудь и заплачешь, то сразу они надуются и замолчат, а нам поговорить хочется. Вот и тетю Ульяну они редко вспоминают, и Марусю, и Павлика. А ведь мы у них жили, как в своей семье. Тетя Ульяна была смелая и добрая, жалела нас. Маруся тоже как родная. А без Павлика как скучно! Помнишь, в лесу мы его закутали в одеяло и все по очереди на руки брали, чтобы он спал?.. Ну, да что вспоминать! Пиши, Лида!

Девочки снова принимаются за письмо:

«Милая тетя Анечка, мы так хорошо жили раньше, а война все у нас отняла. А нашу Валю... Мы так мечтали вместе о школе...»

Быстрая слезинка сбегает по Лидиной щеке и капает на листок. Лида поспешно стирает кончиком платка мокрое пятнышко.

— Не пиши тут, а то чернила расползутся,— серьезно предупреждает ее Нюра.— И вообще не надо больше про Валю. Давай про других детей что-нибудь напишем.

Девочки долго сидят над письмом.

— Нехорошо все-таки, что мальчики ей ни разу не написали. Все у них какие-то другие дела находятся...— говорит Лида.— Как ты думаешь, плачут они, когда вспоминают все, что было на Украине?

— Плачут, наверно, только так, чтобы никто не видел,— вздыхает Нюра.— Они ведь тоже всех любили, только они мужчины...

— Да, мужчины! — живо подхватывает Лида.— А помнишь, как они пришли на поляну в первый раз к нам? Черные, худые... И такие испуганные стояли, даже ничего не говорили сначала. Как маленькие... Мне их потом так жалко стало!

Нюра обхватила руками коленки и грустно задумалась. Потом лицо ее посветлело.

— А помнишь, как мы прощались с тетей Ульяной? И с Павликом? Павлик меня за шею так крепко-крепко обнял — испугался, что мы уходим...— Голос у Нюры задрожал.

— А Маруся не плакала,— вспомнила Лида.— Она крепкая... Она только сказала: «Побьем Гитлера — назад приходите, будем одной семьей жить».

— Вот если б кто-нибудь подарки наши им передал!

Нюра вытащила из-под кровати заветный ящичек. Там были сложены все сокровища девочек, приготовленные для посылки в Макаровку: теплая шапка с ушами и блестящий новенький паровозик для Павлика; лента и общая тетрадь для Маруси; леденцы и книжки с картинками для других ребят; теплый платок Лидиной мамы для Миронихи. В ящике было еще много места.

— Вот мне твоя мама разные тряпочки дала — может, носовых платочков Павлику нашить? Только ведь он их потеряет. Прямо не знаю, что с ним делать, такой рассеянный мальчик! — озабоченно сказала Нюра.

— Надо ему сумочку сшить через плечо. Вот из этого! — Лида вытащила из кучи тряпок кусок зеленого сукна.

Девочки разворошили по всей кровати разноцветные тряпочки.

— Это можно Марусе на воротничок, а это — Фене... Смотри, хорошо?

Примеряли, советовались, решали.

— Все пригодится. У них там сейчас ничего нет. Помнишь, как мы Павлику тюбетейку шили?..

Снова начались воспоминания.

Глава 8

ДОРОГИЕ ВЕСТИ

Саша получил письмо от матери. Когда из конверта выпала карточка и Саша увидел свою мать с Витюшкой на руках и всех своих мал мала меньше, слезы градом брызнули из его глаз.

Ребята испугались:

— Что там, Саша? Что случилось?

— Ничего... ничего не случилось... Вот они... все тут... с мамой...— всхлипывал Саша и, стесняясь своих слез, оправдывался: — Вы не думайте, что я кислый какой-нибудь или шляпа... я просто от радости...

— Ну что ты, Саша! Мы не думаем, мы знаем,— заверили его товарищи.— Это ведь твои родные.

— Ясно. Плачь себе сколько хочешь, кто тебе мешает,— добродушно разрешил Мазин и тут же, взглянув на карточку, серьезно добавил: — Я бы сам заплакал, если б у меня их столько было.

Сашина мама писала, что они надеются скоро вернуться домой, благодарила тетю Дуню и Васька за гостеприимство, оказанное ее сыну.

Тетя Дуня была тронута и велела Саше написать родителям, что она его за чужого не считает и во всем ставит наравне с Васьком.

Карточка переходила из рук в руки, товарищи подробно разбирали, кто на кого похож, какого характера и как трудно их воспитывать.

— А что трудного? Девчонок всегда уговорить можно, а мальчишкам и шлепка иногда надо дать!

— Я буду, буду!.. Только не больно, а так себе,— радостно соглашался Саша.

После письма матери Булгакова на школу со случайной оказией пришло письмо от Мити. Ребята разволновались, по очереди держали его в руках, вглядываясь в Митин почерк, и глубоко вздыхали.

— Подумать только, откуда это письмо! Из самого лагеря, из лесу! Мне кажется, оно даже пахнет хвоей! — прикладывая письмо к щеке, сказала Лида.

— Не хвоей, а самым обыкновенным порохом,— потянув носом, заявил Мазин.

— Конечно! Вот так Митя сидел, а так на столе винтовка лежала. А может, и порох... Очень даже просто! — подхватил Петя.

— Замолчите вы! Давайте скорей читать...— торопил Васек.— Одинцов, читай!

Письмо читали в госпитальном сарае, примостившись на бревнах.

«Здравствуйте, дорогие мои ребята! — писал Митя.— Часто хочется мне поговорить с вами, пишу длинные письма, долго ношу их в кармане, жду случайной оказии, чтобы отправить. Что поделаешь, письмо не птица. Но сегодня уж случай верный, письмо это вы получите. Так и вижу ваши вихрастые головы, склоненные над моими листочками... В горле першит даже... Иногда так потянет к родному огоньку, домой... Стыдно мне, взрослому дяденьке, а скажу вам по секрету, что многое дал бы я, чтобы хоть на одну минуточку забежать в свой домишко к матери. Небось морщинок-то новых сколько у нее прибавилось из-за меня! Ну ладно! Передайте ей — шибко бью я фашистов.

Недавно посланы мы были в село Макаровку с заданием. Кой-кого из своих нужно было выручить. Вот идем. Ночь, тишина... Под ногами скользкая земля. Дорогу плохо знаем. Я один раз только с Яковом за вами приходил, и то тоже ночью. Ну, как-никак, задание выполнили, выручили товарищей, только «втихую» не удалось — пришлось в ход гранаты пустить. Одним словом, потревожили логово, поднялся шум. Уходить надо... А куда? Вышли за село, сбежали в овраг — вдруг смотрю: за дубами что-то светлеет в темноте. Огляделся — а это под березкой большой букет белых бессмертников лежит. Сразу узнал место — Валина полянка. Лес рядом — значит, дорога найдена. И на душе, ребята, так стало светло, словно еще разок довелось мне встретиться с вашей подружкой.

Ну, обо мне довольно, хочется поговорить о вас. Учитесь ли вы, помогаете ли взрослым? Генка учится. Он не хочет пропустить год. И теперь, когда выдается свободный вечерок, сидит в землянке за книгой и, стиснув зубы, старательно выписывает слова под диктовку тети Оксаны или занимается с Коноплянко.

Вам тоже надо обязательно учиться. Если в этом году в школе нет занятий, беритесь за книги сами. Разбалтывается человек без учебы, трудно будет потом себя в руки взять. Конечно, сейчас в тылу жизнь тоже тяжелая... Как вы живете, я плохо пред-

ставляю, а учеба — это ваше главное дело. Учеба и труд. Плечи у вас крепкие, головы умные, совесть пионерская. Нельзя вам сидеть сложа руки. Вы не обижайтесь — я в вас, как в самом себе, уверен. На всякий случай пишу.

А вот если вам нужна помощь взрослых, ступайте в райком комсомола, посоветуйтесь. Помните всегда, что комсомольцы — ваши старшие братья, с ними нужно говорить попросту и с полной откровенностью. Не теряйте времени. Деритесь, ребята, за учебу, не бойтесь никакого труда, чтобы в это тяжелое время не было на вашей совести ни единого пятнышка.

Ну, а теперь давайте мне свои загорелые лапы. Когда-то еще доведется послать весточку! Обнимемся на всякий случай!

Ваш Митя».

Одинцов достал платок и громко высморкался.

— Все,— тихо сказал он, опуская на колени письмо.

— Митя пишет, что он плохо знает сейчас нашу жизнь, а совсем наоборот,— неясно сказала Лида.

Нюра, отойдя в сторонку с письмом, тихо перечитывала какие-то строчки. Васек о чем-то думал, хмуря лоб и покусывая большой палец.

— Генка в партизанской землянке за книгой сидит, а мы что? — неожиданно громко сказал Одинцов.

— А мы работаем...— неуверенно ответил Петя.

— «Работаем»! Можно и учиться и работать! — буркнул Мазин, искоса взглянув на Васька.— Разболтаемся без учебы, тогда кто виноват будет?

— Надо вообще подумать. У нас год пропадает... Все ребята, которые уехали, учатся, а мы что же, второгодниками будем? — с грустью спросил Сева.

Ребята вскочили:

— Еще чего не хватало!

Васек быстро поднял голову:

— Второгодниками? Ни за что! Надо сейчас же браться за учебу!

— Чудак! В нашем городке всего-то две школы — наша да начальная. И вообще школы закрыты. Многие учителя в опол-

чение ушли, а другие с ребятами на Урал уехали. Когда еще школа откроется! — сказала Нюра.

Васек вскочил на бревно:

— Сами будем заниматься! Любыми способами! Говорите прямо, кто как решил, чтобы потом не отступать. Будем драться за учебу или останемся на второй год?

— Будем драться!

— Ну, смотрите! Чтобы потом не говорили... Мы еще не знаем, что в пятом классе проходят, может, очень трудно будет. Тогда, чур, не жаловаться!.. Одинцов, ты как?

— Я второгодником не буду!

— Ладно. Нюра Синицына?

— Я не буду! — испуганно замотала головой Нюра.

— Что не будешь?

— Второгодницей не буду!

— Хорошо. Петя Русаков, Саша, Малютин, Лида?

— Мы второгодниками не будем!

— Мазин?

— Я из кожи вылезу, а перейду в шестой класс!

— Мазин без кожи влезет в шестой класс! — хмыкнул Петя. Но Васек сердито блеснул на него глазами:

— Значит, решили?

— Решили!

— Как на фронте: драться до победы,— улыбнулся Коля Одинцов.— Только с чего начнем?

— Пойдемте сейчас в райком комсомола,— расхрабрился Васек.

— Куда, куда?.. Ты с ума сошел! У них там своего дела много! Да зачем мы пойдем?

— Как — зачем? Посоветоваться!

— Подожди! Нельзя так, сразу — надо сговориться,— забеспокоился Одинцов.

— Конечно, куда это мы так с бухты-барахты?

— Какие еще бухты-барахты? Нам учиться нужно!

— Мало ли что нам нужно! Сейчас война, все заняты, а мы придем как дурачки: здравствуйте, открывайте для нас школу! — Петя скорчил гримасу.

Товарищи засмеялись. Васек махнул рукой:

— У нас всегда так: ни одно дело решить нельзя — вечно какие-то дурацкие шутки начинаются...

— Да ведь ты сам засмеялся! — напали на него ребята.

— А я что, не такой же человек?

Ребята снова рассмеялись.

— Нет, правда, идемте лучше по домам и все обдумаем, а то мы сейчас такие расстроенные,— примирительно сказал Петя, с трудом сдерживая смех.

— Верно, пойдемте.

Ребята вышли из ворот госпиталя. На улице снова перечитали письмо Мити.

Подходя к дому, Васек остановил товарищей и серьезно сказал:

— Я сегодня подумаю, где и как нам учиться, а вы не разбалтывайтесь больше. Хватит!

Вечером он долго ходил по комнате. Что делать, с кем заниматься? Улегшись в постель, достал из-под подушки заветные письма отца. Павел Васильевич уже знал, что его Рыжик нашелся. Письма были полны радостных надежд на будущее.

«...Когда мы победим, Рыжик, счастливей нас никого на свете не будет. Вот только учебу, сынок, не забывай...»

На другой день Васек собрал ребят:

— Вот что: попросим Екатерину Алексеевну с нами заниматься. Утром будем учиться, после обеда работать в госпитале, а вечером делать уроки.

— А кому же собирать лом и бутылки? — усмехнулся Мазин.

Ребята задумались.

— Вот сразу сколько дела набралось! Даже времени на все не хватает,— с удовольствием сказал Одинцов.— А мы не знали, за что браться!

* * *

Заниматься с ребятами Екатерина Алексеевна согласилась охотно, но, узнав, что они хотят пройти всю программу за пятый класс, решительно запротестовала:

— Что вы, ребята! Ведь в пятом классе много предметов. Не стоит и браться за такое трудное дело. Давайте лучше повторим пройденное, попишем диктанты, изложения, порешаем задачки.

Ребята молчали.

— Мы не хотим потерять год, мама,— пояснил Петя.

— Надо достать программу пятого класса,— сказал Васек, обращаясь к товарищам.

Екатерина Алексеевна пожала плечами:

— Ну что ж, достаньте программу, посмотрим вместе.

Глава 9

НАЧАЛО ПОЛОЖЕНО

Ребята сбегали в школу, с помощью Грозного разыскали программу пятого класса, учебники. Притащили к Екатерине Алексеевне классную доску и целый пакет мела.

Екатерина Алексеевна разложила на столе учебники, наклонилась над программой.

— «География»... «Ботаника»... «История древнего мира»... «Русский язык и литературное чтение»... «Арифметика»,— медленно читала она, слыша за своей спиной дружное посапывание.— Арифметика! — Она подняла голову.— Ну, вы сами видите, сколько предметов!

Лица у ребят вытянулись, посерели.

— Ничего такого особенного...— начал Петя.

— Мы будем стараться изо всех сил! — умоляюще складывая руки, прошептала Лида.

Мазин ткнулся носом в учебники, задумчиво взвесил их на ладони. Ребята расхохотались.

— Ну вот! — с облегчением сказала Екатерина Алексеевна.— Убедились?

— Нет,— быстро ответил Васек,— мы ничуть не убедились. Мы будем драться за учебу.

— У нас ведь еще много времени, правда, ребята? — сказала Лида.

— Конечно! Неужели не пройдем? Мы все пройдем! — зашумели вокруг ребята.

— Мамочка, ты только согласись с нами заниматься! — попросил Петя.

Екатерина Алексеевна досадливо сдвинула брови:

— Да поймите вы наконец, что одному человеку невозможно с этим справиться! Ну, предположим, я пройду с вами курс пятого класса по русскому языку... я сама очень люблю этот предмет... Ну, скажем, я еще могу взять на себя историю, но ведь я же не специалист. Ведь есть и другие предметы. Арифметика, например, мне очень трудна. И что за упрямство такое, не понимаю! Как только откроются школы, вы спокойно пройдете все это в пятом классе... Я, конечно, понимаю, что вам очень жаль терять год, но что же делать! — Она поглядела на притихших ребят и покачала головой.— Бросьте об этом думать! Давайте пока повторять пройденное. Только приходите каждый день аккуратно к десяти часам утра.

— Придем! Мы еще раньше будем приходить,— пообещали обрадованные ребята.

Выйдя на улицу, Васек весело потер руки:

— Ну, начало положено! Остальное обдумаем потом. Завтра собирайте книжечки, тетрадочки, карандашики — начнем учиться! — Он похлопал по плечу сияющего Петьку: — Молодец твоя мама! Хорошая женщина!

— Очень хорошая! — дружно подтвердили ребята.

Глава 10

ДОМ ПЕТИ РУСАКОВА

После приезда с Украины Петя Русаков особенно ясно ощутил себя в своем собственном родительском доме. Он хорошо помнил, как еще в прошлом году осторожно подходил к дому, как из темного палисадника недружелюбно смотрели на него четыре окна их квартиры. Вспомнил хмурого отца, вспомнил холодный обед, который он наскоро съедал один в пустой комнате. Вспомнил вечный страх одиночества и единственную радость, которую ему давала дружба Мазина. Вспомнил, как перед зимними каникулами товарищи приглашали друг друга в гости, а он никогда никого не мог пригласить к себе, потому что у него не

было дома. Дом принадлежал отцу, а у него, у Пети, были там только неуютная койка за ширмами и закапанный чернилами стол, за которым он учил уроки, тревожно прислушиваясь к тяжелым шагам отца.

Петя очень любил Мазина, он был благодарен ему за дружбу, никто не мог бы Пете заменить Мазина, но сейчас Петя Русаков уже не был одинок. С приходом новой матери в его жизни совершилось радостное чудо: у него появился настоящий родительский дом, где каждый уголок напоминал ему теперь, что он, Петя, здесь хозяин. Дом, в который он мог приглашать своих товарищей, и не только приглашать в гости — нет, в этот самый трудный момент их жизни Петин дом становился для ребят как бы школой, а его, Петина, мама — их учительницей. Ведь это впервые он мог что-то сделать для своих товарищей. Впервые! Пете казалось, что он как-то вырос, распрямился, стал человеком...

Петя долго не мог заснуть в эту ночь. Он думал о том, что вот сейчас его мама работает где-то в редакции, что она придет домой только ранним утром. И все-таки она согласилась каждый день заниматься с ними. Перед Петей вставало милое, утомленное лицо матери. В этом лице ему была дорога каждая черточка. Темные брови, чуть-чуть запавшие щеки, темные круги под глазами... Мать! Мама!..

Как она встретила его, когда, запыхавшись, он вбежал в эту комнату и, уткнувшись ей в колени, бессвязно бормотал: «Ты жива, жива, мама...» Она только молча обнимала его так крепко, будто кто-то хотел его отнять, и руки у нее дрожали, когда она вытирала его слезы, не замечая, что у нее у самой все лицо мокрое. И, плача, беспомощно повторяла: «Не плачь, не плачь же...»

Петя не спал...

Она сделала для него все, что могла бы сделать родная мать. Она захотела помочь его товарищам, она сделала его равноправным и независимым, и то уважение и благодарность, которые чувствовали к ней его товарищи — к ней, к его матери,— наполняли Петю гордостью и счастьем.

Он хотел бы сказать ей все это, но боялся, что не сумеет.

...Утром, когда мать пришла с работы, Петя бросился к ней навстречу, помог ей снять пальто и, заглянув в ее усталые глаза, с волнением сказал:

— Спасибо тебе за все, мама... за меня... за моих товарищей...

Она обняла его, прижалась прохладной щекой к его щеке.

— Спасибо и тебе, Петя. Когда я пришла, ты был маленьким мальчиком, а теперь ты — большой сын...— И, как бы удивляясь чему-то, радостно засмеялась и повторила: — Мой сын!..

А потом они вместе захлопотали, устраивая комнату для занятий. Поставили большой стол, пристроили доску. Петя принес из сарая скамейку. Свои кровати и швейную машину вытащили в маленькую комнату.

Чай пили наспех. И смеялись, откусывая от одного куска сахар.

— Вот удивятся ребята! Настоящая классная комната у нас стала!

Ребята действительно удивились и обрадовались. Они осторожно клали на стол свои учебники, смущенно улыбались, оглядывая комнату.

И Пете показалось — даже здоровались они как-то по-особенному:

— Здравствуйте, Екатерина Алексеевна! Здравствуй, Петя!..

А Мазин долго не садился на свое место, глядел на Екатерину Алексеевну ласковыми карими глазами. И лицо у него было такое размягченное и умильное, что Одинцов не выдержал и сострил:

— Мазин, ты совсем как жаворонок из теста!

Занятия начались с повторения курса четвертого класса. Ребята громко радовались каждому удачному ответу, быстро вспоминали пройденное и все, что хранила их крепкая память, принимали как драгоценную находку. Они чувствовали себя как на большом празднике и, с радостью ощущая в руке кусок мела, писали слова и цифры на знакомой школьной доске.

Пройденное знали хорошо.

— На повторение положим две недели,— сказала Екатери-

на Алексеевна.— А потом будем потихоньку двигаться вперед, просто чтобы вам было легче учиться в пятом классе и чтобы вы не отвыкли заниматься. Главные предметы, конечно, арифметика и русский язык.

— Ты хотела еще по истории с нами позаниматься,— осторожно напомнил Петя.

— Не хитри, пожалуйста,— улыбнулась Екатерина Алексеевна.— Если даже я возьму на себя арифметику, русский и историю, то останутся еще другие предметы. Кто сейчас может вам помочь?

Васек нащупал в кармане Митино письмо и решил завтра же идти в райком комсомола.

Глава 11

ЗА СОВЕТОМ И ПОМОЩЬЮ

Ночью шел мелкий сухой снег. Задубевшая от заморозков земля по выбоинкам покрылась серой крупкой. Ледяной ветер выметал эту крупку вместе с пылью и сердито бросал в лица прохожим.

Ребята провожали Трубачева и Мазина до самого здания, где на доске из темного стекла было написано золотыми буквами: «Райком ВЛКСМ»

На выборных было возложено важное, ответственное поручение. В разговоре с комсомольцами Васек должен был кратко и быстро изложить суть дела. Мазину поручалось выступать только в затруднительных случаях.

Проводив товарищей, ребята удалились.

Васек и Коля Мазин открыли дверь и вошли в большой, светлый коридор. По обеим сторонам его, около стен, стояли стулья и деревянные диваны. В коридор выходили двери многих комнат. На каждой была прибита дощечка с номером.

По коридору мимо мальчиков проходили какие-то люди, молодые военные, девушки в шинелях; они шли быстрой, деловой походкой, разговаривали вполголоса. Стоя у окна, двое рабочих о чем-то горячо спорили. В конце коридора за маленьким столиком сидела стриженая девушка и что-то записывала в большой

журнал. Около нее тоже стояла группа молодежи. Двери комнат поминутно открывались и закрывались; из них выходили люди и, оглядевшись, разыскивали по номерам следующие комнаты, куда им тоже нужно было зачем-то зайти.

На стенах висели яркие плакаты и лозунги. Проходя мимо одного плаката, Мазин вдруг остановился как вкопанный и тихонько толкнул Трубачева.

С плаката, словно живой, глядел красноармеец и, указывая пальцем прямо на мальчиков, строго спрашивал: «А ты чем помог фронту?» Его прямой вопрос и деловая обстановка, царившая вокруг, смутили ребят.

Мазин указал глазами на диван:

— Сядем. Оглядимся сначала.

Товарищи сели. Васек сдержанно вздохнул и шепотом сказал:

— Здесь все так заняты...

Мазин наклонил к нему голову:

— Учеба тоже не маленькое дело.

Мальчики еще раз окинули взглядом прибитые над дверями комнат номера:

— Куда же нам идти?

Со двора в боковые двери вошла небольшая группа ребят в расстегнутых пальто, в красных галстуках. Они шли, тихо ступая по крашеному полу, держа в руках шапки.

Глаза Мазина остро блеснули.

— А эти куда?

Васек потянул его за руку:

— Идем и мы за ними.

Группа ребят направилась к пятой комнате. Девушка в гимнастерке преградила им путь:

— Вам кого, ребята?

— Нам товарища Мишу,— сказал передний, приглаживая рукой волосы и поддергивая пояс с блестящей пряжкой.

— Нам к товарищу Мише надо,— повторил другой мальчишка, в полосатой тельняшке, с перевязанной серым бинтом ладонью.— Мы по вызову.

— Бутылки? Лом? — улыбаясь, спросила девушка и слегка посторонилась.

Ребята прошли в комнату.

Мазин вместе с Трубачевым последовали за незнакомыми ребятами.

За столом сидел комсомолец. Васек увидел светлую копну волос, темные очки на носу и легкий пушок над верхней губой.

Идущий впереди мальчуган выпрямился и бойко отрапортовал:

— Штаб пионерского отряда с улицы Фрунзе прибыл в ваше распоряжение!

Трубачев и Мазин с интересом взглянули на ребят

«Ого, штаб!» — подумал каждый из них.

— Прибыли? — спросил товарищ Миша.— Очень хорошо! Я хочу вам дать одно поручение.

Он перелистал бумаги, лежавшие на столе, вырвал из блокнота листок и что-то на нем написал. Потом поднял глаза на мальчиков:

— На вашей улице проживает семья красноармейца Большакова. Сын на фронте, одни старики остались. В последнюю бомбежку дом их очень пострадал. Надо будет помочь им перебраться на другую квартиру. Возьмите толковых ребят, не устраивайте из этой перевозки никакого события, не поднимайте шума, делайте все спокойно, аккуратно, не торопясь. Вот адрес.

Мальчик с блестящей пряжкой деловито взял бумажку и коротко спросил:

— Больше ничего?

— Ну как — ничего? Посмотрите, что там надо. Может быть, дров заготовить, воды принести. Вообще у вас там есть уже несколько семей, которым вы помогаете, возьмите и эту под опеку. Забегайте туда почаще!

— Товарищ Миша! — вдруг выдвинулся вперед черноглазый мальчишка в полосатой тельняшке и с перевязанной ладонью.— Мы на нашей улице нашли старую палатку, под названием «Воды». Там два ящика с пустыми бутылками обнаружили. Что, можно их сдать? Или не трогать?

Миша нахмурился:

— Если палатка пустая, никто в ней не торгует — сдайте, конечно.

— Есть! — весело откликнулись мальчики и, круто повернувшись, пошли к двери.

Мазин и Трубачев хотели уже обратиться к товарищу Мише, как вдруг из соседней комнаты открылась дверь и два комсомольца, о чем-то споря, подошли к столу.

— Вот, Михаил: заварил Гончаренко кашу и не хочет расхлебывать! — хлопнув по плечу комсомольца в рабочей спецовке, сказал голубоглазый паренек, присаживаясь на край стола.— Я его вызвал сюда к нам побеседовать.

Миша покачал головой, полез в стол, вытащил оттуда листок бумаги и поглядел на товарища в рабочей спецовке:

— Неладно у тебя получилось, товарищ Гончаренко! Что же это ты так рубишь сплеча? Комсомолец, а подхода к людям не имеешь. Кузьмичев — старый мастер, работает с высокими показателями, мы его очень ценим, а ты взял да продернул старика в стенгазете. Неладно...

— Что — неладно? — Гончаренко придвинул стул. Над черными глазами его топорщились, словно присыпанные пылью, брови, широкий нос с подвижными ноздрями и насмешливое выражение рта делали его лицо живым и сердитым.— Что — неладно? — повторил он с досадой.— У нас ни одно собрание не обходится без длинных речей. Нам время дорого! Рабочие каждую минуту учитывают, а Кузьмичев закроет глаза и поет, как соловей!

— Ну, если говорит человек по делу...— начал Миша.

— Не по делу! Вот именно не по делу! Стоит и мямлит одно и то же. Вот он, мол, старый мастер, привык работать так-то и так-то, а вам, молодым, надо еще поучиться. Начнет всякие примеры приводить — и отнимет целый час. А потом обязательно скажет: «Вот, товарищи, надо учитывать каждую секунду!» А у нас есть ребята, которые по неделе дома не бывают. Петров так и заявил своей матери: «Пока война — мой дом на заводе!» Кузьмичев работает хорошо, но он болтун!

Васек быстро взглянул на Мазина и тихо шепнул:

— Смотри не болтай много!

— Ну, ты бы поговорил с ним где-нибудь наедине, что ли,— продолжал Миша,— а то взял и продернул в газете, а он ко мне с жалобой. Нехорошо все-таки получается. И когда это ты поэтом заделался? — усмехнулся он и, развернув листок, медленно прочел что-то про себя, потом сказал: — Во-первых, ты его здесь краснобаем обругал и вообще...

...Час сглотнет
и два проглотит,
Но поставит всем на вид,
Что в цеху одной минутой
Он, как часом, дорожит...

Все трое вдруг дружно расхохотались. Миша снял темные очки, взлохматил свою шевелюру.

— Честное слово, неплохо! — вдруг искренне сказал он и по-дружески обратился к Гончаренко: — Но ты все-таки с Кузьмичевым уладь. Старик дни и ночи работает, не считаясь со своими силами. Ну, любит поговорить, словоохотлив... Надо было попросту побеседовать с ним, указать. А ты — с такой насмешкой!

— Он больше всего за стихи обиделся. Зачем, говорит, рифмой, можно было попроще! — сказал комсомолец, который сидел на столе.

Миша улыбнулся.

— Ну что ж,— вздохнул Гончаренко,— постараюсь уладить.— Он взглянул на часы и заторопился: — Ого, уже поздно! Просижу тут, тогда придется самого себя продергивать. До свиданья!

Гончаренко вышел. Миша обернулся к мальчикам.

— А вы что тут? — удивленно спросил он, заметив скромно стоящих у дверей Мазина и Трубачева.

— Мы по собственному делу,— волнуясь, сказал Васек.

Комсомолец, сидевший на столе, тоже обернулся и внимательно посмотрел на мальчика чуть выпуклыми голубыми глазами.

— Ну, выкладывайте, какое у вас дело?

Мальчики подошли к столу.

— Нам посоветоваться нужно,— серьезно сказал Васек.— Мы хотим учиться. В нашей школе госпиталь. Ребята все разъехались кто куда. Многие в Свердловске учатся...

— Мы не хотим терять год,— торопливо перебил Мазин.

— Подождите, ребята,— остановил их Миша.— А почему же вы не эвакуировались? Мы ведь школьников вывозили в Свердловск. Вы бы теперь там учились.— Он обернулся к другому комсомольцу: — Вот, понимаешь, Костя, не уехали вовремя... А что вы вообще сейчас делаете? — обратился он к мальчикам.

Васек вспомнил красноармейца с плаката, строго указывающего на них пальцем.

— Мы работаем в госпитале. Нас восемь человек. Весь отряд.

— Это что, все пионеры из вашего класса? Ну и работайте пока. Молодцы! А откроется школа — будете учиться. Чем мы можем вам помочь сейчас?

— Митя сказал, чтобы мы шли в райком комсомола,— упрямо заявил Мазин.

— А кто это Митя? — поднимая брови, спросил Костя.

— Это наш вожатый.

Васек вытащил из кармана письмо. Оба комсомольца прочитали его внимательно, изредка переглядываясь.

— Подожди-ка! — вдруг сказал Миша, опуская на стол письмо.— Ведь это пишет Митя Бурцев.— Он быстро взглянул на ребят: — Так это вас мы тут разыскивали по всем дорогам в первые дни войны?

— Нас, наверно,— сказал Васек.

Комсомольцы с большим интересом стали обо всем расспрашивать. Васек кратко рассказал о своем отряде и закончил тем, что ребята во что бы то ни стало решили не терять года.

— У нас есть учительница по русскому и по арифметике.

— И по истории,— поспешно добавил Мазин.— Нам надо только по географии и по ботанике.

— Ага! Так у них уже по главным предметам есть с кем заниматься,— улыбнулся Миша и вдруг тронул товарища за

плечо: — Послушай, Костя. Ведь ты у нас в школе был первым по географии, мы тебя даже географом называли. Помоги-ка ребятам, а?

Мальчики с надеждой взглянули на Костю. Тот прищурил глаза, потер лоб:

— Времени у меня очень мало.

Лица ребят вытянулись. Миша похлопал Костю по плечу:

— Ну, часок в день выкроишь как-нибудь... А вы вот что,— обратился он к ребятам, — ступайте пока домой, а мы тут подумаем. Завтра зайдите.

Мальчики хотели еще что-то сказать, но в это время дверь широко открылась, и в комнату вошли несколько молодых красноармейцев.

Костя соскочил со стола и бросился к ним:

— Ну? Уже готовы?

Миша поднялся, снял очки. Лицо у него стало вдруг очень молодым и взволнованным. Он протянул руки вошедшим:

— Обнимемся, товарищи!

Васек и Мазин поспешно выскользнули за дверь.

— На фронт своих провожают...— прошептал Васек.

Глава 12

УЧЕБА

На другой день Трубачев и Мазин снова побывали в райкоме комсомола. Миша и Костя были очень заняты, мальчикам пришлось долго ждать. Но вечером они прибежали к ребятам с радостной вестью:

— По географии у нас уже есть учитель — Костя согласился!

— А как же по ботанике? — спросила Лида.— Ой, у нас же без ботаники все равно ничего не выйдет! Что ж вы не поговорили как следует?

Мазин рассердился:

— Шли бы сами тогда! Думаете, учителя сидят и только вас дожидаются?

— Костя обещал со своим старым учителем поговорить. Может быть, он согласится,— успокоил ребят Васек.

— А все-таки правильно Митя нам посоветовал в райком сходить,— сказал Одинцов.

Екатерина Алексеевна тоже одобрила поход мальчиков.

— Ну хорошо, ребята, заниматься так заниматься! — с неожиданным воодушевлением сказала она.— Неужели не одолеем арифметики! — Она на секунду задумалась, потом решительно махнула рукой: — Довольно разговаривать! Если так, то нельзя терять времени. Садитесь на свои места, посмотрим, что нам осталось повторить из пройденного.

* * *

У ребят началась новая жизнь — все их мысли занимала теперь учеба.

После уроков с Екатериной Алексеевной, надевая на ходу пальто, бежали к Косте. Костя жил в маленькой, тесной комнатке, где стояли только кровать, большой стол и несколько табуреток. Костя-географ, как звали его между собой ребята, почти не бывал дома. Он постоянно куда-то торопился, но, по его собственному выражению, любил делать дело «быстро, крепко, толково и прочно».

Не застав его дома, ребята часто ждали на крыльце.

Небольшого роста, в лыжной куртке, он входил во двор быстрыми шагами и, увидев поджидающих ребят, загребал их одной рукой, весело пропуская вперед:

— Ну, пошли-поехали!

На первый урок он принес с собой глобус, поставил его на стол, потер руки и сказал:

— Вот, ребята, мы с вами будем заниматься очень интересным предметом — географией. Что такое география? Гео — по-гречески земля, графия — описание. Описание земли.— Он поднял вверх учебник: — Эта книга полна необычайных и совершенно необходимых человеку сведений. Чтобы добыть для нас эти сведения, трудился не один человек — трудились ученые, великие путешественники...— Костя перелистал несколько стра-

ниц.— «Но вы, наверно, даже и не представляете, сколько потребовалось труда, времени, сил и даже человеческих жизней, чтобы узнать о земле все то, что в этой книжке написано. Сколько походов и путешествий потребовалось, чтобы изучить всю землю. Сколько экспедиций погибло во льдах, в жарких пустынях, в горах, в непроходимых лесных дебрях».— Костя закрыл книгу.— Я прочитал вам только несколько строк. Обо всем я еще буду подробно рассказывать, а пока я говорю вам это для того, чтобы вы приступили к изучению географии с глубоким уважением и благодарностью к тем, кто во имя науки пожертвовал своей жизнью.

Незнакомые страницы учебника вдруг ожили, потеплели и потянули к себе.

— Теперь начнем урок,— удовлетворенно сказал Костя и, заложив руки за спину, прошелся по комнате.

Костя рассказывал живо, интересно. Слушая его, ребята с уважением думали: он сам станет когда-нибудь великим путешественником...

Занятия с Костей шли ежедневно в обеденный перерыв, от двенадцати до часу. Екатерина Алексеевна занималась по утрам, от десяти до двенадцати. После ночной работы в газете она приходила домой в семь утра, и до прихода ребят Петя ревниво оберегал ее сон. Он научился сам готовить завтрак и, если товарищи приходили раньше, тихо шептался с ними, чтобы не разбудить мать.

Екатерина Алексеевна никогда не жаловалась на усталость. Услышав голоса ребят, она поспешно вскакивала и, весело здороваясь, упрекала Петю:

— Что же ты не разбудил меня раньше!

Петя теперь часто видел свою мать за письменным столом, склонившейся над учебниками. А она сама, восстанавливая в памяти школьные знания, видела себя взволнованной девочкой в темном форменном платьице... И, глядя на знакомые страницы «Истории древнего мира», перелистывая хрестоматию «Родная литература» и просиживая над учебником Киселева по арифметике, она удивленно морщила брови и тихо говорила про себя: «Учеба возвращает молодость».

* * *

Вопрос об учителе ботаники по-прежнему беспокоил ребят, но они уже не решались больше ходить в райком комсомола и отнимать время у Миши.

Костя, казалось, совсем забыл об их просьбе. Но однажды вместе с ним на урок пришел высокий седой старик и, поздоровавшись с ребятами, сказал:

— Ну, вы, кажется, очень ждали меня?

— Вот, ребята,— пояснил Костя,— я попросил Анатолия Александровича до весны позаниматься с вами ботаникой. Смотрите не ударьте лицом в грязь. Тем более, что Анатолий Александрович — старый учитель вашей школы. Вы должны его помнить: он преподавал ботанику в шестых классах.

Ребята не помнили, но радостно улыбались.

Новый учитель, Анатолий Александрович, пригласил ребят к себе. Он встретил их приветливо и начал свой урок с рассказа о том, как подростком впервые попал в сад великого преобразователя природы Мичурина:

— Помню, в ту пору меня больше всего занимали крупные румяные яблоки в его саду. Желание попробовать такое яблоко долго не давало мне покоя, и однажды утром, расхрабрившись, я перелез через забор. И тут я увидел на дорожке сада человека, который нес два полных ведра воды. Думая, что он сейчас уйдет, я, притаившись под деревом, ждал. Но человек этот не ушел из сада. Он вылил воду под одно из деревьев, быстро прошел мимо меня и через минуту вернулся опять с полными ведрами. Так ходил он много раз. Я не решался выйти из своего убежища и поневоле наблюдал, как постепенно сгибались его плечи от тяжести, как на лбу его выступал пот. Мне уже не хотелось яблока. И когда, опустив на колени усталые руки, хозяин сада присел отдохнуть, я воспользовался моментом и выбрался из сада. С этого дня я стал интересоваться этим человеком и полюбил то дело, которому он посвятил свою жизнь.

Ребята слушали рассказ Анатолия Александровича с большим интересом. Новый учитель стал им вдруг понятен и близок.

На следующий урок они шли к нему с особым удовольствием.

Комната у Анатолия Александровича была просторная, на подоконниках стояли горшки с цветами и с какими-то растениями. Большое место в комнате занимали шкафы с книгами. Между ними был один шкаф с какими-то таинственными приборами, баночками, склянками. Из этого шкафа учитель нередко доставал микроскоп, и ребята с интересом разглядывали внутреннее строение растений.

«К природе нужно относиться тепло и любовно, как к живому существу»,— любил говорить Анатолий Александрович.

Глава 13

ЗИМА

Деревья крепко спят, зарывшись в глубокие сугробы. Но когда мороз острыми иглами впивается в побелевшие ветки, в лесу раздается тихий, жалобный треск. Он пугает красногрудых снегирей и маленьких синичек. Морозно и страшно молодым птицам, которые вывелись весной в теплых гнездах и никогда еще не видели зимы.

Но ребят не пугает мороз. В теплых костюмах, они деловито ходят на лыжах по глубоким сугробам, волочат за собой длинные санки и, размахивая острыми топорами, выбирают елку. По-хозяйски оглядывают они одно, другое дерево, переговариваясь между собой:

— Помните, какую елку прошлый год привезли в школу? Выше потолка! Отрубать верхушку пришлось!

— Да, хорошая елка была! Грозный говорит — все игрушки наши целы. Вот уберем! Пусть бойцы посмотрят.

— Теперь еще лучше надо — не для себя ведь, мы не маленькие...— закидывая вверх голову, говорит Мазин.— Отдать, что ли, ту, Петька, а?

— Нашу? — Петька вытягивает из шарфа подбородок и с сожалением вертит головой: — Нельзя... Она летом в пруду отражается и землянку закрывает. Красивая! Жалко рубить...

— А где землянка, Мазин? Покажи землянку! Где она была? — кричат ребята.

— Да она здесь, недалеко... Пошли, Петька, покажем!

Ловко объезжая деревья, ребята гуськом сходят на пруд, лесенкой поднимаются на противоположный берег и останавливаются под темной, развесистой елью, около глубокой заснеженной ямы.

— Вот она, наша землянка!

— Здóрово сделана!

— Вроде окопов! Можно отстреливаться отсюда. Раз! Раз! — Саша неловко съезжает в яму и под громкий хохот ребят проваливается до самого пояса. Лыжи его беспомощно торчат вверх.

Ребята один за другим прыгают к нему и, толкаясь, начинают обстреливать снежками невидимого врага.

— Бей, ребята, по санкам!

Санки, брошенные посреди пруда, становятся мишенью.

— Слушай команду! Приготовься!.. Пли! — разыгравшись, кричит Васек.

От снега хрустят варежки, мороз начинает больно пощипывать пальцы. Ребята выбираются наверх и, подпрыгивая от холода, вытряхивают из валенок снег.

— Нас морозом не возьмешь! А вот фашистам от нашего мороза плохо приходится. Верно, Трубачев?

— Верно. Они не привыкли... Эх, здорово их от Москвы гнали! Мне один раненый рассказывал...

— Это на Волоколамском шоссе, Васек?

— Везде гнали. Их прямо тысячами уложили.

— Теперь не сунутся больше!

— Куда там!..

— Наши бойцы грудью за Москву стояли!

— Еще бы! Мы свою землю никому не отдадим.

— От Сергея Николаевича давно писем нет,— вспомнив вдруг учителя, грустно говорит Одинцов.

— Ребята, а может, и он Москву защищал? И где-нибудь стоял и смотрел в полевой бинокль, а? Ведь мы от Москвы недалеко все-таки, а? — с радостной надеждой в сияющих черных глазах говорит Саша.

Ребята не отвечают. Васек смотрит куда-то далеко за сугробы, за деревья, в глубь парка. Белая, закудрявившаяся

от мороза меховая шапка, белые брови и ресницы и заиндевевший шарф под подбородком делают его похожим на елочного деда-мороза с синими-синими глазами и красными щеками. Ребята вспоминают о елке.

— Пойдем! А то поздно уже,— говорит Мазин.

— Постойте! — просит Сева.— Давайте закроем глаза, помолчим и потом сразу скажем, кто как чувствует: увидим мы еще Сергея Николаевича или нет?

— Давайте, давайте!

Ребята крепко зажмуривают глаза и секунду напряженно молчат, потом сразу, как по команде, радостно выпаливают хором:

— Увидим! Увидим!

— Ну, тогда — ура!.. За елкой! Пошли!

— Стойте! А насчет Мити, и Генки, и Степана Ильича, и тети Оксаны как же? — спрашивает Саша.

Ребята снова зажмуриваются:

— Увидим! Тоже увидим!

— Эх, вот счастье было бы! Скорей бы только нам победить Гитлера! Тогда все у нас будет: и школа будет, и Сергей Николаевич, и Митя,— мечтает вслух Васек.

— И папа твой приедет, и мой папа, и Лидин...

— И мои мал мала приедут,— нежно улыбается Саша.

— Да они уже выросли, твои мал мала, они теперь уже большие,— убежденно говорит Одинцов.— Ты их и не узнаешь, пожалуй!

— Нет, что ты! — пугается Саша.— Я всех узна́ю... Я бы их через много-много лет узнал, если б они даже старые были!

— И правда, ребята, кажется, будто годы прошли с тех пор, как нас родители на Украину провожали, а всего только несколько месяцев. Вот странно! — удивляется Сева.

— Какие несколько месяцев! Мне самому уже сто лет стало,— уверяет Мазин.

— Мне тоже! — подхватывает Петька.— Сто лет, а ума нет!

— Хватит! Замерзнем! Пошли за елкой! — торопит Васек.

Голубые сумерки уже окутывают дома и улицы, когда, запрягшись в санки, мальчики привозят в школу срубленную елку. Зеленые мохнатые ветки, распластавшись по обеим сторонам, с тихим шелестом заметают снег; сзади, придерживая густую верхушку, идут Нюра и Лида.

— Куда это махину такую приволокли? — удивляются санитары.

— У нас в школе всегда такая была! — с гордостью отвечают усталые ребята.

Глава 14

ПЕРЕД НОВОЙ РАЗЛУКОЙ

Новый год вошел в маленький городок без праздничного шума, как тихий гость, и, хотя в домах было сурово и невесело, в каждой семье встретили его с надеждой и за скромным ужином подняли бокалы за победу. За тех, кто на фронте.

Прошло несколько месяцев после нападения гитлеровцев. В города и села приходили извещения о героической гибели наших бойцов. Матери оплакивали сыновей, сестры — братьев, жены — мужей, а несметные полчища врагов все шли и шли, заливая кровью нашу землю...

Они рвались к сердцу нашей Родины — к Москве. Весь народ поднялся на борьбу с врагом.

В тылу люди работали с удвоенными усилиями и жадно ловили сообщения с фронта.

После каждого урока географ Костя доставал из кармана свернутую в трубку газету и, показывая по карте места, где шли бои, читал утреннюю сводку.

Однажды Костя прочел ребятам про подвиг юной партизанки Тани в селе Петрищеве.

Мужество и стойкость комсомолки Тани, ее гордое презрение к озверевшим врагам потрясли ребят.

Слушая Костю, каждый из них мысленно ставил себя на место этой девушки-героини, каждый хотел быть с ней рядом, защищать ее, бороться вместе с ней до конца.

Прочитав очерк, Костя спрятал газету в карман и долго ходил по комнате, позабыв и об уроке и о ребятах.

С этого дня Костя как-то изменился. Голубые глаза его часто туманились внутренней тревогой. Иногда среди урока он подходил к окну и, щурясь от белизны снега, нетерпеливо говорил:

— Придет же весна когда-нибудь!..

И тут же, обрывая себя, поспешно возвращался к занятиям.

Время на Костиных уроках шло незаметно. Спрашивая заданное, Костя обязательно ставил отметку. Ребята учили добросовестно, и все отвечали на «отлично».

Тетрадь отметок Костя держал у себя.

Однажды, просматривая ее, он покачал головой и почти с огорчением сказал:

— Что это у вас все «отлично» да «отлично»?

— А разве это плохо? — засмеялась Лида Зорина.

— Пожалуй, что и плохо. По таким отметкам я никак не могу определить, где ваше слабое место. Неужели уж так хорошо все знаете? Надо будет назначить проверку.

— А ты бы не предупреждал, Костя, что будет проверка,— советовал ему Одинцов.

— Нет, почему же? Подготовьтесь. Какой же смысл в том, чтобы вы ошибались!

Костя не раз, как бы мимоходом, говорил о том, что к весне их занятия должны быть окончены.

Как-то к Трубачевым забежала Таня. Она часто видела Костю в райкоме комсомола.

— Затосковал ваш Костя, на фронт просится. Весной, верно, уйдет.

Васек и Саша опечалились.

— Анатолий Александрович весной, наверно, тоже уедет. Он говорил, что его с комсомольцами в колхоз пошлют работать. Останется у нас одна учительница,— озабоченно сказал Васек.

— Весной много воды утечет,— пошутила Таня и, вздохнув, стала прощаться.

— Опять надолго уходишь? Ты совсем забыла нас! — с обидой сказал ей Васек.

Таня обняла его:

— Никогда не говори так. Я ведь учусь и работаю, боевую подготовку прохожу!

— Это зачем же тебе понадобилось? — строго спросила тетя Дуня.

— Мало ли зачем! Многие комсомолки проходят...

Васек с уважением посмотрел на Таню. Таня заметила его взгляд и засмеялась.

Васек представил себе, как она марширует, и тоже засмеялся.

— Ну, не забыли еще свои смешки-пересмешки? — добродушно пошутила тетя Дуня.

— Нет, не забыли,— ответила Таня, но смех ее вдруг умолк.

Она быстро встала и пошла к двери. На пороге оглянулась и неожиданно шепотом сказала:

— А та партизанка в селе Петрищеве была наша, московская, комсомолка — Зоя Космодемьянская.

Глава 15

ПОДНОСЧИК СНАРЯДОВ С 4-й БАТАРЕИ

Несмотря на то что стоял уже март и изредка сквозь снежные тучи пробивалось солнце, погода была морозная, резкие ветры наметали по обеим сторонам улиц сугробы. В не защищенных заборами дворах люди, выгадывая более короткий путь, протаптывали новые дорожки, похожие на кривые улицы и переулки. Иногда откуда-то из парка на маленький городок налетала снежная метель и в двух шагах прятала от человека знакомое крыльцо. А то из белых туч начинал падать на землю тихий, кроткий, ласковый снежок; он ложился на шапки, воротники и волосы и тут же таял от близости человеческого тепла.

В один из таких дней в госпиталь привезли тяжелораненых.

Васек вместе с ребятами стоял во дворе и смотрел, как санитары осторожно выносят из машины носилки, как старшая сестра, в халате и теплом платке, озабоченно хлопочет, распределяя раненых по палатам. Нина Игнатьевна не позволяет ребятам помогать, но они стоят наготове, украдкой поправляют сбившиеся одеяла, открывают пошире двери, провожают каждые носилки. Им хочется сказать раненым какие-то теплые слова, дотронуться до чьей-то бледной руки, выразить сочувствие, ласку.

— Вы не бойтесь, вы поправитесь. У нас хорошие доктора,— выскакивая во двор без пальто, шепчет Нюра бородатому пожилому красноармейцу.

За пожилым красноармейцем санитары выносят из машины носилки с молоденьким бойцом, почти мальчиком. Ребята смотрят на бледное безусое лицо, на запекшиеся от жара пухлые губы, жадно хватающие морозный воздух, на втянутые щеки с лихорадочным румянцем. Голова раненого в расстегнутой шапке с ушами беспокойно съезжает с подушки, глаза в беспамятстве блуждают по сторонам. Ребята подходят ближе. Васек идет рядом, поддерживая носилки.

— Отойди, отойди — сестрица рассердится! — хмуро шепчет санитарка.

Васек нехотя отходит. Раненый поворачивает голову, его беспокойный взгляд провожает мальчика и упирается в высокие сугробы, наметенные около крыльца. Мягкие снежинки тают на его горячих щеках, оставляя мокрые следы.

— Товарищ комбат... Это я, Вася Кондаков... Товарищ комбат! — вдруг жалобно окликает раненый, приподнимаясь с подушки.

Старшая сестра быстро подходит к санитарам:

— Бредит... Несите скорей!

— Он тяжело ранен? В какую палату? Что с ним? — допытываются у взрослых ребята.

— Не мешайтесь тут! — сердится Грозный.— Где не можете помочь, там не мешайтесь.

Мальчики и девочки идут за школьным сторожем в его каморку, усаживаются на сундуке, покрытом цветным половиком.

— Комбат... Кто это комбат? — встревоженно спрашивает Лида.

— Комбат — это командир батареи, да, Иван Васильевич? — говорит Коля Одинцов, вопросительно взглядывая на Грозного.

— А он сам — Вася Кондаков,— шепчет Нюра.

— Хоть бы узнать, что у него! — вздыхает Сева.

— Нина Игнатьевна сама еще не знает. Потом можно будет спросить,— говорит Саша Булгаков.— Посидим тут немножко, а после обхода врачей спросим.

— Нечего тут сидеть, идите по домам!..— вмешивается Грозный.— Ты что в одном платье выскочила? — нападает он вдруг на Нюру.— Где твое пальто?.. Одевайтесь сейчас же и идите по домам!

— Да мы только узнаем об этом Васе! — просит Лида.

Но Иван Васильевич выпроваживает их из госпиталя:

— Идите, идите! Не до вас тут.

Васек и его товарищи нехотя уходят.

Снег становится гуще, но ребята не замечают, что на воротниках и шапках у них нарастает белый мех.

— Почему он так крикнул: «Товарищ комбат... Это я, Вася Кондаков...»? — задумчиво вспоминают они.

* * *

А в палате для тяжелораненых лежит комсомолец Вася, подносчик снарядов с 4-й батареи. Ему чудится, что он стоит на коленях около большого ящика, похожего на портсигар, и старательно очищает ветошью снаряды от масла. Вокруг широко раскинулось снежное поле, от белизны его саднит в глазах, мороз цепко держит пальцы.

Батарея готовится к бою. Прикрытые белыми, накрахмаленными морозом полотнищами, невидимые для глаз врага, орудия сливаются с волнистыми холмиками сугробов.

Вторые сутки стоит в открытом поле 4-я батарея. Ее задача — прикрывать фланг нашей обороны.

В накинутом на плечи поверх шинели маскировочном хала-

те неподалеку от Васи стоит командир батареи, смотрит в бинокль на виднеющийся вдали заснеженный овраг, по которому фашисты скрытно и неожиданно могут перебросить танки. Но едва танки начнут выползать на открытую местность, батарея встретит их огнем. Комбат указывает на край оврага и, улыбаясь, говорит Васе:

«Вот тут-то мы их и встретим!»

...Вася сбрасывает одеяло и тревожно вглядывается в угол палаты. В его воспаленном мозгу проносятся картины недавнего боя. Он видит спокойное, строгое лицо комбата, неожиданную открытую улыбку на его губах и серьезные серые глаза под темными бровями. Он видит, как комбат обходит орудия, привычной шуткой подбадривая людей и проверяя готовность к бою.

«С таким командиром в самое пекло полезешь — и душа не дрогнет»,— говорят о нем бойцы.

Не в первый раз встречается 4-я батарея с фашистскими танками.

«Ну как, ребята, устроим фашистам фейерверк?» — громко шутит комбат.

«Устроим, товарищ комбат!» — бодро откликаются бойцы.

Шутка перебрасывается от орудия к орудию, смягчает суровые лица. И вдруг все настораживаются.

Издали, сначала приглушенно, потом уже явственно, слышится железный скрежет. Окутанный снежной пылью, из оврага медленно выползает первый танк. Закрашенная белой краской броня его с фашистским крестом почти сливается со снегом. За железной спиной первого танка движутся другие.

Расчеты неподвижно застыли у орудий.

«По фашистским танкам, батарея, беглый огонь!» — громко командует комбат.

Бронебойные снаряды, с визгом ударяясь о броню, выбивают искры. Подбитый танк вспыхивает ярким пламенем.

И почти в то же время тяжелый удар фашистского снаряда обрушивается на одно из орудий батареи. Вася видит неподалеку бесформенную груду железа, торчащие из снега колеса, залитые кровью шинели и маскировочные халаты.

Из оврага, разворачиваясь в сторону батареи и прикрываясь от снарядов толстой лобовой броней, один за другим ползут танки.

«Огонь!» — слышится голос комбата.

Бушующее пламя растекается по полю желтыми и синими языками...

— Горят, гады! — торжествующе кричит Вася.

Старшая сестра ласково укладывает его на подушку, смачивает мокрым полотенцем лоб:

— Успокойся, голубчик, успокойся, Кондаков.

Но Вася не слышит ее голоса. Он лихорадочно подает снаряды. Сколько времени идет бой? Из оврага ползут новые и новые танки. Жерла их орудий выбрасывают языки пламени, глухие удары потрясают батарею. Со свистом летят острые брызги осколков. Люди падают.

«Огонь!»

Лобовая броня не спасает железных чудовищ. Уже огромные костры пылают на изрытом поле. Дым застилает край оврага и покореженные груды железа.

Но на 4-й батарее остается только одно орудие.

Неподалеку от него с грохотом обрушивается черный столб земли. На Васю тяжело валится тело убитого бойца. Рядом падает другой.

«Наводчик и заряжающий выбыли!» — кричит Вася.

Комбат поспешно наводит орудие на танк.

Вася окидывает взглядом разбитые орудия батареи.

«Нас осталось только двое!» — снова кричит он.

«Достаточно! — резко бросает комбат.— Снаряды!.. Огонь!..»

Орудие содрогается от выстрелов.

«Есть, готов!» — с азартом кричит Вася.

На поле боя остается только один уцелевший танк. Он упорно ползет к батарее. Из его орудия вырывается короткий огонь.

Комбат выхватывает из рук падающего Васи снаряд...

* * *

Ночь идет... Старшая сестра ни на минуту не оставляет тяжелораненого. Иногда Вася затихает, жадно пьет из кружки поданную ему воду, внимательно вглядывается в склонившееся над ним лицо Нины Игнатьевны. Потом в его затуманенном мозгу снова возникают какие-то воспоминания... Вот он лежит на снегу, прикрытый шинелью комбата. Но где же сам комбат?

— Остановил или не остановил он танк? — строго спрашивает Вася, обводя глазами притихшую палату.

Глава 16

РАДОСТНЫЕ ВСТРЕЧИ

Близилась весна. Дни шли за днями. Трудовые будни, заполненные тревожным ожиданием писем от родных, сообщениями с фронта, не давали людям возможности опомниться, подумать о себе. А весеннее солнце уже золотило палисадники, обрызгивало веснушками молодые лица и вызывало невольные улыбки у взрослых.

Маленький городок оживал. Каждый день дальние поезда привозили новые семьи. Люди, не дожидаясь конца войны, жадно тянулись к своим углам; с вокзала шли матери с детьми. Стучали молотки, отбивая доски у забитых, пустых домов, на заборах висели запыленные в поездах одеяла и зимняя одежда.

Ребята жили в радостном ожидании своих близких. Занятия их шли своим чередом, но каждый раз кто-нибудь приносил волнующую новость.

Вернулись родители Нюры Синицыной, приехала с детьми мать Саши Булгакова.

Особенно обрадовал всех приезд Сашиной семьи. В этот день даже обычные занятия были нарушены. Взволнованный Саша Булгаков заранее сообщил ребятам об этом событии, и в назначенный срок, за два часа до прибытия поезда, все, как один, товарищи уже прохаживались по перрону, окружая тесной кучкой сияющего, счастливого Сашу.

— Идет! — кричал вдруг кто-нибудь, завидев на дальних путях серый дымок.— Сашка, идет!

— Где, где? — бросался на голос Саша.

— Не идет — так придет! — хлопая его по плечу, успокаивал Мазин.— Приедут уж теперь, не бойся!

К приходу поезда на перроне собралось много народу, но ребята проталкивались к каждому вагону, и, когда в широкой двери мелькнула гладко причесанная голова женщины, тревожными глазами разыскивающей своего сына, громкие, торжествующие крики оглушили присутствующих:

— Сашка! Сюда!

— Здесь! Приехали! Вот они!

— Мама!..

Саша заторопился, неловкий, растерявшийся в толпе. Товарищи протолкнули его вперед. Лида и Нюра бросились за ним, удерживая кучку людей, давивших с боков:

— Пустите, пустите... Он к своей маме... Это его мама!..

Семья казалась огромной. И люди с сочувственными улыбками смотрели на молодую еще женщину с мокрым от слез лицом и на мал мала меньше, которые висли у Саши на шее и заполняли веселым щебетанием перрон.

— Ребята, принимайте вещи!

Товарищи шумно выгружали из вагона узелки и корзинки, по очереди подходили к Сашиной матери.

— Батюшки! Выросли-то как! — говорила она, обнимая каждого из них и поглаживая косички девочек.— Милые вы мои!

А Саша, почувствовав себя снова главой семьи и хозяином, звонким, окрепшим голосом отдавал распоряжения товарищам:

— Ребята, берите что потяжелее!.. Васек, держи Витюшку! Валерка, иди с Мазиным... Нюта! Эх, и большая же ты стала!.. Русаков, тебе узел нести... Мама, давай руку!

Шествие занимало весь тротуар. Люди переходили на мостовую, чтобы уступить дорогу приезжим. Васек нес Витюшку. Малыш крепко обнимал его за шею и, не смолкая, что-то рассказывал, прерывая свой лепет длинными, пронзительными

гудками. Заглядывая в черные Витюшкины глаза, круглые, как у Саши, Васек с нежностью прижимал к себе малыша. Мазин, нагрузившись узелками и корзинками, гордо шел впереди, громыхая огромным чайником. Девочки жались к Сашиной матери, наперебой рассказывали ей что-то, а Саша, возвышаясь над сестрами круглой бритой головой, шагал во главе своей семьи, ведя за руку Валерку.

Дома у Булгаковых Лида и Нюра уже навели уютный порядок. Комнаты стали такими же, как раньше, только детские кроватки с полосатыми матрасиками были покрыты газетами.

Мать, остановившись на пороге, низко поклонилась родным стенам своего старого, обжитого угла. Витюшка заковылял к ящику с игрушками. Ребята молча поставили на пол вещи.

— Вот наш дом! — серьезно и торжественно сказал Саша. Потом сияющими глазами обвел всех своих мал мала меньше: — Выросли-то как!.. Ребята, а мы еще думали, кому собирать лом и бутылки! Вот они, работнички!.. Я Нютку своим бригадиром сделаю! — Саша, смеясь и тормоша озадаченных ребятишек, повторял: — Работнички! Работнички!

Нютка, в ситцевом платьице с голубыми горошками, с ямочкой на подбородке и сметливыми глазами, с готовностью кивнула головой:

— Лом — это все железное... Да, Саша?

— Да, да... Я все тебе расскажу. Железное, медное — все нужно... В соседнем дворе много детей. Вот соберитесь все вместе и обойдите квартиры — у каждой хозяйки что-нибудь найдется. Может, и Валерку будешь с собой брать? — глядя на подросшего братишку, добавил Саша.

Ребята засмеялись:

— Да они еще малыши совсем!

— Ну, Валерка, пожалуй, еще мал,— согласился Саша,— а эти мал мала уже выросли. Каждый должен работать — правда, Нюта?

— Правда,— серьезно ответила брату Нюта.

Саша обхватил обеими руками своих сестер и братьев.

— Они пойдут! Они будут работать! — повторял он, глядя на мать влажными черными глазами.

— Конечно, Сашенька! Самое это дело для них! Что зря по двору бегать.

— Правильно, Саша! — поддержал и Одинцов.

* * *

Родители Нюры Синицыной приехали тихо.

— Почему ж ты нам ничего не сказала? Мы бы их встретили! — удивились ребята.

— Да так как-то... Папе с работы машину дали,— тихо ответила Нюра.

Забирая свои вещи от Лиды, она вдруг заплакала. Лида тоже заплакала.

— Как хорошо мы жили вместе! Как скучно теперь будет!

— Да вы что, с ума сошли обе? — засмеялась Лидина мать.— Ведь к Нюре папа и мама приехали! Я бы на ее месте бегом домой бежала... Разве ты им не рада, Нюра?

— Нет, что вы, я рада! Только мы с Лидой привыкли уже вместе быть.

Девочки еще раз обнялись. Нюра ушла. Но ребятам не понравился такой приезд родителей их подруги.

— Мы ведь Нюре как братья теперь, вместе на Украине были... Что ж, они даже видеть нас не хотят? То ли дело Сашина мама! Мы у нее как свои!

— Может, Нюра сама виновата в этом? Не сказала им ничего, скрытничает — вот они нас и не знают,— осторожно заметил Саша.

— Ну нет! Нюра не скрытничает, а просто родители у нее какие-то неправильные! — с жаром сказал Петя.

— Ну да! — усмехнулся Мазин.— Чудны́е какие-то. Я помню, они один раз на праздник в школу пришли. Он толстый, маленький, а она большая, в шелковом платье, шуршит идет!.. Чудны́е!

— Перестань,— нахмурился Васек.— Вам лишь бы погоготать лишний раз! Ну как тебе не стыдно, Мазин!

— И вообще нечего нам тут разбирать за глаза! — рас-

сердился Одинцов.— Правильные родители, неправильные — не наше дело!

— А если Нюра сама не захотела, чтобы мы к ней пришли? Надо бы прямо спросить у нее,— серьезно сказал Сева Малютин.— Или это тоже не наше дело?

Мальчики замолчали.

— А может, у нее что-нибудь дома неладно? — предположил Одинцов.

Мазин решительно махнул рукой:

— Все равно. Пока не жалуется — не наше дело! Я бы голову оторвал тому, кто без спросу влез в мои дела. Пожалуется, скажет — тогда и разбирать будем.

— Верно, Мазинчик! Вот умник! — расхохотались ребята.

— Умник! Умник! Молодец мальчик! — хлопая Мазина по плечам и поглаживая по голове, шутил Петя Русаков.

— Одним махом все решил! Сразу по всем вопросам высказался!

— Конечно! А что тут долго цацкаться! — отбиваясь от товарищей, кричал Мазин.— Малютину только попадись — у него любой вопрос к нёбу, как тянучка, прилипает. Я его знаю!

Сева Малютин тоже смеялся, но, уходя, грустно сказал Трубачеву:

— А все-таки у Нюры нехорошо на душе. И, что бы вы ни говорили, я это чувствую.

Глава 17

ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

— Какое же время года вы любите больше всего? — спрашивает у ребят Анатолий Александрович.

Он идет без шапки. Весенний ветер развевает его серебряные волосы, румянит помолодевшие щеки. Ребята, подпрыгивая, забегают вперед, ноги их скользят по мокрой земле, глаза щурятся от солнца.

— Мы все любим! Когда приходит зима, кажется, что

это самое лучшее время, а когда осенью пойдешь в лес, то кажется, что самое лучшее — это осень! — весело говорит Васек.

— А весной — весна. А летом — лето. Мы все любим! — шумно подхватывают ребята.

— А я люблю весну! — выпрямляя грудь и быстрым физкультурным движением откидывая в стороны сжатые кулаки, громко говорит Костя.

Весна! Влажная черная земля, залитая солнечным светом, изумрудная зелень озимых, освободившихся от последнего серого снега, мутные веселые ручьи в колеях дороги...

— Ребята! Поставьте веху на повороте. Ну, кто быстрей? Давайте снимем этот участок дороги!

Ребята с шумом несутся до поворота. Лида скользит и с хохотом падает на одну коленку. Петя острым ножиком подрезает голый куст. Мальчишки топчутся на повороте, втыкают в мокрую землю веху и, прижав к бокам локти, несутся обратно. Калоши и ботинки их заляпаны грязью, на засученных штанах сохнут серые лепешки глины. Ребята снимают калоши и обчищают их о мокрую прошлогоднюю траву.

«И вы тут! И мы тут!» — шарахаясь с дороги, кричит стая воробьев.

«Буль-буль-буль! Тра-ля-ля!» — сбегая с пригорка, захлебываясь, поет весенний ручей.

Как могло быть хорошо, если б не было войны, если б на сердце не давил тяжелый камень!..

И, радуясь весне, люди с болью вспоминают о тех, кому, может быть, никогда уже не придется слушать веселую песенку ручья и греться под весенним солнышком.

Проклятье тебе, война! Нет пощады врагу! Не уйдет отсюда живым тот, кто пришел убивать! Не будет он смотреть в наше синее-синее небо, могилой станет ему наша земля!

* * *

— Ребята, у кого планшет?

Саша Булгаков ориентирует планшет и обозначает булав-

кой точку. Ребята собираются кучкой за его плечами, нетерпеливо подсказывают:

— Наводи визирную линейку на веху!

— Да я сам знаю! — отбивается от непрошеных советчиков Саша.

— Славные ребята! Просто жалко мне расставаться с ними! — улыбаясь, говорит Анатолию Александровичу Костя.

— Когда уезжаете? — тихо спрашивает тот, глядя, как ребята старательно отмеривают шагами расстояние до поворота.

— Скоро,— чуть слышно отвечает Костя.

Взрослые думают, что если дети не слышат их, то и не догадываются, о чем идет разговор. Но взрослые часто ошибаются.

Участок дороги занесен на план. Теперь можно еще нанести на план группу деревьев, но ребята стоят, сбившись в кучку, и не двигаются с места.

— Костя скоро уезжает! — шепчет товарищам Васек.

— Откуда ты знаешь? Разве он говорил? — встревоженно спрашивает Петя, оглядываясь на Костю.

— Нет, он не говорил, но я знаю.

— И я знаю. Он последнее время проверяет все, что мы учили. А сегодня нечаянно сказал: «Пройдемся хоть по солнышку вместе...» — грустно добавляет Сева.

— А я по лицу все вижу — мне и говорить не надо,— вздыхает Нюра.

— Молчите только, пусть сам скажет,— предостерегает товарищей Одинцов.

— Эй, эй! Где вы там застряли? — весело окликает ребят Костя.

— Идите-ка сюда, молодые люди! — зовет Анатолий Александрович. Он стоит около большой березы и, наклонившись, разглядывает что-то на ее стволе.

Ребята бросаются на зов.

— Посмотрите-ка, у березы уже началось сокодвижение. Вот тут какой-то любитель уже провертел дырочку в стволе и лакомился березовым соком. Жаль дерево. Это весенние слезы, так называемый плач растений. В этом соке, кроме воды и минеральных солей, есть еще сахар.

Ребята поочередно прикладывают губы к березовому стволу. Мазин, крякнув, пьет долго, не отрываясь.

— Я давно любитель этого сока,— говорит он, обтирая ладонью губы.

Маленькая экскурсия выходит на поле. Всходы озимых стелются по земле ярко-зеленым бархатом.

Анатолий Александрович, низко склонясь над всходами, осторожно приподнимает с земли тонкие побеги...

К обеду ребята возвращаются в город. Прощаясь, Костя протягивает каждому по очереди руку.

— Скоро я скажу вам один секрет,— говорит он, сияя голубыми, чуть выпуклыми глазами.

Эх, Костя, какой секрет можно уберечь от ребят! А еще сам недавно был школьником!

Глава 18

КОСТЯ УХОДИТ

— На прошлом уроке мы писали «Историю Пети Ростова»...— Екатерина Алексеевна положила на стол пачку тетрадей.

Обычно каждое изложение читалось вслух и тут же сообща обсуждалось. Ребята приготовились слушать.

Екатерина Алексеевна с особенной любовью относилась к занятиям по родной литературе. Эти уроки были для нее отдыхом, а для ребят — большим удовольствием.

Когда дежурный, поглядев на часы, заявлял, что урок кончен, ребята начинали просить:

— Еще немножко... хоть десять минуточек...

А сама Екатерина Алексеевна удивлялась:

— Разве уже кончен? Что-то очень скоро!

Время для уроков распределялось так. Сначала шел трудный урок — арифметика. Ребята подолгу простаивали у доски, решая задачи и примеры.

Одолевая обыкновенные дроби, ребята честно трудились дома и в классе, но часто какая-нибудь задача ставила отвечающего в тупик. Екатерина Алексеевна нервничала, снова

возвращалась к пройденному материалу. Об этих занятиях она сама с горечью говорила: «Арифметика у нас идет так: шаг вперед — два назад!»

Вторым уроком обыкновенно был русский язык. Разбор по частям речи давался ребятам легко, диктанты радовали учительницу. Но самым любимым уроком было литературное чтение. Екатерина Алексеевна читала ребятам отрывки из произведений великих русских писателей. Она пробуждала в них интерес к чтению, и ребята, с трудом доставая книги, зачитывались по ночам. Изложения писались не часто, и разбор их всегда проходил очень оживленно.

Екатерина Алексеевна только раскрыла первую тетрадь, как в дверь кто-то постучал, и в комнату вошел Костя.

— Простите, Екатерина Алексеевна! Не вовремя я к вам, но...— он развел руками и поглядел на ребят,— так уж нескладно вышло. Пришел со своими ребятишками проститься, сейчас уезжаю. Надо им напутственное слово сказать. Вы уж простите, пожалуйста!

Ребята вскочили с мест, растерянные, огорченные. Костя вытащил из-за пазухи смятый учебник географии и засмеялся:

— Ну вот, все утро эту книжку с собой таскаю. Хотел раньше забежать, да не удалось.

— Костя, когда ты уезжаешь? Костя, куда ты? — волновались ребята.

— Подождите, вопросы потом. Сначала деловая часть.— Он перелистал учебник.— Вот, Екатерина Алексеевна, прошу и вас принять участие. Программу пятого класса по географии мы не закончили.— Костя поднял указательный палец и посмотрел на ребят: — При большом желании ребята могут и сами докончить курс, в учебнике тут все есть и очень ясно изложено. А если вы еще немного им поможете, то они вполне справятся с оставшимся материалом.

— Понятно.

— Ну, а как остальные занятия? Как идет история, арифметика, русский?

— История и русский язык меня не тревожат, а с арифме-

тикой придется, пожалуй, повозиться. Ну ничего, справимся! — бодро закончила Екатерина Алексеевна.

Костя взял обеими руками ее руки и крепко пожал. Потом повернулся к ребятам:

— До свиданья, ребята! Уезжаю на фронт!

* * *

Под вечер этого дня маленький городок провожал на фронт своих комсомольцев. В новом военном обмундировании, статные, ловкие, они шли по улицам, четко отбивая шаг.

Светлые молодые лица их были суровы и непреклонны.

Люди стояли на тротуарах, тихие, торжественные, как на большом параде. В толпе нельзя было узнать матерей и сестер комсомольцев, уходящих на фронт,— в этот час все женщины были матерями и сестрами. Отдавая Родине самое дорогое, они смотрели вслед уходящим сухими, строгими глазами.

Над городом росла и ширилась песня, слова ее запоминались навеки:

...Идет война народная, священная война...

Рядом с комсомольцами по обочине мостовой шагала подрастающая армия ребят. Шли сборщики лома, бутылок, друзья и помощники семей красноармейцев, юные санитары и санитарки, работающие в госпиталях, шли младшие братья комсомольцев — пионеры.

В старых костюмчиках, в заштопанных и пропыленных от работы курточках, они шли, поражая сбереженными в чистоте, отглаженными красными галстуками.

Среди этих ребят шагали Васек Трубачев и его товарищи, они старались протиснуться ближе к той шеренге, где шли Костя и Миша.

Глава 19

ДОБРЫЕ ВСХОДЫ

Васек сел на стул и, уронив на колени шапку, глубоко задумался.

Жизнь стала похожа на большого колючего ежа — с какой

стороны ни коснешься, все колется. Когда приходило письмо от отца, Васек радовался ему и, глядя на знакомый почерк, думал: жив. Когда же начинал высчитывать, сколько времени шло письмо, радость снова сменялась беспокойством: тогда был жив, а что-то теперь?

Прошло несколько месяцев с тех пор, как он в последний раз на вокзале обнимал отца, а всего, что пережито за это время, хватило бы на годы... Сколько хороших людей было с ним рядом! Он слышал их голоса, видел дорогие лица, всей душой тянулся к ним и горько оплакивал тех, кого уже не было в живых.

Но человек не проходит бесследно — каждый из тех, кого он знал и любил, оставил в его душе глубокий след и живую память. Так ушли из его жизни далекие украинские друзья, ушел Сергей Николаевич, Митя. Ушел голубоглазый географ Костя... И еще не успокоилось сердце, как вслед за Костей ушла Таня. Куда она ушла?

Поздней ночью сонного подняла его с кровати тетя Дуня и тихо шепнула:

— Таня уходит... Простись, Васек!

Васек вскочил, протирая глаза. Таня стояла перед ним в шинели, крепко стянутой ременным поясом, из-под новенькой пилотки блестели ее карие золотистые глаза.

— Таня! Куда ты? Таня!..— Васек обхватил руками ее жесткую шинель.— Куда ты? Куда? — бессвязно спрашивал он, уже угадывая сердцем ответ.

Таня знала и любила его мать, его отца. Она жила с ними, она хранила вместе с Ваську память о счастливых днях его детства. А теперь она стояла рядом, в шинели и пилотке.

Ваську казалось, что он уже видит связку гранат за ее поясом. Ему представились непроходимые тропы в глухом, незнакомом лесу. Он вдруг понял, куда она идет, и душа его смирилась...

Они сидели долго без слов. Потом Таня, как бывало раньше, уложила его в кровать, крепко укутала одеялом:

— Поклонись отцу, Васек... Родные вы мне... Вот возьми от меня на память.

Она вынула из кармана мягкий, пушистый сверток. Развязала зубами узелок, положила на одеяло толстую девичью косу... И ушла...

В его сердце прибавилась новая тревога, новая боль — человек не уходит бесследно.

Недавно здесь жил Саша. Они вместе возвращались из госпиталя, вместе учили уроки и, засыпая, делились друг с другом всеми своими горестями. Чтобы не мешать им, тетя Дуня переселилась в маленькую комнатку, где раньше жила Таня. И мальчики допоздна засиживались вдвоем, в дружеской откровенности облегчая свою тревогу, утешая друг друга и мечтая вместе о возвращении родных. Теперь Саша ушел... Маленькая квартирка опустела... Милый, заботливый Саша как будто унес с собой теплый уют их дома. Он так умело и хлопотливо прибирал комнату, заставлял Васька мыть посуду; они вместе варили суп и к приходу тети Дуни подогревали чайник. Саша всегда знал, что кому нужно, и трогательно заботился обо всех. Когда они оба вечером возвращались домой, он не ложился спать, поджидая тетю Дуню.

— Ты знаешь, она за день так натопчется, что по ночам стонет,— озабоченно говорил он.— У нее болят ноги. Надо ставить их в таз с горячей водой, это очень помогает.

И, убедив тетю Дуню опустить ноги в таз с водой, он радовался, когда она, вздыхая, говорила:

— А ведь и правда помогает, Сашенька. Спасибо тебе, деточка моя!

У Саши набралось здесь столько дел, что, торопясь к своим, он никак не мог уйти и все поучал Васька:

— Ты комнату утром прибирай. А посуду мой, как только поешь. А придешь вечером — и сразу ставь воду. Тете Дуне трудно, она уже старенькая... И вот еще что, Васек,— Саша понижал голос,— ты заглядывай в ее комнатку перед сном. Она все шьет что-то и засыпает сидя. Надо тихонько разбудить ее и свет погасить, а то, знаешь, мало ли что...

Васек удивлялся:

— Да откуда ты знаешь, что она засыпает?

— Да я ее будил не раз. Ты не забывай этого, Васек...

В последний вечер перед приездом Сашиных родных мальчики долго не ложились. Тетя Дуня тоже сидела с ними и часто вздыхала.

— Заскучает теперь мой-то,— сказала она, поглядывая на Васька, и тихо, не желая обидеть племянника, добавила: — И мне, старухе, без тебя, Сашенька, скучно будет.

— Я буду приходить к вам. Мы с Васьком никогда не разлучимся,— утешал ее Саша.

— Жизнь большая — ан и разлучитесь. Кончите школу, разбредетесь кто куда... А кем же ты будешь, Сашенька? Какую профессию себе мечтаешь, сердечный такой?

— Я? — Саша густо покраснел, смутился.— Я учителем буду. Если, конечно, смогу... если примут меня!

— Учителем?

— Конечно! Я бы хотел... А если не примут меня, тогда уж...— Черные глаза Саши сделались грустными, он легонько пожал плечами.— Тогда уж хоть на ученого какого-нибудь выйду...

— На ученого? — Васек громко расхохотался.— Чудак! «Хоть на ученого»... Так ведь ученым потруднее стать, чем учителем!

Тетя Дуня тоже улыбнулась:

— Что это ты, Сашенька, ученого к учителю приравнял?

— Я и не приравнял! Вовсе не приравнял! Ученым каждый может быть. Для этого только книги и голова нужна. Учись, учись — и будешь! А вот учителем — это не каждый. Учитель все понимать должен: и наказывать зря нельзя, и прощать нельзя зря... Ну, мало ли чего надо, чтобы быть учителем! Разве это легко из какого-нибудь плохого человека сделать хорошего? А у него сколько в классе людей сидит — не все ведь хорошие бывают. Нет, я знаю, что говорю. Я об этом часто думаю!..— горячо сказал Саша.— Ну что ты смеешься, Васек?

— Ха-ха-ха! «Хоть на ученого»... Вот так Сашка! — хохотал Васек.

Но тетя Дуня уже не смеялась.

— Не знаю, кем будешь,— серьезно сказала она Саше,— но где бы ты ни был, Сашенька, люди тебя оценят.

— А меня? — ревниво спросил Васек.

Тетя Дуня любовно оглядела племянника, потом, как бы сравнивая его с товарищем, перевела глаза на Сашу:

— На том свет стоит, чтобы люди были разные. Ты, Васек, свое возьмешь, но Сашей тебе не быть.

— Не быть, тетя,— согласился Васек.— Саша сам по себе, а я сам по себе.

* * *

Теперь Саша ушел к своим родным. Васек и тетя Дуня остались одни.

Васек взглянул на часы и вскочил: «Поздно уже! Что это мне нужно сделать? Чайник подогреть? Да тетя Дуня легла уже, наверно!»

Он на цыпочках вышел в кухню, заглянул в маленькую комнату. Тетя Дуня крепко спала, низко склонив голову над столом.

«Без чая заснула... устала, видно, очень». Он посмотрел на седую голову с ровным, как ниточка, пробором. Какое-то давнее, детское воспоминание сжало ему сердце. Неужели это он, Васек, назвал когда-то тетю Дуню ведьмой?

Васек поглядел на мозолистые, худые руки с темными пятнами на кистях; на ноги, обутые в старые башмаки с растоптанными подошвами.

«Не сняла даже...»— подумал он и, бросившись в кухню, схватил таз. Но таз вырвался из его рук и с грохотом упал на плиту.

Тетя Дуня вздрогнула, проснулась:

— Васек!

Васек бросился к ней, припал к ее плечу:

— Ничего-то я не умею... Тетя, не спи, я тебе воду согрею!

— Что ты, что ты! — смутилась тетя Дуня.— Я сама согрею воду. Ложись спать, голубчик.

Но Васек все-таки побежал на кухню, нагрел воду и заставил тетку опустить в таз ноги.

— Это ты вместо Саши, что ли, меня балуешь? — спросила тетя Дуня.

— Он велел,— сознался Васек.

— Ишь ты...— тихо сказала тетя Дуня и, глядя куда-то вдаль, задумалась.

Васек не знал, о чем она думает, но он видел, как постепенно светлели ее глаза, как на рыжих, словно выцветших от солнца ресницах оседала влага скупых, непролившихся слез.

Васек вдруг представил себе ее одну, в этой комнате, дни и ночи ожидавшую известий о любимом брате, о племяннике. Кроме них, у нее никого не было на свете.

— Ишь ты! — снова повторила тетя Дуня, и далекий, ушедший в себя взгляд ее остановился на племяннике.— Вот ведь как... Пожил с нами Саша и ушел. А от доброго сердца своего и нам с тобой что-то оставил, чем-то хорошим с нами поделился. Вроде как посеял добрые семена твой Саша, а мы глядим... Словно бы взошли они у нас, принялись...

Васек взволновался. Что-то в тетке вдруг напомнило ему отца в минуты их задушевных вечерних бесед. Бывало, Васек сердитым шепотом жаловался ему на эту самую тетку, а отец, мягко улыбаясь, говорил:

«Конечно, Рыжик, человек она старой закалки, привыкла в своей коробочке замыкаться, а вот поживет с нами, новых людей повидает — и помаленьку от старого начнет отходить. Не понимает еще новой жизни, что с ней сделаешь...— И, притянув к себе Васька, лукаво улыбаясь, шептал ему на ухо: — Она все нас с тобой переучивает вроде, а мы ее помаленьку в нашу сторону гнем... Душа-то у нее советская, ну и откликается. Только помаленьку надо, Рыжик... К старым людям молодые всегда должны быть снисходительны, ты это запомни...»

Васек старался быть снисходительным. Но теперь этого больше не требовалось. Все, что говорила и делала тетя Дуня, вызывало в Ваське чувство гордости и уважения. По-новому встретила она его товарищей, по-новому относилась к людям, и даже в их дворе Васек часто слышал, проходя мимо женщин:

«Надо Евдокию Васильевну спросить. Это человек безотказный — всегда найдет, чем помочь...»

— Тетя Дуня,— серьезно сказал Васек,— ты нам с отцом самая родная. Побереги себя... Я тебе все делать буду, только скажи, если не догадаюсь чего...

Глава 20

НА ДЕЖУРСТВЕ

В бывшем четвертом классе «Б» стояли рядами больничные койки. Раненые, прикрытые тонкими байковыми одеялами, полулежали, полусидели, облокотясь на подушки. На белых тумбочках, придвинутых к кроватям, стояли стаканы, покрытые марлей, лежали стопками газеты, журналы и письма от родных. Ветер, залетающий в открытое окно, наполнял комнату свежим запахом молодой зелени.

Был тихий послеобеденный час, но никто не спал. Сегодня комсомольцу Васе сделали тяжелую операцию. В палату время от времени входила старшая сестра и тихонько трогала Васину руку, быстрыми, умелыми пальцами нащупывая пульс.

Раненые поднимали головы с подушек и с сочувствием глядели на бледное лицо с большим пухлым ртом и темными кругами вокруг плотно прикрытых глаз.

Вася был самым юным в палате, и старшие бойцы питали к нему отцовскую нежность.

— Операция прошла благополучно, да крови много потерял,— шептал, перегнувшись к соседу, боец с забинтованной рукой.

— Ну ведь тут врачи, уж они знают... А если в палату принесли, значит, ничего,— тихо откликнулся кто-то со своей койки.

Нина Игнатьевна строго посмотрела на говоривших и покачала головой.

Нюра Синицына сидела около постели пожилого раненого сержанта и, положив на книгу листок бумаги, писала под его диктовку письмо.

— Ну вот! Это все мы с тобой описали,— говорил ее раненый.— А теперь ты от себя приписочку сделай. Ведь моя дочка тоже пионерка. Вот и напиши ей, как подружке. Есть ли

у них там госпиталь? Напиши, пусть пойдет поухаживает за ранеными. Радуются, мол, нам бойцы, любят детей. У каждого своя семья далеко, скучают они, дорога им наша ласка. От себя напиши...

Нюра взяла чистый листок:

«Здравствуй, дорогая подружка...»

Раненый сержант взглянул на первые, нерешительные строчки и закивал головой:

— Вот-вот... А как же тебе ее назвать? Ясно, подружка...

За окном тихо качнулась тоненькая березка и, положив на подоконник ветки с легкими весенними листиками, заглянула в комнату.

Вася глубоко вздохнул и зашевелился. На чистом лбу его выступили мелкие капельки пота. Старшая сестра нагнулась к больному, вытерла марлей его лоб и тихонько позвала:

— Вася...

Нюра быстро оглянулась; раненые, морщась от боли, приподнялись на койках. Вася открыл светлые глаза, жадно глотнул воздух запекшимися губами.

— Пить хочет,— тихо сказал кто-то с дальней койки.

Нюра схватила стакан, звякнула графином.

— Тсс... нельзя ему после наркоза...— зашумели на нее со всех сторон раненые.

Нина Игнатьевна сделала строгое лицо:

— Тише!

Вася снова открыл глаза. Большой рот его дрогнул слабой улыбкой:

— Я знаю... нельзя мне...

Все заулыбались.

— Ну вот, теперь все в порядке. Вечерком, пожалуй, в шахматы сразимся! — весело пошутил молодой красноармеец, поправляя съехавшую на лоб повязку.

Вася вытянул руку, провел по одеялу, поднял тревожный, вопросительный взгляд на сестру.

— Все хорошо, Вася! Теперь на поправку пойдешь,— заверила его Нина Игнатьевна.— Лежи спокойно.

Она встала, взяла со стола графин с водой и, прикрывая

его полотенцем, вынесла в коридор. Вася увидел озабоченное лицо Нюры, подозвал ее глазами. Нюра поспешно бросилась к нему.

— Ног не чувствую...— прошептал Вася, с усилием приподнимая голову.

Молодой красноармеец с повязкой на лбу подошел к его кровати, откинул одеяло. Вася поглядел на свои забинтованные ноги и, облегченно вздохнув, опустился на подушку.

— Ну, убедился, что ноги целы, теперь лежи спокойно! — пробасил пожилой бородатый сержант Егор Иванович, под диктовку которого Нюра писала письмо.— Отойди, дочка, от него!.. А куда вы собрались, хлопцы? Дайте ему покой. Успеете наговориться! — урезонивал он раненых, подошедших к постели товарища.

Но несколько молодых бойцов уже уселись около Васи и, запахивая длинные халаты, ласково заглядывали ему в лицо:

— Теперь здоров будешь, Вася! Еще и повоюешь!

— Уйдите, пожалуйста, не разговаривайте,— попросила Нюра.— Вот наши ребята обрадуются! — шепнула она Васе.— Они ведь еще не знают, что операция хорошо кончилась.

Прошло уже много времени с тех пор, как Вася прибыл в госпиталь. Первая операция не дала желаемых результатов. Вася долго был в тяжелом состоянии, а когда наконец пришел в себя, оказался разговорчивым и общительным. Однажды, увидев на дежурстве ребят, обрадовался:

— Здоро́во, пионеры! Я — комсомолец, до войны вожатым был.

И, выпростав из-под одеяла худую руку, протянул ее мальчикам. Мальчики по очереди подержали эту руку, потом присели на его койку и разговорились. Они рассказали ему, как жили на Украине, как приехали, как начали учиться.

Вася живо интересовался всем, расспрашивал, просил почаще навещать его.

С тех пор о Васе ребята не говорили иначе, как «наш Вася».

Нина Игнатьевна положила комсомольца в палате «4 Б». Эта наклейка на двери бывшего класса так и оставалась нетро-

нутой, поэтому скоро и палату стали называть «палата 4 Б». Ребята больше всего любили дежурить в этой палате. Вася постепенно рассказал им, где и как он был ранен, вспомнил 4-ю батарею и долго, с любовью говорил о своем командире.

Этого командира теперь звали в палате просто «Васин герой». Комсомолец любил говорить о нем в вечерние часы, когда, перегнувшись друг к другу через спинку кровати, красноармейцы вели задушевные беседы о доме, о родных, о далеких и близких. Родные были и у Васи, но ни о ком не вспоминал он с таким жаром, как о своем командире, который, по всем вероятиям, остался лежать далеко-далеко в снежном поле, где на 4-й батарее вместе с Васей, плечом к плечу, они уничтожали танки врага. Вася был ранен, и, когда пришел в себя, вокруг было тихо, стояла глубокая ночь. Он лежал на снегу, заботливо прикрытый шинелью командира. Но где был сам командир? Вася попробовал двинуться, но кровь, как кора, задубела на его раненых ногах — ноги были чужие, мертвые. Тогда он пополз, проваливаясь локтями в сугробы и окликая командира. Дальше Вася ничего не помнил. Очнулся он в санитарном поезде и не поверил, что жив...

Командира среди раненых не было, и всю дорогу, пока шел поезд, Вася метался и говорил в бреду, что там, в снегу, на поле, лежит храбрый из храбрых, лучший из лучших — его, Васин, любимый командир.

История Васи и его рассказы окончательно завоевали сердца ребят.

— Кончится война — найду я своего командира, живого или мертвого найду. А может, еще и на войне где его повидаю,— задумчиво говорил Вася и тут же с уверенностью добавлял: — Не может такой человек погибнуть. Нет, не погиб он... Двое нас оставалось, оба мы и живы... Кто ж бы меня шинелью прикрыл, как не он!

Найти командира было Васиной мечтой. И эта мечта передалась ребятам; они понимали ее и всей душой сочувствовали Васе. Но что, если Вася лишится ног?

Теперь, после второй операции, эта опасность уже миновала,

и Вася, окруженный своими товарищами по палате, счастливо улыбался сухими, бескровными губами.

— Молодец, Вася! Наши комсомольцы духом не падают! — подбадривали его бойцы.

Глава 21

ПРИЕЗЖИЙ

От вокзала отходил поезд. Стоя на площадке, Анатолий Александрович ласково кивал головой провожающим его ребятам: «До скорого свиданья, друзья мои! Я надеюсь, что мы с вами встретимся уже в шестом классе».

Поезд ускорял ход, ребята долго бежали рядом. Из окон виднелись головы подростков, уезжающих на работу в колхоз.

— Э-эй! Пионеры, едем с нами трудодни для армии зарабатывать! — весело кричали они ребятам.

Когда поезд ушел, Васек остановился на краю платформы и с завистью поглядел вслед:

— Поехали! И мы могли бы в колхозе для армии поработать!

— Нас арифметика держит,— с досадой сказал Саша.

Ребята медленно пошли к выходу. А в это время к чисто выметенной деревянной платформе подошел другой поезд. Из вагона вышел пожилой человек и, оглядевшись, энергичными шагами направился в город. Приезжий был, очевидно, многим знаком. Он шел по улице, и то там, то сям люди приветливо здоровались с ним. Некоторые останавливались, как будто желая заговорить, другие с уважением глядели вслед.

На одном углу несколько подростков, завидев высокую фигуру приезжего, о чем-то оживленно заспорили; двое ребят, громко разговаривая, долго шли за ним, видимо не решаясь окликнуть и в то же время непременно желая в чем-то убедиться.

— Я тебе говорю — это директор второй школы! Это он! Я его сразу узнал! — говорил один.

— Директор, а школы нет! — хмуро отвечал ему товарищ.

— Ну, был бы директор...

Приезжий обернулся и с улыбкой досказал:

— ...а школа будет!

У ворот госпиталя приезжий немного помедлил, потом снял шляпу, вытер носовым платком высокий лоб и вошел в калитку. На зеленой траве и под деревьями стояли скамейки. На них сидели раненые. За длинным школьным столом, покрытым вылинявшим красным сукном, выздоравливающие играли в шахматы. Приезжий приветливо кивнул им головой и направился к крыльцу.

В это время из окна, где жил школьный сторож, выглянула и скрылась седая голова, потом окошко захлопнулось, послышались торопливые старческие шаги, и, широко распахнув дверь, Иван Васильевич предстал перед приезжим. Лицо у него было удивленное и радостное, густые усы топорщились, помолодевшие глаза блестели из-под нависших бровей.

— Леонид Тимофеевич! Когда же это вы?.. Подали бы хоть весточку!

Директор крепко пожал руку старику:

— Здравствуйте, Иван Васильевич! Ну, как тут у вас?

Сторож кивнул головой на раненых:

— Да вот, писал я вам, госпиталь у нас... А школы-то нет! Нет школы, Леонид Тимофеевич! — сообщил он вдруг, как неожиданную, грустную новость.

— Ничего, старина, все будет! Ну-ка, зайдем в вашу каморку, поговорим,— сказал директор.

— Пожалуйте, пожалуйте... Растерялся я от радости, Леонид Тимофеевич... Ведь нежданно-негаданно прикатили,— бормотал сторож, провожая в свою каморку дорогого гостя.— Позвольте, чайку согрею.

— Чайку — это потом. А сейчас садитесь, рассказывайте. Письма были?

— Как же, пишут, пишут... Выпускники все больше да учителя. Кто где... А от Сергея Николаевича одно письмо я вам переслал, а больше вестей не было. Может, на ваш адрес он писал?

Директор покачал головой:

— Нет... Я надеялся тут застать письмо.

Помолчали.

— Ну, а ребята как? — спросил директор.

— Ребята здесь, в госпитале, работают. Хорошо работают... Вот и сейчас девочки тут. Позвать? — заторопился Иван Васильевич.

— В городе много ребят...— не отвечая сторожу, задумчиво сказал директор.— К осени еще больше будет. Вернутся наши ученики из Свердловска. Я уже передал там дела новому директору. Потянуло домой, свою школу восстанавливать надо.

Иван Васильевич ожил, разговорился:

— Ясное дело, Леонид Тимофеевич! Без школы ребята — сироты... Сейчас лишь бы помещение найти, а оборудование у нас все цело. Уж это — не извольте беспокоиться... Парты в сарае малость поистерлись, ну это лаком можно подновить. Вот помещение бы только найти...— Грозный вопросительно смотрел на директора.

— Помещение найдем,— сказал Леонид Тимофеевич, заглядывая в свою записную книжку, и, заметив выжидающий взгляд старика, дружески похлопал его по плечу: — Все будет хорошо. А пока позовите-ка ребят, кто тут сейчас дежурит. Девочки? Это из отряда Трубачева?.. А что слышно о Мите? Письмо было?.. Ну, сейчас они мне сами расскажут... Позовите-ка их, кто там свободен.

— Сейчас, сейчас! — Школьный сторож торопливо надел белый халат.— Не пускают туда иначе,— шепотом пояснил он, встретив смеющийся взгляд директора.— И то только до сестры пройдешь... Строгость — беда!

Он прикрыл за собой дверь и быстро засеменил по коридору.

Директор поглядел на часы и, постукивая двумя пальцами по столу, глубоко задумался.

Глава 22

ВАЖНЫЕ НОВОСТИ

Нюра стояла перед школьным сторожем и растерянно глядела на него большими, удивленными глазами:

— Директор? Какой директор?

Грозный спрятал в усах довольную усмешку:

— Ну вот, все на свете перезабыла! Ступай, говорю, зови подругу, и чтобы в один момент обе были! Школьница, а спрашивает, какой директор!

Нюра всплеснула руками и бросилась разыскивать Лиду:

— Снимай халат, пойдем! Скорей, скорей!

— Да какой директор? — на ходу снимая халат, допытывалась Лида.

Перед дверью Ивана Васильевича обе остановились.

— Это наш директор! — прошептала вдруг Лида, хватая подругу за руку.— Я чувствую... Наш, наш! Это Леонид Тимофеевич!

Нюра решительно открыла дверь.

Леонид Тимофеевич встал навстречу, вглядываясь близорукими глазами в лица девочек.

— Здравствуйте, Леонид Тимофеевич! — дружно и радостно вырвалось у обеих, но голоса их дрогнули, и, не смея обнять своего директора, они уткнулись друг в дружку.

— Вот тебе раз! А я думал — увижу таких крепких, закаленных в боях пионерок,— пошутил Леонид Тимофеевич, глядя на них ласковыми, смеющимися глазами.— Думал, помощницы у меня будут, вместе школу будем строить...

— Школу? Строить?

— Что, испугались? А я вот не испугался! Что ж, думаю, есть у меня такие помощники, как отряд Трубачева. Вот Лида Зорина, например,— почему бы ей не построить заново четвертый класс «Б»! Ну, почему?

Леонид Тимофеевич шутил, девочки смущались.

— Вы, может быть, шутите, Леонид Тимофеевич?

— А может быть, и не шучу,— улыбался директор.

— Тогда...

Девочки переглядывались:

— Мы, конечно, будем строить... Только мы еще никогда не строили ничего...

— Не строили школ?

— Нет! — засмеялись девочки.

Директор стал серьезен.

— Строить заново мы, конечно, не будем. Я списался с местным начальством и предложил взяться за ремонт какого-нибудь подходящего дома, чтобы осенью открыть в нем школу. Один такой дом на примете есть, но завтра я еще кое-где побываю и договорюсь окончательно.

Директор задумчиво посмотрел на взволнованные лица девочек и открыл записную книжку.

— Денька через два я сообщу вам через Ивана Васильевича, когда и куда прийти.

В конце разговора Нюра робко спросила:

— А наши ребята из пятого «Б» скоро приедут?

— Все собираются. Конечно, те, кто эвакуировался с родителями, вероятно, останутся до конца войны — отцы и матери их уже работают там на заводах, на фабриках. Люди везде нужны, работу сейчас не бросишь. Но многие летом обязательно приедут. Сейчас экзамены у них уже кончились. И ваш класс пятый «Б» уже стал шестым.

В глазах у девочек мелькнуло беспокойство.

— Ну ничего, ничего. Один год вам придется пропустить, что поделаешь! Зато уж с осени начнутся регулярные занятия,— успокоил их директор и тут же спросил: — А вы хоть немного занимались эту зиму?

— Мы занимались, мы хорошо занимались! — торопливо заверила Лида.— Мы и сейчас занимаемся.

— Это очень хорошо! Но сейчас уже июнь, начало лета,— надо будет отдохнуть, набраться сил. Вот посмотрим, что за ремонт предстоит. Может, и вам найдется там какая-нибудь работа. Физический труд на свежем воздухе всем на пользу... А что Митя, писал он? — неожиданно спросил директор.

— Писал. Только давно уже письмо было,— грустно сказала Лида.

— Еще осенью,— добавила Нюра.— Ведь оттуда редко кто приезжает.

В разговор директора со школьницами Грозный не вмешивался. И только на прощанье, когда, обратившись к нему, директор сказал: «Вот и Иван Васильевич в стройке нам поможет»,— школьный сторож скромно ответил:

— Стройка — это прямое наше дело, Леонид Тимофеевич.

* * *

Попрощавшись с директором, девочки бросились к Трубачеву. Васек занимался. Держа перед собой книжку, он расхаживал по комнате, повторяя заданный урок по грамматике.

— Васек! — крикнула еще на лестнице Лида.— У нас хорошая новость!

Васек выскочил навстречу девочкам.

— Директор наш приехал! — выпалили обе сразу.— Леонид Тимофеевич!

Васек бросил учебник, позвал девочек в комнату:

— Рассказывайте все!

— Да что — все? Ну, приехал! Будет дом ремонтировать для школы. А денька через два он скажет Ивану Васильевичу, куда нам прийти. Вот! Одним словом, надо ребятам сказать!..— залпом рассказывала Лида.

— И еще хорошая новость: Васина операция прошла благополучно! Он уже пришел в себя. Привет вам передавал,— перебивая подругу, говорила Нюра.

Васек слушал девочек, радостно повторяя:

— Какие новости!.. Вася... Директор...

Приезд директора сильно взволновал его. Школа теперь уж обязательно будет.

Вторая новость тоже обрадовала мальчика. Еще вчера, разговаривая с Васей, ребята очень тревожились за него, теперь все тревоги были позади.

Васек схватил тюбетейку:

— Так что же мы сидим? Пойдем, ребятам все расскажем! И нам еще Васю навестить нужно...

— К Васе сейчас нельзя,— предупредила Нюра.— Нина Игнатьевна и так сердится, что все к нему приходят.

— Да мы бы на минуточку... Ну ладно, потом пойдем, лишь бы все хорошо было... А что Леонид Тимофеевич сказал? Денька через два-три? Это, значит, в среду — четверг. Кто будет дежурить во вторник вечером, не забудьте спросить у Грозного, куда нам прийти. Надо сейчас же всем ребятам рассказать. Пойдемте к Булгакову.

— Вы идите, а мне нужно домой,— сказала Нюра.

— Да пойдем! Такие новости! Пойдем, мы ненадолго...— уговаривала ее Лида.

— Нет, меня и так всегда ругают... Мне нужно домой!

Когда Лида и Васек, перепрыгивая через весенние лужи и обгоняя друг друга, завернули за угол, Нюра остановилась и с грустной завистью поглядела им вслед.

«Другая мама сказала бы: «Беги, конечно, расскажи, порадуйся вместе», а моя только все сердится! — подумала она, отвечая на свои мысли.— Может, я сама неправильно делаю — все молчу, ничего не рассказываю,— попробовала она оправдать свою маму. И тут же снова ответила себе сама с горькой уверенностью: — Да разве можно что-нибудь рассказать! У нее ведь все плохо: и ребята наши плохие, бегаю-то я зря, и об учебе ничего не думаю... И про Екатерину Алексеевну сказала, что она ненастоящая учительница. Лучше бы спасибо ей сказала! А то еще обзывает «ненастоящая учительница»! Как будто Екатерина Алексеевна обязана с нами заниматься...»

Расстроившись своими мыслями, Нюра шумно вошла на крыльцо, потопала ногами и открыла дверь.

— Наконец-то! — сказала мать.— Я думала, что ты уж снова к какой-нибудь своей приятельнице переселилась.

— Никуда я не переселилась! — резко ответила Нюра.— Я в госпитале была. У нас новость — директор наш приехал, вот что!

Она сказала о приезде директора сердитым голосом, потому что была уверена, что в родительском доме никто не интересуется ее делами и даже хорошее известие никого здесь не может обрадовать.

Но лицо матери вдруг оживилось:

— Директор? Леонид Тимофеевич? Что ж ты сразу не сказала? — Она пошла за дочерью, запахивая на ходу фланелевый халат и поправляя гладкие седеющие волосы.— Это новость! Что ж ты сразу не сказала? Может, учиться будете?

— Мы сами еще ничего толком не знаем, мама. Приехал — и все,— кратко ответила Нюра.

Мать вздохнула и пошла в кухню.

— Никогда ничего не хочет рассказать матери, хоть клещами из нее каждое слово тащи! — пожаловалась она соседке.

А Нюра остановилась посреди комнаты и снова с грустной завистью подумала: «А ребята-то сейчас! Радуются, шумят... Наверно, уже всех обежали. Ведь директор приехал! Дом будут ремонтировать... И еще новость — Вася... Эх, порадоваться бы вместе! Ведь такие важные новости!»

Глава 23

ЗЕЛЕНЫЙ ПУСТЫРЬ

В среду вечером Грозный передал ребятам адрес будущей школы и велел на другой день к десяти часам утра быть на месте.

Взволнованные этим сообщением, ребята все, как один, минута в минуту в половине десятого собрались в палисаднике у Севы. Не хватало только Саши. Его ждали, волновались, смотрели на часы.

— Подождем еще. Никогда он не опаздывал, сейчас прибежит! — говорил Васек.

Несмотря на то что шел крупный летний дождь и платья ребят промокли, настроение было праздничное, радостно-возбужденное.

— Не то на демонстрацию идем, не то в поход собираемся — просто ноги на месте не стоят! И где это Сашка запропастился? — нетерпеливо говорил Одинцов.

— И бывают же такие люди, честное слово! Тут спешишь, а тут стой как дурак! Эх, жизнь! — ворчал Мазин.

— А зачем нам стоять? Пойдемте к нему сами,— предложила Нюра.

Шлепая по темным лужам, ребята помчались по улицам.

Во дворе Саша, нагнувшись над кучей лома, перебирал куски железа и что-то объяснял собравшимся вокруг малышам.

Нютка, обвязанная материнским платком, стояла перед братом и, стирая с румяных щек капли дождя, возбужденно жаловалась ему на соседского мальчишку:

— Я говорю: «Светляк, Саша не велел собирать жестянки, надо собирать другие вещи», а он не слушается.

— Нужно ему объяснить — ты старшая,— строго говорил Саша сестре.

Ребята остановились в воротах.

— Подождем,— сказал Одинцов,— у нас еще есть время Пусть Саша кончит разговор.

В калитку вдруг с громким ревом вбежал толстый, неуклюжий малыш. Обеими руками он прижимал к себе старую чугунную сковородку и, добежав до Саши, уткнулся в него головой

— Мамка... отнимает...

За малышом показалась женщина в темной косынке, с молодым веселым лицом.

— Светляк! — смеясь, кричала она.— Ой, не могу! Что ж это за парень такой! Последнюю сковородку у меня утащил Я говорю — положи, а он — в рев,— сказала она, подойдя к Саше.— Не на чем картошку поджарить, честное слово! Уж я ему все с чердака выгребла, старую медную кастрюлю давала Нет! Ухватил сковородку — и бежать!

Ребята расхохотались:

— Вот умора!

Но Саша даже не оглянулся. Обняв Светляка, он что-то тихо и убедительно сказал ему, осторожно взял из рук мальчика сковородку, отдал стоявшей рядом женщине и тут же распорядился:

— Ступайте за кастрюлей. Медь нам очень нужна. Ступай с Нютой, Светляк! Ты у нас хороший работник, только без спросу ничего брать нельзя.

Светляк успокоился, и целая куча ребят во главе с Нюткой прошествовала по двору мимо мальчиков.

Саша подбежал к товарищам.

— Ну, теперь идем! — весело сказал он.

— А куда же ты их в дождь отправил? — усмехнулся Васек, глядя вслед ребятишкам.

— Ну какой это дождь! Пусть ко всему привыкают,— махнул рукой Саша.

— Правильно, Сашка! Ну что за Сашка! — обнимая товарища за плечи, растроганно сказал Одинцов.

Без десяти десять ребята подходили к назначенному месту

Дождь кончился.

На пустыре влажно блестела зеленая трава. В глубине двора стоял серый двухэтажный дом. Стены его были крепкие, но в темные провалы окон виднелись потрескавшиеся потолки, на полу валялась отбитая пластами штукатурка, парадный вход со двора прикрывался одной половиной тяжелой дубовой двери, другая половина ее лежала на широких каменных ступенях крыльца. На дворе валялся щебень, под ногами хрустело битое стекло, под окном торчали поломанные оконные рамы.

Большой пустынный двор ничем не был отгорожен от улицы. Чуть приметные дорожки заросли травой и желтыми одуванчиками. Внимательно оглядываясь вокруг, ребята с трепетом вошли на пустырь. Нигде не слышалось ни одного голоса.

— Рано еще,— сказала Лида.

Остановились у кучи щебня. Разбитый угол дома был завален досками и кирпичом. Сплющенная водосточная труба болталась под крышей и, ударяясь о стенку, издавала жалобный, дребезжащий звук. За домом чернела глубокая яма, наполненная водой.

— Воронка! — сказал Петя.— Сюда, видно, бомба попала.

— А какой был красивый дом!..— со вздохом протянула Нюра.

— Он совсем новый. Его до войны строили. Мы для землянки здесь дощечки брали. Помнишь, Мазин?

— Помнить-то помню...— неопределенно сказал Мазин.

Все хмуро и печально глядели на пустынное крыльцо и безглазые стены будущей школы.

Васек пробрался через щебень к дому, приложил ухо к стене, по-хозяйски постучал по ней палкой:

— Стены крепкие...

Мазин заглянул в окно и тихонько свистнул:

— Все печи развалены. Двери на полу валяются...

— Ну и что? Испугались? Подумаешь, окон и дверей нет! А руки есть? — задорно сказала Лида и, увидев, что Мазин усмехается, обрушилась на него: — А тебе-то, Коля, уж совсем стыдно! Здоровый, как этот самый... ну...

— Буйвол! — поспешно подсказал Одинцов.

Ребята расхохотались. Лида тоже не выдержала и засмеялась:

— Я, конечно, не то хотела сказать. Сила у нас у всех есть! Ну что нам страшно?

— Да кто тебе сказал, что страшно? Мы ведь осматриваем еще только,— пожал плечами Одинцов,— а что скажут, то и будем делать. Ты всегда наперед выскакиваешь!

— Да потому, что вы сразу скисли. Увидели, что трудно будет, и скисли,— заступилась за Лиду Нюра.

— Да подождите вы спорить! Вот у нас привычка, я заметил: как что серьезное — так мы сейчас же начинаем спорить. Пойдемте лучше посмотрим! — предложил Сева Малютин.

— Верно! Пошли комнаты осматривать! — крикнул Петя Русаков, вбегая по широким ступеням на крыльцо.

— Пошли!

Ребята бросились за Петей.

— Подумаешь, комиссия какая! Инженеры! — смеялась над ними Нюра.

— А вы — инженерши!.. Ну, полезайте, не бойтесь... Лида, не хватайся за дверь, а то еще сорвется. Болтается она, как довесок!

Перебравшись через сорванные с петель входные двери, ребята очутились в просторном коридоре. Оттуда наверх вела широкая лестница.

— Лестница! Лестница! Совсем как у нас в той школе, только еще больше! — радовалась Лида.

Ребята обошли все комнаты, поднялись на второй этаж и, удовлетворенные осмотром, единогласно решили, что дом вполне подходящий для школы.

— Это как раз то, что нужно,— заявил Васек.

— Конечно! И дом хороший, и двор большой. Можно сад развести. Смотрите! — Сева подошел к окну.

Но Лида вдруг схватила его за руку и знаками подозвала остальных ребят:

— Тише! Директор! И еще кто-то...

Ребята сгрудились у окна. На высокой горке битого кирпича стояла группа людей. Леонид Тимофеевич, вытянув вверх руку, громко говорил:

— Второй этаж я думаю употребить под классы, маленькая комната над лестницей пойдет под учительскую. Несколько классов удастся сделать внизу. Там же — большой школьный зал, пионерская комната...

Ребята, схватившись за руки, едва сдерживали волнение.

— Тише, тише... Вот этот справа — товарищ Круглов из райкома партии, я его знаю, он живет за три дома от нас. А другой, с бородкой, это товарищ из роно... Помните, он к нам в школу приходил.

— А там еще кто-то, вон отдельно стоит.

— Тсс... Это Грозный... Чудачка! Грозного не узнала!

— Не шепчитесь! Дайте послушать!

Снизу донесся голос товарища из роно:

— Все это хорошо, но вот как насчет рабочей силы? — Он погладил узкую бородку и обернулся к товарищу Круглову. Секретарь райкома молча посмотрел на дом, потом перевел взгляд на Леонида Тимофеевича.

В живых, блестящих глазах его мелькнул лукавый огонек.

— А вы как предполагали? — спросил он у директора.

Леонид Тимофеевич ответил ему таким же лукавым, смеющимся взглядом:

— Я, конечно, рассчитывал на вашу помощь.

— Может, из ремесленного можно отрядить бригаду?— спросил товарищ из роно.

— Вряд ли. Ремесленники у нас очень заняты — они делают огромную работу. На их плечи легла большая нагрузка. Это в наше время незаменимые кадры.

Секретарь райкома с живостью повернулся к Леониду Тимофеевичу:

— И вы не смотрите, что им по четырнадцать лет. Они такие дела делают, что впору взрослым.

— Ой, слышите! А мы-то? А мы-то? — округляя глаза, зашептала Лида.

— Пошли! — вдруг сорвался Васек.— Мы тоже можем работать! Мы не боимся работы!

Ребята, перепрыгивая через кирпичи и щебень, бросились во двор. Чумазые, перепачканные известкой и пылью, они неожиданно, один за другим, спрыгнули с крыльца и предстали перед директором.

— Здравствуйте, Леонид Тимофеевич! Мы прибыли в ваше полное распоряжение! — твердо сказал Васек и, не в силах скрыть охватившей его радости от встречи со своим директором, добавил взволнованной скороговоркой: — Здравствуйте! Мы вас ждали, ждали...

— Мы ждали, так ждали!..— перебивая друг дружку, закричали ребята.

Взрослые с веселой усмешкой и удивлением глядели то на ребят, то на директора.

Леонид Тимофеевич сбросил пенсне, улыбнулся, сбежал с горки:

— Здравствуйте, здравствуйте! Пришли?.. Ну, молодцы! Ведь я еще не видел вас, вот девочек только...

Он обеими руками пожимал ребятам руки, глядел на них помолодевшими, веселыми глазами.

— Леонид Тимофеевич, мы будем работать! Мы изо всех сил будем работать! — кричали ребята.

Круглов звучно расхохотался, откидывая назад голову и разводя руками:

— А мы тут толкуем, где рабочую силу взять!

— Вот вам и наши школьники! — шепнул ему товарищ из роно.

— Подождите... в этом еще нет ничего реального. Это помощники, а здесь нужна основная рабочая сила.

Круглов подошел к ребятам и, притаив усмешку в черных глазах, серьезно спросил:

— Ну как, пионеры: если мы поручим вам отремонтировать этот дом под школу — возьметесь?

— Возьмемся! — хором ответили ребята.

— Хорошо! — Круглов вынул из портсигара папиросу, не спеша зажег спичку, затянулся дымом. Указал глазами на дом: — А ведь порядочно тут работы, верно? И работа нелегкая. Надо уметь связать рамы, надо наново сложить печи, подправить двери, оштукатурить стены. А? Ну как, беретесь?

Ребята переглянулись.

— Пообещать легко, но обещанное надо выполнить. Подумайте хорошенько!

Леонид Тимофеевич мельком взглянул на товарища из роно, и оба они украдкой улыбнулись.

— Мы уже все обдумали,— смело сказал Васек.— Как бы там ни было, а нам нужна школа. Летом еще наши ребята приедут, тоже будут помогать. А если мы что не сумеем, тогда Леонид Тимофеевич...

— Леонид Тимофеевич не столяр и не плотник — он директор. Он будет только распоряжаться,— поддразнивая ребят, улыбнулся Круглов.

— Ничего! — вдруг выступил Мазин.— Мы, если надо, всех достанем. В райком комсомола пойдем! — Мазин выпятил нижнюю губу и важно добавил слышанную где-то фразу: — Мы общественность привлечем!

Секретарь райкома сузил черные глаза, усмехнулся:

— Ого, да вы все дороги знаете! Ну, тогда и говорить не о чем!

Он обернулся к Леониду Тимофеевичу и что-то сказал ему. Взрослые долго смеялись. Ребята стояли в стороне и ждали.

Уходя, товарищ Круглов ласково и серьезно сказал им:

— Школа, конечно, нужна, и все, что можно, мы сделаем.

Только уж помогать придется на совесть, на пионерскую совесть, понятно?

— Понятно!

— Ну, я к вам еще загляну как-нибудь. До свиданья, пионеры!

Ребята ликовали.

— Нам хоть бы одного плотника, и столяра, и печника — лишь бы посмотреть, как и что. А то мы и сами научимся!— захлебываясь, говорил Петя Русаков.

Проводив своих гостей, Леонид Тимофеевич вернулся к ребятам. Грозный тоже подсел к ним.

— Ну, теперь рассказывайте! — сказал директор.

Ребята замялись, не зная, с чего начать.

— Столько всего было, Леонид Тимофеевич!..— покачала головой Лида.

Мальчики начали рассказывать. Вспомнили тяжелые дни, проведенные на Украине, своих далеких друзей, вспомнили Макаровку... И, опустив головы, замолчали.

— А березку Валину мы из той школы перенесем и посадим тут, под окошечко,— тихо сказала Нюра.

— Это хорошо. Как раз внизу у нас будут старшие классы,— заметил Леонид Тимофеевич.

Разговор снова вернулся к ремонту дома. С чего начинать?

— Начинать надо с уборки мусора,— сказал директор.— Причем это нужно делать с толком, так как среди битого кирпича попадаются целые кирпичи и половинки — они могут пригодиться. Большие куски стекла тоже пойдут в дело. Вот и начинайте с разборки. Щебень в яму закопаем где-нибудь подальше... По уборке двора и дома назначим руководителем Ивана Васильевича.

Грозный весело подмигнул ребятам:

— Это мы сделаем, сделаем!

Уходя с зеленого пустыря, ребята уже чувствовали себя хозяевами будущей школы.

— Вот кусок стекла... осторожно! Откладывайте сразу в сторону! Не наступите! — кричали они друг другу.— Эх, запереть бы ворота, да ворот нет...

* * *

Через несколько дней к Трубачевым зашел Иван Васильевич. Тетя Дуня не знала, куда усадить старика. Но у Грозного был деловой вид, он решительно отказался от чая и с важностью заявил Ваську:

— Завтра свою бригаду посылай на пустырь, а сам пойдешь с Леонидом Тимофеевичем по делам хлопотать.

— Куда? — не понял Васек.

— Куда — это мне не доложено, это сам директор знает. А только не опаздывай, к девяти часам будь в старой школе обязательно. Леонид Тимофеевич туда зайдет... До свиданья, Евдокия Васильевна, привет и почтение!

— Ишь, форсу набрался старик,— добродушно сказала тетя Дуня, глядя, как Грозный, опираясь на суковатую палку, шел по двору.

— Да как же! Ведь ремонт дома начинается. А еще он у нас главный по уборке мусора,— рассеянно сказал Васек, думая о приглашении директора.

— Оденься получше: рубашечка белая у меня на случай заготовлена, галстук шелковый возьми — с ответственными людьми разговаривать будешь,— забеспокоилась тетя Дуня.

Глава 24

СЫН ГЕНЕРАЛА КУДРЯВЦЕВА

Васек ходил за директором, не понимая, зачем Леонид Тимофеевич взял его с собой. Они деловито шагали по улицам, заходили в разные учреждения, знакомые Ваську только по названиям: «Райисполком», «Райсовет», «Роно». Леонид Тимофеевич вел длинные разговоры с разными людьми, потом бегло кивал головой Ваську:

— Посиди здесь! — и исчезал за дверью какого-нибудь кабинета.

Там он снова с кем-то разговаривал, а Васек от нечего делать разглядывал сидевших тут людей; все они чего-то ждали, рылись в своих портфелях, перебирая какие-то бумажки.

Леонид Тимофеевич выходил озабоченный, вытирал платком лысину и, снова кивнув Ваську, шел дальше по длинному коридору, в следующий кабинет.

Один раз через неплотно прикрытую дверь Васек услышал его раздраженный голос:

— Товарищ, я ничего не прошу лично для себя — я прошу для школы! Отремонтировать дом голыми руками нельзя...

Кто-то закрыл изнутри дверь, и Васек не слышал продолжения разговора. Он сидел и беспокоился за Леонида Тимофеевича, чувствуя обиду за него и недовольство человеком, который чего-то не хотел сделать для ремонта их школы. Но когда дверь снова открылась, из нее выглянул военный с серым усталым лицом и, пропуская вперед директора, крепко пожал ему руку со словами:

— Ну, хлопочите, хлопочите! Что могу, то сделаю!

Леонид Тимофеевич весело улыбнулся Ваську:

— Ну, кажется, мы с тобой кое-чего добились. Пойдем закусим и обдумаем, как дальше действовать.

Они зашли в столовую. Девушка-подавальщица брала обеденные талончики и быстро говорила:

— На первое — борщ, на второе — пшенная запеканка.

Васек проголодался и ел за двоих. Леонид Тимофеевич вынул какое-то письмо:

— Ну, вот тебе поручение. Это надо передать директору лесопильного завода. Здесь есть адрес и фамилия. Смотри не потеряй и добейся во что бы то ни стало, чтобы письмо было передано. Там, кажется, не пускают без пропуска. Ну, спроси дежурного. В общем, сообразишь на месте. А мне надо сходить относительно рабочих. С большим трудом уговорил дать мне кровельщика и плотников, а вот печника не достал...

Ваську нравилось, что директор говорит с ним как со взрослым. Он взял письмо и, прощаясь, сказал по-военному:

— Есть доставить директору завода!

— Смотри не запутайся, это на краю города,— предупредил его Леонид Тимофеевич.

— Ничего, язык до Киева доведет!

Но спрашивать Васек стеснялся и потому, расставшись с

директором, сразу сделал лишний крюк в сторону. Потом вернулся, прошел еще несколько улиц, читая на углах названия. Васек знал, что лесопильный завод находится на окраине города, далеко за парком, но он никак не мог вспомнить, где начинается Заводская улица. Пришлось спросить. Разузнав хорошенько, Васек прибавил шагу.

«Как бы не опоздать!» — думал он, минуя парк.

Наконец показался серый дощатый забор с будкой около ворот.

В глубине двора под навесом были видны сваленные в кучу доски, бревна. Через проходную будку входили и выходили рабочие. Сбоку высилось красивое здание, и над входом было написано: «Клуб», «Столовая».

На одной двери висела дощечка с надписью: «Контора».

Васек остановился у проходной будки:

— Мне нужно передать письмо директору.

— Пропуск? — равнодушно оглядывая его со всех сторон, спросил вахтер.

— Мне только письмо передать,— сказал Васек.

Сзади мягко зашумела машина и, расплескав застоявшиеся в колеях лужи, остановилась.

— Отойдите в сторонку! — поспешно сказал вахтер.

Из машины вышел генерал и, прихрамывая, направился к будке.

Васек увидел нашивки на рукаве и густо украшенную цветными ленточками грудь. Он выпрямился, опустил руки. Генерал ласково кивнул ему головой и пошел в будку

— Вольно! — раздался над самым ухом Васька насмешливый голос.

Васек оглянулся. Около машины стоял мальчик в синей суконной курточке. На груди у него узенькой змейкой поблескивала застежка-«молния».

— Ты что командуешь? — недовольно усмехнулся Васек.

Мальчик, не обращая внимания на его слова, подошел ближе, кивнул головой на проходную будку:

— Видал генерала?

Васек вспомнил прихрамывающую походку военного.

— Да. Видно, ранений много было. Боевой генерал! — с уважением сказал он.

Мальчик подмигнул:

— Еще бы не боевой! Это генерал Кудрявцев! — Он заложил назад руки и небрежно добавил: — Мой отец!

Васек молча разглядывал нового знакомца. Лицо у мальчишки было свежее, чернобровое, с веселыми, насмешливыми глазами и круглой ямочкой на подбородке.

«Гордится!» — подумал Васек и, вспомнив о письме, снова подошел к вахтеру:

— Мне нужно передать спешное письмо директору. Вот оно.

— Пройдите в контору, там есть дежурный. Я писем не передаю,— ответил вахтер и, высунувшись на улицу, указал на следующую дверь.

Васек повернулся, чтобы идти, но мальчик в синей куртке тронул его за плечо и тихо шепнул:

— Погоди, я тебя проведу без пропуска. По знакомству.

— Не надо, я и так пройду,— с досадой сказал Васек и зашагал к конторе.

— Как хочешь. Насидишься без меня! — крикнул ему вслед новый знакомец.

— Подумаешь!

Васек быстрым шагом прошел в контору.

За столом сидел пожилой человек и, держа около уха телефонную трубку, что-то записывал на листе бумаги. Васек с письмом в руке остановился около стола. Разговаривающий по телефону протянул руку к письму, вытащил двумя пальцами из конверта бумагу и между разговором быстро пробежал ее глазами. Потом, положив трубку, еще раз прочитал письмо и, взглянув на Васька, тепло улыбнулся:

— Школу ремонтируете? Ну-ну! Материал кое-какой найдется. Сейчас передам директору. У директора кто-нибудь есть? — спросил он, приподнимаясь и заглядывая в маленькое окошечко в перегородке.

— У директора мой отец, генерал Кудрявцев,— ответил за спиной Васька знакомый голос.

— Придется подождать,— бегло взглянув на мальчика в синей куртке и откладывая письмо в сторону, сказал дежурный.

Васек сел. Сын генерала примостился на ручке его кресла.

— Я говорил — насидишься! — насмешливо улыбаясь, сказал он.

Васек молча отодвинулся.

Мальчик помотал ногой, несколько раз нетерпеливо взглянул на занятого своим делом дежурного, потом вскочил и подошел к телефону:

— Разрешите позвонить папе?

Дежурный молча взял у него из рук трубку:

— Дома с папой наговоришься. Генерал занят.

«Вот тебе и по знакомству!» — усмехнулся про себя Васек.

Мальчик заметил его усмешку и, прищурившись, сказал:

— Тебе же хотел помочь...

Ваську стало неловко, захотелось поговорить с ним по-дружески.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Алеша.

— Ты пионер?

— Пионер, конечно.— Алеша потянул вниз молнию — на шее под курткой заалел пионерский галстук.

— В каком классе учишься?

— В шестой перешел. Отличник. Мы из Молотова с мамой приехали. Папа после госпиталя сюда назначение получил. Вот мы к нему и приехали. А какие у вас школы есть? Я еще не знаю, где буду учиться.

Васек стал рассказывать о будущей школе, о пропущенном годе учебы, о предстоящем ремонте и о том, что он и его товарищи тоже будут работать вместе со взрослыми.

— Сами ремонтировать будете? Вот это здóрово! Я, пожалуй, тоже к вам приду. Я там быстро всю работу налажу. Организую ребят — я это умею. Обязательно приду.

— Приходи,— сухо сказал Васек и вдруг, не удержавшись, добавил: — Только ты хвастун. У нас таких не любят.

— Я — хвастун? — Алеша вскочил, подошел вплотную к

Ваську, смерил его презрительным взглядом.— Да ты просто мне завидуешь! — покраснев, сказал он.

Васек возмутился:

— А чему мне завидовать? Ты такой же, как и я, только много воображаешь о себе.

Дежурный неожиданно поднял голову:

— Это верно. И лучше тебе не болтаться тут зря. Пионер по делу пришел, а ты чего?

— Я тоже по делу. Я с отцом приехал! — дерзко ответил Алеша и, посвистывая, вышел за дверь.

Ваську стало не по себе. «Зря я его так сразу хвастуном обозвал, все-таки он хотел помочь мне»,— подумал он.

Дежурный прибрал свои бумаги и, взяв письмо, сказал:

— Посиди тут. Я сейчас сам зайду к директору.

Васек ждал долго. В конторе набрались какие-то люди. Тоже ждали. На улице загудела машина. Васек выглянул в окно — Алеша стоял у машины.

Генерал, нагнув голову, не спеша усаживался на мягкое сиденье. Алеша захлопнул за ним дверцу, вскочил в шоферскую кабину. Шофер тронул руль — машина умчалась.

В контору то и дело входили люди, но дежурного не было. За его столом уже сидел другой и принимал посетителей.

Васек начал сильно беспокоиться. Он боялся за письмо, которое дал ему Леонид Тимофеевич. Но дежурный наконец появился с целой папкой каких-то дел.

— Сейчас, сейчас! — кивнул он Ваську.— Заждался? Ну, зато все уже сделано. Материал вам отпустят. Приезжайте завтра до трех. Вот разрешение. Не потеряй!

— Спасибо, товарищ дежурный! — Васек схватил разрешение и побежал к двери. Он был счастлив и горд, что ему удалось исполнить поручение директора.— До свиданья! Спасибо! — крикнул он еще раз у порога.

«Сейчас прямо на пустырь! Леонид Тимофеевич, верно, уже там. И ребята там... Вот обрадуются!» — думал он, на бегу читая напечатанную на машинке бумагу: «Отпустить для школы № 2...»

Буквы прыгали, из них складывались непонятные слова: обаполки, шляховки, штакеты...

Эх, здорово вышло!

Глава 25

РЕМОНТ НАЧАЛСЯ

Когда Васек, сжимая в руках драгоценную бумагу, подбежал к пустырю, он увидел свежеврытый в землю столб и на нем прибитую доску с надписью:

ШКОЛА № 2

Школа! Какая же это школа! Еще нет даже забора, отделяющего пустырь от улицы, еще каждому прохожему видны кучи мусора! Васек вспыхнул от обиды. Насмешка, что ли? Он хотел снять доску, но не решился, опасаясь, что прибить ее приказал Леонид Тимофеевич.

На пустыре суетились ребята. Грозный собирал сломанные рамы, складывал их в одну кучку около дома. Какой-то седой бородатый старик сооружал козлы для верстака.

«Рабочий!» — с волнением подумал Васек и, проходя мимо, вежливо поздоровался:

— Здравствуйте, дедушка!

У дома стояла длинная железная лестница.

Откуда-то с крыши доносился голос Леонида Тимофеевича. Васек поднял голову и увидел около водосточной трубы человека. Он что-то объяснял директору, постукивая молотком по задранному вверх куску железа.

«Кровельщик пришел!» — догадался Васек и, приподнявшись на цыпочки, замахал бумагой:

— Леонид Тимофеевич!..

Директор увидел, кивнул головой.

В углу пустыря Мазин и Русаков старательно рыли большую яму. Саша, Сева и Коля Одинцов сносили туда мусор. Девочки отбирали годные куски стекла и складывали столбиками половинки кирпичей.

— Васек пришел! Эй, Трубачев! — К Ваську подбежали Саша и Мазин.— Ну как, дали материал?

— Дали! Дали!

— Эй, ребята! Материал дали! — весело разнеслось по пустырю.

К Ваську подошел Леонид Тимофеевич:

— Ну, как наши дела?

Васек протянул ему разрешение.

— Говорят, завтра брать можно, с утра лучше. Надо машину раздобыть,— объяснял он скороговоркой.— А доски есть, много. И штакеты и обаполки.

— Хорошо, хорошо, завтра поедем,— читая бумажку, кивал головой Леонид Тимофеевич. Потом, бегло похвалив Васька, пошел к плотнику.

Из дома вышел еще один рабочий и остановился около директора, деловито разглядывая бумагу.

— Ух, работников сколько нагнали! — с восторгом сказал Васек и, вспомнив прибитую на столбе доску, сердито напал на ребят: — Кто это велел вам? Чтобы люди смеялись? Хоть бы немного отремонтировали, а тогда бы и называли школой!

— Да это Мазин прибил,— пожал плечами Одинцов.

— Ты что же, Мазин, не сообразил? — удивленно спросил Васек.

— Очень хорошо сообразил,— вытирая о штаны пыльные руки, заявил Мазин.

— Как это?

— А так. Кому работать? Нас мало. А ребят в городе порядочно. Как их собирать? На готовое-то всякий потом придет! А здесь каждый человек нужен. Понятно?

Он обтер ладонью побелевшие от известки щеки и махнул рукой на столб:

— Школа номер два. Далеко видно! Завтра от работников тесно будет. И сегодня один уже пришел, вон стоит. Пятиклассник. Брат черноморского моряка. Помнишь, в райкоме мы его видели... Э-эй! Витя Матрос! Иди-ка сюда.

Крепкий, загорелый мальчуган в вылинявшей тельняшке

подошел к мальчикам. Черные глаза его с лукавыми искорками быстро пробежали по лицам ребят.

— Кто у вас тут главный? — бойко спросил он.

— Среди ребят Трубачев у нас главный,— сказал Саша, указывая на Васька.

Мальчуган подтянулся, опустил руки по швам.

— Виктор Бобров, по прозвищу Матрос! — лихо отрапортовал он, поворачиваясь лицом к Трубачеву.

— Здорóво! — с большой симпатией глядя на него, ответил Васек.— Работать будешь?

— А как же! — усмехнулся Витя.— Затем и пришел! Говори, что делать?

— Вот мы сейчас мусор убираем. Яму ребята копают — становись помогай!

— Ладно! — кивнул головой Витя.— Я без дела не буду!

— Давай, давай, работай! — послышался издали оклик Ивана Васильевича.

Витя подхватил с земли чью-то лопату и помчался на зов.

— Быстрый парень, живо определился,— с удовольствием сказал Одинцов.

— Ну и хитрец ты, Мазин! Не зря объявление повесил! — засмеялись ребята.

— Пошли и мы работать! — сказал Васек, сбрасывая рубашку. На его загорелых руках проступали крепкими бугорками мускулы.

Издали донеслась песня девочек: «Смелого пуля боится, смелого штык не берет...»

В первый день работали без перерыва. Сгоряча пропустили обед, домой возвращались голодные, усталые, но довольные собой. Делились способами быстрой уборки:

— Кирпичи можно конвейером подавать и ближе к дому складывать!

— А мусор я просто мешком таскал,— заявил Мазин.— Носилок мало. Пока-то их дождешься, а тут: раз-раз!..

— Стекол крупных на все форточки хватит,— деловито рассуждала Лида Зорина.— И одну раму из нижнего этажа мы

нашли почти целую. Плотник Федор Мироныч как увидел, что мы ее тащим, так обрадовался даже!

— А вот этот, с бородой дедушка,— столяр. Веселый такой! Он нам все объяснял, как рамы связывают,— улыбнулась Нюра.

Всю дорогу домой говорили о работе. Потом Петя Русаков озабоченно сказал:

— Ремонт ремонтом, а вот как с учебой, ребята? Ведь мы уж два дня пропустили! — Он поглядел на товарищей усталыми серыми глазами.— Как завтра будет? Опять с утра работать? А учиться когда?

Ребята сразу встревожились.

— И верно, два дня пропустили! Да раньше еще...— сказал Одинцов.

— И вообще надо как-то распределить время. У нас и в госпитале дежурства, и учебу пропускать нельзя, и ремонт теперь. Как же это все будет? Дома тоже надо помогать. Давайте посоветуемся, Васек,— предложила Лида.

Васек мысленно подсчитал время. Если с утра на учебу, то кому же работать?

— Если ходить на работу по очереди, то нас мало,— вслух сказал он и, вспомнив прибитую Мазиным доску, ободрился: может, и правда объявление соберет всех вернувшихся из эвакуации школьников? А посоветоваться все же надо.— Ты, Петя, скажи матери, что мы еще только эти дни пропустим. Завтра Леонид Тимофеевич за материалами поедет, может, мы понадобимся, да и при разгрузке придется помочь. А потом мы все нагоним.

— У нас в госпитале сейчас дела неважно идут,— покачал головой Одинцов.— Васю мы совсем бросили, одни девочки дежурят.

— Так надо что-то придумать. Ты бы распределил всех, Васек,— предложил Саша.

Васек задумался.

— Ну ладно. Завтра в восемь часов Мазин и Булгаков пойдут со мной на пустырь. Лида — с утра в госпиталь одна, а после обеда до восьми — Нюра одна. Остальные с утра пой-

дут заниматься, а после обеда все, кроме Нюры, на работу,— распорядился Васек, не совсем точно понимая, что даст это наспех сделанное распоряжение.

Дома Васек долго не мог заснуть — дела, большие и малые, нагромождались друг на друга и вырастали перед ним, как огромная гора.

«Учеба — это главное, ее никак нельзя пропускать,— думал Васек.— Работа — тоже главное, иначе ремонт задержится. А госпиталь бросать тоже нельзя, это наше пионерское дело... И Петька Русаков расстроен. Конечно, ему перед матерью неприятно за нас. Учеба — это все-таки главное...»

Думая так, Васек вспомнил, что сегодня вечером не заглянул к тете Дуне, и, тихо ступая босыми ногами по полу, пошел через кухню к ее комнате. Но лампочка у тети Дуни была погашена, а в кухонное окно глядел серый рассвет. Васек вернулся к себе. Было два часа ночи.

«Ну и время! Не успеешь оглянуться, как оно убежит вперед!» — с досадой подумал Васек, укладываясь на свою постель и подминая под голову подушку. Но сон не шел...

«Ведь мы ни одного дела толком не делаем! Все беготня какая-то. Даже Васю после операции не смогли навестить. Что ж это такое? Надо все сначала передумать, все сначала распределить... Если б папка был со мной!.. Эх!..»

Глава 26

ВАСИН ГЕРОЙ

С тех пор как Вася пошел на поправку и ощутил под солдатским одеялом обе ноги, в палате как будто наступил праздник.

— Да... задал я тут работы докторам, это верно,— говорил товарищам Вася. Благодарная и смущенная улыбка растягивала его большой рот, на худых щеках появлялись ямочки.— Только не напрасно они хлопотали. Я — боец, все мои мысли на фронте.— Вася вытягивал худые, длинные руки и пробовал мускулы.— Теперь бы только встать скорее! А что, не говорили врачи, когда встану? Про меня то есть, когда, значит, на

выписку? — жадно вглядываясь в лица товарищей, спрашивал Вася.

— Лежи уж, какая тебе выписка... Чуть живого из операционной принесли, а он — выписка...— добродушно ворчал Егор Иванович.— На все, брат, и терпение и время требуются.

— Нет у меня терпения, это верно,— соглашался Вася.— Еще мой командир, бывало, перед боем положит этак мне руку на плечо и скажет: «Терпение, Вася!» А я еле на месте стою, все поджилки у меня ходуном ходят... Эх, вот командир был, насквозь каждого человека видел!

— Да что за командир-то? Весь твой разговор к нему сводится. Герой, что ли? — откликается молодой, безусый боец, только недавно прибывший в госпиталь.

— Герой! — убежденно говорит Вася.— Я с ним недолго находился, но на всю жизнь его запомнил. Особенный человек. Людей жалел, а о себе не думал. Один раз в бою ранило его осколком в плечо — так он до конца боя никому ни слова не сказал. Терпеливый! Кто его знает, как он терпел. Рождаются же такие люди! — Вася глубоко вобрал воздух и замолчал.

— Бывалый, видно, командир, с выдержкой,— сказал кто-то в палате.

— Да не так-то бывалый — молодой еще, только виски седые. На глазах у нас поседел командир наш... Было это в одном селе,— снова начал рассказ Вася.— Только что выбили наши оттуда фашистов. И мы, значит, подошли как раз. Видим — там изба горит, там другая, сараи пылают... Идешь — в лицо тебе жар, и люди тут же убитые валяются... А зима, мороз! Кровь на снегу так и дымится. Живых не видно, только женщина одна бежит к нам навстречу. «Миленькие,— кричит,— голубчики! — и на пожарище рукой машет.— Дети наши в школе горят, весь народ туда палачи согнали и подожгли!» Мы — к школе. А от школы уже одни стропила остались да головни валяются. Ну, всех за сердце взяло. Постояли мы, сняли шапки. Потом разошлись. А командир до утра не приходил. Бойцы говорили — всю ночь он просидел один на этом пожарище. А вышли мы утром из села — глядим, виски у него седые, словно иней на волосах осел.

Молодой боец, сосед Васи, беспокойно заворочался на койке.

— Э, встать бы скорее! Душа у меня горит, когда я такое слышу,— сказал он, отворачиваясь к стене.

Раненые с сочувствием оглянулись на него, и Егор Иванович, понижая голос, спросил:

— А ты, Вася, говорил, у него своя семья погибла? На родине, что ли?

— Да, говорили хлопцы, семья у него была, дети.. Только он про своих молчит. Сядет, бывало, с нами к огоньку, про всех расспросит — у кого жена, у кого мать. Фотографии поглядит, а про своих — ни слова. И мы молчим — страшно человеку душу разбередить. Так пошутит он с нами, попьет чайку и начнет рассказывать, как после войны жить будем, как коммунизма достигнем. Встанет перед нами мирная, счастливая жизнь, и такая ненависть к фашистам за сердце возьмет, что в бою каждый за десятерых бьется... Какой человек был! Кто его знал, тот не забудет. Вечный человек!

Глаза у Васи делались большие и ярко блестели.

Постепенно любовь Васи к своему командиру передалась и его слушателям; судьба Васиного героя волновала всех раненых. Но судьба эта терялась в снежном поле, где выдержала тяжелый бой 4-я батарея.

— Подобрали меня наши люди. Может, и его нашли Только вот фамилии его я никогда не спрашивал, ни к чему как-то было. «Товарищ комбат» да «товарищ комбат»! Если б из нашей части кого найти, может, знают,— говорил Вася.

— Трудно искать, если из части своей выбыл. Война — это бурное море,— вздыхал сосед по койке.

— Живого или мертвого — найду! — упрямо и тоскливо говорил Вася.— Мне бы встать только.— Он тихо шевелил под простыней ногами.— А на фронте буду — рассчитаюсь с фашистами! Все им припомню!

Красноармейцы сочувственно глядели на бледное безусое лицо, на тонкие мальчишеские руки, перебирающие край простыни...

Вася ждал ребят. Их давно не было, а ему хотелось поделиться с ними своей радостью, рассказать о своих надеждах,

о том, что он, Вася, скоро встанет и попросится в самый горячий бой.

Никто не умел так сочувствовать Васе, слушать с таким восторгом, никто не умел так понимать и разделять мечты комсомольца, как ребята.

Неведомый Васин герой — бесстрашный командир вставал перед ними во весь рост, напоминая то Митю, то учителя, то Степана Ильича.

И, присев на табуретках около Васиной кровати, они, в свою очередь, в сотый раз пересказывали молодому бойцу все, что видели и пережили на Украине.

— Не один у нас герой — весь наш народ герой,— вмешиваясь в их жаркую беседу, басил из своего угла Егор Иванович.

Поджидая своих друзей, Вася поминутно взглядывал на дверь.

— Придут! — утешала его Нина Игнатьевна.— Об операции они уже знают, а проведать прибегут. А впрочем, с дежурством у них что-то неладно последнее время. Все больше девочки приходят. Ведь к ним директор бывший приехал, дом под школу будут ремонтировать. Вот и хлопочут. Ты не скучай, прибегут!

Но перед обедом забежала одна Лида. Узнав от нее, что все заняты на работе, Вася сначала опечалился, потом расспросил обо всем и, загоревшись общим настроением ребят, сказал:

— Эх, и я бы сейчас вам помог по-комсомольски!

Глава 27

НЕНАСТОЯЩАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

Пока ребята, увлеченные новыми делами, пропадали на пустыре, Екатерина Алексеевна нервничала и сердилась на себя за то, что взялась за такое трудное дело, как подготовка ребят к шестому классу.

«Нет, подумать только! И как это я взялась, сама не пони-

маю. Просто стало жалко ребят. Но какой же толк из всего этого? Почему они не ходят? Это просто возмутительно!»

Нервничая сама, она нападала на Петю:

— Что вы думаете, на самом деле, Петя? Уже июнь кончается, а мы и так ощупью движемся вперед. Ведь я все-таки не учительница, мне самой приходится все повторять заново. Теперь еще географию надо закончить, а вы стали небрежно относиться к занятиям. Где твой Трубачев? Что это, на самом деле? Чем вы целые дни заняты?

Петя, сильно вытянувшийся и похудевший за это время, хлопал ресницами, глядя на мать умоляющими глазами:

— Мамочка, мы тоже беспокоимся, но у нас теперь самое горячее время. Ты знаешь, вчера мы с рабочими за материалом ездили на лесопильный. Там столбов нет, одни обаполки... Леонид Тимофеевич делянку выхлопотал. Сами будем деревья пилить. Нам лесовоз нужен...— расстроенно бормотал Петя.— Ты подожди, вот уже нам рабочих дали. Мазин объявление повесил, и бывшие ученики собираются. Сейчас уже из седьмого класса трое ребят пришло...

— Значит, Леонид Тимофеевич надеется закончить ремонт к осени?

— Да, конечно! Первого сентября начнутся занятия. Это точно, мама!

Екатерина Алексеевна опять заволновалась:

— Так вот, предупреждаю: если все будет так продолжаться, вы сядете в пятый класс. И вообще, Петя, надо посоветоваться с директором, может, он найдет вам настоящую учительницу — здесь нужен опытный человек. Надо пойти к Леониду Тимофеевичу, вот что!

— Зачем, мама? Мы, наоборот, ничего не хотим ему говорить, пока не подготовимся по арифметике. Ведь если он сейчас проверит, что мы прошли, то и разговаривать не станет — просто посадит в пятый класс! — не на шутку испугался Петя.

— Постой, постой... Значит, вы Леониду Тимофеевичу даже не сказали, что готовитесь в шестой класс?

— Нет, мы сказали. Ну просто так, что занимались всю зиму, вообще...

— Ну, а он что?

— А он говорит, что летом надо отдохнуть, поработать на свежем воздухе, вообще...

Екатерина Алексеевна пристально взглянула на Петю и решительно сказала:

— Я пойду сама к Леониду Тимофеевичу,— мне необходимо посоветоваться с ним. Может, действительно незачем тянуться через силу. Идет лето, надо отдохнуть, а уж с осени — за учебу.

— Как, сесть в пятый класс? Что ты говоришь, мама! Зачем же мы так старались? Мы же почти всю программу прошли. Анатолий Александрович нас хвалил, и Костя тоже. Там совсем немного по географии осталось. А по русскому ты сама говорила, что мы хорошо идем. А теперь хочешь, чтобы мы в пятый класс сели! — Петя чуть не плакал.— Никто из ребят на это не согласится, мы слово друг другу дали, что будем драться за учебу!

— Знаешь, Петя, я всегда говорю с тобой как со взрослым человеком, но иногда, к моему глубокому сожалению, я убеждаюсь, что это еще рановато. Так и сейчас. Если ваше главное дело — учеба, то почему же вы не распределите так свое время, чтобы, по крайней мере, не пропускать занятий! Вот у нас арифметика плохо идет. Твой Трубачев первый отстает по арифметике. А Мазина я просто не узнаю! Вчера спрашиваю его, почему вы не ходите, а он стоит как дурачок и мямлит: не можем, не успеваем... Никогда не ожидала этого от Мазина! И вообще не люблю я таких жалких слов!

— Но ведь мы и правда многое не успеваем, мамочка...

— Вот-вот! Повтори еще и ты! Не успеваем, не можем, робеем, боимся — ведь этот набор жалких слов показывает, что вы не умеете правильно распределить свое время. Мне это просто слышать неприятно... Вот я тебе выпишу на бумажку все эти слова, выучи их наизусть и раз навсегда выбрось из своей памяти! — разбушевалась Екатерина Алексеевна.

— Так зачем же мне их учить наизусть, если ты хочешь, чтобы я их совсем забыл? — засмеялся Петя.

— Зачем? — Екатерина Алексеевна тоже засмеялась и мах-

нула рукой.— Я уж прямо не знаю, как тебя воспитывать, Петя! И вообще, я устала от вас. Вы какую-то такую сложную жизнь устраиваете себе и другим. Все у вас сильно преувеличено и многое без толку... наполовину дело, наполовину фантазия. А учеба страдает от всего этого. Арифметика — такой серьезный предмет, а вы...

Петя бросался к своему столу и, раскрыв задачник, начинал заниматься. У него было еще одно тайное дело, которое стоило ему многих бессонных ночей. Из любви к матери он вместе с ней добровольно принял на себя ответственность за подготовку к шестому классу. Для этого он изо всех сил тянулся сам, ночью засиживался над задачами, чтобы быть готовым к уроку и этим облегчить матери занятия с товарищами.

— И как это ты сразу разбираешься во всем, Петя? Просто удивительно! — радовалась, глядя на сына, Екатерина Алексеевна.— Тебе очень легко даются задачи!

Петя счастливо улыбался, моргая сонными глазами. Серьезное, озабоченное выражение никогда не сходило теперь с его лица. Мазин, внимательно приглядываясь к старому другу, подмечал в нем новые, незнакомые ему черты и, неопределенно хмыкнув, говорил:

— Что это тебя, Петька, как будто в зеленую краску окунули?

— А что? — грустно спрашивал Петя.

— Да ничего. Только ты совсем стал на себя не похож. Очки тебе надо купить по дешевке.

Петя не сердился. Он знал, что и у Мазина нелегкая жизнь. Но Мазин молчал. Он никогда и ни на что не жаловался. Только один раз Петя застал его расстроенным и огорчённым. Это случилось, когда одна из соседок заболела и Мазину поневоле пришлось нянчить ее троих детей. Но и об этом случае сам Мазин всегда рассказывал с доброй усмешкой:

— Ну, оставили на меня. И все на работу ушли. Кисель из морса сварили. Я дал детям ложки честь честью, поставил этот самый кисель на стол. Прихожу — все трое буро-малиновые и ревут. Кто кого ложкой по лбу трескает, кто прямо

пятерней. Ну, чего тут с ними делать? Слов они не понимают, малые еще. Я рассадил их на стулья подальше друг от друга и вооружился веником. Так и сторожил, пока Петька не заявился,— усмехаясь, заканчивал свой рассказ Мазин.

Да, ему тоже жилось не сладко, и Петя не сердился на товарища. Другая стала жизнь, и в этой жизни некогда было теперь обращать внимание на всякие мелочи.

Петю беспокоила учеба. В прошлый раз Васек обещал, что снова наладит аккуратное посещение уроков. Петя волновался, ждал и начинал приходить в отчаяние.

Разговоры с Петей не успокаивали Екатерину Алексеевну. И, как всякий человек, которого мучат какие-нибудь заботы, она вела сама с собой длинные разговоры — то упрекала себя в том, что поддержала решение ребят одолеть пятый класс, то горячо возражала себе: как можно было не поддержать!

Такое желание учиться... Самолюбивые ребята! Кто знает, как бы повлияло на них вынужденное второгодничество? Петя только-только выпрямился, его друг Коля Мазин — тоже. А сколько было положено труда, чтобы приучить этих мальчиков к учебе!..

Екатерина Алексеевна вспоминала те дни, когда она вошла в дом Русаковых и увидела одинокого, заброшенного Петю, привыкшего изощряться в разных хитростях перед отцом. Мальчик смотрел на нее тогда испуганно и недоверчиво — ведь она была для него только «мачехой».

Вспоминая об этом, Екатерина Алексеевна горько улыбалась. Никто не знает, как ей трудно было примирить отца с сыном! Она взяла на себя ответственность за воспитание мальчика, она не позволила отцу запугивать сына наказаниями. И с каждым днем Петя становился лучше. С каким торжеством принес он в прошлом году отличные переводные отметки! С какой радостью называл он ее «мамой», а для нее это слово было самой высокой наградой. Она так хотела быть для него хорошей матерью! Именно поэтому, ради него и ради его товарищей, она согласилась с ними заниматься, готовилась к урокам, нервничала, недосыпала.

Она мечтала о том времени, когда кончится война, вернется Петин отец. У них будет дружная трудовая семья. Екатерину Алексеевну беспокоило равнодушное отношение мальчика к отцу. Петя редко вспоминал о нем; гораздо чаще, с искренним беспокойством он говорил о своем учителе, о Мите.

Екатерина Алексеевна часто беседовала с Петей об отце, постепенно прививая мальчику мысль, что отец — ему близкий, дорогой человек. Она не оправдывала сурового обращения отца с Петей, но находила глубокие, извиняющие причины. Петино сердце теплело медленно, постепенно...

Думая обо всем этом, Екатерина Алексеевна снова возвращалась мыслью к занятиям. Что же делать? Бросить сейчас — поздно. Ребята изо всех сил тянулись всю зиму! В конце концов она решила, проверив еще раз хорошенько знания ребят по всем предметам, пойти к Леониду Тимофеевичу, рассказать все откровенно и просить совета.

«Июль, август...» — мысленно считала Екатерина Алексеевна. Впереди оставалось только два месяца.

Глава 28

НЮРА СИНИЦЫНА

Нюра стояла у окна в палате и слушала, как шумит ветер, как, положив на подоконник ветки, с тихим шорохом касаясь ее рук, качается Валина березка. Нюра видела в темноте тонкий белый ствол молодого деревца, и сердце ее сжималось неостывающей тоской по Вале.

В палате не зажигали огня. Раненые, лежа на койках, глядели в раскрытое окно на выступающие в темноте кусты, на белые колышки забора, на развешанные между деревьями стираные халаты, на все, что было видно из окна и вносило с собой в палату какое-то разнообразие.

В палате «4 Б» кое-где уже слышалось сонное дыхание, разговор затихал. В сумерках смутно белели лица, шевелились закинутые за голову руки. Кто-то, осторожно шаркая туфлями, выходил в коридор...

До Нюры долетел приглушенный шепот. Облокотясь на подушку, Вася рассказывал соседу по койке:

— ...Идем мы, леса густые... Мороз словно стекло под ногами рассыпал. Сучья трещат... Видим — ночевать надо. Разгребли мы снег под елью, застелили ветками, поверх палатку положили, легли вчетвером, друг о друга греемся...

Нюра низко склоняется к зеленой ветке березы. Ей вспоминаются длинные светлые косы, заткнутые за ременный поясок, синяя трубка тетрадок, зажатая в руке, и на длинной Миронихиной кофте рассыпавшийся букетик ромашек.

— ...Ну, накрылись палаткой, согрелись кое-как... Выглянул я. Светит луна, сквозь ветви продирается. И стоит он по колено в снегу... с биноклем. Шапка снегом запорошена, вся блестками переливается, брови и ресницы тоже от мороза побелели. Все спят, а он стоит...

Что-то тревожит Нюру в рассказе Васи. Про кого это он опять? Про командира, верно... Почему же командир не спит?.. Она тихо отходит от окна, слушает, и рисуется ей белое-белое поле, тяжелые, засыпанные снегом ветви ели, взбитые метелью сугробы и утонувший в них до пояса командир в шинели бойца, в заснеженной шапке с красным огоньком звезды...

В углу палаты раздается голос Егора Ивановича:

— Попить бы, дочка...

Нюра осторожно проходит между койками, наливает в чашку воды и подносит ее раненому. Егор Иванович, покачиваясь, сидит на койке. В полумраке белеют туго забинтованная рука и на смуглой, заросшей шее широкий бинт.

— Мозжат кости, терпенья нет... Вот через недельку на электризацию назначат. Я уже просил Нину Игнатьевну, чтобы ты меня тогда водила, дочка. Тут через дорогу, недалеко... Только бы скорее назначили,— тихо говорит он, морща высокий лоб и глядя на Нюру изнуренными бессонницей глазами.— От тепла боль приутихает, дышать легче.

— Как только доктор скажет, так и пойдем,— ласково говорит Нюра.— Тут недалеко, мы потихоньку...

Напоив Егора Ивановича, она снова отходит к окну и, присев на подоконник, смотрит, как постепенно темнеет и темнеет

во дворе. Сегодня Нюра сильно поссорилась с матерью. Закрывая за девочкой дверь, мать с сердцем сказала:

— В последний раз тебя пускаю! Что это за безобразие, что ты ни одного дня не посидишь дома! Вот сейчас вечер. Все порядочные девочки уже давно дома! Ну куда ты идешь?

Нюра молчала. Она часто упрямо молчит, избегая взгляда матери. А мать ждет, требует ответа; молчание Нюры возмущает ее до глубины души.

«Но разве ей можно что-нибудь рассказать! — с тоской думает Нюра.— Ведь она потом этим же попрекать станет!»

— Нюра, ты живешь с нами, как чужая...— сказала сегодня мать. Полный подбородок ее задрожал, в глазах появились слезы.

Нюра с тревогой смотрела, как мать прижимала к глазам платок, нервно комкала его в руках.

— Почему ты всегда молчишь, Нюра?

Мать вдруг, словно потеряв терпение, разразилась гневными упреками:

— Тебе твои товарищи дороже родителей! Ты целые дни без толку гоняешь с ними по всему городу... Но я этого не оставлю так! Я не для того свою дочь воспитывала, чтобы она лодыря гоняла с какими-то приятелями.

— Это не какие-то... Ты не должна так говорить, мама!

Мать и дочь смотрели друг на друга холодными, враждебными глазами. Потом Нюра отвела взгляд и пошла к двери.

Дел так много! Их накапливается все больше и больше. Теперь они уже начинаются с самого раннего утра. Ведь все ребята на работе! Что понимает в этом мать!..

Возвращаясь поздно вечером, Нюра с замиранием сердца слышит всегда одно и то же восклицание:

— Наконец-то!..

И пока Нюра, снимая на ходу пальтишко, проскальзывает в комнату, мать, шумно дыша, идет за ней, как грозный судья, имеющий право на угрозы, наказания и жалобы.

— В последний раз чтобы это было! И помни: если ты меня обманываешь... если все эти твои россказни, что ты ходишь в госпиталь, окажутся ложью...— Мать дробно стучит пальцем

по столу, голос ее повышается до крика: — Я к главврачу пойду! Я тебя не пожалею... Я целый день как безумная мечусь по дому и не знаю, где моя дочь... Да мало мы с отцом из-за тебя пережили, когда ты на этой самой Украине застряла! Мало я ночей не спала! Неблагодарная!

Мать бессильно опускается на стул, закрывая лицо руками; крупные слезы просачиваются сквозь ее пальцы.

— Неблагодарная ты! Вот останешься без матери, вспомнишь тогда все.

Испуг и жалость охватывают Нюру. Она бросается к матери, пробует разнять ее руки, прижимается к ним лицом:

— Мамочка, ведь я не одна, ведь все ребята так! И я ничего тебе не солгала — мы все работаем.

— Кто — все? — грозно спрашивает мать.— Кто? Твой Трубачев? Вот эта самая компания, которая и испортила тебя вконец! Где моя дочь? Я ее не узнаю... То-то сюда и глаз не кажут! Стыдно им... Я на тебя все силы положила. Но ты готова на первых встречных променять родителей. Бессовестная! Тебе никого не жалко!

Нюра уже не слушает, как со слезами и возмущением упрекает ее мать,— она все равно не в состоянии доказать свою правоту.

Поздно ночью, когда приходит с завода отец, в комнате родителей затевается тяжелый спор. Нюра лежит на кровати, смотрит в темноту открытыми глазами и жадно ловит каждое слово отца.

Что делать? Как быть? Может быть, папа поймет ее?

Папа все время на заводе с людьми, он понимает, что каждый должен сейчас работать изо всех сил...

Отец встает очень рано; мать, измученная ссорами с дочерью, еще спит. Нюра в одной рубашонке выбегает в переднюю, бросается к отцу:

— Папа, подожди! Поговори со мной!

— Нюрочка, дружочек, что же тут говорить? Пожалей маму, доченька... Всем трудно, и ей трудно. Война... Пойми это, Нюрочка. Ты ведь уже не маленькая... Мы все с головой ушли в работу. Иначе нельзя. А маму надо жалеть. Мама у нас боль-

ная, она за тебя все глаза выплакала. Это надо понимать, доченька.— Отец гладит Нюру по голове, смотрит на нее расстроенными, умоляющими глазами.— До войны я жил для семьи — для тебя, для мамы, а теперь у меня так много дела, я прихожу только на несколько часов домой. Ты ведь большая девочка, Нюра, ты пионерка. Ты должна понять, что у каждого из нас есть долг перед страной... высокий долг...— Отец бессильно оглядывается, ищет убедительных слов.— Вот если бы был твой вожатый — он с вами умеет разговаривать,— он тебе объяснил бы. А я вот спешу сейчас...— Отец набрасывает пальто, бегло целует дочь.— Пожалей же папу, доченька... Будь хорошей девочкой, не волнуй маму, не затрудняй собой жизнь взрослых. Я не могу сейчас разбирать ваши ссоры, я должен работать, я не могу иначе...— бормочет отец на ходу.

— Папа, папа... я тоже не могу иначе! — беспомощно рыдает Нюра и ловит руки отца, чтобы удержать его, чтобы рассказать ему, что и в ее маленькой жизни есть свои обязанности перед Родиной.

На плач Нюры выходит из спальни мать. Девочка выпускает руки отца и убегает к себе. Некому, некому рассказать, не с кем поделиться своим горем... Если бы поговорить об этом с Лидой, с товарищами! Но Нюра скрытная. Ей стыдно за родителей, ей не хочется, чтобы кто-нибудь обвинял ее мать. Она даже никогда не зовет никого к себе в дом — стесняется матери. Мать может начать упрекать, сердиться, выговаривать. Разве в такой дом можно прийти товарищам? И Нюра молчит, затаив свое горе.

Дома она старается помогать матери. По утрам молча берет карточки и идет в булочную за хлебом. Она всегда ходит за хлебом в эту булочную, что на углу. Коля Одинцов тоже прикрепил там свои карточки, хотя эта булочная далеко от его дома.

Коля видит Нюру еще издали. Он занимает для нее очередь и берет сто граммов румяных, поджаристых сухарей. Коля старается не смотреть на распухшие от слез глаза подруги и, когда она выходит из булочной, неловко сует ей в руки свои сухари:

— Бери!.. Ну что ты еще... бери!

— Да нет, я не хочу! Лучше бабушке отнеси,— слабо возражает Нюра.

— Да бери, откусывай! Я для бабушки белого хлеба взял,— уговаривает Одинцов.

Они идут по улице, похрустывая сухарями. Заплаканные глаза Нюры тревожат ее товарища, но он не смеет спросить, почему она плакала. Ведь Нюра все скрывает. А зачем скрывать? Ведь и Коля и все товарищи давно видят, что у нее дома как-то неладно. Недавно они все напали на Лиду: «Почему ты не спросишь? Ведь ты же ее подруга!» — «Я спрашивала... я двадцать раз спрашивала, но она не хочет, чтобы я знала. И вы меня не упрекайте! Я сама не знаю, что делать!» Лида сильно рассердилась на них за упреки.

— Мне скоро придется после обеда дядю Егора Ивановича на электризацию водить,— думая о своем, устало говорит Нюра.

— Давай вместо тебя я буду! — быстро предлагает Одинцов.

— Нельзя. Он со мной хочет. У него дома дочка такая же, вот он все со мной дружит.

— Нюра,— осторожно говорит Одинцов,— может, на тебя мама сердится за что-нибудь? Ты скажи нам... Может, тебе нельзя так часто из дому уходить?

Нюра молчит, и Одинцов сам пугается своего вопроса. Но уже все равно — начал так начал.

— Нюра, мы ведь все товарищи, ничего друг от друга не скрываем... Ты только скажи нам, может, мы к твоей маме пойдем, поговорим с ней... Может, Севе пойти или Трубачеву?

Нюра сразу настораживается:

— Нет, что ты! У меня... ничего особенного. Просто мама нервная — она не любит, когда я ухожу.

— Взрослые, конечно, все нервные,— бормочет Коля.

Но Нюра неожиданно твердо говорит:

— Но ты не беспокойся, я все равно буду ходить. Надо так надо. Помнишь, как в походе мы подошли к холодной, глубокой речке и все испугались, что придется ее вброд переходить, а Валя сняла тапочки и так просто сказала: «Надо так надо»? Помнишь?

Одинцов не помнит, но из уважения к памяти подруги грустно кивает головой.

— Вот и я так теперь буду. Надо так надо! — говорит Нюра.

— Трудно тебе все-таки с родителями...— опять начинает Одинцов.

Но Нюра, готовая защищать свою семью, смотрит на него настороженно и сухо. Коля в смущении надкусывает последний сухарь и протягивает его Нюре:

— Ты не думай, я ничего не говорю... Вот возьми еще сухарь, я нечаянно надкусил... Может, брезгаешь?

— Ой, как не стыдно! — вспыхивает Нюра и в доказательство поспешно засовывает в рот сухарь. Сухарь с хрустом разламывается пополам под ее крепкими зубами.— Вот как раз! На́ тебе половину! — радуется Нюра.

— Здо́рово сломался — точка в точку пополам! — с особым удовольствием похрустывая своей половинкой, замечает Коля.

Обоим становится беспричинно смешно и весело. И до самого дома, пока рядом с Нюрой идет ее друг и товарищ, она не вспоминает больше о тяжелой размолвке с матерью.

Глава 29

ШКОЛА № 2

Бывший пустырь привлекал внимание всех жителей маленького городка. «Школа № 2» — читали они объявление на приземистом столбике, вбитом в землю на том месте, где предполагался въезд в будущую аллею. Люди останавливались и с любопытством глядели на широкий двор, на большой дом, опоясанный вокруг лесами.

На крыше звонко отстукивал молоток кровельщика, плотники вставляли рамы, а по двору с тачками, носилками и лопатами пробегали школьники. Мокрые загорелые спины мальчишек жарко блестели на солнце, повязанные платочками головы девочек, как разноцветные маки, мелькали на пустыре. Двор был уже убран, яма с мусором аккуратно засыпана и сров-

нена с землей, освобожденная от щебня трава поднялась, и в ней зацвели желтые и синие цветики иван-да-марьи, зеленые калачики и мелкая ромашка.

— Давай, давай! Принимай! — слышался крик рабочих.

Доски и рамы поднимали на второй этаж на веревках. Упираясь крепкими ногами в землю, ребята держали железную лестницу, подавали инструменты.

— Эй, ребята, кто там из вас половчее, подай сюда плоскогубцы! — доносился с крыши голос кровельщика.

— Есть подать плоскогубцы!

Опережая товарищей, мальчуган в полосатой тельняшке бросался к лестнице и, поплевав на ладони, быстро, как обезьяна, карабкался наверх. Черные ленточки его бескозырки развевались в воздухе, и через мгновение задорный голос слышался уже на крыше:

— Приказ выполнен! Есть спускаться обратно!

Ленты бескозырки снова развевались в воздухе, и мальчуган прыгал на землю.

Заслышав гудок машины, ребята с торжествующими криками выбегали на улицу, прибирая по пути брошенные доски и обрезки железа:

— Везут! Везут!

— Отойдите, граждане! Посторонитесь!

На пустырь въезжала белая от извести машина. Зычные гудки ее наполняли двор. Тяжелый борт с грохотом откидывался, и белая пыль густо покрывала волосы и плечи школьников.

Известь сваливали в приготовленную яму, лопаты звонко скребли дно грузовика. Шофер, выглядывая из кабинки, давал задний ход:

— Эй, работнички! Отойди подальше!

— Разворачивай, дядя, разворачивай!

— Стой, стой! На доски наедешь!

Одна из машин сбросила прямо около столбика ящики с гвоздями и тяжелые листы железа.

Грозный с двумя рабочими принялся разбирать кучу железа.

Васек, откинув со лба мокрый от жары чуб, взмахнул рукой:

— Эй, ребята, носилки сюда!

Лида и Нюра оглянулись, схватили носилки и побежали на его зов. Васек обхватил обеими руками ящик с гвоздями, силясь поднять его с земли. На помощь ему со всех сторон бросились товарищи. Ящики потяжелее тащили волоком, оставляя примятый след на траве.

Любопытствующие граждане не выдерживали — крупно шагали за черту, где стоял врытый в землю столб, сбрасывали на сложенные бревна пиджаки и включались в работу:

— Стой, ребята! Веревки надо! Веревки давайте!

— Эй, ве-рев-ку! Ве-рев-ку давай! — неслось по двору.

Ящики с гвоздями обвязывали веревкой и втаскивали на второй этаж. Блестящие белые листы железа, поблескивая на солнце, плыли на головах людей к дому.

Прежний пустырь стал похож на жизнерадостный, трудолюбивый муравейник. Объявление Мазина скликало со всего города бывших учеников школы. Ребята входили во двор, как бы не веря своим глазам, со счастливыми, удивленными улыбками оглядывали работающих школьников, узнавали друг друга, радостно здоровались.

— Где директор? Ребята, где Леонид Тимофеевич?

— Он лесовоз хлопочет! На делянку поехал!

— Эй, чего спрашиваешь! Твоя школа?

— Ну как же! Вторая?.. Моя! Я в пятом классе учился, не узнаешь?

Как не узнать! Узнавали. Жарко хлопали пыльными от работы ладонями по чистой ладони пришедшего.

— Сбрасывай майку! Становись на работу!

Новый школьник сбрасывал майку, принимался за работу.

По улице громыхала трехтонка. Ребята, оглушая криками шофера, заглядывали в кабинку. Из нее неторопливо выходил директор, с доброй усмешкой в карих глазах встречал вновь пришедших, вспоминал фамилии, пожимал протянутые руки.

— Здравствуйте, здравствуйте! Нашла вас школа? Очень рад... Какой класс? Шестой? Великолепно! Определяйтесь на работу. Вон Иван Васильевич покажет куда.

— Да что-то уж больно много помощников стало! Идут и идут! — ворчал Грозный.— Эдак вместо работы одна забота получится с ними.

Хитрость Мазина привлекала на пустырь не только школьников, но и родителей. Прочитав объявление, они торопились записать своих детей в школу.

Директор принимал посетителей прямо во дворе. На крыше гремело железо, вокруг дома по лесам ходили рабочие, со стен сыпалась отбитая штукатурка, на земле лежали горы стружек.

— Школы еще нет. Вот закончим ремонт, тогда начнем записывать детей,— устало пояснял директор.

Ремонт шел полным ходом. Директору приходилось ездить в Москву, ходить по разным учреждениям, хлопотать материал.

Возвращаясь на пустырь, он всегда спрашивал:

— Как у нас дела?

— Тес привезли! Мазин с дедушкой Миронычем ездили! — бойко докладывал ему Васек Трубачев.

— А другой Мироныч как? Закончил обвязку рам?

— Вставляет уже!

Двух плотников, по странной случайности, звали одинаковым отчеством — Мироничи. Старший — дедушка Мироныч, бородатый, с кудрявой сединой,— был всегда весел и говорлив; младший — дядя Мироныч,— наоборот, глубоко прятал под насупленными бровями глаза и, не тратя попусту слов, выразительно стучал корявым пальцем по спине приставленного к нему помощника, указывая бровями на нужную ему вещь. Работали оба плотника добросовестно, с охотой.

— Мы, товарищ директор, работаем на совесть. Мы, по общей человечности, труда не жалеем, потому как детям нужна школа... Денег с вас мы не требуем, потому как нас выделил завод. Мы пришли от коллектива рабочих. Дело это почетное, и Родина нам зачтет,— перебрасывая доски, рассуждал дедушка Мироныч.— Вот, конечно, ежели после работы кружечку

пивца поднесете — это мы не откажемся, это, так сказать, мы в своем праве. Как ты думаешь, Мироныч, а?

— Я к этому делу равнодушный,— искоса поглядывая на директора, отвечал младший Мироныч,— разве от жары, конечно.

Леонид Тимофеевич посылал Грозного за пивом. Грозный, неодобрительно поглядывая на старика Мироныча, качал головой, советовал:

— Вечером угощайте, после работы. А то уж очень разговорчивый дед попался!

Внешний вид дома постепенно восстанавливался. Можно было приниматься за отделку комнат нижнего этажа. Работа задерживалась из-за отсутствия печника.

— Что ты будешь делать! — горевал школьный сторож. Нет как нет! Леонид Тимофеевич весь исхлопотался! И куда они все подевались в городе?

— Дефицитный товар. Большой спрос на печника идет,— авторитетно заявлял Мироныч-старший.

— Как хотите, а доставайте. Школа без печей не может быть,— хмуро цедил младший.

В комнате стояли аккуратными столбиками сложенные кирпичи. Ребята наносили песку, глины, но печника не было.

Каждое утро, почистив с помощью Грозного свой выходной костюм, Леонид Тимофеевич отправлялся на поиски.

Однажды, вернувшись, он весело похлопал сторожа по плечу:

— На днях печник будет!

— Откуда? — всполошился Грозный.

— Из райкома комсомола,— с лукавой усмешкой ответил Леонид Тимофеевич.

Сторож значительно поднял брови.

— Уж это без ошибки! — с уважением сказал он.

Глава 30

КАК ЗАРОЖДАЕТСЯ МЕЧТА...

От жаркого солнца кое-где на тротуарах образовались кривые трещины, пыль густо оседала на кустах, на заборах.

В разгар работы с улицы на зеленый пустырь вдруг доносился громкий знакомый голос диктора, передающего последнюю сводку. Работа останавливалась, взрослые и дети выбегали на улицу и, повернув головы к громкоговорителю, слушали сообщение с фронта. Те, которые не могли бросить работу, нетерпеливо спрашивали вернувшихся:

«Ну что там слышно? Как дела на фронте?»

Сегодня, заслышав сводку, Васек выбежал на улицу вместе с Витей Матросом. Перегоняя друг друга, они помчались на голос диктора и, пристроившись позади собравшейся кучки прохожих, слушали утреннее сообщение. Витя Матрос стоял рядом с Васьком и не мигая смотрел горячими, черными, как угли, глазами на громкоговоритель.

Военные события владели всеми помыслами Вити — он не пропускал ни одной сводки, жадно слушал рассказы о героях и сам мечтал о подвигах.

В доме у Вити, на чердаке, под слуховым окном, долго лежал на боку старый ящик, когда-то заменявший ему корабль. Еще не так давно Витя являлся на чердак и, воображая себя капитаном, командовал невидимыми матросами: «Команда, наверх! Убрать снасти! Надвигается шторм! Попросить ко мне Виктора Боброва!» — «Есть Виктора Боброва!» — отвечал сам себе Витя. «Виктор Бобров! Вам предстоит выяснить расположение противника. Возьмите запасную шлюпку и отправляйтесь немедленно!» — «Есть, капитан!»

Старый ящик превращался в шлюпку, он скрипел и бешено раскачивался.

Мать стучала щеткой в потолок.

«Витя, Витя! — кричала она.— Что ты там делаешь, противный мальчишка. Штукатурка сыплется с потолка».

Витя затихал, но ненадолго.

«Человек за бортом!» — вдруг отчаянно орал он, прыгая с

размаху из «шлюпки» на старый ободранный диван с торчащими из ваты пружинами. Игра разгоралась снова.

Но с тех пор как началась война и любимый брат Вити ушел на фронт, мальчик забыл свои детские забавы. Слуховое окно на чердаке затянулось паутиной, и в морозную зиму Витя сам порубил свой старый ящик матери на дрова.

Сейчас мысли Вити Матроса уносились к каменистым берегам под Севастополем, где сражался его старший брат — моряк Черноморского флота Николай Бобров.

С побелевшим от волнения лицом мальчик жадно вслушивался в каждое слово диктора:

«Неувядаемой славой покрыли себя защитники Севастополя. Они стойко и мужественно обороняют от немецко-фашистских захватчиков каждую пядь Советской земли...»[1]

Васек мельком поглядывал на Витю, тихонько жал его тонкие загорелые пальцы.

«Брата вспоминает...» — с теплой жалостью думал он.

Сводка кончилась. Прохожие постепенно разошлись, а Витя все еще стоял и, забывшись, смотрел вверх, на громкоговоритель. Васек тронул его за плечо:

— Пойдем!

Витя медленно повернул к нему голову. В его глазах блестели слезы. Васек заволновался.

— Витя, он вернется, твой брат, ты не бойся! — поспешно сказал он, чтобы утешить мальчика.

Ресницы у Вити дрогнули, сбрасывая светлые капли слез, губы зашевелились, но он ничего не сказал, только покачал головой и вытащил из-за пазухи пачку писем, завернутых в газетную бумагу. Письма были смятые, зачитанные, с истертыми, расплывшимися буквами. Витя развернул одну бумажку и прочитал дорогие слова, написанные ему братом перед боем.

Письмо было суровое, но между строк сквозила нежная, большая любовь к младшему братишке. Кончалось оно так:

«...Моряки стоят насмерть. Пусть советские люди крепко надеются на нас — будем бороться до последней капли крови.

---

[1] Утреннее сообщение Совинформбюро от 2 июля 1942 года.

И ты, Витька, помни: коли не вернется твой брат, значит, смертью храбрых погиб он на своем посту. И плакать о нем, братишка, не надо. Утешай мать, береги ее за себя и за меня. Вырастешь — станешь моряком. Выйди в море, погляди на город-герой Севастополь, на прибрежные камни, политые нашей кровью, и сними, Витька, шапку перед славными защитниками-черноморцами. Был между ними и брат твой Николай...»

Мальчик опустил письмо. Глаза его сверкнули гордой решимостью:

— Кончу школу — стану моряком. И, если Родина даст мне какой-нибудь приказ, я не посрамлю брата!

Васек с большим уважением смотрел на мальчугана, который с недетской суровостью преодолевал свое горе и твердо знал свой будущий путь.

Васек с беспокойством подумал о себе. А кем будет он, Васек Трубачев? Какие-то неясные мысли тревожили его душу.

Он видел себя и командиром отряда, и строителем, и геологом, но во всем этом не было того главного, прямого, раз навсегда намеченного пути, который был у Вити.

Глубоко задумавшись, Васек не слышал, как Витя тихонько потянул его за рукав и что-то сказал.

Он понял только, что товарищ говорит о море, где, рассекая гребни неспокойных волн, идут на врага боевые советские корабли, где на берегу бьются насмерть севастопольские моряки, где из рукопашной схватки не уйти живыми врагам...

Витя говорил громко, возбужденно, и сила его слов захватывала Васька. Потом он умолк. Лицо его засветилось неизъяснимой прелестью затаенной мечты.

— Уйдем в море, Трубачев! — с восторгом сказал он вдруг.— Ты не знаешь, какое море! Я вырос на берегу. Я видел высокие, как дома, волны — они выбрасывали громадные камни и разбивали их вдребезги. Но моряки ничего не боятся... Уйдем на корабль, Трубачев! Ты не знаешь, какой народ моряки!

Голос Вити проникает в сердце Васька. Стать отважным советским моряком, служить своей Родине, защищать ее от врагов, стоять насмерть, как стоят под Севастополем черноморские моряки...

Васек вскидывает голову. По широкому синему небу уплывают куда-то вдаль тяжелые белые облака. Чудится: в далеком, невиданном море идут на врага боевые корабли, на палубе в черных бушлатах стоят моряки, и, залитый солнечным светом, на высокой мачте реет советский флаг.

— Уйдем в море, Трубачев! — настойчиво шепчет Витя.

Бывает в жизни тревожный и радостный миг, когда в сердце человека зарождается мечта. Васек уже чувствует ее крылатое прикосновение.

— Но ведь это еще не скоро, Витя. Нам еще надо кончить школу,— с трудом возвращая себя к своим делам, к своей теперешней жизни, рассеянно говорит Васек.

— Конечно, конечно! Мы кончим школу и морское училище... Нам еще много надо учиться! — радостно подхватывает Витя.— Ты только скажи мне — пойдешь?

Васек крепко обнимает его за плечи:

— Пойду... Спасибо тебе, Витя! Спасибо тебе...

Васек не знает, за что он благодарит этого черноглазого мальчишку, но чувствует, что Витя Матрос как будто подарил ему синее море с боевым кораблем, и бушлат моряка, и будущие подвиги.

Так зарождается мечта...

Глава 31

НА ПРУДУ

К вечеру работа на пустыре утихла. Рабочие расходились по домам. Свернув трубочкой фартуки и засунув их под верстак, ушли и два Мироныча. Закончил работу кровельщик и, постукивая молоточком по новенькой водосточной трубе, поджидал директора. Две женщины спешно домывали лестницу и комнату на втором этаже, предназначенную для учительской. Ребята собирали разбросанные по двору инструменты и вносили их в дом.

В передней, возле сваленных в кучу дранок и обрезков, Грозный, присев перед табуреткой, кипятил на керосинке чай.

Леонид Тимофеевич, выглянув из окна второго этажа, махнул ребятам рукой:

— Кончайте! Кончайте! Домой пора!

Васек сгреб лопаты, покрыл их брезентом и выпрямился. Исцарапанные плечи его, черные от солнца и грязи, ныли от усталости.

Но сквозь эту усталость он чувствовал, что горячий призыв Вити Матроса влил в него какие-то новые силы.

Казалось, все можно преодолеть в жизни.

Девочки принесли в кружке воды и поливали друг другу на руки. Мазин молча взял у них из рук кружку, жадно выпил тепловатую водичку и, сплюнув, сказал себе в оправдание:

— Все равно не отмоетесь здесь. Незачем и грязь разводить.

Спорить никому не хотелось. Все молча отряхивали платье от въедливой известковой пыли, чистили о траву побелевшие тапки.

— Вот и еще день прошел...— как-то значительно и печально сказал Одинцов.

Васек поднял глаза и встретил тоскующий взгляд Петьки.

— Пойдем на пруд! — бодро сказал Васек.— Там и вымоемся и поговорим.

Он знал, что у всех на душе лежит тяжелый камень —беспокойство за учебу. Аккуратное посещение уроков все еще не налаживалось, каждый день кто-нибудь отсутствовал.

— Надо посоветоваться,— как всегда в трудных случаях, говорил Одинцов.

День уже кончался, но впереди был еще длинный вечер.

— На пруд! На пруд! — оживились ребята.— Девочки, не расходитесь!

— Мне домой надо,— покачала головой Нюра.

— Васек, я сегодня обещала маме прийти пораньше. Она очень много занимается сейчас политучебой. Мне надо еще ужин сварить и посуду убрать,— тихо сказала Лида.— А завтра мама работает, так, может быть...

— Нет, у нас нет больше завтрашних дней. Мы можем потерять шестой класс, понятно?

— Давно понятно! — буркнул Мазин.

— Объявляю сегодняшний сбор на пруду обязательным! — решительно закончил Васек.

Сбор! Знакомое слово всколыхнуло и сразу мобилизовало ребят, все повеселели. Петя Русаков с благодарностью взглянул на Трубачева.

— Молодец! — одобрительно сказал Одинцов.

К Лиде и Нюре подошел Сева Малютин.

— Вы куда?

— Пойдем, пойдем — у нас сбор! Сейчас Трубачев объявил!

— Как? А я ничего не знаю! Мне даже не сказали! — обиделся Сева.

— Да это только сейчас. Мы тоже еще ничего не знали — вдруг он говорит: сбор! — взволнованно зашептали девочки.

— Давно не слышали! — усмехнулся Мазин и, так же как Одинцов, одобрительно сказал: — Молодец Трубачев!

Васек шел впереди, не оглядываясь, но слышал все, что говорили товарищи. Слово «сбор» вырвалось у него неожиданно. И теперь он сам был взволнован этим коротким и торжественным напоминанием о том, что они пионеры, что им необходима пионерская работа, что в ней есть все, чего им не хватает в их жизни и труде. В ней есть четкость, мужество, дисциплина и многое другое, что делает жизнь увереннее и проще и не дает возможности растрачивать бесполезно свое время. Еще минуту назад Васек не знал, о чем будет говорить с товарищами и как выйдут они из своего трудного положения. Но теперь он знал. Да, сбор! На нем всегда решались самые серьезные вопросы.

Васек шел твердым, уверенным шагом и чувствовал, что в его товарищах тоже появились спокойствие и бодрость.

В редкие часы отдыха любимым местом ребят был старый пруд. Заросший и заброшенный, он напоминал им Слепой овражек. Так же на закате в зеленой воде отражались светлые лучи солнца, так же качались над головой шумливые ветки и кричали, пролетая, птицы. Только не было затонувшей в воде коряги. Здесь, среди елок, на темном берегу, как случайная

гостья, гляделась в пруд нарядная белая береза. На ее нежном стволе чернели вырезанные Мазиным буквы: «Р.М.З.С.». А около бывшей землянки, широко раскинув разлапистые ветки, крепко сидела в земле старая ель.

Нет, это не был Слепой овражек! По краю пруда не рос густой орешник, здесь не могли спугнуть ребят чужие, страшные шаги... Но в густой тени, у заросшего пруда, вставали в памяти дорогие, знакомые лица, и чудилось, что протянешь руку — и опустишь ее на теплое загорелое колено сидящего рядом Генки, а закроешь глаза — и стоит перед тобой в шапке-кубанке Игнат, крепко сведены у переносья черные брови... А из-за спины Игната выглянут серые выпуклые глаза Федьки... И Грицько протянет через головы товарищей крепкую ладонь: «Здорово, хлопче, давай твою руку...»

А то вдруг покраснеет вода на пруду, и почудится оттуда детское удивленное лицо мертвого Ничипора, покажется серебряная голова Николая Григорьевича, а рядом с ней другая — с густыми, нависшими бровями и пересеченной шрамом щекой... Острой болью рванется сердце, тихо застонет над головой береза, и страшно припомнится худенькое вытянувшееся тело деда Михайла.

Ой, не забудьте ж того, пионеры, что видели, что слышали, не забудьте нашего лютого ворога!..

Нет, не похож родной пруд на Слепой овражек, только память здесь острей и жалостней да как будто ближе далекие друзья. Поэтому и полюбилось так ребятам тихое местечко...

— Мойтесь! — говорит Васек и с удовольствием погружает в воду горячие пыльные руки.

Ребята следуют его примеру и настороженно следят, как он приглаживает водой свой непокорный чуб, неторопливо повязывает галстук. Вот он уже приготовился — чистый, свежий, приглаженный. На мокром лице синие глаза с знакомым блеском глядят на товарищей. Руки у всех невольно поднимаются к галстукам, старательно разглаживают их концы.

— Мы пионеры,— говорит Васек,— и сейчас, на этом сборе, нам нужно разобрать все свои дела. Что у нас получается? Уроки мы пропускаем, в госпиталь никак не попадем, даже на-

вестить Васю не можем. На работе толчемся целый день все вместе. А потом ходим друг за другом и спрашиваем: что делать с учебой? Верно я говорю?

Ребята молча наклонили головы.

— Так ты сам знаешь — времени не хватает,— пожал плечами Мазин.

— Времени? — переспросил Васек.— А где наше расписание? Вспомните, сколько уроков было в школе, сколько кружков... да сколько мы на коньках да на лыжах бегали, да в кино ходили... На все это было у нас время?

Лида Зорина подняла руку:

— По-моему, с теперешним это нельзя сравнивать. Ведь тогда с нами и Сергей Николаевич был и Митя. Они сами за всем следили. И дисциплину подтягивали.

Васек быстро повернулся к Лиде:

— А ты что хочешь, чтобы сейчас, когда идет ремонт школы, к тебе взяли и прикрепили бы учителя и вожатого специально подтягивать твою дисциплину? Потому что ты сама ничего не можешь? Маленькая?

— Почему это я? — возмутилась Лида.— Разве я про себя говорю?

Ребята зашумели.

— Васек правильно говорит! — выкрикнул Одинцов.— Мы пионеры, мы должны сами на себя надеяться, да еще и взрослым помогать в такое трудное время!

— Нам нечего барчуков из себя корчить и нянек себе искать! — сердито сказал Мазин.

— Подождите! — остановил товарищей Васек.— Будет у нас школа — будут и учителя и вожатые. А сейчас мы, конечно, должны надеяться только на себя. Значит, давайте решим: что для нас главнее всего? Учеба! А для учебы нужно время. А время у нас как вода в решете. Вот это, по-моему, хуже всего.

Нюра откинула с плеч выросшие за лето косы:

— Васек правду сказал, что время у нас как вода в решете! Работаем мы хорошо, я ничего не скажу, никто не ленится, но во всем другом мы просто какие-то неуспевающие! А против

того, что раньше, когда мы... вообще как дети были... у нас совсем другая жизнь стала...

— То, что было раньше,— вставая, сказал Одинцов,— мы вспоминать не будем. Сейчас война, и каждому человеку труднее стало...

— А я, например, ни на что и не жалуюсь,— перебил его Мазин.— Я не белоручка! — Он вытянул руки, оглядел свои шершавые, загрубевшие ладони и с удовлетворением сказал: — Вот они, ручки-то! Красота!

Ребята засмеялись.

— Да хватит вам, ребята! — крикнула Нюра.— Какой тут смех! На самом деле! Разобраться надо, почему мы ничего не успеваем!

Васек покачал головой:

— Нам нужно точное расписание, чтобы мы знали, куда у нас время уходит.

Петя Русаков поднял руку:

— Трубачев, дай мне слово!

Васек кивнул головой.

— Моя мама говорит...— начал Петя.

Но Мазин, сморщившись, как от зубной боли, махнул рукой:

— Ничья мама нам тут не поможет!

— Мазин! — сердито прикрикнул Васек.

Петя вспыхнул, закусил губы.

— Ну, рассказывай, что говорит твоя мама,— немного смутившись, согласился Мазин.

Но Петя уже рассердился.

— Она говорит,— закричал он в лицо товарищу,— что ты понабирал себе жалких слов и носишься с ними, как дурак с писаной торбой!

— Что? Что? — Мазин остолбенело уставился на товарища.

— Что твоя мама говорит? — заинтересовались ребята.

— Повтори, Петя,— сказал и Васек.

— Она говорит, что Мазин понабирал себе где-то жалких слов: не можем, не успеваем, не справляемся — и что такие слова надо совсем забыть и выбросить! — залпом выпалил Петя.

Ребята переглянулись.

— Вот это здорово! — с восторгом сказал Одинцов.

Мазин вдруг склонил набок голову и, закрыв глаза, повалился навзничь.

— Убил! Прикончил! — заорал он, дрыгая ногами.

Ребята расхохотались. Даже Петя не выдержал и улыбнулся. Но Васек прыгнул к Мазину и сердито дернул его за руку.

— Не кривляйся! Поделом тебе! И нам всем поделом! О чем мы тут говорим? На что жалуемся? Не можем, не успеваем, не справляемся... Екатерина Алексеевна нас всех насквозь видит! И с этого дня...— Васек тряхнул головой и смял ладонью упавшие на лоб волосы,— чтоб с этого дня у нас было все иначе... Сева Малютин, пиши!

Сева поспешно вытащил из кармана карандаш и записную книжку.

— Пиши так: «Постановили...» Постой! — Трубачев вопросительно взглянул на Петю.

— «Не говорить жалких слов»,— торопливо подсказал Петя.

Васек кивнул Севе головой:

— Пиши!

Сева записал.

— Дальше?

— «Сделать точное расписание...» — диктовал Васек.— Пиши: «Постановили единогласно: учитывать каждый час...»

— Подожди, Васек, а если что-нибудь... ну, случайное случится? — спросила Лида.

— Да, правда, если какой случай случится? Давайте уж сразу на это время класть! — предложила Нюра.

— Конечно! Ведь у нас все случаи да случаи какие-то. Вдруг опять что-нибудь произойдет, а времени на это не положено,— пожал плечами Саша.

Ребята задумались.

— А ведь и правда, Васек! Как ты думаешь?

Васек нетерпеливо кивнул Малютину:

— Пиши: «На случайные случаи выделить полчаса в день».

— Маловато...— пробормотал Мазин, но, взглянув на Васька, спорить не решился.

— Кому поручим составить расписание? — спросил Малютин.

— Я возьмусь,— протянул руку Васек и, спрятав на груди листок из Севиной книжки, торжественно объявил: — Пионеры, сбор считаю законченным!

Глава 32

ЗАБЫТЫЙ ДНЕВНИК

На другой день Васек позвал к себе ребят, чтобы отдать им составленное расписание.

Бо́льшая часть времени уходила на занятия с Екатериной Алексеевной. Нашлись часы и для дежурства в госпитале, и даже на непредвиденные случаи отводилось полчаса в тот день, когда этот «случай случится».

Казалось, все было просто. Беспокоило только то, что по утрам не придется работать на пустыре.

— Как-то неудобно перед Леонидом Тимофеевичем так поздно приходить. Подумает еще, что ленимся,— говорил Васек.

— Конечно, может подумать, но что делать! Хорошо, что народу теперь прибавилось, есть кому помогать,— успокоил товарища Одинцов.

— Мне Иван Васильевич говорил — еще двое каких-то новеньких приходили, шестиклассники,— вспомнил Петя.

Васек снова взглянул на расписание. Нет, до чего все просто получилось! Можно и работать и учиться.

Конечно, трудно все-таки, но зато какая школа будет! Просторные окна, внутри широкий коридор, внизу большой зал. Все как полагается! Одна комната, в конце коридора, уже заранее намечена для шестого класса. Эта комната внизу... Вчера они убрали под ее окнами мусор и немного вскопали землю. Ребята размечтались...

Скоро они все вместе возьмутся за внутреннюю отделку и за ограду. Ограду они сделают очень нарядную, выкрасят в зеленый цвет и осенью на школьном дворе посадят деревья.

Было уже поздно. Васек заторопился:

— Ну, ребята, сейчас я каждому дам листок бумаги, перепишите себе начисто расписание, и чтобы уж никаких отговорок у нас не было!

Васек подошел к шкафу:

— Тут у папы бумага есть. И дневник наш тут лежит. Давно я его не смотрел!

— Какой дневник? Покажи, Васек!

Маленький круглый шкафчик замысловатой работы Павла Васильевича повернулся вокруг своей оси. Васек распахнул дверцы и взял с полочки знакомую всем толстую клеенчатую тетрадь. На первой странице ее было написано большими печатными буквами:

ЖИЗНЬ НАШЕГО ОТРЯДА. 1941 ГОД.

Ребята вскочили, налегли на стол. Одинцов с волнением дотронулся до гладкой черной обложки:

— Наш дневник!

— Как это мы могли о нем забыть! — удивились ребята.— Ведь здесь все написано! И про Митю, и про Матвеича, и про Степана Ильича.

Одинцов раскрыл последнюю страницу.

— «Хвеко-хвеля Хвео-хведин-хвецов...» — медленно прочитал он в конце.

— Мы должны закончить этот дневник и подарить его школе, чтобы все ребята узнали, какими героями были дед Михайло, Матвеич, Николай Григорьевич! — горячо сказал Васек.

— Мы положим этот дневник в пионерской комнате, чтобы все пионеры могли прочитать про Марину Ивановну, про нашу Валю, про всех...— заглядывая в тетрадь, предложила Лида.

— Конечно... Одинцов, поручаем тебе дописать этот дневник до конца! — торжественно обратился к товарищу Васек.— Сможешь?

— Смогу, конечно! Я все помню. А в случае чего, и вы поможете. Я сейчас же начну писать! — охотно согласился Коля Одинцов.

Польщенный доверием товарищей, он осторожно свернул в трубку тетрадь и спрятал ее за пазуху.

— Подожди прятать. Может, почитаем сейчас? Интересно ведь, как все было! — вопросительно глядя на ребят, сказал Петя Русаков.

Но Васек покачал головой:

— Не время сейчас. Давайте переписывать расписание... Кстати, Коля, пока ты будешь писать дневник, не ходи в госпиталь.

Одинцов запечалился:

— Мне очень Васю повидать хочется. Я только один раз схожу, ладно?

Глава 33

В ТОТ ЖЕ ВЕЧЕР

Когда ребята ушли, в комнату тихонько вошла тетя Дуня, поставила перед Васьком чай. Васек заметил, что чашка с блюдцем дребезжала в ее руке. «Устала...» — подумал он.

— Ну что ты все ходишь, тетя? Как будто я сам себе чая не налью!..— с беспокойством сказал он.— Садись вот тут лучше. Посиди немножко.

— А что это ты пишешь? — присаживаясь к столу, поинтересовалась тетя Дуня.

Васек кратенько рассказал ей про свои дела: про учебу, про ремонт. Все это тетя Дуня слышала не раз, но всегда принимала близко к сердцу.

— Директор сегодня уже в учительской стол себе поставил, а Иван Васильевич скоро из госпиталя в новую школу переедет. У него здесь точь-в-точь такая же комнатка около раздевалки. Он в ней и ночует сейчас — боится, как бы кто материал не унес.

— Ну, это уж напрасно! — возмутилась тетя Дуня.— Кто ж это из школы материал унесет! Да таких злодеев-то во всем городе не найдется. Экий подозрительный старик стал!

— Да нет, может, и не оттого он ночует, а просто хочется ему сторожить... ну, по своей специальности работать, что ли.

— По специальности — это другое дело. А на людей клеветать нечего. Школой все дорожат. Постоянно народ около нее толчется... Я тоже вчера проходила мимо. Заглянула во двор. Дом-то какой красавец будет! А уж школьников, мальчишек да девчонок во дворе — не сосчитать! И тебя видела, только уж окликать не стала.

Она отхлебнула из своей чашки чай, осторожно прикусила кусочек сахару, потом закашлялась, вынула носовой платок и вытерла кончиком глаза:

— Помню, когда уезжал твой отец... Пришел в шинели, сел вот тут рядом, обнял меня. А я плачу. «Что ж, говорю, Паша, голубчик, Ваську от тебя передать? Может, хочешь что-нибудь на прощанье сказать?» А он так покачал головой и говорит: «Не надо, сестреночка. Он все знает, что я могу сказать».— «Да откуда же, Паша, ему знать?» Улыбнулся он мне и опять свое: «Знает, сестреночка! Хороший сын всегда знает, что скажет в том или ином случае отец».— Тетя Дуня облокотилась на ладонь и тихонько спросила: — А ты и вправду знаешь ли?

— Знаю, я всегда знаю! — радостно улыбнулся Васек.— Вот и сейчас знаю... Он подмигнул бы мне одним глазом на тебя и сказал: «Что-то у нашей тети Дуни глаза нынче на мокром месте... А ну-ка, Рыжик, подойди к ней поласковее...» — Васек встал и, обняв тетку, прижался щекой к ее щеке.— Ничего,— сказал он,— проживем как-нибудь...

— Не хватает моих сил...— прижимая к себе его голову, прошептала тетя Дуня.— Писем-то нет у нас... Письма-то куда же подевались?

— Ничего, ничего, придут письма. Ведь бывает — задерживаются в пути. Ты не плачь только, все будет хорошо! — с горьким спокойствием уговаривал тетку Васек.

В эту минуту ему казалось, что отец слышит его и одобрительно кивает ему головой: «Не давай, не давай ей плакать, Рыжик... Старая она, больная. Кто ее, кроме тебя, пожалеет...»

— Давай, тетя, поглядим по карте, где бои идут.

Васек принес карту, разложил на столе, вынул из коробочки красные флажки:

— Вот, гляди, где наши теперь находятся!

Тетя Дуня полезла в карман за очками. Слезы ее высохли, и, расставляя вместе с Васьком красные флажки, она сурово сказала:

— Ничего, придет наше время! Мы их до самого Берлина гнать будем!

— Тебе бы на фронт, тетя Дуня! — пошутил Васек.

Спать легли поздно. Ночью Ваську снился отец. Снилось, что где-то в открытом поле сквозь дым и огонь мчится санитарный поезд. Мимо Васька в паровозной будке промелькнуло бледное, напряженное лицо отца, голубые серьезные глаза, знакомые, опущенные книзу усы. Васек бросился вслед поезду, но из дымной тучи налетел вражеский бомбардировщик, и тяжелый снаряд ударил в бок паровоза. Васек закричал, забился и, сонный, еще долго рвался из чьих-то теплых рук... Потом открыл глаза и увидел встревоженную тетю Дуню.

— Проснись, проснись, Васек, голубчик...— удерживая его, ласково шептала она.

Васек зарылся головой в подушку.

— Писем, писем нет, тетя Дуня...— простонал он.

— Ничего, ничего, придут письма. Ведь бывает — задерживаются в пути...— уговаривала его тетя Дуня.

Глава 34

АНДРЕЙКА

Утром Васек долго думал о своем сне. Тоска, как огромный камень, навалилась на его сердце. Близкий, родной человек — тетя Дуня, но без отца родительский дом кажется пустым и неприютным.

«Сегодня пойду в депо»,— думает Васек.

В депо все напоминает мальчику отца. Там идет своя жизнь, и рабочие ходят в таких же пропитанных маслом и паровозной гарью куртках, в какой ходил отец; там в светлой мастерской и сейчас висит среди стахановцев портрет, а под ним большими печатными буквами стоит подпись: «Павел Васильевич Трубачев».

Васек выходит из дома и жадно смотрит в ту сторону, где за

улицами и переулками чуть виднеется высокая крыша вокзала, а за ней вдоль железнодорожной линии — длинное серое здание депо. Васек в нерешительности стоит у ворот.

В девять часов он должен быть на пустыре, где уже соберутся его товарищи. Они сговорились пойти к Екатерине Алексеевне все вместе. После пропущенных уроков никому не хочется прийти первым. Но сейчас еще рано. Если сбегать в депо... хоть на полчасика!

Васек срывается с места и, прижав к бокам локти, бежит по улице. Дома, палисадники, ворота, калитки и магазины мелькают у него в глазах. Вот и вокзал... Железнодорожные пути скрещиваются, длинными черными змеями лежат на шпалах рельсы. Васек пошел медленно, жадно вдыхая знакомый запах, влажный от пара и душный от угольной пыли. Какая-то женщина торопливо перебегает ему дорогу. В ведре у нее полыхает горящий уголь, выброшенный из паровоза.

Васек усаживается на пригорке. Отсюда видны ворота депо. На запасном пути стоит паровоз. Рабочие в брезентовых комбинезонах тащат брандспойты. Васек знает — сейчас паровоз будет принимать душ. Потом, блестящий, черный, красивый, он отправится куда-то в новый путь.

За ворота депо не пускают посторонних. Васек не считает себя посторонним, но он не хочет, чтобы его остановили в дверях. Ему было бы это обидно. Лучше посидеть на пригорке и подождать своего знакомого парнишку Андрейку.

Андрейка — белобрысый, маленький, озабоченный. В депо его взяли уже во время войны. Андрейка еще и сам хорошенько не знает, какая его должность,— он старается помогать всем и каждому.

Васек познакомился с ним случайно. Однажды в обеденный перерыв, завидев на горке одинокую фигуру Васька, белобрысый Андрейка, важничая своей брезентовой непромокашкой, не спеша поднялся к нему и сел рядом, на прогретую солнцем глинистую насыпь. Прищурив светлые глаза и морща пестрое от веснушек лицо, он долго и беззастенчиво разглядывал своего

соседа. Потом вытащил из-за пазухи сушеную воблу и кусок хлеба. Оба мальчика молчали. Васек искоса смотрел, как «деповщик» сдирает с воблы присохшую шкуру и ест, с удовольствием разжевывая жесткую рыбу крепкими, белыми зубами, как на лбу его под желтыми, пшеничными волосами собираются мелкие капельки пота.

Молчать становилось неинтересно.

— Работаешь здесь? — с уважением спросил Васек, мотнув головой в сторону депо.

— Работаю.— Андрейка шмыгнул вздернутым носом.— Помощником.

— Чьим помощником? — заинтересовался Васек.

— А кто его знает... Чьим придется! Около паровозов хожу. А то на сортировочную посылают.

Андрейка повертел в руках объеденную воблу, внимательно обследовал, не осталось ли где-нибудь мякоти на рыбьих костях, и вдруг подозрительно спросил:

— А ты чего тут торчишь? Я тебя уже не один раз здесь вижу. И сейчас из-за тебя без кипятка обедаю.— Он прихмурил белесые брови.— Может, ты шпион? Или подосланный кем? Гляди, я разоблачу живо!

— Дурак ты, а не помощник! — рассердился Васек.— Мой отец тут работал в депо. Павел Трубачев, коммунист, стахановец.

— Ишь ты! — удивленно сказал Андрейка.— Павла Трубачева я видел... Он у нас на портрете изображен. Машинист? Верно! Нам и на собрании Трубачева в пример ставили!

— А я — его сын! — гордо сказал Васек.

Андрейка окинул нового знакомца одобрительным взглядом и, обтерев полой комбинезона руку, протянул ее Ваську:

— Будем знакомы. Андрей Иванович!

Васек крепко тряхнул его черную от угольной пыли руку и с волнением спросил:

— А что о моем отце говорят?

Андрейка разломил пополам оставшийся хлеб и протянул Ваську румяную горбушку:

— Угощайся! Про машиниста Трубачева я на сортиро-

вочной слышал. Герой он. Поезда с ранеными водит, под самым носом фашистов проскакивает.

— А куда возит он их, раненых-то, не слыхал?

— Нет, не слыхал. Ясное дело, куда ближе. Один раз по нашей дороге проезжал, только без останову, в Москву.

У Васька помутилось в глазах.

— По нашей дороге... здесь? — тихо спросил он.

— Ну да. Ответственный поезд вел... Да что ты побелел весь? Ведь это давно было, еще когда фашисты к Москве подходили, когда их гнали отсюда почем зря.

— Я отца с начала войны не видел... Я его ждал, ждал... А он проехал... мимо проехал...— в отчаянии пробормотал Васек.

Андрейка нахмурился:

— По делу проехал, не на гулянку... А ты что ж больно за отца цепляешься? Ты и сам не маленький, сам себя обосновать можешь — работа везде есть. Я вот тоже за родителей цеплялся, а как пришли в наше село фашисты, тут уж все перемешалось: и отец партизан, и сын партизан... старые деды и те в партизанах. На годы свои никто не глядел. Разве что грудной при матери находился.

Васек все еще думал об отце:

— Не написал, проехал мимо, а я не знал ничего...

— Война — что тут сделаешь! Вот убили моих родителей, и остался я один. Только до двенадцати лет и походил в детях. Теперь сам за себя соображаю.

Васек очнулся и с горячим сочувствием поглядел на «деповщика»:

— И никого-никого у тебя тут нет?

— Как — нет! Я в город часто хожу — там у меня земляки.

— Земляки? Из вашей деревни?

— Необязательно из моей. Все деревни наши,— сбрасывая с комбинезона крошки, спокойно ответил Андрейка и тут же спросил: — А ты, помимо отца, кто такой есть? Школьник?

— Конечно. Пионер-школьник.

Васек стал рассказывать про себя, про своих товарищей. Потом встал, заторопился:

— Ну, прощай, Андрей Иваныч!

— На работе я «Андрей Иваныч», а так, запросто, конечно, Андрейкой меня зовут.

— А я — Васек. Васек Трубачев. Будешь в городе — приходи ко мне.

Васек сказал свой адрес, вынул из кармана карандаш:

— Запиши, а то забудешь.

— Не забуду, у меня память крепкая. Я на комсомольских собраниях сижу и все до слова запоминаю,— похвастал Андрейка.

Васек усмехнулся:

— Да разве ты комсомолец? — Он окинул взглядом тщедушную фигурку Андрейки и строго сказал: — Не хвастай зря!

Андрейка обиделся:

— Я и не хвастал! В комсомольцы меня через год примут. Года не вышли. А на открытые комсомольские собрания я хожу из интереса. У нас скоро вечерняя школа откроется, и туда буду ходить. Как-никак, а образование свое получу полностью,— уверенно сказал он.

Васек протянул руку:

— Ну, до свиданья, Андрейка! Ты хороший парень.

Андрейка с готовностью пожал протянутую руку:

— Как услышу что про твоего отца — прибегу. А ты как заскучаешь, так и приходи.

С тех пор мальчики подружились. Сидя вдвоем на пригорке, рассказывали друг другу свои дела. Один раз Андрейка пожаловался на младшего мастера:

— Молодой, а замашки старорежимные имеет. Нехорошими словами ругается, сегодня ведерком с мазутом на меня замахнулся.

Васек возмущался:

— А ты что ж молчишь? Взял бы да сказал про него старшим.

Андрейка, подперев худенькой рукой голову, тяжело вздыхал:

— Нельзя. Он говорит: «Я больной, нервный». Как я на больного жаловаться буду? Тут один раз секретарь партийного

комитета, хороший старик, вызвал меня и спрашивает: «Ты что, Андрей Иваныч, невеселый? Может, обижает кто?» — Андрейка прищурил серые узкие глаза.— Смолчал я. Зачем кашу заваривать! С больного человека какой спрос! «Ничуть,— говорю,— меня никто не обижает, а вот вы бы для младшего мастера санаторий схлопотали, это, конечно, и меня бы выручило».

Молодого мастера действительно отправили на излечение. И Васек долго смеялся, когда Андрейка сообщил ему, что исхлопотал своему обидчику санаторий.

Недавно, встретив Андрейку на улице, Васек пожаловался ему, что не хватает времени на учебу, много дела на ремонте, а рабочих достать сейчас трудно.

— Так ты что ж молчишь? У меня земляки — народ боевой. Только кликну — все придут... весь рабочий класс, разных специальностей. Ты только скажи!

Васек почему-то представил себе целую армию железнодорожников и засмеялся.

— Скажу, если надо будет,— пообещал он, чтобы не обидеть нового друга.

Теперь, стоя на пригорке, Васек вспомнил, что Андрейка обещал зайти к нему, да так и не зашел. И сейчас не идет повидать своего друга. Васек долго стоит и, прикрыв глаза рукой, смотрит на раскрытые ворота депо, на скрещенные железнодорожные пути, на рабочих в замасленных комбинезонах. Нигде не видно светлой, белобрысой головы Андрейки.

«Работает, верно. Утром его не повидаешь — надо в обеденный перерыв приходить»,— грустно думает Васек и, посидев в одиночестве, торопливо идет в город. Ребята ждут его, в десять часов они все вместе пойдут к Екатерине Алексеевне. Часы на площади показывают девять.

Глава 35

СТАРЫЕ И НОВЫЕ ТОВАРИЩИ

Ребята уже были на пустыре. Васек окинул взглядом двор. Ему показалось, что школьников стало еще больше. Какие-то

девочки обнимали Лиду и Нюру. Увидев его, они всей гурьбой бросились навстречу:

— Васек! Здравствуй, Васек!

— Трубачев, здoрóво!

Перед глазами Васька замелькали знакомые лица, со всех сторон потянулись к нему дружеские руки.

— Васек, нас шестеро приехало! Нам все уже рассказали об Украине. Ой, мы так вас ждали тогда!..— быстро-быстро заговорили две девочки.

— Мы приехали, а тут новая школа ремонтируется! Вот счастье! И мы все тут! — радостно улыбаясь, говорила Надя Глушкова.

— Молодец ты, Трубачев! — хлопнул Васька по плечу одноклассник Коля Чернышев.— Нам ребята все рассказали. Я тебя даже не думал уже увидеть после Украины! А потом вдруг приходим в старую школу, а нам говорят, что вы живы и что школа в другом месте теперь будет... А ты кто здесь? Бригадир, наверно? Мы тоже работать будем.

Чья-то белобрысая голова с колючим ежиком стриженых волос выросла вдруг перед Васьком.

— Белкин! Леня Белкин!

Мальчики крепко обнялись.

— Ну, жив? Я так и знал, что ты жив! Даже не думал никогда...— бормотал Леня Белкин, моргая белыми ресницами и не выпуская Васька из своих объятий.— Гляди, Васек, вон Медведев стоит!

Небольшой, аккуратненький мальчик с растроганной улыбкой подошел к Трубачеву.

— Я тоже приехал...— смущаясь, сказал он.

— Мы уже с Леонидом Тимофеевичем виделись. Он про тебя сегодня спрашивал. Там печник пришел,— щебетала толстенькая, румяная девочка, дергая Васька за рукав.— А мы на Урале были, учились. В шестой класс перешли...

Васек едва успевал отвечать на вопросы, крепко пожимая руки бывшим товарищам.

— Понимаешь, Васек, печник-то — женщина,— таинственно, подняв брови, сообщил ему Саша.

— Ну и что же, что женщина? — вмешалась Лида Зорина, окруженная своими прежними подругами.— Слышите, девочки, печник — женщина! Вот как интересно, правда?

— А где она? Где она?

— Подождите, не смотрите все вместе,— сказала, подходя, Нюра.— Некрасиво получается. Как будто никогда не видели печника-женщину.

— Одинцов,— крикнул Васек,— что это они говорят? Печник — женщина?

— Ну да! Сейчас увидишь. Она разговаривает с Леонидом Тимофеевичем... А вот новенькие ребята! — Одинцов помахал рукой стоящим в отдалении мальчикам: — Идите сюда, ребята!.. Это Васек Трубачев! Познакомьтесь!

— Меня зовут Боря Тишин, а это мой товарищ, Гриша Петрусин.

Васек поздоровался.

— Вы из какого класса?

— Мы перешли в шестой класс с круглыми пятерками, отличники,— сказал Тишин, растопыривая широкую, как лопатка, ладонь с короткими, толстыми пальцами.— Нам интересно вообще, по-товарищески, узнать, как будет со школой. Что-то не видно, чтобы она развернулась к первому сентября.

— Иначе, вы сами понимаете, нам нет смысла включаться в работу и, короче говоря, месить тут грязь,— тонким фальцетом вставил Петрусин.

Васек внимательно оглядел новых товарищей. На обоих были чистенькие курточки, отглаженные брюки. Тишин был меньше ростом, серые глаза его глядели исподлобья, короткий, широкий нос над вздернутой верхней губой был покрыт желтыми веснушками. У Петрусина, наоборот, лицо было смазливое, с мелкими чертами, аккуратный носик сидел прямо, глаза смотрели на собеседника мягко, и во всех движениях его складной фигуры чувствовалась прирожденная ловкость.

— Нам не имеет смысла...— опять начал он.

Но Васек перебил его:

— Школа ремонтируется. Для того чтобы с первого сентября мы начали заниматься, надо всем работать. Можете

сложить где-нибудь в сторонке свои куртки, раздевалка еще не готова. Будете работать со всеми вместе. Я сейчас узнаю, что сегодня надо делать.

Он быстрыми шагами направился к директору.

Мазин, слышавший этот разговор, медленно подошел к мальчикам.

— Прошу раздеваться! — насмешливо сказал он.

Но мальчики нерешительно отошли в сторону, о чем-то советуясь друг с другом. Саша сделал Мазину строгие глаза и, обняв его за плечи, потащил за Васьком:

— Пойдем на печника посмотрим. И чего ты так сразу связываешься?

— Подумаешь, им нет смысла! Ферты! — шипел Мазин.

— Мой брат, черноморский моряк, погнал бы их в шею отсюда,— сплюнув сквозь зубы, сказал Витя Матрос.— Очень они нам нужны тут!

— Потише, Матрос, что ты грубишь? — проходя мимо, хлопнул его по плечу Одинцов.— Нехорошо так.

Витька блеснул глазами и замолчал.

Леонид Тимофеевич показывал новому печнику дом. Когда мальчики подошли к крыльцу, директор, спускаясь с лестницы, говорил:

— Печи, конечно, надо делать в первую очередь, без этого мы не можем начать побелку комнат.

Девушка, шедшая рядом с ним, увидела стоящих у крыльца ребят и что-то тихо сказала, морща пушистые темные брови. На ней была голубая тенниска с молнией у ворота, темная юбка и на ногах спортивные белые туфли. Волосы светлые, коротко остриженные, с загибающимися внутрь концами; под большим спокойным лбом темно-синие глаза смотрели внимательно и строго. Под мышкой она держала какой-то сверток, а в руках — короткую деревянную лопатку.

Мазин скосил глаза на Одинцова и тихонько толкнул локтем Васька:

— Вот так печник!

— Здравствуйте, Леонид Тимофеевич! — смущенно сказал Васек, стараясь не глядеть на гостью.— Мы пришли узнать...

— Здравствуйте, здравствуйте! — перебил его директор и, обратив на печника смеющийся взгляд, представил: — Вот, Елена Александровна, это как раз Васек Трубачев и его товарищи! Я вам о них говорил. Это, так сказать, основатели, первые пионеры, которые вместе со мной осваивали этот зеленый пустырь. Тут они еще не в полном составе, среди них есть и девочки. И еще ребята приехали из бывшего четвертого «Б». Вообще уже все классы постепенно укомплектовываются, пока что на школьном дворе,— пошутил директор,— но эти ребята пришли первыми... Вот, Трубачев, познакомьтесь. Елена Александровна очень любезно согласилась нам помочь, она как раз и есть тот волшебник-печник, без которого мы с вами как без рук!

— Здравствуйте...— смущенно переминаясь с ноги на ногу, приветствовали нового печника ребята.

— Здравствуйте! — весело кивнула головой девушка.

На груди у нее блеснул комсомольский значок, и ребята невольно переглянулись. Елена Александровна обвела взглядом двор:

— Я уже осмотрела все ваше хозяйство, и мне кажется, что начинать мы будем не с печей. Я думаю, начинать надо с четкой организации работы. Вас тут очень много, есть школьники старших классов и младших. Давайте устроим небольшое производственное собрание и определим каждому классу его участок работы. А может, разобьем вас всех на бригады, а то никто точно не знает, что ему делать.

— А мы все делаем! Что видим, то и делаем,— сказал Мазин.

— А какую работу вы собирались делать сегодня? — спросила Елена Александровна.

— Сегодня, наверно, будем помогать рабочим дранку прибивать. Да еще Леонид Тимофеевич говорил, на делянку надо ехать,— вступил в разговор Васек.

— Ну, ехать нам, к сожалению, еще не на чем! — озабоченно сказал Леонид Тимофеевич и, взглянув на часы, заторопился: — Елена Александровна, вы, пожалуйста, тут побудьте

за хозяйку, договоритесь с ребятами относительно собрания, а я пойду по делам.

Леонид Тимофеевич ушел. Елена Александровна протянула Мазину свой сверток и лопатку.

— Мазин,— просто сказала она,— убери куда-нибудь эти вещи — они мне сегодня не понадобятся.— И, видя, что Мазин медлит, спросила: — Ты ведь Мазин?

— Я Мазин.

Коля, неуклюже топчась на месте, взял у Елены Александровны сверток и лопатку.

— Отнеси Грозному,— поспешно сказали ребята.

Елена Александровна села на ступеньку.

— Садитесь, поговорим. Директор просил сегодня же составить список всех ребят, каждый класс отдельно. Я хочу поручить это вам. А когда список будет готов, соберем производственное собрание.

— Кто-то приехал,— сказал вдруг Саша.

Во двор лихо вкатила легковая машина и, разворачиваясь, задела столб с объявлением «Школа № 2». Из кабины выскочил высокий мальчик в синей куртке.

— Это здесь школа номер два? — звонко крикнул он.

Несколько ребят бросили работу и окружили машину.

— Кто это? — спросила Елена Александровна.

— Это Алеша Кудрявцев,— со смешанным чувством досады и удовольствия сказал Васек.

Он сразу узнал в приезжем своего недавнего знакомца и, вспомнив ссору с ним, нахмурился.

Одинцов и Саша с удивлением глядели на Трубачева.

— А что же, этот Кудрявцев вместе с вами работает? Почему он на машине? — спросила Елена Александровна.

— Мы его в первый раз видим,— глядя на Васька, сказал Одинцов.

— Он хотел учиться в нашей школе,— не отвечая на удивленные взгляды товарищей, пояснил Васек.— А машина эта его отца, генерала Кудрявцева.

У машины уже собралась толпа ребят. Алеша, размахивая

руками, что-то рассказывал. Тишин и Петрусин стояли с ним рядом. Тишин гладил блестящий кузов машины, а Петрусин, полураскрыв рот с белыми острыми зубами, смотрел на Алешу и после каждого его слова громко хохотал.

— Ого, да тут целый дворец! И ребят много! Я тоже буду здесь работать. Примете меня, ребята? — спросил Алеша.

— Примем, примем! — шумно и весело донеслось до крыльца.

— Может быть, тебе нужно пойти узнать, Трубачев, что там такое? — сказала Елена Александровна.

Васек поднялся и нерешительно пошел к машине. Он не знал, как встретится с ним после ссоры Кудрявцев, но, чувствуя себя на пустыре своим человеком, считал нужным поздороваться с вновь прибывшим.

— Здравствуй, Кудрявцев,— сказал он, подходя к Алеше.

Но Алеша не ответил. Отвернувшись в сторону, он небрежно облокотился на машину и как ни в чем не бывало заговорил о чем-то со своим соседом.

— Эй, новенький... как тебя... Кудрявцев! С тобой здороваются! С тобой Трубачев здоровается! — закричали вокруг ребята.

— Трубачев? — прищурился Алеша.— Не знаю такого.

Васек вспыхнул.

— А я тебя знаю! — громко сказал он и поглядел прямо в светлые дерзкие глаза своего противника. В этих глазах была открытая вражда и насмешка. Васек смутился.

— Мало знаешь! — наслаждаясь его смущением и поигрывая замочком от молнии, усмехнулся Кудрявцев.

Ребята, сгрудившись вокруг, напряженно вглядывались в лица обоих, предчувствуя ссору. У Трубачева потемнели глаза, на руках налились мускулы, но он медлил. А Кудрявцев, раззадоренный вниманием школьников, уже открыто смеялся ему в лицо, показывая тесно сжатые белые зубы. Рядом с Кудрявцевым, нагнув, как бычок, голову и как бы измеряя силы противника, стоял Тишин. Сбоку, выжидательно улыбаясь, выглядывал Петрусин.

— Ты откуда? — вдруг гневно вырвался из толпы Мазин.—

Трубачев, что ты смотришь! Выбрось отсюда этого ферта вместе с его машиной!

Витя Матрос держался рядом с Трубачевым, готовый немедленно стать на его сторону в случае драки. Но драки не получилось.

Трубачев поднял голову и, разжимая кулаки, громко сказал:

— Мы здесь хозяева, а он — наш гость! — и, пожав плечами, прошел мимо Кудрявцева под шумные и одобрительные крики ребят.

— Молодец, Трубачев! Честное слово, ты настоящий пионер! Я все видел,— подошел к Ваську долговязый семиклассник Толя Соколов.— И не я один видел, а вот кто...— Он указал глазами на стоявшую в стороне Елену Александровну.

Про нее все как будто забыли. Она стояла одна, и темные брови ее под светлыми волосами гневно хмурились, а глаза глядели в упор на Кудрявцева. Васек оглянулся, но она его не заметила.

— Мазин, позови ребят — нам пора на урок,— сказал Васек и вышел на улицу.

После его ухода Елена Александровна быстрыми, легкими шагами подошла к Кудрявцеву и громко спросила:

— Чья машина?

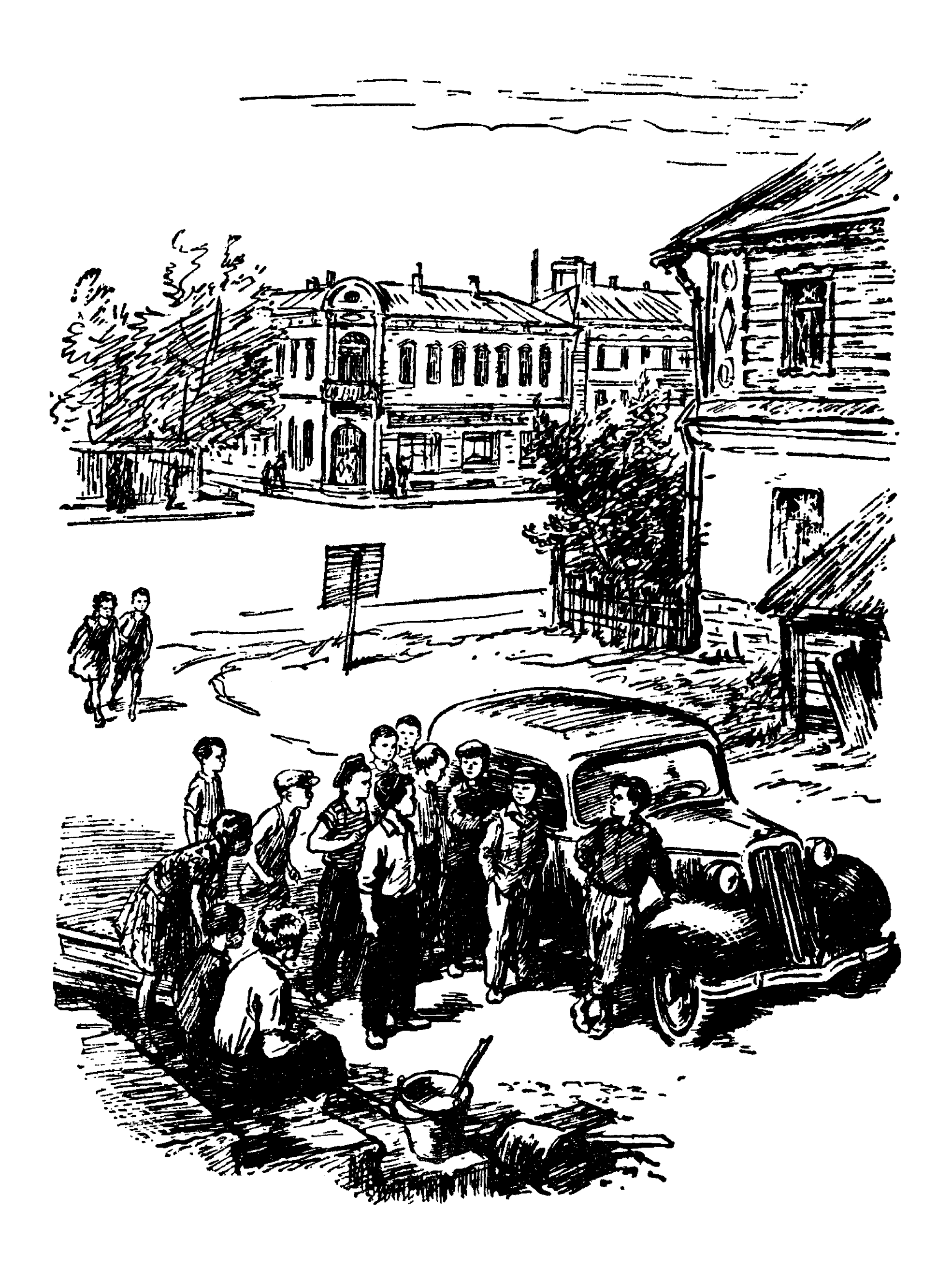
— Моя,— вежливо ответил Алеша.

— Не понимаю, откуда у тебя машина? Что ты — ответственный работник? Кто ты такой? — резко спросила Елена Александровна.

— Мой отец генерал. Это его машина,— не смущаясь, ответил Алеша.

— Так и говори, что это машина твоего отца. Поставь ее куда-нибудь в сторонку и принимайся за работу. Нечего здесь собирать толпу и болтаться без дела... А вам, ребята,— обратилась она к кучке ребят,— я прямо удивляюсь. Как будто вы никогда в жизни не видели машины! Ну, чего вы собрались тут? Я на твоем месте, Кудрявцев, прямо обиделась бы: смотрят на тебя, как на обезьяну в зоопарке! — Она пожала плечами и засмеялась.

Петрусин громко, не к месту, фыркнул. Тишин смерил его

удивленным, презрительным взглядом. Кудрявцев побледнел и, насвистывая, полез в машину.

— Эй, как тебя... Тишин, садись, подождем директора! — словно не замечая стоявшей рядом Елены Александровны, сказал он.

— Директора сегодня не будет! — крикнул ему Толя Соколов.— Отъезжай-ка подобру-поздорову!

Алеша с недовольным лицом тронул руль. Машина двинулась.

Петрусин сорвался с места и, размахивая руками, побежал за ней.

— Эй, ты! Догоняй, догоняй, держи за хвост, а то уйдет! — захохотали ему вслед ребята.

Глава 36

НА УРОКЕ

— Идут! Мама, все идут! — с торжеством кричал Петя Русаков, врываясь к себе домой.

Екатерина Алексеевна сделала строгое лицо:

— Вот я их сейчас! Столько пропустить! Безобразие!

Ребята вошли робко, один за другим. Девочки первые подошли к Екатерине Алексеевне, с обеих сторон заглядывая ей в глаза:

— Сердитесь на нас?.. Ой, сердитесь! Мы просто боялись идти...

— Конечно, сержусь,— отстраняя их, сухо сказала Екатерина Алексеевна и повернулась к мальчикам.

Мальчики с виноватым видом стояли у дверей. Никто из них не садился. Екатерина Алексеевна приготовила для встречи много суровых и горьких слов, но, взглянув на вытянутые лица своих учеников, только коротко вздохнула и показала рукой на стулья:

— Садитесь!.. В последнее время занятия наши разладились. Это очень плохо, особенно для тех, кто слаб по арифметике.— Она бросила взгляд на Трубачева.

Васек пошевелил бровями, потер лоб.

Екатерина Алексеевна положила на стол программу:

— Так вот, ребята, я просмотрела все, что нам осталось, и точно распределила наши занятия на лето. Времени у нас не так уж много. Поэтому в последний раз вам говорю: заниматься надо аккуратно, каждый день.

Ребята молча уселись за стол. Екатерина Алексеевна раскрыла учебники.

— Мы с вами застряли на делении дробей. Это по арифметике. По русскому языку у нас дела обстоят лучше: мы закончили почти всю программу, будем только повторять. По истории мы проходим сейчас мифы. Кроме того, мы довольно бегло прошли то, что оставил нам Костя. Значит, придется еще повторять и географию.

Ребята молчали.

— Сегодня начнем с главного — с арифметики. Саша Булгаков, иди к доске!

Саша неуверенными шагами подошел к доске, одергивая курточку.

— Запиши пример: раздели, пожалуйста, $8^5/_6$ на $2^1/_3$.

Саша аккуратно записал пример и начал превращать смешанные числа в неправильные дроби. Справившись с этим, он вдруг замер у доски и долго стоял без движения.

Екатерина Алексеевна вызвала на помощь ему Лиду. Сообща они решили пример и, запинаясь, сказали правило.

Урок прошел в большом напряжении. Никто, кроме Пети Русакова, не мог решить ни одного примера на деление самостоятельно.

Под конец Екатерина Алексеевна сказала:

— Вот видите, вы опять все перезабыли. А на прошлом уроке у нас дело шло гораздо лучше. Придется еще посидеть на делении дробей.

Следующим уроком была история.

На уроках истории, так же как и на других уроках, Екатерина Алексеевна строго следила не только за тем, чтобы ребята точно излагали заданное, а еще и за тем, чтобы речь

их была правильной. Ребята знали это и, готовя дома урок, всегда рассказывали его себе вслух.

На этот раз, отвечая миф об аргонавтах, Мазин никак не мог толково построить свой рассказ:

— Греки... любили плавать... ну вообще... в далекие страны. И вот один царь... как его... Пелей... поручил... одному там... этому, ну... Ясону, достать это... золотое руно... Ну, и он, значит, поехал в далекий путь... Ну, вообще... очень опасный путь...

— Остановись, Коля,— прервала Мазина Екатерина Алексеевна.— Как это ты рассказываешь? «Вообще, этот, этого, ну, ну...» Что это за понукание? Русский язык очень красочный и богатый, в нем есть решительно все слова, которые тебе нужны. Надо же наконец научиться правильно ими пользоваться. Ты засорил свой рассказ лишними, ненужными словами, твоя речь заросла сорняком. Мы с вами столько читаем, подробно разбираем каждое произведение. Для чего мы это делаем? — Она обернулась к ребятам.— Научитесь же наконец правильно говорить! Следите за собой, поправляйте друг друга. Нельзя же так!

На уроке истории ребятам окончательно не повезло.

Отличный ученик Сева, испугавшись выговора Мазину, рассказывал миф о Геракле чуть ли не наизусть, изо всех сил напрягая свою зрительную память. Закончил он точно так, как было написано в учебнике:

— «После многочисленных подвигов Геракл был наконец взят Зевсом на небо и сделался богом».

Екатерина Алексеевна недовольно пожала плечами:

— Я не помню, чтобы я когда-нибудь просила учить мифы наизусть. Удивляюсь даже, зачем ты взял на себя такой труд.

Сева растерялся и, не поняв, в чем она его обвиняет, поспешно сказал:

— Но ведь он же и правда был взят живым на небо.

Ребята расхохотались.

— Меня тоже, кажется, возьмут живой на небо после этих уроков,— пошутила Екатерина Алексеевна.— Ну вот, ребята, в следующий раз старайтесь рассказывать своими словами, только не так, как сегодня Мазин. Меня это просто огорчило.

Уходя, ребята торжественно заверили свою учительницу, что у них теперь твердое расписание и, «хоть умри», никаких пропусков больше не будет.

— «Хоть умри» — тоже лишние слова,— поправила их уже в дверях Екатерина Алексеевна.

Глава 37

У ВАСИ

В обеденное время ребята решили навестить Васю.

По дороге Трубачев рассказывал товарищам о своем первом знакомстве и ссоре с Кудрявцевым.

— Что же ты молчал? — удивились ребята.— Можно было сразу по-товарищески предупредить его, чтобы не задирал нос!

— Я нарочно промолчал. Не хотел, чтобы заранее все знали, что он хвастун, думал — может, он иначе себя поведет. Поэтому и поздоровался первый. Ведь все-таки он хотел помочь мне на лесопильном... И вообще он мне понравился, сам правит машиной...

— М-да... Я сразу тоже ничего плохого в нем не заметил,— сказал Саша.

— Подумаешь, барчонок какой! — нахмурился Одинцов.

— Ну нет, на барчонка он не похож! — запротестовал Васек.— Он сам мне говорил, что любит работать. Просто хвастун!

— Ну ничего! Наши ребята его переделают на свой лад.

— Вот только эти двое чего к нему прилипли? — спросил Саша.

— А, Тишин и Петрусин? Они ведь тоже новенькие. Может, из-за машины,— предположил Петя.

— Мне что-то эти двое сразу опротивели,— поморщился Сева.— Прямо сразу!

Ребята засмеялись:

— Ого! Если уж Севке нашему кто-нибудь опротивел, так, значит, есть за что!

— Ну, что вы думаете, я так уж всех люблю? Я только вслух не говорю и драться не умею, а то бы...

Ребята еще громче расхохотались. Сева обиделся:

— Так что же я, по-вашему, своего мнения не имею?

— Нет, мнение ты имеешь и по косточкам разобрать человека можешь, а потом начнешь его оправдывать: это потому, а это поэтому... Ты добрый, добрый, Севка!

— Напрасно вы обо мне так думаете,— сказал с огорчением Сева.— Я, может быть, и добрый и в мелочах к людям не цепляюсь, но подлость ни одна от меня не уйдет. Я ее никому не прощу! И в глаза правду скажу!

— Севка слабый, но сильного не побоится,— подумав, сказал Васек.

— Это верно. Севка бесстрашный,— серьезно заключили ребята.

Мазин вдруг вспомнил Елену Александровну.

— Что-то она на печника не похожа. Явилась как к себе домой. Вещички какие-то мне сунула и лопатку! — засмеялся он.

— Почему не похожа? Она печник с образованием. Теперь много таких. Видали у нее комсомольский значок? — оживился Трубачев.

— Она настоящий печник. Ведь сам Леонид Тимофеевич ее пригласил печи класть. Но дело в том, что она комсомолка и, конечно, раз видит беспорядок, то сейчас же и вмешается,— объяснил Одинцов.

— Нехорошо, мальчики, с вашей стороны. Только пришел человек, а вы сразу критикуете его,— недовольно сказала Нюра.— И вообще, нечего рассуждать, кто она. Печник так печник. Мало ли на какие посты наши женщины выдвигаются! Сейчас на войне и майоры женщины и полковники. Что это им, задаром далось?

— Да мы ничего не говорим,— смутился Одинцов.

— Нет, говорите,— поддержала подругу Лида.— Мазин над всеми любит посмеяться. А женщины на войне себя героями показывают! И в тылу как работают! Моя мама поздно ночью приходит с работы. Да еще сейчас в партию готовится, так иногда до утра сидит. Я сейчас все сама дома делаю, лишь бы она занималась.

— В партию вступает? — с живостью спросил Одинцов.—

Вот это здóрово! Ты и правда должна хорошенько помогать дома. Ведь когда принимают, разные вопросы задают,— вдруг она не будет знать чего-нибудь!

— Ну нет, она знает хорошо, моя мама не осрамится! — взволновалась Лида.

Ребята с одобрением и гордостью глядели на подругу:

— Ты шепни, в какой день,— мы поздравлять будем!

Нюра молчала. Ей вспомнился свой дом, мать вечно в халате, расстроенная домашними делами. Никогда в жизни у ее матери не будет такого торжественного дня... Кто скажет о ней хорошие слова, если она ни в чем не помогает людям, нигде не работает! Нюре вдруг стало до боли жалко свою мать. Она опустила голову и замедлила шаг.

Одинцов тревожно оглянулся на нее.

— Ты что, Нюрочка? — тихо спросил Сева.

— Ничего.— Нюра благодарно улыбнулась товарищу.

Сева всегда умел вовремя подойти спросить, что у человека на душе. Он не боялся назвать подругу ласковым, уменьшительным именем, он не стеснялся при всех приласкаться к своей матери. Сева — бесстрашный, он не боится насмешек.

«Я не боюсь глупых людей, я сам боюсь быть глупым»,— сказал он однажды про себя.

Нюра еще раз благодарно взглянула на товарища. Если бы он знал, как ей тяжело! Но разве хочется выносить сор из избы! Пусть будет как будет!

Вот и знакомая калитка. Бывшая школа кажется маленькой по сравнению с просторным домом на пустыре.

— Мы выросли, и школа выросла,— шутит Васек.

Но всем почему-то становится очень жаль свою прежнюю, старую школу. Сколько здесь было хорошего! Васек вдруг вспоминает, как мама в первый раз вела его в школу. Как она радовалась! И вот здесь, около калитки, они на минуту остановились. Мама быстро поцеловала его, одернула на нем курточку, поправила свой шарфик.

Васек низко наклоняет голову и проходит мимо крыльца, мимо окон, по заросшей травой дорожке.

— Васек!.. Ребята, куда он идет?

— Не кричите...— шепчет Сева.— Он пошел к Васе под окно.

Ребята медленно идут за Васьком... В госпитале время обеда. Во дворе никого нет. Под деревьями на столах брошены шашки, шахматы, домино. Санитары выносят лежаки, кладут на них одеяла, подушки. После обеда выздоравливающие спят на воздухе.

— Не вовремя мы — Нина Игнатьевна рассердится! — опасливо поглядывают по сторонам ребята.

— Мы на минутку...

Они на цыпочках подходят к окну. Густая зеленая березка с тихим шелестом раздвигает ветки.

— Вася!..

Палата кажется пустой. Выздоравливающие обедают в столовой. Вася один сидит на койке, держа на коленях тарелку с супом. Он с аппетитом откусывает хлеб, щеки у него двигаются; на зубах хрустит поджаренная корочка.

— М-м...— мычит он полным ртом и, отставив на тумбочку тарелку, машет рукой: — Идите сюда! Никого нет! Лезьте в окно!

Мальчики, подтянувшись на руках, влезают на подоконник, прыгают в палату; девочки тоже не отстают от ребят. Все по очереди подходят к Васе, крепко жмут ему руку.

— Ну, как ты, Вася? — теснясь около койки, торопливо спрашивают они.

— Я — хорошо! Теперь на поправку пойду. Главное, что на фронт безусловно годен! — весело говорит Вася.

— Мне ребята передавали, что тебе лучше, только я сам никак не мог навестить. Эх, Вася! Встанешь — приходи к нам в школу. У нас скоро ремонт кончится, хорошо будет! Придешь? — спрашивает Васек.

— Как же не прийти! Отпрошусь и приду. Я долго не залежусь. Мне здешние врачи говорят: организм у тебя выносливый и выдержка есть, а вот терпения бог не дал!

Вася смеется, на щеках его вспрыгивают ямочки. Потом вдруг, хлопнув себя по лбу, он торопливо лезет под подушку.

— Стойте! Что же это я? Ведь вам письмо с Украины.

Парнишка один принес.— Вася достает длинный серый конверт, зашитый по краям суровой ниткой и скрепленный по углам сургучом.— Вот... По всему видно — серьезное письмо!

Ребята смотрят на письмо, не решаясь взять его. Кто знает, что в нем! И сургуч по углам и суровая нитка, неровными стежками окаймляющая серый конверт, выглядят так необычно и страшно.

Отряду пионеров
Командиру отряда
Ваську Трубачеву и его товарищам —

написано на конверте аккуратным, крупным почерком.

— От Генки... От Генки... Ребята, это от Генки!

Трубачев берет из рук Васи конверт и торопливо рвет зубами нитку. Осторожно вынимает туго сложенные листочки.

— Читай скорей! — сгрудившись вокруг, шепчут ребята.

Глава 38

ПИСЬМО С УКРАИНЫ

— «Дорогие товарищи! С далекой Украины летит до вас мой партизанский привет и моя думка. Сообщаю вам, что во всю силу бьем мы фашиста, много их, гадов, уже выбили, но и своими дорогими людьми пострадали. Вынес мой верный конь Гнедко с поля боя раненого бойца, вашего вожатого Митю. Истекающего кровью домчал его конь до лагеря и сам, раненный в ноги, упал на землю перед нашей землянкой. Тяжкие раны получил в бою ваш Митя. А было это так. На рассвете выехал он в разведку с Яковом Пряником, было с ним еще пять бойцов. И попали они навстречу большому отряду фашистов и полицаев. Пробивались с боем, уложили гранатами сорок человек... Крепко бились партизаны, да не можно было одолеть врага. Приказал ваш Митя товарищам пробиваться к лагерю, а сам остался один, коло убитого Якова Пряника. Бил гранатами по врагу, а как кончились гранаты, вскочил он на Гнедка, вынул острую саблю и пошел в бой — один против всех, врукопашную. Уже трижды раненный был ваш герой Ми-

тя; только почуял мой верный конь — течет между его ушами горячая кровь, заливает глаза. Упал боец на крутую шею, ослабла в руке уздечка... И вскинул мой боевой конь передними копытами, разметал вокруг себя врагов и помчался вихрем к партизанскому лагерю... Дважды догоняла его вражеская пуля, тяжко ранило Гнедка в ноги и в бок, смешалась кровь бойца и коня... Далеко в лесу услышал я топот и ржание. Выбежал сам не свой из землянки...

Сняли мы с седла Митю, перевязали ему раны. Перевязали и Гнедка.

Сообщаю вам, дорогие товарищи мои: тяжко ранен ваш Митя. Командир хлопотал перевезти в госпиталь, да не можно его с места тронуть. Бессменно сижу я с ним, помогаю чем могу сестрицам; только в первый раз сегодня ночью открыл он глаза, вспомнил про убитого Якова Пряника, тяжело вздохнул. «Перешли,— говорит,— моим ребятам комсомольский мой привет. Может, не суждено нам свидеться больше. Да скажи, пусть напишут ребята письмо моим родителям... Пока жив я, повоюю со смертью, а подготовить стариков все ж надобно».

Пересылаю вам, товарищи мои, это письмо с верным человеком.

Был и я в бою, награжден медалью «За отвагу», бил врага и не боялся смерти! А теперь сижу коло Мити и плачу. Словно брата родного лишаюсь. И партизаны наши целый день коло землянки сидят, не отгонишь, не упросишь уйти. Так что, други мои, товарищи, не допустим мы к вашему Мите смерть, пока сила наша будет... А Гнедко мой навек хромой остался. Отвоевался мой добрый конь! Почет и уважение ему от всех партизан, а кончится война, заберу я его к себе, будем вместе в колхозе жить.

Остальные наши пока что все живы, шлют вам свой партизанский привет. Сообщите, что знаете о своем учителе, тетя Оксана дуже по нем скучает.

А Степан Ильич из соседнего села тайком знаменитого доктора привез. У того доктора в чемодане инструменты всякие. Може, и выдужает наш Митя... А известного вам доблестного бойца Якова Пряника схоронили в почетном месте, рядом

с Иваном Матвеичем да Николаем Григорьевичем. Там и дед мой лежит с ними рядом.

Кланяются вам еще с пионерским приветом Грицько да Федька Гузь. И про Игната стало известно, что состоит он связным в другом отряде, виделся с ним Коноплянко. Гора с горой не встречаются, а человек своего человека всегда найдет.

Учимся мы и учебу не забываем. Этой весной держали экзамен перед Степаном Ильичом и Мироном Дмитриевичем в шестой класс. А готовил нас Коноплянко. Кончится война — он к нам в школу пойдет заместо Марины Ивановны.

Прощайте, дорогие товарищи! Еще сказал бы я отдельные слова Севе вашему, да, може, наступит час, сядем рядом, возьмемся крепко за руки, тогда и скажу... Только б ожил ваш вожатый Митя, доблестный боец и партизан, верный своему комсомольскому слову. А победа наша не за горами. Остаюсь верный сын своей Родины

боец-партизан Гена Наливайко».

Ребята молча плакали. Вася, выслушав письмо, сказал:

— Не любил слез мой командир. Он говорил так: «Не плакать нужно о погибшем товарище, а почтить его память большими и славными делами!» Вот как говорил мой командир! — повторил Вася, глядя прямо перед собой потемневшими глазами.

В госпитале окончился обед. В палату сходились раненые. В коридоре слышался голос старшей сестры. Трубачев поднялся:

— Мы пойдем, Вася!

— Мы пойдем! — повторили за ним ребята.

Один за другим они осторожно перелезли через окно и скрылись из глаз.

— Вот это гости! Гляди, какой способ придумали! Сестры́ испугались, что ли? — смеялись бойцы.

А ребята шли по улице, не зная, куда и зачем они идут. Далеко-далеко, на Украине, в партизанском лагере, тяжко страдая от ран, лежал их друг и старший товарищ Митя.

Внезапно Васек остановился.

— Ребята!..— В голосе его еще звенели слезы, но глаза были ясные и чистые, словно промытые весенним дождем.— Вы слышали, что сказал Васин командир? — Васек сдвинул брови, стараясь точно припомнить слова командира.— «Не плакать нужно о погибшем товарище, а почтить его память большими и славными делами». Такие слова, ребята, на всю жизнь запоминаются. И мы тоже запомним их для себя.— Васек поглядел на товарищей и твердо сказал: — Пойдемте работать. По расписанию в четыре часа мы должны быть на работе!

Глава 39

ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ

Собрание было назначено на шесть часов. Васек поручил Белкину сделать список учеников шестого класса. По остальным классам перепись школьников взял на себя семиклассник Толя Соколов.

— Трубачев, а эти двое — Тишин и Петрусин — тоже к нам в шестой попали! И Кудрявцев тоже,— хмуря светлые брови, зашептал Белкин.— И вообще я не знал, куда писать тебя, Мазина, Одинцова, Синицыну... ну, тех, кто с тобой... в пятый или в шестой?

— Конечно, в шестой! — пожал плечами Васек.

— Вот чудак ты, Ленька! — засмеялся Мазин.— Не знал, куда писать! Что же мы, второгодники, что ли?

— Ну, я так и написал! А то, думаю, как же это получается: все наши ребята будут в шестом, а председатель совета отряда в пятом! Ерунда какая-то!

— Тем более, что Елена Александровна предложила, чтобы каждый класс был отдельной бригадой. А у нас бригадир уже есть! — сказал Одинцов.

Собрание проходило на свежем воздухе. Ребята притащили ящики, перекинули через них доски, вытащили старый, залитый чернилами школьный стол, соорудили для взрослых скамью. За стол сели Елена Александровна, два Мироныча, Грозный,

кровельщик, он же маляр, и новая, только что появившаяся пожилая учительница младших классов Федосья Григорьевна. Место председателя занял Леонид Тимофеевич. Немного поодаль от стола сидели и стояли, сгруппировавшись по классам, ученики будущей школы. В седьмом их было всего трое, и, чувствуя себя старшими, они держались ближе к столу, а Толя Соколов, поднимаясь на цыпочки, то и дело покрикивал ломающимся баском:

— Потише, потише! Соблюдайте дисциплину, ребята!

Шестой класс был почти весь в сборе. В центре его стояли Трубачев и прежние ученики четвертого класса «Б». Из новых было всего несколько мальчиков; среди них выделялся высокий, стройный Алеша Кудрявцев, около него — складный краснощекий Петрусин с бегающими по сторонам глазами и хмурый, глядевший бычком Тишин.

— Школы еще нет, но штат учащихся уже почти заполнен,— пошутил Леонид Тимофеевич.— Ну, стягивайтесь все сюда поближе, и начнем наше производственное собрание. Я очень рад, что все вы так любовно и дружно работаете вместе по ремонту своей школы. И скажу вам откровенно, что, взявшись за такое трудное дело, как восстановление этого дома, я совершенно точно рассчитал, что помощники у меня будут. Один, как говорится, в поле не воин...

— Ура Леониду Тимофеевичу! Ура! — весело выкрикнул Толя Соколов.

— Ура! Ура! — дружно подхватили ребята.

— Ребята! Скажем спасибо нашему директору! Три, четыре!

— Спа-си-бо Ле-о-ни-ду Ти-мо-фе-е-ви-чу! — хором выкрикивали по складам школьники.

— Стойте! Стойте! — замахал руками директор.

Но шум не унимался. Елена Александровна неторопливо постучала молотком по столу.

— Установите тишину, Леонид Тимофеевич говорит.— Голос у печника был звучный, ребята уловили в нем резкие, повелительные нотки и переглянулись.

Леонид Тимофеевич вытер платком лысину, снял очки:

— Я хочу вам сказать, ребята, что еще рано кричать «ура».

Кричать «ура» мы еще успеем. А пока я просил Елену Александровну собрать вас всех для того, чтобы уточнить нашу работу. Когда вас было мало, каждый делал то, что мог делать в меру своих сил, то есть оказывал свою помощь везде, где она требовалась, без определенного плана. Но работать без плана сейчас нам трудно. Каждый класс уже может представлять собой отдельную бригаду и отвечать за порученный ему участок. Понятно?

— Понятно!

— Так вот, до открытия школы, то есть до первого сентября, осталось немногим больше чем полтора месяца. Основной ремонт дома еще не закончен, а внутренняя отделка комнат, ограда нашего участка и окончательное устройство займут тоже немало времени. Вот как раз здесь присутствуют наши специалисты — плотники Иван Миронович и Федор Миронович.— Леонид Тимофеевич мягким жестом указал на чинно сидящих рядом Миронычей.— Попросим их рассказать, что нам еще предстоит сделать.

Ребята захлопали.

Старик Мироныч закивал головой и, привстав, попросил слова. Младший тоже привстал, но слова не попросил и, ощупав ящик, уселся на нем поудобнее.

— Я, ребята, так вам скажу: работа, конечно, еще есть. Нам от работы не бегать, и ей за нами не гоняться! Без отделки комната не будет комнатой, а без парт и класс не будет классом. Верно я говорю? — Дедушка Мироныч подмигнул ребятам, сгреб в правую руку седую бороду и лукавым, смеющимся глазом указал на Елену Александровну: — Печник у нас есть. Да... Ну, вот как бы ни было, а печи будут. Как вы скажете, печи будут, ась? — хитро спросил старик.

Ребята с веселым любопытством смотрели на Елену Александровну.

— Печи будут,— спокойно сказала она, закидывая за спину тонкие руки и без улыбки глядя на Мироныча.

— Ну вот! Заявка, значит, сделана! — заторопился старик.— Теперь еще вопрос, чтобы уточнить, значит, официально. Вот наш товарищ кровельщик имеет также квалификацию

маляра. Верно я говорю? — обратился он к кровельщику.— Он, конечно, свою заявку вам тоже сделает официально.

Кровельщик, широкоплечий, черноглазый, с небольшой лысинкой, прикрытой зачесом, деловито сказал:

— За мной дело не станет. Как Леонид Тимофеевич скажет, так и сделаю. Где под шелк, где под мрамор. Можно с отделкой под бронзу. Одним словом, классы и зал, например, имеют между собой разницу в отделке. Это факт. Давайте точный план, а я свое дело знаю.

— Ну вот, опять же квалификация. Значит, дело наше верное,— закивал головой Мироныч.

— Ну и садись, коли верное,— мрачно сказал Мироныч-младший, со скрипом ворочаясь на своем ящике.— Время лишней болтовни не любит. Садись, говорю.

Мироныч-старший с неохотой полез за стол.

— Ну вот, все силы руководящие у нас, так сказать, выяснены. Остается прикрепить к каждому участку работы помощников,— сказал Леонид Тимофеевич.— Некоторые работы, как, например, ограда, могут быть сделаны вами почти самостоятельно. Распределение вашего рабочего времени и организацию бригад мы попросим Елену Александровну взять на себя.

Елена Александровна встала, придвинула к себе списки.

— Ребята, я просмотрела списки. Хотя в каждом классе пока очень мало учеников — многие еще не приехали, а многие, особенно старшие классы, работают сейчас в колхозах, но к началу учебного года школа пополнится. Сейчас же в основном некоторые классы уже сформированы. Значит, ребята, в этих классах должны быть организованы пионерские отряды.

Радостный шум вырвался из рядов школьников. Елена Александровна подняла руку и спокойно продолжала:

— Если есть отряд, значит, должен быть в нем и председатель совета отряда. Может быть, пока мы укомплектуемся окончательно, то есть до начала учебного года, председателями советов отрядов останутся прежние ребята, которые были выбраны раньше, в старой школе. А там, где их нет, вам придется временно избрать себе председателя. А так как у нас сейчас

идет горячая работа, то каждый отряд будет представлять собой рабочую бригаду, а председатель совета отряда — бригадир. Согласны?

— Согласны! Согласны!

Ребята оживились. Они сразу почувствовали, что снова возрождается их школьная пионерская организация, что они спаяны в отряд, что они уже настоящие школьники. И, кроме того, они, как взрослые, представляют собой рабочие бригады.

— Начнем со старших классов. Всем понятно, что наиболее ответственные участки работы будут поручаться старшим...— начала опять Елена Александровна.

— Понятно! Понятно! — зашумели школьники.

Но чья-то рука вдруг поднялась вверх и неподвижно застыла в воздухе.

Елена Александровна наклонилась вперед:

— Кому непонятно?

Из толпы выдвинулся Тишин.

— Некоторым непонятно, почему смешали вместе два класса,— сказал он, глядя исподлобья на Елену Александровну прищуренными дерзкими глазами.

— Как это — смешали два класса? Какие классы? — перебирая в руках списки, спросила Елена Александровна.

Школьники притихли и с любопытством слушали.

— А так, смешали! — наклонив набок голову, насмешливо сказал Тишин.— Пятый и шестой смешали.

Мазин быстро толкнул Трубачева. Васек насторожился. Леня Белкин взволнованно зашептал что-то ребятам. Девочки переглянулись.

— Здешний ученик Леня Белкин, составляя список, забыл, что, например, Трубачев и еще несколько ребят, а с ними и две девочки — второгодники.

— Что — второгодники? Трубачев — второгодник? Он врет.

— Тишин врет!

— Ишь ты, новенький, а смотри как себя проявляет!

— Не слушайте его!

Ребята задвигались, возмущенно зашумели, зашикали.

Леонид Тимофеевич поднялся с места:

— Это что такое? Здесь идет собрание, напоминаю вам. Кто не умеет себя вести и не уважает свой рабочий коллектив, пусть выйдет отсюда и поищет себе другое место!

Наступила полная тишина. Леонид Тимофеевич сел.

— Продолжайте, Елена Александровна!

— Трубачев, подойди, пожалуйста, сюда! — вызвала Елена Александровна.

Ребята расступились, давая дорогу. Васек держался спокойно, но сердце у него сильно билось.

— Первого сентября мы придем в шестой класс. Мы проходим программу пятого класса дома. Вот почему Белкин включил нас в список шестого класса,— громко сказал он.

В толпе раздался злорадный хохоток Петрусина и насмешливый голос Кудрявцева:

— Почему бы не в седьмой, скажите пожалуйста?

Елена Александровна нетерпеливо пожала плечами и снова обратилась к Трубачеву:

— Так как же, по-твоему, будет справедливо — оставить вас на время стройки в списках шестого класса или перевести в пятый?

— Нам все равно где работать, и спорить из-за этого я не буду,— скрепя сердце сказал Васек.

— А мы будем!

— Мы все будем спорить! — раздались из толпы школьников взволнованные голоса.

— Трубачев наш! — кричал Леня Белкин.— И мы его в пятый класс не отдадим!

— Трубачев всегда был у нас председателем совета отряда, а сейчас он будет бригадиром нашей бригады. Поднимите руки, ребята, кто за? — вскакивая на ящик, громко заявил Коля Чернышев.

Ребята бывшего четвертого класса «Б», толкаясь, протиснулись вперед, подняли руки.

— Мы все за Трубачева! — выкрикнула Надя Глушкова.— И мы за всех наших ребят — за Нюру Синицыну, за Лиду Зорину, за Петю Русакова...

Елена Александровна резким движением руки остановила шум:

— Довольно! Мы собрались сюда, чтобы поговорить о том, как лучше наладить работу. Работа будет распределена по отрядам. Трубачев и его товарищи остаются с пятым классом. Тише! Я не разрешаю больше продолжать этот спор. Предлагаю шестому классу выбрать себе другого председателя совета отряда.

В толпе пробежал недовольный шепот. Послышались тихие голоса:

— А почему она вмешивается? Пусть Леонид Тимофеевич скажет!

Щеки Елены Александровны чуть-чуть порозовели, на лбу появилась резкая морщинка. Леонид Тимофеевич покачал головой:

— Мне стыдно за вас перед Еленой Александровной и перед всеми товарищами, которых мы пригласили на наше собрание. Я не могу себе представить, что мои бывшие ученики за какой-нибудь год настолько забыли дисциплину и потеряли совесть, что вместо того, чтобы решать какие-то дельные вопросы, они вынуждают нас здесь слушать бурные выяснения — куда приписать Трубачева: к пятому или шестому классу! — Директор развел руками.— Может быть, вам еще рано присутствовать на собраниях, где решаются серьезные вопросы?

— Нет... нет...— слабо защищались школьники.

— У нас еще нет вожатого. И я просил Елену Александровну помочь вам в ваших пионерских делах. Но вы себя ведете так, что я боюсь, как бы Елена Александровна не отказалась.— Леонид Тимофеевич замолчал и обвел глазами ребят.— Я предлагаю,— снова начал он при полной тишине,— чтобы завтра же каждый класс представил мне список своей бригады во главе с бригадиром. Это значит, что каждый отряд должен выбрать себе председателя совета отряда. Елена Александровна вам в этом поможет. А работу между бригадами распределю я сам. На этом мы сейчас наше собрание кончим. И запомните хорошенько, что всякие мелкие счеты и

недружелюбное отношение друг к другу будут только тормозить нашу общую работу.

Ребята поняли, что директор недоволен. Недовольна была и Елена Александровна. Брови ее хмурились, а глаза глядели сурово и холодно.

Васек чувствовал себя униженным, как бы пойманным на обмане, его коробило от сознания, что все они оказались в пятом классе, как второгодники. Все это было противно, хотелось вытащить за шиворот из толпы Тишина и, развернувшись, дать ему по шее...

А в толпе ребят Тишин, торжествуя свою победу, кричал, что он выведет на чистую воду всех хвастунов и зазнаек. Васек хорошо знал, откуда идет эта угроза. Но главный виновник, Алеша Кудрявцев, только издали бросал на него насмешливые взгляды и, стоя рядом с Петрусиным, рассказывал ему что-то веселое, невольно привлекая внимание ребят открытым, смелым лицом и непринужденным, заразительным смехом.

Васек вспомнил о своих товарищах. Хорошо, что во время выступления Тишина никто из них не сказал ни слова. Даже Мазин нашел в себе силы промолчать. Но где же они сейчас?

Школьники, разбившись по классам, уже выбирали себе председателей советов отрядов. То здесь, то там слышался голос Елены Александровны.

Проходя мимо учительницы, Леонид Тимофеевич громко сказал:

— Об этом случае мы еще должны с вами поговорить.

Васек понял, что речь идет о нем и его товарищах, но даже не оглянулся.

В кучке шестиклассников выступал Петрусин:

— Я, ребята, стою за Кудрявцева! Мы с ним не пропадем!

— Кудрявцева! Кудрявцева! — кричали новенькие.

— Выбирайте кого хотите, мне все равно! — послышался обиженный голос Нади Глушковой.

Прежние товарищи Васька по четвертому классу «Б» хранили презрительное молчание. Васек заметил в сторонке пятиклассников. Рядом с ними стояли его товарищи.

«Как наказанные»,— горько подумал Васек, и вдруг до его ушей донеслись громкие крики:

— Тру-ба-чев! Тру-ба-чев!

И чем ближе он подходил, тем громче становились приветственные крики пятиклассников:

— Тру-ба-чев! Тру-ба-чев!

— Васек Трубачев! Ура! — подкинув вверх свою бескозырку, в восторге заорал Витька Матрос.

— Пятиклассники радуются! Все, как один, тебя выбрали председателем отряда и командиром! — сказал ему Одинцов.

— Ну что ж, будем работать,— просто сказал Васек. В нем проснулся командир.— Завтра я узнаю, какой участок рабо́ты будет поручен моей бригаде, и всех вас расставлю по местам. А сейчас можно расходиться!

Он улыбнулся, но глаза у него были грустные, и только товарищи понимали, чего стоила ему эта улыбка.

Когда пятиклассники шумно и весело разошлись, Васек тихо сказал:

— Пойдемте вместе.

Лида взяла его за руку.

— Помнишь, в детстве, когда была гололедица, мы часто ходили, держась за руки? — ласково сказала она.

Васек кивнул головой.

— Я никак не пойму, куда оно делось, это детство? Ведь нам не так уж много лет! — грустно сказал он.

Глава 40

ПРИНЦИПИАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Дома Васька ждал редкий гость — Андрейка. Он чинно сидел за столом против тети Дуни и, прикусывая острыми зубами сахар, тянул с блюдечка чай.

— Выпейте еще одну чашечку, Андрей Иваныч! — радушно угощала его тетя Дуня.

— Спасибо вам... Разве посидевши, еще попью...— вытирая со лба капельки пота, солидно говорил Андрейка.

Тетя Дуня пододвигала ему полную чашку, и Андрейка, слегка подумав над ней, снова принимался пить.

Увидев Васька, он привстал и церемонно протянул ему руку.

— Ну вот, и наш хозяин пришел! — сказала тетя Дуня совсем так, как говорила когда-то про Павла Васильевича.

От этих слов и от церемонного обращения Андрейки Васек сразу повзрослел.

— Ну, как дела? — спросил он, присаживаясь к столу.

— Ничего, у нас все в исправности.— Андрейка быстро взглянул на приятеля и деликатно осведомился: — А ты вроде невеселый?

— Да так... неприятности по работе,— усмехнулся Васек.

— По работе? Это что же — в школе или в госпитале? — забеспокоилась тетка.

— В школе,— со вздохом сказал Васек и стал рассказывать про собрание.

Когда дело дошло до выступления Тишина, тетя Дуня возмущенно всплеснула руками:

— Ах он, пролаза! За генеральского сынка руку тянет! И откуда же они, этакие пролазы, берутся? И все-то они знают, когда и перед кем хвостом мотнуть...

— Пережиток...— важно сказал Андрейка, принимаясь за новую чашку чаю.— Таких разоблачать надо. Я одному такому пережитку санаторий у начальства исхлопотал — думал, больной. Ну, а он и там давай свое «я» показывать. Только с врачами не забалуешься.

— Это тот мастер, что над тобой издевался? — живо спросил Васек.

— Издевался не издевался чтобы по-настоящему, а за волосы хватал и выражался некультурно.

— Ну, и что с ним сейчас?

— А что! Разоблачили вчистую. «Никакой, говорят, болезни нервов у вас нет, одно хулиганство».— Андрейка удовлетворенно откинулся на спинку стула и рассудительно сказал: — Самому себя распускать не надо. Железная дорога — это пост ответственный. У нас лучшие люди работают. Равняться

есть по ком. В мастерской, для примера, и ваш Павел Васильевич Трубачев есть на портрете.

— Спасибо на доброй памяти, Андрей Иваныч! Ведь вот люди помнят... и молодые по его примеру идут... Да вы что же чашечку-то отставили, Андрей Иваныч? Выпейте горяченького! — засуетилась тетя Дуня.

— Не требуется больше, мамаша, спасибо вам,— решительно отставляя от себя подальше чашку, сказал Андрейка.

Он чувствовал себя приятным гостем в гостеприимном и уважаемом доме Трубачевых. Курносое лицо его лоснилось, белые волосы липли ко лбу, глаза выражали полное удовольствие, и сам он, щупленький, в поношенном пиджачке, держался с большим достоинством.

«Кто я ни есть, а цену себе знаю»,— как бы сообщал всем с первого же взгляда Андрейка.

Тонкие, заскорузлые от работы пальцы Андрейки, угольная пыль, въевшаяся в мальчишескую шею, старый пиджачок невольно вызывали чувство уважения к Андрейке. Васек гордился своей дружбой с ним.

Когда Андрейка собрался уходить, тетя Дуня позвала Васька в кухню и расстроенно зашептала:

— Васек, брюки бы ему отцовы отдать. Ведь у него брючки-то насквозь прохудились. А позади себя он заплату рукой прикрывает... Отдай ему брюки-то!

— Да что ты! Он ни за что не возьмет. Обидится еще! — замахал руками Васек.

— Как это так — обидится! Ведь вы товарищи! И родителей у него нет, некому порядочную заплату положить.

Она вынула из сундука пахнущие нафталином рабочие брюки Павла Васильевича и, пряча под улыбкой крайнее смущение, подступила к Андрейке:

— Андрей Иваныч, голубчик, перемените брючки-то...

— На что переменить? — не понял Андрейка.

— Да вот эти-то получше будут. Я живенько их на ваш рост укорочу. А свои оставьте пока. Я все равно Ваську штопаю, так заодно и ваши починю,— заторопилась тетя Дуня, испугавшись вопросительных светлых глаз Андрейки.

— Очень благодарный вам, мамаша... Только как же это я ваши брюки надену? И с какой такой стати вы для меня трудиться будете... И опять же, выходной у меня не скоро — я ваши брюки на работе заносить могу,— объяснял Андрейка.

Васек стоял в кухне и боялся войти.

— Да я вам их в подарок даю, Андрей Иваныч! От Павла Васильевича в подарок,— широко улыбаясь, сказала тетя Дуня.

Андрейка смутился:

— Я подарков, мамаша, не беру. Я сам себя содержу. Это для меня принципиальный вопрос. Я — рабочий человек. И к тому же за мои успехи мне все обмундирование скоро полностью выдадут. Очень благодарю вас, мамаша, только брюки я не возьму.— Он встал и, прикрывая левой рукой латку, выделявшуюся светлым треугольником на его брюках, решительно взялся за кепку.

Тетя Дуня, сильно покраснев, сунула брюки на кровать и растерянно остановилась посреди комнаты.

— Ты что же, Андрейка, брюки не хочешь взять? Ведь по дружбе тебе тетя дает! — входя в комнату, сказал Васек.

— Дружбу я и так ценю. Только задаром мне ничего не надо — я получаю за свой труд... Ну, приходи в депо, Васек. Может, что будет известно про Павла Васильевича. У нас на собраниях часто про героев-железнодорожников рассказывают.

— Вот-вот... Уж вы сообщите в случае чего, Андрей Иваныч. Исстрадались мы с Васьком — нет писем ему от отца,— заморгала глазами тетя Дуня.

Когда Андрейка ушел, она взяла заброшенные в угол постели брюки и, пряча их в сундук, сказала:

— Нашего понятия человек, строгий, принципиальный! Держись за него, Васек!

Глава 41

ЧУЖИЕ

Нюра с тревогой глядела на часы. Вчера в госпитале дежурил Сева Малютин и на занятиях сообщил ей, что после обеда Егору Ивановичу назначено идти на электризацию.

— Радуется он, как именинник. Просил тебя не опоздать. Я уже с Васьком говорил. Он тебя отпускает с работы. Только смотри не опоздай!

— Ну как я могу опоздать! — рассеянно ответила Нюра, думая о матери.

В последнее время они почти не разговаривали. Нюра прибегала домой только пообедать, вечерами тоже часто задерживалась в госпитале. Беспокойство и раздражение матери росли.

Сейчас, видя, что девочка куда-то торопится, мать чувствовала закипавшую в сердце обиду.

Пообедали молча.

— Выпей чаю,— сказала мать.

Нюра бегло взглянула на часы и покорилась. Мать поставила перед ней чашку с кипятком, положила туда две ложки молочного порошка, размешала сахар и села напротив дочери, сложив под подбородком пухлые руки. Нюра не глядела на нее, но знала, что глаза матери неотступно следят за каждым ее движением. Часы медленно пробили три часа. В половине четвертого начинался прием у врача. Нюра мысленно представила себе, как в четвертой палате санитарки помогают Егору Ивановичу натянуть рукав на больную руку, как он беспокойно поглядывает на дверь. Она придвинула к себе чашку и, обжигаясь, глотнула забеленный кипяток.

— Спешишь? — гневно и холодно спросила мать.

Нюра испуганно вскинула на нее глаза, упрямо сжала губы.

— Ну, помни, Нюра, я тебе не раз обещала, но сегодня свое обещание сдержу... Я пойду в школу к твоему директору, я пойду в госпиталь...— Мать постучала по столу пальцем. Она не знала, что ей делать с дочерью, но ей казалось, что

пришло время немедленно принять все меры к ее исправлению.— Слышишь, Нюра, я не допущу, чтобы моя дочь с утра до вечера лодыря гоняла. Я все узнаю! — Голос матери то понижался до угрожающего шепота, то срывался на крик.— Я заставлю директора вмешаться в это безобразие! До сих пор мы с отцом делали для тебя что могли! Мы вложили в тебя все силы, всю жизнь, и до этой несчастной поездки на Украину ты была хорошей, послушной девочкой. Но, оставшись в компании своих приятелей, ты распустилась. И за то, что родители заботились о тебе, ты ответила черной неблагодарностью...

Мать на минутку останавливается и выжидательно смотрит на дочь. Но Нюра молчит. Сердце ее захолодело от тоски, в нем нет сейчас ни любви, ни жалости к матери. Нюра даже не вслушивается в то, что ей говорят, слова сливаются вместе и захлестывают уши нервными выкриками. Нюре стыдно, что ее мать слышат соседи. Они всегда слышат и во всем обвиняют ее, Нюру.

Минутная стрелка на часах подвигается к половине четвертого. Теперь уже придется бежать, чтобы поспеть вовремя.

«Надо так надо»,— мысленно говорит Нюра и, отодвинув стул, быстро идет к двери.

— Нюра, помни! Лучше вернись! — кричит ей вслед мать.

Но девочка уже хлопает калиткой и, перегоняя прохожих, мчится по улице. Она опоздала, опоздала!

Тяжелый грузовик на мостовой шарахается в сторону перед тоненькой девочкой, перебегающей ему дорогу. Шофер высовывается из кабинки и сердито кричит:

— Ты что, голову потеряла?! Лезут под самые колеса, а потом отвечай за них!

Но Нюра не слышит — у нее в ушах все еще звучит голос матери.

Во дворе госпиталя сидят и стоят раненые. Залежавшись в палатах, они радуются возможности пройти по улице до другого здания на электризацию. Солнышко крепко припекает, и под его лучами трава никнет к земле и вянет. Егор Иванович

стоит на крыльце, крепко ухватившись рукой за перила. На его землисто-бледном лице видна каждая морщинка.

— Вон, вон дочка бежит... Она меня и доведет. Не извольте беспокоиться,— говорит он сестре.

Нюра, запыхавшись, вбегает во двор:

— Пойдемте, дядя Егор, пойдемте!

Она подставляет раненому свое худенькое плечо, смахивает прилипшие ко лбу волосы:

— Опирайтесь, дядечка, крепче опирайтесь: я сильная!

Егор Иванович прижимает к себе больную руку на перевязи и медленно идет рядом с Нюрой.

— Мы с тобой, дочка, как дуб с березкой,— шутит он, любовно оглядывая девочку.

Глава 42

В БУДУЩЕЙ ШКОЛЕ

С помощью Елены Александровны Леонид Тимофеевич точно распределил рабочие участки каждой бригады. Трое ребят из седьмого класса попали на отделку комнат в распоряжение маляра и старика Мироныча. Шестому и пятому классам было поручено поставить забор. Для руководства и помощи к ним прикрепили Мироныча-младшего.

Кудрявцев не пожелал работать с бригадой Трубачева.

— Дайте мне отдельный участок: я не хочу отвечать за чужую работу,— заявил он Елене Александровне.

С общего согласия место для будущего забора разделили пополам. После раздела обе бригады договорились о сроке выполнения задания, и Кудрявцев вызвал Трубачева на соревнование.

Для кладки печей Елена Александровна взяла себе в помощь ребят из третьего и четвертого классов. Только малышам ничего не было поручено, но и они не оставались без дела. Их учительница Федосья Григорьевна, хлопотливая и деятельная, быстро собрала вокруг себя всех младших ребят и с утра, повязав голову косынкой, носилась по всему двору, пристраи-

ваясь вместе с ними то к одной, то к другой бригаде, причем всех школьников, без различия возраста, она называла «деточками» и «ребятками».

— Мазин, деточка, пусть мои ребятки на вашем участке щепки подберут!.. Идите, идите сюда, ребятки! Собирайте! Вот так... Вот и чистенько будет... Собирайте, собирайте!

Второклассники, как стая воробьев, слетались на ее голос, беспорядочно толкались под ногами и мешали работать. Ребята злились. Мазин делал страшные глаза, но спорить с Федосьей Григорьевной было бесполезно.

— Ничего, ничего! Они вам не помешают! Ну, каждому же трудиться надо! — поднимая вверх плечи и укоризненно глядя на ребят, говорила Федосья Григорьевна.

— А вы идите к печнику. Там надо песочек носить,— хитрил кто-нибудь из школьников.

— Ничего, ничего, мы везде успеем, без работы сидеть не будем!.. Верно, ребятки?

— Верно, верно! — кричали второклассники.

Подобрав щепки, Федосья Григорьевна шумно удалялась. И голос ее уже слышался в другом конце двора.

— Ребятки! Ребятки!

— Цыплятки! Цыплятки! — добродушно передразнивал Мазин.

К печнику Федосья Григорьевна своих малышей не водила — там было пыльно и душно, кирпичи тяжелые, глина липкая. Кроме помощи отдельным бригадам, Федосья Григорьевна все время о чем-то хлопотала для своих ребят — то ей требовалась очищенная площадка для их игр, то скамейка в тени. Леонид Тимофеевич неохотно отрывал от работы плотников, чаще посылая старших учеников. Ученики досадовали, но все требования учительницы второго класса исполняли беспрекословно. Познакомился таким образом с Федосьей Григорьевной и Саша Булгаков.

— Хорошая учительница,— задумчиво сообщил он ребятам.— Надо Нютку к ней пристроить — балуется она дома.

Пристроив Нютку к Федосье Григорьевне, Саша во время работы издали следил за сестренкой. Он видел, как Нютка

всюду следовала за своей учительницей и изо всех сил старалась выполнять все ее задания.

И когда Нютка начала дома беспрерывно повторять: «Нам велели! Нам сказали!», и когда однажды она долго ревела оттого, что простудилась и не могла пойти на стройку, Саша почувствовал, что учительница как бы разделила с ним ответственность за воспитание одной из его сестер.

— А потом и других в школу отдам! — весело говорил он товарищам.— Так понемножку все в люди и выйдут.

* * *

Бригада Трубачева работала в две смены. В первую, пока шли занятия с Екатериной Алексеевной, выходили на работу все пятиклассники. Среди них правой рукой Васька стал Витька Матрос. Живой и понятливый, Витька был неутомимым работником. Получая задание от Васька, он глядел на него в упор черными, как угольки, глазами и быстро кивал головой в знак того, что он исполнит все, что от него требуется.

Работу «младшей» бригаде Васек давал легкую, условившись об этом с самого начала с хмурым дядей Миронычем.

Дядя Мироныч собирал вокруг себя всех ребят и показывал им, как надо отмеривать штакеты, чтобы забор был красивый и ровный, под шнурочек.

Поставив двух ребят на некотором расстоянии друг от друга, Мироныч велел им присесть на корточки и, протянув меж собой шест, держать его низко над землей.

— Вот, к примеру, вы у нас вроде столбов, а шест вроде слеги, которая прибивается к столбам внизу и вверху. Так... Скажем, слеги прибиты, расстояние между ними вымерено, можно прибивать штакеты.— Он брал тонкие дощечки, срезанные вверху треугольниками.— Вот это штакеты и есть. Но как же их прибивать, если одна длиннее, а другая короче?

— Срезать! — быстро догадывались ребята.

— Правильно. Надо срезать. Значит, измеряем, какой высоты собираемся делать забор.— Мироныч приставлял к слегам дощечку и вопросительно смотрел на ребят.— Можно повыше, а можно и пониже, смотря что нас интересует.

— Повыше, а то все ребята лазить будут,— не ручаясь за себя, советовали школьники.

— Значит, судя по характеру учреждения, будем делать повыше. Сейчас отмерим точно сантиметром высоту и проведем карандашом черту на доске. Ну вот. Это, значит, у нас мерка. Прикладываем к ней другую дощечку, на нее для скорости можно еще одну положить, и по намеченной карандашом черте начинаем срезать пилой концы.— Мироныч закладывал за ухо карандаш.— Понятно? Ну, а если понятно, приступайте к работе!

Ребята хватали ручные пилы, раздавали друг другу «мерки». Мироныч не спеша закуривал папироску.

— Только, чур, работа аккуратность любит. Чтобы ни на один сантиметр не ошибаться. На глазок не полагайтесь! И торопиться нам некуда — пока что столбов у нас нет.

Столбы для забора, по словам Леонида Тимофеевича, еще «росли» на делянке. Чтобы привезти их, требовались машины, но машин не было. Посоветовавшись с плотниками, Леонид Тимофеевич решил устроить поход на делянку, выбрать там подходящие деревья, на месте обтесать их и подготовить к перевозке.

А пока что Трубачев и Кудрявцев, чтобы не терять времени, каждый на своем участке разметили места для столбов, вбили колышки и принялись рыть ямы. Грунт был каменистый, и работа оказалась трудной.

— Ты смотри, Матрос,— предупреждал Васек,— ройте с передышкой, по очереди, а кто устал, пусть сидит — гвозди выпрямляет или штакеты отмеривает.

— Ладно,— кивал головой Матрос, но, оставшись наедине со своими пятиклассниками, хватал лопату и, поплевывая на ладони, то и дело покрикивал на товарищей: — Эй, подтянись! Ну-ка, трубачевцы! Выбрасывай землю! Тащи носилки! Кто слабосильный — иди гвозди выпрямлять!

При этом живые глаза его то и дело косились в сторону соревнующейся с ними бригады Кудрявцева. Матрос знал досконально, что там делается. Каждое утро, раньше всех, когда на траве еще лежала роса, он являлся на школьный двор, бы-

стро и точно определял, насколько за день продвинулся Кудрявцев, сколько у него вырыто ямок, как подобраны штакеты и в каком порядке хранятся инструменты.

После обеда, докладывая Ваську о положении дел, Матрос, сверкая глазами, говорил:

— У них народу больше. Утром они нас перегоняют, а вечером мы равняемся. А нам надо впереди быть.

— Ничего. Все равно скоро нечего будет делать ни им, ни нам — столбов нет,— хмуро отвечал Васек и шел к директору.

В доме пахло краской, в коридоре стояли мутные лужицы. В тех комнатах, где уже были сложены печи, рабочие белили потолки, красили стены. В пустом доме гулко раздавался голос дедушки Мироныча. Чаще всего старик спорил с Грозным, употребляя при этом громкие фразы, вычитанные им в заводской газете или услышанные где-нибудь на собрании.

— Вот ты говоришь, Иван Васильевич, что классы нужно покрывать масляной краской. А ты того не учитываешь, что масляная краска забирает весь воздух и детям в таком классе будет душно. А от нас Родина требует, чтобы мы трудились добросовестно, учитывая требования здравоохранения...

В нижнем этаже работал печник. Туго обвязав косынкой короткие светлые волосы и натянув на себя запачканный глиной и песком комбинезон, Елена Александровна брала из рук помощника кирпич, ловко и быстро шлепала на него лопаткой размешанную в ведре глину, не глядя протягивала руку за вторым кирпичом, ставила его ребром на первый и, обмакнув руку в ведро с водой, сглаживала вырастающую стенку мокрой ладонью. При этом, морща покрытое желтой пылью лицо и поправляя тыльной стороной руки косынку, она изредка бросала короткое приказание:

— Воды! Приготовьте глину! Подавайте целый кирпич!..

На работу печника приходили смотреть все. Грозный, качая головой, недоверчиво заглядывал внутрь сложенной печи и подносил к дверке зажженную бумажку. Бумажка вырывалась у него из рук и пылающим комочком улетала в дымоход. Старик успокаивался.

Леонид Тимофеевич с любопытством смотрел на работу Елены Александровны и, подмигивая ребятам, шутил:

— Ну уж если зимой в школе будет холодно, мы с Елены Александровны штраф возьмем!

— А если будет жарко? — спрашивали ребята.

— Тогда тоже штраф!

— Несправедливо, несправедливо! — протестовали ребята.

Леонид Тимофеевич делал удивленные глаза:

— Как же несправедливо? Ведь Елена Александровна — печник! Должна заранее учитывать температуру.

— Боюсь, что раньше директору надо учесть, что лето кончается, а дров у него еще нет! — лукаво говорил печник.

— Ага! Ага! — прыгали девочки.— Дров еще нет! Дров-то еще нет!

Леонид Тимофеевич жил наверху в маленькой комнатке, предназначенной для учительской. Грозный тоже часто ночевал в небольшой каморке около раздевалки.

— Скорей бы нам, Леонид Тимофеевич, все свое имущество из госпиталя перевезти. Может, парты за зиму отсырели, подправить придется,— говорил школьный сторож,— да и мою комнату под кладовую сестрица просит освободить.

— Все сделаем, старина! Вот закончим ремонт и начнем обживаться,— весело отвечал Леонид Тимофеевич.

Он всегда казался бодрым и веселым, хотя после дневных хлопот и беганья по разным делам, снимая ботинки и ощупывая внутри подошвы, громко удивлялся, что стелька гладкая и нигде не торчат гвозди.

— Странно, мне казалось, что я прямо на гвоздях хожу,— пожимая плечами, говорил он Грозному.

— Отдохнуть бы вам, Леонид Тимофеевич,— вздыхал старик.

— А я не устал. Мой отдых — работа,— улыбался директор.

Глава 43

МАТЬ НЮРЫ СИНИЦЫНОЙ

Елена Александровна сняла комбинезон, вымыла лицо и руки, расчесала мокрым гребнем растрепавшиеся волосы и присела отдохнуть.

Учительская казалась пустой, в ней было прохладно и чисто. Около стола стояли два кресла, и у выбеленной стены — мягкий кожаный диван. Леонид Тимофеевич ушел по делам, попросив Елену Александровну заменить его, если будет спрашивать кто-нибудь из рабочих.

Оставшись одна, Елена Александровна придвинула ближе к столу кресло и, подперев рукой голову, задумалась. Она думала о директоре, который не побоялся взять на себя такой большой труд, как ремонт разбитого дома. Вспомнила собрание. Пушистые брови ее нахмурились, синие глаза стали глубже и печальнее.

«Нет дисциплины... И этот мальчишка Тишин, выступающий против своего будущего товарища, и Кудрявцев... И странная история с Трубачевым. Надо будет хорошенько в этом разобраться...— Елена Александровна тяжело вздохнула.— И вообще, время идет, школа не готова... Ах, да,— вспомнила она,— надо же объявить ребятам, что послезавтра Леонид Тимофеевич поведет их на делянку. Как раз это будет выходной день. В лесу сейчас хорошо. Пахнет смолой, ягодами. В тени свежо и прохладно... Я сама, как девчонка, радуюсь, что пойдем. А ребятам хорошо бы дать побегать, отдохнуть. Трудно им сейчас приходится...»

Внизу раздается громкий женский голос:

— Мне нужно видеть директора!

— Леонида Тимофеевича? — любезно переспрашивает школьный сторож.— Его нет, он отлучился по делам.

— Как — нет? По каким делам? У него, кроме школы, не может быть никаких дел. За детьми надо смотреть, а не отлучаться по делам! — резко заявляет пришедшая.

— Ему, гражданка Синицына, виднее, за чем нужно смотреть: он директор,— обиженно отвечает Грозный.

Елена Александровна медленно спускается вниз, прислушиваясь к шуму голосов. Пожилая женщина в темном приплюснутом берете на седеющих волосах встречает ее недружелюбным взглядом зеленых глаз.

— В чем дело? — спрашивает Елена Александровна.— Может, я могу заменить директора? Пройдите, пожалуйста, в учительскую.

Женщина молчит, но Елена Александровна, не ожидая ее ответа, круто поворачивается и быстрой, легкой походкой снова поднимается по лестнице, открывая свежевыкрашенную дверь. Незнакомая женщина нехотя следует за ней.

— А вы, собственно, кто здесь? — с раздражением спрашивает она, опускаясь в кресло.

— Сейчас я замещаю директора,— спокойно отвечает Елена Александровна и быстро оглядывает незнакомую женщину. Где-то она видела такие же зеленые глаза.

Женщина беспокойно ворочается в кресле:

— Хорошо. Я попробую поговорить с вами, хотя вы еще очень молоды и, наверно, не были матерью. Моя фамилия — Синицына.

— Вы мать Нюры Синицыной? — живо спрашивает Елена Александровна. Ей нравится Нюра, и голос ее звучит приветливо.

— Да, я мать. И именно поэтому я пришла вас спросить, что с моей дочерью... Я ее не вижу. Она целые дни занята. Где — не знаю. В каком-то госпитале, вместе с какими-то ребятами... Причем я этих ребят не знаю. Часть из них, как видно, из ее бывшего класса. Они были на Украине и с трудом вырвались из оккупации.

— Я знаю их историю от директора,— кивнув головой, вставляет Елена Александровна.— Это очень хорошие ребята, лучшие в школе,— Трубачев и его товарищи.

— Не знаю, лучшие или худшие,— горько улыбается Синицына,— но если товарищи становятся дороже матери, если авторитет любого из них выше авторитета родителей, то это ненормально... Я целыми днями не вижу своей дочери, она не считает нужным посвящать меня в свои дела, мать для

нее — ничто. Нюра заявляет нам с отцом, что у нее есть свои обязанности. Я хочу знать совершенно точно, какие это обязанности. Я — мать! Я ее воспитываю и никому не позволю ломать мое воспитание!

Синицына с трудом сдерживала гнев; перегнувшись через стол к своей безмолвной собеседнице, она говорит быстро и нервно, словно отстукивая слова на пишущей машинке:

— В такое тяжелое время, когда мой муж работает день и ночь, а я, с больным сердцем, бегаю по очередям, чтобы накормить семью, у меня отнят покой. Но с этим никто не считается! Моя дочь растет эгоисткой, которой нет дела до матери. А я...— веки у Синицыной краснеют, в голосе слышатся слезы,— я должна положить этому конец,— шепотом доканчивает она, вытирая платком глаза.

Елена Александровна грустно и удивленно качает головой:

— Успокойтесь, гражданка Синицына... Ну, до чего вы себя довели? Ведь это совсем не так, как вы себе представляете. Я знаю вашу дочь и знаю ее товарищей. Я слышала о них много хорошего,— мягко успокаивает она расходившуюся женщину.

— Что ж тут хорошего? Я вижу их влияние на мою дочь,— плачет Синицына.

Она не слушает, что говорит ей эта чужая девушка. Ей легко говорить — она посторонняя. И хвалить легко. Вот эти похвалы и портят детей. А что же хорошего в этих товарищах, если они учат свою подругу дерзить матери и все от нее скрывать! Нюры никогда нет дома...

Елена Александровна снова и снова пытается успокоить Синицыну. Что ж плохого в том, что девочка работает в госпитале? Сейчас все люди — взрослые и дети — помогают своей Родине. Кто эти люди? Честные граждане, коммунисты, комсомольцы, пионеры. Все товарищи Нюры работают; она не может и не должна отрываться от коллектива.

В словах Елены Александровны есть то же, что с плачем бессвязно выкрикивает своим родителям Нюра. И это приводит Синицыну в бешенство. Она встает и дрожащими руками поправляет берет:

— Мы говорим на разных языках! Мне незачем сидеть тут и слушать ваши поучения. Я тоже советская женщина — меня агитировать не нужно. Но я еще и мать! Мать! Этого вы не понимаете!..

Синицына, не прощаясь, захлопывает за собой дверь. Не отвечая на поклон Грозного и не глядя на работающих школьников, она идет по двору, высоко подняв голову. Ничего! Она сама справится с дочерью, если школа не желает ей помочь. Она пойдет в госпиталь, вызовет главврача. Она узнает, где пропадает ее дочь...

Этой девушке кажется все так легко и просто. Кстати, кто она такая? Неважно, впрочем. Жаль только, что она, Синицына, не успела ей даже сказать, что у Нюры нет настоящей учебы, что Нюра останется на второй год, потому что не слушается матери и тянется за товарищами. С кем они занимаются? С мачехой одного из этих ребят. Конечно, это очень хорошо с ее стороны. Пусть она даже очень приличная женщина, но ведь она не учительница! Чем же это может кончиться? И мать должна стоять в стороне и молча смотреть, как гибнет ее дочь!..

Синицына останавливается. Она так измучена... Тут недалеко ее дом. Дома она бросила все в беспорядке, даже не сняла с плиты кастрюльку с супом. Ну что ж, пускай все пропадает! Лучше бы отдала соседке — у той маленькие дети и муж на войне... Соседка так благодарна, когда с ней чем-нибудь поделишься. А делиться надо, теперь нельзя думать только о себе. Разве она, Синицына, этого не понимает? А какая-то чужая девушка читает ей нотации, как будто мать не хочет, чтобы ее дочь выросла порядочным человеком! А кто же, как не мать, радовался успехам дочери и каждое утро, провожая в школу, гладил ей пионерский галстук?.. Но куда же идти? Домой? В госпиталь?

Синицына решительно поворачивает к госпиталю. За углом она видит, как в раскрытые ворота прежней школы, медленно передвигаясь на костылях, опираясь на санитарок, идут раненые.

Синицына замедляет шаг.

Боже мой, боже мой, сколько горя! И ведь у каждого есть

мать, жена, дети... У нее свое горе, а у тех матерей — свое...

«Вот сидишь дома и все только около плиты толчешься. И никому от тебя никакого толку нет... Надо хоть папирос передать им через Нюру,— провожая глазами раненых, думает Синицына.— Ах, боже мой, боже мой, лучше бы не видеть всего этого!..»

На мостовой мелькает знакомый сарафанчик и светлые косички с синими ленточками. Нюра, стараясь попасть в ногу с раненым, осторожно ведет его через улицу. Худенькое плечо ее чуть-чуть гнется под темной тяжелой рукой.

Вот они переходят на тротуар...

Синицына, прячась за людьми, тихонько идет за дочерью. Может быть, Нюре тяжело вести раненого,— она могла бы ей помочь. Но о чем этот раненый боец говорит ее девочке?

— Вот, дочка, спасибо тебе, родная. И матери твоей спасибо, так и передай. Хорошо воспитала она тебя. Немало, верно, сил положила. Уж без этого не бывает. Мать — она мать... И об том сердце у нее болит и об этом. А главное, человека из своего дитяти сделать. Вот это ее материнская заслуга и есть... Сердце у нее доброе небось?

— Доброе,— тихо отвечает Нюра, внимательно глядя себе под ноги. Но, как ни тихо говорит Нюра, мать слышит каждое ее слово, каждый вздох.

— Вот и спасибо ей за дочку. Вечное спасибо матери за хорошего человека!.. Небось любишь ты ее? — ласково заглядывает в лицо девочки Егор Иваныч.

— Люблю.

В голосе Нюры звенят слезы. Чужому человеку они не слышны, но мать их слышит.

Она тихо поворачивается и, словно боясь что-то спугнуть в своем сердце, быстро идет домой.

«Только бы Нюра не видела меня, только бы не видела!» — думает она, торопясь скрыться за углом.

Глава 44

ДИРЕКТОР

Узнав о визите Синицыной, Леонид Тимофеевич долго беседовал с Еленой Александровной.

Елена Александровна возмущенно и горячо обвиняла мать Нюры.

— Вы не можете себе представить, Леонид Тимофеевич, что это за женщина! Плачет, кричит, не слушает даже, что ей отвечают. Нет, это ужасно! Я просто не знала, как ее успокоить.

Леонид Тимофеевич тяжело ворочался в кресле, щурил серьезные карие глаза.

— Она вас не слушала, а вы ее хорошо выслушали? — неожиданно спросил он.

Елена Александровна вопросительно посмотрела на директора.

— Конечно. Я изо всех сил пыталась ей доказать...

— Ну, доказать что-либо такой женщине трудно, а выслушать ее внимательно совершенно необходимо. Потому что она все же мать. Она пришла в школу. Она взволнована, плачет. Значит, совершенно потеряла руль управления собой. Допустим, что мы с ней не согласны, возмущены ею, но во всем этом словокипении, во всех этих обвинениях, которые она обрушила на школу, на меня, на вас, во всей этой каше надо хорошенько разобраться. Видите ли, такая Синицына — новинка для вас, но не для меня. Вы — человек молодой, горячий...— Леонид Тимофеевич мягко улыбнулся.— Обвинять-то ведь всегда легче, чем оправдывать. А причина есть всегда и во всем. Ничего не бывает без причины. Может, тут где-то кроется и наша вина...

Елена Александровна слушала без улыбки, не сводя с директора строгих синих глаз.

— Я не понимаю, какое оправдание вы хотите найти Синицыной? И, если вы найдете его, я обвиню вас...— Елена Александровна вспыхнула, пушистые брови ее колючими иголочками сошлись на переносье.— Я обвиню вас, Леонид Тимо-

феевич, в излишней сентиментальности, жалостливости... Я не имею права так говорить с вами, но я все-таки обвиню вас! — запальчиво говорит она.

Леонид Тимофеевич встает:

— Она мать. Это большое слово. И боюсь, что я все-таки найду ей некоторое оправдание. И знаете в чем? В наших ошибках!

— Что ж, гражданка Синицына с удовольствием перечислит вам наши ошибки,— с усмешкой сказала Елена Александровна.

— Ну да, конечно! Я дам ей полную возможность это сделать. Видите ли, когда человек приходит к нам за разрешением какого-нибудь вопроса, то мы должны, несмотря ни на что, найти способ поговорить с ним по душе... А кстати, во время вашего разговора как вы ее величали: гражданка Синицына или по имени и отчеству?

— Я не знала ее имени-отчества,— пожала плечами Елена Александровна.

Леонид Тимофеевич с улыбкой взглянул на нее:

— А надо было спросить. Если человека называют по имени-отчеству, то в этом чувствуется какое-то внимание к нему, официальный тон смягчается, и разговор между двумя людьми делается проще, откровеннее... В общем, я сейчас сам пойду к ней и узнаю, что ее растревожило.

Леонид Тимофеевич, сутулясь, взял со стола шляпу. На пороге он обернулся, с лукавой улыбкой взглянул на детски упрямый подбородок Елены Александровны, на ее прихмуренные брови и по-отечески сказал:

— А вас тоже учить надо. Вы еще молодой, нестреляный воробушек. Школа — это школа для всех: для родителей, для учителей, для вожатых! — Он весело усмехнулся.— А вы небось думали — только для ребят?

* * *

Шел мелкий дождь. Нюра стряхнула с панамки светлые, как бисер, капли и осторожно вошла в дом.

— У вас директор,— шепнула ей в передней соседка.

Нюре хотелось убежать, спрятаться. Она встала под вешалкой, между пальто, дрожащими пальцами расстегнула и снова застегнула пуговицы на своем жакетике. Прислушалась. Из комнаты доносились два голоса: один — частый, приглушенный, захлебывающийся словами; другой — ровный, спокойный. И каждый раз, когда первый голос резко повышался, второй ласково смягчал его тихим встречным вопросом. Нюра стояла долго-долго. Она и не подслушивала и не смела уйти. Постепенно голос Леонида Тимофеевича вернул ей мужество.

«Войду!» — подумала она. Но дверь приоткрылась, и директор, продолжая разговор, сказал:

— Ну так вот, Мария Ивановна: ничего нет неразрешимого. Значит, мы с вами договорились. А войдете в наш родительский актив — будем чаще встречаться и решать все вопросы сообща. Так что, милости просим! Приходите до начала занятий, мы всегда будем рады вашей помощи.

— Не знаю... просто не знаю как...— растерянно бормотала мать.— Чем я смогу помочь вам? Я ведь ничего не умею...— И совсем тихо, словно извиняясь, она добавила: — Побеспокоила я вас, Леонид Тимофеевич...

Нюра, боясь, что ее заметят, краснея от стыда, зарылась лицом в чей-то меховой воротник. Леонид Тимофеевич прошел мимо нее, держа в руках шляпу. Мать шла за ним. Нюра вдруг вспомнила, что на дворе дождь. Схватив отцовский зонтик, она поспешно выбежала на крыльцо.

— Леонид Тимофеевич, возьмите зонтик! Вот зонтик! — смущенно повторила она, заметив, что мать смотрит на нее с удивленной улыбкой.

Но Леонид Тимофеевич не удивился.

— Ничего, ничего, девочка! Все будет хорошо, все будет хорошо,— приговаривал он, раскрывая над головой зонт.

Низко склонив под зонтом свою лысеющую голову и держа в руке шляпу, он пошел к калитке. Мать и дочь стояли на крыльце и глядели ему вслед. Обеим казалось, что в их доме побывал чудесный доктор, принесший им избавление от неведомой и тяжелой болезни.

Глава 45

«ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО...»

После того как ребят на собрании включили в списки пятого класса, они изо всех сил налегли на учебу. Несмотря на то что пятиклассники беспрекословно исполняли распоряжения своего бригадира и председателя совета отряда, Васек не мог и не хотел примириться с тем, что он и его товарищи причислены к пятому классу как второгодники. Васек похудел, его самолюбие жестоко страдало. Вечерами он долго занимался, ходил по комнате и, держа в руках книжку, забывая про урок, неожиданно говорил: «Во что бы то ни стало...»

С согласия Екатерины Алексеевны теперь на уроках всегда присутствовал кто-нибудь из бывших учеников четвертого класса «Б», которые зимой учились в Свердловске в пятом классе. Чаще всего это был отличник Медведев. Он сидел около доски, маленький, нахохленный, с внимательными темными глазами, и, вслушиваясь в ответы товарищей, напряженно моргал ресницами, а иногда аккуратно поднимал ребрышком руку и испуганно говорил:

— Ответ неверен. Позвольте мне...

Екатерина Алексеевна позволяла. И Медведев, старательно выводя мелком буквы и цифры, объяснял задачу.

Как-то Васек не смог решить дома пример и попросил Екатерину Алексеевну вызвать его к доске. Пример решали сообща. Как всегда, отличался быстротой сообразительности Петя Русаков. И Медведев после урока серьезно сказал:

— Русаков по арифметике идет у вас первым. Он бы у нас в свердловской школе отличником был.

Мазин широко раскрыл глаза и, уставившись на своего приятеля, тихо запел:

Учились вместе в школе
Друзья Р.М.З.С.,
Покинул Петя Колю —
В отличники залез... Ха-ха!

Ребята засмеялись. Екатерина Алексеевна тоже улыбну-

лась. Мазин подошел к Пете и неожиданно крепко обнял его:

— Хороший ты парень стал, Петька, хоть я на тебя и ворчу иногда...

— Ну, теперь по всем предметам, кроме арифметики, я вами довольна,— сказала как-то ребятам Екатерина Алексеевна.

— Арифметику подтянем! — радостно пообещал Петя.

— Не арифметику, а отстающих по арифметике,— серьезно уточнил Медведев и тут же, вытянув вперед пальцы, громко и безжалостно назвал отстающих: — По моему мнению, это Трубачев — раз, Мазин — два, Нюра Синицына — три...

— Как — я? — растерянно глядя на Екатерину Алексеевну, спросила Нюра.

— Конечно. Ты очень слабо решаешь примеры,— подтвердила Екатерина Алексеевна.

Нюра глубоко задумалась: «Может, иногда мама и правду говорит, что я все бегаю. Ведь самое главное — учеба...»

Глава 46

СОПЕРНИКИ

На деревянном щите у входа в школу висела свежая стенгазета. На большом листе бумаги четко вырисовывался заголовок: «Рабочий листок». Под заголовком художник Сева Малютин изобразил пионера с ведром и кистью; пионер стоял перед стеной дома и, подняв кверху кисть, с которой капала краска, широко улыбался, призывая к труду. Лицо у него было румяное, а глаза ярко-синие.

Это была первая газета, выпущенная совместно, всем коллективом.

Редактором, с общего согласия, был выбран семиклассник Толя Соколов, а помощником редактора — Одинцов.

В заметках не было недостатка. Были серьезные статьи о приближающейся учебе, о том, как подвигается работа на стройке, а в отделе «Разное» кое-кто оказался и продернутым.

Под рисунком, изображающим легковую машину с развалившимися в ней тремя мальчиками, стояла подпись:

Если дружба за машину —
Этой дружбе грош цена!

Была и другая загадочная картинка, изображающая плывущий в облаках лесовоз с длинными бревнами. Под этой картинкой подписи не было. Дальше была помещена острая заметка, уже без рисунка:

«Сегодня наш уважаемый кровельщик дядя Сема попросил уважаемого дедушку Мироныча помочь ему поднять на крышу железный лист. Но дедушка Мироныч ответил: «У тебя свое дело, а у меня — свое». Редакция считает, что всякое дело на стройке — общее».

Внизу стояла подпись: «Помред Одинцов».

Около газеты с утра толпились ребята.

Дедушка Мироныч прочитал заметку и подозвал Колю Одинцова.

— Ты, товарищ Одинцов, мал еще старшим указывать,— обидчиво сказал он и полез на крышу помогать кровельщику.

Алеша Кудрявцев не захотел подойти к газете, он уже знал через Тишина, что его с приятелями продернули, и, возмущенный, принес Одинцову свою заметку.

— Вот, помести, пожалуйста,— насмешливо сказал он, протягивая Коле аккуратный листок бумаги.— У тебя тут есть еще место, можно сейчас же наклеить.

Одинцов быстро пробежал глазами листок.

«Очень жаль,— говорилось в заметке,— что одним из ответственных редакторов газеты выбран Одинцов, который вместе со своими товарищами хотел пролезть в шестой класс, а по заслугам очутился в пятом».

Пока Одинцов читал, Алеша стоял рядом и острыми, прищуренными глазами смотрел на него в упор, пытаясь уловить на лице Коли признаки смущения или гнева. Он ожидал категорического отказа напечатать такую заметку и был очень удивлен, когда Одинцов просто сказал:

— Сейчас приклеим.

Алеша покраснел и взял у него из рук заметку.

— Я еще не решил,— быстро сказал он и, скомкав заметку, сунул ее в карман.

Ему вдруг стало скучно, и собственный поступок показался мстительным и мелким. Он отвернулся от Одинцова и пошел к своему участку.

Там все было в полном порядке. Ямки, приготовленные для столбов, были точно вымерены, одинаковой глубины; подобранные по одному размеру штакеты сложены около каждой ямки, чтобы потом ребятам не пришлось таскать их из общей кучи, затрачивая на это лишнее время. Все было готово. Не хватало только столбов и слег, чтобы начать ставить забор У Алеши чесались руки, да и срок выполнения задания был уже близок. Кончался июль, все работы по ремонту надо было завершить к седьмому августа.

К Кудрявцеву подошли Петрусин и Тишин. Алеша ничего не сказал приятелям про заметку, но, не в силах побороть кипевшее в нем раздражение, едко бросил:

— Бездельничаем по вине директора!

— И правда, чего это Леонид Тимофеевич тянет? Обещал пойти с нами на делянку и тянет чего-то, а мы без дела сидим. Давно бы уже могли столбы привезти и начать работу,— высовываясь из-за плеча Кудрявцева, сказал Петрусин.

— Трубачевцам тоже нечего делать,— усмехнулся Тишин,— вон сидят в кучке.

Алеша остановился на краю своего участка, вытащил отцовский полевой бинокль и стал разглядывать участок своего соперника. У Тишина завистливо блеснули глаза. Он осторожно протянул руку и в нетерпении пошевелил пальцами:

— Чур, я после Кудрявцева смотрю!

Петрусин сморщил нос и, прищурив глаз, старался заглянуть хоть в одно окошечко. Но Кудрявцев отодвинул его локтем и, продолжая глядеть в бинокль, нетерпеливо бросил обоим:

— А ну-ка, не мешайте!..

В бригаде Трубачева тоже было все готово: так же чернели через определенное расстояние выкопанные ямки, лежали сложенные штабелями штакеты. Алеша направил бинокль на Тру-

бачева. Бригадир пятиклассников, развернув на травке какой-то лист, положил по краям четыре камешка и что-то сказал не сводившему с него глаз Матросу. Тот блеснул в воздухе черными от загара ногами и, подпрыгивая, помчался к дому.

Алеша повертел колесико и быстро сказал:

— Петрусин, узнай, что у них там такое!

В бинокль было хорошо видно склоненную над большим листом голову Трубачева. Несколько ребят тесно окружили своего бригадира. Запыхавшийся Матрос примчался назад, держа в руках длинный, похожий на пенал ящичек.

— Флажки принесли. Карту будут смотреть...— лениво сказал Тишин.— Хотят показать себя культурными.

— Но откуда они взяли карту? — с интересом спросил Алеша.

— Карту принесла Елена Александровна. Она хочет повесить ее в пионерской комнате. А флажки девочки из ленты сделали,— спешно сообщил вернувшийся Петрусин.

— Несправедливо! Зачем она им дала? — нахмурился Алеша.

— Мироныч говорил, что завтра пионерская комната будет уже готова. Елена Александровна сама там работала вчера. И плакаты уже купили,— быстро рассказывал Петрусин.— А сейчас Трубачев пошел и выпросил карту.

— Трубачев — любимчик! — процедил сквозь зубы Тишин.— Елена Александровна ему ничего не жалеет!

— Подумаешь! А чего она распоряжается тут! Сложила печи и воображает! — фыркнул Петрусин.

Алеша молча сунул ему бинокль и решительно зашагал к дому.

Елена Александровна была в пионерской комнате. Открыв окна и двери и осторожно ступая по дощечкам, положенным на свежевыкрашенный пол, она складывала на столе какие-то игры, плакаты и завернутые в красный кумач портреты.

— Осторожно, Кудрявцев, пол еще не высох. Что тебе надо?

— Дайте мне карту! — сказал Алеша.

— Карта у Трубачева. Он ее подклеивает на полотно. Сего-

дня вечером мы ее повесим здесь и каждый день будем отмечать флажками линию фронта,— пояснила Елена Александровна.— А если ты хочешь посмотреть карту, ступай к Трубачеву.

— Я не пойду к Трубачеву! Пусть Трубачев ходит ко мне,— вспылил Алеша,— а мне незачем перед ним унижаться! Я не первоклашка. Я могу взять карту у моего отца. Мой отец — генерал, и у него таких карт...

Елена Александровна с шумом отодвинула ящик с шахматами и повернулась к Кудрявцеву:

— Мы все уже слышали, что твой отец генерал! Ты можешь гордиться своим отцом, ты можешь стремиться к тому, чтобы стать таким же, как твой отец, но пока ты еще ничего не сделал, и хвастать направо и налево, что ты сын генерала,— это стыдно, противно и глупо! — Елена Александровна вспыхнула темным румянцем.— Запомни, Кудрявцев: стыдно, противно и глупо! — с силой повторила она.

— Как вы смеете! Вы — какой-то печник!..— пробормотал озадаченный Алеша.

— Выйди отсюда! И, когда успокоишься, приходи поговорить со мной! — сказала Елена Александровна.

— Я никогда не приду поговорить с вами! Не ждите! — грубо крикнул за дверью Алеша.

Он сбежал с лестницы, постоял на крыльце и через минуту вернулся. На волосах у него блестели капли дождя, глаза смотрели вызывающе.

— Я — отличник! И я работаю не хуже других...

— Ты работаешь хорошо. Но, кажется, пошел дождь...— Елена Александровна озабоченно взглянула в окно.— Скажи, чтобы принесли карту.

Алеша снова исчез за дверью.

— Эй, Петрусин! Пойди скажи пятым, чтобы принесли карту! — послышался на крыльце его громкий, сердитый голос.

Елена Александровна глубоко вздохнула и снова принялась разбирать игры.

— Подклеили? — не поднимая головы, спросила она Трубачева, когда он принес карту.

— Подклеили, только еще не подсохла.

— Положи на стол и скажи ребятам, чтобы расходились. Да, чуть-чуть не забыла! В воскресенье поход на делянку. Сбор здесь в семь часов. Объяви бригадирам.

— Сейчас!

Васек разложил на столе карту и вышел во двор.

— В воскресенье поход на делянку. Пойдут все старшие ребята! — радостно объявил он и, заметив издали Кудрявцева, помахал рукой: — Кудрявцев, в воскресенье поход на делянку! Собирай своих! Сбор в семь часов.

Кудрявцев удивленно вскинул брови и хотел ответить, но Тишин тихонько свистнул и насмешливо сказал:

— Гордится перед тобой, хозяина из себя корчит... Помнишь, он сказал: «Мы здесь хозяева, а он... наш гость!»

Петрусин закивал головой:

— Верно, верно!

Глаза у Алеши снова вспыхнули, потемнели.

Мелькнувшее желание запросто ответить Трубачеву мгновенно прошло.

— Мы еще поглядим, кто тут хозяин! — засовывая руки в карманы, сказал он.

Глава 47

НЕСТРЕЛЯНЫЙ ВОРОБУШЕК

Елена Александровна отпустила ребят, поднялась в учительскую и, забравшись с ногами в кресло, глядела сквозь мелкую сетку дождя на улицу.

«Пора бы Леониду Тимофеевичу прийти. И о чем можно так долго говорить?»

Ей было жаль старого директора, но к этому чувству примешивались раздражение и беспокойство.

«И зачем он пошел сам? Можно было вызвать эту Синицыну сюда. Она, пожалуй, подумает, что директор испугался ее обвинений. И вообще вся его чрезмерная доброта может только повредить школе. Как бы он там не размяк окончательно

и не взял на себя вину за то, что Нюра не слушается матери и делает свое общественное дело... Нет, что за нелепость на самом деле!»

Елена Александровна невесело засмеялась.

«Если так будет дальше, то я не смогу здесь работать»,— подумала она и вспомнила тот день, когда ее, молоденькую учительницу, райком комсомола направил сюда на работу. Она пришла на зеленый пустырь, где ребята во главе с директором ремонтировали себе школу. Ее отец был печник, и в детстве она часто помогала ему. Сейчас это умение ей очень пригодилось. Она приняла горячее участие в работе — складывала печи, старалась организовать ребят. Но разве о такой школе она мечтала? Ведь ей нужны опытные товарищи учителя — она еще нигде не работала. Правда, директор встретил ее с отеческой лаской и вначале даже показался ей настоящим, твердым человеком. Его все слушались, а для школьников каждое его слово — незыблемый закон. Но вот история с Синицыной так ясно показала его излишнюю мягкость. Ведь он просто добряк, бесхарактерный добряк! Как же она будет с ним работать? Но почему же ей все-таки не хочется уйти отсюда?

«Труд заманивает человека»,— говорил ее отец. Ремонт школы и для нее стал кровным делом. Она не может уйти, пока не готова школа. Она только-только начала узнавать ребят Спешила оборудовать пионерскую комнату, чтобы была возможность где-то проводить сборы, интересные занятия, поближе познакомиться с детьми.

Елена Александровна вскочила и взволнованно заходила по комнате.

Скорей бы окончился ремонт и пришли другие учителя. Учитель и вожатый — это большая сила. В общем, конечно, здесь хорошие ребята... Но есть разные...

Тишин — очень неприятный мальчик, на собрании она никак не могла разглядеть его прищуренные глаза.

А сегодня еще этот Кудрявцев! И что они имеют против Трубачева? Конечно, разве она могла ждать, что все дети будут хорошие! И все-таки обидно, когда идешь к ним с добрым сердцем, а они не стесняются сказать тебе грубость...

Елена Александровна снова залезла с ногами в кресло и, опустив на ладонь голову, прислушалась к шуму дождя на крыше: «Но где же этот добряк директор? Воображаю, что ему там наговорит эта мамаша!..»

Дверь скрипнула. Иван Васильевич осторожно просунул руку с горячим чайником и на цыпочках подошел к столу.

— Чайку согрел. Мокро на дворе. Придет Леонид Тимофеевич — выпьет чашечку...

Он поставил чайник на стол, закутал его мохнатым полотенцем; оглянулся на Елену Александровну:

— А вы что же сиротинкой такой сидите?

— Леонида Тимофеевича жду,— вздохнула Елена Александровна.

— Да уж пора бы ему! Но только дело у него такое деликатное — пока уговоришь да разговоришь...

— Добряк он у вас! — сердито бросила Елена Александровна.

— Да, знаменитый человек. Он с ними умеет, это что и говорить,— приняв ее слова за похвалу, охотно сказал Грозный.— Это уж он специалист. И к каждому ребенку подход найдет, и к каждой мамаше, и к вам вот, учителям, тоже умеет приноровиться. Настойчивый и, где надо, не обидевши, на своем поставит. Сурьезный, что и говорить, одно слово — директор!

Елена Александровна спустила на пол ноги, пригладила волосы.

Поговорив о своем директоре, Иван Васильевич ушел. Дождь все еще брызгал в окна, мелкий, докучный, унылый.

Наконец на улице показалась знакомая фигура. Леонид Тимофеевич быстрыми шагами прошел по двору, раскрытый зонтик над его головой кренился то вправо, то влево, по спицам за воротник пальто стекали струйки воды.

Елена Александровна вскочила и, по недавней школьной привычке прыгая через две ступеньки, побежала вниз по лестнице. Вместе с Иваном Васильевичем они сняли с директора мокрое пальто.

— А я и не промок вовсе! — весело заявил он, вытирая платком шею.

В учительской Леонид Тимофеевич не спеша достал из ящика стола блокнот, что-то записал в нем для памяти и, встретив нетерпеливый взгляд Елены Александровны, сказал:

— Ну вот... С матерью Нюры Синицыной, я думаю, все понемногу уладится, мы ее включим в наш будущий родительский комитет и будем, так сказать, держать ее под своим наблюдением. В этом нам помогут другие матери.

— Она согласилась? — недоверчиво спросила Елена Александровна.

Леонид Тимофеевич кивнул головой.

— Она не уверена в своих силах. Ну, знаете, всегда сидела дома, за спиной мужа, непривычка. Но постепенно она войдет в работу коллектива, в интересы школы... Это часто бывает так...— Он задумчиво постучал по столу пальцами.— Меня сейчас беспокоит другое. Видите ли, Синицына — человек неуравновешенный, а с такими людьми часто случается, что, будучи раздражены одним поводом, они кричат совершенно о другом. Но вот во время разговора я и выяснил, что мы все же виноваты.

Елена Александровна сухо улыбнулась.

«Так и я думала»,— говорил ее взгляд. Но директор не обратил на это внимания.

— Да, мы все же виноваты, а в какой мере — это скоро выяснится. Дело в том, что, пока мы тут строились и хлопотали, радуясь, что ребята принимают во всем этом деятельное участие, Трубачев и его товарищи старались догнать свой класс. Когда я приехал, девочки мне сказали, что зимой они хорошо занимались, и я подумал, что они просто повторяли пройденное, тем более что никто из них не пришел ко мне поговорить, посоветоваться. И знаете, Елена Александровна, только несколько дней назад, на собрании, мы с вами призадумались над странным заявлением Трубачева и собирались выяснить, насколько оно серьезно. А вот мать Нюры Синицыной уже давно тревожится за свою дочь: где она пропадает, как и когда она занимается, почему ее нет дома ни утром, ни вечером и каким образом при всей этой нагрузке она попадет в шестой класс, с кем проходит она курс пятого класса. Все это есте-

ственные вопросы для матери, и я вполне уяснил себе, в чем дело.

Елена Александровна слушала директора с большим вниманием.

— Да, но если они действительно занимаются...— неуверенно начала она.

Но Леонид Тимофеевич перебил ее:

— Занимаются ли? И сколько времени у них остается на занятия? Ведь знай мы об этом раньше, ни о какой их работе на стройке не было бы и речи. А теперь будет большим огорчением для этих ребят, если оттого, что взрослые вовремя не помогли в учебе, они сядут в пятый класс!

Елена Александровна вспомнила собрание, побледневшее лицо Трубачева и его уверенный голос... Она заволновалась.

— Они не сядут, они уже чувствуют себя шестиклассниками! Я думаю, что они усердно готовятся сейчас. И хотя я поставила их в списки пятого класса, но ведь это только до осени. Совершенно невозможно считать их второгодниками!

— А кем их считать — шестиклассниками или пятиклассниками,— нам станет ясно после проверки их знаний. И поправить что-нибудь будет поздно, потому что скоро уже конец июля.

Леонид Тимофеевич остановился и внимательно посмотрел на Елену Александровну. Она сидела, опустив голову на руку, и глядела на директора потемневшими, встревоженными глазами.

— Так вот, вы понимаете теперь, почему к голосу каждой матери необходимо прислушиваться и в чем мы можем оказаться виноватыми?

Елена Александровна молча кивнула головой. Леониду Тимофеевичу стало жаль ее.

— Синицына сказала мне, что они занимаются с матерью Пети Русакова. Это очень толковая женщина. Может быть, они прекрасно занимались — времени у них было вполне достаточно,— сказал он, ласково улыбнувшись.— Ну, в общем, мы это

скоро узнаем. В воскресенье у нас поход на делянку, а после похода мы повидаемся с матерью Русакова и все выясним... А сейчас идите-ка домой, воробушек!

Глава 48

ДВА ПИСЬМА

Ребята собрались у Васька, чтобы написать письмо родителям Мити. Нелегко было сообщить старикам о постигшем их несчастье. Ребята сидели глубоко задумавшись, не зная, с чего начать. В комнате было тихо. Тетя Дуня задержалась в госпитале. Электричество не горело, и Васек поставил на стол круглую лампу с отбитым краешком стекла. Вспыхивая, лампа освещала серьезные лица ребят. Сева держал наготове ручку и, поминутно обмакивая в чернильницу перо, отводил его в сторону от бумаги, чтобы не уронить кляксу. Ребята молчали, думали...

— Никто не знает, какой человек Митя, как он шел по нашим следам с дядей Яковом, как привел нас в лагерь...— грустно сказал Саша.

— А дядю Якова как жалко! — прошептал Петя Русаков.

— Неужели мы и Митю больше не увидим? — горько спросила Нюра.

Васек глубоко вздохнул:

— Как такое письмо напишешь? Мы ведь уже не раз думали. И все ничего не получалось. А ведь надо же наконец известить родителей.

Малютин снова макнул в чернильницу перо и придвинул к себе бумагу.

— Самое главное — начать,— озабоченно сказал Саша.

— «Дорогие Митины родители!» — с чувством продиктовала Лида.

Сева написал.

— Теперь надо очень осторожно,— испуганно предупредил он.

Ребята молчали, подыскивая подходящие слова.

— Лучше всего — писать прямо,— решил Мазин. — «Нам сообщили, что Митя опасно ранен...»

— С ума сошел! — возмутились девочки.— Разве так можно? У Мити мама старенькая, она испугается сразу.

— Конечно. Сначала о жизни что-нибудь... вообще... как они живут... Что ты думаешь, Васек? — спросил Одинцов.

— Я бы тоже сразу правду сказал,— нерешительно высказался Васек.

— Нет, лучше подготовить, что вот у многих теперь горе, потому что война,— глядя на огонь лампы, начала Нюра.— «Дорогие Митины родители! Как вы живете? У всех сейчас много горя...»

— Может, и правда...— вздохнули ребята.

— Давайте напишем начерно, а потом перепишем,— сказал Сева, записывая слова Нюры.

Но дальше дело не шло. Ребята предлагали то одно, то другое, но всем казалось, что это не те слова, что в них нет утешения и теплоты.

— У самих сердце болит, да еще писать об этом надо,— расстроенно бормотал Мазин.

— И как это мы не можем написать! — с горечью сказал Одинцов.

— Так ведь это не простое письмо,— серьезно возразил ему Малютин.

Васек поглядел на часы — было очень поздно.

— Вот что, ребята: давайте расходиться по домам! Завтра нам на делянку идти. Придется сегодня письмо отложить, но пусть каждый подумает хорошенько. Завтра соберемся опять.

Хмурые и недовольные собой, ребята молча смотрели, как Васек прятал в ящик стола начатый лист бумаги.

Когда все собрались уходить, дверь вдруг открылась и вошла запыхавшаяся от ходьбы тетя Дуня.

— Васек,— крикнула она еще с порога, поднимая вверх маленькое серое письмецо, сложенное треугольником,— тебе

на госпиталь пришло! Читай скорей! Я всю дорогу бегом бежала. От кого бы это?.. Батюшки мои!..

Васек схватил письмо и бросился к лампе:

— Ребята, от Генки! — Руки его дрожали.

Ребята онемели от испуга и ожидания.

В письме было наспех написано несколько строк:

«Дорогие товарищи, други мои! Один человек обещал мне доставить вам эту весточку, и потому спешу сообщить, что Митю вашего мы от смерти отратували, жив-здоров теперь будет боец Митя, не плачьте за него, други мои. Митя ваш на ноги еще не встает и писать сам не может, но, чтоб вы не сомневались, что он выдужал от своих ран, шлет собственноручную подпись и горячий комсомольский привет.

Ваш Гена Наливайко».

Внизу стояли две неровные буквы: «М. Б.».

— Митя Бурцев! — задыхаясь от счастья, прошептал Васек.

— Митя!.. Митенька!..— Девочки крепко обнялись.— Какое счастье!..

Ребята, не веря своим глазам, смотрели на Генкины каракули и на волшебные буквы внизу: «М. Б.».

— Садись за стол, Севка! — заорал вдруг Мазин, ударив об пол кепкой.— Где письмо родителям? Сначала будем писать. Начисто, без помарок! Садись, Севка!

— Садись, садись! — усаживали Севу товарищи и, захлебываясь от радости, со всех сторон диктовали ему новое письмо.

— Ах ты батюшки! Да вы хоть не все сразу! В ухо-то ему не кричите! — глядя на них, улыбалась тетя Дуня.

— Ничего, ничего...— бормотал Сева, торопясь записать все, что ему диктовали ребята.

По новому письму выходило, что Митя Бурцев, верный сын своей Родины, геройски сражался с фашистами и, получив смертельные раны, совершенно выздоровел и скоро снова пойдет в бой.

«Слава родителям, у которых такой сын! Счастье нам, что

у нас такой вожатый! Пионерский отряд школы № 2»,— торжественно подписал в конце письма Сева Малютин. Потом каждый из ребят поставил под посланием начальные буквы своего имени и фамилии. Васек тоже подписал совсем как Митя: «В. Т.».

Глава 49

НА ДЕЛЯНКЕ

К семи часам утра ребята собрались около школы. Леонид Тимофеевич уже был там и о чем-то оживленно беседовал с двумя Миронычами. Ребята быстро разобрали топоры, пилы. Елена Александровна еще с вечера заготовила хлеб и огурцы и теперь выдавала их на руки. Вышли на улицу.

— Не рассыпайтесь по всей мостовой,— сказала Елена Александровна, — в городе нужно идти организованно.

Несмотря на ранний час, люди уже куда-то торопились. Проехали мимо на грузовиках красноармейцы, прошли ремесленники в рабочих спецовках. Встретились девушки в военной форме.

— На работу идете? — весело окликнули они пионеров.

— На работу! В лес! Деревья валить! — бодро, вразнобой ответили им ребята.

На окраине стали встречаться огородники с мешками, лопатами.

Ребята вышли за город, миновали шлагбаум. Перед глазами открылось широкое ровное шоссе.

Васек оглядел товарищей. Их было много — старых и новых, испытанных друзей и просто одноклассников. Были тут славные ребята из других классов, с ними он познакомился только недавно на стройке. Все они относились к нему тепло, по-дружески.

Но были среди школьников и такие, как Тишин, Петрусин. Алешу Кудрявцева, несмотря ни на что, Ваську не хотелось даже мысленно ставить с ними рядом.

Старые друзья Трубачева всю дорогу шли с ним вместе, го-

ворили о военных событиях, о Мите, о том, что скоро кончится война и Митя вместе с учителем снова вернутся в школу. В новую школу, отстроенную с их помощью.

Вдоль шоссе потянулся густой лес. Леонид Тимофеевич, Елена Александровна и два Мироныча шли прямо по дороге, окруженные школьниками. В толпе слышались шутки, смех, громкие голоса.

Внезапно на Трубачева нахлынули воспоминания. Казалось, стоит только закрыть глаза — и увидишь свежее украинское утро, Митю, Сергея Николаевича, подводу, на которой ехал отец учителя... Все это было совсем недавно... Вот так шел Сергей Николаевич, а вот так, по краю шоссе, Митя... И Валя шла, срывая крупные белые ромашки.

А потом по шоссе шагали на фронт бойцы с запыленными суровыми лицами. И вдоль этого потока учитель двигался навстречу ребятам и горнил еще и еще, чтобы показать им, что он здесь...

Никогда не забудет Васек, как, прощаясь, Сергей Николаевич соединил их руки в своих ладонях...

Васек оглянулся. Саша поднял на него большие грустные глаза и глубоко вздохнул. Девочки шли по тропинке около леса. Нюра отстала от подруг, и светлый сарафанчик ее одиноко мелькал за деревьями. Петя, по старой привычке, жался к Мазину, а Мазин шел, мрачно опустив глаза в землю.

И, словно продолжая начатый разговор, Одинцов вдруг сказал, ни к кому не обращаясь:

— Вот мы среди своих теперь, а там все еще враги кругом. И может, сейчас, в эту минуту, идет бой.— Он тронул за плечо Трубачева: — Помнишь, как тогда, ночью, на дороге?

Ваську сразу вспомнился ночной шорох деревьев, дальний топот копыт, боец, скачущий на гнедой лошади...

Васек встряхивает головой и поворачивается к товарищам:

— Что это мы так отстали, ребята? — Он машет рукой и звонко кричит: — Эй, Белкин! Подождите нас!.. Девочки, выходите на шоссе! Куда ушли?

— Спешат все, как на пожар! — ворчит Мазин.

Девочки поспешно сбегают с тропинки.

Трубачев прибавляет шагу. Елена Александровна останавливается на дороге и ждет. Ветер треплет ее светлые волосы, выбившиеся из-под берета; девочки со всех сторон суют ей в руки букетики цветов.

Леонид Тимофеевич и два Мироныча тоже замедляют шаг, оглядываются. Ребята догоняют их и идут рядом.

Дедушка Мироныч рассказывает о лесных пожарах:

— Ну вот. Дед мой был лесником и всю жизнь лесом кормился... Вот один раз заночевал он в лесу, подложил под голову армяк да топор и задремал. Вдруг слышит — словно кто стонет, да так тяжко, многоголосо стонет и дышит жарко в лицо... Проснулся он, сел. А над головой птицы летят, с ветки на ветку белки шарахаются, и зайцы прямо по ногам скачут, и всякая тварь лесная бежит мимо... Вскочил он. Ночь на дворе, а промеж деревьев зарево видно, огонь змейками по траве ползет. И в ушах гул стоит. Выбежал он на опушку... Лес горит... Батюшки мои! Упал дед на колени, заплакал: «Кормилец ты мой родимый!» А лес стоном стонет, как человек... Перекрестился дед — и в село. Ну, набежали люди с баграми, с лопатами, давай канавы рыть, водой заливать. Ведерками воду из речки носили — о пожарных тогда и не слыхивали в селах. Ну и выгорел лес — одни пни торчали... А теперь я вот на свою родину ездил — на этом месте высокая рожь колосится. Зайдешь — и с головой окунешься в хлеба. Не узнать того места, где пожар был и где мой дед плакал. Теперь новые леса посадили, хорошие леса, строевые...

— А отчего же пожар был? — спросил кто-то из ребят.

— Известно отчего: пастухи сожгли. Народ тогда несознательный был. Разложили костер да заснули — вот тебе и пожар!..— Дедушка Мироныч поглядел на высокие, стройные сосны у дороги.— Вот, Леонид Тимофеевич, эти сосны мачтовые. Вишь, они, как стрела, ровные! — Он подошел к дереву, постучал по стволу топорищем.— Хороши сосны!.. А вот до войны я отдыхал в одном санатории на Черном море, так там я видел сосновую рощу. Особые деревья! Иглы длинные, хоть косы плети, а шишки с кулак у той сосны...

Кто-то из ребят вспомнил, что видел в Артеке пробковые деревья. Мироныч снова стал что-то рассказывать.

Елена Александровна подошла к Ваську:

— Расскажи мне о своих делах, Трубачев. Как у вас там с учебой?

Васек опешил.

— Мы занимаемся с матерью Пети Русакова. Мы будем учиться в шестом классе! — удивленно ответил он.

— Чтобы учиться в шестом, надо пройти всю программу пятого класса,— серьезно сказала Елена Александровна.— Леонид Тимофеевич просил меня проверить ваши знания. Предупреди, пожалуйста, Екатерину Алексеевну, что завтра я приду к ней на урок.

— Хорошо,— ответил Васек, чувствуя тревогу и растерянность.

Ребята сразу заметили по его лицу, что случилось что-то важное.

— О чем она с тобой говорила? — спросил Одинцов.

— Потом скажу,— отмахнулся Васек. Ему не хотелось в этот день портить настроение ребятам.— Потом, потом!..— пообещал он подошедшим товарищам.

Алеша Кудрявцев тоже несколько раз оглянулся.

— Трубачев с печником разговаривал, а сам все смотрел в нашу сторону — наверно, жаловался на тебя,— успел шепнуть ему Тишин.

— Пусть жалуется! Ему же будет хуже,— озлился Алеша.

Делянка была в шести километрах от города. Когда вошли в лес, Леонид Тимофеевич предложил всем отдохнуть и позавтракать. Ребята вытащили из вещевых мешков хлеб и, закусывая на ходу, разбрелись кто куда.

Лес был густой, разросшийся, тенистый. Сквозь зелень осин и берез виднелись коричневые стволы сосен.

Елена Александровна, крикнув ребятам, чтобы далеко не уходили, побежала с девочками к орешнику.

— Идите сюда! — кричала она, ловко нагибая ветки.— Посмотрите, как орехов много! По пять штук в одной кучке.

На голос ее прибежали ребята. Ветки гнулись, трещали.

Орехи были еще зеленые, внутри них, словно в вате, лежали маленькие ядрышки. Ребята попробовали орехи и побежали искать ягоды.

Леонид Тимофеевич с двумя Миронычами пошел к леснику. Пока он ходил, мальчики вырезали себе палки, лазили на деревья, гонялись за белками. Витя Матрос притащил Елене Александровне птичье гнездо, в нем лежала скорлупа от хорошеньких голубых яичек.

— А где птички? — спросила стриженая черненькая девочка из пятого класса.

— Птички уже летают,— засмеялась Елена Александровна и серьезно добавила: — Но трогать гнезда все равно никогда не надо.

Мазин залез в орешник, вырезал дудку и пронзительно свистел, собирая около себя целую очередь желающих свистнуть.

— Ну, ну, работнички! Угомонитесь-ка! — раздался веселый голос Леонида Тимофеевича.

Он привел лесника.

Лесник показал делянку и ушел. Оба Мироныча сбросили пиджаки и начали осматривать деревья. Некоторые из них они пометили мелом.

— Вот эти, ровные, пойдут на столбы,— говорили они ребятам,— а кривые только на дрова можно использовать.

Леонид Тимофеевич и Толя Соколов облюбовали себе одно дерево и, присев на корточки, начали пилить. Поблескивая на солнце отточенными зубцами, в лесу зажужжали пилы. У Мазина от охоты попилить загорелись глаза. Он подбежал к дедушке Миронычу:

— Дедушка, давайте я с вами попилю! Я на этом деле собаку съел!

— Собаку съел? — усмехнулся плотник и кивнул головой на младшего Мироныча: — Вот сейчас мы с Федором Миронычем это дерево повалим, потом он будет его очищать, а мы с тобой попилим.

Когда дерево повалили, дедушка Мироныч шагнул к старой сосне.

— Становись, коль собаку съел,— поплевывая на ладони и опускаясь на одно колено, пригласил он Мазина.

Мазин тоже поплевал на ладони, опустился на колено и, не рассчитав силы, рывком подал от себя пилу. Пила вильнула, издала жалобный звук и острыми зубцами проехала по стволу.

Плотник с ухмылкой посмотрел на Мазина:

— Кошку ты съел, а не собаку! Не толкай пилу, а тащи к себе. Тоже мастер!

Вокруг все засмеялись.

— А вы разойдитесь, ребятки,— сказал Мироныч.— Упадет дерево на вас — беда будет! Вот как повалим, тогда ветки обрубать станете.

Подпиленные стволы кренились набок и падали с шумом, цепляясь ветками за соседние деревья.

— Отойди! Отойди! Падает! — кричали ребята.

Васек вместе со своей бригадой пятиклассников обрубал сучья и ветки.

— Вот они где, столбы-то! — жарко блестя черными глазами, восхищался Витька Матрос и, размахивая топором, первый мчался к упавшему дереву.— Почище обрубайте, ребята! Ведь это нам столбы для забора! — кричал он пятиклассникам.

Тишин поворачивал в его сторону голову и насмешливо глядел исподлобья. Заметив этот взгляд, Витька встряхивал головой и еще с бóльшим жаром командовал:

— Поднимай! Поднимай! Тащи к Федору Миронычу!

Федор Мироныч, пристроившись около большого пня, аккуратно обтесывал каждое бревно и с помощью ребят откладывал в сторону сыроватые желтые гладкие столбы. Он чувствовал себя в лесу хозяином и, вдыхая смолистый запах срезанных сосен, вдруг становился разговорчивым:

— Вот, например, береза: красивое дерево и полезное. А некоторые озорники этого не сознают: обдерут с нее кору вокруг ствола, словно кожу с живого существа снимут! И наплевать им! А дерево гибнет...

Алеша Кудрявцев помогал Миронычу. Складывая готовые столбы, он хмурил темные брови и озабоченно спрашивал:

— А что, Федор Мироныч, которые из них для забора хо-

роши? Если один больше, другой меньше — это ничего? Можно зарыть поглубже или отпилить, а?

— Можно и зарыть, можно и отпилить, это все в наших руках,— благодушно отвечал Мироныч.— Только и зарыть не просто. Конец нужно обсмолить либо обжечь, не то он будет в земле гнить, а это никому не интересно тоже. Забор ставят не на один год и не на два...

Алеша внимательно слушал и сильными, ловкими руками откатывал в сторону наиболее гладкие и прямые стволы. Тишин помогал ему и украдкой метил эти столбы красным карандашом. Неподалеку от них Елена Александровна вместе с девочками складывала в кучу обрубленные ветки и сучья.

— Это на топку печей пойдет. Ничего не надо бросать,— по-хозяйски распоряжалась она.

Работали бойко до обеда. В обед жена лесника принесла чугун горячей картошки и соленых огурцов.

Оба Мироныча уселись на бревна, вытащили из мешков хлеб и соль. Леонид Тимофеевич, прикрыв носовым платком голову, присел вместе с ними. Ребята тоже расположились вокруг с горячими картофелинами в руках.

Разговор шел о стройке.

— Своими-то руками все быстрей делается. Вот мы сейчас заготовки сделаем на месте, сколько успеем, а потом еще разок-другой приедем сюда с Миронычем и закончим. А тогда готовенькое и перевезем. Досок, конечно, мы тут не напилим — с этим уж придется лесопилке поклониться, а все прочее пожалуйста... Тут и сосна, тут и береза, и кое-где дуб есть... С делянкой нас не обидели,— рассуждал дедушка Мироныч.

Младший Мироныч при своем словоохотливом товарище, как всегда, помалкивал, перебивая его лишь изредка короткими фразами:

— Что есть, об том и говорить нечего, а чего нет, то доставать нужно.

— А чего тебе не хватает? — подмигивая веселым глазом, спрашивал дед.

— Известно чего — машины. Машины для перевозки. А то

дождь пойдет и дорогу нарушит,— бросив взгляд на директора, объяснил Мироныч-младший.

— Машину я достану на днях,— кивал головой директор.

— Машину, товарищ директор, надобно,— это верно. Машину для перевозки требуйте. Докладывайте начальству, что деревья повалены, лежат в лесу... А время не ждет, пора школу к занятиям готовить,— поучал Леонида Тимофеевича старший Мироныч.

Перекусив, снова принялись за работу. К вечеру на вырубленной просеке зажелтели чистые, свежие столбы, выросли горы сваленных в кучу веток. Длинные, прямые сосны, годные для распилки, были приготовлены к перевозке. У ребят ныли плечи и руки, но они старались не показать и виду, что устали.

— Много мы сделали, Леонид Тимофеевич? Сколько из одной сосны выйдет досок? Хватит на починку полов?..— одолевали они вопросами директора.

— У кого есть веревка? Берите все по охапке нарубленных сучьев! — скомандовала Елена Александровна.

— Да не стоит, пожалуй. Они устали, пусть пробегутся,— остановил ее Леонид Тимофеевич.

— Да зачем же с пустыми руками идти! Ведь нас много, сразу сколько дров принесем! — возражала Елена Александровна, связывая для себя охапку дров.

— Конечно! Конечно! Мы не устали! Мы все понемножку возьмем!

Нагрузившись, двинулись в обратный путь. Васек шел со своей бригадой и весело говорил:

— Вот теперь мы опять примемся за свой участок. Столбы уже есть. Как только их привезут, так и возьмемся за работу!

— Нам нужно догнать и перегнать Кудрявцева! Мы — трубачевцы! — с гордостью говорил Витя Матрос и, поглядывая в сторону Алеши, шептал: — А то они хитрые...

— Не шепчи! — строго остановил его Васек.— Что знаешь, говори громко, только старухи шепчутся.

Витя не смутился.

— А они все время шепчутся,— сказал он.— Сейчас пойду узнаю о чем.

И, отделившись от Трубачева, незаметно пошел за Кудрявцевым.

— Шесть человек нам надо, понятно? Остальные пусть после обеда выходят,— говорил вполголоса Алеша.

Тишин понятливо кивал головой.

— Завтра в семь часов утра будьте на месте! — расслышал еще Витя.

Потом приятели заговорили шепотом. К ним присоединился Петрусин.

Витя бросился к Трубачеву.

— Они что-то затевают! — сказал он, тараща черные глаза.

Трубачев засмеялся, любовно обхватил его стриженую голову и потрепал жесткие, торчащие волосы:

— Вот горячий парень! Следопыт!

— Весь в меня! — подмигнул Мазин.

Витя зарделся от удовольствия и, щелкнув пальцами, сказал:

— Я их выведу на чистую воду, Трубачев! Все завтра разведаю.— И тут же решил про себя: «Сам в семь часов приду на стройку».

А Васек вовсе не думал о кознях Кудрявцева. Он шел среди своих товарищей и передавал им разговор с Еленой Александровной.

— Завтра она к нам на урок придет. Сказала, что Леонид Тимофеевич поручил ей проверить наши знания. Завтра держись крепче, ребята!

— Эх, жизнь! — вспомнил свою любимую поговорку Мазин и, почесав затылок, сказал: — Я так и знал, что от этого печника можно всего ожидать.

Глава 50

АЛЕША КУДРЯВЦЕВ

Тишин провожал Алешу до самого дома. Попрощавшись с приятелем, Кудрявцев прошел через двор к маленькому флигелю. Около дощатого гаража, крытого толем, возился с ма-

шиной шофер Егор Иванович. Алеша для чего-то обошел кругом машину, потрогал запасное колесо и задний буфер, заглянул внутрь, измерил на глазок ширину дверцы и спросил:

— Папа дома?

Шофер повернул к нему добродушное лицо с черными точками около носа и кивнул головой на флигель:

— Генерал у себя.

Алеша прошел в дом и через минуту вернулся с двумя щетками, снял куртку и начал старательно чистить.

— Где ж это ты столько пыли набрал? — спросил шофер, глядя, как вокруг Алешиной куртки разлетается облако пыли.

— На работе,— ответил Алеша и принялся смахивать пыль с башмаков.

Почистившись и пригладив волосы, он вошел в большую переднюю и, потянув носом воздух, заглянул в кухню.

Матери дома не было. У плиты возилась старушка — родственница Анна Петровна.

— Где же ты пропадал столько времени? Уже давно отобедали и убрали все,— сказала она.

— Я в кухне поем, не беспокойтесь,— вежливо ответил Алеша, доставая из шкафа тарелку и придвигая табуретку к кухонному столу.

Анна Петровна поставила перед ним обед.

— Папа спрашивал...— тихо шепнула она.

— Я же сказал маме, что пойду на делянку. Мы всей школой ходили в лес валить деревья.

Анна Петровна сразу разволновалась:

— То-то я вижу, что ты за один день на себя не похож стал. Осунулся, и нос на лице, как пуговка, торчит.

Алеша скорчил смешливую гримасу, надул щеки и весело сказал:

— А вот сейчас съем обед и потолстею!

Наскоро проглотив все, что дала ему Анна Петровна, он встал, чмокнул старушку в щеку и направился к отцу. Подойдя к кабинету, одернул курточку, поправил галстук и постучал. Из-за двери послышался тихий голос:

— Прошу.

Алеша остановился на пороге:

— Это я, папа. Можно к тебе?

— А, Алексей!

Генерал повернул к сыну голову. Седые волосы, бронзовый цвет лица и ярко-голубые глаза делали лицо генерала красивым и, несмотря на седину, молодым. При ходьбе он опирался на палку, но высокие, прямые плечи и осанка почти скрадывали его хромоту. Между отцом и сыном было какое-то неуловимое сходство.

Генерал широким жестом указал сыну на диван:

— Извини, пожалуйста! Я сейчас закончу свои дела. Садись!

Алеша присел на кончик дивана. Генерал проверял какие-то счета, подписывал бумаги и неторопливо складывал их в портфель. Потом, убрав портфель со стола в ящик, он повернулся к сыну:

— Ну, как твои дела? Я беспокоился, что тебя долго нет. Что вы там делали на делянке? Директор тоже с вами ходил?

— Все ходили: и директор, и еще одна комсомолка-печник...— начал Алеша.

— А, это молоденькая учительница! Елена Александровна, кажется?

— Учительница? — удивился Алеша.— Да она просто печник! И откуда ты знаешь, что ее зовут Елена Александровна?

— А я познакомился с вашим директором,— улыбнулся отец и как бы вскользь добавил: — Елена Александровна будет у вас руководителем класса.

Алеша вскочил:

— Папа, ты ошибаешься, она же просто печник! Я сам видел, как она клала печи! — Он даже засмеялся: — Ты все перепутал, папа!

— Это ты, я вижу, в чем-то запутался. Тебя смущает, что учительница клала печи. Но одна профессия никогда не мешает другой. Наоборот, каждая профессия обогащает человека новыми знаниями.

— Но с какой стати она будет у нас руководителем класса? — пробормотал Алеша.

Генерал повернулся к сыну и внимательно поглядел ему в глаза.

— Мне кажется, что ты как-то неуважительно говоришь о Елене Александровне! — резко сказал он.— Если бы даже она была только печником, это не дает тебе права говорить о ней в таком пренебрежительном тоне.

Алеша молчал. Перед его глазами встало обиженное и гневное лицо Елены Александровны. «Вы — какой-то печник!» — крикнул он ей тогда...

— Между прочим,— сказал отец,— директор очень хвалил вас. Говорил, что вы все там много работаете. Молодцы! Школу свою восстанавливаете. Приглашал меня заехать, посмотреть.— Генерал осторожно переложил больную ногу и продолжал: — Я очень рад, что ты попал в такой крепкий коллектив... Кстати, там есть пионерский отряд, который в первые дни войны застрял на Украине. Эти пионеры, кажется, вели себя там очень стойко и мужественно, помогали взрослым в борьбе против оккупантов. Позволь, позволь... Директор даже называл мне фамилию пионера, который был командиром в этом отряде...— Генерал потер лоб.— Ах да, вспомнил: Трубачев! Есть у тебя такой товарищ? Он, кажется, из твоего же класса?

— Трубачев у нас есть, но он не в моем классе. Он второгодник, и я с ним не дружу! — резко ответил Алеша вставая и, боясь дальнейших расспросов, поспешно переменил разговор: — Папа, я хотел просить у тебя завтра утром машину. Если, конечно, ты никуда не поедешь.

Генерал задумчиво глядел на сына.

— Я обязательно заеду к вам в школу,— медленно сказал он, как бы отвечая на свои мысли. Потом, заметив, что сын стоит, быстро переспросил: — Машину? А зачем тебе понадобилась машина?

— Мы с ребятами хотим кое-что перевезти. Ты же сам говорил, что я хорошо умею управлять,— заторопился Алеша.

— Управлять машиной ты умеешь, но, для того чтобы

ездить по улицам, надо иметь права. И вообще, Алексей...— Генерал снова указал на диван: — Да ты сядь! Мы еще не кончили нашего разговора.

Алеша сел.

— Мне кажется, Алексей, что ты любишь, говоря на вашем языке, хвалиться перед ребятами... И своей, вернее — отцовской, машиной и, может быть, тем, что ты — сын генерала...

Алеша сильно покраснел:

— Папа...

— Подожди. Ты не отрицай сразу. Если мне это только кажется, я охотно возьму свои слова обратно. Во-первых, я вижу, что ты неуважительно относишься к Елене Александровне только потому, что она печник. Во-вторых, все ребята в школе уже знают, что ты — сын генерала. А теперь ты для чего-то просишь машину... Кстати, ты уже брал ее однажды без моего разрешения.

Алеша обиженно молчал.

— Мне кажется твое поведение нескромным, Алексей. Подумай об этом. Если это не так, то я буду очень рад. И если машина нужна для дела, то я попрошу Егора Ивановича уделить тебе время завтра до обеда.

— Машина нужна мне для дела,— не глядя на отца, сказал Алеша.

— Хорошо. Попроси ко мне шофера.

Алеша торопливо вскочил и вышел. Отец постучал пальцами по столу и задумчиво посмотрел в окно.

— Там сын просит что-то такое перевезти для школы,— сказал он вошедшему шоферу.— Вы уж, пожалуйста, помогите ему.

— Есть, товарищ генерал! — недоумевая, ответил Егор Иванович.

«Что можно перевозить на легковой машине? — подумал он про себя.— Книги, что ли, какие-нибудь?»

Вечером Алеше долго не спалось. Чтобы не беспокоить мать и Анну Петровну, он вышел в кухню, присел на подоконник и глубоко задумался. Разговор с отцом вызвал в нем протест и обиду. Но что-то в этом разговоре вынуждало его поду-

мать наедине с самим собой обо всем, что происходило в его жизни в последнее время.

Конечно, относительно пренебрежительного отношения к Елене Александровне отец был прав. И, хотя Алеша был уверен, что отец ошибся, считая Елену Александровну учительницей, он все-таки чувствовал свою вину.

«Наверно, директор ему про кого-нибудь другого сказал...»

Самым неприятным для Алеши было то, что отец упрекнул его в хвастовстве. Кто мог пожаловаться отцу? Директор? А директору кто? Трубачев? Или Елена Александровна?

Алеша вдруг вспомнил Трубачева и вскипел от злости. Конечно, это он! Тишин давно предупреждал, что Трубачев при каждом удобном случае называет его, Алешу, хвастуном. Правда, Тишину не во всем можно верить, он и Петрусин никогда не будут его настоящими товарищами: они привыкли действовать исподтишка, а Алеша любит прямых и смелых людей.

Перед мальчиком, помимо воли, встало лицо Трубачева с откинутым назад чубом и открытым, смелым взглядом. Сколько раз Алеша украдкой глядел на Трубачева и, забывая об их вражде, чувствовал к нему непобедимую симпатию! Еще тогда, в первую встречу у лесопильного завода, он почувствовал эту симпатию к незнакомому пионеру и даже сразу решил, что пойдет учиться в ту школу, где будет Трубачев. И чем сильнее было это необъяснимое чувство, тем глубже становилась обида. Алеша вспомнил, как в школе Трубачев прошел мимо, заложив руки в карманы, и, снисходительно улыбаясь, сказал: «Мы здесь хозяева, а Кудрявцев — наш гость!»

Алеша вскочил и сердито зашагал по кухне. В тишине шаги его гулко разнеслись по дому. Генерал прислушался, отворил дверь в коридор и заглянул в кухню. Потом вернулся к себе и не тушил свет, пока не затихли шаги сына.

Глава 51

РАЗВЕДКА

Витя Матрос плохо спал эту ночь: сговор Кудрявцева с Тишиным не давал ему покоя. Слова «шесть человек», брошенные вскользь Кудрявцевым, не выходили из головы мальчика.

«Зачем ему нужны были шесть человек? И почему только шесть, а не вся бригада?»

Это казалось Вите подозрительным, а ранний час, назначенный для свидания, окончательно убеждал его в том, что тут дело нечисто.

Витя любил все необычное и даже дома самые простые вещи облекал таинственностью. Если мать просила его выбросить в мусорный ящик битую посуду, то Витя выходил в палисадник вечером, рыл в кустах яму и, складывая туда черепки, представлял себя морским пиратом, зарывающим на пустынном острове драгоценный клад. Иногда его выдумки кончались плохо. В прошлую весну Витя едва не утонул, прыгая по льдинам на Москве-реке.

Сейчас Вите предстояло настоящее дело — разоблачить вероломный заговор Тишина и Кудрявцева.

Без четверти шесть, когда в доме еще все спали, Витя Матрос вышел на улицу. Бескозырка, сильно сдвинутая набок, лихо торчала у него на голове, обнаруживая кончик красного приплюснутого уха. Полосатая тельняшка брата, перешитая заботливыми руками матери, ловко обтягивала мальчишескую грудь, а пояс с надраенной до блеска пряжкой сиял на животе золотым якорем.

Пройдя несколько улиц, мальчик приблизился к школе и осторожно заглянул во двор. Там было пусто. Дом с закрытыми дверями и окнами казался безлюдным, ко второму этажу была приставлена лестница, на одной из ступенек болталось привязанное ведро с краской, которое, очевидно, забыли убрать на ночь. Вдоль участка чернели ямы, выкопанные для столбов, возле них белели сложенные штабелями штакеты. Нигде не было ни одного человека.

Витя пригнулся к земле и побежал на участок Кудрявцева.

Он обошел все ямки, приподнял брезент, под которым прятали на ночь лопаты и ящики с инструментами. Взгляд его остановился на старой, рассохшейся бочке, перевернутой вверх дном. На этой бочке обычно лежали гвозди и молоток, а во время работы складывалась в кучу лишняя одежда. Витя потрогал ржавые обручи, раздвинул пошире щели между досками. Потом оглянулся, прислушался и полез под бочку.

«Разведка так разведка!» — сказал он себе, устраиваясь в своем тесном помещении и подбирая повыше острые коленки.

Вокруг стояла тишина. Витя прищурил один глаз и, выбрав щель пошире, вместе с бочкой повернулся к улице. По мостовой и тротуару торопливо шагали люди. Изредка с грохотом проезжал грузовик. Время шло... У Вити затекли ноги. Приподняв бочку, он высовывал ноги наружу и, пошевелив ими в траве, втягивал обратно.

Наконец на улице послышались знакомые голоса.

Витя насторожил уши и прильнул к щели. Во двор вошли несколько ребят. О чем-то советуясь, они остановились неподалеку от бочки. В то же время дверь дома хлопнула, и оттуда послышался голос Грозного:

— Что это вы, работнички, раненько поднялись нынче?

— Дело есть,— негромко ответил один из ребят.

Витя узнал голос Тишина и напряг внимание. Во двор вошли еще ребята.

— Сколько всех? — спросил Тишин.

Петрусин пересчитал:

— С нами пять. Кудрявцев будет шестой.

Витя от удовольствия щелкнул языком.

— А что будем делать? — спросил один из ребят, облокачиваясь на бочку.

— Сейчас узнаешь,— таинственно ответил Тишин.

На улице зашумела машина и, круто осадив у двора, остановилась. Из нее выскочил Алеша:

— Все здесь?.. Ну, поехали!

У Вити заныло сердце. Теперь уж было ясно, что в этот ранний утренний час задумано какое-то злодейское дело.

«Куда они едут? Вернутся ли сюда?»

И, словно отвечая на его мысли, Алеша громко сказал:

— К началу работы мы должны вернуться.

Ребята полезли в машину. Витя Матрос видел в щель озабоченное рябое лицо шофера, выглядывавшего из кабинки, и слышал голос Кудрявцева:

— Да ничего, поместимся как-нибудь. Три человека после шлагбаума слезут. Не беспокойтесь, Егор Иванович!

Едва машина тронулась, как Витя, опрокинув бочку, стрелой вылетел на улицу.

— Влево взяла...— пробормотал он, стоя на мостовой.— Сказали — вернутся. Ладно, подожду.

Витя походил по улице, разминая ноги, потом снова залез в бочку. Он сидел долго, прижавшись лбом к щели и сладко зевая. Двор понемногу оживлялся. Прошли на работу два Мироныча, глубокомысленно о чем-то беседуя. Торопливо пробежали старшие школьники. Поздоровавшись с ними на ходу, ушел по делам директор Леонид Тимофеевич. Хлопотливо прибирая что-то с дорожки, заспешила к дому Федосья Григорьевна.

Двор наполнился школьниками. В доме началась работа — застучали молотки, загремели ведра.

В бочке становилось душно. Витя свесил голову в колени и заснул.

Глава 52

ТАИНСТВЕННАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Алеша сел рядом с шофером, остальные как попало набились в машину. Егор Иванович недовольно покачал головой и на каждом углу, косо поглядывая на ребят, хмуро спрашивал:

— Сворачивать или прямо?

— Нам за город нужно, Егор Иванович! По шоссе!

Алеша делал знаки ребятам, чтобы молчали и ни о чем не спрашивали.

— Не знаю, куда вам нужно, а только если бы генерал видел, что вас тут набилось как сельдей в бочке, он бы никак не разрешил такое катанье,— ворчал шофер.

— Так ребята слезут! Как только мы выедем за город, так и слезут! — уверял его Алеша.

— Допустим, слезут, а потом обратно влезут — куда им на шоссе деваться! — соображал вслух шофер.

Таинственность поездки увлекла ребят — они сидели тихо, изредка перешептываясь между собой. Молчание за спиной и вовсе удручало шофера.

— Хоть бы песни пели! Не в крематорий едете, а за город. Где это ты таких молчальников набрал? — спрашивал он Алешу.

— Почему — молчальников? Они развеселятся скоро. Ребята, давайте споем что-нибудь! — подмигивал товарищам Алеша.

Ребята запели «Катюшу». Шофер оживился, начал подтягивать.

У переезда шлагбаум гостеприимно поднялся, машина перескочила через железнодорожные пути.

— А что, Егор Иванович, здесь, на шоссе, я думаю, милиции нет? — выглянув в окошко, спросил Алеша.

— Новое дело...— подозрительно протянул шофер.— Что это ты милиции испугался?

— Да нет, я не испугался... Я только спрашиваю, что милиция — дежурит на шоссе или нет?

Ребята перестали петь и прислушались.

— Милиция озорников везде видит! — многозначительно сказал шофер и, довольный своим ответом, закурил папиросу.

Но Алеша неожиданно подскочил и крикнул над самым его ухом:

— Стоп!

Егор Иванович от неожиданности круто затормозил и окончательно рассердился:

— Ну чего ты кричишь! Я ж думал, по крайней мере, человека переехали!

— Да нет, просто ребятам тут слезть надо,— выскакивая из кабинки, оправдывался Алеша.— И чего вы такой нервный, Егор Иванович? А еще на фронте были!

— Фронт — одно, а тыл — другое! — бросил Егор Иванович, поглядывая, как ребята вываливаются один за другим из машины.

— Выходи два человека. Петрусин, третий, тоже выходи, и ждите нас здесь! — командовал Алеша и, вдруг обратясь к шоферу, вежливо сказал: — И вы выходите, Егор Иванович!

— А я куда? — уставился на него шофер.

— Ну, вот здесь посидите на травке, перекурите немножко,— хитрил Алеша.

— Ишь ты, какой заботливый! — ухмыльнулся Егор Иванович, вылезая из машины и усаживаясь на траве.— Перекурить это, конечно, можно. А что дальше будем делать?

Алеша, не отвечая, вскочил на его место и тронул машину.

— Мы сейчас вернемся, не беспокойтесь! — крикнул он, давая полный ход.

— Ну, достанется тебе дома! — засмеялся Тишин, глядя из машины на остолбеневшего шофера.

Машина мчалась напрямик к лесу. Рядом с Тишиным сидел мальчик из бригады Кудрявцева, бывший одноклассник Трубачева.

— Что это вы задумали? — спрашивал он, не понимая, куда и зачем они едут.

Тишин стал ему объяснять.

— Столбы перевозить на легковой машине? Да вы с ума сошли!

— Не только столбы — и слеги перевезем! — кричал Алеша.

— Да в городе нас милиция остановит!

— Чудак! Что ж, мы зря около шлагбаума ребят оставили? Мы в городе без машины обойдемся — сами на веревках понесем.

Тишин вытащил спрятанные под сиденьем веревки.

— Да зачем нам на себе столбы тащить? — удивлялся шестиклассник.

— «Зачем, зачем»! — передразнил его Тишин.— Чтобы соревнование выиграть, вот зачем! Пока-то еще Леонид Тимофеевич все столбы перевезет, а у нас уже часть забора будет сделана. Понял?

— Постой! Это нечестно. Я против Трубачева не пойду! — возмутился бывший одноклассник Васька́.

— Как это — не пойду? Ты же в нашей бригаде и соревнуешься с бригадой Трубачева. Значит, все равно идешь против.

Мальчик рассердился:

— Соревноваться надо честно. У Кудрявцева есть машина, а у Трубачева нет. На чем он себе привезет?

Тишин прищурился и, похлопав товарища по плечу, сказал:

— Да ладно, поделимся как-нибудь. В крайнем случае, можно будет уступить им на денек машину. В чем дело!

— Если поделимся, то я согласен.

Подъехать к самой делянке не удалось. Оставив Тишина сторожить машину, Кудрявцев с товарищами пошел в лес. Отложенные столбы с красными пометками за ночь отсырели и казались очень тяжелыми. Ребята отобрали четыре столба и четыре слеги. Ловкие и сильные, они обвязали столбы веревками и волоком потащили их к шоссе. Раскрыв обе дверцы, с помощью Тишина втащили столбы в машину. Длинные концы бревен торчали в обе стороны.

— Придется держать дверцы,— сказал Алеша,— чтобы они на ходу не ободрались об эти бревна.

Слеги привязали к заднему буферу так, что они волочились по земле.

Когда ребята уселись, Алеша вскочил в кабинку и тронул машину.

— Эх, ты, разлюли-люли ягода-малина! — лихо крикнул он, давая полный ход.

Слеги, привязанные сзади, заскакали по мостовой.

Егор Иванович в полном расстройстве чувств бежал по дороге навстречу скачущему чудовищу. Он не узнавал своей машины. Она как будто разбухла, лопнула, и во все стороны из нее торчали какие-то бревна; даже сзади, поднимая невероятный шум, волочились за ней толстые палки.

— Да вы что, чудаки или сумасшедшие! — заикаясь, сказал он, когда машина остановилась.

Глава 53

«ЧЕЛОВЕК В БОЧКЕ!»

— Федосья Григорьевна! Мальчики бревна привезли! — взвизгнула Нютка.

Около бочки что-то с грохотом упало на землю. Витя Матрос подскочил и, больно ударившись головой о крепкое дно, проснулся.

На Алешином участке собралась уже вся бригада. Ребята шумно удивлялись, ощупывали столбы и слеги, о чем-то спорили. Из дому вышел младший Мироныч, оглядел материал и, одобрительно крякнув, послал за смолой. Вслед за ним появилась Федосья Григорьевна с младшими школьниками:

— Дети, сейчас у нас будет работа... Мальчики, что вы будете делать? Мы вам поможем.

— Да никакой тут работы для них нет,— нелюбезно откликнулся Петрусин.

— Ну, так мы будем смотреть, как смолят столбы,— заявила Нютка.— Федосья Григорьевна, посмотрим, как смолят столбы.

При виде столбов у Вити зашлось сердце: «Опередить нашу бригаду хотят! Так вот куда они ездили! А у нас ни одного столбика нет. Надо бежать к Трубачеву!»

Он уже хотел потихоньку выбраться на волю, как вдруг Тишин уселся на бочку и, постукивая по ней ногами, громко сказал:

— Вот выиграем соревнование и посмотрим тогда, кто хвастун, а кто работник!

Алеша вплотную подошел к бочке.

— А разве Трубачев что-нибудь говорил? — настороженно спросил он.

— Конечно! Он вообще считает тебя лодырем.

— Врешь! — подпрыгнул Витя, опрокидывая бочку и вскакивая на ноги.— Трубачев никогда этого не говорил!

Тишин, свалившись в траву, с испугом смотрел на Матроса. Алеша окинул взглядом обоих и залился звонким смехом.

— Человек в бочке! — не своим голосом заорала Нютка.— Федосья Григорьевна, человек в бочке!

Витя, перепрыгивая через штакеты, выскочил на улицу и, не разбирая дороги, помчался к Трубачеву.

Но квартира Трубачева оказалась запертой. Около двери стоял белобрысый паренек. Он держал в руках записку и озабоченно оглядывался по сторонам.

— Трубачева Васька знаешь? — спросил он Витю.

— Знаю.

— Окажи услугу, передай ему вот это. Скажи — Андрей Иваныч приходил. Только обязательно передай.

Он сунул Вите сложенную вдвое бумажку и ушел. Витя, на всякий случай, крепко постучал пятками в дверь и подождал на крыльце. Потом, что-то сообразив, снова бросился бежать.

Глава 54

ПЕРВАЯ ПРОВЕРКА

Неожиданный приход Елены Александровны взволновал и обрадовал Русакову. Это была помощь, которую она давно ждала. Елена Александровна пришла до урока и, пока собрались ребята, успела уже расспросить Екатерину Алексеевну о том, как шли занятия, сколько осталось пройти по программе и какой предмет наиболее труден ребятам. До прихода своих учеников обе учительницы успели познакомиться и сблизиться.

— Я давно собиралась к Леониду Тимофеевичу,— сказала Екатерина Алексеевна,— да все хотелось побольше пройти с ними.

Проверку начали с арифметики. Петя, как всегда, отвечал хорошо. Мазин, стоя у доски и путаясь в ответах, в конце концов все же решил задачу с простыми дробями. Остальные помогали ему с места. Знания у всех были неровные. Васек, решивший пример с десятичными дробями, не знал признаков делимости на двадцать пять.

Елена Александровна была смущена и встревожена.

— Если Екатерина Алексеевна ничего не имеет против, я

возьму на себя арифметику,— сказала она,— но мы будем заниматься ежедневно по два часа.

Екатерина Алексеевна обрадовалась, но, когда стали выяснять часы для занятий, оказалось, что у ребят мало остается времени на приготовление заданных уроков. Васек показал расписание.

Елена Александровна внимательно прочитала его, потом, хмурясь, решительно подчеркнула красным карандашом дежурства в госпитале и работу на стройке.

— В госпиталь мы пошлем сейчас других ребят — пусть они вас сменят, и с работы по ремонту тоже снимем.

Ребята заволновались.

— В госпиталь послать можно других, но ремонт — это наше кровное дело! — заявил Одинцов.

— У нас соревнование с бригадой шестых! — сказал Васек.— Скоро привезут материал, и мы должны довести дело до конца. Мы взяли на себя обязательство поставить забор, мы не можем отказаться!

— Но когда же вы будете успевать и учиться и работать? У вас мало времени,— убеждала их Елена Александровна.

— Мы все должны успевать. Мы вообще решили, что в нашей жизни не должно быть этих слов: не можем, не успеваем! — твердо сказал Васек, глядя на Екатерину Алексеевну.— Мы лучше меньше будем спать, а успеть должны все, что наметили себе.

— У вас сейчас должна быть одна цель — выдержать экзамен в шестой класс. И это — главная цель. У вас остается один месяц — август. Как быть с вашей работой, я подумаю,— сказала, прощаясь, Елена Александровна.

Ребята были озадачены ее решительным тоном и спорить больше не стали.

— Ого, как она берется! — покрутил головой Мазин.

— Вот тебе и печник! — восхищенно сказал Саша.

— Интересно вышло,— засмеялся Петя, — она пришла как печник, потом вдруг вожатой стала, а теперь учительницей обернулась!

— Нечего ей обертываться! — торжествующе заявила Ли-

да.— Она арифметику как свои пять пальцев знает. Чуть кто ошибется — сразу видит. Настоящая учительница!

— А что это она насчет экзаменов сказала? Разве мы будем держать экзамены? По-моему, нас просто переведут в шестой класс, если мы пройдем программу,— предположил Петя.

— Я знаю одно: раз Леонид Тимофеевич просил Елену Александровну нам помочь, надо ее во всем слушаться,— сказал Саша.

— А если она не разрешит нам работать на стройке? — забеспокоились ребята.

— Не разрешит так не разрешит,— вмешалась Екатерина Алексеевна.— О чем тут разговаривать! Спасибо Леониду Тимофеевичу, что он направил ее к нам!

Когда ребята вышли на улицу, Мазин заметил на другой стороне Витю и толкнул Трубачева:

— Смотри, Матрос на всех парусах летит!

— Может, что-нибудь случилось? — встревожился Саша.

— Да у Витьки всегда такой взъерошенный вид, будто что-нибудь случилось! — засмеялась Нюра Синицына.

— Эй, Витя! — окликнул Васек.

Матрос оглянулся и, перепрыгнув через канаву, бросился на его голос.

— Трубачев...— сказал он, тяжело дыша,— они привезли столбы!

— Кто — они?

— Кудрявцев с ребятами. По шоссе на генеральской машине везли, а по городу на себе тащили. Они хотят перегнать нас! — Глаза Вити нестерпимо блестели, как будто из них сыпались искры.— Трубачев, пошли нас в лес! — умоляюще добавил он.

Ребята молчали, сраженные неожиданной новостью.

— Если бы мы пошли в лес,— медленно сказал Трубачев,— то принесли бы материал для всех, а не только для своей бригады, потому что стройка — дело общее. Кудрявцев мне не указ! — Он с раздражением закончил: — Я не намерен с него брать пример!

Витя тяжело вздохнул и опустил голову. Никто из ребят не говорил ни слова. Молча дошли до школы.

Во дворе, на Алешином участке, лежали приготовленные столбы. Концы их были густо обмазаны смолой. Неподалеку валялись новенькие слеги. Алеша, окруженный кучкой ребят, о чем-то горячо спорил.

— Нечестные люди! — мрачно сказал Мазин.

— Да-а-а ..— тихо откликнулись ребята, отводя глаза от злополучных столбов.

— Генерал не пожалел легковую,— язвительно сказал Саша.

— Интересно, как они везли? На кузове, что ли? — полюбопытствовал Петя.

Но ему никто не ответил.

От бригады шестого класса неожиданно отделился Тишин и, подойдя к Трубачеву, вежливо сказал:

— Кудрявцев привез столбы и слеги. Он предлагает поделиться с тобой, Трубачев! Можете взять один столб и две слеги!

Тишин нагнул голову набок, стараясь скрыть торжествующую улыбку.

Трубачев смерил его с головы до ног презрительным взглядом.

— Убирайся вон!..— тихо и гневно сказал он, проходя мимо.— Они дают нам то, с чем нельзя начать работу,— один столб! — пояснил он, обернувшись к товарищам.

Когда Тишин вернулся к Кудрявцеву, его окружили ребята, бывшие одноклассники Трубачева.

— Ну как? Что он сказал? Возьмет? — посыпались оживленные вопросы.

Алеша нетерпеливо ждал ответа.

— Отказался,— вытирая ладонью вспотевший лоб, ответил Тишин.

Ребята поглядели на Кудрявцева:

— Что? Мы говорили тебе? На то он и Трубачев, чтобы отказаться!

Леня Белкин, Медведев и Надя Глушкова подошли к Алеше:

— Мы не будем работать!

— Мы тоже! — подхватили другие ребята.

— Мы отказываемся работать, пока не привезут материал для всех! — закричали вокруг.

— Мы не пойдем против Трубачева!

Алеша вскипел:

— Мы честно привезли! Мы через весь город тащили на себе. Они тоже могут себе принести!

— Неправда! Вы везли на машине, вы только по городу несли.

— Ребята, пойдем к Трубачеву! Пусть он сам скажет, работать нам или нет! — кричала Надя Глушкова.

Ребята бросились за Трубачевым. Васек и его товарищи разводили в жестянках краску. Взволнованные шестиклассники подошли к Ваську.

— Вот Белкин и Медведев отказываются работать, девочки — тоже, мы — тоже,— перебивая друг друга, объясняли они.

— Здóрово! — не утерпел Мазин.

Но Васек взглянул на товарища и нахмурил брови:

— Черт с ним! Поднимать из-за этого тарарам мы не будем. Все-таки он ваш бригадир, и вы обязаны его слушаться!

— Да, но мы считаем, что он сделал неправильно,— смутилась Надя Глушкова.

— Он предлагал тебе один столб и две слеги. Без двух столбов ничего нельзя сделать! — сердито крикнул Леня Белкин.

— Конечно, нельзя! Он себе три столба оставил! Он хитрый!.. Это все Тишин вертит! — зашумели вокруг.

— Я все понимаю,— мягко сказал Васек,— но нарушать дисциплину мы не должны. Идите работать! Белкин, восстанови дисциплину!

Ребята медленно отошли. Васек повернулся к своим товарищам.

— Если теперь Елена Александровна скажет нам — бросить работу, то Кудрявцев подумает, что мы струсили,— по-мальчишески обидчиво сказал он.

— Ну, на это никто из нас не согласится. Ни за что! Из кожи вылезем, а не уступим! — прорычал Мазин.

— Теперь во что бы то ни стало нам нужно выиграть соревнование,— упрямо сказал Саша.

— А если Елена Александровна скажет? Ей что, разве она наши дела понимает! — с горечью бросил Одинцов.— Она со своей стороны судит!

— Тогда надо честно объяснить ей, и она все поймет. Давайте скажем! — предложил Сева.

— Трубачев! — снова неожиданно выскочил откуда-то Матрос.— Я к тебе домой заходил. Там какой-то паренек записку тебе передал. Вот она. Я чуть не забыл о ней.

Васек развернул вырванный из блокнота листочек. Писал Андрейка:

«Уважаемый товарищ Васек! Приходи завтра в депо. У нас в обеденный перерыв будет митинг. Приезжий железнодорожник, Герой Советского Союза, расскажет, как идет их работа на фронте. Приходи!

Андрейка».

Васек показал записку товарищам.

— Пойдем завтра все! Давно вам пора с Андрейкой познакомиться. Хороший он парень!

— Пойдем хоть на полчасика. Твой Андрейка молодец! Смотри, на митинг приглашает... Сознательный парень, обязательно пойдем! — охотно согласились ребята.

— А пока что надо разыскать Елену Александровну. Она говорила — сегодня будем пионерскую комнату устраивать... Витя,— попросил Одинцов,— сбегай наверх, посмотри, где Елена Александровна.

Ребята прошли по коридору. Ремонт нижнего этажа был уже закончен. Чисто вымытый пол застлан газетами, белые двери плотно прикрыты. Дверь в пионерскую комнату была распахнута настежь.

Ребята вошли. На столах лежали сваленные в кучу игры, книги, плакаты. Свежевыбеленные стены были еще пусты.

— Тут тоже еще много работы,— по-хозяйски оглядывая комнату, сказал Трубачев.

— Ничего, как-нибудь разберемся! — успокоил его Мазин.

Глава 55

В УЧИТЕЛЬСКОЙ

Елена Александровна сидела за письменным столом напротив Леонида Тимофеевича и подробно докладывала о своем посещении Русаковой и о проверке знаний ребят. Екатерина Алексеевна произвела на нее очень хорошее впечатление. Волнение, с каким говорила случайная учительница о своих учениках, глубоко трогало Елену Александровну. Но беда Екатерины Алексеевны заключалась в том, что она неумело распределяла учебный материал, и потому знания ребят по арифметике были неровные. Елена Александровна была озабочена и не скрыла своей тревоги от директора.

— Я, конечно, сейчас же начну с ними усиленно заниматься, но остался всего один месяц. Как жаль, что мы раньше не вмешались в это дело!

— Д-да...— задумчиво сказал Леонид Тимофеевич.— Времени мало. За месяц можно только укрепить имеющиеся знания по всем предметам, но вряд ли удастся уже усвоить что-нибудь новое.— Он покачал головой.— Я вообще думаю, что все-таки этим ребятам лучше остаться на второй год.

— На второй год? Это невозможно! — горячо запротестовала Елена Александровна.

— Это в их интересах,— серьезно сказал директор.— Они потеряют год, но приобретут основательные знания. Правда, в нашей школе почти не было второгодников, но это случай исключительный, и мне самому прискорбно оставлять их на второй год, тем более что все эти ребята — отличники. Такие пики-козыри, как Мазин и Русаков, были очень неустойчивы в четвертом классе, но при новом учителе, Сергее Николаевиче, они выровнялись и хорошо закончили учебный год. Этим ребятам помешала учиться война. Что ж поделаешь? — развел руками Леонид Тимофеевич.— Я советую вам денька два еще походить к ним, хорошенько проверить их знания по всем предметам, и, если окажется возможным, пусть держат экзамены, а если нет, подготовьте их к тому, что они останутся в пятом классе.

— А если перевести их в шестой класс условно? Ведь в пер-

вую четверть мы всегда проверяем пройденное! — попробовала возразить Елена Александровна.

Но Леонид Тимофеевич сделал отрицательное движение:

— Я не сторонник этого. Либо они должны держать экзамен, либо они просто остаются на второй год. В общем, постарайтесь точнее выяснить степень их подготовки, и все станет ясно.— Леонид Тимофеевич посмотрел на встревоженное лицо Елены Александровны и мягко улыбнулся.

«Камень, а не человек! — с горечью подумала Елена Александровна.— Но я сделаю все, что могу, я не допущу, чтобы они остались. Он не понимает, какой это удар для ребят, особенно для таких, как Трубачев!»

Директор как бы прочел ее мысли:

— Конечно, будет очень жаль, если так случится, но еще больше будет жаль, если из отличников эти ребята станут последними учениками в классе.

— Они нигде не будут последними! — решительно сказала Елена Александровна.— Я ручаюсь за это.

Директор не успел возразить. Кто-то осторожно постучал в дверь, и в щель просунулась голова Вити Матроса. Леонид Тимофеевич вдруг громко расхохотался:

— А, человек в бочке! Входи, входи! Расскажи-ка нам, зачем ты туда залез?

Происшествие с бочкой знали уже все. Елена Александровна тоже улыбнулась.

— Кстати, что там такое получилось у вас с Кудрявцевым? — живо спросила она.

Витя начал рассказывать. Глаза его сверкали от негодования, когда он дошел до того места, где Тишин предложил Трубачеву один столб и две слеги.

— Один столб и две слеги! Это в насмешку! К чему эти слеги прибивать? Это все со зла на Трубачева!

Директор и Елена Александровна переглянулись, а Витя с торжеством рассказал дальше, как все шестиклассники отказались работать и прибежали к Трубачеву, а Трубачев...

Здесь Витя неодобрительно шмыгнул носом и махнул рукой.

— Ну и что же Трубачев? — спросили одновременно Елена Александровна и директор.

Витя глубоко вздохнул:

— Послал их работать. «Черт с ним, говорит, нельзя нарушать дисциплину и надо слушаться своего бригадира».

Директор весело потер руки:

— Хорошо, очень хорошо!.. Ну, ступай, Витя, и скажи ребятам, что завтра весь материал будет здесь. Понял?

Витя радостно кивнул головой и исчез за дверью.

Елену Александровну вдруг охватил азарт.

— Леонид Тимофеевич, обязательно пошлите завтра за материалом. Нельзя терять ни одного дня! Пожалуйста, завтра же! — горячо сказала она.

Директор засмеялся:

— Вы тоже хотите выиграть соревнование?

— Хочу! Я — за Трубачева,— совсем как школьница, сказала Елена Александровна.

Директор кивнул головой:

— Завтра материал будет здесь. Я уже договорился с двумя Мироычами. Они поедут с утра. А кстати, знаете, кто достает лесовоз? — вдруг оживленно спросил он.— Генерал Кудрявцев. Пресимпатичнейший человек! Отец вот этого самого Алеши. Я с ним познакомился у секретаря райкома.

— Такой хороший человек отец — и такой сын! — покачала головой Елена Александровна.

Леонид Тимофеевич взял ее за руку:

— Голубчик, у вас неверное представление о ребятах. К нам не приходят ангелы — к нам приходят настоящие, живые дети со всеми их недостатками. Научитесь их любить такими, какие они есть. Что собой представляет Алеша? Хвастунишка, задористый паренек, честолюбивый, при этом круглый отличник, хороший работник и даже, я так думаю, неплохой товарищ. Тишин — это другое дело...— Леонид Тимофеевич стал очень серьезен.— Вот на Тишина нам придется обратить особое внимание — это мальчик очень трудный, воспитание его запущено. Нам предстоит большая борьба, прежде чем мы сделаем из него человека.

— А Петрусин? — напомнила Елена Александровна.

— Ну, Петрусин — это просто подпевала. С ним справиться будет легче.— Директор снова оживился: — Вы думаете, что Кудрявцев дорожит этими двумя приятелями? Нисколько! Они нужны ему сейчас для поддержки в борьбе против Трубачева, и я уверен, что это дружба случайная. Алеша стыдится этих товарищей, не верит им, в душе презирает их.

Елена Александровна недоверчиво улыбнулась:

— А кого он не презирает? Кого он ставит выше себя или хотя бы наравне с собой?

— Трубачева! — неожиданно ответил Леонид Тимофеевич и, круто повернувшись к Елене Александровне, повторил: — Трубачева! Выше себя, выше всех ребят! Выступая противником Трубачева, Алеша искренне уважает его и даже, может быть, не отдавая себе самому отчета, мечтает о дружбе с ним. Кудрявцев восхищен Трубачевым!

Елена Александровна широко открыла глаза и не нашлась что ответить.

Глава 56

ПИОНЕРСКАЯ КОМНАТА

Едва успел Витя сообщить ребятам, что сказал директор, как в комнату вошла Елена Александровна.

— Завтра поедут за материалом,— сказала она, присаживаясь на диван.— Я хотела просить директора передать кому-нибудь другому ваш рабочий участок, но я понимаю, что сейчас вам трудно отказаться от соревнования. Придется пока освободить часы для учебы только за счет работы в госпитале. Я назначу за вас других ребят. Это уладится. А насчет занятий я говорила с Леонидом Тимофеевичем. Он больше склоняется к тому, чтобы вы остались на второй год.

— На второй год? Мы?..— Васек вскочил и в волнении остановился перед Еленой Александровной.— Леонид Тимофеевич так сказал?

— Ни в каком случае!

— Мы не останемся!

— Мы не будем позориться на всю школу! — шумно заговорили ребята.

— Выслушайте меня,— серьезно сказала Елена Александровна.— Остался один месяц. Мы приложим все усилия, чтобы вы могли перейти в шестой класс. Но, если это окажется невозможным, тогда надо иметь мужество спокойно согласиться с директором...

— Никогда! — прервал ее Васек.

— Никогда мы не согласимся быть второгодниками! — повторили за ним ребята.— Мы будем заниматься ночи напролет!

— Я, конечно, всемерно помогу вам,— сказала Елена Александровна.— Я проверю вас по всем предметам, и через несколько дней станет ясно, можете вы перейти в шестой класс или нет. Вопрос этот будет решать директор,— твердо добавила она, теряясь перед бурным протестом.

Ребята замолчали. Говорить больше было не о чем.

Елена Александровна подошла к столу, развернула карту.

— Я думаю, вот здесь, около окна, у нас будут портреты героев,— как ни в чем не бывало сказала она.— Дайте мне молоток.

Ребята принялись за работу.

Комната с праздничным названием «Пионерская» всегда была самым любимым местом школьников.

Украшая ее, ребята немного отвлеклись от тревоги, вызванной разговором с Еленой Александровной. Их радовали любимые игры, стол, покрытый красным сукном, цветные плакаты, большая, во всю стену, карта.

— Вот здесь у нас будет место для стенгазеты. Сева, ты нарисовал бы заголовок к первому сентября, пора уже готовиться! — говорила Лида Зорина.

Мальчики помогали Елене Александровне.

В разгар работы вошел Леонид Тимофеевич с матерью Нюры Синицыной.

— Мама!..— вспыхнув, шепнула Нюра.

— Вот, познакомьтесь! Мария Ивановна обещала нам помочь в убранстве комнат. Они вдвоем с Федосьей Григорьевной что-нибудь придумают для уюта — может быть, занавески на

окна. А вы небось и не догадались, что занавески нужны? — подмигнул ребятам Леонид Тимофеевич.

— Можно из кисеи что-нибудь сделать, если у вас есть кисея,— смущенно сказала Синицына.

Елена Александровна приветливо протянула ей руку:

— Кисея есть, я сейчас принесу. Садитесь! У нас кисеи много, можно и в большом зале повесить — все-таки будет уютнее!

Она поспешно вышла. Синицына села. Ребята от удивления словно приросли к полу.

— Нюра,— как ни в чем не бывало сказал Леонид Тимофеевич,— представь маме своих товарищей. Мария Ивановна давно их не видела, забыла уже, наверно, какими они были в прошлом году.

Нюра испуганно поглядела на ребят.

— Трубачев... Васек...— дрожащим голосом начала она.

Васек знал неприязненное отношение Нюриной матери к нему самому и к его товарищам, но из глубокого сочувствия к подруге с необычайной торопливостью подошел к Синицыной и низко поклонился. Мария Ивановна подозрительно оглядела его со всех сторон и протянула руку.

— Вырос... большой стал...— наугад сказала она, стараясь быть любезной.

Товарищи подходили один за другим, кланяясь, смущенно улыбались. Мазин тоже поклонился и, усмехнувшись, громко сказал:

— Мы неплохие ребята, в общем...

Леонид Тимофеевич, неблюдавший эту сцену, весело расхохотался. Мария Ивановна тоже засмеялась — страх перед «компанией» ее дочери невольно рассеялся, и, привлекая к себе Лиду Зорину, она даже сказала:

— Что же ты к моей Нюре не приходишь? Приходи, когда свободна.

Вместе с Еленой Александровной в комнату вошла Федосья Григорьевна, оставив за дверью кучку младших ребят.

— Нельзя туда — учительница не позволила! — громким шепотом уговаривала своих сверстниц Нютка.

Елена Александровна положила на стол большие куски белой кисеи. Федосья Григорьевна захлопотала:

— Мария Ивановна, давайте отмерим сразу на все окна и примемся за работу.

— Я думаю, может, покрасим раньше в разные цвета? Можно в желтый, в светло-зеленый,— предложила Синицына.

— А для пионерской комнаты сделаем флажки,— подхватила Федосья Григорьевна и, собрав со стола ворох кисеи, пригласила: — Пойдемте во двор, там у нас есть скамеечка и столик, сядем уютно. Пойдемте, пойдемте!

Мария Ивановна пошла за учительницей младших классов.

— Дети, дети, идите все за мной, я несу вам работу! Чудесную работу! — слышался в коридоре сочный голос Федосьи Григорьевны.

Елена Александровна заметила взгляд директора и улыбнулась. Ей вспомнилось первое посещение школы Синицыной.

Нюра, счастливая, что все обошлось благополучно, шепотом говорила Лиде:

— Ой, как я испугалась! Я только на вас и надеялась. Ведь ты знаешь, мама не сама пришла — ее давно уже Леонид Тимофеевич звал.

Ребята снова принялись за дело. Со двора начали появляться школьники других классов. Все знали, что сегодня будут убирать пионерскую комнату. Некоторые принесли из дому плакаты, открытки, портреты.

Леонид Тимофеевич подозвал Васька и указал ему скромное местечко в уголке, над круглым столиком.

— Ну, я думаю, здесь можно поместить и нашу семейную фотографию,— пошутил он.— Пойдем-ка со мной, Трубачев!

Васек, ничего не понимая, побежал за директором в учительскую.

Вынув из портфеля фотографию, где была снята группа учителей, Леонид Тимофеевич показал ее мальчику. Васек пробежал глазами по знакомым лицам и замер от счастья, увидев Сергея Николаевича и рядом с ним Митю.

Леонид Тимофеевич знал от ребят, что Митя был опасно ранен, и, не надеясь на его выздоровление, не хотел раньше пока-

зывать найденную среди школьного имущества фотографию, чтобы лишний раз не напоминать ребятам о постигшем их горе.

Теперь Митя выздоравливал, и Леонид Тимофеевич решил передать фотографию в пионерскую комнату.

Васек долго смотрел на Митю, на учителя, потом с волнением спросил:

— А что, Леонид Тимофеевич, ничего не слышно о нашем Сергее Николаевиче?

Ребята часто задавали этот вопрос своему директору, но судьба учителя была неизвестна, и, как всегда, Леонид Тимофеевич грустно ответил:

— Нет, Трубачев, не слышно.— И тут же, чтобы отвлечь мальчика, заторопил его: — Ну, беги вниз, приготовь там местечко, а я сейчас принесу фотографию. Да не говори ничего ребятам, пусть это будет для них сюрпризом.

— Вытрите столик хорошенько и ничего тут не вешайте! Это место занято! — вбегая в пионерскую комнату, крикнул товарищам Васек.

Леонида Тимофеевича не было долго.

— Сейчас он принесет... Сейчас принесет что-то. Тогда увидите что,— повторял Васек, поминутно выглядывая в коридор.

Волнение его заразило ребят. Они толпились около двери, перешептывались между собой, строили всевозможные догадки.

— Сами увидите, сами увидите...— повторял Васек.

Елена Александровна, заинтересованная нетерпеливым ожиданием ребят, пошла навстречу директору.

— Что вы им обещали? — спросила она в коридоре, с любопытством глядя на большую фотографию, обернутую в папиросную бумагу.

— Любимого учителя и любимого вожатого,— улыбнулся директор.

Он открыл дверь в пионерскую комнату. Там стояла напряженная тишина.

— Вот вам мой подарок,— сказал Леонид Тимофеевич, медленно разворачивая фотографию и поднимая ее вверх.

Глаза ребят с жадным интересом остановились на фотогра-

фии. В наступившей тишине раздался удивленный и радостный возглас Лиды:

— Сергей Николаевич! Митя!.. Ребята, Сергей Николаевич!

Вокруг директора все зашумело, задвигалось. Ребята, налегая на плечи товарищей, тянулись к фотографии.

— Вот они — Сергей Николаевич, Митя! — радостно и возбужденно кричали ребята, указывая друг другу на знакомые, дорогие лица.

На снимке Митя скромно стоял за стулом учителя, как бы уступая ему главное место.

— Сергей Николаевич... Сергей Николаевич!..— с нежностью и тревогой повторяли ребята.

Елена Александровна стояла в сторонке. Глаза у нее были большие, удивленные, как будто она хотела о чем-то спросить и не решалась.

— Это наш учитель...— объясняя ей общее волнение, сказал Васек.

Она молча поспешно кивнула головой и начала что-то прибирать на столе.

* * *

Когда Леонид Тимофеевич и Елена Александровна вышли, ребята, толпясь около фотографии, заговорили шепотом.

— Бедный Сергей Николаевич...— вглядываясь в лицо учителя, сказал вдруг Леня Белкин.— Здесь он такой спокойный на снимке, даже не предчувствует, какое горе на него свалится... Ведь вы еще не знаете всего, что здесь было! — с жаром добавил Леня.— Мы когда приехали, нас родители на вокзале встретили. А некоторые тут же начали обвинять учителя, что он с нами уехал, а остальных ребят с Митей оставил.

Товарищи с испугом глядели на Леню.

— Обвиняли? — задыхаясь от волнения, спросила Лида.

— Как же это...— растерянно прошептал Саша.

Васек круто повернулся к Белкину и схватил его за плечо:

— И вы молчали? Вы не рассказали, как все было?

— Еще бы! — вырываясь от него, крикнул Белкин.— Мы начали говорить, девочки плакали...

— Сергей Николаевич сказал тогда, чтобы мы не вмешивались в дела взрослых...— всхлипнув, пробормотала Надя.

— Как же так? Ведь он достал машину, всех посадил. Я сама слышала, как он просил Митю ехать вперед... Он хотел как лучше сделать! За что же они его обвиняли? — с горящими щеками спрашивала Лида.

— Ой, как обидно ему!..— прошептала Нюра.

Мазин молчал, тяжело дыша и с ненавистью глядя в лицо Белкина, как будто Леня, передавая такое известие, был тоже в чем-то виноват.

— В чем они его обвиняли? — строго спросил Одинцов.

— Ну, вообще... Зачем он на пасеку поехал, зачем своего отца повез...

— Он поехал на пасеку за Матвеичем. Мы на сборе его об этом просили!

— Значит, он не мог заодно отвезти своего отца, да? А нас учат, чтобы мы вообще к старикам чутко относились, а ему нельзя, да? — наступая на Леню, кричала Нюра.— И еще говорили, что оставили нас с Митей одних! А мы всю жизнь в лагерях ходили в поход с одним вожатым и ночевали в лесу без всяких учителей!

— Да я им все говорил! — оправдывался Леня.— Мы когда на вокзал приехали в Жуковку, сколько там народу было! Сергей Николаевич с начальником станции договорился, чтобы, как только вы с Митей приедете, он всех посадил в вагоны. Кто знал, что в ту же ночь фашисты разобьют вокзал!

— А кто знал вообще, что будет война? — складывая на груди руки, прошептала Лида.— Кто знал?

— Сергей Николаевич почти всех ребят взял. Что он мог еще сделать? — гневно бросил в лицо Белкину Одинцов.

Леня, притиснутый к стене, со слезами закричал:

— Да что вы все мне это говорите? На меня напали! Будто я в чем виноват! А я, так же как вы, защищал Сергея Николаевича, мы все защищали, пока он сам не приказал нам молчать.

Ребята опомнились.

— Оставьте его, что вы, на самом деле! — вступилась Лида.

Ребята бросились к Белкину. Тот тихо плакал, прижавшись к стене.

— Леня, мы не на тебя — мы просто не можем этого перенести! Леня, не плачь!..— утешали его товарищи.

— Я и тогда плакал, когда сказали, что он вас оставил... А вы на меня напали...— рыдал Леня.

— Нехорошо, правда, ребята, с вашей стороны...— расплакалась и Надя Глушкова.

Васек, оскорбленный до глубины души за любимого учителя, думая о чем-то своем, медленно сказал:

— Он всегда был с нами, он нигде и никогда не оставлял нас... Он был у меня перед глазами в лесу в ту ночь, когда мы не знали, куда идти... Мы всегда крепились, потому что помнили его...— Он глубоко вздохнул и поглядел на ребят. Горькая улыбка тронула его губы.— И теперь мы будем его еще больше любить... Ребята знают правду о своем учителе!..

Все замолчали. С фотографии как живой смотрел Сергей Николаевич.

— Как несправедливо нападают люди! Даже не подумают хорошенько, не поставят себя на место другого,— с грустью сказал Сева.

Мазин вдруг сорвался с места:

— Эх, Сашка, а ты еще собираешься быть учителем! Да ведь учителя все прямо на части рвут! Чего сами не могут, так от учителя требуют. И чуть что — он же виноват во всем. Если бы Сергей Николаевич Митю послал с ребятами, а сам остался, сказали бы, что он весь класс на вожатого свалил, а сам выбрал только семь крепких ребят... Мало ли чего нашлось бы сказать!.. Нет, Сашка, ребята лучше всех понимают своего учителя. Вот в прошлом году был у нас сбор, так я его до сих пор помню. И то слово, что дал Сергею Николаевичу, сдержу. Я еще докажу ему, какой я товарищ! — возбужденно закончил Мазин.

— Ты уже доказал, Мазин!.. Ты сдержал слово, Коля! — горячо заговорили вокруг.

— И еще докажу! Я не на один раз слово давал — я теперь

всю жизнь с этим словом буду жить! — Мазин стукнул кулаком по столу и замолчал.

В комнате стало тихо.

Потом Саша сказал:

— Я, конечно, все равно буду учителем. Я не испугаюсь никаких трудностей. Если только ребята меня будут любить... Как вы думаете, будут?

Товарищи посмотрели на Булгакова внимательными, как бы проверяющими глазами. Под этими взглядами Саша выпрямился, машинально пригладил на своей круглой голове отросшие волосы и, шире раскрыв серьезные черные глаза, не мигая уставился на ребят. Будут или не будут его любить будущие ученики — для Саши был вопрос жизни.

— Будут! — сказал наконец Одинцов.

— Будут, будут! — уверенно повторили за ним товарищи.

— Только ты держись с ними строго, как Сергей Николаевич. Не распускай, понятно? И если уж сказал нужное слово, то так, чтобы оно навеки запомнилось. Ну, а если пошутил или улыбнулся, так тоже чтобы у всех рот до ушей. Понятно? — советовал товарищу Мазин, как будто Саша Булгаков был уже учителем и сейчас ему предстояло впервые отправиться в класс к своим ученикам.— Добряков не любят! Понятно?

— А разве я добряк? — испугался Саша.

— Ты, конечно, добрый, но не добряк,— успокоили его товарищи.

— И потом, ты сейчас упрямый, а когда постепенно воспитаешься, у тебя упрямство перейдет в настойчивость,— объяснил Малютин.

— Одним словом, ты старайся во всем походить на Сергея Николаевича,— с глубоким убеждением добавил Васек.

* * *

Домой Васек шел с Витей. Матрос давно искал случая поговорить с Трубачевым наедине, но Васек был очень занят и только изредка бегло спрашивал: «Нет писем от брата?»

Писем не было.

Мечта, связавшая когда-то двух товарищей светлой тайной, продолжала жить в душе каждого, но говорить о ней в горячей спешке работы не хотелось. Сейчас тоже было не до того.

И все-таки, когда Витя вдруг спросил: «Ты не передумал, Трубачев?» — Васек хорошо понял, о чем он говорит, и, улыбнувшись, ответил:

— Нет, конечно. Я только не говорю об этом и даже думать мне некогда, а когда закрою глаза, так и вижу море. И нас с тобою на корабле. Может, еще кто-нибудь из наших пойдет в моряки? Только они еще ничего не знают и моря никогда не видели.

Витя вытащил из-за пазухи книжку:

— Вот, почитай, Трубачев,— хороший писатель пишет. Новиков-Прибой. Все у него о море правильно.

Васек взял книжку, перелистал страницы и с сожалением вернул ее Вите:

— Нельзя мне сейчас читать — у меня уроков много. Ведь от нее не оторвешься, если начнешь. Ты побереги, ладно? Потом мне дашь.

Витя обещал. Прощаясь, Васек с чувством сказал:

— До свиданья, братишка!

— До свиданья, моряк! — с гордостью ответил Витя.

Глава 57

ДНЕВНИК ОДИНЦОВА

Поручение товарищей закончить дневник Коля Одинцов принял с радостью. Каждый вечер, сделав уроки, он допоздна сидел над своей клеенчатой тетрадью, то погружаясь в воспоминания, то торопливо записывая события. Коля перечитал все старые записи, дополнил их, некоторые переписал заново. Вызывая в памяти тяжелые картины недавнего прошлого, Коля Одинцов волновался, вскакивал, ходил по комнате или, забывшись, глядел перед собой, ничего не видя вокруг. Маленькая керосиновая лампа начинала мигать, огонек ее суживался. Бабушка беспокоилась:

— Да что ж это ты все пишешь, Коленька? Уж и лампа тухнет у тебя... Что это за уроки такие? — спрашивала она внука, наклоняясь над столом.

Коля поспешно убирал тетрадку:

— Да это так, бабушка,— одну работу мне поручил отряд, кое-что записать надо.

— Да зачем же это по ночам сидеть! Ложись, голубчик! Уж очень ты нагрузился нынче работой. Эдак никакое здоровье не выдержит.

— Выдержит! — весело уверял Коля.

Однажды, по старой детской привычке, припав головой к бабушкиной груди и обхватив обеими руками ее сухонькие плечи, Коля вспомнил, как, рыдая, шел он по хате вместе с бабой Ивгой, уткнувшись головой в ее кофту. Воспоминание было так ярко, что ему даже послышался где-то рядом певучий голос бабы Ивги: «Не плачь, не плачь, мое дитятко...»

Одинцов бросился к столу и схватил дневник. Перо его быстро забегало по бумаге. За плечом, низко склонившись над головой внука, бабушка с трудом разобрала несколько слов:

«Баба Ивга была нам как мать...»

Бабушка пошла за очками, но Коля спрятал тетрадку в стол и лег спать.

На другой день старушка ходила по комнате расстроенная, а вечером Коля застал ее за своим письменным столом. Часто сморкаясь в мокрый платочек и сдвинув на нос закапанные слезами очки, она читала его дневник.

— Бабушка! — бросился к ней Коля.— Ну что ты делаешь?

— Плачу...— жалобно сказала старушка, устремляя на внука голубые выцветшие глаза с красными ободками век.— Плачу, Коленька... Ничего ты мне такого не рассказывал, что на Украине было, а сейчас вот и узнала я... Садись, голубчик, что дальше-то хоть было — пиши! Пиши, пиши! — поспешно придвигая к Коле тетрадку, усаживала его за стол бабушка.— Может, еще спасется он, дед Михайло-то, а?

Коля расстроенно махал рукой:

— Ну кто тебя просил читать! Вечно ты, бабушка, что-то придумаешь...

Но бабушка уже возилась в кухне, разогревая Коле ужин. Маленькая, согнувшаяся под бременем лет, она стояла над плитой и плакала горькими, безутешными слезами.

— Батюшки мои, и чего же это весь мир такое злодеяние допускает! Поднялись бы все люди из конца в конец, изничтожили бы фашистов этих начисто! И уродятся же на земле этакие палачи злодейские!..— доносился до Коли ее гневный старческий шепот.

С тех пор каждый вечер, приходя домой, Коля заставал бабушку в слезах. Отнять у нее дневник не было никакой возможности, и Одинцов торопился скорее закончить его, чтобы отнести в школу.

— Читает — и все,— жаловался он товарищам.— А спрячешь подальше — обижается!

Сегодня, вернувшись пораньше, Коля просидел до глубокой ночи, записывая последние события. Спрятав дневник под подушку, он лег, решив завтра же передать его в школу.

Проснулся он на рассвете. Бабушкина постель была пуста. Старушка спала в кресле, подперев рукой голову. На морщинистых щеках ее виднелись следы слез.

Колин дневник вместе с очками лежал на коленях.

«Прочитала!» — подумал Коля и, отвернувшись к стене, закрыл глаза.

Утром, еще до занятий, он сбегал в школу и положил дневник в пионерской комнате на круглый столик, под фотографией учителя.

На занятиях у Екатерины Алексеевны он сказал Трубачеву:

— Я дневник отнес. Вечером, может, возьмешь домой, проверишь?

— Все вместе как-нибудь соберемся и почитаем! — ответил Васек.— Пусть пока полежит там. Ты ведь всю правду писал?

— Конечно! — даже обиделся Коля.

— Не обижайся, я для формы спрашиваю,— улыбнулся Васек.

Глава 58

ПОСЛЕ ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ

Елена Александровна закончила проверку знаний ребят по всем предметам со смешанным чувством надежды и тревоги. Изложение и диктант по-настоящему порадовали ее. История, география, ботаника были усвоены тоже неплохо. За месяц Екатерина Алексеевна вполне могла успеть закрепить знания ребят по этим предметам. Сильное беспокойство по-прежнему вызывала арифметика.

Елена Александровна подробно обрисовала директору истинное положение вещей.

— И все-таки,— добавила она,— мне кажется, что, если б я сама занималась с ними ежедневно по два часа арифметикой, а Екатерина Алексеевна — остальными предметами, мы вместе успели бы их подготовить.

Директор взволнованно зашагал по комнате:

— Позвольте! Получается такая картина: по арифметике они слабы и по остальным предметам тоже не совсем готовы. Лето у них было без отдыха. Я категорически против такой перегрузки. И не советую вам поддерживать в этих ребятах ложные надежды. Лучше постарайтесь убедить их, что нет ничего страшного в том, что они останутся в пятом классе.

Леонид Тимофеевич остановился и, взглянув на крепко сжатые губы Елены Александровны, махнул рукой:

— Пришлите их ко мне, я поговорю с ними сам.

Елена Александровна молча вышла из комнаты.

За те два урока, которые провела Елена Александровна, проверяя знания ребят, Трубачев и его товарищи сразу почувствовали в ней настоящую учительницу. Ни одна минута у Елены Александровны не пропадала даром, ни на один миг внимание ее не отвлекалось в сторону; на каждой ошибке она останавливалась и тут же на месте разбирала ее сообща с ребятами, закрепляя в их памяти правильный ответ. Молодая учительница вносила горячий азарт во все, что она делала, и своей горячностью увлекала за собой учеников.

— Здóрово учит! — с восхищением говорил Мазин.—

Прямо как гвозди в голову вбивает! Стукнет по шляпке — и навеки! Зубами не вытащишь!

Ребята повеселели, подбодрились, ловили каждое слово новой учительницы, с благодарностью глядели ей в глаза.

— Я только после ее проверки понял, что́ мы знаем и чего не знаем,— серьезно говорил Саша.

— Спасибо Екатерине Алексеевне — она нас хоть по другим предметам подогнала,— заметила Нюра.

— И Анатолию Александровичу спасибо, и Косте. Эх, Костя!..— вздохнул Одинцов.— Какой он хороший был, правда? Говорят, под Ленинградом воюет. Витька Матрос в райкоме комсомола разузнал.

— А что ж он нам-то не пишет? Забыл, верно, нас! — взгрустнула Лида.

— Нет, он не такой, чтобы забыть, только не до нас ему теперь,— возразил Сева.— Он на передовой, верно.

— Костя с нами до последнего дня занимался,— с благодарностью вспоминал Васек.— Географию мы все-таки хорошо знаем!

— История и ботаника у нас тоже ничего! — похвалился Петя.

— Подождите вы радоваться! — остановила Лида.— Может, Елена Александровна еще откажется с нами заниматься.

Ребята и не предполагали, что у их новой учительницы уже был разговор с директором. Ребята еще надеялись.

Сегодня, закончив к обеду занятия, Васек напомнил товарищам, что их звал Андрейка. Девочки — Нюра и Лида — не могли идти в депо. В этот день они решили навестить Егора Ивановича и Васю. В госпитале уже несколько дней никто не был. Там теперь работали другие школьники вместе с Белкиным и Надей Глушковой.

— Егор Иванович и Вася скучают — наверно, думают, что мы их совсем бросили,— расстраивались девочки.

Ребята передали с ними горячие приветы и пошли в депо.

Глава 59
НА МИТИНГЕ

— Нам по расписанию полагается только обеденный час, а там на стройку надо бежать. Сегодня материал привезут,— предупредил Васек, шагая вместе с товарищами по знакомой Вокзальной улице.

Заговорили о Кудрявцеве.

— Я против него зла не имею,— сказал Васек.— Мне только жалко, что такой парень — и сдружился с Тишиным!

— Тишина тоже никуда не денешь. Если будем в шестом классе, придется это добро на ум-разум наставлять, а то он на всю школу наш класс осрамит,— вздохнул Одинцов.

— Там разберемся...— многообещающе проворчал Мазин.

Но никто не засмеялся.

— И откуда у человека такое зло берется? Ведь вот Андрейка. Один растет, без родителей, и сам себя воспитывает. А у другого и родители есть — и все равно он плохой,— задумчиво сказал Саша.

— Андрейка не один,— возразил Васек.— Вокруг Андрейки хорошие люди — рабочие из депо. И еще в городе какие-то земляки у него... Вот посмóтрите сейчас на моего Андрейку, сразу скажете — настоящий человек!

— А не застесняется он, что нас много? — спросил Сева.— Может, неудобно всем идти?

— Ну, «застесняется»! Простой парень, товарищ. Он рад будет!

Мальчики незаметно за разговором подошли к знакомому пригорку и расположились на глинистой насыпи, покрытой редкой колючей травой.

— Вот здесь я всегда сижу, а он завидит меня и бежит.

Около депо было людно. Там толпились железнодорожники; сходились кучками, оживленно беседовали.

— Митинг у них,— вспомнил Васек и забеспокоился: Может, не придет Андрейка?

— Придет — сам позвал! — успокаивали его ребята.

Они с интересом разглядывали стоящие на путях паровозы,

большие решетчатые окна мастерских, рабочих, одетых в железнодорожную форму. Одинцов и Саша стали вспоминать, как однажды им пришлось прыгать на ходу из товарного вагона.

Васек слушал и рассеянно улыбался. Какая-то неясная тревога сжимала его сердце. Он уже хотел сказать об этом товарищам, как вдруг увидел Андрейку. Нахлобучив на белобрысую голову шапчонку, тот куда-то торопливо пробирался между взрослыми.

— Андрейка! — крикнул Васек.

Андрейка вскинул голову, остановился, узнал товарища и, сокращая себе путь, нырнул под вагоны. Через секунду он вылез под самой насыпью и, что-то крича, замахал рукой. Васек побежал к нему навстречу.

Андрейка чуть не столкнулся с ним, схватил его за руку и потащил за собой:

— Железнодорожник у нас с фронта, рассказывать будет! Идем скорей!

Васек, растерявшись, не успел ничего сказать товарищам.

Митинг уже начался.

Высокий человек в шинели стоял около вынесенного из мастерской стола и, подняв руку, старался восстановить тишину. Громкие аплодисменты не давали ему начать свою речь.

Васек не помнил, как они с Андрейкой очутились в самой гуще толпы. Он слышал только, как, протискиваясь, Андрейка громко говорил:

— Пропустите, граждане, сына Павла Васильевича! Пропустите сына Трубачева!

Старый мастер ласково кивнул головой Ваське и, притянув его к себе, поставил рядом с собой у стола. Железнодорожники глядели на мальчика с любопытством и лаской.

— Товарищи железнодорожники! — сказал высокий человек.— Я привез вам горячий привет от тех, кто, не жалея своей жизни, ведет поезда сквозь вражеский огонь, спасает раненых защитников Родины. Много Героев Советского Союза среди нашего брата железнодорожников...

Приезжий остановился, прерванный шумными аплодисментами. Андрейка и Васек тоже хлопали вместе со всеми, но серд-

це у Васька билось так сильно, словно вот сейчас в его жизни что-то должно произойти очень важное и решительное.

А высокий человек рассказывал о повседневных подвигах железнодорожников, об опасных рейсах, о взорванных путях, которые приходится срочно чинить под обстрелом неприятеля. Он назвал незнакомые Ваську фамилии погибших на почетном посту. В рядах железнодорожников произошло взволнованное движение, и наступила скорбная тишина. Ноги у Васька ослабели. Андрейка крепко, до боли, сжимал его опущенную руку и с испугом глядел в лицо выступавшего человека. Старый мастер тоже забеспокоился; покручивая темными вздрагивающими пальцами седые усы, он натужно, по-стариковски откашливался и, опустив голову, глядел себе под ноги.

— Товарищи железнодорожники! В нашем полевом госпитале...— высокий человек на секунду остановился и оглядел собравшихся,— лежит известный вам человек, знатный машинист Павел Васильевич Трубачев.

При имени отца Васек рванулся и застыл, ощущая огромную, непосильную для сердца тоску. Он не слышал, как приезжий рассказывал о санитарном поезде, который Павел Трубачев вывел сквозь линию огня; он не слышал поднявшегося вокруг шума и громких аплодисментов; он не видел, как оратора сменил старый мастер, как, подняв вверх темную жилистую руку, призывал он всех железнодорожников в это тяжелое для Родины время стоять на своем посту, как стояли погибшие герои, как стоял их товарищ — коммунист Павел Трубачев... Онемевший и испуганный, Васек ждал единого слова... единого слова, что отец будет жив, что он еще вернется к нему, к сыну...

Он ждал, а глядя на него, железнодорожники взволнованно переговаривались между собой, с нервной торопливостью свертывали цигарки, рассыпая махорку и пуская изо рта короткие клубы дыма. Васек вдруг почувствовал, что Андрейка выпустил его руку и куда-то исчез. Он машинально поднял голову. Маленький деповщик стоял перед высоким железнодорожником и, глядя ему в лицо, строго допрашивал:

— Жив Павел Трубачев? Какие раны у него? Что же не сказали сразу, товарищ? Сын его здесь — сочувствовать надо!

— Жив, жив! Контузия у него тяжелая. Надеяться надо — на поправку пойдет! — быстро заговорил приезжий, разыскивая глазами Васька.

Кто-то одобрительно похлопал Андрейку по плечу. Железнодорожники зашевелились, подходили к Ваську, ласково заговаривали с ним. Старый мастер, растроганный до слез, прижал голову Васька к пахнущей паровозным маслом куртке и торжественно сказал:

— Гордись своим отцом, Васек, да гляди, чтобы и он мог порадоваться на сына!

А в толпе уже мелькали озабоченные лица Саши Булгакова, Одинцова, Малютина и остальных ребят. Андрейка яростно пробивал им дорогу, громко говоря:

— Посторонитесь, граждане! Пропустите товарищей Васька Трубачева! Пропустите товарищей Трубачева!..

Глава 60
ПОСЛЕ МИТИНГА

Когда митинг кончился, Васек, не помня себя, побежал в госпиталь.

— Я к тете Дуне пойду! — крикнул он товарищам, поспешно взбираясь на пригорок.

— Приходи на стройку! — напомнили ему вдогонку ребята.

Все были взволнованы и возбуждены неожиданной вестью.

Андрейка проводил новых знакомых до Вокзальной улицы.

— Уходишь уже? — с сожалением говорили ребята, пожимая его маленькую крепкую руку.

— Работать надо!

— Как же это? Только что подружились — и уже расстаемся! — огорчался Мазин.

— Знаешь что, Андрейка: кончишь работу — приходи к нам на стройку. Мы сегодня долго там будем,— сказал Саша.

— Конечно. Посмотришь нашу школу. Да и вообще, как-то расставаться не хочется. Новость такая у нас! Ведь столько времени от Павла Васильевича писем не было... А Васек-то,

Васек! Я чуть не заплакал, честное слово! — растроганно говорил Одинцов.

— Сейчас он тете Дуне скажет — вот она разволнуется! — обеспокоился Саша.

— Железнодорожник сказал, что Павел Васильевич поправится,— припомнил Сева.

Мальчики остановились.

— Приходи, Андрейка, а? Придешь?

Андрейка мягко улыбнулся. Глаза у него были добрые, лучистые, лицо нежно розовело под веснушками. Саша порывисто обнял его:

— Хороший ты, Андрейка!

Андрейка застеснялся и решительно сказал:

— Обязательно приду! Кончу работу — и приду. Прощайте пока!

Ребята пошли к школе. Всю дорогу, перебивая друг друга, говорили о неожиданном известии.

Первый человек, кого они увидели на улице около школы, была мать Нюры Синицыной. Она, запыхавшись, шла по тротуару с ворохом кисеи, выкрашенной в бледно-зеленую краску.

— Мария Ивановна, у нас такая новость! Отец Васька нашелся! Он в госпитале! Поправляется! — бросились к ней со всех сторон ребята.

Мать Синицыной растерялась от неожиданности, обвела глазами возбужденные лица.

— Он давно не писал, мы так боялись за него... Ведь у Васька нет матери, один отец! — торопливо, как своему близкому человеку, объясняли ребята.

— Васек к тете своей побежал! Сейчас ей скажет,— сообщил Петя Русаков.

Губы у Марии Ивановны дрогнули, глаза наполнились слезами.

— Вот как бывает в жизни! Вот как бывает с людьми! — тихо, словно отвечая самой себе, пробормотала она и вдруг, оглянувшись на дом, озабоченно зашептала: — Гости в школе — сам генерал Кудрявцев и секретарь райкома... А я кисейку

покрасила на занавески, только повесить не успела. Вот домой за нею ходила. Бегите, мальчики, наверх — может, пока они будут внизу, мы хоть в учительской повесим!

— Гости?.. Генерал Кудрявцев? Секретарь райкома? — живо заинтересовались ребята.

— Секретарь! Это тот, что был у нас, помните? — сказал Сева.

— Бегите, бегите скорей! Молоток берите, гвозди...— торопила Мария Ивановна.

— Да они приехали дом смотреть, им наши занавески ни к чему...— сказал Петя Русаков.

— Мало что дом! Занавески тоже нужны...— прервал его Мазин, захватывая из рук Марии Ивановны ворох кисеи.— Саша, беги вперед, за гвоздями, спроси у Грозного. Идемте, Мария Ивановна. Мы живо все сделаем!

Ребята пошли за ним. Проходя мимо участка Алеши Кудрявцева, они ахнули. За утро здесь вырос большой кусок забора. Желтели новые столбы и аккуратно прибитые штакеты. Несколько мальчиков вместе с Алешей Кудрявцевым еще возились неподалеку, что-то доделывая.

— Не останавливайтесь и не смотрите! — быстро шепнул Одинцов.— Рано им еще торжествовать!

— Материал из лесу уже привезли? — спросил у Синицыной Саша.

— Сейчас, верно, привезут. С утра поехали,— ответила та.

Мальчики прошли мимо нового забора, стараясь казаться равнодушными.

* * *

А в госпитальной кухне, обняв за шею тетю Дуню, Васек тихонько утешал ее, незаметно вытирая рукавом и свои слезы. Весть о том, что Павел Васильевич нашелся и лежит в госпитале, потрясла Евдокию Васильевну. Ей сразу представилась палата, где на одной из коек мечется и страдает ее Паша. Не имея возможности бежать к нему, помочь, облегчить муки близкого,

родного человека, она тихо плакала, не вытирая безудержно катившихся по щекам слез.

— Тетечка, ведь у нас все хорошие — и врачи и сестры... Если очень больно, они дают лекарство, впрыскивают что-нибудь...— шепотом утешал ее Васек.

Но тетя Дуня молча качала головой. Она вспоминала Пашу в деревенском доме своих родителей, когда, еще маленьким, он, переваливаясь, как уточка, только начинал ходить; она вспоминала его школьником с сумкой на боку, в новом картузе, подаренном крестной; она вспоминала его взрослым человеком, коммунистом Павлом Васильевичем Трубачевым и надежным, заботливым братом Пашей... Вспоминала и плакала... А в кухонное окно скупо светило послеобеденное солнце, и на плите, упревая в огромном котле, тяжко вздыхала солдатская каша.

Глава 61

ВАСЯ СОБИРАЕТСЯ

Вася ходил за старшей сестрой и недовольным голосом пояснял:

— Если человек чувствует себя здоровым, то нечего его держать в госпитале. Мне, сестрица, давно пора на выписку.

— Вася, я уже вам сказала — в конце недели! Надо же слушать врачей, вы не ребенок,— хмурилась сестра.

— Опять все то же! — удрученно разводил руками боец.— Да вы хоть шинель мне выдайте. Всего и вещей у меня — одна шинель. Что ж это, сестричка, малейшую просьбу не можете исполнить!

Сестра останавливалась и, качая головой, с улыбкой глядела на длинного, словно выросшего из халата паренька:

— Замучил ты меня, Вася, честное слово!

— Да ведь шинель командира моего... Хоть в руках бы мне ее подержать. И беспокоюсь я — не переменили бы... Ведь в горячке привезли меня, не спутали б в кладовой у вас.

— Ничего у нас не путают, все под номерами хранится. А в палату дать шинель я не могу. Не мешайте мне работать! — начинала сердиться сестра.

Вася шел в палату и, обхватив руками голову, садился на свою койку.

— Что, никак не выпросишься? — ласково поддразнивали его раненые.

— Что нельзя — то нельзя,— резонно замечал Егор Иванович, откладывая на столик книгу.— Врачи лучше знают! Почитал бы, как наука вперед шагает! Что зря время терять? После войны нам эти знания на каждом шагу пригодятся.

Егор Иванович и Вася были в числе выздоравливающих, и оба готовились к выписке. Вася уже ходил, стараясь держаться молодцом и не хромать. Врачи обещали отпустить его в конце недели. Теперь каждый день казался Васе длинным, как год.

— Э-э-эх! — по-стариковски кряхтел Вася.— Держат человека, сами не знают чего! А на фронте люди нужны...

Лида и Нюра застали Васю и Егора Ивановича во дворе. Они сидели на скамеечке под деревом и беседовали.

— А, пришли наши пионерочки! — обрадовался Егор Иванович.— Сядь около меня, доченька... Скоро уеду я. Тогда уж после войны только повидаемся. Приедешь к нам в гости, в колхоз... Вот мне дочка пишет — богатый урожай они сняли, а ведь женщины да дети работали... Почитай-ка! — Егор Иванович вытащил полученные письма.

Нюра, присев рядом, терпеливо перечитывала их, удивляясь и ахая. Как бывало раньше, предложила написать под диктовку ответ.

Егор Иванович завернул рукав халата, показал больную руку, пошевелил пальцами:

— Сам теперь справляюсь. Медицина чудеса делает. Вот вырастешь — иди на врача. И дочке своей так закажу. Хороший врач — великое дело...

Егора Ивановича позвали в палату. Вася с Лидой разговаривали о ребятах. Нюра подсела к ним ближе.

— Привык я к вам. Правда, все равно скоро расставаться, а все-таки забегайте почаще. Как там с учебой у вас, как ремонт идет?

Лида рассказывала, передавала приветы.

— Эти дни никак нельзя было вырваться. Нам ведь тоже

видеть тебя хочется, Вася. Ты хоть перед отъездом зайди в школу.

— Обязательно зайду! Да ведь вот не пускают еще никуда, а то поработал бы я с вами денек-два на стройке. Я, бывало, с ребятами весь день на пришкольном участке вожусь. Бо-о́льшой участок нашей школе колхоз дал!

Вася начинал рассказывать о школьниках из своего села, вытаскивал из кармана полученные письма:

— Мало я кому писал отсюда, а все-таки нашли меня мои ребята.

— Вот уедешь ты, Вася, и скучно-скучно нам станет... Приезжай после войны, Вася, ладно? — говорили девочки.

Вася растроганно благодарил:

— Спасибо вам, сестренки! Обязательно приеду. Я вас всегда помнить буду! Командир мой говорил так: хороший человек не вспоминается, а запоминается.

Когда девочки ушли, Вася лег на койку и, закинув руки за голову, размечтался: «Вот кончится война... Вернемся мы все с фронта, разойдемся кто куда. В мирной жизни дело каждому найдется. Только бы скорей до победы дойти!»

Вася представил себе благословенный день победы, ослепительное солнце и флаги над Москвой.

Мысленно увидел толпы народа, заполнявшие Красную площадь, увидел на трибуне веселые лица.

«Что, рассчитался с врагом, Вася?» — спрашивают его.

«Рассчитался! Не оживет больше».

Вася открыл светлые, затуманенные мечтой глаза и внезапно увидел около своей койки Трубачева. Он вскочил и крепко обнял мальчика:

— Когда же ты пришел? А я и не слышал — не то заснул, не то замечтался!

— Вася! Я о своем отце узнал. Он в полевом госпитале, контуженный,— сообщил Трубачев.

— Да что ты... Верно ли?

Васек рассказал о митинге железнодорожников.

— Теперь жди письма. Обязательно письмо будет, раз человек на поправку пошел,— уверил его боец.— Я вот, пока

сильно больной был, ничего родным не писал. Зачем пугать зря! — Вася ласково погладил мальчика по плечу.— Дождался ты наконец весточки! Ранен — это не убит, врачи на ноги поднимут.

— Я, бывало, ночью проснусь — и страшно мне сделается: вдруг убьют? Теперь хоть знаю! — сказал Васек.

— Молодец ты, крепко держался. Вот и правду командир мой говорил: надежда и в последней минуте живет.

— Я все слова твоего командира запоминаю! — с живостью сказал Васек.— Мне они в жизни помогают. И в тот раз, когда от Генки письмо получили, тоже помогли. Помнишь, как он сказал, что не плакать надо о товарище, а славные дела в честь его делать?

— Он зря слова не бросал. Скажет как отрежет. Да еще своим примером подкрепит. Как ему не поверишь!

Когда в госпитале наступил час послеобеденного сна, Васек попрощался со своим другом и побежал на стройку. Он очень спешил, так как в первый раз нарушил составленное им самим расписание.

Глава 62

ГОСТИ

Гости застали хозяев за горячей работой. Наверху, в коридоре, несколько девочек мыли полы. Осторожно обходя мутные лужицы воды, ребята выносили в мешках битый кирпич и рваные куски старых обоев.

В одном из классов, стоя на стремянке, Леонид Тимофеевич белил потолок. Он макал в ведро длинную кисть, высоко поднимал ее над головой; белые брызги летели сверху и расползались пятнами на синем комбинезоне.

В другом конце комнаты Толя Соколов, разложив на полу обои, аккуратно обрезал ножницами кромку. Школьник из пятого класса помогал ему, развертывая длинные трубки обоев и отмеряя одинаковые куски.

В соседней комнате Елена Александровна вместе с девочками складывала последнюю печку. Грозный с несколькими

школьниками, вооружась тряпками и газетами, мыли окна. В большом зале слышались голоса рабочих и стук молотков — там настилали полы.

Внизу, в пионерской комнате, Федосья Григорьевна с помощью младших ребят ремонтировала наглядные пособия. Дети аккуратно раскладывали на столах цветные таблицы, карты и наклеивали их на марлю.

Пионерская комната была уже убрана, даже на окнах и на столе стояли цветы, принесенные школьниками.

Никто не слышал, как подъехала машина. Нютка первая сообщила своей учительнице:

— Федосья Григорьевна, к нам какие-то военные дяденьки приехали!

Гости прошли по нижнему коридору, заглянули в пионерскую комнату.

— Ба! Да тут, кажется, уже занятия идут! — удивился секретарь райкома, здороваясь с Федосьей Григорьевной.— Это какой же класс: седьмой или десятый? — пошутил он, поймав за косичку смущенную первоклассницу.

— Десятый! Десятый! — закричали девочки, обрадовавшись его шутке.

Нютка, заложив за спину руки, беззастенчиво разглядывала на груди генерала ордена и медали.

— Дяденька, вы герой? — спросила она, подходя ближе.— А то у нас здесь портреты всех героев.

— Придется вам, товарищ генерал, подарить им свой портрет,— улыбнулся секретарь райкома.

Оба подошли к портретам.

— Ну, у вас тут героев много! — оглядывая пионерскую комнату, сказал генерал.

Весть о приезде гостей дошла до работавших на втором этаже.

— Леонид Тимофеевич, к нам секретарь райкома приехал и генерал! — сообщили взволнованные школьники.

— Генерал приехал! — вихрем влетая в комнату, крикнул Витя Матрос.

— Очень рад, очень рад, но поздороваться не могу,— сме-

ясь, встретил гостей директор, показывая измазанные мелом руки.— Толя Соколов, продолжайте работу, а я пойду показывать гостям наши достижения! — Он ополоснул над ведром руки, вытер их полотенцем, поздоровался.

— Ну, товарищ директор, поздравляю!.. Вы себе не можете представить,— обратился Круглов к генералу,— какая здесь проделана работа! Когда я в первый раз сюда приехал, на этом пустыре стоял разрушенный дом, без окон, без дверей... Молодцы! Отлично потрудились!

Леонид Тимофеевич повел гостей осматривать классы. Школьники, ободренные похвалой, двинулись за ними.

— Вот это у нас, так сказать, уже чистые помещения — пятый и шестой классы,— отворяя двери, говорил директор.— Вот здесь будет еще заделываться пол, сегодня поехали за материалом, а вот здесь мы решили переделать камин на печь. Познакомьтесь, пожалуйста: это наш главный печник — Елена Александровна.

Елена Александровна, стоя на коленях перед сложенной до половины печью, подняла голову.

— Мы уже знакомы,— сказал Круглов.

— А я очень рад познакомиться,— с любопытством взглядывая на Елену Александровну, улыбнулся генерал и, вспомнив разговор с сыном, шутливо спросил: — Сколько же у вас профессий, Елена Александровна?

— Пока только две, а вообще столько, сколько понадобится в процессе работы,— засмеялась девушка.

Гости обошли весь дом.

Алеша Кудрявцев издали видел отца и волновался.

— Твой отец приехал, Кудрявцев! Твой отец! — теребили его школьники.

Петрусин и Тишин уже потихоньку шествовали за генералом по всему дому.

В учительской Мазин и Русаков вместе с Марией Ивановной спешно прибивали занавески.

— Вот, товарищ Круглов, вы спрашиваете, как мы одолеваем наш ремонт. А мы, можно сказать, одолеваем его дружной силой коллектива. Работают учителя, школьники. Завод отпу-

стил нам рабочих. А вот и родительница пришла к нам на помощь. Это мать одной из наших школьниц. Познакомьтесь, пожалуйста: Мария Ивановна Синицына!.. Помогает ребятам устроить в школе уют...

Круглов пожал руку Синицыной:

— Я очень рад познакомиться с вами.

Синицына вспыхнула, мучительно застеснялась, не зная, что сказать.

Мазин поспешно бросился к ней на выручку.

— Мария Ивановна с младшими классами всяким вышиваньем занимается, для пионерской комнаты ковер вышивает! И мешочки для подарков бойцам сшила.

— А ты не вышиваешь? — пошутил секретарь райкома.

— Как же, это мое любимое занятие! — не моргнув глазом, ответил на шутку Мазин.

Все засмеялись.

Мария Ивановна, оправившись от смущения, приняла участие в общем разговоре. Голос ее окреп, глаза сияли, и, когда секретарь райкома вместе с директором вышли из учительской, она сказала, обращаясь к ребятам:

— Мальчики, я думаю — один ковер мало! Надо бы и для учительской коврик сделать!

— Угу! — промычал Мазин.

Леонид Тимофеевич и секретарь райкома уединились в одном из классов, чтобы обсудить дальнейшие дела школы, а генерал в сопровождении ребят обходил участок.

Алеша шел с ним рядом, явно гордясь отцом.

Часть забора, только что отстроенная на участке Кудрявцева, обратила на себя внимание генерала.

— Это кто же строит? — спросил он.

— Это моя бригада. Мы соревнуемся с пятиклассниками,— сказал Алеша.— Я бригадир.

— Это очень хорошо, что соревнуетесь. Только я не вижу, чтобы та бригада работала. Кто там бригадир?

Алеша молчал.

— Трубачев,— сказал один из школьников.

— Трубачев? — Генерал внимательно поглядел на сына и обернулся к ребятам: — Попросите ко мне Трубачева.

Несколько школьников бросились исполнять его просьбу.

— Папа, мы в ссоре,— тихо предупредил отца Алеша.

Отец не успел ничего сказать. Васек, только что вернувшийся из госпиталя, уже шел на зов генерала.

— Здравствуйте, товарищ генерал! — почтительно сказал он, опуская по швам руки и стараясь держаться прямо.

— Ты Трубачев?

Генерал взглянул на открытое лицо пионера. Прямой, смелый взгляд, золотистый чуб над высоким загорелым лбом вызвали на его лице улыбку. Он перевел глаза на сына: Алеша стоял потупившись, в лице его было выражение неуверенности и беспокойства.

— Я слышал от сына, что ваши бригады соревнуются. Алексей уже начал работу. Почему же твоя бригада не торопится, Трубачев? — пристально глядя на мальчика, спросил генерал.

— У меня нет материала,— ответил Васек.

— У тебя нет, а у Алексея нашелся. Вероятно, это те самые столбы, что вчера перевозили на моей легковой машине?

— Это я перевозил,— быстро вставил Алеша.

— Я начинаю понимать...— Отец строго взглянул на сына.— Ты воспользовался моей машиной, чтобы перевезти материал для себя и опередить соперника?

— Папа, я уже говорил тебе: мы несли через весь город на руках...— заторопился Алеша.

— Не объясняй! — резко сказал отец.— Я все понимаю. Ты мог бы сказать мне просто, что у вас нет грузовика для перевозки материала.

На Алешу было жалко смотреть. Губы его вздрагивали, в глазах скапливались слезы.

— Ты ведешь себя недостойно, Алексей!

Кучка школьников молча слушала. Алеша поднял глаза и встретил встревоженный взгляд Трубачева.

— Товарищ генерал,— твердо сказал Васек,— разрешите пояснить. Алеша предлагал мне поделиться...

Школьники переглянулись, затаили дыхание.

— Он предлагал тебе поделиться?..— быстро спросил генерал и повернулся к сыну: — Почему же ты молчишь?

Алеша выпрямился, сердито блеснул глазами:

— Это было не так!

Он хотел еще что-то сказать, но не смог и отвернулся.

Наступило молчание.

Генерал протянул Трубачеву руку и указал на сына:

— Если когда-нибудь ваши отношения наладятся, я буду сердечно рад.

Васек молча наклонил голову и отошел.

Школьники двинулись за ним, шепотом рассуждая о происшедшем:

— Справедливый генерал!

— Еще бы! На то он и генерал!

— А Трубачев-то! Он, говорит, предлагал мне поделиться!

— Алешка тоже молодец, не соврал!

— Кра-си-во вы-шло...— заикаясь, протянул большеглазый худенький мальчик из шестого класса.

Васек прибавил шагу. Он увидел собравшихся в кучку товарищей и среди них Андрейку. Они о чем-то оживленно разговаривали, поглядывая на улицу.

— Трубачев, иди скорей! Столбы везут! — крикнул Петя Русаков.

Во двор с шумом въехал грузовик, доверху наполненный остропахнущим свежесрубленным деревом.

— Стоп! Стоп! — выпрыгивая из кабины, закричал шоферу дед Мироныч.— Стой тут, милый человек, а то людей передавишь... А ну, ребята, зовите кого из старших — разгружать будем!

— Разгружать, разгружать! Идите все машину разгружать!..— понеслось по двору.

На дорожке появились Леонид Тимофеевич, секретарь райкома и генерал. Сзади торопился Грозный со старшими ребятами.

— Вот радость-то где! Целое событие! — улыбаясь, сказал

Круглов, наблюдая, как оба Мироныча вместе с ребятами снимают с машины бревна и швыряют их на землю.

— Осторожно, осторожно! Отойдите от машины! Дети, отойдите от машины! — суетится Федосья Григорьевна.

А Елена Александровна в испачканном глиной комбинезоне, забравшись на верх грузовика, задорно кричит:

— Лезьте сюда! Разбирайте слеги! — и, обхватив обеими руками столб, с усилием тащит его к краю машины.— Трубачев, вот тебе! На забор!

Андрейка бросается к ней на помощь; с головы его съезжает новенькая железнодорожная фуражка. Рядом, неуклюже, как медведь, обхватив сразу два столба, Мазин тащит их на свой участок. Нюра и Лида волокут по земле длинные слеги.

— Кудрявцев!.. Где Кудрявцев? — зараженные общим азартом, волнуются шестиклассники.

Генерал, прощаясь с Леонидом Тимофеевичем, крепко жмет ему руку. Секретарь райкома садится в машину.

— Ну, теперь мы к вам уже на приемку здания заявимся! — говорит он директору.

Гости уезжают.

* * *

Обе бригады допоздна работают на своих участках. Солнце уже заходит, а шум голосов и густой запах горячей смолы доносятся в открытое окно учительской.

— Надо сказать ребятам, чтобы шли домой,— говорит Леонид Тимофеевич.

— Что вы, они еще не осмолили столбы! Разве они уйдут! — пожимает плечами Елена Александровна.

Леонид Тимофеевич смотрит на молоденькую учительницу с доброй усмешкой:

— Так, может, они всю ночь тут провозятся?

— Может, и всю ночь. Трубачеву никак нельзя уйти: у Кудрявцева уже много сделано, а он только начинает! — не замечая улыбки директора, горячо объясняет Елена Александровна.

Леонид Тимофеевич смотрит на часы.

— Скажите ребятам, чтобы они сейчас же разошлись по домам! — строго говорит он.— А Трубачева и его товарищей пришлите ко мне.

На обоих участках горят костры. В подвешенных над огнем ведерках греется смола. Тут же на траве сохнут разложенные в ряд уже осмоленные столбы. Андрейка сидит в кругу своих новых друзей. Отсвет пламени золотит околышек его фуражки и пробегает по возбужденным лицам ребят. Андрейка уже знает все подробности ссоры Кудрявцева и Трубачева.

— Ссориться при соревновании не годится. Это дело общее! — важно говорит он, качая головой.— Мы все друг другу помогать должны.

Ребята снимают ведерко со смолой, торопясь обмазывают последние столбы и заливают костер водой.

— Аккуратней тушите, чтобы ни одного уголька не осталось,— поучает их Андрейка.

Елена Александровна подходит к костру. Андрейка, прощаясь с каждым за руку, протягивает руку и ей:

— До свиданьица! Я еще вас проведаю.

— Кто это? — тихонько спрашивает у Васька Елена Александровна.

— Это наш Андрейка! — хором отвечает сразу несколько голосов.

Елена Александровна удивленно смотрит вслед белобрысому пареньку и потом говорит:

— Уже восемь часов, расходитесь по домам. А ты, Трубачев, со своими ребятами зайди к директору.

Глава 63

ВАЖНЫЙ РАЗГОВОР

Ребята бегут в дом. На цыпочках поднимаются по лестнице, останавливаются перед учительской и заглядывают в полуоткрытую дверь. Директор сидит за столом и о чем-то думает, подперев рукой подбородок.

— Сидит...— мрачно шепчет Мазин.

— Сидит? — испуганно переспрашивает Петя Русаков.

— Сидит... сидит...— шепотом передают друг другу остальные.

Леонид Тимофеевич поворачивает к ним голову:

— Что вы там шепчетесь? Идите сюда.

Ребята один за другим входят в учительскую.

— Присаживайтесь,— говорит Леонид Тимофеевич, указывая на широкий кожаный диван.— У меня к вам серьезный разговор, и вот о чем...

Все осторожно присаживаются на диван. Васек не мигая смотрит в лицо директору. О чем хочет говорить с ними Леонид Тимофеевич? Сердце его тревожно бьется.

Директор вертит в руках карандаш. Сузив карие глаза, тихо повторяет:

— Да, вот о чем... Я знаю от Елены Александровны, что вы усиленно занимаетесь. Знаю также, что по такому важному предмету, как арифметика, вам не удалось основательно закрепить свои знания...

— Мы закрепляем,— быстро вставил Петя Русаков.

Директор остановил его жестом руки:

— Вы всегда были отличниками. Я думаю, наше общее желание, чтобы вы и дальше учились на «отлично». Поэтому я предлагаю вам не тянуться сейчас через силу и спокойно приготовить себя к мысли, что вы будете учиться в пятом классе.

Директор поглядел на ребят. Они сидели тихо, не смея его прерывать, но молча выражая на лицах решительный протест.

— Остался один месяц до начала занятий. Обдумайте между собой мое предложение, согласитесь с этой мыслью, что вы остаетесь в пятом классе, и спокойно отдохните перед учебой. Подумайте хорошенько: один год будет пропущен, но зато вы получите настоящие знания за пятый класс...

Директор говорил очень ласково, останавливался, как бы ожидая ответа, но ребята упрямо молчали.

— Вы должны понять, что я сам очень хотел бы, чтобы вы перешли в шестой класс, я уважаю вашу настойчивость и

очень благодарен Екатерине Алексеевне, которая с вами занималась, но я вижу, что это просто вам не под силу.

— Мы не будем второгодниками,— тихо и решительно сказал Васек.

Директор развел руками:

— Ну, тогда вам придется держать экзамены. Кто выдержит, тот будет учиться в шестом классе, а кто не выдержит — останется в пятом.

Наступило длительное молчание. Васек медленно поднялся:

— Будем держать экзамен.

— Будем держать экзамен,— вставая, твердо повторили за ним товарищи.

— Хорошо, ступайте! — отрывисто сказал Леонид Тимофеевич, машинально переставляя на столе разные предметы.

Не глядя друг на друга, ребята вышли из учительской. Когда за ними закрылась дверь, директор взволнованно откинулся на спинку кресла: «Молодцы! Крепкий народ!»

Через минуту в учительскую вошла Елена Александровна.

— Я побежден! — разводя руками, сказал ей Леонид Тимофеевич.— Занимайтесь!

Глава 64

РАЗВЯЗКА БЛИЗИТСЯ

Утром, пока ребята Трубачева занимаются, на работу выходит Витя Матрос со своими пятиклассниками. Но как ни трудится Витя, бригада Кудрявцева сильно обгоняет его. Сам Алеша не спешит. После разговора его отца с Трубачевым у Алеши пропало желание унизить своего соперника. Задумчиво поглядывая в сторону пятиклассников и видя, как они изо всех сил стараются догнать его бригаду, он долго копается в ящике с гвоздями, не торопясь прибивает штакеты, потом, обходя участок, придирчиво оглядывает работу своих помощников.

— Надо делать красиво и прочно. А это что у тебя? Вытащи гвоздь, забей сначала! — говорит он, отрывая от забора криво прибитую доску.

Алеша сам не знает, чего ему хочется. Тишин, заранее торжествуя победу, весело говорит:

— На собрании постановили, чтобы к пятому августа все работы были закончены. Седьмого уже будут принимать здание. Завтра начнут из старой школы парты перевозить.

— Ну и что? — хмуро спрашивает Алеша.

— А то, что пятое завтра! Мы-то свой забор кончим, а Трубачеву никак не успеть. Значит, он не только в нашем соревновании проиграет, а еще и перед всей школой последним останется!

Алеша медленно поворачивет голову и с удивлением смотрит на Тишина. Потом с досадой отстраняет его рукой:

— Отстань! Надоело мне все это!

Но Тишин не успокаивается. После обеда, когда на участке Трубачева закипает бешеная работа, он боком подходит к Севе Малютину и, с опаской поглядывая на работающего неподалеку Мазина, тихо говорит:

— Плохо ваше дело, ребята! Мы уже почти кончаем. Три пролета за домом остались. Соревнование вы проиграете, это ясно. Дело не в этом. А вот завтра весь ремонт заканчивается, останетесь вы одни. Стыдно все-таки подводить школу!

Сева работает наравне с другими ребятами. Сбросив на траву куртку, он сидит на корточках перед забором и, держа во рту гвозди, прибивает штакеты. Ему некогда смотреть по сторонам и некогда разговаривать. Но вкрадчивый голос Тишина выводит Севу из обычного равновесия. Он вскакивает и, выплюнув изо рта гвозди, кричит:

— Уйди, а то от тебя мокрое место останется!

Тишин испуганно пятится. Ребята поднимают головы.

— Ого! — с уважением говорит Мазин.— Севка окреп!

Ребята с любопытством взглядывают на Малютина, но тот уже снова углубляется в работу и только спустя некоторое время, как бы оправдываясь, говорит:

— Да потому что плохой человек этот Тишин...

Под вечер приходит Андрейка. Ребята встречают его молчаливые, хмурые. О чем говорить! Андрейка и сам, своими глазами видит новенький забор бригады Кудрявцева, незакончен-

ные три пролета между столбами; видит и другую сторону забора, на участке Трубачева,— свежеврытые в землю столбы, прибитые к ним слеги и едва начатую полоску островерхих штакет.

— Завтра заканчиваются все работы. Мироничи спешат — полы сегодня красили, лестницу. Одни мы отстаем,— безнадежно говорит Петя Русаков.

— Ребята, останемся на ночь! — предлагает Мазин.

— Ночью только кошки видят,— резонно заявляет Андрейка.

У Трубачева усталые глаза и на лице горячий темный румянец. Ему стыдно перед пятиклассниками, которые выбрали его своим бригадиром; он не может глядеть в черные тревожные глаза Вити Матроса. Что думает Витя? По-прежнему ли будет мечтать служить с ним на одном корабле?

Разве не ясно всем, что дело близится к развязке, что завтра в этот час Кудрявцев будет торжествовать победу! Может быть, он будет торжествовать и тогда, когда узнает, что Васек и его товарищи должны еще держать экзамен, чтобы попасть в шестой класс!

Душевные силы Васька надламываются.

«Жизнь такая трудная. Мы проигрываем соревнование»,— с горечью думает он, старательно прибивая к столбу обтесанные слеги. Конечно, никто из ребят не сдается, все работают, сцепив зубы. Если бы еще завтра утром не нужно было идти на урок, они бы, может, успели. Но об этом сейчас нечего и заикаться.

Витя Матрос бросает рядом охапку штакет и дрожащим голосом говорит:

— Мы сегодня рано вышли... Может, ты думаешь, Трубачев, что я плохо работал?

Васек делает над собой усилие и улыбается товарищу:

— Я знаю, ты молодец, Витя. Ты верный товарищ! — Он хлопает мальчика по плечу. — Работай, Матрос! Большевики никогда не сдаются!

Андрейка стоит поодаль и смотрит, как Мазин яростно утаптывает ногами землю вокруг только что врытого столба, как

девочки мерят веревкой заостренные концы досок, как, помогая друг другу, ребята спешат и суетятся, как медленно растет желтая ровная полоса забора с одинаковым расстоянием между штакетами.

Андрейка стоит, как гость: важный, задумчивый, серьезный. Он знает, что хозяевам сейчас не до него.

— Ты не обижайся, Андрейка,— говорит ему Васек.— Видишь — спешка у нас...

Андрейка ничего не отвечает и, постояв, уходит.

Сумерки медленно расползаются по двору. Елена Александровна видит с крыльца склоненные головы, белеющие майки.

— Я вас очень прошу, Федор Мироныч, завтра помочь пятиклассникам. Придите, пожалуйста, как можно раньше,— взволнованно говорит она плотнику.

Мироныч-младший не спеша снимает свой рабочий халат, вешает его на гвоздик около двери и, улыбаясь, говорит:

— Завтра, гражданочка, у нас здесь выходной. Мы с дедом на заводе работаем. Я бы с удовольствием.

— Федор Мироныч, они проигрывают соревнование! Придите хоть на часок! — просит Елена Александровна.

— На часок — это одна ходьба. Туда да назад. Потеря времени. А насчет соревнования вы не беспокойтесь. Уж это как обычно — один проиграет, другой выиграет. Лишь бы дело было сделано!

Мироныч уходит. Грозный старческой походкой семенит по двору, мимо задумавшейся учительницы.

— По домам бы пора ребятам, Елена Александровна, а? — И, подождав ответа, добавляет: — Вчера до ночи, сегодня до ночи... Леонид Тимофеевич за это не похвалит...

— Я сама знаю, когда им пора уходить! — нетерпеливо прерывает его Елена Александровна.

На самом деле она знает только одно: трубачевцы проигрывают соревнование.

Глава 65

АНДРЕЙКИНЫ ЗЕМЛЯКИ

Большевики не сдаются! Витя Матрос тоже не сдавался. Всю ночь он вскакивал с постели и, откинув темную занавеску, глядел на полоску неба за ветвями деревьев. Договорившись с вечера со своими пятиклассниками прийти пораньше, Витя выскочил из дому, не взглянув даже на часы.

На улице было свежо. Ветви деревьев отяжелели от росы, тротуары казались только что вымытыми. Утро было холодное, не обогретое солнцем — в голубоватом небе сквозь застывшие облака не пробивалось ни одного теплого луча.

Витя, натянув на уши курточку, топая по камням башмаками, надетыми на босые ноги, бежал по безлюдной улице.

Около самой стройки он остановился как вкопанный, потом, прислонившись к столбу, на котором белела дощечка «Школа № 2», широко раскрыл глаза и медленно съехал на землю.

На их участке, быстро и ловко постукивая молотком, работали подростки. Все они были в одинаковых костюмах с одинаковыми пуговицами. На врытых столбах вдоль всего забора топорщились их жесткие черные шинели и фуражки.

Подростки работали молча и сосредоточенно. Под их умелыми руками на глазах Вити быстро, как в сказке, рос долгожданный забор.

Витя не любил сказок и не верил чудесам. Но на этот раз он сильно заколебался. Мысли, как стая воробьев, беспорядочно теснились в его голове. Черные шинели и черные фуражки на столбах, безмолвно двигающиеся фигуры, таинственный стук молотков и весь пустырь, выглядевший в этот ранний час как необитаемый остров, родили в Вите необыкновенную и великолепную фантазию: «Черноморцы! Молодые капитаны!»

Но из дома, накидывая второпях полушубок, вышел школьный сторож. Ему навстречу от кучки работавших отделился белобрысый паренёк. Витя насторожил слух, но уловил только одно слово: «Земляки...»

Школьный сторож, почесывая бороду, долго стоял в недо-

умении. Вите показалось даже, что старик просто был пригвожден к месту таинственным словом, произнесенным молодым капитаном. Молотки, притихшие на минуту, застучали с новой силой.

Но Витя был не из трусливого десятка. Он не желал так позорно отступить, как отступил старик сторож. Кроме того, вырастающий забор убеждал его в добрых намерениях неожиданных пришельцев. Мальчуган опустил воротник, вытащил наверх и расправил на груди алым бутоном свой пионерский галстук, крепче насадил на ухо бескозырку и вышел из прикрытия.

— Честь имею представиться! Брат моряка Черноморского флота, пионер из бригады Трубачева, Виктор Бобров, по прозвищу Матрос! — лихо отрапортовал он.

Таинственные «земляки», не отрываясь от работы, сдержанно приветствовали его:

— Здоро́во, товарищ!

Витя с разочарованием увидел вблизи обыкновенные лица подростков с рассыпанными на щеках веснушками, с живыми мальчишескими глазами.

— Здравствуй, Виктор! — вдруг сказал знакомый ему голос. Белобрысый паренек, улыбаясь, тронул его за плечо.— Вот мои земляки пришли вам помочь. Они на работу ловкие! Ворота тоже вам поставят. Народ сознательный, компанейский...

Витя глядел ему в лицо затуманенными глазами. И, когда его великолепная фантазия рассеялась, он вспомнил все: торжествующего Тишина, свою бригаду, проигрывающую соревнование, Трубачева...

Он еще раз взглянул на выросший забор, и буйная радость охватила все его существо.

— Да здравствуют Андрейкины земляки! — неистово заорал он, подкидывая вверх свою бескозырку.

Ремесленники весело оглянулись на него, продолжая работу. Витя втиснулся между ними и тоже схватил молоток.

Через полчаса на участок явились все пятиклассники. Они, так же как Матрос, останавливались у входа и широко рас-

крытыми глазами глядели то на ремесленников, то на выросший за ночь новый забор.

Потом стала собираться бригада Кудрявцева. Ребята были растеряны, не понимая, в чем дело, беспорядочно толклись вокруг. Тишина. Тишин, наклонив голову, медленно обводил глазами ремесленников, прибивавших последние доски к забору на участке Трубачева.

— Проиграли...— шепотом сказал кто-то из ребят.

Алеша Кудрявцев подошел к товарищам. Губы его кривились улыбкой, темные брови вздрагивали.

— Мы... проиграли...— еще раз сказал кто-то.

Алеша не успел ответить. Часть ремесленников во главе с Андрейкой перешла на его участок и, словно соревнуясь со своими товарищами, застучала молотками.

— Они и нам строят! — удивленно бросил кто-то из ребят.

Алеша, засунув в карманы руки, пошел к ремесленникам. Остальные с тревогой глядели вслед своему бригадиру.

— Школа — это дело общее,— объяснил Кудрявцеву Андрейка.— Соревнование не в том, чтобы один на другого зверем смотрел. Забор-то ведь всем нужен. Вот мои земляки и решили — поможем школьникам. И ты пойми это правильно! Как тебя зовут?.. Алексей? А меня Андрей. Будем знакомы!

Алеша нерешительно пожал протянутую ему руку. Потом вдруг тряхнул головой и засмеялся:

— Ловко это вы придумали! А я, пожалуй, и рад!

Он вдруг почувствовал, что с его души свалился тяжелый камень. Нет, он не хотел унизить Трубачева, он не хотел победы над Васьком Трубачевым и его товарищами! И этому была глубокая тайная причина...

Вчера Алеша потихоньку унес из пионерской комнаты дневник Одинцова. Об истории Трубачева и его отряда он знал только понаслышке. Открыто расспрашивать товарищей о своем сопернике Алеше не приходило в голову — для этого он был слишком самолюбив. Но появившийся в школе дневник разжег его любопытство.

— Мы будем все вместе его читать,— обещала школьникам Елена Александровна.

Но Алеша не хотел вместе со всеми слушать эту историю — он всегда делал вид, что она его нисколько не интересует. Вчера, улучив момент, когда ребята были заняты на работе, он проскользнул в пионерскую комнату и унес дневник.

Медленно переворачивая страницу за страницей, он проникался глубоким волнением за всех, о ком с такой любовью писал Одинцов. Алеша не успел дочитать до конца эти страницы, но, засыпая, он видел перед собой Трубачева, он стоял с ним рядом, он торопился исполнять его поручения, он признал его своим командиром...

И теперь, разговаривая с Андрейкой, чувствовал облегчение и радость оттого, что он больше не является противником Трубачева.

Андрейка тоже радовался:

— Вот и хорошо, что ты сознательный! Васек ведь ничего не знал — я земляков секретно привел!

Успокоив своих ребят, Кудрявцев вместе с Андрейкой сделал на бумаге чертеж красивых ворот. Обсуждая этот чертеж с ремесленниками, он сказал:

— Надо Трубачева спросить. Как ему — нравится или нет? А для директора пусть сюрприз будет!

Бригады вдруг слились вместе, дружно захлопотали.

На втором этаже из окна учительской глядел директор.

— Чуть свет пришли,— шептал за его спиной Грозный.- Я вышел — батюшки мои, забор ставят! А вон тот курносенький железнодорожник — важный паренек такой... Это, говорит, мои земляки помогать пришли...

Леонид Тимофеевич вынул носовой платок, протер очки:

— Вот и мы с тобой, старик, за наш труд получаем награду. Да ради одного этого можно всю жизнь ребятам отдать!

— Уж меня и то за сердце взяло,— покачал головой школьный сторож.

В раскрытое окно донеслись шумные голоса, дружная команда.

— Столбы на ворота ставят,— выглянув, сказал директору Грозный.

Глава 66

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Тетя Дуня не спала ночь. Васек слышал ее тихие шаги в кухне и, так же как она, думал об отце. Он представлял себе палату для тяжелораненых. Такая палата была в их госпитале. Там бессменно дежурили врачи и сестры, туда не пускали ребят. Проходя по коридору, Васек не раз видел в полуоткрытую дверь неподвижные, вытянувшиеся на койках фигуры, острые, бледные лица, выглядывавшие из бинтов лихорадочно блестевшие глаза. Мимо этой комнаты проходили на цыпочках... Теперь Васек мысленно представлял, что в такой же палате лежит его отец, он видел свесившуюся с койки его безжизненную руку...

Васек маялся всю ночь. Он открывал глаза, переворачивал намокшую от слез подушку, снова видел перед собой госпитальную палату для тяжелораненых, слышал доносившиеся шорохи из комнаты тети Дуни, засыпал, просыпался...

За окном медленно светало. Наконец, измученный тяжким беспокойством, он крепко заснул. И вдруг сразу с бьющимся сердцем вскочил на ноги. В окно глядело светлое утро, а внизу около входной двери раздавался звучный голос почтальонши:

— Знакомы-и! Письмецо получайте!

Давно-давно не будил их этот голос.

Опередив тетю Дуню, Васек в одной рубашке выскочил во двор, схватил из рук почтальонши письмо... Прыгающие буквы на конверте ничем не напоминали ровный почерк Павла Васильевича, и все же Васек чувствовал, что это письмо от отца.

«Жив!» — мелькнула в голове у Васька радостная мысль.

— Сам ли пишет? — прошептала тетя Дуня, глядя, как племянник дрожащими руками разрывает конверт.

Павел Васильевич писал сам. Он сообщал, что лежит в госпитале, что попал он туда будучи тяжело контуженным.

«Лежал я, мои дорогие, как мертвый. Был глухой, немой. Не знал, когда ночь, когда день. Теперь понемногу стал приходить в себя, но здоровье возвращается не сразу. Сначала заговорил, потом стал сам ворочаться, а сейчас вот пишу левой рукой. Ты, Рыжик, таких каракулей не писал и во втором классе, а я вот пишу и радуюсь. Врачи обещают помаленьку выправить меня; может, еще и послужу Родине... Ты, Васек, за теткой смотри в оба глаза: она у нас чуть что — в слезы... Со слезами надо, Дунюшка, справляться, крепче закалку иметь. А вы лучше порадуйтесь, мои дорогие, потому что присвоено мне высокое звание Героя Советского Союза...»

Отец писал еще, что, как только выйдет из госпиталя, обязательно побывает дома.

«Вот и свидимся мы снова. Как дойду я в своих мыслях до этой минуты, так и молодею душой...»

Васек бросился обнимать тетю Дуню:

— Приедет, приедет! Выздоравливает он!

— Погоди, погоди! Читай сначала! Не разобралась я еще, что и как... Левой-то рукой зачем он пишет? Ничего я не разобралась толком. Когда хоть приедет-то?.. Ведь Героя получил отец!.. Читай, голубчик, с первой строки, как он пишет...

Васек читал с первой строки до последней. Снова начинал с первой... Тетя Дуня, поправляя очки, заглядывала через его плечо.

— О слезах-то прочти... Ишь, чтобы не плакать по нем! Распоряжение какое дает, гляди-ка!.. Читай с первой строки. Ох ты батюшки! Читай, читай! Ничего я толком не разберу... Дай-ка хоть в очки своими глазами погляжу,— повторяла тетя Дуня.

Васек еле выпросил у нее письмо, чтобы почитать ребятам. Он решил показать его после занятий, боясь нарушить дисциплину на уроке, так как со вчерашнего дня их учительницей

окончательно стала Елена Александровна. Она пришла на урок и решительно заявила:

— Теперь мы будем с вами заниматься два часа ежедневно одной арифметикой. Остальные занятия будет вести Екатерина Алексеевна, как и вела раньше...

Приход ее снова ободрил ребят. Они ловили каждое ее слово с напряженным вниманием. Но сегодня Васек все же не выдержал.

— Я получил письмо от отца! — неожиданно громко сказал он.

Письмо читали все. Екатерина Алексеевна крепко поцеловала Васька.

— Нам с Петей отец пишет часто, но я понимаю, чтó вы с тетей Дуней пережили, когда не было писем,— сказала она.

Елена Александровна прочитала письмо Павла Васильевича вслух, потом про себя. Ребята, гордясь отцом своего товарища, нетерпеливо и радостно ждали, что она скажет. Елена Александровна ничего не сказала о письме, а со своей обычной живостью подошла к столу и предложила:

— Садитесь! Мы сейчас напишем Павлу Васильевичу все вместе!.. Хорошо, Васек?

Она в первый раз назвала Васька по имени,— ему было это очень приятно. Но больше всего обрадовало его, что они все вместе напишут письмо отцу. Писали все. В бодрых, жизнерадостных строчках чувствовались светлые надежды на счастливое будущее.

Позанимавшись до обеда, ребята заторопились на стройку. Всем было ясно, что догнать бригаду Кудрявцева не удастся.

— На проигрыш идем! — собирая свои книги, тяжело сострил Мазин.

«Отец отличается, а я срамлюсь...» — с грустью подумал Васек.

Остальные ребята молчали. Многим вспомнилось обещание, которое они дали друг другу на сборе: все успевать, все мочь, не говорить жалких слов и ни от чего не отказываться!

— Мы и не отказываемся! Разве мы отказываемся? — расстроенно бормотал Петя Русаков.— Мы еще повоюем!

Но воевать им не пришлось.

Витя Матрос, то и дело выбегая на улицу, издали завидел идущих ребят. Он вскочил на столбик около тротуара и замахал руками, подавая какие-то сигналы. Елена Александровна шла вместе с ребятами. Неожиданное появление Вити Матроса рассмешило ее.

— Вот выдумщик! Смотрите, что это он изображает?

— SOS! SOS! — усмехнулся Мазин.

Витя вдруг спрыгнул на тротуар и помчался к ним навстречу.

— Трубачев! Забор — во! Тишин — фьють!.. Земляки!.. Ворота...— бессвязно кричал он на бегу, тараща черные, сверкающие радостью глаза.

— Стой, стой, парень! — схватил его за плечо Мазин.— Дай-ка голову пощупать, ты что-то того...

— Совсем я не того, совсем не того! — вырываясь, быстро заговорил Витя.— Я сам сначала думал, что я того, а я не того...

Елена Александровна перестала смеяться и строго сказала:

— Не кривляйся, Витя! Терпеть не могу, когда кто-нибудь дурачком прикидывается!

— Да я не прикидываюсь, честное слово! Сейчас сами увидите. Идите скорей — и увидите!

Ребята, оставив Елену Александровну с девочками, побежали вперед.

— Ты хоть скажи толком, что случилось? — волнуясь, спрашивал Витю Трубачев.

Но Витя повторял свое:

— Сами сейчас увидите!

Ребята добежали до стройки. Перед их глазами по обе стороны входа желтел новый зубчатый забор. Школьники и незнакомые подростки дружно ставили ворота. Они укрепляли в яме высокий столб, поддерживая его со всех сторон и громко командуя:

— Прямее держите!

— Засыпай землей, ребята!

— Стой, я спрыгну, утрамбую землю маленько!

Витя, протиснувшись в кучу ребят, тоже ухватился за столб.

Васек поглядел на своих товарищей. Они стояли в полном недоумении. Школьники, видя их удивленные лица, весело посмеивались. Андрейка, торопясь к ним навстречу, улыбался и кивал головой.

— Здоро́во, товарищи! — сказал он, подойдя ближе и протягивая всем по очереди руки.— Не обижайтесь на моих земляков — они тут без вас похозяйничали малость. Ремесленники! Ловкий народ!

— Андрейка, да ведь это просто чудо какое-то! — глядя на него широко открытыми глазами, прошептал Васек.

— Чудо в сказке бывает, а у нас это товарищеской помощью называется, только и всего. Вот кончится война — пойдут мои земляки новые села отстраивать. Может, и мою деревню заново отстроят...

Ребята все еще не могли прийти в себя. Потом Мазин весело расхохотался:

— Ну озадачил ты нас! Мы еще на эту постройку не надивимся, а он уже про деревню толкует!

— Вперед глядеть никогда не вредно,— пошутил Андрейка и, увидев, что столб уже врыт, заторопился: — Ну, пойдемте, познакомлю с земляками! Вот они стоят, поджидают!

Ребята пошли знакомиться. Они крепко пожимали ремесленникам руки, смущенно благодарили за помощь.

— Ну, что это за работа — это для нас одни пустяки! Мы на больших постройках работаем!

Подошла Елена Александровна. Глаза ее от глубокого, радостного волнения казались ярко-синими.

— Товарищи ремесленники, директор хочет лично поблагодарить вас. Пойдемте в дом!

— Пойдемте, пойдемте! Мы вам нашу школу покажем! — зашумели ребята.

Ремесленники, окруженные шумной толпой школьников, двинулись к дому.

— Андрейка, у меня такой счастливый день сегодня! — шептал Васек, крепко сжимая руку своего друга.— Побольше бы таких дней, Андрейка!..

Ремесленники познакомились с директором, тщательно осмотрели весь дом, подолгу останавливаясь в классах и беседуя между собой на том особом языке специалистов своего дела, который приводит в смущение несведущего человека и вызывает глубокое уважение окружающих. Прощались они со всеми за руку и благодарность принимали сдержанно, с достоинством.

— Хорошие вы ребята! — с чувством сказал Андрейке Леонид Тимофеевич.— Только почему ты называешь их своими земляками? Разве вы из одной деревни?

— Какое из одной! Тут со всех концов нашей земли собрались, кто откуда! — усмехнулся Андрейка и серьезно добавил: — А все равно земляки — одна Родина у всех!

Уходили ремесленники так же красиво, как работали. Их одинаковая форма и фуражки с золотыми надписями «Трудрезервы» без слов указывали на то, что это идет сплоченный отряд тружеников — молодых строителей своей страны.

Леонид Тимофеевич задумчиво глядел им вслед, потом, заметив рядом Алешу Кудрявцева, спросил:

— А чем же кончилось ваше соревнование?

— Соревнование кончилось вничью,— спокойно ответил Алеша.

— Победили земляки! — сострил кто-то из ребят.

Глава 67

ПРАЗДНИК У ЛИДЫ

После занятий Лида отвела ребят в сторонку и торжественно сказала:

— Маму приняли в партию!

— Вот это здорово! Поздравляем тебя, Лида! — обрадовались ребята.

— Давай твою руку! — вспомнив Грицько, улыбнулся Мазин.

— Молодец твоя мама!

Проводив подруг, устроили спешное совещание.

— Давайте напишем Лидиной маме письмо! — предложил Сева.

— Зачем письмо? Просто пойдем сами и поздравим! Это ведь раз в жизни у человека бывает такое событие!

— То-то я смотрю — Лида пришла сегодня веселая такая! — заметил Саша.

— А я знала! Я с самого утра уже знала! — похвасталась Нюра.

— Ну, так как будем поздравлять, ребята? — спросил Васек.

— Я думаю, просто пойдем вечером и скажем, что мы все очень рады и желаем успехов,— предложил Одинцов.

О Лидиной новости ребята сообщили своим домашним.

— Обязательно пойдите! И от меня поздравьте! — сказала Ваську тетя Дуня.— Я бы сама зашла, да поздно работу кончаю. Неудобно на ночь глядя!

Вечером ребята толклись у Лидиного дома.

— Рано пришли. Ирина Николаевна еще на работе,— сказал Петя.— Уйдем лучше пока.

— Вообще неудобно стоять здесь. Не на дворе же человека останавливать, чтобы поздравить! — пошутил Одинцов.

Ребята прошлись по улице. Лида, сидя дома, видела их из окна и волновалась. Когда уж совсем стемнело, на тротуаре послышались быстрые шаги, и Лидина мама прошла мимо спрятавшихся за воротами ребят.

— Прошла...— тихо сказал Петя.— Теперь идемте!

— Подожди. Пусть хоть пообедает, ведь она после работы! — остановили его товарищи.

Снова погуляли по улице. Потом Одинцов решил:

— Я думаю, уже можно.

Вытерли на крыльце ноги. Осторожно позвонили у входной двери.

— Гуськом идите! — предупредил Васек.

Открыла Лида.

— А, здравствуйте! А я думаю, кто это? — притворно удивилась она.

— Здравствуй, Лида! Мы к твоей маме. Можно ее повидать? — приглаживая свой чуб, осведомился Васек.

Лидина мама вышла в переднюю:

— Кто меня спрашивает, Лидуша?

Ребята бросились к ней все вместе. Одинцов не успел сказать приготовленную речь.

— Поздравляем вас, Ирина Николаевна!

— Мы пришли вас поздравить со вступлением в партию!

— Мы все очень рады за вас! И за Лиду рады, что у нее мама — коммунистка! — толпясь в передней, кричали ребята.

— Спасибо, спасибо! Я очень тронута, ребята! Идите в комнату... Лидок, зови товарищей в комнату! — говорила Лидина мама, пожимая протянутые к ней руки.— Спасибо вам, дорогие! Это очень трогательно, что вы пришли!

В комнате Одинцов еще раз официально поздравил Ирину Николаевну «от лица знакомых ей пионеров» и пожелал всяческих успехов.

Лидина мама, веселая, добрая, такая же быстрая и живая, как Лида, всегда нравилась ребятам. Бывая у подруги, они чувствовали себя просто, без стеснения. Но сегодня они были к ней особенно внимательны: когда Лидина мама входила в комнату, все сразу вскакивали, уступая ей место.

— Сидите, сидите! Сейчас будем пить чай... Вот какие гости у меня сегодня неожиданные! — говорила Ирина Николаевна, расставляя на столе стаканы.

Мальчики быстро освоились и сели играть в шашки. Лида и Нюра, присев на корточки около этажерки с книгами, оживленно разговаривали. Потом Нюра спросила:

— Ирина Николаевна, правда, что вы по всем этим книгам учились?

— По некоторым училась, а другие просто прочитала.

Нюра остановила долгий, внимательный взгляд на книгах. За столом ребята весело болтали, рассказывали Лидиной маме о последних событиях в школе, о Васе, о новой учительнице

Елене Александровне и о том, что они с ее помощью обязательно перейдут в шестой класс.

Нюра слушала, рассеянно улыбаясь и думая о своей матери. С тех пор как Мария Ивановна стала бывать в школе, отношения ее с дочерью изменились. Мария Ивановна на все теперь смотрела глазами Леонида Тимофеевича.

«Выдержат — так выдержат экзамен, а не выдержат — так будут учиться в пятом классе»,— сказал ей однажды директор.

Мария Ивановна была рада переложить хоть часть своих забот на Леонида Тимофеевича и молоденькую учительницу. Кроме того, увлекшись работой в школе и ближе познакомившись с товарищами Нюры, она вдруг поняла, что страхи ее были напрасны, и, как бы заглаживая свою вину перед дочерью, часто говорила:

«Расстроенный человек бывает и несправедлив, ищет виновников своего горя и попадает на невиноватых. Так и я на ребят твоих думала».

Помирившись с матерью, Нюра тоже постепенно успокоилась, мать снова вызывала в ней чувство нежности и любви. Глядя, как старательно и серьезно она помогает Федосье Григорьевне шить занавески для школы, как, окруженная ребятами, кроит мешочки для подарков бойцам, Нюра радовалась, что ее мать уже не сидит дома, а участвует в общей школьной работе. Даже внешне Мария Ивановна очень изменилась. Она ходила теперь в темном платье и убирала волосы под скромную косыночку. И, когда однажды Нютка, прыгая через веревочку, нашла моток ниток и наивно спросила, какой учительнице их отдать — Федосье Григорьевне или Марии Ивановне, Нюра крепко поцеловала девочку и тихо шепнула:

— Отдай Марии Ивановне!

Теперь, празднуя радостное событие в доме подруги, она невольно сравнивала мать Лиды со своей матерью и снова чувствовала щемящую жалость в сердце при мысли о том, что ее маме, может быть, никогда не суждено стать в один ряд с такими людьми, как Лидина мама. И от этих мыслей в душе Нюры поднималось горячее желание помочь своей матери стать рав-

ной с другими. Сидя за столом и медленно отхлебывая из чашки остывший чай, она, забывшись, смотрела на полку с книгами, по которым училась Лидина мама.

А когда ребята собрались уходить и Ирина Николаевна на минутку замешкалась в комнате, Нюра, смущаясь до слез, тихонько попросила:

— Дайте мне для мамы одну книжку... вот из этих, что на полке.

Глава 68

ТАНЯ

Было уже поздно, и Васек, выйдя от Лиды, решил забежать за тетей Дуней.

— Скоро начнутся темные вечера. Тебе придется каждый день тетю Дуню встречать,— предупреждал его когда-то Саша, — она в темноте плохо видит.

— Я один не смогу каждый вечер, придется нам всем по очереди,— серьезно отвечал Васек.

— Ну что ж, будем по очереди,— соглашались товарищи.

Заботиться о тете Дуне каждый считал своим долгом — ведь это она первая приняла их, когда они вернулись с Украины.

Сегодня, выйдя из освещенной комнаты Лиды, Васек словно ослеп в темноте и сразу сильно забеспокоился:

— Побегу, ребята! Прощайте! До завтра!

Тетю Дуню он встретил по дороге. Она шла посреди мостовой, неуверенно переставляя ноги в тяжелых башмаках. Васек бросился к ней, радуясь, что они пойдут вместе по темной, неприветливой улице, что вместе откроют дверь запертого дома и войдут в свой теплый, уютный угол.

— Осенью я всегда тебя встречать буду. А когда не смогу, то ребята по очереди,— сказал он, беря ее за руку.

Но тетя Дуня вдруг запротестовала:

— Это что еще удумали? За руку будут водить! Нашлись умники!

— Да ведь ты поздно с работы идешь,— растерялся Васек.

— Когда полагается, тогда и иду. Скакать не скачу, и

опрометью бежать мне нечего. А у вас занятий и без меня хватает... Какие провожатые нашлись!

Васек засмеялся:

— Храбрая ты, тетя Дуня!

— Закалилась. Не время себя распускать. Вот и насчет слез тоже. Правильно отец твой пишет: слеза не помощник, против нее тоже закалку надо иметь!

— Ну вот! — обрадовался Васек.— Значит, не будешь больше плакать?

— Нипочем не буду. Ни к чему это. Характер у меня твердый, трубачевский! — с гордостью сказала тетя Дуня.

Васек улыбался и, поддерживая тетку, незаметно направлял в темноте ее неуверенные шаги. Они подошли к дому. Васек нагнулся, чтобы взять под крыльцом ключ, но ключа не было.

— Никак не найду ключа,— сказал он, шаря в темноте руками.

— Ищи, он на своем месте должен быть,— забеспокоилась тетя Дуня.

— Может быть, мы забыли его в двери? — предположил Васек и взбежал на крыльцо.

Дверь оказалась запертой изнутри.

— Батюшки! Ведь, кроме своих, никто не знает, где мы ключ кладем. Кто же это? — прошептала тетя Дуня.

Васек крепко подергал ручку. Наверху раздался скрип отворяемой двери, и по ступенькам дробно застучали чьи-то шаги. Дверь широко распахнулась, и на пороге стала девушка. Она была в шинели, без шапки, короткие волосы пушистыми прядями покрывали жесткий воротник.

— Таня! — вскрикнул Васек.

— Родные мои, милые!..— зазвенел знакомый девичий голос.

Тетя Дуня прижалась лицом к Таниной шинели:

— Доченька!..

Таня обнимала тетю Дуню, целовала ее волосы, морщинистые щеки... Потом прижала к себе Васька.

В маленькой кухоньке ярко загорелась лампа, зашумел чайник. Таня, похожая на молоденького красноармейца, сидела

за столом в военной гимнастерке. Васек глядел в ее карие глаза с золотистым блеском и не узнавал прежнюю Таню.

В глубине этих знакомых с детства глаз таилась непривычная суровость, около румяных губ залегла глубокая складка. Васек не знал, откуда Таня пришла, где живет и как борется с врагами.

— В землянке живешь, Таня? — шепотом спросил он, припоминая все, что слышал о другой девушке-партизанке, о подвиге которой прочитал им однажды Костя.— В лесу?

Таня кивнула головой, сузила глаза:

— Огромные леса у нас, Васек! И не знала я, что есть такие чащобы на свете.

Тетя Дуня тревожно взглянула на нее:

— Батюшки! В чаще и волк заесть может!

Васек и Таня улыбнулись.

— Фашисты хуже волков,— обнимая ее за плечи, сказала Таня.

— А фашисты где ж там тебе встречаются? Поодиночке ходят или скопом? — испуганно спросила тетя Дуня, силясь понять, что делает Таня в густом лесу, где воют волки и бродят двуногие звери — фашисты.

— Да не они мне встречаются, я сама их встречаю,— блеснув глазами, усмехнулась Таня.

— Батюшки!..— прошептала тетя Дуня, вытирая платком покрасневшие глаза.— Какой задор в тебе развился! Девчонка ты молодая... убьют ведь, искалечат...

— Мы их больше побили!

Пухлые губы Тани вдруг крепко сжались и стали тонкими, твердыми, брови сошлись на переносье, усиливая то новое выражение суровости, которое Васек с первого взгляда уловил в ее глазах.

Тетя Дуня замолчала.

— Страшно тебе, Таня? — крепко пожимая Танину руку, спросил Васек.

— Бывает и страшно. Выйдешь ночью — лес, глухомань. Будто наугад идешь, ничего не видишь. Цепляешься за кусты, за траву, где ползком, где на корточках, и все кажется — рядом

кто-то валежником шебаршит, вот-вот схватит... А потом обвыкнутся глаза — и ничего... Ненависть сильнее страха — она куда хочешь поведет.

«А куда ты ходишь, Таня?» — хочет спросить Васек, но не спрашивает — может быть, она это не должна говорить.

— Много таких, как ты? Товарищей с тобой много?

— Пять человек нас спустили, а сейчас мы с партизанами соединились,— там нас много.

Васек жадно раскрывает глаза.

— Как спустили? С парашютом? — шепчет он.

Таня кивает головой. Приподнимает светлую прядь коротких волос и показывает Ваську длинную, глубокую царапину около уха.

— В первый раз я спускалась. Вот как протащил меня парашют... по кочкам, по болоту... Дай-ка зеркальце, я погляжу — сильно изуродовал? — совсем по-девичьи беспокоится она, вглядываясь в свой шрам на щеке.

— Да нет, ничего не видно под волосами! — торопится уверить ее Васек.

— Ишь ты! — удивляется тетя Дуня.— О смерти не думаешь, а за красоту боишься.

Таня краснеет, и милое смущенное лицо ее прежней, веселой девочки вызывает у Васька яркое воспоминание о том времени, когда ему приходилось защищать ее от тетки.

— Конечно, тетя, что ж тут такого? Никому не хочется, чтобы на щеке шрам был,— неумело вступается он за свою подругу.— Таня у нас красивая...

— «Красивая, красивая»...— ворчит тетя Дуня.

Ей чудится в девушке легкомысленный задор юности, слепое безрассудство, никому не нужная смелость, с которой она сама суется в логово врага.

— Кто у вас старший-то хоть? Командир, что ли? Или все такие молоденькие? — со вздохом спрашивает она.

— Есть и старшие. Командир наш — тоже комсомолец, хоть и старше всех,— задумчиво говорит Таня, и лицо ее вдруг светлеет.— Недавно мы у фашистов много своих людей отбили. В Германию они их хотели отправить, а мы по дороге отбили.

— Как же это? Расскажи, Таня,— просит Васек.

Тетя Дуня присаживается к столу:

— Отбили, говоришь?

— Ну да... Мальчонка из села прибежал, плачет: половину, говорит, деревни фашисты забрали — молодых и старых, женщин и девушек, повели к станции в вагоны грузить. Ну, мы и побежали к дороге. Спрятались во рву. Пять человек нас было. Видим — правда, ведут. Всех вместе, друг с дружкой, связали рядами... Командир и говорит одному нашему комсомольцу... Сережа его звали, славный такой был...

— Убит? — с испугом спросил Васек.

— Нет, ранен сильно... Привезли мы его... Ну вот, командир ему велел в охрану стрелять, когда подойдут ближе, чтобы панику сделать...— Глаза Тани презрительно сощурились.— Весь конвой за спины наших людей спрятался, как заслышал выстрелы. Ведь фашисты подлые и трусливые. Связанные люди сбились на дороге, а конвой из-за их спин отстреливается...

— Батюшки!.. — слабея, прошептала тетя Дуня.

— Женщины кричат... Страшно! — глядя в широко раскрытые глаза Васька, продолжала Таня.

— И как же вы?

— Мы к переднему ряду бросились, давай людей развязывать... Не глядя, веревки перерéзали. Кого освободим, те с нами на конвой нападают, кто с чем... Конвой растерялся, палит куда попало, а мы на него со всех сторон напираем. Не забыть мне одну старуху. И откуда она взялась? Видно, лесом за внуком шла. Мальчишку у нее в селе взяли. Черная, глаза как угли... Выскочила из кустов с дубинкой — и на конвой. Мы к ней. «Бабка,— кричим,— отойди!» А она и слушать не хочет. Что ты с ней сделаешь! — мягко улыбнулась Таня.

— Всех освободили? — спросил Васек.

— Всех. С нами в лесу живут.

Тетя Дуня встала, обхватила руками Танину голову:

— Спасибо, доченька! А я-то, глупая, ничего в ваших делах не разбираюсь, думала — один задор в тебе...

Сидели долго. Таня расспрашивала Васька и тетю Дуню об их делах, читала письма Павла Васильевича...

На рассвете Таня ушла. Тетя Дуня и Васек стояли на крыльце. Гулкие девичьи шаги долго раздавались в тишине пустой улицы. Тетя Дуня плакала.

— Ведь вот. Паша свои замечания насчет слез делает, а ведь тут, поди-ка, случай какой... Таня пришла... жива-невредима...— Заметив расстроенный взгляд Васька, оправдывалась она.

Глава 69

НА НОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

Прошло седьмое августа. Это был торжественный день для всей школы: государственная комиссия приняла новое здание, отстроенное руками школьного коллектива.

Секретарь райкома вместе с приезжими незнакомыми людьми снова обходил весь дом, внимательно оглядывая потолки, стены, полы и крышу. Юные строители издали наблюдали за приезжими и волновались до тех пор, пока секретарь райкома торжественно не объявил, что здание принято. Тепло поздравив директора и ребят с восстановлением школы, он пожелал успехов в учебе и, пообещав еще не раз навестить их в будущем учебном году, уехал. Вместе с ним уехали и незнакомые люди, принимавшие здание. Ребята бросились к директору.

— Ур-ра! Ур-ра! — хором кричали они, тесной толпой сгрудившись на лестнице перед учительской.— Ур-ра! Ур-ра Леониду Тимофеевичу!..

Леонид Тимофеевич вышел к ним растроганный и радостный.

Еще раз поздравив их и себя с благополучным завершением работы, он поднял руку и сказал:

— Но дело наше не кончено! Не кончено! И самое главное — впереди!

Ребята мгновенно смолкли и переглянулись. Глаза у директора смеялись, но он не шутил:

— Что, задумались? А загадка, по-моему, совсем не трудная. Ну-ка, подумайте, что главное у нас впереди?

Елена Александровна невольно выступила вперед и, покраснев, отошла.

— Вот я вижу, что Елена Александровна уже отгадала, но я ее не спрошу,— засмеялся директор, лукаво поглядывая на смущенную учительницу.— Я хочу, чтобы мне школьники ответили, что́ еще впереди самое главное.

Ребята начали отгадывать:

— Убрать классы!

— Парты перевезти!

— Пригласить учителей!

— Перевезти из старой школы имущество!

— Все это верно: убрать классы, перебраться из старой школы на новое хозяйство, пригласить учителей,— все это верно и совершенно необходимо. Но главное все равно остается впереди,— поддразнивал школьников Леонид Тимофеевич.

Ребята вдруг догадались все сразу.

— Главное — хорошо учиться! Учиться! Учиться на «отлично»! — весело выкрикивали они.

— Ну вот наконец-то вспомнили, зачем школу строили! — смеялся над ними директор.

Васек, стоя среди школьников, обменялся со своими товарищами тревожными взглядами.

«А мы-то... а мы-то как?» — думалось каждому. Елена Александровна заметила их волнение и, подняв голову, стояла решительная и непоколебимая, глядя перед собой упрямыми синими глазами. Только пальцы ее рук, заложенных за спину, крепко сжались.

Решено было немедленно начать перебираться из старой школы.

Ребята забегали по лестнице, зашумели. Елена Александровна оторвалась от своих мыслей.

— Выйдите все во двор! — скомандовала она.— Я сама распределю. Вы переполошите весь госпиталь! Постройтесь во дворе... Иван Васильевич, вы пойдете с двумя девочками. Они помогут вам перенести ваши пожитки. Еще двое пойдут со мной. Остальные, в полном порядке и совершенно тихо, будут ждать у ворот госпиталя. Мы вынесем им парты и все, что

можно перенести на руках,— объясняла Елена Александровна.— Толя Соколов, бери первую партию ребят...

На помощь Елене Александровне вышел директор. Когда все утихло и наступил полный порядок, первая партия ребят двинулась к госпиталю.

В этот день жители городка с удивлением смотрели, как по улице весело шествовали школьники, перетаскивая на руках столы, парты и учебные пособия. Младшие несли стулья и, продев головы через спинки, весело барабанили пальцами по сиденью и пели кем-то наспех сочиненную незатейливую песенку:

Шагаем мы по улице
И в барабаны бьем!
Назло проклятым гитлерам
Учиться мы идем!

Мазин тащил из бывшей учительской огромное кожаное кресло. Он останавливался на улице, ставил кресло и, развалившись в нем, отдыхал посреди дороги, перебрасываясь веселыми шутками с прохожими.

В госпитале ребята вели себя тихо. Осторожно вытаскивали из сарая сложенную там школьную мебель, разговаривали шепотом, с опаской поглядывая на окна палат. Школьный сторож, собирая пожитки, кряхтел и, стоя посреди своей бывшей каморки, задумывался. Девочки, помогавшие ему перебираться на новую квартиру, почтительно стояли на пороге и ждали.

— Вы того... тут вот ящик у меня с приборами из физического кабинета — вещи тонкие, поосторожнее надо...— бормотал старик.

— Давайте, давайте! Мы донесем! — уверяли его девочки.

Старик передавал ящик и снова задумывался, глядя на старые, знакомые стены своей каморки, где уютно и мирно прошли двадцать лет его жизни.

— Эх, привык я, ребята, к этому дому... Вот тут, у окошечка, сколько мыслей перевернул в своей голове, скольких ребят встречал и провожал на этом крыльце! Эх-хе-хе... Сколько всякого разного было в жизни, все добром вспоминаешь. А вот

тот день, когда войну объявили, как крючок в памяти! Будь они прокляты, живодеры эти, фашисты! — вздыхал школьный сторож, прикрывая за собой дверь опустевшей каморки.

В госпитале переезд тоже вызвал оживление. Нина Игнатьевна радовалась освобождению лишней комнаты и загруженных школьной мебелью сараев. Комната бывшего сторожа была нужна сестре-хозяйке под кладовую. Санитарки спешно мыли и чистили ее, не обращая внимания на старика.

— Ну, ну, заторопились! Еще человек ноги не унес, а они уже — раз-два! — живо тряпок понакидали, ручьи распустили по всему полу...— сердился Грозный, никогда не допускавший и мысли, что кто-нибудь может хозяйничать в его комнате, хотя бы и опустевшей.

Ключи от классов и от сарая он долго не хотел отдавать.

— Да зачем они вам, Иван Васильевич? У вас теперь в новой школе еще больше ключей будет,— мягко уговаривала старика Нина Игнатьевна и тут же, уступая ему, как упрямому ребенку, снисходительно говорила: — Ну, оставьте, оставьте себе от классов — мы палаты не запираем. Но вот от своей комнаты и от сарая, уж пожалуйста, отдайте. Ведь у вас почти все перевезено...

Грозный со вздохом отдавал ключи, строго предупреждая:

— Не потеряйте, я двадцать лет хранил!..

Уходя, он потребовал халат, прошелся по всем коридорам, и, забывая, что из госпиталя уже давно выписались те бойцы, которые помнили строгого старика, жившего под лестницей в маленькой каморке, Грозный осторожно открывал двери палат и растроганно кланялся:

— До свиданьица!

— До свиданья, отец! — хором отвечали ему бойцы.

— Что, уезжаешь, что ли, куда? — удивленно спрашивали некоторые, разглядывая незнакомого старика.

— До свиданьица... двадцать лет тут работал...— качал головой старик.

Нюра и Лида, прощаясь со старшей сестрой, просили поберечь Валину березку.

— Мы ее осенью обязательно пересадим,— говорили они.— Это наша. Она тоже пойдет с нами в новую школу.

— Ну конечно, конечно! Да ведь вы и сами прибежите не раз. Разве мы расстаемся навеки? — улыбалась Нина Игнатьевна.— Вы здесь помощницы!

Васек на одну минуту заглянул к Васе. Тот обнял его за плечи и быстро шепнул:

— Уезжаю, браток! Скоро к вам в школу прощаться приду.

Потащив Васька в палату, он отвернул на койке край матраца и добавил с лукавым озорством:

— Вот она, шинель-то! Выдали. Донял я их тут... Не моя ведь шинель — командира... Ты потрогай... А вот тут, гляди...— Глаза его стали озабоченными, он вытащил один рукав и показал Ваську опаленную огнем дырку у обшлага.— Осколком пробило. Руку, видать, ему задело. Может, и кровь тут была, да дезинфекцией вывели.

Васек с трепетом взял жесткий рукав, осторожно потрогал дырку от осколка.

— А больше-то нигде ничего нет, я все осмотрел,— переворачивая шинель, говорил Вася и, радостно вскинув брови, вдруг спросил: — Может, этот осколок в меня попал, а? Когда я под шинелью его лежал... У меня в ногах-то сколько осколков было! Может, и этот вынули? Как думаешь?

Васек не знал. С нежностью гладя жесткое сукно шинели, он думал об отце, об учителе и о неизвестном раненом командире...

Перевозка кончилась поздно. Завтра предстояло красить и обновлять парты. Елена Александровна торопила ребят расходиться по домам. Васек вспомнил, что он еще не читал дневника, который без него дописывал Одинцов.

«Надо взять на вечер домой, почитать»,— подумал он и побежал в пионерскую комнату.

Около круглого столика стоял Алеша Кудрявцев. Углубившись в чтение, он не слышал, как скрипнула дверь. Но, почувствовав на себе чей-то взгляд, быстро закрыл дневник и обернулся. На пороге стоял Трубачев.

Глава 70

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Весь этот день Алеша мучился желанием дочитать дневник. Остановившись на описании того, как Трубачев и его товарищи скитаются в лесу, Кудрявцев вынужден был отнести дневник и положить на место, чтобы ребята не заметили его исчезновения.

Помогая в перевозке мебели, складывая на дворе парты, он вдруг задумывался о прочитанном, отвечал на вопросы невпопад и с нетерпением ожидал вечера, когда ребята начнут расходиться по домам. Постепенно сутолока в доме и во дворе утихла. Алеша незаметно пробрался в пионерскую комнату. Как раз в этот день в пионерской комнате было проведено электричество, и на радостях там все время горел свет. Алеша осторожно прикрыл за собой дверь, задернул занавески и, найдя страницу, на которой он остановился, углубился в чтение.

Шаг за шагом вместе с голодными и измученными ребятами добрался он до Макаровки; в его ушах шумел лес, во рту пересыхало от жажды; ему казалось, что вокруг носится запах хвои и мяты...

Алеша забыл, что он находится в пионерской комнате, куда каждую минуту может кто-нибудь войти.

Он вместе с ребятами подходил к Макаровке, волнуясь и радуясь предстоящему свиданию с девочками. Смерть Вали Степановой потрясла его. Черные строчки, старательно выписанные разборчивым почерком Одинцова, запрыгали перед глазами, горячий комок сдавил горло.

В комнату кто-то вошел.

Алеша закрыл дневник, испуганно оглянулся и встретился с удивленным взглядом Трубачева. Секунду они стояли друг против друга, лицом к лицу. Васек видел широко открытые глаза Кудрявцева. Только что пережитое волнение оставило в них теплый, влажный блеск.

— Алеша...— тихо окликнул Трубачев.

Кудрявцев шагнул вперед и без слов протянул товарищу руку.

Васек крепко сжал его пальцы.

За дверью вдруг раздались легкие шаги, и в комнату заглянула Елена Александровна.

Два мальчика, держа друг друга за руки, стояли около круглого столика.

— Мы уже уходим,— сказал Трубачев и, потянув за собой Алешу, вышел в коридор.

Они молча миновали классы, закрыли за собой парадную дверь и пошли по двору. Белеющий в сумерках забор живо напомнил обоим их недавнее соперничество и вражду. Алеша еще крепче сжал руку Трубачева. Васек, улыбаясь, взглянул в лицо товарищу и просто сказал:

— Я всегда хотел с тобой дружить.

— Я тоже...— волнуясь, прошептал Алеша.— Но я сделал много плохого...

— Об этом не вспоминают, когда мирятся,— быстро перебил его Васек.— И после ссоры дружба бывает еще крепче.

Мальчики пошли вместе домой. По дороге они говорили много и торопливо, забрасывая друг друга вопросами, как люди, встретившиеся после долгой разлуки. Васек с дружеской откровенностью рассказал о своей тревоге за отца, рассказал, как он и его товарищи всю зиму занимались с Костей, с Анатолием Александровичем, с Екатериной Алексеевной, как теперь к ним на помощь пришла Елена Александровна, какая она замечательная учительница!

— И все-таки нам очень страшно: ведь нам предстоит экзамен! Можно не ответить на какой-нибудь вопрос — и тогда конец, сесть на второй год! Мы об этом даже думать не можем! — говорил Васек.

— Как бы Елена Александровна вас не подвела! Ведь она все-таки печник,— заволновался Алеша.

Васек остановился, серьезно поглядел ему в глаза:

— Елена Александровна — очень хорошая учительница, и она настоящий друг ребятам!

Алеша молчал.

— Я хочу, чтобы ты знал это, Алеша! — настойчиво повторил Васек и снова горячо начал рассказывать, как в самый

трудный момент их жизни пришла к ним на помощь Елена Александровна, как она изо всех сил старается подогнать их по арифметике, какая она строгая и справедливая.— Не ее вина будет, если мы все-таки останемся на второй год,— грустно закончил Васек.

— Вы не должны остаться, Трубачев! Мы будем из класса в класс переходить вместе. У меня никогда не было настоящего друга... Я прочел ваш дневник и многое понял... Послушай, Трубачев! Может быть, вас переведут без экзамена? Ведь директор знает, что вы пропустили год, что вам трудно...— заволновался Алеша.

Васек засмеялся:

— Чудак ты, Алеша! Ведь это учеба — тут уж поблажки ждать нечего!

Мальчики проговорили до позднего вечера. Сначала Алеша провожал Трубачева, потом Трубачев — Алешу. Во дворе своего дома Кудрявцев увидел отца. Накинув на плечи китель, генерал вместе с шофером возился около машины.

— Подожди! Я только скажу отцу и опять провожу тебя,— быстро шепнул Ваську Алеша.

Генерал вышел к воротам сам.

— Я сердечно рад! — сказал он, крепко пожимая руку Ваську.

Глава 71

ЗАВЕРШЕННЫЙ ТРУД

Был теплый, солнечный день. Во дворе школы, поблескивая свежим лаком, как черные паровозики, стояли ряды обновленных парт. Около них вертелись школьники с кистями и консервными банками, наполненными лаком. Это была веселая работа — каждому хотелось красить парты для своего класса. Тут же, на дворе, оба Мироныча занимались починкой отсыревшей в сарае мебели. Грозный со старшими ребятами приводил в окончательный порядок весь дом. Толя Соколов вместе со своими семиклассниками заканчивал проводку электричества.

В зале впервые заговорило радио. Теперь уже можно было

всем вместе послушать сводку. Леонид Тимофеевич смотрел, как просторный, сверкающий белизной школьный зал наполнялся будущими учениками, как, чинно рассаживаясь на стульях, они приготавливались слушать сообщение.

Маленькая сцена, покрытый красным сукном стол, стулья с кожаными спинками напоминали старую, милую школу — только всем казалось, что школа эта вдруг выросла, раздвинула свои стены и посветлела. Леонид Тимофеевич стоял за столом и с глубоким волнением глядел на серьезные, поднятые вверх лица школьников.

«...На Воронежском фронте наши войска заняли несколько населенных пунктов, уничтожив при этом тысячи немецких солдат и офицеров. Наши части, переправившиеся на западный берег Дона, отбили несколько атак противника и уничтожили двенадцать немецких танков» [1].

Ребята слушали и думали о том, что где-то на фронте люди, не жалея жизни, борются, отстаивая каждую пядь родной земли, что этим людям очень трудно, что здесь, в тылу, все должны помогать им по мере сил. Оглядывая свой школьный зал, ребята чувствовали удовлетворение оттого, что они не сидели сложа руки, они тоже принимали участие в общем труде. Среди них не было равнодушных, не было лентяев и лодырей, не было ни одного человека, который пытался бы увильнуть от работы. И эта общая работа соединила их крепкой дружбой. Многие из них здесь встретились впервые, а теперь стали близкими товарищами. Их дружба стала прочной и нерушимой, она вошла с ними в новую, отстроенную их руками школу, она уже царила в классах.

Наступит счастливый день победы! Новые и новые школьники будут приходить в эту школу, сидеть в классах, занимать парты, стоять у доски, учиться.

В этом зале младшие будут получать пионерские галстуки, а старшие — комсомольские билеты. Отсюда будут выходить на широкую дорогу жизни счастливые выпускники...

Ничто не может сравниться с гордым ощущением челове-

---

[1] Утреннее сообщение Совинформбюро от 10 августа 1942 года.

ка, который вложил в свой труд все силы, все волнение своей души и наконец закончил его во славу Родины! И потому каждый школьник, сидящий в зале, глубоко понял простые слова, сказанные их директором с маленькой трибуны:

— Достоинство человека — в труде!

Васек Трубачев стоял в кругу своих товарищей, открытое лицо его светилось радостью.

Когда голос диктора смолк, школьники торжественно запели гимн. Высокий, сильный голос Елены Александровны уверенно и четко вел за собой голоса школьников, сливая их в дружный, крепко спаянный хор.

Глава 72

ПРОЩАНИЕ С ВАСЕЙ

В этот день ребята ждали Васю. Накануне вечером он передал через тетю Дуню, что перед уходом на вокзал зайдет в школу проститься.

Прощание с Васей волновало ребят.

Тихий говор в палате, рассказы о бесстрашии командира, упорная мечта встретиться с ним вновь — все это вместе с светлоглазым озабоченным Васей уходило теперь из их жизни надолго — может быть, навсегда.

Мальчики нетерпеливо расхаживали по дорожкам, девочки стояли у ворот. Выглядывая на улицу, издали принимали за Васю какого-нибудь прохожего.

— Вася?.. Нет, не Вася!

День был жаркий. Деревья стояли, опустив ветки с пыльными, сухими листьями; только темно-зеленые елки в палисадниках казались прохладными, сочными, неувядающими.

Ребята были в одних майках, в коротких, засученных выше колен штанах и в тапках на босу ногу, девочки — в легких сарафанчиках. Но Вася пришел в шинели. Еще издали ребята увидели одетого по-дорожному красноармейца с вещевым мешком за плечами.

— Вася!

— Уезжаю, ребята! — Вася протянул обе руки. Бледное

лицо его сияло, губы растягивались знакомой ребяческой улыбкой.— Отпустили меня наконец! Вот, зашел попрощаться! — охорашивая туго застегнутую шинель и поглаживая на пилотке красную звездочку, говорил Вася.

Ребята заглядывали ему в глаза, трогали аккуратно заштопанный рукав шинели:

— Пиши нам, Васенька, чаще пиши!

Окружив со всех сторон отъезжающего товарища, они деловито беседовали с ним о фронте, о назначении в новую часть и, прерывая себя, грустно добавляли:

— Когда-то увидимся!.. Не забывай нас, Вася!

— А если вдруг командира своего встретишь, пиши скорей! — попросила Лида.

Васе показали новый забор, широкий двор школы.

— Вы тут попозднее осенью сад посадите. Я приеду — чтобы яблоки были! — шутя наказывал Вася.

Шумной гурьбой поднялись по лестнице в дом, обошли все классы, учительскую, большой зал. Леонид Тимофеевич и Елена Александровна приветливо поздоровались с молоденьким красноармейцем, пожелали ему крепко бить фашистов и скорей возвращаться домой.

В одном из классов Мария Ивановна и Федосья Григорьевна вместе с малышами складывали в мешочки подарки бойцам. Вася, чувствуя себя одним из тех бойцов, которому тоже готовится подарок, трогательно и ласково благодарил за внимание. Живая, как ртуть, Нютка, выбрав самый красивый мешочек, громко зашептала на ухо Федосье Григорьевне:

— Подарим сейчас! Он ведь тоже красноармеец. Подарим сейчас!

Вася услышал, застеснялся:

— Не надо. Я уж к празднику получу, вместе с фронтовыми товарищами...

Но Федосья Григорьевна, посоветовавшись с Марией Ивановной, все же подарила ему теплые носки и перчатки. Ребята были очень довольны.

Обойдя верхний этаж, спустились по лестнице вниз и от-

крыли дверь в пионерскую комнату. Вася остановился на пороге, оглядел убранные плакатами стены, улыбнулся:

— Хорошо убрали! Небось все лучшее в эту комнату принесли... Вот мы в школе, бывало, тоже так: что покрасивее — то в свою пионерскую комнату тащим.

— Вася, вот здесь герои! Смотри, Вася... А вот карта! А это будущая газета к первому сентября! — дергали его во все стороны ребята.

— Вася, а вот наш учитель Сергей Николаевич! И Митя! — подводя гостя к фотографии, серьезно сказал Васек.

— Вот, вот наш учитель! — зашумели вокруг остальные ребята.

Вася близко подошел к фотографии, потом быстрым, растерянным взглядом пробежал по лицам ребят и глухо сказал:

— Шутите...

Губы его дрогнули не то от обиды, не то от испуга, на бледном лбу выступили капельки пота.

— Кто это? — упираясь пальцем в Сергея Николаевича, шепотом спросил он.

— Это наш учитель! — удивленно и строго повторил Трубачев.

Вася вспыхнул горячим, густым румянцем:

— Это мой командир!

Ребята растерянно глядели то на него, то на фотографию. Волнение, вызванное словами Васи, привлекло в пионерскую комнату директора и Елену Александровну.

— Это он! Я его сразу узнал... по глазам, по улыбке...— обращаясь ко всем по очереди, взволнованно твердил Вася.

Леонид Тимофеевич подробно расспросил Васю о тех местах, где шел бой, принес последнее письмо учителя, внимательно перечитал его, сверил дату и задумчиво сказал:

— Да, направление то же... Очень вероятно, что это именно Сергей Николаевич.

— И ты ничего, ничего не знаешь о нем, Вася? — со слезами спросила Нюра, забывая, что много раз в госпитале уже задавала этот вопрос и что именно неизвестность судьбы командира мучила молодого красноармейца.

Ребята смотрели на Васю новыми глазами. Припоминая все, что он рассказывал в палате, они приходили теперь в отчаяние оттого, что Вася, который бился плечом к плечу вместе с их дорогим учителем, уезжает. И то, что бесстрашный командир оказался Сергеем Николаевичем, по-новому освещало Васины рассказы: ребятам хотелось бы слушать их сначала, подробно расспрашивать обо всем. Теперь каждая мелочь из жизни командира приобретала особое значение.

И, волнуясь, ребята пытались удержать Васю подольше около себя. Но Вася уже ничего не рассказывал. Потрясенный не менее ребят своим открытием, он не отходил от фотографии, повторяя два слова: «Это он!»

Елена Александровна скрепя сердце отложила занятия и позволила ребятам проводить Васю на вокзал. Когда подошел поезд, Вася снял пилотку, поцеловался с каждым из ребят и по-детски жалобно сказал:

— Все сердце у меня изболело. Увидел — и уезжаю. А где он? Жив ли? Если когда приедет к себе домой, скажите ему, ребята: много Васей на свете и много у него в части красноармейцев, только, может, и вспомнит он подносчика снарядов с четвертой батареи... Уехал, мол, на фронт в его шинели.

Глава 73
ПОСЛЕДНИЕ УСИЛИЯ

После отъезда Васи ребята почти перестали бывать в школе — все время уходило на занятия. Вместе с Еленой Александровной и Екатериной Алексеевной они прилагали отчаянные усилия, чтобы укрепить свои знания.

По арифметике самым лучшим учеником по-прежнему был Петя Русаков. Елена Александровна удивлялась и радовалась его способностям.

— Этот перейдет,— уверенно говорила она Екатерине Алексеевне.

Та грустно улыбалась в ответ:

— Я уж, кажется, ничему не рада — мне всех жалко. Я прямо болею душой за них!

Елена Александровна мысленно подсчитывала оставшиеся дни. Их было немного. Подготовленные для экзамена примеры и задачи уже лежали в портфеле директора. Вызывая ребят к доске, Елена Александровна спрашивала теперь по всему курсу. Когда кто-нибудь медлил с ответом, глаза у нее темнели от волнения, лицо становилось бледнее и строже. Ребята бросали тревожные взгляды на товарища, с нетерпением ожидая его ответа.

Стоявший у доски знал, что́ переживают за него ребята и учительница. Он сосредоточенно морщил лоб, старательно обдумывал заданный вопрос и, наконец ответив на него, вызывал у всех радостный вздох облегчения.

Один раз это был Васек. Он никак не мог вспомнить, как найти наименьшее общее кратное трех чисел. Елена Александровна быстро перелистала учебник, нашла правило и, показывая его Ваську, взволнованно сказала:

— Трубачев, запомни! Запомни! Вот это правило... Запомни глазами, запомни на слух!

Васька поразило и тронуло выражение тревоги в ее глазах.

Ребята занимались весь день. Они прибегали домой только пообедать, потом снова садились заниматься. Отпуская их вечером по домам, Елена Александровна говорила: «Поужинайте и ложитесь спать. Дома ничего не делайте!»

— Что вы там пропадаете целые дни? — недовольно спрашивал Елену Александровну директор.— Нельзя же заниматься с утра до вечера! Когда же они отдыхают?

Но Елена Александровна сама не знала отдыха. Директор заметил, что она похудела и осунулась за эти дни.

«Только бы все это не было напрасно!» — думал про себя Леонид Тимофеевич. Экзамены были назначены на крайний срок — двадцать пятое августа.

Глава 74

НОВЫЕ УЧИТЕЛЯ

Витя Матрос, скучая без Трубачева, каждый день поджидал его после занятий у дома Екатерины Алексеевны.

— А нам новых учителей прислали! — захлебываясь, рассказывал он ребятам последние школьные новости.— Один важный такой, в очках, с бородой. Физик.

— Откуда ты знаешь, что физик?

— Сразу видно. Как только пришел, так и потребовал кабинет для физических приборов. Учителей всегда видно, кто по какому предмету. Учительница литературы пришла и тоже сразу за свое взялась — давай библиотеку устраивать! Старенькая, седая, а голосище у ней! Все как будто декламирует что-то... В нижнем коридоре шкафы с книгами поставила, столик, велела лампочку ввернуть и сидит. Книги выдает.

— А кто из ребят ей помогает? — с грустью спросил Малютин. Работать в библиотеке было его давнишней мечтой.

— Тишин ей помогает.

— Тишин?

— Ну да. Он любит читать. Кудрявцев ему говорит один раз: «Ты,— говорит,— Тишин, читаешь про хорошее, а сам поступаешь плохо». А Тишин нагнул голову и смотрит: «Я,— говорит,— книгу к себе не применяю!»

Витя фыркнул и поглядел на лица ребят. Те хмуро улыбались.

— А математика не прислали еще? — спросил Петя Русаков.

— Математика? Нет. Учительница по географии пришла вчера. Строгая, ну-ну! — Витя покрутил головой.— Первому от нее Грозному попало. За глобус. Он в сарае лежал и отсырел, а потом высох, и трещина какая-то на нем появилась. А учительница — к Ивану Васильевичу: «Ну как я детей учить буду? Ведь тут каждая ниточка что-нибудь обозначает! Тоненькую трещину можно за речку принять». Грозный на-

дел очки и говорит: «Ничего особенного я не вижу, все на свете меняется. Может, когда-нибудь и речка тут будет». Мы прямо чуть со смеху не умерли!

Витя, болтая, провожал Трубачева до самого дома.

— Я все надеюсь, Трубачев, что ты в нашем классе останешься,— искренне сознался он однажды.

— Нет, Витя, не желай мне этого! — серьезно попросил его Васек.

Витя огорчился:

— Мы бы с тобой вместе учились, вместе потом и в моряки пошли!

Один раз около дома Екатерины Алексеевны Васька встретил Алеша Кудрявцев.

— Ну, как у вас дела? — озабоченно спросил он Трубачева.— Я хотел у Елены Александровны узнать, но ее нигде не видно.

— Она все время с нами. Мы готовимся.

Алеша с глубоким сочувствием смотрел на осунувшиеся лица ребят.

«Зачем мучить их экзаменами!.. Если б папа поговорил с директором... он все-таки генерал, его просьба много значит...» — быстро подумал он про себя и, покраснев, решительно отогнал эту мысль.

— У вас только по арифметике будет экзамен? — спросил он вслух.

— Не знаю! Остальных предметов мы не боимся.

Алеша задумался:

— Ну, а как вы чувствуете, выдержите? — с беспокойством спросил он, прощаясь.

— Мы все прошли, но мало ли какой случай... Ведь у нас нет годовых отметок, которые тоже считаются, если на экзамене ошибешься,— серьезно пояснил Сева.

Обеспокоенный участью своих новых друзей, Алеша печально бродил по школе и, зорко приглядываясь ко всем учителям, нетерпеливо ждал математика.

«Если он придет, я заведу с ним разговор, дам ему дневник... Вот, скажу, у нас в школе есть ребята, вы почитайте про

них, пожалуйста. Они пионеры, отличники... Неужели провалит после этого?»

Алеша не находил себе места.

Один раз в школу пришел человек с узким, длинным лицом, твердым носом и шишковатым, выпуклым лбом. На сухощавой фигуре его ловко сидел темно-синий костюм, на голове мягкая шляпа придерживала тонкие бесцветные волосы.

Незнакомый человек спросил Леонида Тимофеевича и в ожидании его прохаживался по двору.

«Математик!» — почему-то уверенно подумал Алеша и выбежал во двор.

— Здравствуйте! — бойко сказал он, подходя к незнакомцу.— Директор скоро придет.

— Я подожду,— сказал тот.

— Может, зайдете в пионерскую комнату? Там можно посидеть! — предложил Алеша.

— Можно зайти, можно посидеть, можно и постоять,— согласился пришедший.

Алеша проводил его в пионерскую комнату. «Математик», заложив за спину руки, пристально поглядел на электрическую лампочку, низко свисавшую над столом, потрогал шнур. Потом открыл дверь в коридор, пошарил глазами по потолку, отрывисто спросил:

— Сколько у вас точек?

Алеша не понял.

— Садитесь на диван,— вместо ответа торопливо сказал он и, волнуясь, взял в руки дневник.— У нас в этой школе есть отличники, пионеры... Они всегда очень хорошо учились. Очень способные! Особенно по арифметике. И вообще... Вот дневник. Хотите почитать?

Пришедший поглядел на Алешу. Глаза его оживились, на губах появилась добрая улыбка:

— Я дневниками не занимаюсь. А вы учитесь, учитесь... Хорошие отметки — это уж обязательно. На то вы и пионеры.

В комнату заглянул Леонид Тимофеевич:

— Здравствуйте! Вы ко мне?

Пришедший заторопился и, держа под мышкой шляпу, пошел за директором.

Алеша долго стоял посреди комнаты, потом положил дневник и тоже пошел наверх.

Около лестницы, повесив на перила свой пиджак и взгромоздив на него сверху шляпу, «математик» прибивал на стенку электрический счетчик.

Алеша понял, что ошибся.

«Разве теперь узнаешь людей! Одет, как учитель, и математические шишки на лбу!» — с горечью подумал он.

Школа с каждым днем наполнялась новыми людьми. Приходили родители, учителя, школьники. В учительской шумно двигались стулья, раздавались незнакомые голоса. Грозный, гремя новенькой связкой ключей, отпирал и запирал чистые, проветренные классы. Школьники толпились во дворе и в коридорах, где в глубокой нише худенькая седая женщина меняла им книги и выдавала учителям учебники. Алеша одиноко бродил между школьниками с одной тоскливой мыслью: что, если Трубачев останется в пятом классе? Не заглохнет ли снова их дружба? Неужели ему, Алеше, не придется сесть за одну парту с Трубачевым?

* * *

Однажды в школе появился еще один новый учитель. Это был высокий, прямой старик с серьезными, умными глазами, с седеющей шевелюрой. Алеша пытливо, но безнадежно вглядывался в его лицо, провожая к Леониду Тимофеевичу.

— К вам кто-то пришел, Леонид Тимофеевич,— тихо сказал он, забежав вперед и открывая дверь в учительскую.

Директор остановиля на пороге:

— Ба! Кого я вижу! Дорогой Анатолий Александрович!.. Вернулись? Ну вот и хорошо! — Он обеими руками крепко пожал руку высокому старику.— Как раз к экзаменам ваших учеников — Трубачева и его товарищей. Слышал, слышал от них, как вы занимались!

Алеша стоял в дверях, словно пригвожденный к месту. Директор заметил его:

— Кудрявцев, можешь передать своим друзьям, что экзамены по ботанике они будут держать у Анатолия Александровича.

— С вашего разрешения, я уже перевел их в шестой класс по своему предмету и надеюсь увидеть их в числе моих учеников,— живо сказал Анатолий Александрович, присаживаясь на диван.— Интересно, как вообще их дела по другим предметам? С ними занимался по географии один комсомолец — Костя. Кстати, интересно, не слышно ли о нем чего-нибудь?

— Ребята говорили — он под Ленинградом воюет. Жив, здоров! Они в райкоме комсомола узнавали,— быстро сообщил Алеша и, не дожидаясь дальнейших расспросов, бросился искать ребят Трубачева, чтобы рассказать им хорошую новость.

Глава 75

«ЕЩЕ МЫ ВМЕСТЕ...»

Ребята сидели на своем любимом месте — около бывшей землянки Мазина и Русакова.

Пруд обмелел, затянулся зеленой ряской. На черном илистом берегу обозначились чьи-то глубокие засохшие следы. Кусты, росшие по самому краю воды, отодвинулись, в ярком свете солнца на них дрожали и переливались тонкие паутинки. Невесело квакали лягушки. Береза поредела, зеленые ветви ее кое-как уже зажелтели, и несколько листьев, сорвавшихся с дерева, сиротливо плавали на поверхности пруда.

Ребята сидели тихие, грустные. Это был их последний день перед экзаменом.

Сегодня Елена Александровна еще раз проверила всех по очереди. Потом, откинув со лба пушистые волосы, улыбнулась:

— Теперь отдыхайте, собирайтесь с силами и приходите на экзамен бодрые, уверенные в себе.

— Спасибо вам, Елена Александровна! Что бы ни было, мы никогда не забудем, как вы нам помогали!

Елена Александровна ушла. Ребята сложили учебники и тетради, отодвинули к сторонке стол, повернули к стене доску.

Екатерина Алексеевна молча смотрела, как они прибирали комнату.

Ребята подошли попрощаться.

— Спасибо, Екатерина Алексеевна!..— дрогнувшим голосом сказал Васек.

Екатерина Алексеевна обняла его.

— Ну, гуляйте, отдыхайте,— быстро заговорила она, провожая ребят,— и не думайте ни о чем!

Васек, оказавшись вдруг свободным от всяких дел, не знал, куда идти. Товарищи его чувствовали себя так же. Их лихорадочная учеба оборвалась как-то внезапно — им все казалось, что нужно все что-то делать, куда-то торопиться. Ощущение свободы не приносило покоя.

— Пойдемте на пруд! — предложил Васек.

Ребята вспомнили, что давно не были в своих любимых местах, и обрадовались.

— Гулять так гулять! — невесело сказал Мазин.

О предстоящем экзамене, словно по тайному уговору, никто больше не говорил.

— Эх, жаль — нельзя купаться! — поглядев на обмелевший пруд, заметил Петя Русаков.

Васек пощупал свои мускулы. Ему показалось, что за последнее время они ослабели.

— Давайте сделаем физкультуру на воздухе! — предложил он.

Ребята послушно встали.

— Вдох-выдох! — то вскидывая вверх руки, то касаясь кончиками пальцев земли, командовал Васек.

Ребята повторяли его движения вяло, без охоты.

Мазин вдруг круто повернулся и вышел из строя. Саша вопросительно поглядел ему вслед и сказал:

— Давайте лучше споем что-нибудь.

Нам песня строить и жить помогает...—

высокими голосами затянули девочки.

И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет,—

громко подхватили мальчики. Но хор, начатый так бодро, постепенно ослабевал, голоса становились все тише и наконец совсем замолкли.

— Давайте просто посидим тихо на бережку,— предложила Нюра.— Нам же отдыхать надо.

Девочки уселись вместе на пенек, мальчики расположились возле них на траве.

«Что, если кто-нибудь из нас не выдержит завтра экзамена?» — эта мысль мучила каждого.

Сева Малютин обнял за плечи своих товарищей.

— Еще мы все вместе...— тихо сказал он, выражая этими словами общее настроение.

Наступило долгое молчание. На воде желтыми и зелеными корабликами плавали листья, то собираясь в кучку, то под легким ветерком разбегаясь в разные стороны.

Солнце садилось...

Мазин вдруг вскочил и с силой швырнул в воду булыжник.

— Правильно, Мазин! — громко сказал Васек вставая.— Надо взять себя в руки. У нас еще есть самое главное!

Ребята вопросительно поглядели на него.

— Мужество! — весело и гордо сказал Васек.

Глава 76

ТОВАРИЩ С ФРОНТА

Елена Александровна медленно шла по улице. В глазах ее все еще стояли растерянные лица ребят. Что ждет их завтра? Она и сама была расстроена, не чувствуя твердой уверенности в том, что этот экзамен для всех ребят пройдет благополучно. В школу идти не хотелось — Леонид Тимофеевич сразу увидит, что она волнуется.

«У директора четыре глаза,— грустно улыбаясь, думает молоденькая учительница,— он видит сразу четырьмя: себя,

меня, ребят и всю школу! Он обязательно догадается, что я беспокоюсь за исход экзаменов...»

Она сворачивает то в одну улицу, то в другую.

«Гуляю...— с горечью думает Елена Александровна.— И ребята гуляют. А на сердце у меня и у них такая тяжесть... Только бы они перешли! Я буду с ними заниматься после уроков, я сделаю их круглыми отличниками... Интересно, кто будет экзаменовать? Если чужой, равнодушный человек начнет сухо задавать вопросы — собьет, перепугает... Надо бы узнать кто, поговорить с ним заранее... Почему я так нехорошо думаю? Ведь в школу идут работать только те люди, которые по-настоящему любят детей... И все-таки надо поговорить. Надо что-то еще сделать — подготовить учителя, рассказать ему, что эти ребята не лентяи какие-нибудь, что если кто-нибудь и ошибется, то все же у них есть знания...»

Елена Александровна сворачивает к школе. Издалека виден зеленый забор и высокие ворота. За домом несколько школьников все еще докрашивают этот забор. На дворе беседуют матери, около них чинно стоят будущие первоклассники, лукаво поглядывая друг на дружку. По дорожке, заложив за спину руки, прохаживается учитель физики; в раскрытое окно видно, как учительница географии вместе с девочками вешает на стену карту. Еще какие-то незнакомые люди попадаются навстречу.

Елена Александровна быстрым, внимательным взглядом пробегает по лицам... Кто из этих новых людей будет завтра решать судьбу Трубачева и его товарищей? Кому она должна будет доверить своих ребят? Надо спросить директора. Он, конечно, уже знает.

— Здравствуйте! Здравствуйте, Елена Александровна! — радостно кричат школьники.

Несколько девочек срываются со скамейки и подбегают к ней:

— Вы куда? К Леониду Тимофеевичу? Он в учительской.

— К нему какой-то товарищ с фронта приехал! — шепчет черненькая девочка из третьего класса.

На крыльце школьный сторож с горячим чайником в руке

обгоняет Елену Александровну и торопливо поднимается по лестнице.

— Позвольте, позвольте...— бормочет он, не замечая молоденькой учительницы и расталкивая школьниц.

«С ума сошел! — возмущенно думает Елена Александровна.— Чуть детей не обжег своим чайником!»

Она бегло расспрашивает девочек о том, что они делают сейчас, пришла ли их учительница, познакомились ли они с ней.

Девочки залпом, наперебой сообщают, что учительница их очень хорошая, просто о-очень, о-очень, что они с ней уже обо всем разговаривали в классе, что она сейчас придет и прочитает им книгу про всякие растения, что у них будет кружок садоводства...

Елена Александровна кивает головой, улыбается... У двери учительской девочки тихо шепчут:

— Приходите к нам в класс! — и стайкой слетают с лестницы.

Елена Александровна делает спокойное, строгое лицо и открывает дверь.

На диване, спиной к ней, сидит приезжий товарищ с фронта. На нем военная гимнастерка и сапоги. Рядом, упираясь обеими руками в колени, присел директор и что-то оживленно рассказывает, поблескивая очками и прерывая свой рассказ громким смехом. Елену Александровну неприятно поражает этот смех и сияющее лицо Леонида Тимофеевича.

— Здравствуйте,— сухо говорит она.

Леонид Тимофеевич с юношеской живостью поворачивает к ней голову, поспешно снимает очки.

— Ну вот! Вот! — весело говорит он.— Знакомьтесь: это та самая Елена Александровна, о которой мы только что говорили. А это...— директор лукаво щурит глаза,— товарищ с фронта. Вы немножко знакомы. Ну-ка, вспомните! Узнаете?

Приезжий встает. Елена Александровна в замешательстве протягивает ему руку, смотрит на седые виски. Серые пристальные глаза останавливают ее внимание. В памяти мгно-

венно возникает пионерская комната, группа учителей на фотографии и среди них...

— Сергей Николаевич? — удивленно спрашивает она.

Приезжий, улыбаясь, кивает головой.

— Узнала! — радуется Леонид Тимофеевич и с отеческой лаской гладит учителя по плечу. — Вернулся к нам...

Елена Александровна неожиданно замечает черную перчатку на левой руке Сергея Николаевича и поспешно отводит глаза.

— Ну вот, побеседуйте тут, потолкуйте! Мы уже договорились кое о чем. А я пойду похлопочу с Иваном Васильевичем по хозяйству.— Леонид Тимофеевич уходит.

Елена Александровна садится за стол. Она еще не может представить себе, что это тот Сергей Николаевич, о котором она столько слышала. Мысли ее возвращаются к ребятам. Ведь это же их учитель! Вот где она найдет поддержку!

— Вы знаете... вы помните своих учеников — Трубачева и его товарищей? — торопясь и волнуясь, спрашивает она.

Лицо учителя темнеет, горькая складка ложится у губ, глаза делаются глубже и светлее.

— Я не могу не помнить их,— грустно улыбаясь, говорит он.— Я много горя пережил из-за этих ребят, Елена Александровна...

— Я не так сказала...— вспыхивает молоденькая учительница и начинает рассказывать о своих учениках.— Мы так старались. И они знают предмет, но ведь на экзамене всегда может быть какой-нибудь неожиданный вопрос. Многое зависит от экзаменатора. Если он чуткий человек, если он не отнесется безразлично к судьбе этих ребят...

— Надо верить в своих собратьев-учителей,— улыбаясь, прерывает ее Сергей Николаевич. В голосе его звучат строгие нотки.

Глаза у Елены Александровны темнеют, на губах появляется упрямое, детское выражение.

— Надо хорошо знать этих ребят, надо понимать, что это

наши лучшие отличники и пионеры. Нельзя поставить их в один ряд с теми лентяями, которые остаются на второй год. Новый учитель может этого не учесть,— резко говорит она.— В общем, я хочу побеседовать с тем, кто будет их экзаменовать.

— Экзаменовать их буду я.

— Вы?

— Да, я. Дело в том, что, пока учились они, учился и я. И перед самой войной закончил заочное отделение математического факультета. Так что мы уже договорились об экзамене с Леонидом Тимофеевичем... Но послушайте меня, Елена Александровна,— тепло говорит Сергей Николаевич и смотрит в настороженное лицо молодой учительницы.— Поймите меня правильно. Я знаю этих ребят, я горжусь ими. Мне очень близко все, что их касается, но если вы хотите, чтобы я благодаря этому делал им какие-то послабления, экзаменовал их легко и пристрастно...

— Я не прошу вас об этом! Я сама учительница! — гневно перебила его Елена Александровна.— Я просто хочу, чтобы, экзаменуя их, вы учитывали все. И я ручаюсь, что через месяц они будут отличниками в шестом классе.

Учитель встал.

— Не волнуйтесь,— тихо сказал он,— я все учту.

Елена Александровна смутилась и замолчала. Учитель отошел к окну. Он стоял прямой и спокойный. Левая рука его в черной перчатке неподвижно лежала на подоконнике.

И вдруг он наклонился вперед, порывистым движением распахнул окно. Елена Александровна поспешно встала, выглянула на улицу.

Во двор школы входили ребята. Они шли нога в ногу, плечо к плечу. На белых майках алели пионерские галстуки. Издали казалось, что это идет маленький отряд.

Сбоку, откинув назад золотой чуб, шагал командир отряда.

Елена Александровна взглянула на лицо учителя. Живой, горячий румянец покрывал его темные щеки, он улыбался, серые глаза его светились неудержимой радостью.

* * *

— Ну вот... всю душу перевернули...— сморкаясь в большой клетчатый платок, говорил Грозный.

Сергей Николаевич стоял на крыльце, тесно окруженный ребятами. Снова, как когда-то, прощаясь на шоссе, он крепко держал в правой руке маленькие, верные руки...

— Мы никогда, никогда не забывали вас, Сергей Николаевич! — обнимая его и утыкаясь головами в гимнастерку, повторяли ребята.

Сергей Николаевич, осторожно освободив правую руку, молча гладил прильнувшие к нему головы.

Собравшись около крыльца, взрослые и дети, растроганно улыбаясь, смотрели на встречу учителя со своими учениками. Витя Матрос, взобравшись на пожарную лестницу, не отрываясь глядел на Трубачева, на чужого человека, приехавшего с фронта, на всхлипывающих девочек и, вспоминая своего брата, моряка Черноморского флота, крепче прижимался щекой к железным поручням.

— Ну что же вы, хозяева, окружили гостя со всех сторон и не даете ему с крыльца сойти! — громко пошутил Леонид Тимофеевич.— Покажите лучше своему учителю новую школу, классы... Ведь Сергей Николаевич еще не огляделся хорошенько и не знает, какую мы здесь работу провели!

— Да-да, я слышал от Леонида Тимофеевича, что вы с ним пришли на пустырь, к разбитому дому, и построили себе школу! — подхватывая шутку директора, улыбнулся Сергей Николаевич.

— Мы не строили, мы только помогали,— заулыбались и ребята.

Лида вытерла глаза:

— Пойдемте, Сергей Николаевич, пойдемте! У нас такие хорошие классы! И пионерская комната!..

Одинцов что-то быстро шепнул Трубачеву. Васек кивнул ему головой.

— Пойдемте в пионерскую комнату,— снова завладев рукой учителя, заторопился он.

— Давайте сначала осмотрим дом снаружи... Вот я уже вижу, что во дворе можно разбить сад,— сходя с крыльца, сказал учитель.

— Да, сад! И яблони! Когда Вася уезжал...— быстро начала Лида.

Но Петя Русаков тихонько дернул ее за руку:

— Молчи пока. О Васе потом скажем.

Лида замолчала, испуганно прикрыв себе рот ладонью.

Учитель засмеялся:

— А вы все такие же! Ну что там за тайны у вас?

— Это не тайна,— смутилась Лида,— это просто один секрет. Скоро вы все узнаете.

Учитель не ответил; по его лицу внезапно прошла тень, и оно сразу сделалось усталым и серым.

Ребята заметили это и притихли. Им показалось, что учитель вспомнил о своем отце.

«Знает он или не знает? Вдруг спросит?» — с тревогой подумал каждый.

— Нам еще о многом нужно с вами поговорить...— запинаясь, сказал Васек.

— Это потом,— тихо ответил Сергей Николаевич.

Подошел Леонид Тимофеевич. Они вместе осмотрели дом. Леонид Тимофеевич подробно рассказывал обо всех трудностях, которые пришлось пережить во время стройки. Многое в рассказе директора было новостью даже для ребят.

— Железо для починки крыши пришлось перевозить из Москвы. Памятка об этом путешествии у меня до сих пор осталась,— пошутил директор, показывая красный продольный шрам на ладони.— Ну ничего, справились, перевезли кое-как...

— Ой, а нас-то даже не взяли тогда! — с укором сказала Лида.

— Да уж мы всю дорогу с Миронычем горевали, что тебя с нами нет! — дернув Лиду за косичку, засмеялся директор.

Прошли по двору вдоль забора. Сергей Николаевич подробно расспрашивал обо всем; его особенно интересовало,

что делали на стройке ребята. Иногда, указывая на что-нибудь, он машинально поднимал левую руку. Пальцы ее в черной перчатке были согнуты и неподвижны. Боясь неосторожно задеть больную руку Сергея Николаевича, ребята держались с правой стороны. Они ничего не спрашивали: четыре ленточки на гимнастерке яснее слов говорили о том, что́ перенес их учитель. Осматривая новый крашеный забор, Сергей Николаевич с большим вниманием выслушал рассказ о том, как бригада Трубачева чуть-чуть не проиграла соревнования и как на помощь к ним пришли Андрейкины земляки.

— Обязательно познакомьте меня с вашим Андрейкой! — сказал Сергей Николаевич.

Васек вспомнил про Алешу Кудрявцева и подвел его к учителю:

— А вот Алеша Кудрявцев, мы с ним тоже дружим!

Сергей Николаевич кивнул головой, улыбнулся.

— На фронте был такой генерал Кудрявцев. Человек исключительной храбрости и благородства. Он очень заботился о людях, его все любили у нас. Во время одного воздушного налета он был тяжело ранен, но до конца боя не позволил увести себя в госпиталь,— сказал учитель.

Лицо Алеши вспыхнуло, глаза засияли, но он молчал.

— Это его отец! — указывая на товарища, гордо сказал Васек.

— Твой отец? — Сергей Николаевич пытливо взглянул на мальчика.— Что же ты молчишь?

— Он не любит зря хвалиться,— одобрительно хлопнув Алешу по плечу, сказал Мазин.

— Не надо хвалиться, но можно и должно гордиться таким отцом! — значительно сказал учитель.

— Я горжусь! — тихо, с достоинством ответил Алеша Кудрявцев.

Ребята повели учителя в дом. Прошли коридор, показали Сергею Николаевичу будущий шестой класс.

— Вы, наверно, уже забронировали себе тут все места? — пошутил учитель.

Алеша взглянул на Васька и живо сказал:

— Нет еще... то есть некоторые выбрали уже парты, конечно... а мы завтра выберем.

Ребята вспомнили об экзаменах, и у каждого в сердце шевельнулась прежняя тревога.

— Нам еще о многом нужно поговорить с вами, Сергей Николаевич! — снова тихо и серьезно сказал Васек.

— Да, конечно. Но и это потом,— так же, как в первый раз, ответил учитель.

Перед пионерской комнатой ребята засуетились. Вытащили вперед Севу. Он немного упирался и громко шептал:

— Да я не сумею хорошо рассказать...

Сергей Николаевич с удивлением глядел на Севу. На фронте, думая об оставшихся на Украине ребятах, он очень боялся, что худенький, болезненный Сева не перенесет всех трудностей, которые выпадут на его долю. Теперь перед ним стоял крепкий подросток с загорелыми от работы руками и румянцем на щеках.

— Ну, ну, Сева Малютин! О чем ты хочешь мне рассказать? — спросил Сергей Николаевич, кладя руку на плечо Севы.

— Сейчас, сейчас! — заторопились ребята, открывая дверь в пионерскую комнату.

— Показывайте, что у вас тут? — сказал, входя, Сергей Николаевич.

Одинцов торжественно подвел его к фотографии. Учитель узнал себя, Митю, улыбнулся:

— Какой-то он стал теперь, наш Митя?

— Он герой! Партизан! — ответило ему сразу несколько голосов.

— Вот наш дневник. Здесь все написано,— сказал Одинцов, подавая учителю дневник.

Учитель узнал путевую тетрадь отряда.

— Вот это хорошо, что вы все записывали. Я возьму эту тетрадь с собой,— сказал Сергей Николаевич.

Васек подтолкнул Севу. Все ребята в нетерпеливом ожидании глядели на Малютина.

— Сергей Николаевич, садитесь, ладно? Мы должны вам что-то рассказать,— предупредил Васек.

— Сажусь, ладно,— пошутил Сергей Николаевич, усаживаясь на диван.

— В госпитале, где мы работали, лежал один комсомолец — Вася. Его привезли зимой...— неуверенно начал Сева.

Лицо учителя стало очень внимательным. Сева говорил медленно, подыскивая слова.

— Вася рассказывал о своем командире, и мы слушали Вася был подносчиком снарядов на четвертой батарее...

Учитель сделал неуловимое движение.

— Фашистские танки были разбиты... На батарее уцелело только одно орудие. Возле него остались два человека — Вася со своим командиром. И тогда выполз еще один танк... Вася был ранен, и он не знал, остановил или не остановил его командир этот танк.

— Остановил! — вдруг сказал Сергей Николаевич. Лицо его оживилось, глаза заблестели.— Где Вася?

Ребята бросились к учителю, заговорили все сразу:

— Вася уехал!

— Он так любил вас!

— Он все время рассказывал о вас...

Трубачев протиснулся к Сергею Николаевичу:

— Уезжая, Вася сказал: «Скажите ему, ребята: много Васей есть на свете и много у него в части красноармейцев, только, может, и вспомнит он подносчика снарядов с четвертой батареи... Уехал, мол, на фронт в его шинели».

Сергей Николаевич встал. Глаза его смотрели через головы ребят куда-то далеко-далеко, словно он видел снежное поле и идущего по дороге молоденького красноармейца с винтовкой и вещевым мешком за спиной.

— До свиданья, Вася! — тихо сказал учитель.— Мы еще встретимся!

Глава 77

В МАЛЕНЬКОМ ДОМИКЕ

Темнело. В сумерках отчетливо выделялись побеленные мелом края тротуаров. Дома без огней с виду казались спящими, но на улицах было людно и оживленно.

Сергей Николаевич шел вместе с ребятами мимо знакомых домов и палисадников. Родной город навевал на него тихие, грустные воспоминания. Душа его была растревожена встречей с ребятами, всей знакомой обстановкой школы, от которой он был оторван в течение целого года.

«Как изменилось все за этот год! — думал Сергей Николаевич.— Сколько пережито!» Среди этих детей, которые ему стали так близки, нет маленькой девочки с золотистыми косами и голубыми близорукими глазами... В своем осиротевшем доме он уже не найдет верного друга — старого отца... И в нем самом что-то изменилось за это время — он уже давно привык стоять лицом к лицу с опасностью, он возмужал и окреп, суровая военная обстановка закалила его сердце. И все-таки сейчас горечь потерь чувствовалась все так же остро, как в первый раз, когда он получил на фронте письмо Леонида Тимофеевича, сообщавшего ему о гибели близких.

Сергей Николаевич почувствовал вдруг, что он очень устал, больная рука его ныла. Он поглядел на ребят и улыбнулся им теплой, благодарной улыбкой.

Трудно войти одному в опустевший родной дом. Но он войдет не один... Ребята шаг за шагом идут рядом с ним. Они все понимают. Сергей Николаевич сейчас для них не только любимый учитель, он близкий им, дорогой человек. И в то же время он тот бесстрашный командир, о котором говорил Вася, он защитник Родины. Узенькие цветные ленточки на зеленой гимнастерке наполняют их сердца гордостью.

Петя Русаков отвоевал себе шинель и, шествуя впереди, бережно несет ее на плече. Нюра крепко держит Сергея Николаевича за руку. Давно ли прежняя Нюра Синицына, крикливая и глупенькая, ссорилась со всеми в классе, писала смешные и нелепые стихи... Сейчас она стала как будто взрослее и

спокойнее, в ее глазах появилось новое, серьезное выражение, и в обращении с товарищами чувствуется глубокое дружеское понимание. Нюра идет с ним рядом, время от времени уступая свое место Лиде. Уступив, она самоотверженно шагает одной ногой по тротуару, другой по мостовой, чтобы все-таки быть ближе к учителю. С левой стороны, чуть-чуть боком, обратив к учителю свое круглое лицо, идет Саша Булгаков. Мазин, пробуя протиснуться вперед, наступает всем на пятки. Васек Трубачев, Коля Одинцов и Сева Малютин идут впереди. Чем ближе к дому, тем неспокойнее у них на душе.

— Мы войдем все вместе,— шепчет Сева.

Вот и знакомое крыльцо. Сергей Николаевич поднимается на ступеньки, по старой привычке вытирает ноги о железный плетеный коврик. Дверной замок заржавел, дверь открывается с коротким скрипом.

— Войдемте! — говорит учитель и пропускает вперед ребят. Потом входит сам, зажигает свет.

На вешалке висят старое пальто Николая Григорьевича и меховая шапка. В комнатах стоит глубокая тишина. Наглухо закрытые пыльные окна словно задернуты серой марлей.

Сергей Николаевич останавливается в первой комнате. Здесь все как прежде. Письменный стол, диван, этажерка с книгами.

Дверь во вторую комнату открыта. Там у стены — кровать Николая Григорьевича, покрытая желтым байковым одеялом, маленький, низкий столик. На столике — старые журналы, газеты...

Сергей Николаевич бросает беглый взгляд на пустую комнату отца и устало опускается на диван:

— Ну, вот мы и пришли...

Ребята садятся рядом с ним. Они долго молчат. Потом Васек, прижимаясь щекой к плечу Сергея Николаевича, тихо говорит:

— Тетя Оксана сказала: «Если доведется где повидать вам учителя, скажите ему, что отец умер, а сестра жива, помнит его...»

Ребята низко опускают головы.

Учитель сидит не шевелясь и задумчиво смотрит на ребят.

— Отец не любил, чтобы я опускал голову. Давайте послушаемся дедушку Николая Григорьевича,— ласково говорит он и, помолчав, добавляет: — Кто-нибудь из вас потом расскажет мне о гибели наших близких, а сегодня поговорим о текущих делах... Да попробуем соорудить чай... Ну-ка, девочки, похозяйничайте! В кухне есть чайник и примус, а в буфете, наверно, найдется прошлогодний сахар.

— У нас есть! Вот Иван Васильевич тут всего надавал нам,— торопливо разворачивая большой сверток, говорит Мазин.— Сейчас мы все сделаем!

Девочки идут на кухню. Учитель гасит в комнате свет и настежь распахивает окна.

Вечерняя свежесть наполняет комнату, с улицы доносятся голоса идущих людей.

В кухне начинает шуметь примус. Мазин хватает мокрую тряпку и протирает в темноте стекла.

Сергей Николаевич тоже просит мокрую тряпку и, низко наклонившись над столом, перебирает запылившиеся книги.

— Откройте окно в той комнате, сейчас проветрим и зажжем свет,— говорит он.

Васек вместе с Лидой входят в комнату Николая Григорьевича. Лида раздвигает темные шторы и открывает окно.

— Убрать бы отсюда скорее кровать! — шепчет она Ваську.

Сергей Николаевич слышит ее шепот и поспешно входит в комнату.

— Нет, нет, не будем убирать! Может быть, ко мне приедет сестра,— говорит он.

Ребята улавливают в его голосе необычные для учителя нотки растерянности и вопроса.

— Тетя Оксана обязательно приедет.

— Она приедет!

— Она приедет! — перебивая друг друга, быстро говорят они.

Чай накрывают на маленьком столике. Держа в руках чашки, присаживаются на диван.

— Ну, а теперь давайте поговорим об учебе. Рассказывайте мне все. С кем вы занимались, что проходили по курсу пятого класса? — спрашивает учитель.

Ребята начинают рассказывать. Сергей Николаевич достает учебники.

— Это прошли?.. А это? — перелистывая страницы учебника, спрашивает Сергей Николаевич.— Если выдержите по арифметике, то вам останется еще русский язык, а по остальным предметам, может быть, Леонид Тимофеевич разрешит перевести вас условно.

— Мы ничего не боимся, кроме арифметики,— откровенно сознаются ребята.

— Мы боимся остаться на второй год, потому что ведь мы не лентяи какие-нибудь,— говорит Саша Булгаков.

— И еще мы боимся разлучиться,— объясняет Мазин.— Вдруг кто-нибудь из нас останется!

— Да, вдруг кто-нибудь не выдержит, что мы тогда будем делать? — подхватывают ребята.

Сергей Николаевич откладывает учебники.

— Судя по всему, что вы мне сейчас рассказывали, я думаю, что вы должны выдержать. Ну, а если уж случится, что кто-нибудь окажется слабее других, то с этим надо будет мужественно примириться. Тем более что никто не будет считать вас лодырями и лентяями. Бывает, что ученик остается по болезни, по независящим от него обстоятельствам. В данном случае причиной является война. Конечно, это будет для всех нас большая неприятность, но о разлуке тут говорить не приходится. Предположим, вас посадят в разные классы. Так разве настоящая дружба забывается? Друзья часто разлучаются на долгие годы, уезжают в другие города, и от этого их дружеские чувства нисколько не меняются. Если, конечно, это настоящая дружба! Ваша дружба сложилась за годы совместной учебы, в тяжелые дни она выросла и укрепилась. Так как же может быть, чтобы ваши отношения изменились только потому, что вы попадете в разные классы! Я, например, за эти месяцы узнал короткую и случайную, но не менее крепкую фронтовую дружбу. Под вражеским огнем стояли мы с комсомольцем Ва-

сей у орудия. Стояли насмерть, плечом к плечу. Потом расстались... Но ни один из нас не забыл друг друга.

— Но в разных классах у нас будет все разное...— попробовал еще сказать Петя Русаков.

— А как же после окончания школы, когда вы разлетитесь в разные стороны? Неужели, расставаясь, вы скажете мне и своим товарищам: прощайте, теперь у нас будет все разное, и мы забудем нашу школьную дружбу? — сказал Сергей Николаевич, пытливо вглядываясь в лица ребят.

— Нет, нет... никогда мы так не скажем...— смущенно засмеялись они, уверенные, что учитель шутит.

— Ну так вот, друзья мои,— с чувством сказал Сергей Николаевич,— я понимаю, что вам будет очень тяжело, если кто-нибудь останется, но надо глядеть на вещи серьезно, по-взрослому. Во всех случаях жизни надо быть мужественными. Вы выдержали испытание мужества в борьбе с врагом, вы выдержали испытание мужества в труде и в учебе — давайте выдержим его и в этом случае!

Ребята поглядели друг на друга. Глубокая печаль была на их лицах. Но печаль эта была уже тихая, умиротворенная словами учителя.

— Если так случится, мы будем иногда устраивать общие экскурсии, работать вместе в одних кружках... собираться здесь у меня,— добавил Сергей Николаевич и, поглядев на ребят, улыбнулся.— Ну, это еще впереди. А пока поговорим все-таки о завтрашнем дне. Экзаменовать вас буду я.

— Ой, вы сами! — захлопала в ладоши Нюра.

— Сергей Николаевич, правда, правда? — допрашивали со всех сторон взволнованные ребята.

Сообщение учителя подбодрило и обрадовало их. Казалось, что одно присутствие Сергея Николаевича в классе придаст им завтра смелости.

— Мы даже и думать о таком счастье не могли! — говорил Сева Малютин.

Васек крепко сжал руку учителя:

— Мы будем завтра стараться изо всех сил!

— Вот повезло нам! — крикнул Мазин.

— А ведь я все такой же строгий,— улыбнулся Сергей Николаевич.

— Мы знаем,— сказал Одинцов.— Зато вы наш учитель, мы будем крепче держаться при вас.

Ребята вышли из дома учителя поздно.

Когда их голоса на улице затихли, Сергей Николаевич взял дневник и прошел в комнату отца. Опустившись на узкую постель, он долго читал правдивую повесть жизни — о честности, о мужестве, о безмерной любви к Родине.

Глава 78
РЕШИТЕЛЬНЫЙ ЧАС

Васек стоял у доски. За передними партами сидели его товарищи. В их лицах было напряженное внимание, они сидели прямо, не шевелясь и не спуская глаз с Трубачева. У окна за столом разместились учителя. Яркое осеннее солнце врывалось со двора, падало светлыми пятнами на крашеный пол и веселыми зайчиками поблескивало на темных очках Леонида Тимофеевича. Директор, откинувшись на спинку стула, внимательно наблюдал, как Трубачев решает на доске задачу. Елена Александровна сидела сбоку, положив на стол тонкую руку и глядя прямо перед собой. На столе лежала кучка оставшихся билетов.

Сергей Николаевич стоял у окна, наклонив набок голову, и, не отрывая взгляда, следил за каждой появляющейся на доске цифрой.

Васек отвечал первым. Когда все уже заняли свои места и ребята вытянули билеты, Леонид Тимофеевич спросил:

— Ну, кто из вас хочет отвечать первым?

Васек оглянулся на побледневшие лица товарищей и медленно поднялся:

— Позвольте мне...

Как всегда и везде, в самом трудном деле Васек Трубачев остался верен себе.

Сергей Николаевич кивнул головой. Васек протянул свой билет учителю и подошел к доске.

Вся школа знала, что в этот час Трубачев и его товарищи держат экзамен. Около дома по дорожкам прохаживались бывшие одноклассники Васька.

— Его первым вызвали! — спрыгивая с пожарной лестницы, сообщил Леня Белкин.

— Что ему дали? Какую задачу? — волновались ребята.

— Загляни еще раз в окно. Решает или нет?

— Не надо, собьете! Что вы делаете! — сердилась Надя Глушкова.

Но ребята осторожно подкрадывались к окнам.

В коридоре, около закрытой двери класса, безотлучно находились два недавних врага — Алеша Кудрявцев и Витя Матрос.

Прислонившись к стене стриженым затылком, Алеша глядел на потолок, крепко сдвинув темные брови. Витя Матрос беспокойно вертелся на месте, прикладывая ухо к двери, заглядывая в замочную скважину.

— Не надо,— шепотом останавливал его Кудрявцев,— тише!

Витя на минуту затихал. Он от всей души желал Трубачеву удачи и в то же время мечтал о том, что его бывший бригадир останется с ним в одном классе. Пережитые вместе волнения на стройке и мечта о море крепко связали старшего и младшего товарищей. Витя горячо и преданно полюбил Трубачева. Васек чем-то напоминал ему ушедшего на фронт брата... Витя ни за что не хотел расстаться с Трубачевым и не мог допустить мысли, чтобы такой парень провалился на экзамене.

— Как, по-твоему, выдержит? — то и дело спрашивал он Кудрявцева, приближая к нему лицо с черными, жарко блестевшими глазами.

Кудрявцев молча пожимал плечами. В классе стояла тишина.

Витя снова заглянул в замочную скважину.

— Стойт! — испуганно сказал он.

— Как — стойт? Не решает? — встрепенулся Кудрявцев.

Васек действительно стоял у доски в страшном затруднении. Он записывал на доске пример, но от волнения не мог вспомнить правила. Память вдруг изменила ему, все смешалось в его голове. Рука с мелом задерживалась на каждой цифре, он мучительно оттягивал время.

— Скажи правило,— напомнил Леонид Тимофеевич.

Васек посмотрел на доску, опустил мел.

Правило... Щеки его побелели, губы тихо шевельнулись. Правило...

В классе наступила гнетущая тишина. В расширенных глазах Лиды Зориной мелькнул испуг. Петя Русаков, забывшись, привстал за партой. Все лица вытянулись и застыли в томительном ожидании. Васек не глядел на товарищей, но ему казалось, что он слышит в тишине, как громко и тревожно бьются их сердца.

— Трубачев, дай объяснение на примере,— заметив его затруднение, сказал Сергей Николаевич.

Но Васек не слышал его слов. В глубоком душевном смятении он взглянул на Елену Александровну. Взволнованное, с потемневшими синими глазами, ее лицо напомнило ему вдруг, как в один из последних уроков, держа перед ним открытый учебник, она быстро листала его и горячо внушала: «Трубачев, запомни! Запомни глазами, запомни на слух!» Васек как бы увидел в ее руках учебник, мысленно пробежал его глазами, оглянулся на доску и дрогнул от радости. Он вспомнил.

— Ну, говори! — облегченно и весело улыбнулся Сергей Николаевич.

— Сейчас! — громко сказал Васек и четко, без запинки, словно читая по учебнику, ответил: — Чтобы разделить дробь на дробь, надо умножить числитель первой дроби на знаменатель второй, а знаменатель первой — на числитель второй дроби, и первое произведение будет числителем, а второе знаменателем.

По классу пронесся радостный шум, лица ребят расцвели улыбками. Леонид Тимофеевич быстро протер носовым платком запотевшие очки.

— Уф...— громко, на весь класс вздохнул Мазин.

Сергей Николаевич погрозил ему пальцем. А Васек, словно освободившись от тяжелого груза, легко и непринужденно решал на доске пример.

Когда потом, бледный и возбужденный, он вышел из класса, две пары нетерпеливых рук перехватили его на пороге.

— Я, кажется, выдержал! — бегло сказал Васек и оглянулся на закрывшуюся за ним дверь: там, в классе, остались его товарищи.

— Выдержал? Выдержал? — радостно переспрашивал его Кудрявцев.

— Выдержал? — упавшим голосом повторил Витя Матрос и, круто повернувшись, побежал по коридору.

— Что тебя спрашивали? Какие задачи? Почему молчал? — волновался Алеша.

Васек качал головой и крепко сжимал его руку.

— Сейчас отвечает Мазин...— шептал он вместо ответа.

Кудрявцев замолк. Прислонившись к стене, оба мальчика стояли перед закрытой дверью класса.

Чуткое ухо Трубачева улавливало все звуки. Один раз ему послышался смех, и он тоже улыбнулся растерянной, непонимающей улыбкой. Другой раз до него долетел слишком громкий от волнения голос Лиды Зориной...

Ваську казалось, что там, за дверью, решается его собственная судьба. Минуты шли медленно. Наконец из класса, через долгие промежутки времени, один за другим стали выходить его товарищи. Каждый, шепнув ему несколько радостных и возбужденных слов, становился рядом, так же молча и напряженно вслушиваясь в неясные голоса, долетавшие из-за двери. Последним оставался Саша Булгаков.

Изнемогая от волнения, товарищи, сбившись в кучку, безмолвно ждали. Алеша глядел на их лица и в первый раз в жизни понимал, что такое настоящая дружба. Душа его ширилась и раскрывалась, ему хотелось быть таким же, как эти его новые товарищи.

Дверь снова отворилась.

— Саша!

Булгакова окружили, стиснули в объятиях.

— Чуть-чуть не сбился... а потом ответил все-таки...— заикаясь от счастья, бормотал Саша.

А в классе Леонид Тимофеевич, радостно потирая руки, поздравлял Елену Александровну:

— Ну, я даже не ожидал, что вы их так приготовите! Просто не ожидал! Я думаю, теперь надо будет проверить их только по русскому. По ботанике они прошли курс с Анатолием Александровичем, а по истории и географии можем перевести условно, если вы ручаетесь.

— Я ручаюсь! Они будут отличниками, вот увидите! — с детской радостью уверяла Елена Александровна.

Сергей Николаевич крепко пожал ей руку:

— Спасибо вам за моих ребят!

— Не мне, не мне — Екатерине Алексеевне спасибо! Она так старалась, столько сил положила!

— Ее мы тоже поблагодарим, отдельно,— сказал директор.— А пока позовите-ка сюда этих ребят, надо им сказать о результатах экзамена.

Елена Александровна широко распахнула дверь. Ребят не пришлось звать. Теснясь и толкаясь, они сами вбежали в класс.

— Поздравляю вас, вы уже почти шестиклассники! — сказал директор.

Буря восторга заглушила его слова. Со двора вдруг распахнулись настежь окна, и в них показались вихрастые головы школьников:

— Ура! Ура! Выдержали! Ура!

Класс живо наполнился ребятами.

Под общий шум Алеша Кудрявцев незаметно протиснулся к Елене Александровне.

— Простите меня, я ничего не понимал... Спасибо вам...— сбивчиво проговорил он, краснея до слез.

Елена Александровна удивленно подняла брови, светло улыбнулась:

— Все теперь будет хорошо, Алеша!

* * *

В буйной радости, перескочив через окно, Мазин бросился к Тишину и Петрусину. Положив им на плечи свои тяжелые ладони, он весело сказал:

— Мы теперь наверняка будем в шестом классе! Я долго заниматься вашим воспитанием не могу, у меня на это терпения нет. Скажу напрямки: хотите дружить — так будьте порядочными людьми! — Он сгреб в широкую ладонь руки растерявшихся мальчиков и крепко тряхнул их.— Вот вам залог моей дружбы. Но помните...— Он сделал страшные глаза и понизил голос: — В порошок сотру в случае чего!

Тишин и Петрусин испуганно покосились на будущего одноклассника.

— Это же не так трудно — быть хорошим человеком! — ласково и ободряюще сказал им Мазин.

Глава 79

ОТЕЦ И СЫН

Тетя Дуня уже несколько раз выходила на крыльцо, нетерпеливо поджидая племянника.

— Бежит! — крикнула она вдруг, завидев в калитке Васька.

По лестнице за ее спиной послышались быстрые тяжелые шаги, и человек с опущенными рыжими усами протиснулся в дверь, бережно отстраняя с порога тетю Дуню.

— Да уймись ты, Паша! Дай я хоть предупрежу его... ступай пока в комнату...— волновалась она.— Ведь разрыв сердца у него может быть от такой радости!

— Не мешай нам, Дунюшка! Трубачевы — народ закаленный! — протягивая навстречу сыну руки, дрогнувшим голосом сказал Трубачев.

Павел Васильевич приехал в обеденное время. Узнав, что Васек держит экзамен, он не пошел в школу, чтобы не взволновать своего Рыжика неожиданным свиданием. Но час шел за часом, а Васек не возвращался. Павел Васильевич не отходил от окон.

— Вот и день кончается, а сына нет как нет! — жалобно говорил он сестре.— Сбегай хоть ты, Дунюшка, в школу!

— Да нельзя, Пашенька, голубчик! Ведь сроду я туда не ходила. Перепугается он, как меня увидит, а ему нынче арифметику отвечать. Судьба его на экзамене решается.

— Какая арифметика сейчас — пять часов времени! И куда он запропастился, вихрастая голова! — горевал Павел Васильевич.

— Батюшки мои, да, может, он еще какую географию сдает! Ты бы прилег пока с дороги, Паша. Ведь давно ли из госпиталя выписался, все раны свои растревожишь! Приляг, голубчик! — уговаривала тетя Дуня.

Павел Васильевич махнул рукой.

— Какой мне сон сейчас нужен? — укоризненно спрашивал он, собирая на лбу лесенку морщин.— Я сына обнять хочу!

Он спускался по ступенькам, открывал дверь, стоял на крыльце... Тетя Дуня торопилась за ним. Она боялась внезапной встречи отца с сыном. «Один слабый, только что из госпиталя, другой непредупрежденный...» — в тревоге думала она. И теперь, увидев с крыльца возвращающегося племянника, она растерянно бросилась вперед, пытаясь загородить собой Павла Васильевича.

— Пусти, пусти, Дунюшка! — сопротивлялся Павел Васильевич.

Васек сразу увидел на крыльце рядом с тетей Дуней какого-то большого сутулого человека с рыжеватой головой. Лица его не было видно, но сердце Васька вдруг забилось крепко и часто, ноги ослабели.

— Васек!..— жалобно вскрикнула тетя Дуня.

Но Васек уже ничего не слышал, он рванулся вперед и повис на шее отца. Жесткие знакомые усы щекотали ему щеки, сильные руки крепко прижимали к себе.

— Трубачевы — народ закаленный...— бормотал потрясенный Павел Васильевич, обнимая сына.

— Папа... мы выдержали... экзамен...— плача, сказал ему Васек.

* * *

В доме Трубачевых запахло пирогами. Тетя Дуня, отпросившись с работы, весь день угощала гостей. Приходили старики — сослуживцы Павла Васильевича, приходили соседи.

На другой день Васек держал экзамен по русскому языку. Павел Васильевич сам проводил сына до школы и долго в волнении прохаживался по улице.

Васек выбежал к нему счастливый и возбужденный.

— Папа, идем! Идем! Мы все выдержали на «отлично»! — Он потянул отца за руку.

Павла Васильевича со всех сторон окружили ребята, наперебой рассказывая ему об экзаменах, тормоша его и обнимая.

Директор и Сергей Николаевич радостно приветствовали отца Трубачева. Елена Александровна с чувством сказала Ваську:

— Я так и представляла себе твоего папу,— он очень хороший человек!

Павел Васильевич был в восторге от новой школы.

— Главное, своими руками восстановили... Ну герои! Иначе не скажешь! — ощупывая толстые стены, окна и двери, умиленно говорил он.

Васек сбегал в депо к Андрейке.

— Что ты не приходишь? — обнимая друга, сказал он.— К нам отец приехал! Приходи обязательно вечерком.

Андрейка был очень занят, но обещал отложить все свои дела.

— Приду. Причина немаловажная.— Он смотрел на Васька удивленно и радостно, как будто приезд Павла Трубачева должен был даже внешне совершенно изменить сына.— Павел Трубачев приехал! Скажи пожалуйста!

— Приходи! Я все отцу про тебя рассказал. Обязательно приходи! — нетерпеливо дергая Андрейку за руку, говорил Васек.

Андрейка смущенно улыбался при одной мысли о встрече с машинистом, Героем Советского Союза, знатным человеком Павлом Трубачевым.

Вечером в доме Трубачевых собрались все товарищи Васька. Павел Васильевич внимательно приглядывался к каждому в отдельности, радовался, что ребята выросли, и шутя говорил:

— Вот я все никак не могу отвязаться от мысли, что вы маленькие ребятишки, а ведь передо мной уже взрослые люди, строители!

Усадив вокруг себя всех ребят и обхватив их плечи своими большими руками, Павел Васильевич рассказывал о боевых делах на фронте, о подвигах железнодорожников и о большой дружбе между фронтовиками.

— Вот уничтожим фашистских гадов, выкорчуем уродов по всей земле — и встанем стеной за прочный мир. Скоро и вы подрастете в помощь отцам и братьям. Много вам дано, и многое от вас потребуется! К коммунизму шагать будем!

Яркие голубые глаза Павла Васильевича светились отцовской лаской. Ребята со всех сторон теснились к нему, прижимались головами друг к другу, чтобы чувствовать теплое кольцо его рук.

Андрейка пришел последним. Павел Васильевич шумно поднялся ему навстречу:

— Здравствуй, Андрейка! Я слыхал, ты сослуживец мой? В депо работаешь?

Андрейка вытянулся и начал длинную фразу:

— Андрей Скорняков. Состою при паровозном депо помощником. В данный момент на нашей дороге все обстоит благополучно...

Но Павел Васильевич не дал ему договорить:

— О делах мы еще потолкуем. А сейчас садись-ка вот тут с нами, сынок! — Он крепко обнял Андрейку за плечи и, усадив рядом с собой, прижал его светлую голову к своей груди.— И рабочему человеку иногда требуется отдых от всех его дел!

Андрейка размяк и вдруг сделался маленьким белоголовым мальчонкой. Глаза его, как веселые серые мышки, бегали по лицам ребят, а щека, тесно прижатая к гимнастерке Павла Васильевича, зарумянилась. Давно забытая отцовская ласка вконец размягчила закаленное в тяжких испытаниях Андрей-

кино сердце. Сам Павел Трубачев — высокий пример для всех железнодорожников — сошел вдруг с фотографии и запросто, душевно беседовал с ним, с Андрейкой.

Ребята, отодвинувшись в сторону, с охотой уступали первое место рабочему человеку.

Андрейка осмелел, начал рассказывать о своих товарищах — ремесленниках, о своем знакомстве с Васьком. Павел Васильевич шутливо ерошил его светлые, старательно приглаженные волосы, щекотал рыжими усами веснушчатый лоб и обращался к нему с теплым словом: «Сынок...»

На круглом столе тетя Дуня вместе с девочками накрыла ужин.

Увидев на блюде пироги, Павел Васильевич вдруг соскочил с места и подмигнул ребятам:

Съела баба пироги — заплясала в три ноги,
Съела баба киселя — стала баба весела.

А ну-ка, работнички, не обижайте хозяйку, придвигайтесь поближе!

Ребята с шумом заняли места за столом, весело принялись за еду.

Кто-то вспомнил голодные скитания в лесах Украины. Ребята стали рассказывать Павлу Васильевичу всякие подробности из их жизни в оккупации; пошутили над Мазиным, который никак не мог насытиться после долгой голодовки вкусным борщом; с грустью вспомнили Миронихиных ребят — маленького, спасенного девочками Павлика, сероглазую Маруську.

— У нас с Нюрой,— сказала Лида,— есть такой заветный ящичек, в который мы подарки для них складываем. Вдруг приедет кто-нибудь — тогда сразу все и отошлем.

Одинцов, волнуясь, рассказал, как они заподозрили дядю Степана в измене.

— На всю жизнь мне это в памяти останется. Вот как нужно в людях разбираться! — по-взрослому, с горечью добавил он.

Вспомнили за столом и Генку и переписанный Севой документ. Павел Васильевич привлек к себе Малютина.

— Орленок! — растроганно сказал он.

Во время ужина Васек вдруг посмотрел на часы и, крикнув: «Папа, я сейчас!», стремглав бросился из комнаты.

Через полчаса он вернулся с Витей Матросом.

— Папа,— крикнул он с порога,— вот он, будущий моряк Черноморского флота!

Ребята радостно приветствовали Витю, освободили ему место за столом.

— Ну, садись с нами, моряк! — весело сказал Павел Васильевич, заглядывая в черные живые глаза мальчика.— Рассказывай, за что море любишь? О чем вы там вместе с Васьком мечтаете? На каком корабле плавать собираетесь?

— Ваську не впервой! Он еще в четвертом классе учил меня плавать по Северной Двине,— сострил Мазин.

Витя все еще хмурился, но, сидя рядом с Трубачевым, снова чувствовал себя счастливым.

— Ты правда пойдешь со мной в море? Не откажешься? — улучив минуту, еще раз спросил он своего друга.

— Правда,— твердо сказал Васек.— Вот только школу кончим.

Ребята сидели в гостях долго. В конце вечера Павел Васильевич поздравил ребят с наступающим учебным годом и тут же, указывая на свой круглый обеденный стол, пошутил:

— Когда я приеду в следующий раз, за этим круглым столом будут сидеть круглые отличники!

Глава 80

ШКОЛЬНЫЙ ЗВОНОК

Звенит, звенит школьный звонок!

Перекликаясь с заводскими гудками, сквозь многоголосый шум строек, сквозь гул машин он веселой песенкой врывается в распахнутые окна каждого дома, призывая ребят в родные школы. Заслышав его звонкую, переливчатую трель, из всех дворов выбегают школьники. Как живые ручейки, растекаются они по улицам и, постепенно соединяясь вместе, шумным потоком вливаются в раскрытые двери школы.

Кто не улыбнется им вслед, кто не пожелает им счастья на светлой дорожке от детства к юности! Кто не полюбуется на первые тугие косички, любовно заплетенные старой бабушкой, на аккуратно подстриженного мальчонку в свежей рубашке, заправленной в длинные наутюженные брючки!

Звенит, звенит школьный звонок!

Он говорит о счастливой жизни на советской Родине, о мирном труде и теплой, отеческой заботе о детях. Этот маленький школьный звонок настойчиво зовет учиться и учиться, чтобы построить на земле мирную, прекрасную жизнь, он требует от всех честных и справедливых людей: «Боритесь за мир во всем мире ради светлого будущего наших ребят!»

Звенит, звенит школьный звонок — заливчатый соловей осени! Он возвещает всем, что настало первое сентября — торжественный день для школьников.

И нет такого уголка на нашей Родине, где бы не откликнулись на его голос всем сердцем дети и взрослые:

«Миру — мир! Детям — знания!»

* * *

Яркое осеннее утро. Васек, закинув голову и прижимая к себе книжки, бежит по улице. Весело перекликаясь с товарищами и обгоняя их, он первый подбегает к широко раскрытым воротам школы. На туго натянутом кумачовом полотнище — простые гостеприимные слова: «Добро пожаловать!» А на крыльце стоит Грозный, и знакомой трелью рассыпается в воздухе голосистый школьный звонок...

Глава 81

НОВОГОДНИЙ ПРАЗДНИК

Прошли годы. Снова, как много лет назад, сверкает огнями новогодняя елка. Широко раскрыты школьные ворота, и по заснеженной аллее бегут на праздник школьники.

В пионерской комнате, разложив на полу лист бумаги,

мальчик в синей куртке с красным шелковым галстуком, лежа на животе, выводит тушью громадные цифры: «1952 год».

Прошли годы. Васек Трубачев и его товарищи переходили из класса в класс, учились, дружили, приобретали новые знания и новых друзей.

В одну из зеленых весен, в торжественный, солнечный день, Васька Трубачева и его товарищей приняли в комсомол. Никогда не забудет Васек этот светлый день в своей жизни!

Совет дружины собрался в пионерской комнате.

— Васек Трубачев просит нас дать ему рекомендацию для вступления в комсомол. Кто хочет сказать о нем свое слово? — спросил председатель совета дружины.

Долгие радостные аплодисменты были ответом на этот вопрос.

...Наступил долгожданный День Победы.

Дружная семья советских народов торжественно отпраздновала этот счастливый день. Высоко взлетали и таяли в небе разноцветные звезды салюта. Матери встречали своих сыновей.

Измученная, истосковавшаяся земля ждала заботливых, хозяйских рук.

Загудели в полях машины, очищая землю от железного лома обгоревших фашистских орудий, от ржавых касок, от заложенных вражьей рукой мин. По полям прошли тракторы, засевая необозримые пространства сбереженным отборным зерном. Срывая построенные наспех в селах землянки, советские люди ставили новые, светлые дома. Выезжали в экспедиции ученые, с песнями шли оживлять пустыни смелые комсомольцы, осушались болота, из зеленых саженцев поднимались молодые леса, защищая землю от суховеев. На строительстве великих водных путей Волги и Дона зашагали экскаваторы, заработали подъемные краны.

Засверкала огнями гордая красавица Москва. Выросли на ее улицах новые многоэтажные дома: закинешь голову — и конца не видать этажам. Зацвели вдоль тротуаров душистые липы, разноцветными струями забили фонтаны...

Зажил мирной жизнью и маленький подмосковный городок.

На бывшем зеленом пустыре густо разросся молодой сад; урожайной осенью тяжело клонятся к земле ветки с яблоками, заказанными когда-то Васей.

По-прежнему сзывает ребят в классы школьный звонок. Незаметно подрастают школьники, и в четвертом классе «Б» зорко следит за порядком и дисциплиной староста класса Витюшка Булгаков. По-прежнему с горячей преданностью и любовью смотрят на своего учителя — Сергея Николаевича — его ученики.

К общей радости ребят, Сергей Николаевич нашел себе надежную подругу в лице их любимой учительницы Елены Александровны. Маленький домик учителя ожил, повеселел. Каждый день после школьных занятий они возвращаются вместе домой, вместе поднимаются на знакомое крыльцо. На пороге приветливо встречает их сестра Сергея Николаевича — Оксана. Она приехала к брату сразу после войны и осталась у него навсегда.

Дом учителя широко открыт для ребят. Сюда прибегают они за советом и помощью, за понадобившейся книгой, а иногда просто затем, чтобы передать любимым учителям скромный букетик полевых цветов.

Прошли годы. По-прежнему, как заботливая мать, школа бережно растит своих детей.

Давно уже оперились и вылетели из родного гнезда прежние птенцы. Улетели туда, куда тянулось сердце и призывал комсомольский долг.

По морям суровой Балтики плавают на кораблях Васек Трубачев и его неизменные товарищи: черноглазый Витя Бобров и полный юного задора Алеша Кудрявцев.

Ушли с научной экспедицией в Каракумы будущие геологоразведчики Мазин и Русаков.

Ушел вместе с ними и Тишин, покоренный суровой дружбой Мазина.

Учатся в медицинском институте Лида Зорина и Надя Глушкова, и вспоминаются им слова, которые часто говорил в госпитале выздоравливающий Егор Иванович: «Хороший врач, дочки,— великое дело!»

Теплым, любящим сердцем потянулась к осиротевшим после войны детям Нюра Синицына. Она работает воспитательницей в детском доме, где когда-то жила Валя Степанова.

Приезжает домой на каникулы из далекого села любимый учитель колхозных ребят Саша Булгаков. Его теперь уже не тревожит вопрос, будут или не будут любить его маленькие ученики,— Сашу любят все.

В одном из больших городов нашей Родины на выставке появилась картина молодого художника Севы Малютина. На эту выставку приезжала экскурсия школьников вместе с Сергеем Николаевичем. Долго смотрели они на полотно художника: в одном из американских дворов, сплющенном огромными домами, маленький негритенок прижимал к груди белого как снег голубя.

— Сердце Севы Малютина было всегда открыто большим и благородным чувствам,— сказал Сергей Николаевич ребятам.

На строительстве одной из волжских гидростанций работает секретарем комсомольской организации Коля Одинцов. В свободный час в общежитии молодых строителей горячо обсуждаются передовые методы труда лучших людей стройки, и среди них нередко упоминается имя бывшего ученика школы № 2 Коли Одинцова.

Разлетелись, разъехались в разные стороны бывшие питомцы этой школы — Васек Трубачев и его товарищи. Но еще нежнее и крепче стала их дружба, в каждом письме сообщают они друг другу все свои новости, делятся радостью, успехами, мечтами — всем, чем полна молодая комсомольская жизнь.

Школа тоже не забывает своих бывших воспитанников.

Сегодня, в новогодний праздник, после долгой разлуки она ждет дорогих гостей. Над крыльцом школы, под электриче-

скими лампочками, светятся теплые слова: «С Новым годом, друзья!»

И неизменно на своем посту, засыпанный снегом, как Дед Мороз, радушно встречает приглашенных школьный сторож Грозный. Из двери то и дело выскакивает на крыльцо старший пионервожатый Леня Белкин. Глядя веселыми, нетерпеливыми глазами на аллею и стряхивая с белокурых волос падающие снежинки, он — в который уже раз! — спрашивает:

— Никто еще не приехал?

Леня Белкин ждет своего бывшего одноклассника и друга Васька Трубачева.

— Пора бы им уже! — также с нетерпеливым ожиданием отвечает Грозный.

Двери все время хлопают. Бегут дети. Весело переговариваясь между собой, спешат за ними родители. Колючие морозные иголочки пощипывают щеки. В белом, снежном цвету стоят деревья, освещенные отблеском электрических ламп; световые дорожки разбегаются от крыльца. Дети весело топают ногами, стряхивают с шапок снег. Родители приветливо здороваются с Грозным и входят в нарядный вестибюль.

На стенах развешаны яркие плакаты: «Миру — мир!», «Да здравствуют счастливые советские матери!», «Под знаменем Ленина — вперед, к победе коммунизма!»

Радостным шумом голосов наполняется раздевалка.

В пионерскую комнату заглядывает белобрысый мальчик:

— Булгаков! Витюшка! Уже зал открыли. Скоро ты? Давай я тебе помогу!

Товарищи, стукаясь головами, поспешно обводят красной тушью печатные цифры и, держа за концы белый лист, бегут в зал. В зале на расставленных рядами стульях сидят родители. Мария Ивановна Синицына заботливо усаживает каждого. С легкой руки Леонида Тимофеевича, мать Нюры Синицыной давно уже стала в школе лучшей общественницей в родительском активе.

— Сюда, сюда пожалуйте, Павел Васильевич! — приглашает она пожилого рыжеватого человека с Золотой Звездой

Героя на гимнастерке.— И вы, Евдокия Васильевна, вот здесь, рядышком, садитесь!

Тетя Дуня приветливо улыбается.

— И Андрею Ивановичу тут местечко найдется.

Светловолосый веснушчатый юноша в железнодорожной форме — правая рука Павла Васильевича — садится рядом с Трубачевым.

— Паша, Паша, гляди, кланяются нам! — шепчет Евдокия Васильевна брату.

Павел Васильевич приподнимается.

Из всех рядов смотрят на него знакомые улыбающиеся лица. Вот Екатерина Алексеевна — ясноглазая, приветливая женщина с толстым малышом на руках, младшим братом Пети Русакова. Вот родители Лиды Зориной — высокий военный человек и все еще молодая, черноглазая, улыбающаяся женщина. Рядом с ними — спокойная, уютная, с добрыми ямочками на щеках мать Саши Булгакова. Поодаль, привстав со своих кресел, кланяются Трубачевым родители Коли Одинцова. Много радости когда-то доставило ребятам их возвращение из полярной экспедиции. Школьники всех классов приглашали к себе полярника с мужественным, закрасневшим от морозных ветров лицом, в меховых унтах. А вот и мать Севы Малютина; она стоит рядом с любимой учительницей ребят — Еленой Александровной. Обе синеглазые, живые, они, как сестры, крепко держат друг друга за руки и горячо беседуют о чем-то близком и дорогом обеим. Взволнованные лица собравшихся светятся глубокой радостью; они вместе со школой ждут дорогих гостей.

В зале матовыми огоньками горит люстра, алеют протянутые под потолком красные шелковые флажки, по обеим сторонам сцены спускаются донизу темно-зеленые гирлянды.

В проходе появляется скромная женщина с гладко зачесанными назад волосами и серым платочком на плечах.

— Здравствуйте, Оксана Николаевна!

— Здравствуйте!

— Здравствуйте! — приветливо здороваются с ней дети и взрослые.

Давно живет у брата Оксана Николаевна, но и посейчас с далекой Украины летят к ней письма от друзей.

Пишут ей, что зацвели на Украине молодые сады, что снова вьется дымок над бывшей пасекой, только вместо белой хатки Матвеича в саду, где в темных ветвях деревьев, как горячие искры, краснеют вишни, стоит теперь просторный каменный дом сельскохозяйственной станции. За садом раскинулся большой опытный участок.

Каждое утро молодой селекционер Гена Наливайко обходит поле, низко склоняется над одуванчиками кок-сагыза.

Лежит перед ним залитая солнцем послушная земля.

У реки пасется его боевой конь — верный Гнедко. Ласковым ржанием призывает он хозяина. Подойдет к нему Гена, протянет на ладони кусочек сахару, обнимет морду коня, прижмется щекой к мягкой шерсти...

Часто заглядывает на опытное поле Степан Ильич, председатель колхоза «Червоны зирки», а бывает, заедет и Мирон Дмитриевич с тоненькой сероглазой дочкой Марусей — лучшей звеньевой в колхозе.

А то зашумят веселые голоса ребят. Это учитель Коноплянко из далекой Макаровки приведет в гости своих пионеров. Уходя, обязательно спросят ребята, нет ли письма от Оксаны Николаевны, от Васька Трубачева и его товарищей. Вынет Генка дорогие письма, отдаст их Коноплянко.

В тихий вечер за селом Макаровка, на лесной поляне, соберутся пионеры. Свет от пионерского костра падает на белую березку. Полевые цветы густым ковром покрывают дорогой холмик.

В последний год войны приходила в Макаровку пожилая женщина в темном платье. С трудом пробиралась по дорогам — ехала на грузовиках, шла пешком. Долго сидела на лесной поляне. Расспрашивала людей о Вале. Миронихе сказала: «Воспитательница из детского дома тетя Аня».

А люди, глядя ей вслед, говорили: мать.

Без конца могут слушать колхозные ребята про учительницу Марину Ивановну, про школьницу Валю и про московских пионеров.

Не мигая смотрит в лицо учителю Коноплянко голубоглазый Жорка.

— Я помню их. И баба Ивга помнит,— говорит он.— Они еще в нашей хате жили.

— А Нюра и Лида нам новые сумки для школы прислали,— нежно улыбается беленький Павлик.

Долго сидят пионеры. Читают письма дорогих москвичей. Ярче разгорается пионерский костер...

* * *

В школьном зале — нетерпеливое ожидание. Ребята вертятся на стульях, поминутно оглядываясь на входную дверь.

— Приехали, приехали! — шепчут они друг другу, глядя на взволнованные, радостные лица учителей.

К Трубачевым пробирается запоздавшая гостья — Таня. Щеки ее разгорелись от мороза, светлые волосы рассыпаются по плечам.

— Они в учительской, сейчас придут! — быстро шепчет она тете Дуне, усаживаясь рядом.

— А ты где же задержалась-то? — с укором спрашивает Павел Васильевич.

— Доклад сегодня Костя в райкоме делал...

Торопливой походкой входит в зал Леонид Тимофеевич, и по тому, как таинственно прикрывает он за собой обе половинки двери, ребята догадываются, что за дверью кто-то есть, и начинают громко хлопать.

— Что же вы мне-то хлопаете? — смеется директор.— Я не приезжий, я здешний.

Он проходит на сцену, где уже собираются все учителя. Шепнув несколько слов Сергею Николаевичу, он торжественно обращается к залу:

— Товарищи родители и ребята! На наш праздник, в числе приглашенных гостей, приехали бывшие ученики этой школы Васек Трубачев и его товарищи.

В зале шумное движение. Директор поднимает руку:

— ...Многие из вас еще помнят этих учеников. В пионерской комнате до сих пор лежит дневник Коли Одинцова...

— Мы читали!

— Мы все читали!

— Мы знаем! — прерывают директора взволнованные голоса.

Директор разводит руками и, улыбаясь, смотрит поверх голов. Входная дверь широко открывается, и в проходе между рядами появляются долгожданные гости. Школьники видят молодые улыбающиеся лица, блестящие глаза. Вот они, неразлучные товарищи, верные своей школьной дружбе!

— Трубачев! Саша Булгаков! Мазин! — вырываются из зала тихие восклицания.

Голоса растут и сливаются в один радостный гул.

Васек Трубачев в форме лейтенанта Военно-Морского Флота стоит посреди захлестнувшей его толпы и, по давнишней детской привычке, смущенно теребит свой непокорный рыжий чуб.

Вот она, его родная школа!

В этих дорогих стенах прошли целые годы жизни, здесь каждая мелочь напоминает о пережитых волнениях, о тревожных и радостных событиях.

Его друзья — высокий, статный Алеша Кудрявцев и черноглазый Витя Бобров — тихонько подталкивают его сбоку:

— Скажи что-нибудь ребятам, Трубачев! Они ждут!

Но Васек не может собрать своих мыслей. Он стоит потрясенный и счастливый.

А крепкий, коренастый Мазин уже громко шутит со школьниками и, любовно раздвигая своими ручищами толпу, пробирается к учителям.

Маленькая школьная сцена заполняется народом.

Васек молча, без слов, обнимает Сергея Николаевича, долго и благодарно смотрит в знакомое дорогое лицо Елены Александровны.

— Я все помню... я ничего не забыл... На всю жизнь вы мне родные,— горячо повторяет он.

Сбившись в кучку, после долгой разлуки товарищи обни-

мают друг друга. Им жадно хочется поговорить обо всех новостях.

Выросший, вытянувшийся Саша, такой же искренний, со своим открытым круглым лицом, вызывает горячую нежность товарищей.

— Эх ты, Сашка! — потихоньку хлопает его по плечу стройный светлоглазый Коля Одинцов.

Сергей Николаевич пожимает протянутые к нему руки и одним широким движением обнимает всех сразу, называя их ласково, по именам.

Вот они все здесь! Необычно серьезный, повзрослевший Петя Русаков, все тот же веселый шутник и балагур Мазин, общий любимец Саша, возмужавший, с тонким лицом и ясными синими глазами Сева Малютин.

Между ними мелькает белокурая голова соскучившегося по своим прежним одноклассникам Лени Белкина.

А в уголке, прижавшись к Оксане Николаевне, растроганные до слез, стоят две девушки, две подруги — Нюра и Лида.

— Нюра! — тихо окликает свою прежнюю подружку Одинцов.

Нюра вскидывает голову и, оторвавшись от Оксаны Николаевны, медленно идет ему навстречу. Они стоят рядом и долго смотрят друг на друга сияющими, счастливыми глазами.

Что вспоминается им в эту минуту? Встреча ли в Макаровке у крыльца Миронихиной хаты, разломанный ли пополам сухарь и слова утешения, осушившие Нюрины слезы?..

— Здравствуй, Нюра! — тихо повторяет Коля Одинцов.

Слова его заглушаются приветственными криками из зала.

— Трубачев! Трубачев! Булгаков! Одинцов!..— шумно выкликают ребята, налегая на сцену.

Леонид Тимофеевич подводит Трубачева к рампе.

— Ребята,— говорит Васек.— Школа — наш родной дом. Мы слетелись сюда, чтобы крепко обнять друг друга и сказать своим учителям горячее спасибо. Спасибо за то, что они положили на нас столько труда, чтобы из упрямых, несмышленых мальчишек сделать нужных, полезных людей. Мы ведь помним, как трудно им приходилось. Много здесь всего с нами

случалось... А теперь вот на тех же партах сидите вы, наши младшие братья. И верьте мне, Ваську Трубачеву: когда через много лет вы приедете, как и мы, в эту школу повидать своих учителей и товарищей, у вас так же будет сжиматься от волнения горло, потому что нет таких слов, которыми я мог бы выразить все, что я сейчас чувствую... Любите школу, ребята!

* * *

Далеко за полночь светились огоньки в верхнем этаже школы. Там, собравшись в уютной учительской, тихо, по-семейному беседовали учителя со своими бывшими питомцами. Давно разошлись ребята и родители. Школьный сторож неторопливо гасил внизу огни, а у ворот бывшего пустыря, неожиданно столкнувшись, торопились в школу еще два гостя. Оба они были в военных шинелях, с боевыми отличиями на груди. Приглядываясь сквозь снежную метель к полуосвещенному дому в глубине двора, старший лейтенант Кондаков, вежливо козырнув, сказал:

— Я, товарищ майор, разыскиваю школу номер два. Вы, кажется, тоже сюда?

Так впервые познакомились на пороге школы бывший подносчик снарядов Вася Кондаков и бывший пионервожатый, партизан Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза Митя Бурцев.

Когда в учительской грустно и тепло вспоминали отсутствующих, они вдруг широко распахнули двери и вместе стали на пороге.

И тогда, совсем как в далекие годы детства, бросились на шею майору Бурцеву одуревшие от счастья все те же мальчишки — моряк Балтийского Флота Трубачев, геологоразведчики Мазин и Русаков, строитель Одинцов, художник Малютин, учитель Саша Булгаков и две подружки — воспитательница детского дома Нюра Синицына и будущий врач Лида Зорина:

— Митя!.. Митенька!..

А в дальнем конце комнаты бывший подносчик снарядов с 4-й батареи горячо обнимал своего комбата...

Пожелаем им всем, юным и честным, широкой, счастливой дороги в наше светлое будущее!

К ЧИТАТЕЛЮ!

Ты прочел последнюю страницу, читатель. Ты вместе с Трубачевым и его товарищами пережил все, что выпало на их долю. Ты, так же как они, любишь свою Родину; в минуту опасности ты готов встать грудью, чтобы оберечь ее от врагов, чтобы защитить свою родную школу, свое счастливое детство. Ты видишь вокруг себя мирный труд твоих родителей, братьев, сестер, всей Советской страны. Ты живешь, согретый отеческой заботой взрослых.

Так же как у Трубачева и его товарищей, в твоей школьной жизни есть много больших и маленьких дел, так же воспитываешь ты свою волю, чтобы стать в ряды лучших ребят.

Подчас нетерпеливый, ты горячишься и срываешься, потом крепко, по-пионерски берешь себя в руки и твердыми шагами выходишь на светлую дорогу.

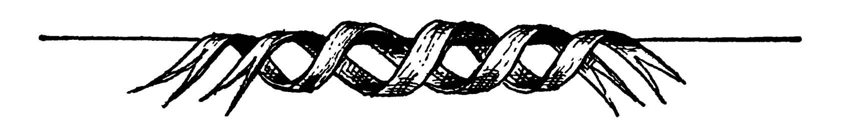
И если придется тебе в жизни трудно, если навалится на твои плечи непосильная тяжесть,— вспомни Васька Трубачева и его товарищей! Вспомни о них, распрями свои плечи, выше подними голову и окликни:

— Эге-гей, Трубачев! Где ты, друг? Где вы, мои верные товарищи?

И тогда поднимутся рядом с тобой знакомые вихрастые головы, отовсюду потянутся к тебе руки помощи, и ты увидишь вокруг сотни и тысячи таких же Трубачевых, на твой зов откликнутся дружеские голоса товарищей:

— Э-гей, друг! Мы здесь! Держись крепче!

Рассказы

ОТЦОВСКАЯ КУРТКА

РЫЖИЙ КОТ

Под окном раздался короткий свист. Прыгая через три ступеньки, Сережа выскочил в темный сад.

— Левка, ты?

В кустах сирени что-то копошилось.

— Иди сюда! Живо! — позвал голос.

Сережа подбежал к товарищу.

— Чего? — спросил он шепотом.

Левка обеими руками прижимал к земле что-то большое, завернутое в пальто.

— Здоровый, как черт! Не удержу никак!

Из-под пальто высунулся пушистый рыжий хвост.

— Поймал? — ахнул Сережа.

— Прямо за хвост! Он как заорет! Я думал — все выбегут

— Голову, голову заверни ему получше!

Мальчики присели на корточки.

— А куда мы его денем? — забеспокоился Сережа.

— Чего — куда? Отдадим кому-нибудь, и баста! Он красивый, его каждый возьмет.

Кот жалобно замяукал.

— Бежим! А то увидят нас с ним...

Левка прижал к груди сверток и, пригибаясь к земле, помчался к калитке.

Сережа бросился за ним.

На освещенной улице оба остановились.

— Давай привяжем тут где-нибудь, и все,— сказал Сережа.

— Нет. Тут близко. Она живо найдет. Постой!

Левка раскрыл пальто и освободил желтую усатую мордочку. Кот зафыркал и замотал головой.

— Тетенька! Возьмите кошечку! Мышей ловить будет...

Женщина с корзинкой окинула мальчиков беглым взглядом:

— Куда его! Своя кошка надоела до смерти!

— Ну и ладно! — грубо сказал Левка.— Вон старушка идет по той стороне, пойдем к ней!

— Бабушка, бабушка! — закричал Сережа.— Подождите!

Старушка остановилась.

— Возьмите у нас котика! Хорошенький, рыженький! Мышей ловит!

— Да где он у вас? Этот, что ли?

— Ну да! Нам девать некуда... Папа с мамой держать не хотят... Возьмите себе, бабушка!

— Да куда ж я его возьму, голубчики мои! Он небось и

жить не станет у меня... Кошка к дому своему привыкает...

— Ничего, станет,— уверяли мальчики,— он любит стар採еньких...

— Ишь ты, любит...

Старушка погладила мягкую шерстку. Кот выгнул спину, вцепился когтями в пальто и забился в руках.

— Ах ты батюшки! Замучился он у вас! Ну давайте, что ли, авось приживется.

Старушка распахнула шаль:

— Иди сюда, миленький, не бойся...

Кот яростно отбивался.

— Уж не знаю, донесу ли?

— Донесете! — весело крикнули мальчики.— До свиданья, бабушка.

* * *

Мальчики присели на крыльце, настороженно прислушиваясь к каждому шороху. Из окон первого этажа на дорожку, усыпанную песком, и на кусты сирени падал желтый свет.

— Дома ищет. По всем углам, верно, шарит,— толкнул товарища Левка.

Скрипнула дверь.

— Кис, кис, кис! — донеслось откуда-то из коридора.

Сережа фыркнул и зажал ладонью рот. Левка уткнулся ему в плечо.

— Мурлышка! Мурлышка!

Нижняя жиличка в стареньком платке с длинной бахромой, прихрамывая на одну ногу, показалась на дорожке.

— Мурлышка, противный этакий! Мурлышка!

Она обвела глазами сад, раздвинула кусты.

— Кис, кис!

Хлопнула калитка. Под ногами заскрипел песок.

— Добрый вечер, Марья Павловна! Любимца ищете?

— Твой отец,— шепнул Левка и быстро шмыгнул в кусты.

«Папа!» — хотел крикнуть Сережа, но до него долетел взволнованный голос Марьи Павловны:

— Нет и нет. Как в воду канул! Он всегда вовремя при-

ходил. Поцарапает лапочкой окно и ждет, пока я открою ему. Может, он в сарай забился, там дырка есть...

— Давайте посмотрим,— предложил Сережин папа.— Сейчас мы вашего беглеца обнаружим!

Сережа пожал плечами.

— Чудак папа. Очень нужно чужого кота ночью разыскивать!

Во дворе, около сараев, забегал круглый глазок электрического фонарика.

— Мурлышка, иди домой, кисонька!

— Ищи ветра в поле! — хихикнул из кустов Левка.— Вот потеха! Твоего отца искать заставила!

— Ну и пусть поищет! — рассердился вдруг Сережа.— Пойду спать.

— И я пойду,— сказал Левка.

* * *

Когда Сережа и Левка еще ходили в детский сад, в нижнюю квартиру приехали жильцы — мать и сын. Под окном повесили гамак. Каждое утро мать, низенькая, прихрамывающая старушка, выносила подушку и одеяло, стелила одеяло в гамаке, и тогда из дому, сгорбившись, выходил сын. На бледном молодом лице лежали ранние морщинки, из широких рукавов висели длинные, худые руки, а на плече сидел рыжий котенок. У котенка были три черточки на лбу, они придавали его кошачьей физиономии смешное озабоченное выражение. А когда он играл, правое ушко у него выворачивалось наизнанку. Больной тихо, отрывисто смеялся. Котенок забирался к нему на подушку и, свернувшись клубком, засыпал. Больной опускал тонкие, прозрачные веки. Мать неслышно двигалась, приготовляя ему лекарство. Соседи говорили:

— Как жаль! Такой молодой!

Осенью гамак опустел. Желтые листья кружились над ним, застревали в сетке, шуршали на дорожках. Марья Павловна, сгорбившись и тяжело волоча больную ногу, шла за гробом сына... В пустой комнате кричал рыжий котенок...

* * *

С тех пор Сережа и Левка подросли. Часто, забросив домой сумку с книгами, Левка появлялся на заборе. Кусты сирени закрывали его от окна Марьи Павловны. Засунув два пальца в рот, коротким свистом он вызывал Сережу. Старушка не мешала мальчикам играть в этом уголке сада. Они барахтались в траве, как два медвежонка. Она смотрела на них из окошка и перед дождем прятала брошенные на песке игрушки.

Как-то летом Левка, примостившись на заборе, помахал рукой Сереже.

— Смотри-ка... рогатка у меня. Сам сделал! Бьет без промаха!

Рогатку испробовали. Мелкие камешки запрыгали по железной крыше, прошумели в кустах, ударились о карниз. Рыжий кот сорвался с дерева и с шипеньем прыгнул в окошко. Шерсть стояла дыбом на его выгнутой спине. Мальчики захохотали. Марья Павловна выглянула из окна.

— Это нехорошая игра — вы можете попасть в Мурлышку.

— Так что же, из-за вашего кота нам и поиграть нельзя? — дерзко спросил Левка.

Марья Павловна пристально посмотрела на него, взяла Мурлышку на руки, покачала головой и закрыла окно.

— Ишь, недотрога какая! Ловко я ее отбрил,— сказал Левка.

— Она небось обиделась,— отозвался Сережа.

— Ну и наплевать! Мне в водосточную трубу попасть хочется.

Левка прищурился. Камешек исчез в густой листве.

— Мимо! На, ты попробуй,— сказал он Сереже.— Прищурь один глаз.

Сережа выбрал камешек покрупнее и натянул резинку. Из окна Марьи Павловны со звоном посыпались стекла. Мальчики замерли. Сережа испуганно оглянулся по сторонам.

— Бежим! — шепнул Левка.— А то на нас скажут!

Утром пришел стекольщик и вставил новое стекло. А через несколько дней Марья Павловна подошла к ребятам:

— Кто из вас разбил стекло?

Сережа покраснел.

— Никто! — выскочил вперед Левка.— Само лопнуло!

— Неправда! Разбил Сережа. И ничего не сказал своему папе... А я ждала...

— Нашли дураков! — фыркнул Левка.

— Чего это я сам на себя пойду говорить? — пробурчал Сережа.

— Надо пойти и сказать правду,— серьезно сказала Марья Павловна.— Разве ты трус?

— Я не трус! — вспыхнул Сережа.— Вы не имеете права так меня называть!

— А почему же ты не сказал? — пристально глядя на Сережу, спросила Марья Павловна.

— Отчего, да почему, да по какому случаю...— запел Левка.— Неохота разговаривать! Пошли, Сережка!

Марья Павловна посмотрела им вслед.

— Один трус, а другой грубиян,— сказала она с сожалением.

— Ну и ябедничайте! — крикнули ей ребята.

Настали неприятные дни.

— Старуха обязательно пожалуется,— говорил Левка.

Мальчики поминутно вызывали друг друга и, прижав губы к круглой дырке в заборе, справлялись:

— Ну как? Влетело тебе?

— Нет еще... А тебе?

— И мне нет!

— Вот злющая какая! Она нарочно нас мучает, чтобы мы боялись больше. А если б про нее рассказать, как она нас обругала... Попало б ей на орехи! — шептал Левка.

— И чего она прицепилась за какое-то несчастное стекло? — возмущался Сережа.

— Вот подожди... я ей устрою штуку! Будет она знать...

Левка показал на мирно спящего за окном Мурлышку и зашептал что-то на ухо товарищу.

— Да, хорошо бы,— сказал Сережа.

Но кот дичился чужих людей и ни к кому не шел. Поэтому, когда Левке удалось его поймать, Сережа проникся уважением к товарищу.

«Вот ловкач!» — подумал он про себя.

* * *

Укрывшись с головой одеялом и освободив одно ухо, Сережа прислушивался к разговору родителей. Мать долго не ложилась спать, открывала окно, и, когда со двора доносился голос Марьи Павловны, она разводила руками и спрашивала отца:

— Как ты думаешь, Митя, куда он мог деться?

— Ну что я могу думать! — усмехнулся отец.— Пошел кот погулять, вот и все. А может, украл кто-нибудь? Есть такие подлецы...

Сережа похолодел: вдруг соседи видели их с Левкой?

— Не может быть,— решительно сказала мать,— на этой улице все знают Марью Павловну. Никто так не обидит старую, больную женщину...

— А ты вот что,— зевая, сказал отец,— если утром кот не найдется, отряди Сережу хорошенько поискать по соседним дворам. Ребята скорее найдут.

«Как бы не так...» — подумал Сережа.

* * *

Утром, когда Сережа пил чай, в кухне послышались громкие голоса. Жильцы обсуждали пропажу кота. Сквозь шум примусов слышно было, как соседка Эсфирь Яковлевна бегала из кухни в комнату и кричала своему мужу:

— Миша, почему ты не интересуешься чужим несчастьем? Я спрашиваю, где найти этого кота?

Старичок профессор, заложив за спину коротенькие пухлые руки, взволнованно шагал по кухне.

— Пренеприятное событие... Невозможно оставаться равнодушным...

Сережа отхлебнул холодный чай и отодвинул чашку. «Все орут... и чего орут, сами не знают. Велика важность — кот! Если б еще служебная собака пропала...»

Из соседней комнаты вышла мать:

— Эсфирь Яковлевна! Вы не волнуйтесь, я сейчас отправлю Сережу на поиски.

— Ох, умоляю вас... ведь этот Мурлышка — чтоб он сгорел! — вся ее жизнь.

Сережа схватил тюбетейку и незаметно проскользнул мимо женщин.

«Вот тарарам подняли! Знал бы, не связывался,— с досадой подумал он.— А старуха тоже хороша! Расплакалась на весь двор!»

Его потянуло посмотреть на Марью Павловну.

Засунув руки в карманы и небрежно покачиваясь, он пошел по саду. Из-за забора выглянул Левка. Сережа подошел ближе.

— Слезай,— сказал он хмуро.— Наделал, дурак, шуму на весь двор.

— А что? Ищет она? — спросил Левка.

— Ищет... Всю ночь проплакала...

— Врешь! — усомнился Левка и сейчас же добавил: — А может, и правда?.. Ведь она знаешь как любила его...

— Я говорил, привязать за лапу только, а ты совсем отдал, дурак этакий!

— Эх ты! Испугался! — прищурился Левка.— А я вот ни чуточки!

— Идет,— тревожно шепнул Сережа.

Марья Павловна прыгающей, неровной походкой шла по дорожке. Седые волосы, связанные узлом на затылке, растрепались, и одна прядь рассыпалась по смятому воротничку. Она подошла к мальчикам.

— У меня Мурлышка пропал... Не видели вы его, ребятки? — Голос у нее был тихий, глаза серые, пустые.

— Нет,— глядя в сторону, сказал Сережа.

— Мы не видели,— поспешно добавил Левка.

Марья Павловна вздохнула, провела рукой по лбу и медленно пошла домой. Левка скорчил гримасу.

— Подлизывается... А вредная все-таки,— он покрутил головой,— такими словами ругается! «Грубиян»! Это хуже не знай чего! А теперь подлизывается: «Мальчики, не видали моего котика?» — тоненько протянул он.

Сережа засмеялся.

— И правда, сама виновата... Думает, если мы дети, так мы и постоять за себя не сумеем!

— Фи! — свистнул Левка.— Плакса какая! Подумаешь — рыжий кот пропал!

— Да он, говорят, у нее еще при сыне был. Так она его на память держала.

— На память? — удивился Левка и вдруг, хлопнув себя по коленке, захлебнулся от смеха.— Рыжего кота на память!

Мимо прошел старик профессор. Подойдя к раскрытому окошку Марьи Павловны, он постучал указательным пальцем в стекло и, положив локти на подоконник, заглянул внутрь комнаты.

— Ну как, Марья Павловна? Не нашелся еще?

Мальчики прислушались.

— А этот-то чего лезет? — удивился Левка.

— Жалеет ее,— шепнул Сережа.— Всем жалко почему-то... Обругала бы их, как нас, не стали бы жалеть! Пойдем послушаем: может, она на нас наговаривать ему будет.

Они подошли близко и спрятались за кустами.

Марья Павловна говорила:

— Долго он Колю забыть не мог... И на кладбище со мной ходил... Было что-то теплое, живое... Колино...

Окошко звякнуло. Мальчики испуганно посмотрели друг на друга. Старик профессор заволновался:

— Марья Павловна! Голубушка! Что вы? Что вы? Выручим мы вашего Мурлышку. Вот я тут придумал кое-что.— Он дрожащими пальцами поправил пенсне и полез в боковой карман.— Вот тут объявленьица я написал, хочу попросить ребяток расклеить где-нибудь на столбах. Только успокойтесь, пожалейте себя!

Он оторвался от окна и зашагал к дому.

— Ребята! Ребятки!

— Иди! — вдруг струсил Левка.

— Сам иди! — огрызнулся Сережа.

Старик подошел к ним.

— А ну-ка, молодые люди! К вам поручение имеется. Не откажите старику: сбегайте повесьте объявления где-нибудь на людных местах. А? Живенько! — Он кивнул на окошко.— Жалко старушку, надо помочь ей как-нибудь...

— Мы... пожалуйста,— промямлил Сережа.

Левка протянул руку:

— Давайте! Мы сейчас... быстро. Айда, Сережка!

— Ну-ну, вот и молодцы!

Мальчики выскочили на улицу.

— Прочти-ка, чего тут? — сказал Сережа.

Левка развернул листок.

— Пять рублей! Ого! Сколько денег-то! За какого-то рыжего кота! Спятил он, что ли?

Сережа пожал плечами.

— Все спятили,— хмуро сказал он.— Может, все жильцы дадут. Мой отец дал бы тоже. На кнопки, держи.

— А где повесим? На людных местах надо.

— Пошли к кооперативу. Там всегда народ толчется.

Мальчики побежали.

— А другую бумажку на вокзале повесим — там тоже много людей,— запыхавшись, сказал Сережа.

Но Левка вдруг остановился.

— Тпру, Сережка, стой! Ведь мы же влипнем с этой штукой, как мухи в мед влипнем! Ну и дураки! Вот дураки!

Сережа схватил его за руку.

— Бабушка принесет, да? И скажет про нас, да?

Левка, что-то соображая, яростно грыз ногти.

— Как же теперь быть? — заглядывая ему в лицо, спросил Сережа.

— Порвем,— топнул ногой Левка,— и в землю закопаем!

— Не надо,— сморщился Сережа,— все спрашивать будут... Опять врать придется...

— Ну и что — врать? В одно будем говорить!

— А может, бабушка принесла бы кота, и делу конец? Может, не рассказала бы про нас?

— «Может, может»! — передразнил Левка.— Понадейся на старуху, а она подведет, разболтает по всему двору.

— Верно,— вздохнул Сережа.— Никак нельзя! Папа сказал: «Подлецы украли какие-то...»

— Здорово живешь, еще подлецами сделают! Пошли за угол, порвем и зароем под скамейкой.

Мальчики завернули за угол и сели на скамейку. Сережа взял бумажки и, комкая их в руках, сказал:

— А она-то опять ждать будет... Пожалуй, и спать не ляжет сегодня...

— Ясно, не ляжет... А отчего у ней сын-то умер?

— Не знаю... Болел долго... А еще раньше муж умер. Один кот остался, а теперь и кота нет... Обидно ей все-таки!

— Ну ладно! — решительно сказал Левка.— Не пропадать же нам из-за этого? Давай рви!

— Сам рви! Почему я должен? Хитер тоже!

— Давай по-честному: ты одну и я одну! Давай! Вот!

Левка разорвал объявление на мелкие кусочки.

Сережа сложил бумажку и медленно разорвал ее пополам. Потом схватил щепку и выкопал ямку.

— Клади! Засыпай покрепче!

Оба облегченно вздохнули.

— Не ругала бы нас такими словами...— беззлобно сказал Левка.

— А про стекло она все-таки никому не сказала,— напомнил ему Сережа.

— Ну и ладно! Надоело мне с этим возиться! Я лучше завтра в школу пойду. Там наши ребята в футбол играют. А то все каникулы зря пройдут.

— Не пройдут... Скоро в лагерь поедем. Там хоть месяц без неприятностей поживем...

Левка нахмурился.

— Пошли домой, что ли?

— А что скажем?

— Повесили, вот и все! Одно слово соврать только: «Повесили».

— Ну пойдем!

Старичок все еще стоял у окошка Марьи Павловны.

— Ну как, ребятки? — закричал он.

— Повесили! — неожиданно крикнули оба.

* * *

Прошло несколько дней. О Мурлышке не было ни слуху ни духу. В комнате Марьи Павловны было тихо. В сад она не выходила. То одни, то другие жильцы навещали старушку.

Каждый день Эсфирь Яковлевна посылала мужа:

— Миша, иди немедленно снеси бедной женщине варенья. Делай вид, что ничего не случилось, и не поднимай вопроса о домашних животных.

— Сколько горя на одного человека навалилось! — вздыхала мать Сережи.

— Да,— хмурил брови отец,— все-таки непостижимо, куда это Мурлышка делся? И на объявление никто не явился. Надо думать, собаки загнали куда-нибудь беднягу.

По утрам Сережа поднимался в мрачном настроении, пил чай и бежал к Левке. Левка тоже стал невеселый.

— Не пойду я на твой двор,— говорил он,— давай здесь играть!

Как-то вечером, сидя на заборе, они увидели, как в окошке Марьи Павловны тихонько поднялась штора. Старушка зажгла маленькую лампочку и поставила ее на подоконник. Потом, сгорбившись, подошла к столу, налила в блюдечко молока и поставила его рядом с лампочкой.

— Ждет... Думает, он увидит свет и прибежит...

Левка вздохнул.

— Все равно не придет он. Заперли его где-нибудь. Я бы мог ей овчарку достать: мне обещал один мальчик. Только я себе хотел ее взять. Хорошая собака!..

— А знаешь чего? — вдруг оживился Сережа.— Тут у одной тетеньки много котят родилось, пойдем завтра попросим

одного. Может, как раз рыженький попадется! Отнесем ей, она обрадуется и забудет своего Мурлышку.

— Пойдем сейчас! — соскочил с забора Левка.

— Да сейчас поздно...

— Ничего... Скажем: обязательно, обязательно надо скорее!

— Сережа! — крикнула мать.— Спать пора!

— Придется завтра,— разочарованно сказал Левка.— Только с утра. Я тебя ждать буду.

* * *

Утром мальчики вскочили рано. Чужая тетенька, у которой кошка родила шестерых котят, встретила их приветливо.

— Выбирайте, выбирайте...— говорила она, вытаскивая из корзинки пушистые комочки.

Комната наполнилась писком. Котята едва умели ползать — лапы у них разъезжались, мутные круглые глазки удивленно смотрели на мальчиков.

Левка с восторгом схватил желтенького котенка:

— Рыжий! Почти что рыжий! Сережа, смотри!

— Тетя, можно этого взять? — спросил Сережа.

— Да берите, берите! Хоть всех берите. Куда их девать?

Левка сорвал с головы картуз, посадил в него котенка и выбежал на улицу. Сережа, подпрыгивая, торопился за ним.

У крыльца Марьи Павловны оба остановились.

— Иди первый,— сказал Левка.— Она с вашего двора...

— Вместе лучше...

Они на цыпочках прошли по коридору. Котенок пищал и барахтался в картузе. Левка тихонько постучал.

— Войдите,— отозвалась старушка.

Ребята боком протиснулись в дверь. Марья Павловна сидела перед раскрытым ящиком стола. Она удивленно подняла брови и вдруг заволновалась:

— Что это пищит у вас?

— Это мы, Марья Павловна... Вот рыжего котеночка вам... Чтобы вместо Мурлышки был...

Левка положил картуз на колени старушки. Из картуза выглянула большеглазая мордочка и желтый хвостик...

Марья Павловна нагнула голову, и в картуз быстро-быстро закапали слезы. Мальчики попятились к двери.

— Подождите... Спасибо вам, голубчики, спасибо! — Она вытерла глаза, погладила котенка и покачала головой.— Всем мы с Мурлышкой хлопот наделали. Только напрасно вы беспокоились, ребятки... Отнесите котеночка назад... Я уж так не привыкну к нему.

Левка, держась за спинку кровати, прирос к полу. Сережа морщился, как от зубной боли.

— Ну ничего,— сказала Марья Павловна.— Что же делать? Вот у меня карточка на память...

Она показала на маленький столик около кровати. Из деревянной рамки глянули на мальчиков большие печальные глаза, улыбающееся лицо и рядом удивленная усатая мордочка Мурлышки. Длинные пальцы больного тонули в пушистой шерстке.

— Любил он Мурлышку... Сам кормил. Бывало, развеселится и скажет: «Мурлышка никогда нас не бросит, он все понимает...»

Левка присел на краешек постели, уши у него горели, от них было жарко всей голове, и на лбу выступил пот...

Сережа мельком взглянул на него: обоим вспомнилось, как царапался и отбивался пойманный кот.

— Мы уж пойдем,— тихо сказал Левка.

— Мы пойдем,— вздохнул Сережа, пряча в картуз котенка.

— Идите, идите... Отнесите котеночка, хорошие мои...

Ребята отнесли котенка, молча положили его в корзинку с котятами.

— Назад принесли? — спросила тетенька.

Сережа махнул рукой...

— Вот,— сказал Левка, перепрыгнув через забор и с размаху хлопнувшись на землю,— буду здесь сидеть всю жизнь!

— Ну? — недоверчиво протянул Сережа, присаживаясь перед ним на корточки.— Так не просидишь!

— Хоть бы в лагерь скорее ехать! — с отчаянием сказал

Левка.— А то распускаешься только на каникулах и всякие неприятности получаются. Встанешь утром – все ничего, а потом — бац! — и наделаешь чего-нибудь! Я, Сережа, средство изобрел, чтобы не ругаться, например...

— Как это? Соли на язык посыпать, да?

— Нет. Зачем соли? Просто, как рассердишься очень, сразу отвернись от того человека, зажмурь глаза и считай: раз, два, три, четыре... пока злость не пройдет. Я уже так пробовал, мне помогает!

— А мне ничего не помогает,— махнул рукой Сережа.— Ко мне очень одно слово прицепляется.

— Какое? — заинтересовался Левка.

— Дура — вот какое! — шепнул Сережа.

— Отучайся,— строго сказал Левка и, растянувшись на спине, вздохнул.— Если б этого кота достать, тогда бы все хорошо было...

— Я тебе говорил, за лапу привязать...

— Дурак! Попугай несчастный! — вскипел Левка.— Ты мне только повтори это еще раз, я тебе таких пилюлей навешаю! За лапу, за лапу, за хвост! Искать надо, вот что! Балда дурацкая!

— Считай,— уныло сказал Сережа,— считай, а то опять ругаешься! Эх ты, изобретатель!

* * *

— Вот так мы шли, а так она шла.— Левка показал рукой на другую сторону улицы.

Сережа, прислонясь к забору, грыз зеленую веточку сирени.

— Старухи все похожи,— сказал он,— все морщинистые и сгорбленные.

— Ну нет, есть такие прямые, длинные, как палки, тех легко узнать. Только наша низенькая была...

— В платке, что ли? — спросил Левка.

— Да, да, в платке. Эх, какая старуха! — с горечью сказал Сережа.— Сразу взяла и утащила. Даже ничего не спросила толком: чей кот? Может быть, нужен очень?

— Ну ладно,— нахмурился Левка.— Найдем как-нибудь. Может, она близко живет. Старухи далеко не ходят...

— Километра два, а то и три любая старуха теперь может отмахать. Да еще в какую сторону...

— А хоть во все четыре стороны! Мы всюду пойдем! Сегодня в одну, завтра в другую. И в каждый двор будем заглядывать!

— Так все лето и проходишь! Хорошо, если до лагеря, а то и поплавать не успеешь...

— Эх ты, пловец! Спустил чужого кота чертовой бабушке и искать не хочет! — озлился Левка.— Пойдем лучше. Три километра напрямки!

Сережа выплюнул изо рта ветку и зашагал рядом с товарищем.

— Хоть бы раз в жизни повезло!

* * *

Но мальчикам не везло. Наоборот, дела пошли еще хуже.

— Где ты шатаешься, Сережа? Избегался, почернел... С утра до вечера пропадаешь! — сердилась мать.

— Да чего мне дома делать-то?

— Ну, в школу бы сходил. Там ребята на качелях качаются, в футбол играют...

— Ну да, в футбол! Очень интересно... Подобьют ногу, останусь хромым на всю жизнь, сама тогда бранить будешь. А то еще с качелей упаду.

— Скажите пожалуйста! — разводила руками мать.— Да с каких это пор ты таким тихоней сделался? То все приставал: «Купи футбольный мяч»,— покоя нам с отцом не давал, а теперь... Смотри у меня, я твои штуки разгадаю...

Левке тоже влетело от отца.

— Что ты, говорит, как петух, на заборе торчишь? Займись, говорит, чем-нибудь наконец! — жаловался Левка Сереже.

Многие улицы были исхожены за это время. В одном дворе на крыше показался рыжий кот. Ребята опрометью бросились за ним.

— Держи! Держи! Заходи вперед! — кричал Левка, задрав вверх голову.

Кот вскочил на дерево. Обдирая коленки, Левка полез за ним. Но Сережа, стоя внизу, разочарованно крикнул:

— Слезай! Не тот: грудка белая и лицо не такое.

А из дома выскочила толстая тетка с ведром.

— Опять голуби! — закричала она.— Вот я вас отучу от своего двора! Марш отсюда!

Она взмахнула ведром и окатила Сережу холодной водой. На спине и на трусиках осела картофельная шелуха. Мальчики как ошпаренные выскочили за ворота. Сережа стиснул зубы и схватил камень.

— Считай! — тревожно крикнул Левка.— Считай скорей!

— Раз, два, три, четыре...— начал Сережа, бросил камень и расплакался.— Дура, дура, дура! Как ни считай, все дура!

Левка молча выжимал на нем трусики, отряхивая с них приставшую шелуху.

* * *

Ночью шел дождь. Шлепая босыми ногами по теплым лужам, Левка поджидал Сережу. Из раскрытых окон верхней квартиры доносились громкие голоса взрослых.

«Нас ругают...— испугался Левка.— Обоих или одного Сережу к стенке приперли? Только за что?..» За эти дни как будто ничего плохого они не сделали. «Сделали не сделали, а взрослые, если захотят, всегда найдут, к чему придраться».

Левка спрятался в кусты и прислушался.

— В конце концов, я этого совсем не одобряю — получить себе чахотку из-за несчастного кота! — раздраженно кричала Эсфирь Яковлевна.— Она же маковой росинки в рот не берет..

— Бесполезное животное, в общем...— начал профессор.

Левка презрительно улыбнулся.

«Хорошо им разговаривать, а ей, бедной, даже и кушать не хочется,— с жалостью подумал он о Марье Павловне.— Если б у меня была овчарка, я бы ее любил, воспитывал, и вдруг бы она пропала! Ясно, обедать не стал бы... Квас какой-нибудь выпил, и все!»

— Ты чего стоишь? — толкнул его Сережа.— Пойдем скорей, пока мать занята!

— Пойдем,— обрадовался Левка,— а то скоро в лагерь!

Решено было сходить на рынок.

— Там старух видимо-невидимо! — клялся Левка.— Кто за молоком, кто за чем... Соберутся в кучку около возов — сразу всех видно. Может, и наша там.

— Я уж теперь ее помню — она мне снилась,— говорил Сережа.— Низенькая, сморщенная... Только бы увидеть такую!

День был праздничный. На рынке беспорядочно толкался народ. Сережа и Левка, поддергивая трусики, озабоченно заглядывали под каждый платок. Завидев подходящую старушку, они мчались ей наперерез, сбивая с ног домашних хозяек.

— Бесстыдники! Хулиганы! — кричали им вслед.

В самой гуще людей мальчики заметили школьного преподавателя.

Они спрятались от него за ларек, дождались, пока он скрылся, и снова забегали по рынку. Старух высоких, низеньких, толстых и худых было много.

— Но где же наша? — сердился Левка.— Хоть бы мяса пришла купить себе! Неужели она обед не варит?

Солнце начинало сильно припекать. Волосы прилипли ко лбу.

— Напьемся квасу,— предложил Левка.

Сережа вытащил из кармана двадцать копеек.

— Кружку на двоих! — заказал он.

— Хоть и на троих,— лениво буркнул торговец, вытирая платком красное лицо.

— Пей,— сказал Сережа, отметив пальцем середину кружки.— Пей до сих пор.

Левка, закрыв глаза, медленно потянул холодную жидкость.

— Пенки оставь,— забеспокоился Сережа.

Низенькая старушка в черном платке подошла к ним сбоку и с любопытством оглядела обоих.

— Не то я обозналась, ребятки, не то нет? — громко сказала она.

Сережа оторопело глянул на нее и с размаху толкнул товарища:

— Смотри!

У Левки цокнули зубы и на шею плеснул квас.

— Эх! — рявкнул он, растопырив руки.— Сережка! Она! Она!

— Бабушка, это вы? — задыхаясь, спросил Сережа.

Старушка закивала головой:

— Ну да, ну да...

Левка подпрыгнул и, размахивая кружкой, заорал во все горло:

— Старушечка! Миленькая!

Продавец, перегнувшись через прилавок, дернул его за трусики:

— Кружку верните, гражданин!

Левка, не глядя, сунул ему пустую кружку.

Сережа почесал затылок и облизнул сухие губы.

— Бабушка, бежим к вам домой! Сколько километров? Четыре, пять? — подхватывая старушку под руки, захлебывался Левка.

— Стой, стой! Батюшки мои, очумел ты, что ли? — отбивалась она.

— Пойдем, пойдем, бабунечка! — Левка на ходу чмокнул старушку в сухую щеку.

— Ишь как бабушку свою любят ребята! — расплылась в улыбке молочница.— Поглядеть любо!

— Затормошили совсем,— покачал головой какой-то старик.

— Напрямик! — орал Левка, расталкивая прохожих.— Жарь, бабушка!

— Голубчики, голубчики, весь народ повалили кругом себя!.. Лешие этакие! — сердилась старушка.

У ворот рынка она уперлась ногами в землю и тоненько закричала:

— Да чего вам от меня надобно-то?

— Котика рыжего, бабушка! Помните, мы отдали вам вечером на улице.

— Сестренка плачет по нем, исхудала, как спичка,— затянул Левка.

— Ишь ты... Назад, значит, взять хотите?

— Назад! Сейчас же назад!

— Вот-вот... Ну так бы и сказали, а то разорвали было на части.

— Да жив ли он еще, котик рыжий? — испуганно спросил Сережа.

Старушка вынула сложенный вчетверо платочек, обтерла лицо и, не спеша, засеменила по тротуару.

— Жив или нет? — простонал Левка.

— А с чего ему помирать-то? Толстый такой котище... И то правда, забирайте вы его лучше — бестолковый, страсть! Только и лазит по всей квартире, по всем углам нюхает...

— Пускай нюхает! Бежим, бабушка!

Старушка высвободила руку из Левкиных пальцев.

— Убери клещи-то! Такой и кот твой надоедный, как ты. Утром орет и ночью встанет орет. Совсем не нравится он мне. Уж я его дочке отдала.

— Как дочке? Какой еще там дочке? Раз, два, три, четыре...

— Насовсем? — ахнул Сережа.

— Зачем насовсем?! На подержание.

— Да где она живет хоть?

— Дочка-то? В Москве. Где же ей жить, там у ней детки...

— Адрес давайте! — сказал Левка, сжимая зубы.

— Какой адрес? Одна-то я не езжу туда. Город шумный... Покойник зять, бывало, и на метре прокатит...

Сережа махнул рукой:

— Пропал Мурлышка!

— Ну нет! — закипел Левка.— Я и в Москву поеду, и с покойником на метро прокачусь. Как щепка высохну, а достану этого кота!

— Да чего его доставать-то? — вдруг сказала старушка.— Привезла его вчерась дочка. Вот домик-то мой. Заходите, гостями будете!

Она круто свернула к маленькому крылечку, зазвенела ключами и погрозила пальцем в окно:

— Сиди, сиди, рыжий! Чего выставился? Стекло продавишь, настойчивый какой...

Левка прыгнул в палисадник, уцепился обеими руками за раму и прижался носом к окну:

— Мурлышка! Усатенький...

— Ухо, ухо, смотри! — взвизгивал Сережа.

Через минуту Левка торжественно шагал по улице.

Рыжий кот острыми когтями царапал ему шею. Сережа, весело подпрыгивая, говорил:

— Отделает он тебя здорово! Да ладно, терпи уж!

— Только б не упустить теперь,— пыхтел Левка.

* * *

Марья Павловна сняла с подоконника блюдце, вылила из него посиневшее молоко и, стоя посреди комнаты, прислушалась. Дверь широко распахнулась.

— Вот! — крикнул Левка, разжимая руки.

Рыжий пушистый ком сорвался с его груди и, взметнув хвостом, прыгнул на руки своей хозяйке. Блюдце с радостным звоном скользнуло на пол.

— Роднушка моя!.. Да как же это?..

Сережа шлепнул Левку по спине. Оба выкатились за дверь и с визгом упали в траву.

В буйной мальчишеской радости они тузили друг друга под бока:

— Нашелся-таки!.. Нашелся! Усатый-полосатый!

* * *

На зеленой аллее рассыпалась барабанная дробь. В белых панамках, с рюкзаками за спиной весело шагали пионеры. По боковым дорожкам, растроганные и умиленные, торопились за ними родители. Левка выбился из строя, подпрыгнул и замахал рукой Сереже.

— Смотри, кто стоит!

У зеленой калитки, заслонив от солнца глаза сухонькой

ладонью, Марья Павловна искала кого-то в строю. Большой рыжий кот, вывернув наизнанку ухо, сидел на заборе.

— Марья Павловна! До свиданья!

Левка горячей щекой прижался к забору.

— Мурлышечка, до свиданья!

Сережа погладил кончик пушистого хвоста.

БАБКА

Бабка была тучная, широкая, с мягким, певучим голосом. В старой вязаной кофте, с подоткнутой за пояс юбкой расхаживала она по комнатам, неожиданно появляясь перед глазами как большая тень.

— Всю квартиру собой заполонила!..— ворчал Борькин отец.

А мать робко возражала ему:

— Старый человек... Куда же ей деться?

— Зажилась на свете...— вздыхал отец.— В инвалидном доме ей место — вот где!

Все в доме, не исключая и Борьки, смотрели на бабку как на совершенно лишнего человека.

* * *

Бабка спала на сундуке. Всю ночь она тяжело ворочалась с боку на бок, а утром вставала раньше всех и гремела в кухне посудой. Потом будила зятя и дочь:

— Самовар поспел. Вставайте! Попейте горяченького-то на дорожку...

Подходила к Борьке:

— Вставай, батюшка мой, в школу пора!

— Зачем? — сонным голосом спрашивал Борька.

— В школу зачем? Темный человек глух и нем — вот зачем!

Борька прятал голову под одеяло:

— Иди ты, бабка...

— Я-то пойду, да мне не к спеху, а вот тебе к спеху.

— Мама! — кричал Борька.— Чего она тут гудит над ухом, как шмель?

— Боря, вставай! — стучал в стенку отец.— А вы, мать, отойдите от него, не надоедайте с утра.

Но бабка не уходила. Она натягивала на Борьку чулки, фуфайку. Грузным телом колыхалась перед его кроватью, мягко шлепала туфлями по комнатам, гремела тазом и все что-то приговаривала.

В сенях отец шаркал веником.

— А куда вы, мать, галоши дели? Каждый раз во все углы тыкаешься из-за них!

Бабка торопилась к нему на помощь.

— Да вот они, Петруша, на самом виду. Вчерась уж очень грязны были, я их обмыла и поставила.

Отец хлопал дверью. За ним торопливо выбегал Борька. На лестнице бабка совала ему в сумку яблоко или конфету, а в карман чистый носовой платок.

— Да ну тебя! — отмахивался Борька.— Раньше не могла дать! Опоздаю вот...

Потом уходила на работу мать. Она оставляла бабке продукты и уговаривала ее не тратить лишнего:

— Поэкономней, мама. Петя и так сердится: у него ведь четыре рта на шее.

— Чей род — того и рот,— вздыхала бабка.

— Да я не о вас говорю! — смягчалась дочь.— Вообще расходы большие... Поаккуратнее, мама, с жирами. Боре пожирней, Пете пожирней...

Потом сыпались на бабку другие наставления. Бабка принимала их молча, без возражений.

Когда дочь уходила, она начинала хозяйничать. Чистила, мыла, варила, потом вынимала из сундука спицы и вязала. Спицы двигались в бабкиных пальцах то быстро, то медленно — по ходу ее мыслей. Иногда совсем останавливались, падали на колени, и бабка качала головой:

— Так-то, голубчики мои... Не просто, не просто жить на свете!

Приходил из школы Борька, сбрасывал на руки бабке

пальто и шапку, швырял на стул сумку с книгами и кричал:

— Бабка, поесть!

Бабка прятала вязанье, торопливо накрывала на стол и, скрестив на животе руки, следила, как Борька ест. В эти часы как-то невольно Борька чувствовал бабку своим, близким человеком. Он охотно рассказывал ей об уроках, товарищах.

Бабка слушала его любовно, с большим вниманием, приговаривая:

— Все хорошо, Борюшка: и плохое и хорошее хорошо. От плохого человек крепче делается, от хорошего душа у него зацветает.

Иногда Борька жаловался на родителей:

— Обещал отец портфель. Все пятиклассники с портфелями ходят!

Бабка обещала поговорить с матерью и выговаривала Борьке портфель.

Наевшись, Борька отодвигал от себя тарелку:

— Вкусный кисель сегодня! Ты ела, бабка?

— Ела, ела,— кивала головой бабка.— Не заботься обо мне, Борюшка, я, спасибо, сыта и здрава.

Потом вдруг, глядя на Борьку выцветшими глазами, долго жевала она беззубым ртом какие-то слова. Щеки ее покрывались рябью, и голос понижался до шепота:

— Вырастешь, Борюшка, не бросай мать, заботься о матери. Старое что малое. В старину говаривали: трудней всего три вещи в жизни — богу молиться, долги платить да родителей кормить. Так-то, Борюшка, голубчик!

— Я мать не брошу. Это в старину, может, такие люди были, а я не такой!

— Вот и хорошо, Борюшка! Будешь поить-кормить да подавать с ласкою? А уж бабка твоя на это с того света радоваться будет.

— Ладно. Только мертвой не приходи,— говорил Борька.

После обеда, если Борька оставался дома, бабка подавала ему газету и, присаживаясь рядом, просила:

— Почитай что-нибудь из газеты, Борюшка: кто живет, а кто мается на белом свете.

— «Почитай»! — ворчал Борька.— Сама не маленькая!

— Да что ж, коли не умею я.

Борька засовывал руки в карманы и становился похожим на отца.

— Ленишься! Сколько я тебя учил? Давай тетрадку!

Бабка доставала из сундука тетрадку, карандаш, очки.

— Да зачем тебе очки? Все равно ты буквы не знаешь.

— Все как-то явственней в них, Борюшка.

Начинался урок. Бабка старательно выводила буквы: «ш» и «т» не давались ей никак.

— Опять лишнюю палку приставила! — сердился Борька.

— Ох! — пугалась бабка.— Не сосчитаю никак.

— Хорошо, ты при Советской власти живешь, а то в царское время знаешь как тебя драли бы за это? Мое почтение!

— Верно, верно, Борюшка. Бог — судья, солдат — свидетель. Жаловаться было некому.

Со двора доносился визг ребят.

— Давай пальто, бабка, скорей, некогда мне!

Бабка опять оставалась одна. Поправив на носу очки, она осторожно развертывала газету, подходила к окну и долго, мучительно вглядывалась в черные строки. Буквы, как жучки, то расползались перед глазами, то, натыкаясь друг на дружку, сбивались в кучу. Неожиданно выпрыгивала откуда-то знакомая трудная буква. Бабка поспешно зажимала ее толстым пальцем и торопилась к столу.

— Три палки... три палки...— радовалась она.

* * *

Досаждали бабке забавы внука. То летали по комнате белые, как голуби, вырезанные из бумаги самолеты. Описав под потолком круг, они застревали в масленке, падали на бабкину голову. То являлся Борька с новой игрой — в «чеканочку». Завязав в тряпочку пятак, он бешено прыгал по комнате, подбрасывая его ногой. При этом, охваченный азартом игры, он натыкался на все окружающие предметы. А бабка бегала за ним и растерянно повторяла:

— Батюшки, батюшки... Да что же это за игра такая? Да ведь ты все в доме переколотишь!

— Бабка, не мешай! — задыхался Борька.

— Да ногами-то зачем, голубчик? Руками-то безопасней ведь.

— Отстань, бабка! Что ты понимаешь? Ногами надо.

* * *

Пришел к Борьке товарищ. Товарищ сказал:

— Здравствуйте, бабушка!

Борька весело подтолкнул его локтем:

— Идем, идем! Можешь с ней не здороваться. Она у нас старая старушенция.

Бабка одернула кофту, поправила платок и тихо пошевелила губами:

— Обидеть — что ударить, приласкать — надо слова искать.

А в соседней комнате товарищ говорил Борьке:

— А с нашей бабушкой всегда здороваются. И свои, и чужие. Она у нас главная.

— Как это — главная? — заинтересовался Борька.

— Ну, старенькая... всех вырастила. Ее нельзя обижать. А что же ты со своей-то так? Смотри, отец взгреет за это.

— Не взгреет! — нахмурился Борька.— Он сам с ней не здоровается.

Товарищ покачал головой.

— Чудно! Теперь старых все уважают. Советская власть знаешь как за них заступается! Вот у одних в нашем дворе старичку плохо жилось, так ему теперь они платят. Суд постановил. А стыдно-то как перед всеми, жуть!

— Да мы свою бабку не обижаем,— покраснел Борька.— Она у нас... сыта и здрава.

Прощаясь с товарищем, Борька задержал его у дверей.

— Бабка,— нетерпеливо крикнул он,— иди сюда!

— Иду, иду! — заковыляла из кухни бабка.

— Вот,— сказал товарищу Борька,— попрощайся с моей бабушкой.

После этого разговора Борька часто ни с того ни с сего спрашивал бабку:

— Обижаем мы тебя?

А родителям говорил:

— Наша бабка лучше всех, а живет хуже всех — никто о ней не заботится.

Мать удивлялась, а отец сердился:

— Кто это тебя научил родителей осуждать? Смотри у меня — мал еще!

И, разволновавшись, набрасывался на бабку:

— Вы, что ли, мамаша, ребенка учите? Если недовольны нами, могли бы сами сказать.

Бабка, мягко улыбаясь, качала головой:

— Не я учу — жизнь учит. А вам бы, глупые, радоваться надо. Для вас сын растет! Я свое отжила на свете, а ваша старость впереди. Что убьете, то не вернете.

* * *

Перед праздником возилась бабка до полуночи в кухне Гладила, чистила, пекла. Утром поздравляла домашних, подавала чистое глаженое белье, дарила носки, шарфы, платочки.

Отец, примеряя носки, кряхтел от удовольствия:

— Угодили вы мне, мамаша! Очень хорошо, спасибо вам, мамаша!

Борька удивлялся:

— Когда это ты навязала, бабка? Ведь у тебя глаза старые — еще ослепнешь!

Бабка улыбалась морщинистым лицом.

Около носа у нее была большая бородавка. Борьку эта бородавка забавляла.

— Какой петух тебя клюнул? — смеялся он.

— Да вот выросла, что поделаешь!

Борьку вообще интересовало бабкино лицо.

Были на этом лице разные морщины: глубокие, мелкие, тонкие, как ниточки, и широкие, вырытые годами.

— Чего это ты такая разрисованная? Старая очень? — спрашивал он.

Бабка задумывалась.

— По морщинам, голубчик, жизнь человеческую, как по книге, можно читать.

— Как же это? Маршрут, что ли?

— Какой маршрут? Просто горе и нужда здесь расписались. Детей хоронила, плакала — ложились на лицо морщины. Нужду терпела, билась — опять морщины. Мужа на войне убили — много слез было, много и морщин осталось. Большой дождь и тот в земле ямки роет.

Слушал Борька и со страхом глядел в зеркало: мало ли он поревел в своей жизни — неужели все лицо такими нитками затянется?

— Иди ты, бабка! — ворчал он.— Наговоришь всегда глупостей...

* * *

Когда в доме бывали гости, наряжалась бабка в чистую ситцевую кофту, белую с красными полосками, и чинно сидела за столом. При этом следила она в оба глаза за Борькой, а тот, делая ей гримасы, таскал со стола конфеты.

У бабки лицо покрывалось пятнами, но сказать при гостях она не могла.

Подавали на стол дочь и зять и делали вид, что мамаша занимает в доме почетное место, чтобы люди плохого не сказали. Зато после ухода гостей бабке доставалось за все: и за почетное место, и за Борькины конфеты.

— Я вам, мамаша, не мальчик, чтобы за столом подавать,— сердился Борькин отец.

— И если уж сидите, мамаша, сложа руки, то хоть за мальчишкой приглядели бы: ведь все конфеты потаскал! — добавляла мать.

— Да что же я с ним сделаю-то, милые мои, когда он при

гостях вольным делается? Что спил, что съел — царь коленом не выдавит,— плакалась бабка.

В Борьке шевелилось раздражение против родителей, и он думал про себя: «Вот будете старыми, я вам покажу тогда!»

* * *

Была у бабки заветная шкатулка с двумя замками; никто из домашних не интересовался этой шкатулкой. И дочь и зять хорошо знали, что денег у бабки нет. Прятала в ней бабка какие-то вещицы «на смерть». Борьку одолевало любопытство.

— Что у тебя там, бабка?

— Вот помру — все ваше будет! — сердилась она.— Оставь ты меня в покое, не лезу я к твоим-то вещам!

Раз Борька застал бабку спящей в кресле. Он открыл сундук, взял шкатулку и заперся в своей комнате. Бабка проснулась, увидала открытый сундук, охнула и припала к двери. Борька дразнился, гремя замками:

— Все равно открою!..

Бабка заплакала, отошла в свой угол, легла на сундук. Тогда Борька испугался, открыл дверь, бросил ей шкатулку и убежал.

— Все равно возьму у тебя, мне как раз такая нужна,— дразнился он потом.

* * *

За последнее время бабка вдруг сгорбилась, спина у нее стала круглая, ходила она тише и все присаживалась.

— В землю врастает,— шутил отец.

— Не смейся ты над старым человеком,— обижалась мать.

А бабке в кухне говорила:

— Что это вы, мама, как черепаха, по комнате двигаетесь? Пошлешь вас за чем-нибудь и назад не дождешься.

* * *

Умерла бабка перед майским праздником. Умерла одна, сидя в кресле с вязаньем в руках: лежал на коленях недоконченный носок, на полу — клубок ниток. Ждала, видно, Борьку. Стоял на столе готовый прибор. Но обедать Борька не стал. Он долго глядел на мертвую бабку и вдруг опрометью бросился из комнаты. Бегал по улицам и боялся вернуться домой. А когда осторожно открыл дверь, отец и мать были уже дома.

Бабка, наряженная, как для гостей,— в белой кофте с красными полосками, лежала на столе. Мать плакала, а отец вполголоса утешал ее:

— Что же делать? Пожила, и довольно. Мы ее не обижали, терпели и неудобства и расход.

* * *

В комнату набились соседи. Борька стоял у бабки в ногах и с любопытством рассматривал ее. Лицо у бабки было обыкновенное, только бородавка побелела, а морщин стало меньше.

Ночью Борьке было страшно: он боялся, что бабка слезет со стола и подойдет к его постели. «Хоть бы унесли ее скорее!»— думал он.

На другой день бабку схоронили. Когда шли на кладбище, Борька беспокоился, что уронят гроб, а когда заглянул в глубокую яму, то поспешно спрятался за спину отца.

Домой шли медленно. Провожали соседи. Борька забежал вперед, открыл свою дверь и на цыпочках прошел мимо бабкиного кресла. Тяжелый сундук, обитый железом, выпирал на середину комнаты; теплое лоскутное одеяло и подушка были сложены в углу.

Борька постоял у окна, поковырял пальцем прошлогоднюю замазку и открыл дверь в кухню. Под умывальником отец, засучив рукава, мыл галоши; вода затекала на подкладку, брызгала на стены. Мать гремела посудой. Борька вышел на лестницу, сел на перила и съехал вниз.

Вернувшись со двора, он застал мать сидящей перед рас-

крытым сундуком. На полу была свалена всякая рухлядь. Пахло залежавшимися вещами.

Мать вынула смятый рыжий башмачок и осторожно расправила его пальцами.

— Мой еще,— сказала она и низко наклонилась над сундуком.— Мой...

На самом дне загремела шкатулка. Борька присел на корточки. Отец потрепал его по плечу:

— Ну что же, наследник, разбогатеем сейчас!

Борька искоса взглянул на него.

— Без ключей не открыть,— сказал он и отвернулся.

Ключей долго не могли найти: они были спрятаны в кармане бабкиной кофты. Когда отец встряхнул кофту и ключи со звоном упали на пол, у Борьки отчего-то сжалось сердце.

Шкатулку открыли. Отец вынул тугой сверток: в нем были теплые варежки для Борьки, носки для зятя и безрукавка для дочери. За ними следовала вышитая рубашка из старинного выцветшего шелка — тоже для Борьки. В самом углу лежал пакетик с леденцами, перевязанный красной ленточкой. На пакетике что-то было написано большими печатными буквами. Отец повертел его в руках, прищурился и громко прочел:

— «Внуку моему Борюшке».

Борька вдруг побледнел, вырвал у него пакет и убежал на улицу. Там, присев у чужих ворот, долго вглядывался он в бабкины каракули: «Внуку моему Борюшке».

В букве «ш» было четыре палочки.

«Не научилась!» — подумал Борька. И вдруг, как живая, встала перед ним бабка — тихая, виноватая, не выучившая урока.

Борька растерянно оглянулся на свой дом и, зажав в руке пакетик, побрел по улице вдоль чужого длинного забора...

Домой он пришел поздно вечером; глаза у него распухли от слез, к коленкам пристала свежая глина.

Бабкин пакетик он положил к себе под подушку и, закрывшись с головой одеялом, подумал: «Не придет утром бабка!»

ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ ВОЛЬКИ

Волька всю зиму жил в детском саду, и только на воскресенье его брали домой. Весной его мама, Дарья Ивановна, устроилась поварихой в детском доме за городом и в первую же субботу привезла к себе Вольку. Они приехали под вечер. Солнце золотило широкую аллею, и Волькина матросская шапка с черными ленточками весело мелькала в кустах.

Вдруг Волька остановился, широко раскрыл голубые глаза и оглянулся на мать:

— Ребята, мама!

На террасе большого белого дома сидели ребята. На длинных столах, покрытых голубой клеенкой, блестели белые чашки. Ребята ели творог, политый медом, и запивали его молоком. Волька подумал, что это ребята из его детского сада, и радостно замахал руками:

— Ребята!

Ребята вскочили.

— Смотрите, какой мальчик! Чей это?

Две девочки быстро нырнули под стол, вылезли с другой стороны и, прыгая по лестнице, побежали навстречу Вольке.

А через минуту Волька уже сидел рядом с ними за столом, чинно сложив за спиной руки. А когда воспитательница Клавдия Ивановна положила ему на тарелку творог и налила чашку молока, он поднял вверх обе ладошки и, поворачивая их над головой то вправо, то влево, громко сказал:

Молоко, молоко
Выпивается легко.
А творог, а творог
Проскочить никак не мог.
Мы помазали медком,
Проскочил и он легко.

И только после этого Волька принялся за еду. Он поел, вытер ладошкой молочные капельки на раскрасневшихся щеках, оглядел ребят и лукаво сказал:

— А это не наш детский сад, это другой. Я сюда только на выходной день приехал!

Дарья Ивановна жила в маленькой светлой комнатке, рядом с детдомовской кухней. Дарья Ивановна вставала рано. У нее было много дел по хозяйству. Нужно было пойти на скотный двор помочь молоденькой девушке Насте подоить детдомовских коров, потом получить продукты из кладовой, приготовить завтрак, нарезать ломтиками белый и черный хлеб.

Волька встал вместе с Дарьей Ивановной. Он проснулся даже раньше матери и несколько раз подымал с подушки свою светлую, пушистую, как одуванчик, голову, а когда мать открыла глаза, сейчас же вскочил и стал одеваться. Одевание было трудное. Просовывая в петли пуговки, Волька громко сопел и тихо приговаривал:

— Ну, полезай, застегивайся!

Дарья Ивановна схватила сына на руки, звонко расцеловала в обе щеки, пошлепала по крепкой спинке, застегнула ему лифчик. Потом налила в таз свежей воды, ополоснула Вольке лицо, насухо вытерла полотенцем и, взяв в руку большую корзину, сказала:

— Ну, пойдем на работу!

На дворе еще не было солнца. От мокрой травы и свежего утреннего ветерка у Вольки покраснел нос, он поежился и просунул в теплую ладонь матери свою холодную ручонку.

— Замерз? Ну сейчас согреешься,— сказала Дарья Ивановна.

Они прошли на скотный двор. Там стоял большой кирпичный дом с маленькими окошками и большими дверями.

— Это коровкин дом,— сказала Вольке мать.

В коровнике было тепло и сухо. От светлых загородок, где стояли детдомовские коровы, пахло парным молоком, соломой и еще каким-то теплым коровьим духом.

Веселая черноглазая Настя подхватила Вольку на руки, потрепала его за толстые щечки, подула на пушистую головенку.

— Ах ты дуван-одуван! В гости к нам приехал! Масленок этакий! Как из-под сосенки выскочил!

Вольке понравилась Настя: он прятался за мать, лукаво выглядывал и опять прятался, но играть Насте было некогда.

Дарье Ивановне тоже было некогда. Они обе отошли к окну и стали что-то записывать в клеенчатую тетрадь. Волька заглянул за перегородку. Там на чистой подстилке из соломы лежала большая светло-шоколадная корова Милка. Не обращая внимания на мальчика, она медленно жевала сено.

— У-у, какая! — удивленно сказал Волька и, прижимаясь к стенкам, осторожно обошел корову со всех сторон, дотронулся пальцем до мягкой шерсти, заглянул в умные и грустные глаза Милки, прикрытые прямыми черными ресницами, и глубоко вздохнул.— У-у, какая! — Потом присел на корточки подальше от длинного хвоста с кисточкой и замер, боясь пошевелиться.

Вошла Настя в белом переднике, с чистым полотенцем и с подойником. Корова повернула голову, радостно замычала и тяжело поднялась на ноги. Волька испугался, попятился к двери.

— Сиди, сиди! Она смирная,— сказала Настя.

Волька вернулся.

Настя обмыла теплой водой полное, налитое вымя Милки и, присев на скамеечку, начала доить, ласково приговаривая:

— Я тебе травушки изумрудной, зелененькой, я тебе пойлица густого да жирного, хлебушка свежего, сольцы крупитчатой, а ты мне, голубушка, молочка хорошего на маслице свежее, на густые сливочки.— Голос у Насти был певучий и нежный.

Струйки молока, сбегая в подойник, журчали, как тихая музыка; Милка стояла смирно и, повернув к Насте голову, слушала. Волька, сидя на корточках позади Насти, тоже слушал и шевелил губами, повторяя про себя ее слова. Потом ресницы у него сонно захлопали, и чтобы не заснуть, он изо всех сил таращил глаза.

Струйки молока делались все тоньше, потом журчание их сразу прекратилось. Волька вскочил, заглянул в подойник и сказал:

— Пена... А где молочко?

— А молочко под пеной. Вот процежу — выпей тепленького. Коровки свежую траву едят, сладкое молочко, душистое... А Милка у нас самая лучшая корова, рекордистка.

Молоко действительно было сладкое и душистое. Волька выпил целую чашку и пошел с матерью в кладовую. В кладовой высокий старик Дмитрий Степанович не спеша отвешивал продукты. Он клал на большие весы буханки черного хлеба, потом белые батоны, потом крупу, сахар, масло. Волька внимательно смотрел, как двигается по каким-то черточкам железка,— весы опускаются вниз, а Дмитрий Степанович записывает что-то в тетрадь.

— Снимайте.

Дарья Ивановна с Настей укладывают продукты в корзину и уносят на кухню.

Из кладовой Волька долго не уходил. Когда Дмитрий Степанович отвернулся, он встал на весы, подвигал железку и тихонько сказал:

— Два кило двадцать.

— Чего двадцать? — усмехнулся Дмитрий Степанович.

Волька склонил набок голову и застенчиво улыбнулся:

— Крупы.

— Крупы? В тебе? Много ж ты, брат, каши съел! — Дмитрий Степанович поправил на толстом носу очки и добавил: — Видно, хорошим работником будешь!

Волька вдруг поднял палец и к чему-то прислушался. Во дворе громко мычали коровы.

— Коровы песни поют! — радостно крикнул он и бросился к порогу.

* * *

Зарядку Волька делал вместе с ребятами. Пристроившись в конце младшей группы, он старательно делал все, что показывал большой мальчик с красным галстуком.

— Молодец, Волька! — хвалили его ребята.

Завтракал и обедал Волька тоже с ребятами за общим столом на террасе. Все наперерыв звали его сесть рядом, но Клавдия Ивановна сказала:

— Пусть сядет там, где сидел вчера.

И Волька послушно уселся на вчерашнее место.

* * *

После обеда Волька крепко спал. Его разбудили ребята. Они стояли посреди двора с корзинками и тихо разговаривали с Дарьей Ивановной.

— Дарья Ивановна, дайте нам Вольку! Мы с ним в лес пойдем за ягодами.

— Пойду! Пойду! — закричал из кроватки Волька.

Девочки дали ему маленькую корзиночку.

В лесу пели птицы. Все казалось Вольке в легком зеленом свете, и как ни запрокидывал он голову, за ветками и листьями не видно было неба. А внизу была густая трава, она цеплялась за ноги, и Волька падал. Падать было мягко и весело. Ребята бросались подымать Вольку, а он нарочно падал и звонко смеялся.

Потом одна девочка крепко взяла его за руку и сказала:

— Не балуйся. Пойдем лучше ягоды искать!

А другая девочка спросила:

— Ты знаешь, Волька, какая земляника?

— Красненькая и сладкая,— сказал Волька и причмокнул языком.

Под большими пнями в густой траве закраснели ягоды.

— Сюда, сюда, Волька! — кричали вокруг ребята.— Разгребай руками траву, смотри, вот она ягодка!

Волька потоптался на одном месте, присел на корточки. Несколько рук совали ему в рот ягоды, он отбивался и кричал:

— Я сам! Я сам!

— Ребята! Пусть сам. Он сам хочет сорвать.

Волька шарил в траве, а ребята стояли вокруг и громко радовались, когда он находил ягоду.

Щеки у Вольки раскраснелись, рот, измазанный красным соком, улыбался, голубые глаза удивленно и радостно смотрели вокруг.

По дороге домой ребята по очереди несли его, складывая руки «креслицем». Волька болтал ногами и без умолку говорил

о ягодах, о больших весах Дмитрия Степановича, о птичках и деревьях... А потом замолкал и, склонившись на чье-нибудь плечо, издавал вдруг длинное и нежное мычание.

* * *

Вечером в детском доме был вечер самодеятельности. Волька сидел в первом ряду с Дарьей Ивановной и Настей. Дмитрий Степанович тоже пришел послушать, как выступают ребята. Они пели песни, читали стихи, плясали.

Клавдия Ивановна вдруг сказала:

— А Волька, наверно, тоже знает какую-нибудь песенку или стихи. Скажи нам, Воленька!

Дарья Ивановна тихонько подтолкнула Вольку.

— Ну, скажи, сыночек, что знаешь!

Волька боком полез на сцену. Клавдия Ивановна подняла его и поставила на середину. В зале стало очень тихо. Все ждали.

Волька постоял, подумал. Потом вдруг присел на корточки и затянул нараспев тонким комариным голоском:

— Я тебе травушки изумрудной, зелененькой, я тебе пойлица густого да жирного, хлебушка свежего, сольцы крупитчатой, а ты мне, голубушка, молочка хорошего на маслице свежее, на густые сливочки.

В зале все зашевелились. Ребята полезли на стулья, чтоб лучше видеть маленькую фигурку на сцене. Потом все захлопали, захохотали, зашумели:

— Еще! Еще!

Черноглазая Настя, звонко хохоча, вытирала кончиком платка слезы. Волька, сидя на корточках, улыбался со сцены смущенной и радостной улыбкой.

* * *

На другой день утром Дарья Ивановна сказала, что выходной кончился, и отвезла Вольку в детский сад. Ребята пробовали просить ее оставить сынишку хоть на недельку, но она решительно отказала:

— Нельзя, нельзя! У него своя работа. Он в детском саду и лепит, и рисует, и музыке учится, а дача у них в Сокольниках не хуже нашей. Вот на выходной день опять я его возьму.

Ребята долго смотрели вслед Вольке. И пока на широкой аллее была видна синяя матросская шапка, они все махали руками и кричали:

— Приезжай, Волька!

А из-за желтых сосен доносился до них веселый, полюбившийся всем голосок:

— В выходной при-еду!

ОТЦОВСКАЯ КУРТКА

Куртка была черная, бархатная, карманы ее топорщились, в глубоком мягком рубчике отливали серебром круглые пуговицы. Сидела она на отцовских плечах крепко, туго обхватывая широкую грудь.

— Папаня, а папаня! Отдай мне эту куртку. Ты, гляди, уже старый для нее,— с завистью говорил Ленька, обдергивая свой коротенький пиджачок и приглаживая вихрастую голову.

— Я стар, а ты больно молод,— отшучивался отец.

Ленька и правда был еще молод. Он учился в четвертом классе, но в семье был старшим. Кроме того, с ним водился соседский Генька. А Генька уже год назад кончил семь классов школы и теперь работал на селе в пожарной команде. Но пожаров в селе не было, зачастую даже дым не поднимался из труб. Шла война, и в колхозе спешили с уборкой урожая. Ленькин отец возвращался домой поздно, при свете фонаря долго возился во дворе и, озабоченно поглядывая на сына, говорил:

— Ты, брат, гляди, приучайся к делу. Я не сегодня-завтра на фронт уйду. Большаком в семье останешься!

— «Большаком»! — усмехался Ленька.— Стану я еще связываться! Одного Николку по затылку стукнешь, и то к матери побежит жаловаться.

— А ты не стукай. Большак — это делу голова, а не рукам воля! Много я тебя по затылку стукал?

* * *

В день проводов отца в избе шла кутерьма. Мать, как потерянная, хваталась то за одно, то за другое, стряпала, пекла, наспех укладывала в сундучок какие-то вещи. Отец вынимал их и отдавал ей обратно:

— Убери. Не в гости еду.

Увидев в руках матери бархатную куртку, он посмотрел на Леньку, усмехнулся и ласково сказал:

— Носи, большак!

Ленька вспыхнул и застеснялся.

— Да куда она ему! — всплеснула руками мать.— Не дорос ведь!

— Дорастет,—уверенно сказал отец и погладил мать по плечу.— Помощником тебе будет!

Уложив сундучок, отец обвел взглядом просторную избу, присел на край скамьи и сказал:

— По русскому обычаю, посидим перед дорогой.

Мать поспешно усадила детей и села с ними рядом, придерживая рукой трехлетнюю Нюрку. Все притихли. Ленька посмотрел на отца, и горло у него сжалось.

«Как же мы одни будем?» — подумал он, поняв вдруг, что отец действительно уезжает далеко и надолго.

* * *

Прощались у околицы. Отец спустил с рук Нюрку и троекратно поцеловался с матерью.

— Прости, коль сгоряча обидел когда...

Низко, без слез, поклонилась ему мать:

— За все, что прожито, за все, что нажито, спасибо тебе, Павел Степанович!

Женщины подхватили ее под руки, и Ленька вдруг услышал тонкий плач с разноголосыми причитаниями.

Лицо у отца дрогнуло. Он махнул рукой, вынул туго сложенный платок, обтер им лоб, щеки и подозвал Леньку:

— До Веселовки проводишь меня.

Шли молча.

Ленька, в наброшенной на плечи отцовской куртке, размахивая длинными рукавами, то и дело поворачивал тонкую шею, чтоб взглянуть на отца. Но отец о чем-то думал и время от времени тяжело вздыхал.

— Ты вот что... пять человек вас у матери...— Он замолчал, не находя простых и нужных слов, которые хотелось сказать сыну.

— Ты просись к пулемету. Чуть что — сотню немцев уложишь,— озабоченно сказал вдруг Ленька.

— Там знают куда...— рассеянно ответил отец.

Ленька испуганно посмотрел на его круглое доброе лицо.

— А ежели в штыковой пойдешь...— шепотом сказал он и замер, глядя широко раскрытыми глазами в лицо отца.

— Ну-ну,— ласково усмехнулся тот.

Ленька бросился к нему на шею:

— Папка, вернись! Живым вернись!

Теплыми ладонями отец оторвал от своей груди голову сына и заглянул в его глаза:

— Мать береги.

Мелкие капли дождя сеялись на размытую лесную дорогу. По краям топорщились голые осенние кусты. В мутных лужах мокли опавшие листья.

Отец крепко держал за руку сына.

— Солому внесите, а то дожди намочат... Дров заготовьте на зиму...

Отец останавливался, крепче сжимая маленькую жесткую руку.

— Слышь, Ленька!

— Слышу, папаня.

* * *

Жизнь пошла по-новому. Один человек ушел из дому, а семья осиротела. За столом пустовало место, не вздрагивали

половицы от тяжелых отцовских шагов, на дворе не слышался голос хозяина. Мать постарела, осунулась, сняла с окон нарядные занавески, убрала со стола скатерть. Думая об отце, она устало покрикивала на младших детей или, сидя на лавке и покачиваясь из стороны в сторону, тихонько причитала:

— Ушел мой голубчик, ушел мой милый...

Ленька подсаживался к ней, неумело утешал ее, обнимал за шею:

— Ну ладно тебе... Говори, чего делать-то, а, мамка? Воды принесть иль дров наколоть?

Отцовскую куртку Ленька носить не стал, а аккуратно сложил рукав к рукаву, отдал матери и сказал при этом так же, как отец:

— Убери. Не в гостях я.

Работы у него стало много. Утром, торопясь в школу, он окидывал хозяйским глазом двор.

«Солому внесите, а то дожди намочат»,— наказывал отец.

Солома все еще не была внесена. Скотина растаскивала ее по двору, втаптывала в грязь.

— Николка,— кричал Ленька младшему брату,— переноси солому помаленьку! Я приду, сам докончу.

Николка лениво почесывал затылок.

— Кому говорю?! — кричал Ленька, хлопая калиткой.

В школе он слушал невнимательно, нетерпеливо ждал конца урока; по стеклам барабанил дождь, в хозяйственных заботах расплывались мысли:

«Поглядеть бы, на чердак слазить, не протекает ли крыша где...»

Татьяна Андреевна вызывала его к доске. Ленька тер лоб и не мог вспомнить заданного урока.

— Не выучил? — мягко спрашивала учительница.

— Учил,— отвечал он грустно,— да перезабыл, видно.

После школы до самого вечера Ленька возился во дворе: таскал солому, лазил на чердак, с грохотом сбрасывал оттуда доски и, вооружившись топором, полез на крышу сарая. На шум из избы выбежала мать:

— Батюшки мои! Никак, сарай разгораживает! Да ты что делаешь? Кто за тобой чинить будет?

— Сам починю! Перепрели ведь доски-то... Новые ставить надо,— пробурчал Ленька.

— Слезай, тебе говорю! Одних штанов передерешь бог весть сколько!

Ленька обиженно швырнул на землю топор, сложил доски и ушел в избу.

«На отца небось не кричала бы...»

И тихо огрызался, когда мать выговаривала ему, что он берется не за свое дело, а вот забить в сарае дырку, чтоб не выскакивал оттуда поросенок,— это его допроситься нельзя.

— Все только о поросенке думаешь, а что двор разваливается, так ничего?

Ученье шло плохо. Вечером, положив голову на раскрытую книгу, усталый от хозяйских забот, Ленька крепко засыпал, и снился ему обновленный двор, с новыми крашеными воротами, где он, большак Ленька, встречает вернувшегося отца.

А в школе, держа перед собой его тетрадку, Татьяна Андреевна хмурила густые темные брови и, пытливо глядя ему в глаза, говорила:

— Ленишься ты, что ли? Не стыдно тебе, Леня?

* * *

Захрустела на зубах сладкая, подмороженная рябина. Застыла обледенелая земля, вытянулись и побелели голые кусты. Ночью выпал снег. Село стало ослепительно белым, праздничным. И у Леньки на душе был праздник. Он шел с почты, пряча за пазухой нераспечатанное письмо. Это было первое письмо от отца, и Ленька торопился домой, чтобы прочитать его вместе с матерью.

Из-за угла выскочил соседский Генька и, вытащив из-под полы что-то длинное, завернутое в мешок, таинственно сообщил:

— Ружье достал. Зайцев стрелять пойду.

— Зайцев? — Ленька усмехнулся.— Да их и нету нигде сейчас.

— Нету? — Генька нагнул голову и зашептал ему на ухо: — Куда ни повернись — зайцы!

— Да на что они тебе? — удивился Ленька.

— Как — на что? Мясо есть будем, а из шкуры шапку сделаю!

— Шапку? — переспросил Ленька, припоминая, что отец тоже собирался пойти на зайцев, чтобы делать ребятам шапки.

— Ну да, шапку! — обрадовался Генька.— Что ни заяц, то шапка! Пойдешь?

— Ну тебя...— засмеялся Ленька.— Что мне, делать, что ли, нечего? Вот от отца письмо пришло! — похвалился он, ощупывая конверт.

* * *

В письме отец обращался к Леньке, как к взрослому, называя его большаком. Читая, Ленька кивал головой и вставлял от себя: «Ладно!»

Он гордился, что отец доверял ему и надеялся на него. Описание первых боев, в которых уже участвовал отец, наполняло Леньку гордостью.

«Будем бить до последнего конца»,— писал отец.

«Точно»,— сжимая кулаки, отвечал ему Ленька.

Мать слушала письмо, собрав вокруг себя всех детей. В письме отец спрашивал про каждого, называя Нюрку Анной Павловной. Анне Павловне было три года. Она чмокала пухлыми губами, терлась об юбку матери и заглядывала ей в лицо. Двух девочек-двойняшек звали в семье общим именем Манька-Танька.

Беленькие курносенькие двойняшки всюду ходили, держась за руки, ели из одной миски, тихо играли за широкой кроватью, шепотком о чем-то советуясь друг с другом. Плакали они и смеялись тоже вместе. Стоило одной засопеть носом и всхлипнуть, как другая широко раскрывала глаза и разражалась громким плачем.

Глядя друг на дружку, они могли часами выть на всю избу. И теперь, не сводя глаз с матери, они как будто только и ждали

знака, чтобы присоединить к ее слезам свой дружный рев. Восьмилетний Николка, старший после Леньки, услышав свое имя, ежился от смущения и виновато косил по сторонам голубыми глазами.

— Разрюмился! — презрительно бросил ему Ленька.— Только и умеешь, что хныкать.

Он был недоволен, что Николка мало помогает ему в хозяйстве и лениво выполняет его приказания. Слушая письмо, мать всплакнула, а двойняшки залились громким плачем. Чтение было прервано; Ленька схватил обеих сестер, посадил их на колени и, топая ногами, загудел на всю избу:

— Ду-ду-ду! Поезд идет!

Двойняшки, подпрыгивая, стукались лбами. Плакать им было некогда. Подкинув несколько раз, Ленька поставил обеих на пол и снова принялся за чтение письма. После этого он долго ходил по избе, обдумывая все свои дела и чувствуя необходимость сейчас же, немедленно проявить себя большаком и хозяином.

— Что ты как маятник, прости господи! — сердилась мать.

— «Маятник, маятник»!..— ворчал Ленька, выволакивая из-под лавки старый ящик с пыльными прошлогодними валенками.— Зима на дворе — вот что!

— Сама знаю, что зима,— вздыхала мать, перебирая вместе в Ленькой смятую старую обувь.— Давно ли отец покупал? Не напасешься на вас!

Ленька вытащил дратву и неумелыми руками пытался чинить перепрелый войлок.

— Шапки у Николки нету... Прошлогодняя износилась совсем. В чем ходить будет? — задумывалась мать.

— Найдем! — хмурился Ленька и, забравшись на печь, долго сидел, обхватив руками острые коленки.

«Что ни заяц, то шапка,— вспоминались ему Генькины слова.— Пойти надо»,— решил он, прикрывая ладонью тяжелые веки.

* * *

На последнем уроке Татьяна Андреевна подошла к Лене и сказала:

— После обеда зайди ко мне домой.

Идти Леньке не хотелось. Еще на той неделе с большим трудом выволок он из сарая тяжелый ящик с гвоздями и инструментами, отобрал в сарае годные доски и отточил топор. Сделал он это потому, что в своем письме отец писал: «Кончится война... Вернутся домой люди. Сядем мы с тобой, Ленька, на трактор и промчимся мимо наших ворот в колхозное поле...»

Ленька представил себе отца в военной одеже, гордо восседающего на тракторе, и озабоченно оглядел свои ворота... Обитые дождями доски почернели и перекосились, посредине зияла черная дыра...

«Как же, промчишься мимо таких ворот! Починить бы их надо...» — подумал Ленька и побежал отбирать доски. Теперь уже несколько дней доски валялись посреди двора, рядом были брошены топор и рубанок, а около крыльца мокли под дождем гвозди...

Мать, натыкаясь на ящик с гвоздями и разбросанные по двору доски, сердилась на Леньку:

— Бессовестный! Людям пройти нельзя! На безделье дела себе ищет. Никакого покоя нет от тебя!

Ленька молчал и не сдавался. Ходил советоваться к кузнецу, лазил с топором и гвоздями, засорял двор стружками. Отрываться сегодня от работы ему не хотелось, да и боялся он идти к Татьяне Андреевне, так как сам знал, что с учебой у него неладно. Но делать было нечего.

И теперь, сидя в комнате учительницы, на знакомом низеньком диванчике, Ленька испытывал томительное беспокойство. Школьные тетради, лежащие горкой на столе, вызывали в нем неясную тревогу. Увидев себя в круглом стенном зеркале, он испугался, поплевал на ладонь, пригладил вихрастые волосы, одернул курточку и, повернув голову, стал прислушиваться к голосу Татьяны Андреевны, которая разговаривала в кухне со своей матерью.

Голос был ласковый, и приветствие, которым встретила Леньку учительница, тоже не предвещало ничего неприятного. Она сказала:

— Здравствуй, Леня. Посиди минуточку.

И все-таки беспокойство разъедало Леньку — он чувствовал себя неуверенно и, держа между колен шапку, тяжело вздыхал.

В прошлом году в этой самой комнате они с отцом пили чай. Отец осторожно ставил на блюдце чашку и, когда Татьяна Андреевна хвалила Леньку, напускал на себя строгость, а Леньке было отчего-то смешно: он смотрел на угол с зеленой лесенкой, заставленной цветочными горшками, и думал, что было бы, если бы он, Ленька, вдруг оступился и сшиб все эти горшки на пол или поскользнулся бы на блестящем крашеном полу и сел мимо стула.

Теперь Ленька ни о чем не думал, он сидел один и даже радовался, что отца с ним нет, так как хвалить его было не за что.

Татьяна Андреевна вытерла полотенцем мокрые руки, присела на стул и ласково сказала:

— Ну, теперь рассказывай, как вы там живете? Как без отца справляетесь?

Лицо у нее было спокойное, с круглой ямочкой на щеке; когда учительница сердилась, эта ямочка исчезала, лицо делалось нетерпеливым, голос — отрывистым.

Ребята верили, что правду она узнает по глазам, и врать ей побаивались. Если кто-нибудь начинал уклоняться и путать, Татьяна Андреевна возмущалась.

— Ну, ну дальше? А дальше что? — гневно спрашивала она.

А дальше оставалось только одно — говорить правду.

Ленька хорошо знал это и, чувствуя себя виноватым, оправдываться не собирался. Но вопрос, который задала ему учительница, ободрил его. Он посмотрел на спокойную глубокую ямочку на щеке Татьяны Андреевны и, увлекаясь, начал рассказывать о письме отца, о своих домашних делах.

Раз или два Татьяна Андреевна громко засмеялась, потом чему-то удивилась и перебила его:

— Постой, постой... Я чего-то не поняла. Так ты чинишь ворота? Какие ворота?

— Наши...

— Ваши? — Татьяна Андреевна сморщила лоб.— А мать не хочет? Почему не хочет?

Ленька покраснел, дернул носом.

— А кто ее знает...

Татьяна Андреевна вдруг очень серьезно и неожиданно сказала:

— Это все хорошо. Заботиться о хозяйстве нужно...

Она взяла Ленькину руку с черными поломанными ногтями:

— А нужнее всего, Леня, не запускать учебу. Учиться...

Ленька поспешно спрятал руки, растерянно поглядел на горку школьных тетрадей и, опустив голову, зажмурился.

Но учительница не встала, не подошла к злополучным тетрадям, не вытащила из кипы одну из них с надписью: «Леонид Чистяков». Она говорила совсем не так, как он предполагал. Не бранила его, не сердилась, говорила спокойно. Она надеялась, что Леня ее поймет.

— Один урок плохо сделан, другой... Вот и накопилось. Что-то прослушал, что-то не дослушал, а подогнать трудно, и самому неприятно. А когда каждый день понемножку, петелька за петельку цепляется...— мягко говорила она.— Я, Леня, по себе знаю.

Ленька кряхтел, соглашался. Говорить ему было нечего. У него уже накопилось много запущенных уроков. Правда. И на душе от этого тягостно, и подогнать трудно. Все правда.

— Я налажусь, Татьяна Андреевна! Честное пионерское, налажусь! — горячо сказал он и тут же начал припоминать все, что забыл или просто не выучил.

Потом пили чай в маленькой теплой кухоньке. В окна бился снежный ветер. Пузатенький говорливый самоварчик дышал в лицо теплым паром. Мать Татьяны Андреевны называла Леньку внучком и советовалась с ним о хозяйских делах. Он уверял ее, что ему два-три кубометра дров ничего не стоит переколоть в один день.

Татьяна Андреевна смеялась.

* * *

Вечером Ленька вытащил все свои книжки, разложил их перед собой, и долго видела Пелагея, как торчала над столом его вихрастая голова. Спать он лег веселый: не так уж были страшны те долги, что накопились у него за это время.

А утром кто-то тихонько постучал в окно.

Ленька увидел широкий Генькин нос, приплюснутый к стеклу, и выскочил на крыльцо.

— Следы на опушке! — с таинственным видом зашептал Генька.

Ленька кивнул головой и побежал одеваться.

* * *

Резкий ветер продирался сквозь лес, колючей снежной крупой хлестал молодой ельник и со свистом мчался по полю, обнажая на болотах серую корку льда.

Генька в ушанке, высоких сапогах и тулупе, туго подвязанном ремешком, согнувшись, шагал по полю, держа под мышкой ружье. Глаза его обшаривали каждый кустик. Ленька с трудом пробирался за ним. В худые валенки набился снег. Ветер трепал отцовский шарф на Ленькиной шее.

— Есть? — нетерпеливым шепотом спрашивал он товарища.

— За болотом они, видно, за кочками,— отвечал Генька, выпрямляясь и прибавляя шаг.

Ленька в школу не пошел. Он решил прямо с охоты, с убитыми зайцами за поясом, прийти к Татьяне Андреевне и объяснить, почему не был на уроках.

Светало, когда они с Генькой вышли из своих дворов. Время шло быстро. Синеватый белый день давно уже клубился над селом, а приятели все еще в напрасных поисках кружили по полю. Морщась от резкого ветра и закрывая варежкой лицо, Ленька тяжело плелся за товарищем. Между кочками, покрытыми прошлогодней осокой, под тонким ледком стояла мутная вода. Из-под Генькиных сапог она вместе со стеклышками льда

выплывала наверх. Ленька, прыгая с кочки на кочку, оступился и попал ногой в Генькин след. Острая ледяная струя охватила пальцы, в коленках заломило. Ленька вытащил из валенка ногу, стянул мокрый носок и безнадежно оглянулся: домой бы, на печку. Пальцы ныли от холода. Ленька беспокоился и думал: «Может, врет Генька! Что он в охоте понимает? Отец и тот один не ходил, а все, бывало, с колхозным пастухом... Посоветоваться бы с кем, как их, зайцев-то, стрелять, да боязно: скажут матерям и ружье отымут...» Ленька остановился.

— Слышь, Генька... Обмерз я совсем. Может, ты все наврал про зайцев-то?

Но Генька не врал. Что-то грязно-белое вдруг пушистым комочком подпрыгнуло за кустом. Ленька увидел прямые острые уши и, забыв обо всем, схватил Геньку за руку. Генька с размаху плюхнулся прямо в болото. Заяц высоко подбросил ноги и мгновенно исчез. У Леньки зарябило в глазах.

— Стреляй, что ль! — с отчаянием крикнул он.

— В кого? — Генька с досадой плюнул в сторону.— Ушел проклятый...

* * *

Домой шли мимо школы. Ленька молчал и едва волочил ноги. Генька, несмотря на упущенного зайца, торжествовал:

— Говорил я тебе, есть зайцы! Поймаем!

Времени у Геньки было достаточно. В пожарке по-прежнему работы не было.

— Не сегодня-завтра все зайцы наши будут!

Кареглазый румяный парнишка с сумкой под мышкой вышел из школы и подбежал к Леньке:

— Тебя Татьяна Андреевна спрашивала... Ты где был?

— Где был, там нету,— еле двигая синими губами, ответил Ленька.— На печи не сидел небось...

Генька хвастливо повертел в воздухе ружьем.

Егорка свистнул, оттопырил нижнюю губу и покачал головой.

— Шатаетесь? — как бы с сожалением сказал он.

Ленька вскипел:

— Это ты, может, шатаешься! У меня семья на шее!

Егорка с любопытством взглянул на него.

— Обмерз ты...— вместо ответа сказал он и, повернувшись, зашагал в другую сторону.

На пороге своей избы Ленька лицом к лицу встретился с матерью.

— Батюшки! Побелел весь! Бродяга этакий! Шарф на тебе колом стоит!

— Иди ты еще! — грубо ответил Ленька, отстраняя ее.— Отстань от меня!

В избе пахло свежеиспеченным хлебом.

На горячей печке, укрывшись с головой тулупом, Ленька лежал и слушал, как мать горько жаловалась Николке:

— При отце все — дети. А без отца все — хозяева. На одно слово — два. На два — двадцать два!

Ноги саднило. Пальцы распухли и горели. Ленька вспомнил, как в прошлом году в метель и завируху отец ходил в соседнее село за валенками. Ждали его к вечеру, а вернулся он только под утро. Бросил на лавку мешок, долго стучал ногами, тер снегом отмороженные щеки.

— Заблудился... Метель закружила. Погляди там валенки, мать!

«Достал все-таки,— подумал Ленька.— Эх, убежал заяц! Неужели еще идти?» Голова тяжело опустилась на подушку. В сонных глазах потянулось длинное мерзлое поле... Страшно и зябко было вспоминать о нем.

* * *

На другой день Ленька встал рано и побежал в школу, чтобы еще до уроков встретить Татьяну Андреевну и объяснить ей все. Он ждал ее и волновался. Но Татьяна Андреевна пришла к самому звонку, и объяснение с ней вышло короткое и совсем не такое, как думал Ленька.

— Почему ты не был вчера в школе? — спросила учительница, останавливаясь у Ленькиной парты.

Ленька раскрыл рот, но говорить при ребятах ему не хотелось.

— Я потом...— прошептал он, глядя на Татьяну Андреевну виноватым и умоляющим взглядом.

Ее лицо вдруг стало строже: темные полоски бровей сошлись у переносья, ямочка на щеке исчезла.

Тогда, испугавшись, Ленька тоскливо выдавил из себя случайно подвернувшиеся слова:

— Дельце тут одно было... для ребятишек...

— Заболел кто-нибудь? — участливо спросила Татьяна Андреевна.

— Не заболел, а...— Ленька замялся. Потом, наспех припоминая, что хотел сказать учительнице с глазу на глаз, забормотал: — Не заболел, а погода... зима стоит...

Татьяна Андреевна, вскинув брови, смотрела на него с удивлением. Ленька почувствовал ее недоверие и смутился окончательно.

— На болоте они... зайцы-то...

Кто-то громко фыркнул. Татьяна Андреевна гневно обернулась к классу. Ребята обеими руками затыкали себе рты и беззвучно тряслись от хохота.

— Леня! — мягко сказала Татьяна Андреевна.— Я не понимаю, что с тобой? Объясни мне толком.

Ленька стоял перед ней красный, бросая исподлобья злые, упрямые взгляды на ребят. Губы его были крепко сжаты, он молчал. Татьяна Андреевна ждала. В классе наступила тишина. И вдруг поднялся Егорка. Его круглое лицо выражало и досаду, и сочувствие к растерявшемуся товарищу.

— Скажи правду — и к стороне,— дружески кивнул он головой.

Ленька оторвался от парты.

— Я не вру! — крикнул он, тяжело дыша.

— Не врешь? — медленно переспросил Егорка.— А с пожарным Генькой где шатался?

Ленька побелел. Веснушки желтыми пятнами проступили на его щеках.

— А... ты вот что! «Шатался»! — крикнул он и рванулся к Егорке.

Татьяна Андреевна положила руку на его плечо.

— Довольно! — сказала она.

Ленька испуганно посмотрел ей в глаза.

— Я до сих пор верила тебе, Леня.— Она сняла руку с его плеча и отошла.

Ленька в смятении хотел броситься за ней, остановить ее, но ноги его приросли к полу, и, когда Татьяна Андреевна была уже около стола, он с отчаянием крикнул:

— Я зайцев ходил стрелять!

Тишина в классе прорвалась взрывом дружного смеха. И, поняв, что произошло что-то нелепое и безнадежное, Ленька тяжело опустился на парту. Ему не хотелось больше оправдываться. Все равно ему никто не поверит. Он сидел, облокотившись на спинку парты, макал в чернильницу промокашку и мазал чернилами ногти. Ребята фыркали, переглядывались.

Но Татьяна Андреевна не замечала Леньки и не интересовалась его поведением. Она объясняла урок обычным, ровным, спокойным голосом.

* * *

Вечером к матери забежала соседка Паша.

— Хоть обижайся, хоть не обижайся, а прямо тебе скажу, Поля, распустился твой парень, дальше ехать некуда,— тараторила она, дергая на шее концы платка.— Нынче мой из школы пришел, рассказывал, как Ленька перед учительницей осрамился!

— Батюшки! — испугалась Пелагея и, опустив голову на руки, заплакала.— Одна я, одна... И помочь-то мне некому.

— Некому, некому! — торопливо подтвердила Паша.— Не помощник тебе твой парень, прямо скажу.

Мать, глядя перед собой усталыми, заплаканными глазами, тихо жаловалась:

— Что день, что ночь — болит душа...

— Болит, болит! — точно обрадовалась Паша.— И за самого болит, и за мальчишку болит.

Плач матери Ленька услышал еще в сенях и, не отряхивая с валенок снега, ввалился в избу.

— Мам!..

Он вопросительно посмотрел на Пашу.

Она вытерла двумя пальцами губы.

— Себя спрашивай...— и, повернувшись, со вздохом вышла.

Ленька подошел к матери. Ему хотелось рассказать ей все, что произошло с ним в школе, пожаловаться на ребят, на Егорку, но она тихо плакала, отвернувшись от него; в Пашиных словах он чувствовал какое-то обвинение и не решался спросить. И только, охваченный жалостью, робко повторял:

— Мам... мам...

— Погоди... Найдется на тебя управа. Все отцу напишу,— неожиданно сказала мать.

* * *

Забившись на печь, Ленька сочинял отцу письмо. Слова подбирались жалостные: «Все на меня, папаня, нападают, а я старался, чтоб по-хорошему было...»

Он достал из тетради чистый лист, присел к столу и, опершись на локоть, слушал сонное дыхание матери, посапывание сестер и храп Николки. К ночи все события смешались у него в голове, он даже хорошо сам не знал, что с ним случилось. Вспоминался почему-то чай у Татьяны Андреевны за чистым уютным столом, вспоминалось длинное мерзлое болото, прямые заячьи уши, а над всем этим — доброе озабоченное лицо и большая теплая отцовская рука.

«Я, папаня, не могу большаком быть. И ты на меня не надейся...»

Ленька вытер ладонью глаза и положил перо. Получит отец письмо. Холодно в землянке. Страшно. Кругом враги. И письмо от сына нерадостное. Обещал Ленька быть большаком и обманул. Там, в лесу, обещал и обманул!

Ленька торопливо обмакнул перо в чернила и жирной чертой три раза перечеркнул написанное.

«Стараюсь я, папаня, как могу. Обо мне не думай. Я все стерплю...»

Ленька прочитал эти строчки, снова зачеркнул их, достал новый лист бумаги и написал по-другому:

«Живем мы, папаня, хорошо...»

И, бросив ручку, полез на печь. Закрывшись рукавом, он горько заплакал: «Некому и сказать-то о себе, пожаловаться некому...»

* * *

Ленька не ходил в школу. С утра он брал свою сумку и бежал к Геньке. По дому он тоже ничего не стал делать, а когда мать уходила в колхоз, он слонялся из угла в угол, забавлялся с Нюркой. Пробовал от безделья учить двойняшек. Учеба эта кончалась визгом на всю избу.

— Ты Маня, а ты Таня — вот и нечего вам под одним именем ходить. Садись одна палочки писать, а другая картинку красить!

Двойняшки отчаянно цеплялись друг за дружку.

— Пускай вместе они! Пускай вместе! — заступался за них Николка.

— Уйди! Что, они всю жизнь за ручку ходить будут? Уйди, не мешай лучше!

Николка жаловался матери, и мать обрушивалась на Леньку:

— Всех ребят перемутил! Бессовестный этакий! Игру какую нашел себе!

Ленька уходил, обиженно хлопая дверью.

«Ладно! Отец сам меня над ними назначил! Приедет — все расскажу!»

Ладу в семье не было. Ленька все чаще и чаще загуливался до позднего вечера. Возвращаясь, он боязливо поглядывал на свой двор, опасаясь встречи с Татьяной Андреевной.

Татьяна Андреевна действительно пришла к Пелагее. Узнав от учительницы, что Ленька не ходит в школу, Пелагея расте-

рялась, покраснела и, путаясь в ответах, выгораживала сына:

— Помогает он мне по дому... детишки малые... Не управляюсь я одна с ними!

Учительница качала головой:

— Неправа ты, Пелагея. У всех детишки, а учатся все.

После ухода учительницы мать плакала, упрекала Леньку, а он отмалчивался и горько думал о своей жизни: все напасти сразу свалились на него. Ничего поправить уже нельзя, везде ему стыдно и нехорошо, и сам он ходит обиженный и злой на всех. И ни с того ни с сего реветь ему хочется от такой жизни.

Так и сяк обдумывая свои дела, Ленька не видел другого выхода, как только явиться к Татьяне Андреевне с убитыми зайцами и тем самым доказать ей, что не лгал он тогда в классе и не шатался зря. Этими же зайцами думал он наладить свои отношения с матерью и показать ей, что не пропащий он человек, а большак, хозяин — для семьи старается. Вместе с Генькой ходил он в лес ставить силки, лазил по сугробам, но зайцы не попадались.

— Под вечер ходить надо,— уверял Генька.

* * *

В воскресенье Пелагея собралась в лес за хворостом.

— Пойдем, Ленюшка, а то на гору не втащить мне одной.

— Николку бери,— ответил Ленька.

В этот день он снова сговорился с Генькой идти на зайцев. Генькино ружье было заряжено крупной дробью, а заячьи следы, по словам Геньки, прошили весь лес.

— Куда ни ткнись — везде зайцы! Только сейчас и стрелять их!

Пелагея не взяла Николку. Он остался с младшими детьми — на Леньку мать уже не надеялась.

Повязав голову платком, она впряглась в длинные санки и вышла со двора.

Под вечер Ленька и Генька, измученные лазанием по глубоким сугробам, голодные и злые, возвращались домой. К ночи крепкий мороз туго стянул землю. Дорога шла в гору. Голубые,

накатанные санями колеи круто поднимались вверх и исчезали в лесу.

Шли молча. Генька чувствовал себя виноватым, но не сдавался, вертел головой и про каждую ямку в снегу говорил:

— Заяц сидел... его след!

Вдруг Генька увидел большое дупло в старом дубе.

— Вот откуда выслеживать надо! — обрадовался он.— Пойдем?

И, не дожидаясь ответа, шагнул в сугроб. Ленька, набирая полные валенки снега, полез за ним. Дупло было просторное, стенки его обуглились и пропахли дымом. У самого входа был кем-то сложен валежник. Мальчики присели на него.

— Тут один от волков прятался. Всю ночь костер жег,— сообщил Генька.

— Врешь все,— недоверчиво усмехнулся Ленька.— То зайцы, то волки...— Он вдруг прислушался. На дороге скрипел снег.

Генька выглянул и, легонько свистнув, попятился назад.

— Прячься! Прячься! Мамка твоя идет!

Ленька посмотрел на дорогу. Натянув на груди веревки, Пелагея, нагнувшись всем телом вперед, медленно волокла в гору санки с хворостом. Ноги ее скользили, платок съехал с головы, и влажные волосы покрылись инеем. Она часто останавливалась, с трудом переводя дыхание.

Ленька невольно рванулся к ней, но Генька крепо вцепился в его рукав:

— Дурак! Тебя же ругать будет! Она небось злая сейчас. Они все такие, матери-то. Чуть что потруднее, так сейчас злые делаются. И на нас нападают. Моя тоже такая.

Ленька опустил голову и слушал удаляющийся скрип полозьев. Скрип был неровный: то затихающий, то резкий. Леньке казалось, что он слышит трудное дыхание матери. От волнения он и сам дышал глубоко и тяжко.

«Не довезет... Слабая она...» — вертелось у него в голове. Но руки были опущены, онемевшие ноги не двигались.

И только когда фигура матери черной точкой исчезла в синих сумерках, он поднял голову и повернулся к Геньке:

— Пропади ты пропадом со всеми твоими зайцами! В последний раз я с тобой шатался!

* * *

Прошло несколько дней, Ленькино место в классе все еще пустовало. Это пустое место сразу бросалось в глаза Татьяне Андреевне, когда она входила в класс. Ее сердило и тревожило отсутствие ученика. Она припоминала свой разговор с Ленькой дома, потом — неприятное объяснение в классе. Одно как-то не вязалось с другим, и Татьяна Андреевна, пожимая плечами, грустно говорила себе: «Не понимаю». Было очевидно, что Ленька не хочет и боится с ней встретиться.

Она пробовала узнать что-нибудь от ребят, но и они говорили разное:

— Матери помогает...

— С Генькой шатается...

Татьяна Андреевна позвала к себе Егорку. Егорка ничего не знал. Он рассказал только про последнюю встречу с Ленькой, когда тот возвращался с неудачной охоты.

— И чего шатался? — простодушно сказал он.— Обмерз весь... Семья, говорит, большая. А сам с Генькой на зайцев ходит.

— На зайцев?

— Ну да! С ружьем ходит. Все ребята их видели!

Татьяна Андреевна задумчиво посмотрела на Егорку.

— Мне все это узнать надо.

— Я к нему не пойду,— насупился Егорка.— Я тогда про него сказал, он на меня злится теперь.

Татьяна Андреевна села на диванчик и вздохнула. Егорка тоже присел на кончик стула и поглядел на учительницу круглыми карими глазами.

— Ведь он не ходит в класс! — почти выкрикнула Татьяна Андреевна. На щеках ее вспыхнули красные пятна.

Егорка вскочил. За эти пятна на щеках учительницы он решил хорошенько поквитаться с Ленькой.

«Вот я ему дам по шее»,— подумал он про себя.

— Да вы не беспокойтесь, Татьяна Андреевна! Не беспокойтесь!

Татьяна Андреевна рассердилась:

— Что ты мне все твердишь: «Не беспокойтесь»! Я тебе говорю, что в классе, там, где сидел твой товарищ, пустое место! А ты мне повторяешь: «Не беспокойтесь, не беспокойтесь»!

Егорка раскрыл рот, но Татьяна Андреевна продолжала:

— А если у тебя в семье за столом нет сестренки или братишки, который должен сидеть тут, рядом с тобой, то ты не беспокоишься?

— Так ведь он жив...— робко начал Егорка.— И не болеет, слышно...

— «Слышно»! — рассердилась Татьяна Андреевна.— А что еще тебе слышно?

Егорка потупился.

— Я с ним не дружу,— сказал он.

— Не дружишь? — протянула Татьяна Андреевна.— Тогда конечно... Тебе безразлично... Пускай болеет, пускай умирает, пускай неучем остается...

Егорка молчал.

— Ведь четыре года вы в одной школе вместе сидели. Что же это, по-твоему, ничего не значит? Научу я вас когда-нибудь быть людьми?

Егорка потянул к себе шапку.

— Ребят с собой возьми. Помогите там по хозяйству — может, не справляется он один... Да не говори, что я послала тебя,— провожая его, сказала Татьяна Андреевна.

* * *

Ленька похудел. Не щеках его обозначились скулы, подбородок заострился. Когда, втянув голову в плечи, он проходил по двору или, подперевшись руками, сидел за столом, Николка спрашивал у матери: «Что это он тихий такой?»

После встречи с матерью в лесу Ленька перестал бегать из дому. Он вставал рано, гремел ведрами, наполнял водой кадку и следил за каждым шагом матери, внимательно при-

мечая все, что она делает, и удивляясь тому, что никогда не замечал раньше, сколько у нее работы. Часто, когда мать клала руки на поясницу и с трудом разгибала спину, он подбегал к ней и испуганно говорил:

— Сядь! Сядь!

А она, вместо того чтобы жаловаться, растроганно отвечала:

— Да не устала я, милок... Ни чуточки не устала...

И гладила Леньку по щеке жесткой от работы ладонью.

По ночам мать тяжко вздыхала. Ей не давало покоя, что Ленька отбился от школы. Она пробовала заговаривать об этом, но Ленька молчал, съеживался и озлоблялся. Тогда мать пыталась хитрить с ним и иногда утром, искоса поглядывая на сына, говорила:

— Батюшки! Время-то, время-то бежит! Девятый час, поди...— и клала перед ним сумку с книгами.

Ленька подходил к окну и, забывшись, смотрел на улицу. Из всех дворов выбегали школьники. Ленька барабанил по стеклу пальцами, хмурился, о чем-то думал про себя, но в школу не шел.

— Сынок! — окликала его мать.

Ленька вздрагивал, как человек, застигнутый врасплох.

— Сходил бы ты к Татьяне Андреевне, сынок. Повинился бы ей по-хорошему.

— Не в чем мне виниться,— сурово отвечал Ленька и, чтоб прекратить разговор, выходил из избы.

«Выгонит он нас»,— тревожно думал Егорка, шагая по улице с соседскими ребятами Степой и Митрошей. Митроша был рослый и крепкий. Степа — тонкий и длинный. Егорка — приземистый и круглолицый. Все трое были неразлучными друзьями и всюду являлись вместе. Зная наперечет семьи фронтовиков, они заходили к ним как свои люди и деловито принимались за работу: кололи дрова, носили воду, перебирали вместе с хозяйками проросшую картошку и, уходя, говорили:

— Если что надо, гукните в школу, мы сразу и придем!

С первого дня войны Митроша, Степа и Егорка вывешивали в колхозной избе-читальне сводки. Переписывали они их крупными печатными буквами и заканчивали всегда одними

и теми же словами: «Да здравствует непобедимая Красная Армия!»

Все село знало и любило этих ребят, и везде чувствовали они себя желанными гостями, но сегодня, идя к Леньке, Егорка хмурился и молчал — кажется, ни за что не пошел бы он к Чистяковым, если б не Татьяна Андреевна.

Ленька был дома. Он сидел за столом, а мать стояла у печи и, глядя на огонь, вспоминала последнее письмо отца. Было оно писано чужой рукой и послано из какого-то госпиталя. Отец ни на что не жаловался и только короткой припиской сообщал, что малость вышел из строя и лежит в госпитале.

Дверь с шумом хлопнула, и в избу ввалилось трое ребят. Ленька поднял голову и увидел Егорку. Егорка снял шапку и оглянулся по сторонам.

— Мы к тебе, тетя Поля! — улыбаясь, сказал он и поправил за поясом топор.— Вишь, ребята по работе соскучились! Не помочь ли чего по мелочи? Здорово, хозяин! — кивнул он растерявшемуся Леньке.

Пелагея поставила ухват и заволновалась:

— Ишь ты... Скажи пожалуйста... Да кто же это вас прислал-то?

— Мы сами по себе! — весело сказал Егорка.

— Сами сознательные! — буркнул от двери Митроша, подпирая головой притолоку.

Тонконосый длинный Степа вытащил записную книжку и важно сказал:

— Ну, в чем тут нужда? Говори, тетя Поля! Я заявление могу от тебя написать! И сам в район его отнесу!

— Что ты, что ты! — замахала руками Пелагея.— Зачем людей зря тревожить? Время военное. Не мы одни!

Митроша потянулся и потер варежкой нос.

— К делу! Спрашивай, Егорка!

— Чего спрашивать? Сперва снег с крыши скинем — больно много снегу этой зимой... А там, глядишь, и еще какая работенка найдется.— Егорка дружески кивнул Леньке.— Пошли во двор! Лопаты давай!

— Вот-вот...— заторопилась вдруг Пелагея.— Когда б вы

мне сарайчик починили: поросенок у меня там в дырку выскакивает. Вот кабы починили — не набегаюсь я за ним...

Ленька бросил на мать сердитый взгляд, надел тулуп и вышел из избы. Сердце его кипело обидой на мать, на ребят, на Егорку. Больше всего на Егорку, державшего себя как ни в чем не бывало. Он не знал, что Егорка, выполняя мудреное задание Татьяны Андреевны, чувствует себя неуверенно и старательно прячет эту неуверенность. Оба исподтишка следили друг за другом. Ленька с ненавистью смотрел, как Егорка, весело насвистывая, подошел к сарайчику, вытащил старые тряпки, которыми Пелагея затыкала большую дыру в стене, шлепнул по носу выглянувшего оттуда поросенка и сказал:

— Хрюшка-то у вас небось по всему двору бегает?

— Выскакивает, выскакивает! — снова подтвердила Пелагея.

Егорка вытащил из сарая доску, повертел ее в руках, примерил и стал обтесывать.

— Гвозди есть?

Ленька пошел в кладовку. Железная крыша трещала под Митрошиными сапогами, по двору сновала длинная фигура Степы, от сарайчика доносились веселое посвистывание и стук топора. Сердце у Леньки сжималось от стыда и обиды, что на его дворе хозяйничают непрошеные гости, тогда как ему, Леньке, ничего бы не стоило сделать все это самому. Он долго копался в ящике с гвоздями и горько повторял:

— Приедет отец — все расскажу!

Митроша вытащил из-под снега промерзшие бревна.

— На починку они тебе не пойдут,— постукав топором по гнилому стволу, сказал он Леньке.— Давай матери на дрова изрубим!

Стиснув зубы, Ленька в сердцах схватил топор и всадил его в бревно. Митроша молча вытащил топор и бросил его на крыльцо.

— Пилу давай!

Окончив работу, мальчики полезли на крышу и потом долго топтались на дворе, отряхивая с валенок и полушубков снег.

— Да, тяжело тебе... Такая семья не шутка,— протянул Егорка, поглядывая на Леньку.

В горле у Леньки заклокотало от злости, и, захлебываясь словами, он хрипло забормотал:

— Моя семья! И никому до нее дела нет! Я большак! Отец меня сам назначил! Сам я и справлюсь здесь!

Он задохнулся и обвел взглядом ребят.

— Справишься так справишься! — безразлично сказал Митроша, хлопая мокрыми варежками.— Пошли, что ли!

Степа косо поглядел на Леньку, обидчиво дернул носом, спрятал в карман записную книжку и шагнул за Митрошей.

— А за помощь... спасибо! — бросил им вслед Ленька.

Егорка облокотился на перила крыльца.

— Ступайте! Я приду потом,— кивнул он ребятам.

Ленька вызывающе посмотрел на него.

— Это ты правильно сделал,— сказал вдруг Егорка.

— Чего? — удивился Ленька.

— Я и сам не люблю, когда мне помогают,— не отвечая на его вопрос, задумчиво сказал Егорка. Он прищурился и помотал головой.— Смерть не люблю!

— А ко мне пришел? — с упреком спросил Ленька.

— Я пришел...— замялся Егорка и посмотрел на Леньку.— Ты вот все... на охоту ходишь.

— На охоту? — переспросил Ленька и, засунув руки в карманы, поглядел на товарища сверху вниз.— На зайцев хожу! А тебе что?

«Увязаться за мной хочет!» — подумал он про себя.

— А не ловятся зайцы-то? — тихо и неуверенно спросил Егорка, чувствуя, что не с того начал и не так ведет разговор, как нужно.

— Ничего! — хвастливо сказал Ленька и, увлекшись, начал рассказывать о своих похождениях. Рассказал и про заячьи уши, которые он чуть руками не схватил, и про силки с зайцами.

Егорка слушал его с улыбкой, щурясь на белый снег; он думал о Татьяне Андреевне: «Что ей скажешь? Зря ведь шатается...» Ему стало жалко Леньку. Он прервал его на середине рассказа и нетерпеливо спросил:

— Да на что тебе зайцы-то? На что!

— Как на что? — опешил Ленька.— Ведь семья у меня! Что ни заяц, то шапка! Я в тот раз ноги отморозил — думал, пропаду вовсе,— неожиданно для себя пожаловался он.— Болото... Ветер в ушах свистит...— Он поежился.— Вот так-то и отец, бывало...

Егорка вспомнил, как встретил у ворот школы посиневшего, промерзшего Леньку. Он заволновался:

— Брось ты это... зайцев своих! Не доведут они до добра! Ведь ты в школу не ходишь!

— А я в школу и не пойду,— твердо сказал Ленька.

— Почему? — удивился Егорка.

— Из-за тебя не пойду, из-за ребят не пойду, из-за Татьяны Андреевны не пойду! — неожиданно со злостью выпалил Ленька.

Егорка смотрел на него испуганными глазами.

— Татьяна Андреевна не верит мне... Думает — гуляю, шатаюсь...— Голос у Леньки дрогнул.— Никто жизни моей не знает!

Егорка схватил товарища за рукав и, забыв предупреждение учительницы, быстро заговорил:

— Татьяна Андреевна сама меня послала. Жалеет она тебя, беспокоится. Я ведь не сам пришел...

Ленька выдернул свой рукав и отвернулся.

Егорка тронул его за плечо.

— Ты на меня не сердись. Я ведь тогда в классе по дружбе...

Ленька молчал, сглатывая слезы.

* * *

Егорка пришел к Татьяне Андреевне взволнованный. Из его сбивчивого рассказа выходило так, что не ходит Ленька в школу не потому, что заленился, а потому, что она, Татьяна Андреевна, не верит ему больше. А на зайцев ходил он потому, что ребятам нужны шапки. А зайцы все равно не словились, и только намучился с ними Ленька.

— Сказал: «Не пойду в школу», а сам заплакал.

Егорка замолчал и добавил с тяжелым вздохом:

— Никто жизни его не знает...

Татьяна Андреевна посмотрела на его доброе огорченное лицо и встала.

— Ну иди! Спасибо тебе.

Егорка широко раскрыл глаза и не двинулся с места.

— Как же... с Ленькой-то?

Он хотел еще что-то сказать, но Татьяна Андреевна замахала руками:

— Иди, иди!

Он хмуро и укоризненно посмотрел на нее: «Четыре года учила его... А случись что-нибудь...» И вышел с тяжелым чувством обиды за товарища: «Ничего, Ленька, сами обдумаем!»

Татьяна Андреевна надела шубку, схватила платок и остановилась.

«Я до сих пор верила тебе, Леня!» — вдруг отчетливо вспомнила она свои слова. И перед ней сразу встало испуганное, умоляющее лицо Леньки, вспомнился его отчаянный крик, который вызвал смех всего класса: «Я зайцев ходил стрелять!»

Он испугался, что она не верит ему больше.

Татьяна Андреевна вдруг поняла: «Я не осталась с ним, не узнала, не расспросила... Я ничего не сделала!»

Завязывая на ходу платок, учительница почти бежала по длинной деревенской улице...

А в избе шло тяжелое объяснение.

Расстроенный приходом ребят, Ленька надрывно кричал матери:

— Я бы сам тебе все починил! Я не отказывался! Я вон в школу из-за вас не хожу!

Татьяна Андреевна остановилась в сенях и прислушалась.

— Из-за вас! Из-за вас! Все ноги себе отморозил! Вруном перед Татьяной Андреевной сделался... А она тоже на меня сердится... Если бы пришел к ней с зайцами, может, поверила бы...

Татьяна Андреевна отворила дверь. Ленька, уронив голову на край стола, плакал громко и жалобно. Пелагея, опустив руки,

стояла над ним молчаливая и испуганная. Татьяна Андреевна бросилась к Леньке:

— Тише... тише... Я не сержусь. Я верю тебе...

Ленька поднял мокрое от слез лицо, он силился что-то сказать, но неожиданный визг заглушил его слова.

Уткнувшись друг дружке в плечо пушистыми головками, двойняшки залились звонким плачем.

— Что это? — испуганно спросила Татьяна Андреевна.

— Это... Манька-Танька,— засмеялся Ленька, вытирая пальцами не просохшие от слез щеки.

* * *

Майское солнце заливало Ленькину избу. Оно пробивалось во все щели, золотым ручейком струилось по крашеному полу, зайчиком пробегало по светлым волосам двойняшек и гладило горькие морщины матери. Вестей от отца не было. Последнее Ленькино письмо, посланное в госпиталь, пришло обратно с короткой надписью: «Выбыл». Ленька не показал его матери. Вместе с Татьяной Андреевной они написали запрос в полк.

Время шло. Немногое изменилось в Ленькиной жизни, но изменилось главное: ученье наладилось, в семье наступил мир и жизнь пошла ровнее. Только об отце вспоминать было больно, о нем старались говорить меньше.

Был первый день праздника. Накануне Пелагее прислали из колхоза подарки для ребят. Двойняшки в одинаковых платьицах, как два розовых цветка, сидели на подоконнике, высовывая на улицу свои пушистые головки. Нюрка, поскрипывая новыми башмачками, бегала по избе; Николка, засучив рукава ковбойки, тер мылом красные уши. Ленька, с удовольствием поглядывая на принаряженных ребят, вместе с матерью рылся в сундуке: к его новым брюкам в полосочку не подходила старая, изношенная за зиму рубаха. Егорка, нарядный и радостный, вбежал в избу. На нем была зеленая гимнастерка, из кармана торчал карандаш, жесткий воротник провел под Егоркиным подбородком красную черту.

— В Веселовке кино нынче! Собирайся! Ребята ждут!

Ленька посмотрел на заштопанные рукава своей рубашки и замялся. Мать молча вынула из сундука отцовскую куртку и подала ее сыну. Ленька испугался, замотал головой. Ему вдруг показалось, что если он наденет отцовскую куртку, то это будет значить, что отца нет, он не вернется и Ленька уже никогда не увидит этой куртки на отцовских плечах... И, отстраняя ее обеими руками, он повторял:

— Убери... убери! Пусть отцу будет!

— Что же хуже людей-то быть? — мягко сказала мать.

— Надевай! Надевай! — закричал Егорка.

Товарищи Егорки с шумом ввалились в избу:

— Пошли, что ли!

Ленька надел куртку. Рукава были длинны, плечи широки.

— Не по мне она...

— Рукава подвернуть можно. Потом ушью,— сказала мать и, порывшись в сундуке, вынула оттуда старый кошелек. Ее сухие пальцы долго перебирали что-то в кошельке, пока нащупали новенькую пятерку.— Возьми, сынок... Может, кваску там или пряничек себе купишь.

Ленька взял пятерку и, опустив глаза, вышел из избы.

По дороге в Веселовку ребята разговаривали о военных событиях, рассказывали деревенские новости. Егорка всегда ободряюще действовал на Леньку, но сейчас он рассеянно слушал его. У леса они встретились со стариком Пахомычем, давним приятелем Ленькиного отца. Старик работал на пристани.

Он подошел к Леньке.

— Да-а, вырос... Вырос, парнишка, ты... Вот она и куртка отцова на тебе.— Он провел рукой по бархатному рукаву и покачал головой.— Вместе покупали. Да вот... не судьба...

Ленька съежился и, не зная, что сказать, молча переминался с ноги на ногу. Пахомыч вдруг спохватился:

— Да! Бишь, об чем это я? Как мать-то? Ребятишки, а? Небось туго живете, а?

— Ничего,— протянул Ленька,— помаленьку,— и посмотрел вслед товарищам, которые ушли вперед.

— «Помаленьку, помаленьку»! — с живостью подхватил Пахомыч.— Что надо — ко мне приходи! Работенка всегда найдется!

— Учусь я...

— А ты по выходным... По выходным приходи! Сейчас сезон открывается. Первого парохода ждем. Большая погрузка будет.— Он потрепал Леньку по плечу.— Я тебя живо-два пристрою! Придешь?

— Приду! — обрадовался Ленька.

И, попрощавшись с Пахомычем, побежал догонять товарищей. Ребята ушли уже далеко. В лесу Ленька замедлил шаг и, размечтавшись, тихо брел, не замечая дороги.

«Каждый выходной работать буду! Мешки укладывать или таскать что... Всякая работа по мне»,— радовался он.

Из-за леса гулко и призывно донесся Егоркин голос:

— Э-эй! Ленька! Опоздаем!

«Ничего, поспею!» Он вспомнил старый пустой кошелек матери и полез в карман за пятеркой: «Эту тоже не потрачу... К своим приложу тогда... Чтоб ей больше было...»

Он представил себе, как выложит матери заработанные деньги, увидел ее удивленное лицо и громко засмеялся, но тут же притих. Этот смех словно резнул его по сердцу, и он тоскливо прошептал:

— Папаня!..

* * *

После праздника рано утром Ленька прибежал к Татьяне Андреевне. В школу они шли вместе, и дорогой Ленька, захлебываясь, рассказывал ей о том, что Пахомыч обещал ему работу на пристани.

— Подожди! Подожди! Что это за Пахомыч такой? — озабоченно спрашивала Татьяна Андреевна.

— Да Пахомыч! Старик вообще...

— Да откуда ты его знаешь, я тебя спрашиваю?

Узнав, что Пахомыч приятель Ленькиного отца, Татьяна Андреевна не стала возражать.

Вечером Ленька подсел к матери:

— Я вот что... К Пахомычу пойду. Работать у него по выходным буду. Может, и на все лето возьмет он меня.

Мать заплакала. Ленька обнял ее за шею и сказал с суровой лаской:

— Ну-ну, не реви... Я совсем тут близко буду.

В первое же воскресенье он отправился на пристань и нарочно прошел мимо раскрытых окон Татьяны Андреевны. Он чувствовал себя взрослым, рабочим человеком; на плечи была накинута отцовская куртка. Его провожал до околицы Николка.

— Ухожу, Татьяна Андреевна! На работу! — крикнул он в раскрытое окошко учительнице.

Она выглянула, кивнула ему головой.

Ленька весело зашагал по дороге, наказывая провожающему брату:

— Гляди тут без меня... Мать — она слабая!

* * *

Ленька уже два летних месяца работал на пристани. На его обязанности лежало записывать принятый с парохода груз. Работа была легкая; вместе с другими подростками Ленька успевал несколько раз в день выкупаться в реке, а от парохода до парохода — приготовить мешки для погрузки. Он не боялся никакой работы: чистил сарай, зашивал прорвавшиеся мешки, бегал за хлебом для грузчиков. Каждую субботу, чисто вымытый, с мокрым пробором на голове, Ленька облекался в бархатную куртку и отправлялся домой. Младшие дети выбегали к нему навстречу. Он оделял их черными медовыми пряниками, брал на руки Нюрку и, поминутно подгоняя отстающих двойняшек, шествовал по деревне, выспрашивая Николку обо всех новостях. В избе степенно здоровался с матерью и выкладывал на стол недельную получку.

Пелагея умилялась, долго держала на ладони деньги, не зная, куда их положить. И потом всю неделю, в ожидании сына, говорила соседкам:

— Мой-то... большак, каждую получку в дом несет!

* * *

Стоял конец июля. На пристани сновали люди, скрипели на воде привязанные лодки, гремели тяжелые, груженные солью вагонетки. Под навесом сидели на узлах пассажиры, топтались босоногие ребятишки. Ждали парохода.

Белоголовый, обветренный, вытянувшийся за лето Ленька стоял на пристани рядом с Пахомычем.

Издалека донесся протяжный гудок. В голубые облака поползли черные клубы дыма. Покачивая белыми, заново покрашенными боками, рассекая носом воду, показался пароход. Пассажиры заволновались. Матросы приготовили сходни. Пароход вплотную подошел к пристани. Тяжелые, намокшие кольца каната шлепнулись на чугунные стойки и тихо заскрипели, натягиваясь между пристанью и пароходом. Глубокая темная щель с мутной водой медленно сокращалась. Пароход, дрогнув, остановился. На палубе засуетились люди. Матросы сбросили сходни.

— Поберегись! Поберегись!

Ленька стоял, опираясь грудью на мешки. Пассажиры толпой протискивались мимо него к выходу.

И вдруг губы у Леньки дрогнули, глаза уставились в одну точку; он бросился в толпу и застрял в ней, пробиваясь вперед головой и руками. Пахомыч схватил его за рубаху:

— Стой, стой! Ошалел, что ли?

— Папка! Папаня! — вынырнув из толпы, отчаянно крикнул Ленька.

Люди стиснулись, откачнулись к перилам и пропустили человека в шинели. Одна рука его протянулась вперед к Леньке, вместо другой повис пустой рукав. Обхватив отца за шею и не сводя глаз с этого пустого рукава, Ленька повторял, заикаясь и плача:

— Пришел, ты пришел... папаня мой?!

* * *

Над лесной дорогой шумели старые дубы. В пышной зелени кустов пели птицы. Темные, согретые солнцем листья мягко задевали за плечи. В светлых лужах мокла изумрудная трава.

Сын крепко держал за руку отца и неумолчно, торопливо рассказывал ему о своей жизни. Голос его иногда падал до шепота и терялся в шуме ветра и птичьих голосов, иногда прорывался слезами, и, охваченный горечью воспоминаний, Ленька останавливался.

— Слышь, папка?..

Отец крепко сжимал тонкую жесткую руку сына.

— Слышу, сынок!..

Встречный ветер трепал полы серой шинели и срывал с Ленькиных плеч черную бархатную отцовскую куртку.

ТАТЬЯНА ПЕТРОВНА

День начинала мама. Она надевала нарядный клеенчатый передник и быстро-быстро бегала из комнаты в кухню, готовила завтрак, прибирала, мыла посуду. А когда бабушка порывалась встать, ласково говорила:

— Лежи, лежи! Нечего тут двоим делать!

Сначала бабушка слушалась, потом начинала охать и возмущаться:

— Да чего это я лежать буду? У тебя одной дела, что ли? Мне вон кур выпустить надо!

Бабушка вставала, одевалась и шла к сарайчику. Оттуда уже неслось громкое кудахтанье и крик петуха.

— Ишь ты! — говорила бабушка.— Сейчас! Сейчас! Иди, иди, петушиная голова! Нечего на хозяйку глотку драть! Недовольный какой!

На крыльцо выбегала Таня. От утреннего умывания волосы и ресницы ее были мокрые, руки тоже были вытерты наспех. Она громко чмокала бабушку в щеку.

— Фу-ты, вся мокрая! — говорила старушка, утирая лицо платком.

— Ничего, обсохну,— не смущалась девочка.

Ей нравилось смотреть, как, густо сбившись в кучку, куры, оспаривая друг у друга крошки, стучат клювами по тарелке. Белые, черные, пестрые хвостики торчали вверх. Таня, растопырив руки, неожиданно бросалась ловить их. Куры с громким криком разлетались в разные стороны. Рассерженный петух бросался на Таню. Бабушка хватала девочку за руку:

— Ну, что ты делаешь? Озорница этакая! — И, втаскивая Таню в комнату, закрывала за ней дверь.

Таня бежала к маме:

— Мамочка, я тебе посуду помою! Нет, лучше подмету, ладно? Или пыль сотру, ладно?

— «Ладно, ладно»!..— передразнивала ее мама.— Ну что ты ходишь за мной? Возьми щетку и подметай. Кажется, большая девочка — сама видишь, что нужно делать!

Таня со щеткой лезла под кровать и выметала оттуда башмаки и туфли. Потом высовывала щетку в окно и стучала по подоконнику, стряхивая с нее пыль.

— Тише! Тише! Бориску разбудишь!

Но трехлетний Бориска уже открыл глаза:

— А мама?

Он всегда просыпался с одним и тем же вопросом: «А мама?»

Таня бежала в кухню:

— Уже «А мама» проснулся!

Мама подходила к кроватке. Бориска теплыми руками обнимал маму за шею, дотрагивался пальчиком до маминых губ и просил:

— Смейся, мама!..

Бориска любил одеваться сам. Застегивая рубашечку, он часто попадал не в те петли, начинал сердиться, натягивал на себя одеяло и прятался под него с головой.

Тане становилось жалко братишку. Она бегала вокруг кроватки:

— Ку-ку! Ку-ку!

И, приподняв краешек одеяла, прижимала свое смеющееся лицо к толстым щекам брата.

— Уходи!.. Уходи! — отбивался Бориска.

Мама обнимала девочку:

— Оставь его. Он капризный сегодня, неприятный какой-то.

— Нет, приятный! — кричал Бориска, высовывая из-под одеяла испуганное лицо. И, видя, что мама с Таней уходят, протягивал к ним пухлые ладошки: — Нет, приятный, нет, приятный!

Мама с Таней переглядывались, как две заговорщицы.

— Вернемся уже,— шептала Таня,— а то заревет...

— Ну, будешь хорошим мальчиком? Я тебя сейчас одену...

— Ладно,— неожиданно соглашался Бориска.

По сравнению с братишкой Таня чувствовала себя очень умной и взрослой.

— Тебе до меня еще много жить надо, и все равно я всегда старше буду,— говорила она братишке.

На дворе Таня затевала шумные, беспокойные игры. Большей частью она придумывала их сама. Любимая ее игра в «путешествие» редко кончалась хорошо. То какой-нибудь мальчишка сваливался с корабля, построенного детьми из садовых скамеек, то разбивал себе нос, прыгая с бочки. За рев маленький путешественник исключался из игры. А Таня снова выезжала в открытый океан, отбирая себе самых ловких и крепких ребят. Младшие, сбившись в кучу, завистливо смотрели, как, сидя верхом на скамейке и разгребая руками воздух, уплывают от них старшие.

Моряки — народ отважный,
Не пугает их вода...—

запевала Таня. Но тут появлялись взрослые:

— Почему ты малышей не берешь? Играйте все вместе. Нехорошо так...

Тане становилось скучно, и она шла домой.

— Что прибежала? — подозрительно спрашивала бабушка.— Напроказила небось?

— Скучно,— говорила Таня.

— Ну, сейчас плясать будем,— ворчала бабушка.— Погляди лучше книжку. Все перезабыла поди. Второклассница!..

За ужином мама была молчалива, что-то обдумывала про себя, а потом вдруг подошла к бабушке и крепко поцеловала ее.

— Я уезжаю. Не волнуйся. Всего на три месяца...

— Батюшки! — всплеснула руками бабушка.— На три месяца! Да ведь это за три года покажется!

На лице у нее появился румянец, она взволнованно скомкала салфетку и показала на Таню:

— Если б другая девочка была!..

— Таня! Ты слышишь, что бабушка говорит? — грустно спросила мама.

Таня молча кивнула головой.

— Ты понимаешь, что я должна ехать? Меня посылают в командировку.

Бабушка твердо сказала:

— Не расстраивайся, Нюточка. Надо так надо! А мы и одни с Танюшкой управимся,— неуверенно добавила она, взглянув на внучку.

— Управимся! Управимся! — закричала Таня.

Мама начала укладываться.

Сидя на чемодане, она долго говорила наедине с дочкой:

— Бабушка старенькая, ей трудно... А ты уже большая девочка...

Обе вышли из комнаты с красными глазами.

Бабушка держалась крепко, но про себя волновалась то по одной, то по другой причине.

— Вот еще, Нюточка,— говорила она маме,— по нашей улице все какие-то стройки идут... Как бы наш дом-то не перевезли на другое место. Ты бы там сказала кому надо, что тут вот куры у меня...

— Да не тронут твоих кур,— смеялась мама.— И все это не так скоро!

— Ну, не скоро, не скоро, а раз уж по плану намечено — того и гляди, с места стронемся!

— Ах, мамочка, ну что ты придумываешь? Ничего тут не случится за три месяца.

Мама уехала. Бабушка стала строже. Она как будто даже прибавилась в росте и ходила по дому прямая, сосредоточенная. У Бориски она все время щупала лоб и ни с того ни с сего просила его показать язычок. Каждое маленькое событие волновало ее.

— Бабушка! За квартиру счет принесли!

— Где, где! Да не хватай ты! Что еще за бумажка такая? Разглядеть надо!

— Да, бабушка, ведь всегда такую приносят!

— «Всегда, всегда»! Не учи ты меня, пожалуйста!

Таня посмеивалась, а иногда нарочно поддразнивала старушку.

— Наш дом скоро перевозить будут,— говорила она, растягивая слова, и, подражая бабушке, добавляла: — Уж не знаю, куда и как...

Старушка поднимала на лоб очки:

— Это ты чего болтаешь? Кто тебе сказал?

Таня со смехом бросалась к ней на шею:

— Я пошутила, бабушка, пошутила!

— Тьфу! Поди ты от меня! Все какие-то свои штуки выкомариваешь!

Иногда Таня вспоминала последний разговор с мамой. Она вскакивала утром и принималась за всякие дела. Поставив на плиту молоко, бежала одевать братишку или принималась за уборку. Молоко сбегало. Сосед Алексей Степанович, выходя из своей комнаты, ворчал:

— Ну, напустила угару! Дышать нечем!

Бориска кричал:

— А мама? — и капризничал.

Таня, потеряв терпение, шлепала брата. На шум прибегала бабушка:

— Бессовестная девочка! Уходи отсюда! — и принималась сама успокаивать Бориску.

А Таня, надув губы, уходила во двор.

* * *

1 сентября начались занятия в школе. Таня с вечера складывала в сумку свои книги, аккуратно вешала на спинку стула коричневую форму. Утром быстро одевалась, пила чай и, крикнув:

— До свиданья, бабушка! — убегала.

В школе Тане нравилось все: молоденькая учительница Ирина Петровна, подруги, светлый класс с черной доской, цветы на окнах, которые девочки поливали по очереди каждый день. Нравились Тане и уроки. Она любила стоять у доски и отвечать на вопросы Ирины Петровны. Любила старательно выводить на доске мелом слова, которые диктовала учительница. Не ответить на заданный вопрос Тане было стыдно, и дома она тщательно готовила уроки.

Но больше всего в школе Тане нравилась вожатая Зина — высокая, худенькая, с гладкими черными косами, связанными вместе одной ленточкой, и красным галстуком на шее. Зина всегда умела чем-то занять девочек. В перемену она выходила с ними на большой двор школы, собирала их в круг и, стоя посредине, хлопала в ладоши:

— Давайте, девочки, споем «Березоньку»!

— А мы не умеем,— раздавались голоса.

— Ничего, я вас научу. Пойте за мной!

Зина начинала тихонько напевать, голосок у нее был слабенький, но она так старательно выводила песню, что даже тонкие брови ее поднимались вверх и все лицо краснело. Таня изо всех сил помогала Зине, первая подхватывала песню и пела громче всех. Всем становилось очень весело. Один раз Зина придумала смешную игру, которая называлась «Куриный разговор», и разделила девочек на петушков и курочек.

— Станьте друг против друга и пойте за мной:

Встретила Хохлатка
Петю-Петушка,
Друг дружке поклонились
Два красных гребешка.
И, разгребая лапками
Навозный теплый сор,

Они ведут учтивый
Куриный разговор...

Поклонитесь! Так! Теперь курочки поют:

«Ты куд-куда,
Ты куд-куда,
Ты куд-куда идешь?»

Теперь петушки поют:

«Я, ко-ко-ко,
Я, ко-ко-ко,
Шагаю прямо в рожь!»
«Ах, куд-куда,
Вот куд-куда,
Возьми меня туда!»
«Но, ко-ко-ко,
Но, ко-ко-ко,
Ведь это далеко!»
«А не беда,
Куд-куд-куда,—
Мы после отдохнем!»
Так ко-ко-ко
И куд-куда
Пошли гулять вдвоем!

Девочки просили Зину:

— Еще! Еще поиграем!

Все расшалились, начали кудахтать и кукарекать, и от этого всем было очень смешно.

А Таня, придя после уроков домой, собрала во дворе малышей.

— Сначала мы споем песню «Березонька»,— сказала она,— а потом поиграем в смешную игру «Куриный разговор».

Малыши облепили Таню со всех сторон. Таня терпеливо учила их словам песни и пела сама, высоко поднимая вверх брови, как это делала Зина. Малыши часто сбивались, но послушно выполняли все, что говорила им Таня, и, когда игра кончилась, долго не хотели расходиться.

— Завтра опять будем играть,— пообещала им Таня, уводя

за руку Бориску, который никак не мог успокоиться и все кукарекал.

Старшие ребята досадовали: им было скучно без Тани.

— Ну, связалась с малышами...— ворчали они.— Давай лучше в путешествия поиграем!

— А кто же будет занимать малышей? — вдруг сказала Таня.

С тех пор, приходя после уроков домой, Таня стала каждый день играть с малышами, втягивая в игру и старших ребят.

Дома она начала заботиться о Бориске. Вечером сама укладывала брата и, придвинув к кроватке свой стульчик, спрашивала:

— Хочешь, я тебе сказочку расскажу?

Бабушка на цыпочках подходила к дверям.

— Жила-была курочка-ряба...— тихо доносилось до нее из комнаты.

* * *

Один раз Ирина Петровна сказала:

— Нам дали при школе участок. Сегодня после уроков мы будем сажать маленькие деревца.

И когда все девочки вышли на участок, оказалось, что там уже вырыты ямки: это сделала Зина со старшими девочками. И еще Зина очень интересно придумала: каждая девочка, сажая деревце, написала на дощечке, кто его посадил. Все так и сделали. А потом бегали по саду и громко читали: «Катина березка», «Марусина вишенка», «Валина груша». Появилась и «Танина яблонька». Когда сад был уже посажен, Зина сказала:

— Ай-ай-ай! Остались еще деревца. А места уже нет. Что же нам с ними делать?

Таня вспомнила свой двор: как бы обрадовались все ребята, если б у них появился свой садик.

— Зина, дай мне эти деревца,— попросила Таня,— я посажу их в нашем дворе.

Зина удивилась:

— Ты сама их посадишь?

— Нет, с ребятами. У нас во дворе много ребят.

— Хорошо, Танюк, бери! Я помогу тебе отнести их домой.

На другой день во дворе перед Таниным домом вырос целый молодой лесок. И у ребят появились новая радость и новая забота.

В конце сентября сильно похолодало.

Около бабушкиного сарайчика были сложены дрова. Надо было переколоть и убрать их.

— Я все сделаю, бабушка,— сказала Таня.— Ты не беспокойся.

Ранним утром девочка накинула платок и побежала к дворнику:

— Дядя Степа! Поколите нам дрова!

— Занят,— важно сказал дворник.— Вон рабочие завтракают — может, кто и возьмется!

В последнее время во дворе началась стройка. Гора стружек была свалена в углу. Посреди двора лежали бревна и доски. Рабочие завтракали, сидя на сложенных бревнах.

Таня подошла к ним и остановилась, не зная, с чего начать.

— Ну что, гражданочка, скажешь? Работать с нами пришла или гостьей будешь? — пошутил молодой рабочий.

Таня присела рядом с ним на бревно:

— Мне надо дрова расколоть. За деньги...

— Слышь, Митрич! Дрова колоть пришла,— подмигнул рабочий.

— Никакого смеху тут нет,— обиженно сказала Таня.

— Смеху нет,— значит, дело есть! — добродушно улыбнулся старик, которого звали Митрич.— Тебе чего, дрова, что ли, поколоть?

— Ну да! — обрадовалась Таня.— Поколоть и в сарайчик сложить.

— А где живешь-то?

— Здесь,— Таня показала рукой: — Вон мой дом, где деревца посажены.

— Ну что ж! Завтра приду до работы и справлюсь!

Таня побежала домой:

— Бабушка, наняла!

— Чего наняла?

— Да рабочего... Митрича... дрова поколоть!

— Ишь ты! — удивилась старушка.— Да как же это ты?

— Очень просто,— сказала Таня.

— Чудеса! — покачала головой бабушка.

* * *

Когда старушка проснулась, Бориска, сидя на полу, строил из кубиков дом, а в кухне разговаривали два голоса.

Бабушка приоткрыла дверь. Таня в длинном мамином переднике, с приглаженными волосами хлопотала около стола. За столом сидел старик в синей блузе, перед ним дымилась тарелка картошки. Таня обильно поливала ее маслом и приговаривала:

— Кушайте, пожалуйста. Кто работает, тому много есть надо.

— Да уж это, хозяюшка, конечно: сила-то, она из пищи вырабатывается. Ничего, сейчас все, как надо, оборудуем: и поколем, и сложим дровишки ваши,— принимаясь за картошку, говорил Митрич и, ласково прищурившись, поинтересовался: — Я смотрю — росточком вы небольшие, а проворные. Какой же ваш возраст, позвольте полюбопытствовать?

— Возраст? — переспросила Таня. Она не знала этого слова и, поспешно снимая с плиты кофейник, сказала: — Вот еще кофе вам!

Митрич положил локти на стол, оглядел Таню с головы до ног и снова спросил:

— А как же вас звать, хозяюшка?

Таня вспомнила, как отвечала мама, и важно сказала:

— Меня звать попросту... Татьяна Петровна!

Бабушка отошла от двери.

— Ну и ну — Татьяна Петровна! Смех и грех с ней. В передник вырядилась...— И, сидя на кровати, старушка смеялась до слез, повторяя: — Татьяна Петровна! Ишь ты!

А на дворе Митрич колол дрова и говорил Тане:

— Дрова ваши, Татьяна Петровна, сыроваты малость. Ежели щепок или стружек вам на разжижку понадобится, так ко мне на стройку пожалуйте! Корзиночку наложите, и готов...

А то вы, хозяюшка Татьяна Петровна, с этими дровами замучаетесь.

Называя девочку Татьяной Петровной, старик усмехался доброй усмешкой и лукаво поглядывал по сторонам. Около Таниного крыльца собрались ребята; они толкали друг дружку и хихикали:

— Татьяна Петровна! Татьяна Петровна!

— Да она просто Таня! — крикнула Митричу одна девочка.— Она еще маленькая, в школе еще учится!

Таня смутилась, но Митрич положил топор и серьезно сказал:

— А это ничего не обозначает, что учится. Человек до самой смерти чему-нибудь учится. Она хозяйка, при своем деле находится. Значит, и величать ее надо: «Татьяна Петровна».

— Татьяна Петровна! Татьяна Петровна! — с удовольствием повторяли ребята. Им очень понравилось называть Таню этим взрослым именем.

Теперь, когда малыши приходили к Тане домой, они звонили и спрашивали:

— Пришла Татьяна Петровна?

— Три звонка, четыре звонка...— ворчал Алексей Степанович.— Бросаешь работу, думаешь — к тебе, а тут, пожалуйте, от горшка два вершка и Татьяну Петровну спрашивают!

Как-то вечером он прибил к двери дощечку и написал печатными буквами: «Татьяна Петровна — звонить 2 раза».

Дети приходили к Татьяне Петровне заниматься. Они приносили с собой тетрадки, усаживались за стол и писали палочки или раскрашивали картинки. Таня играла в учительницу. С малышами она чувствовала себя совсем взрослой и охотно откликалась на свое новое имя.

Иногда женщины с Таниного двора, прочитав на двери записку, звонили два раза и с улыбкой спрашивали:

— Татьяна Петровна дома?

— Дома, дома,— улыбалась бабушка.

— Можно к ней часа на два своего малыша подкинуть — не с кем оставить его?

— Танюша! — кричала бабушка.— К тебе пришли!

Приближался день рождения Бориски. Таня подолгу шепталась с бабушкой. Вечером, лежа в кровати, обдумывала все свои дела. Надо испечь пирог и купить Бориске подарок. Позвать ребятишек, играть с ними, угощать их. Таня представила себе, как мама встречает гостей, как улыбается им, шутит, смеется и каждому старается сделать приятное. В темноте девочка улыбается и шепчет:

— Кому пирожка?

Вечером, накануне праздника, бабушка месит пухлое тесто. Сладко пахнет ванилью и миндалем. Бориска, переваливаясь на толстых ножках, входит в кухню и, потянув носом воздух, причмокивая языком, говорит:

— Пахнет цветочками!

Бабушка и Таня хлопочут. Обе они красные, перепачканные в муке.

— Бабушка, не сгорит пирог?

— Да нет, не должно! Подержи-ка полотенце, Танечка! Ох, батюшки! Кажется, один бочок жаром прихватило! Ступай, деточка, принеси белки сбитые да миндаль захвати!

Наконец все готово. На вышитом полотенце лежат сладкие булки, пирожки и посыпанный сахаром крендель.

— Удачные, да, бабушка? — в сотый раз спрашивает Таня.

Она сидит на своей кровати с закрытыми глазами и стягивает с ноги чулок — чулок длинный-длинный... Он никак не кончается...

За окном летают красные, синие, зеленые шары. Они привязаны ниткой к форточке.

Бориска потягивается и открывает глаза.

— Бабушка, иди! — взволнованно кричит Таня и бросается к окошку.

Бабушка подходит к кроватке:

С гуся вода — с Борюшки худоба!
Потягунушки-порастунушки,
Поперек толстунушки,
Спинку поцеловать, пяточку пощекотать,
Здоровьечка пожелать!

Бориска выгибает спинку и звонко хохочет.

— С днем рождения, Борюшка! Расти большой, голубчик! — растроганно говорит бабушка.

Глаза Бориски широко раскрываются:

— Шары! Шары!

Таня едва успевает чмокнуть брата и пожелать ему здоровья. Вокруг Борискиной головы уже летают шары; он дергает их за нитку и громко радуется.

Когда Таня приходит из школы, собираются гости.

Алексей Степанович сидит за столом рядом с бабушкой. Бабушка в шелковом платье с белой рюшкой вокруг шеи. Бориска в новом костюмчике, толстый, смешной и удивленный, сидит среди детей.

Таня поверх нарядного платья надела мамин передник: в такой день она ни за что не решилась бы расстаться с ним. Ведь она хозяйка!..

В передней два звонка... еще два.

— Пожалуйста! Входите, входите!

— Здравствуйте, здравствуйте, Татьяна Петровна!

— Ну, где тут самый главный у вас?

— Боря, Боря! Гости пришли!

Бориска вылезает из-за стола и бежит к двери, потом смущается, прячется за Таню и убегает, прижимая к груди какой-нибудь сверток.

По комнате уже прыгают зайцы, бегают автомобильчики, пищат птички.

Таня угощает. Она приветливо улыбается, бегает на кухню, меняет тарелки.

— Татьяна Петровна, мне макарон!

— Мне пирожок, Татьяна Петровна! — кричат малыши.

Золотой свет осеннего солнца заливает с головы до ног Таню.

— Сними передник,— говорит бабушка.

Ей хочется показать свою внучку во всей красе: в новом платье с шелковым поясом. Но разве Таня расстанется с маминым передником? Ведь это он придает ей такой солидный вид и уверенность в себе!

— Бабушка! Я самовар большой поставила, побегу за щепками сейчас,— шепчет она старушке.

— Ну-ну,— кивает головой бабушка,— сбегай, сбегай!

Таня берет в кухне корзинку и бежит на стройку. Ого! Как выросли за это время леса. В первом этаже прорезались окна, а на втором этаже вокруг всего дома лежат доски. Вот где в путешествие поиграть можно! Высоко! Все видно вокруг! Можно смотреть на небо и думать, что плаваешь в синем океане. Девочка ставит на землю корзинку и собирает в нее щепки. Рабочих на стройке нет. Она заглядывает за угол. Вон они где — в том конце работают. И Митрич там. А вот лестница ко второму этажу приставлена. Ничего себе — крепкая лестница. Таня закладывает за шелковый пояс длинный конец маминого передника, бросает на кучу щепок свою корзинку и лезет наверх.

«Моряки народ отважный...»

Чего тут бояться? Рабочие каждый день лазят и вокруг дома по двум дощечкам расхаживают. Таня, держась за перила, медленно обходит дом и, запрокинув голову, смотрит в небо. Над ней плавает большое белое облако.

«Моряки народ отважный...»

Таня слышит чьи-то голоса и стук. Она прижимается к стене и, крадучись, бежит к лестнице. Нехорошо, если ее увидят здесь.

«Ой,— вдруг вспоминает она,— ведь дома гости! И самовар в кухне затух... А щепки в корзине брошены».

Передник путается под ногами... Но где лестница? На другом конце двора двое рабочих несут лестницу.

«Подождите! Подождите!» — хочет крикнуть Таня. Но краска заливает ее лицо и шею. Стыдно... Стыдно... Зачем она влезла сюда? Ведь все узнают, будут смеяться. А она?.. Ведь она теперь Татьяна Петровна! Еще все гости узнают про ее шалость, и сам Митрич узнает — он где-то здесь на дворе. Хозяюшка! Хороша хозяюшка!

Таня в отчаянии мечется вокруг дома и смотрит вниз. Высоко... Ой, высоко! Все пропало теперь!.. Гости ждут. Бабушка ждет. Таня садится и, опустив голову в колени, горько плачет:

— Мамочка, мамочка! Хоть бы ты приехала скорей!

В кухне стоит затушенный самовар.

— Батюшки мои! — говорит бабушка.— Да куда ж это наша Татьяна Петровна делась?

— Хозяйка хлопочет по хозяйству, верно,— замечает кто-то из гостей.

Но Алексей Степанович вдруг поднимается с места.

— Хозяйство хозяйством,— говорит он, глядя на часы,— а уже двадцать минут прошло... И дождик накрапывает... Схожу посмотрю.

— Уж не стряслось ли чего? Ведь она за щепками пошла,— пугается бабушка.

— За щепками? На стройку, значит,— соображает Алексей Степанович.— Ну, я схожу туда!

— Пойдемте все!

— Пойдемте! Пойдемте!

Гости шумно поднимаются и выходят во двор. Впереди шагает Алексей Степанович. За ним, окруженная малышами, торопится бабушка. Еще издали она видит, как Алексей Степанович поднимает с кучи мусора Танину корзинку, и щеки ее делаются серыми.

— Только б чего не случилось! Только б жива была!..

Алексей Степанович надевает очки и внимательно оглядывает стройку.

— Так и есть,— говорит он про себя,— вот она...

И теперь уже все видят жалкую фигурку в длинном переднике: Таня сидит наверху, тесно прижавшись спиной к стене дома и подогнув колени. Голова ее опущена вниз, мокрые пряди волос рассыпаются по плечам.

— Не спугните ее, не спугните ее...— шепчет бабушка.

Но малыши не слышат.

— Татьяна Петровна! Татьяна Петровна! — хором кричат они.

Таня поспешно вскакивает и с ужасом смотрит вниз.

— Осторожно, Танюша, голубчик! — умоляет ее бабушка.

Из-за угла выходит Алексей Степанович с Митричем. Они несут лестницу.

Митрич быстро оглядывает всю компанию и переводит глаза на Таню.

— Так вот оно какие дела! — говорит он, почесывая затылок.— А мы-то лестницу отсюда утащили! Ну сейчас, сейчас... Не извольте беспокоиться!

Таня стоит, прижав к груди руки. Ей так стыдно: она готова остаться здесь навсегда. Но лестница скрипит, и Митрич с добродушной улыбкой лезет наверх.

— Я не сойду,— шепотом говорит девочка и пятится от него,— я не сойду...

— А мы вместе сойдем,— спокойно отвечает Митрич и, прищурившись, смотрит на Таню.— Оно, конечно, бабушка напугалась, ну да ведь поглядеть стройку тоже надо! Уладится, уладится,— приговаривает он.— Вот извольте за мной потихоньку со ступенечки на ступенечку. Вот... Вот...

Внизу Таня падает в раскрытые объятия бабушки.

— Ну и напугала ж ты нас,— пробуют шутить гости.

— А чего тут пугаться-то? — выступает вдруг Митрич.— Мы вот с хозяюшкой тут стройкой интересуемся! Что и как, значит. Для чего строится? А как же? Вот, извольте посмотреть, я ей, значит, и объясняю: тут лаборатория будет. Вот, пожалуйте, правое крыло — кабинеты ученых людей.— Он размахивает руками и, обращаясь ко всем, говорит: — Пожалуйте, пожалуйте! Оно, конечно, каждому интересно... А тем более в своем дворе... Вот мы, значит, с Татьяной Петровной и того...

Бабушка рассеянно смотрит на Митрича, на стройку... Гладит по голове Таню и кивает головой. Гости тоже слушают Митрича. Таня поправляет передник и берет свою корзинку. Малыш Петя, обхватив ногами столб, карабкается наверх.

— И ты туда же! — кричит на него мать и, хватая сынишку поперек туловища, награждает его шлепками.— Не учись, не учись лазить где не следует! — приговаривает она.

— М-да...— многозначительно говорит Алексей Степанович, глядя на Таню. Но Таня не видит его.

Она держит обеими руками темную, заскорузлую от работы руку Митрича и, заглядывая ему в глаза, просит:

— Пойдем к нам, пойдем! Я сейчас самовар поставлю!

* * *

Шофер замедляет ход.

— Тут объехать надо,— говорит он,— сад посажен, как бы не повредить его!

Мама тревожно выглядывает из машины. Мягкий белый снежок падает на ее шубку.

— Подумайте, сад какой-то посадили?! Все так изменилось, не могу своего двора узнать!

— Стройка идет,— говорит шофер,— кого переселяют, кого вместе с домами перевозят.

— Да что вы? — пугается мама.— Как бы мою семью не переселили куда!

— Очень даже свободно,— равнодушно соглашается шофер.

Машина останавливается.

Мама с кожаным чемоданчиком выходит из машины. Около парадного крыльца двое рабочих пилят бревна, отбрасывая в сторону отпиленные куски.

— Как же тут пройти? — волнуясь, спрашивает мама.— Мне в квартиру номер семь.

— А-а,— выпрямившись и стряхивая с шапки снег, говорит старик в стеганке.— Сейчас, сейчас мы вам дорогу освободим!— И, отбрасывая бревна, с улыбкой спрашивает: — Это к Татьяне Петровне изволили прибыть, значит?

— К Татьяне Петровне? — с изумлением глядя на него, переспрашивает мама и, махнув рукой, бежит к своей двери.

— Так и есть — переехали! — с ужасом говорит она, глядя на прибитую к двери дощечку.— «Татьяна Петровна — звонить 2 раза».

«Хоть узнать что-нибудь, расспросить»,— нажимая кнопку, думает мама.

— Мне к Татьяне Петровне...

— Это я.

В передней темно. Мама видит маленькую фигурку в длинном переднике. Толстый малыш прижимается к ней сбоку. Он поднимает вверх пальчик и нерешительно говорит:

— А мама?

Мама протягивает руки.

— Танечка!.. Так это ты Татьяна Петровна? — смеясь и плача, спрашивает она.

У КОСТРА

Один раз в походе ребята отошли далеко от лагеря и решили ночевать в лесу. Вечером развели костер. Варили картошку. Пламя костра бросало таинственный отблеск на кусты и деревья; глазам, привыкшим к свету, все еще вокруг костра казалось черным-черно: и лес, и сбегающие по косогору кусты, и срубленные пни, заросшие папоротником; и только маленький золотой круг, в котором грелись у огня пионеры, казался обжитым и уютным.

Тепло и вкусная горячая картошка разморили ребят. Каждому вспомнилось что-то свое, домашнее, захотелось рассказать об этом товарищам, поделиться.

— Я маленьким эх и озорным был! — усмехнулся Вадим.— Бывало, почистит бабка картошку, а я — раз-раз! — ножичком вырежу из ее картошечек человечков, руки, ноги им из спичек сделаю. А она придет: ах, ах!..— Он звучно рассмеялся, потом сразу остановился и грустно сказал: — Обижаю я свою бабку...

Ребята удивились.

— Вот тебе раз! — хмыкнул Костя.— То про свое озорство рассказывал, то обиды какие-то вспомнил... С чего это ты?

Вадим помешал угли и, подняв голову, обвел всех затуманенным взглядом:

— А так просто, ни с чего. Есть у меня такая привычка — на бабку огрызаться. Больше всех ее люблю, и ей же первой от меня грубость слышать приходится. А почему это так — не знаю...

— Нет, знаешь! — вдруг откликается из темноты голос вожатого Гриши. Он сидел поодаль от огня, прислонившись спиной к дереву.— Знаешь, Вадим, да сознаться себе не хочешь,— повторил Гриша.

Вадим блеснул черными глазами и повернулся к Грише:

— Ты думаешь, силы воли не хватает? Сдержать себя не могу?

Гриша пожал плечами:

— Нет, почему силы воли не хватает? Я этого не думаю. Ты парень крепкий, сила воли у тебя есть. И сдержать себя ты можешь. Не так уж тебе твоя бабка докучает, чтоб и сдержаться было нельзя. Нет, не в том дело...

— А в чем? — негромко спросили сразу несколько голосов.

— А в том, что Вадим не хочет сдерживаться, распускается, пользуется тем, что бабка его любит. А любит — значит, простит и жаловаться тоже не пойдет,— медленно сказал Гриша.

Ребята посмотрели на Вадима. Он молчал и, обхватив руками коленки, смотрел на огонь.

— А мы, Гриша, наверно, все такие. А не такие, так еще хуже... У каждого, если так откровенно рассказать, что-нибудь найдется плохое,— живо сказал Костя.— Вот я, например, о себе скажу... Я в школе с товарищами один, а дома другой. В школе я и веселый, и все мне хорошо. А дома, как приду, так сейчас надуюсь чего-то, ну, вообще... к сестренке начну придираться — одним словом, тоже распускаю себя...— Костя виновато улыбнулся.— Честное слово!..

— Не та дисциплина,— заметил кто-то из ребят.

— Перед товарищами не больно-то свой характер покажешь — у нас живо на чистую воду выведут, будь спокоен! — тряхнул головой паренек в клетчатой рубашке со значком на груди.

— А я вот что знаю...— придвигаясь к огню, заговорил Саша.— Надо самому себя время от времени проверять: кто я есть, какой человек из меня получается. А то один раз я так себя запустил, что сам себе опротивел...— Он выплюнул изо рта травинку и поглядел на внимательные лица ребят.— Кто смеется — не смейся. Это с каждым может быть...

Ребята поглядели друг на друга.

— Никто не смеется... Что ты?

— Говори...

— Говори, Саша! — послышались тихие голоса.

— А что говорить? Это дело с двойки началось,— хмурясь, сказал Саша.— Получил я как-то двойку по арифметике. Ну, неприятно мне, конечно, и неловко; иду домой и думаю: «Сегодня не скажу — и так у меня сегодня плохой день; завтра скажу». А назавтра я пятерку получил по русскому и опять думаю: «Что я буду хорошее с плохим мешать! Скажу послезавтра». Ну, так день за днем. Хорошее говорю, а о плохом молчу. И все так стал скрывать, а потом уж и врать пришлось, выкручиваться, да уж не только дома перед родителями, а и в классе перед товарищами. Ну, один раз лег спать и думаю: «Что это я перед всеми извиваюсь как-то, все мне на свете опротивело и самому на себя противно глядеть?»

Саша поднял голову и посмотрел на ребят.

— Ну и что? — нетерпеливо спросил Костя.

— Все! — решительно отрезал Саша.— С той поры все! На одной правде живу! Вот как есть, так и есть! Ничего не скрываю и нигде не выкручиваюсь — чистый стал, как после бани вышел!

Наступила тишина. Ребята задумались. Кто-то подкинул в костер сухую ветку. Огонь вспыхнул и осветил лица.

— А у меня вот, ребята...— послышался взволнованный голос Димы,— у меня свой недостаток...

Ребята раздвинулись. Дима боком просунулся между ними и, вспыхивая горячим румянцем, долго не мог найти нужные слова.

Наконец он грустно улыбнулся и сказал:

— Я, наверно, какой-то трус, ребята, хоть мне об этом и говорить трудно... Но раз все о себе правду говорят, то и я хочу сказать.

— Ясно, говори!

— Как скажешь, так сразу и на душе станет легче!— сочувственно зашумели ребята.

— Говори. Тут чужих нет... Может, разберемся вместе,— сказал Гриша, присаживаясь ближе к костру.

— Я леса боюсь,— сказал Дима.— Боюсь, и все. И никак себя побороть не могу. Ни за что бы один в лес не пошел! Я уж себя проверял — выйду ночью из палатки и смотрю: лес, лес...

деревья черные, кусты черные, а за кустами будто зверь какой валежником шуршит. Стою и думаю: «Пошел бы я сейчас один туда? Нет, ни за что на свете! Боюсь...»

— А чего боишься? Людей или зверей?

Дима пожал плечами:

— Нет, почему людей? Зверей, конечно, гадюк боюсь, а еще заблудиться мне страшно...

— Да-а...— протянул кто-то из ребят.

— Чудной ты...— сказал Вадим.— Лес все любят, а ты его боишься! И днем боишься?

— Нет, днем меньше. Днем все видно.

— Ну, а если бы ты попробовал преодолеть в себе этот страх? Вот как Саша: преодолел же он свой недостаток, когда понял, что это никуда не годится! И ты попробуй. Возьми себя крепко в руки и решись пойти в лес, и ты увидишь, что ничего там страшного нет,— сказал Гриша.

— Конечно, Димка! Прямо скажи себе: я ничего не боюсь! И иди! Вон лес! — зашумели вокруг ребята.

Дима оглянулся на лес и тяжело вздохнул.

— Может, я с ним пойду для первого раза? — предложил Костя.

— Ну уж нет! Без нянек, пожалуйста! Димка пионер!

— Нечего ему тут долго думать! Пошел, и все!

Гриша вдруг встал, нащупал в траве пустое ведро и протянул его Диме:

— Слушай! Вон там под горкой ручей. Мы с тобой сегодня там были... Пойди и набери воды в ведро, понял?

Дима нерешительно взял ведро.

— Иди, иди, Димка! Нас много! Мы, в случае чего, все к тебе на помощь прибежим! — подбадривали Диму ребята.

— Иди,— дружески сказал Вадим и погладил товарища по плечу.— Не бойся ничего!

Дима пошел. Ребята молча смотрели, как он спускался с косогора, как в темноте постепенно таяла его фигура, удаляясь вместе с тихим звоном болтающегося на руке ведра. Когда его уже не стало видно, все заговорили разом, перебивая друг друга:

— Пошел!

— Ну и хорошо!

— Важно первый раз решиться!

— А все-таки сила воли у него есть, ребята!

— А ну потише! Не зовет? — спрашивал изредка Вадим, настороженно прислушиваясь к каждому звуку.

— Не зовет! Чего ему звать!

Время тянулось медленно. Ребята помолчали. Потом поговорили еще, но за словами уже чувствовалось нетерпеливое ожидание.

— Долго чего-то он,— сказал Костя, вглядываясь в темноту.

— Может, полное ведро зачерпнул — в гору тяжело нести? — предположил кто-то.

— Не торопится,— поднимаясь, сказал Гриша.— Пойду посмотрю, что там.

— А ну тише! — вдруг крикнул Вадим и замер, подняв вверх руку.

Сквозь ночную тишину прорвался откуда-то дрожащий, жалобный крик...

Ребята вскочили и, толкая друг друга, ринулись в темноту.

Гриша, цепляясь за ветки сбегающих по косогору кустов, первый достиг ручья. За ним почти скатился с горки Вадим, потом остальные ребята. Димки не было. В кустах булькал ручей. На берегу валялось пустое ведрое.

— Димка! Эй, Димка-а-а! — тревожно понеслось по лесу.

«А-а-а»,— передразнивая ребят, откликнулось лесное эхо, и вслед за ним — снова дрожащий тонкий звук, заглушенный голосом Димы:

— Сюда! Сюда!

Ребята, ломая сучья и обжигаясь крапивой, бросились на зов.

Голос шел из глубокого оврага. На дне его, в топком болоте, копошился Димка и рядом с ним что-то большое, темное, похожее на зверя.

— Ребята! Сюда! Тут жеребенок в болоте застрял! Никак не вытащу! — кричал Димка.

«И-и-и!» — жалобно ржал жеребенок, пробуя вытащить заплывшие топкой глиной ноги.

Димка, подвернув выше колен штаны и обхватив обеими руками шею жеребенка, изо всех сил тащил его на берег.

Ребята сбросили тапочки и полезли в овраг.

* * *

У ручья вымыли ноги. Почистили копытца жеребенку. Димка, поглаживая густую щеточку его гривки, возбужденно рассказывал:

— Я пришел к ручью... и только хотел воды зачерпнуть, слышу — кричит кто-то! Я подумал: ребенок кричит — заблудился, в овраг попал! Ну, бросил ведро — и туда! А там не ребенок, а жеребенок стоит. Залез в топкое место и никак не вылезет! — Он провел рукой по торчащим вверх ушам жеребенка и добавил: — Тут колхоз близко... Наверное, в ночное лошадей пригнали, а он отбился от матки и попал в болото.

Ребята смотрели на Димку и улыбались.

— А как же ты пошел в овраг, Дима? Ты ведь и к ручью идти боялся! — спросил Костя.

— Это — другое дело,— быстро ответил за товарища Вадим.— В овраг он на помощь побежал, тогда, верно, и страху не было...

— Нет, был.— Димка улыбнулся и покачал головой: — Еще какой страх был! Только я стиснул зубы и решил: будь что будет! Не бросать же кого-то в беде? Я этот страх свой... как бы вам сказать...— Дима развел руками, подыскивая слово.

— Преодолел! — спокойно досказал за него Гриша.

АНДРЕЙКА

Андрейке двенадцать лет. Он такой важный в своем рабочем костюме ремесленника. В его черных глазах горячая готовность на любые дела, на любой подвиг. Но таким Андрейка

сделался не сразу. Над Андрейкой прошла война, и это большое событие в его маленькой жизни сделало его взрослее. Когда мальчику было семь лет, все рассказы о войне казались ему далекими и страшными сказками, а жизнь была веселая. С утра убегал Андрейка с соседскими ребятишками на речку, купался и валялся в горячем песке на берегу и только тогда возвращался домой, когда раздавался звучный голос старшего брата Антона:

— Ау! Андрейка!

Встряхивая мокрой головой, он мчался на зов. Он радовался, что мать и брат уже дома, что на столе стоит миска горячего картофеля с мясом, что скоро наступят теплые летние сумерки. Мать сядет на крылечко, Андрейка примостится сбоку, а Антон приляжет на траву и будет рассказывать о своих товарищах, о работе, о новых заводских машинах и о своем станке, который он называл «сердечным другом». Андрейка видел этот станок. Как-то раз Антон взял с собой братишку на завод и показал ему свой цех. На заводе Андрейке все понравилось: и блестящий станок Антона, и широкие светлые окна цеха, и взрослые рабочие, которые спрашивали у Антона совета и слушались его. А с Андрейкой шутили, приглашая его вместе работать. Андрейка смущался, а Антон серьезно отвечал:

— Шутки шутками, а лет через пяток будет он мне помощником!

В это воскресенье Антон с утра взялся за починку забора. Он принес из сарая целую охапку досок и начал их обстругивать. Андрейка стоял и смотрел, как из-под рубанка желтыми завитушками падают на траву стружки и доска делается гладкой, новой, светлой.

«Эк ему все удается!» — думает Андрейка, с завистью поглядывая на брата. А брат, посвистывая, ловко перебрасывал с руки на руку дощечку, крепко упирал ее одним концом в станок и легко проводил по ней рубанком, отбрасывал стружки. Один раз он дал братишке рубанок. Андрейка покраснел от удовольствия и, чтобы не осрамиться перед братом, изо всех своих силенок врезал рубанок в доску.

— Заехал сгоряча,— спокойно сказал Антон.— Полегонечку надо — это не дрова рубить!

Андрейка попробовал еще. Стружка у него завилась тоненькая, как мышиный хвостик.

— Не могу,— сказал он со вздохом.

— Пробуй, пробуй! — закричал Антон.—«Не могу» — такого слова нет, такого слова даже грудной ребенок не скажет!

— А какое слово грудной ребенок скажет? — спросила мать.

Андрейка хмыкнул от удовольствия и лукаво посмотрел на брата.

— Какое слово? — переспросил Антон, поглаживая рукой доску.— Очень простое: «Агу. Вырасту — смогу».

Мать засмеялась. Вдруг калитка громко хлопнула.

По дорожке бежали товарищи Антона — Сергей и Борис. За ними, прихрамывая, торопился сын соседа Алексей. Все трое, размахивая руками, кричали:

— Включи радио, Антон!

Антон бросил на станок рубанок и побежал на террасу. Мать поспешно вытерла мокрые руки, поправила платок и присела на кончик стула. Андрейка первый вскарабкался на табуретку и включил радио.

«Граждане и гражданки Советского Союза...»

Андрейка затаил дыхание и переводил глаза с брата на мать, с матери на товарищей Антона. Все слушали молча, не шевелясь. Но на всех лицах Андрейка вдруг увидел какое-то одинаково суровое, незнакомое ему выражение. Антон стоял выпрямившись, как будто принимал боевой приказ.

* * *

Через два дня Антон уехал. Вечером перед отъездом он долго сидел с матерью на крылечке. Андрейка боком жался к нему. Брат тихонько гладил кудрявый чубик Андрейкиных волос и говорил:

— Было у матери два сына. Один с врагами дрался, а другой дома работал...

— Андрейка? — спрашивал братишка.

— Он,— серьезно отвечал Антон.— Бывало, ляжет спать

пораньше, наберется за ночь сил, подрастет маленько, а утром вскочит, щепок наколет, воды принесет, в лавку сбегает, чай сварит...

Не шутил Антон. И у матери лицо было спокойное, строгое. Андрейка тихонько заложил четыре пальца и пересчитал:

— Щепок наколет, воды принесет, в лавку сбегает, чай сварит...

— ...и всякие дела за Антона справит,— досказал старший брат.

Андрейка заложил пятый палец.

— Справлю,— деловито сказал он.

* * *

И правда, на другой день Андрейка поднялся рано. В кухне стояли пустые ведра. Пока мать придет с работы, нужно все дела переделать. Как, бывало, Антон. У того все быстро. Он большие ведра с водой сразу по два приносил. Андрейке так не осилить: он берет в кухне большой чайник. Можно несколько раз сходить. И Андрейка ходит. Он несет чайник в оттопыренной руке, чтобы вода не проливалась на голые коленки, потом перекладывает его в другую руку, потом тащит обеими руками, крепко прижимая к животу. Живот у него весь мокрый, трусики прилипли к телу. Но ведра наполняются. Андрейка идет в сарай. Посвистывая, как Антон, он размахивает маленьким топориком. Сухие щепки колются легко. Андрейка собирает их в кучу и задумывается. Потом, отложив два пальца на руке, вспоминает: в лавку за хлебом надо сходить! На заборе, свесившись вниз головами, ребята давно кричат Андрейке:

— Пошли на речку купаться!

— Не...— мотает головой Андрейка,— я после...

— Да пойдем: вода сейчас теплая, горячая...

— «Пойдем, пойдем»! — передразнивает их Андрейка.— Вам бы только бегать без толку! Антон на фронте... Кто матери помогать будет?

— А у меня отец пошел, одна бабка дома,— озабоченно говорит Генька. Он потихоньку отходит от забора и кричит Андрейке: — Слышь! Не уходи без меня! Я сейчас!

* * *

Ребята давно ушли. Андрейка сидит на крылечке и ждет товарища. «Видно, дело нашлось...— думает он.— Бабка у них старая, еще старее нашей матери».

Но стриженая голова Геньки уже торчит из кустов.

— Пошли!

Они пошли вдоль Андрейкиного забора, и вдруг Андрейка остановился — он увидел большую дыру. Это Антон не успел прибить новые доски. Они лежат на траве, чисто выструганные. И гвозди в коробке стоят под станком.

— Кто же вам теперь забьет-то? — спрашивает Генька.

Андрейка молча перелезает через забор и бежит в дом. Генька со вздохом присаживается на траву. Андрейка возвращается с молотком и поднимает с земли тонкую дощечку.

— Держи, чтоб ровно было! Можешь? — спрашивает он товарища.

— Могу! — говорит Генька, деловито примеривая доску.

— Держи, а я буду гвозди вбивать.

Генька долго прилаживает доску. Гвозди выскакивают из рук Андрейки, и молоток часто бьет невпопад. Но Генька терпеливо ждет, изо всех сил налегая на доску.

— Эх, вода хорошая сейчас! Слышь, ребята плещутся? — говорит он, поглядывая на солнце.

— Выкупаться успеем,— отвечает Андрейка.— А вот если у матери два сына и один воюет, так другой дома должен работать!

Под вечер Андрейка стоит на зеленом пригорке. Мокрые волосы его блестят. Прикрыв ладонью глаза, он смотрит на дорогу и, завидев мать, окликает ее:

— Ау, мама!

И кажется Андрейке, что голос у него стал совсем как у Антона, а сам он такой же крепкий, сильный и высокий, как старший брат, и от этого на маленьком подвижном лице его впервые появляется выражение готовности к подвигу.

* * *

Андрейка стоит посреди комнаты и таращит в темноту сонные глаза. Мать молча сует ему какой-то узелок, торопливо гладит по голове и, крепко схватив за руку, тащит в темные сени. Над домом что-то тяжело ухает; посуда жалобно звенит на полках; тянущий за душу вой, прерываемый диким кошачьим мяуканьем, несется из темноты. Андрейке страшно. Он цепляется за дверь.

— Не бойся... Не бойся... В убежище пойдем. Там все люди сейчас, там и Генечка с бабушкой...

Мелкий озноб охватывает Андрейку во дворе. Мать обнимает его одной рукой, и они бегут по темной улице, так крепко прижавшись друг к другу, что босые ноги Андрейки, наскоро обутые в башмаки, попадают под ноги матери. Страшное незнакомое небо разверзается над их головами: крест-накрест перетянутое широкими белыми лентами, оно все время двигается и в глубине его то далеко, то совсем близко слышно грозное гудение моторов... Иногда тонкие зажженные свечи низко свисают над землей, и вслед за ними в ушах у Андрейки что-то с грохотом лопается. Он цепляется за колени матери, и они оба падают на землю...

— Ничего, сынок... Ничего, миленький... Это Антон фашистов бьет.

Андрейка чувствует, как у матери дрожат руки, но имя Антона сразу воскрешает перед ним высокую, крепкую фигуру брата: на его широких плечах зеленая гимнастерка, а в руке настоящая винтовка...

— Антон фашистов бьет! — растерянным шепотом повторяет он.

Гордость и восторг охватывают его, и теперь он сам бежит вперед, чтобы скорей поделиться этой новостью с Генькой... И в темноте сквозь грохот рвущихся снарядов, пригнувшись к земле, мать слышит его дрожащий голос:

— Ничего, ничего, мама... Это Антон фашистов бьет...

«Бомбоубежище» — новое слово для Андрейки. Но они с Генькой помогали взрослым носить кирпичи и выбрасывать

землю из огромной ямы. В местечке, где живет Андрейка, нет настоящих бомбоубежищ, а то бомбоубежище, которое наскоро рыли старики, женщины и дети, похоже на большую пещеру, узкую и длинную, с земляными сиденьями по бокам. Андрейка с матерью медленно спускаются по земляной лесенке вниз и с трудом пробираются в узком проходе между сиденьями. В черной тьме Андрейка чувствует только много чьих-то ног, крепко сдвинутых коленей, слышит отрывистое дыхание и тяжелые вздохи женщин. В глубине плачет грудной ребенок, и чей-то голос все время повторяет громким шепотом:

— Тише, граждане, тише! Спокойно, спокойно...

Андрейка хочет окликнуть Геньку. Но удар за ударом сотрясают землю; кто-то из ребят начинает громко плакать; какая-то женщина протискивается к выходу, ее не пускают. И снова страшный удар...

— Не допусти господи...— шепчет чей-то старушечий голос. И в ответ на него из темноты кто-то насмешливо цедит сквозь зубы:

— Уже допустил твой господь.

Андрейка, затиснутый в угол, туго сжатый с обеих сторон людскими телами, чувствует рядом мать. Она стоит, наклонившись над ним всем телом, и, услышав низкое гуденье самолета, закрывает его собой. В полной тьме, как под черным большим платком, сбились в кучу перепуганные дети, старики и женщины. Непонятный тяжелый страх сковывает Андрейку, но он не может удержать в себе свою торжествующую новость:

— Мама, скажи им: это Антон, это наши бьют фашистов!

* * *

Андрейка никогда не забудет, как прибежал к ним Генька и, широко распахнув дверь, закричал с порога: «Отца моего убили!»; как он сел на край лавки и без слез, с ужасом и удивлением на все вопросы отвечал одним словом: «Убили... Убили!»; как утешали соседи его бабку и плакали вместе с ней.

А жизнь шла своим чередом... На завод, где работал Антон, день и ночь шли люди. Одни сменяли других для короткого отды-

ха. Женщины, старики и подростки заменили ушедших на фронт. Вместе со всеми работала и мать Андрейки. Соскучившись, мальчик пробирался в заводской двор и заглядывал в светлые окна цеха, где раньше работал Антон. Через стекло был виден «сердечный друг» — блестящий станок Антона. Только теперь за ним стоял Андрейкин сосед, старый мастер цеха, Матвеич. На нос его низко спускались очки. Андрейка со вздохом отворачивался от окна и представлял себе брата в рабочем комбинезоне, с синими смеющимися глазами. А мимо Андрейки сновали люди, грузили на машины какие-то ящики, что-то вносили и выносили, на ходу завтракали. Все торопились выполнять какие-то приказы, идущие из кабинета главного инженера. Этого инженера Андрейка видел только один раз, когда они с Генькой сидели около заводских ворот. Инженер был высокий, в серой шинели, с черным портфелем под мышкой. Проходя мимо, он бегло взглянул на ребят и крикнул:

— Зачем здесь?

Ребята опрометью бросились бежать.

— Ого! — только сказал Генька.

Но Андрейка, благодарный главному инженеру за то, что он заботится обо всем заводе, за то, что любимый станок Антона по-прежнему блестит в руках старого мастера, ответил Геньке коротко и ясно:

— Прогнал — значит, надо.

* * *

Никто не отрывался от своих дел. Напротив, все люди работали с упорством и ожесточением. Дела прибавилось у всех. Прибавилось и у Андрейки. Почти все свое время мать проводила на заводе. Андрейка старательно прибирал комнату, стоял в очереди за хлебом и варил супы. В супы он крошил все, что имелось в хозяйстве,— они выходили густые и клейкие, но когда мать забегала домой поесть, она покрывала стол чистой скатертью и, разлив по тарелкам Андрейкин суп, говорила:

— Ишь ты! Вкуснота какая! Не суп, а кисель! Ложка стоит!

И Андрейка, чтобы угодить ей, старался вовсю. Размешивал

в кружке муку с водой, делал густую заправку и удивлялся, что когда мать сама варит суп, то у нее он получается светлый и жидкий.

В бомбоубежище ходили теперь только старики и дети. Андрейка и Генька решительно отказались сидеть во время воздушной тревоги под землей. У ребят были свои важные дела, которые они выполняли с отчаянным усердием: они тушили зажигательные бомбы. Все мальчики в поселке были заняты этим делом. Они хватали бомбы тряпками, рукавицами и бросали их в воду или засыпали песком. Пожаров не было. Один раз Андрейке и Геньке удалось словить «живую» бомбу. Растопырив руки в старых брезентовых рукавицах, они схватили ее и с торжеством швырнули в кадку с водой. Андрейка, красный от натуги, со злыми блестящими глазами, сорвал рукавицу и, подняв кулак, показал немецкому самолету кукиш:

— Вот тебе твои бомбы, видал?!

Тяжелые годы пронеслись над Андрейкой. Не раз стоял он над своим супом, придумывая, что еще можно положить в кастрюлю для густоты. Не раз делили они с матерью последний кусок хлеба и, не раздеваясь, ложились в холодную постель. Не раз сжималось сердце мальчика, когда он смотрел на осунувшуюся и постаревшую мать. Антон писал редко, и чем старше становился Андрейка, тем больше понимал, какие страшные опасности окружают его брата. Андрейка вытянулся и похудел. Но только один раз плакал он горькими мальчишескими слезами.

В тот день мать пришла рано. Старые бутсы на ее ногах отяжелели от приставшей к ним глины. Андрейка вытащил ее башмаки на двор и стал на крыльце обмывать их в светлой луже. Мать отказалась от еды и легла. Заунывный звук сирены заставил Андрейку поднять голову... И в тот же момент страшный удар потряс землю, у Андрейки зазвенело в ушах. Он покачнулся и упал...

А потом, как и в первую ночь бомбежки, они с матерью, спотыкаясь, бежали к заводу. Туда бежали все с лопатами, кирками, не обращая внимания на продолжающуюся бомбежку. На бегу мать останавливалась и считала заводские трубы. Они

были целы. А между тем все уже знали, что бомба упала на завод.

— Правое крыло, видать...— задыхаясь, проговорила обогнавшая их соседка.

— Антонов цех! — крикнул кто-то из ребят.

Андрейка пулей влетел в заводские ворота. И там, где в широкие светлые окна был виден блестящий станок Антона, лежала груда кирпичей и обломки железа. Не то пыль, не то дымок с каким-то едким запахом шел от этих развалин.

Андрейка громко, жалобно заплакал:

— Не уберегли... Не оборонили...

Казалось ему, что он сам тоже виноват в том, что не уберег завод, и что, вернувшись, Антон спросит его с укором:

— А где же станок мой, Андрейка?

И Андрейка бегал вокруг, громко плача и вытирая кулаком слезы. Черные от копоти люди толпились около развалин, звенели лопаты, с темных рабочих лиц каплями бежал пот...

А Андрейка, злой, как волчонок, сжимая кулаки, грозился в тяжелое, нависшее над его головой небо, покрытое вражескими самолетами. И как бы в ответ на его детские слезы один из фашистских самолетов вдруг вспыхнул ярким белым пламенем...

ПОЧЕМУ?

Мы были одни в столовой — я и Бум. Я болтал под столом ногами, а Бум легонько покусывал меня за голые пятки. Мне было щекотно и весело. Над столом висела большая папина карточка,— мы с мамой только недавно отдавали ее увеличивать. На этой карточке у папы было такое веселое доброе лицо. Но когда, балуясь с Бумом, я, держась за край стола, стал раскачиваться на стуле, мне показалось, что папа качает головой...

— Смотри, Бум...— шепотом сказал я и, сильно качнувшись, схватился за край скатерти.

Стол выскользнул из моих рук. Послышался звон...

Сердце у меня замерло. Я тихонько сполз со стула и опустил

глаза. На полу валялись розовые черепки, золотой ободок блестел на солнце. Бум вылез из-под стола, осторожно обнюхал черепки и сел, склонив набок голову и подняв вверх одно ухо.

Из кухни послышались быстрые шаги.

— Что это? Кто это? — Мама опустилась на колени и закрыла лицо руками.— Папина чашка... папина чашка...— горько повторяла она. Потом подняла глаза и с упреком спросила: — Это ты?

Бледно-розовые черепки блестели на ее ладони. Колени у меня дрожали, язык заплетался:

— Это... это... Бум!

— Бум? — Мама поднялась с колен и медленно переспросила: — Это Бум?

Я кивнул головой. Бум, услышав свое имя, задвигал ушами и завилял хвостом. Мама смотрела то на меня, то на него.

— Как же он разбил?

Уши мои горели. Я развел руками:

— Он немножечко подпрыгнул... и лапами...

Лицо у мамы потемнело. Она взяла Бума за ошейник и пошла с ним к двери. Я с испугом смотрел ей вслед. Бум с лаем выскочил во двор.

— Он будет жить в будке,— сказала мама и, присев к столу, о чем-то задумалась. Ее пальцы медленно сгребали в кучку крошки хлеба, раскатывали их шариками, а глаза смотрели куда-то поверх стола в одну точку.

Я стоял, не смея подойти к ней. Бум заскребся у двери.

— Не пускай! — быстро сказала мама и, взяв меня за руку, притянула к себе. Прижавшись губами к моему лбу, она все так же о чем-то думала, потом тихо спросила: — Ты очень испугался?

Конечно, я очень испугался: ведь с тех пор, как папа умер, мы с мамой так берегли каждую его вещь. Из этой чашки папа всегда пил чай...

— Ты очень испугался? — повторила мама.

Я кивнул головой и крепко обнял ее за шею.

— Если ты... нечаянно,— медленно начала она.

Но я перебил ее, торопясь и заикаясь:

— Это не я... Это Бум... Он подпрыгнул... Он немножечко подпрыгнул... Прости его!

Лицо у мамы стало розовым, даже шея и уши ее порозовели. Она встала:

— Бум не придет больше в комнату, он будет жить в будке.

Я молчал. Над столом из фотографической карточки смотрел на меня папа...

* * *

Бум лежал на крыльце, положив на лапы умную морду, глаза его не отрываясь смотрели на запертую дверь, уши ловили каждый звук, долетающий из дома. На голоса он откликался тихим визгом, стучал по крыльцу хвостом... Потом снова клал голову на лапы и шумно вздыхал.

Время шло, и с каждым часом на сердце у меня становилось все тяжелее. Я боялся, что скоро стемнеет, в доме погасят огни, закроют все двери, и Бум останется один на всю ночь... Ему будет холодно и страшно. Мурашки пробегали у меня по спине. Если б чашка не была папиной... и если б сам папа был жив... Ничего бы не случилось... Мама никогда не наказывала меня за что-нибудь нечаянное... И я боялся не наказания — я с радостью перенес бы самое худшее наказание. Но мама так берегла все папино! И потом, я не сознался сразу, я обманул ее, и теперь с каждым часом моя вина становилась все больше...

Я вышел на крыльцо и сел рядом с Бумом. Прижавшись головой к его мягкой шерсти, я случайно поднял глаза и увидел маму. Она стояла у раскрытого окна и смотрела на нас. Тогда, боясь, чтобы она не прочитала на моем лице все мои мысли, я погрозил Буму пальцем и громко сказал:

— Не надо было разбивать чашку.

После ужина небо вдруг потемнело, откуда-то выплыли тучи и остановились над нашим домом.

Мама сказала:

— Будет дождь.

Я попросил:

— Пусти Бума...

— Нет.

— Хоть в кухню... мамочка!

Она покачала головой. Я замолчал, стараясь скрыть слезы и перебирая под столом бахрому скатерти.

— Иди спать,— со вздохом сказала мама.

Я разделся и лег, уткнувшись головой в подушку. Мама вышла. Через приоткрытую дверь из ее комнаты проникала ко мне желтая полоска света. За окном было черно. Ветер качал деревья. Все самое страшное, тоскливое и пугающее собралось для меня за этим ночным окном. И в этой тьме сквозь шум ветра я различал голос Бума. Один раз, подбежав к моему окну, он отрывисто залаял. Я приподнялся на локте и слушал. Бум... Бум... Ведь он тоже папин. Вместе с ним мы в последний раз провожали папу на корабль. И когда папа уехал, Бум не хотел ничего есть и мама со слезами уговаривала его. Она обещала ему, что папа вернется. Но папа не вернулся...

То ближе, то дальше слышался расстроенный лай. Бум бегал от двери к окнам, он звал, просил, скребся лапами и жалобно взвизгивал. Из-под маминой двери все еще просачивалась узенькая полоска света. Я кусал ногти, утыкался лицом в подушку и не мог ни на что решиться. И вдруг в мое окно с силой ударил ветер, крупные капли дождя забарабанили по стеклу. Я вскочил. Босиком, в одной рубашке я бросился к двери и широко распахнул ее:

— Мама!

Она спала, сидя за столом и положив голову на согнутый локоть. Обеими руками я приподнял ее лицо, смятый мокрый платочек лежал под ее щекой.

— Мама!

Она открыла глаза, обняла меня теплыми руками. Тоскливый собачий лай донесся до нас сквозь шум дождя.

— Мама! Мама! Это я разбил чашку. Это я, я! Пусти Бума...

Лицо ее дрогнуло, она схватила меня за руку, и мы побежали к двери. В темноте я натыкался на стулья и громко всхлипывал. Бум холодным шершавым языком осушил мои слезы, от него пахло дождем и мокрой шерстью. Мы с мамой вытирали его сухим полотенцем, а он поднимал вверх все четыре лапы

и в буйном восторге катался по полу. Потом он затих, улегся на свое место и, не мигая, смотрел на нас. Он думал: «Почему меня выгнали во двор, почему впустили и обласкали сейчас?»

Мама долго не спала. Она тоже думала: «Почему мой сын не сказал мне правду сразу, а разбудил меня ночью?»

И я тоже думал, лежа в своей кровати: «Почему мама нисколько не бранила меня, почему она даже обрадовалась, что чашку разбил я, а не Бум?»

В эту ночь мы долго не спали и у каждого из нас троих было свое «почему».

В КЛАССЕ

Когда Петя вошел в класс, ребята сразу окружили его.

— Новенький, новенький! — закричали они.

Высокий мальчик раздвинул ребят и, подойдя к новичку, протянул ему загорелую, крепкую руку:

— Давай знакомиться! Игорь.

Петя улыбнулся, тряхнул протянутую к нему руку и, обращаясь ко всем, сказал:

— А меня зовут Петя Набатов.

— Набатов? Здорово!

— Хорошая фамилия!

— Молодец, что приехал!

— У нас самые дружные ребята!

— Почти все хорошо учатся, только вот Бунька подводит! — перебивая друг друга, шумно заговорили ребята.

Игорь прищурил глаза и, облокотившись на парту, осторожно спросил:

— Ну, а ты, Набатов, вообще, как учишься?

Ребята примолкли и с интересом ждали ответа. Петя пожал плечами и усмехнулся:

— Странный вопрос!.. Я отличник, конечно!

— Отличник? — Игорь весело хлопнул новичка по плечу.

— Игорь, где ему сесть?

— Садись на заднюю парту, Набатов! — сказал Игорь.

— Почему на заднюю? — недовольно спросил Петя.

— Да ты не обижайся. У нас такое правило: мы отличников всегда на задние парты сажаем. Я сам там сижу. А отстающие у нас поближе к учителю сидят, чтоб на виду были.

— А, ну хорошо! Я не знал.

Ребята торжественно проводили Петю к его парте и, окружив со всех сторон, стали рассказывать ему все школьные новости.

После звонка в класс вошел учитель.

— Андрей Александрович! А у нас новенький!

— Отличник! — похвастался круглолицый Бунька.

— Отличник? Очень приятно. А ты откуда знаешь? — улыбнулся Андрей Александрович.

— Сразу видно! На глазок! — засмеялся Бунька.

— Жалко, что ты себя не видишь на глазок,— пошутил учитель и взглянул на задние ряды парт, где сидел новый ученик.

— Ну, новенький, здравствуй! Давай познакомимся. Как твоя фамилия?

— Петя Набатов,— отчетливо сказал новичок, поправляя курточку и приглаживая черные, коротко подстриженные волосы.— Я учился в Томске.

— Хороший город,— сказал учитель.— Ты как-нибудь нам расскажешь о нем.

Начался урок. Андрей Александрович вызывал ребят к доске. Несколько раз спросил с места Набатова. На вопросы Петя отвечал без запинки.

— Хорошо! Очень хорошо, Набатов! — хвалил учитель.

Ребята торжествующе переглядывались, подталкивая соседей локтями.

Бунька, как волчок, вертелся на парте и громко шептал своему соседу:

— Ого! Какой круглый отличник!

— Пожалуй, даже сильней Игоря!

Витя Волков с любопытством разглядывал новичка. Ему были видны коротко подстриженный затылок мальчика, высокий

воротник его курточки, спина и плечи, которые он держал ровно и прямо.

«Молодец! — думал Витя.— Ничего не боится и держится как-то хорошо. Интересно познакомиться с таким поближе!»

* * *

После уроков ребята подходили к Пете и одобрительно хлопали его по плечу, а в раздевалке Витя Волков спросил:

— Тебе в какую сторону?

— Мне налево. А что?

— Хочешь, пойдем вместе погуляем? Я тебе нашу Москву-реку покажу.

Петя согласился. Мальчики бродили часа два по улицам, разглядывая памятники, проехались на метро. Потом остановились на набережной и долго смотрели на высокие башни Кремля.

Провожая Петю домой, Витя предложил ему почаще после уроков прогуливаться вместе по Москве.

— Пойдем завтра же? — сказал Петя.

— Завтра мне нельзя. Я завтра к одному товарищу иду. Он болеет, и мы все по очереди носим ему уроки. Три дня один, потом три дня другой, а завтра как раз моя очередь начинается.

— Ого! По три дня! Ну ладно. Так ты занеси уроки, а я подожду тебя, и пойдем!

— Ну нет! Так не выйдет. Обычно как придешь, так уж весь вечер просидишь. То уроки с ним вместе сделаешь, то в шахматы поиграешь. А сколько новостей надо рассказать! Ведь ему же скучно одному, а нас много, вот мы и распределились.

— Не люблю я больных...— поморщился Петя.

— Нет, он хороший парень. Мы его любим! — горячо сказал Витя.

— Ну ладно. В общем, значит, через три дня, как ты освободишься, пойдем в музей.

— Хорошо, конечно! А потом можно сходить и в кино...

Мальчики подружились.

— Ты знаешь,— говорил Витя,— у нас в классе, конечно,

не все ребята одинаковые... ну, там по характеру, что ли... Но все-таки класс у нас очень дружный, ребята боевые, всем интересуются. Кто что услышит, сейчас расскажет; иногда поспорим. Один то, другой это слышал...

— Можно что-нибудь придумывать вместе,— мечтательно сказал Петя,— а потом на пионерском сборе обсуждать...

В классе Петя охотно делился с товарищами всем, что знал, умел интересно рассказывать о том, что увидел где-нибудь сам или прочитал в какой-нибудь книге. Постепенно Петина парта стала самым оживленным местом в классе. Около нее постоянно толпились ребята. Классный организатор Игорь радовался, и единственно, что беспокоило его,— это поведение Набатова на уроках. Петя как будто томился и скучал, когда учитель вызывал к доске другого ученика. При всякой ошибке он с усмешкой откидывался на спинку парты и громко заявлял:

— Неверно! Неправильно! — и порывался ответить.

Даже Андрей Александрович часто делал ему замечания:

— Набатов, подожди. Пусть сам сообразит.

Ученик, стоя у доски, начинал нервничать, поминутно оглядывался на Петю и окончательно терялся, увидев на его лице улыбку. Как-то раз после такого случая Игорь подошел к Пете и дружески сказал:

— Ты отличник, тебе все легко дается, а другим трудно; поэтому, когда они отвечают, ты их не сбивай зря.

Петя обиделся и запальчиво сказал:

— Как это — не сбивай? Я никого не сбиваю. Если что неправильно, указать ошибку каждый может.

— А тебя не просят раньше времени указывать, потому что если человек спокойно подумает, то и сам скажет, без твоей помощи! — рассердился Игорь.

Ребятам не хотелось ссориться с Петей, но все-таки они тоже сказали:

— Нехорошо, Набатов, получается! Стоишь у доски, думаешь, мучаешься, а тут вдруг перебивает кто-то! Так, может, сам бы нашел ошибку, и Андрей Александрович не засчитал бы, а так выходит, что другой за тебя ответил.

Набатов дернул плечами:

— Лучше б уроки готовили как следует и не придирались к другим!

Он ушел недовольный. Витя тоже не стал его ждать в раздевалке, чтобы вместе идти домой. У обоих осталось неприятное чувство. Петя был уверен, что класс просто завидует ему.

Витя Волков, идя домой, думал о товарище: «Как это Петя не понимает, что нехорошо вечно выскакивать? Да еще не хочет слушать, что ему говорят, как будто все к нему зря придираются!» На другой день Петя вел себя по-прежнему. Игорь хмурился и сердито кусал губы. Витю начинало сильно раздражать вызывающее поведение Набатова. Сидя на уроках позади Пети, он глядел на его прямые плечи и сердито думал про себя:

«Ишь воображала! Не сидит, а торчит на парте».

Время шло. Прогулки Набатова и Вити по Москве давно прекратились, и, хотя оба мальчика втайне жалели об этом, никто не хотел заговаривать о них первый.

«Наплевать! — горько думал Витя.— Можно со всяким в музей пойти... Жаль только, что я с ним как с товарищем говорил, а он просто выскочка, и все!»

Внимание ребят от Пети неожиданно отвлек Бунька. Один раз Андрей Александрович при всех крепко отчитал мальчика за лень и неряшливость в домашних заданиях, а потом сказал, обращаясь ко всему классу:

— Приближается конец первой четверти. Почти все отстающие подтянулись, но у Буни Пронина никакого желания подтянуться я не вижу. Ваше общее дело — повлиять как-то на товарища, помочь ему выправиться.

Ребята обрушились на Буньку:

— Ты что думаешь, на самом деле?

— Весь класс подвести хочешь?

Договорившись с товарищами, Витя Волков начал помогать Буньке: проверял тетради, спрашивал домашние задания. Часто они оба оставались после уроков. Дела у Вити прибавилось, и, когда снова подошла его очередь идти к больному товарищу, Игорь сказал, что вместо Вити пойдет Набатов

Однажды утром Волков подошел к Набатову. Петя сидел за партой и повторял урок.

— Тебе сегодня к Володе идти,— сказал ему Витя,

— Куда? — не поднимая головы от книги, переспросил Петя.

— К Володе Светлову. Ну, к тому товарищу, который болеет. Класс решил послать тебя вместо меня, потому что я сейчас с Бунькой занимаюсь, а твоя очередь все равно скоро подойдет. Так вот: четверг, пятница и суббота. Не забудь. Отнесешь ему уроки и вообще посидишь с ним: расскажешь, что в классе делается...

— Да я же с ним незнаком совсем! — с раздражением сказал Петя.

— Это ничего. Я ему все рассказывал о тебе. Он очень хочет тебя видеть, посоветоваться о чем-то...

Петя пожал плечами, но спросил адрес. Витя тут же вырвал из блокнота листок, написал название улицы, номер дома, квартиры и отошел.

В этот же день Андрей Александрович вызвал Буньку. Ребята взволновались.

Бунька стоял у доски красный как кумач и робко поглядывал на товарищей. Те молча старались ободрить его взглядами и улыбками. Витя кивал ему головой. Один Петя сидел равнодушно, положив на парту правую руку и разглядывая свои ногти.

Учитель задал вопрос. Бунька ответил.

Андрей Александрович спросил еще что-то. Бунька опять ответил. Ребята весело переглянулись.

— Хорошо,— сказал Андрей Александрович.— Возьми мел!

Он перелистал страницы учебника и медленно продиктовал несколько предложений.

Бунька осторожно водил мелом по доске, поминутно оглядываясь на товарищей. Товарищи, привстав на партах, следили за каждым словом и одобрительно кивали головами.

Андрей Александрович посмотрел на доску.

— Хорошо,— еще раз сказал он, глядя, как Бунька дописывает внизу доски последние слова.— Молодец!

— Неправильно! — вдруг послышался голос Пети.— В данном случае отрицание пишется отдельно от имени существительного, а у него вместе.

— Правильно! Правильно! Держись, Бунька! — закричал класс.

Но было уже поздно. Бунька поспешно стер написанные слова и в замешательстве остановился.

— У него было отдельно! Там было мало места, и буквы близко стояли, а так все правильно было! — крикнул Игорь.

— Правильно! Правильно! — зашумел класс.

— Тише,— сказал Андрей Александрович и положил руку на плечо Буньки.

— Почему ты стер эти слова, ты же правильно написал их? — ласково спросил он.— Значит, ты не уверен?

— Его сбили! Сбили! — закричали ребята.

Андрей Александрович нахмурился, на лбу его появилась резкая морщинка; он перевел взгляд на Петю Набатова:

— Ты нашел ошибку, Набатов?

— Мне показалось, что Пронин написал неправильно,— сказал Петя.

— В следующий раз я прошу тебя не торопиться,— недовольно сказал учитель.— А тебе, Пронин, надо отвечать уверенней.

После урока ребята сорвались с места и окружили Петю:

— Ты что же, нарочно сбил его?

— Против товарища идешь?

— Он очень тесно поставил слова, и я решил, что у него ошибка,— оправдывался Петя.

— Эх ты! Заторопился! Поднял руку да еще кричит: «Неправильно, неправильно!»

— Я уже предупреждал тебя, Набатов, как с человеком с тобой говорил, а ты назло нам стал делать! — сердито сказал Игорь.

— Он не товарищ, он выскочка! — расталкивая ребят, презрительно крикнул Витя.

Набатов побледнел, бросил на парту книги:

— Я не товарищ? Я выскочка? Ладно! Плевать мне на вас тогда! И соваться ко мне нечего, а то все лезут, а потом выскочкой называют! А тебе, Волков, я этого не прощу и к товарищу твоему не пойду! Вот! Сами идите! — Он вытащил из кармана

листок блокнота с адресом и швырнул его на парту: — Нате! Без меня обойдетесь!

Ребята стояли молча. Когда Петя ушел, кто-то тихо сказал:

— Мы-то обойдемся...

На другой день Петя пришел в класс к самому звонку. Усаживаясь на свое место, он старался ни на кого не глядеть. На уроке сидел тихо, делая вид, что очень занят решением примеров. На душе у него было нехорошо. Особенно неприятной была ссора с Волковым. Но все-таки он решил не сдаваться, думая, что ребята сами подойдут к нему. Он слышал, что Игорь, Витя и другие ребята куда-то собираются пойти после уроков, и, уходя домой, нарочно задержался в раздевалке, как бы разыскивая свою шапку. Но Игорь, весело разговаривая с другими, сухо сказал ему на ходу:

— Я был в библиотеке. Тебе просили передать, чтобы ты зашел за книгой.

«Подумаешь! — озлился опять Петя.— Говорит, как чужому! Очень нужно! Да я и сам мириться с ним ни за что не хочу!»

Прошло несколько дней. Петя приходил в класс, садился на свою парту, но теперь уже ребята не окружали его, как раньше. Большая часть класса как-то отошла от Пети, перестала им интересоваться, а некоторые не скрывали своей враждебности и при каждом удобном случае кололи Петю злыми словами:

— Уйди, нам таких не нужно!

Или громко говорили:

— Бывают на свете эгоисты! Все для себя!

— И как только не стыдно!

Петя загрустил. Пятерки не радовали его, жизнь стала скучной. Он замечал, что каждого, кто хорошо ответил у доски, ребята встречали дружным одобрением, и тот, сияющий, возвращался на место. Только он, Петя, ни в ком уже не вызывал сочувствия. Как-то на большой перемене ребята затеяли строить снежную крепость. Петя несколько раз прошелся мимо крепости и громко сказал:

— На ночь полить водой нужно.

— Нужно, так польем,— равнодушно ответили ребята.

* * *

Приближался Новый год. Каждый хотел с чистой совестью провести свои каникулы. Самым слабым учеником был все-таки Бунька.

— Он весь класс подведет — я его знаю! Вечно няньку себе ищет! — говорил товарищам Волков.

Бунька стоял подавленный и робко повторял:

— Мне только помочь немножко... Я сам стараться буду!

— Знаем мы, какой ты! — сердились ребята.

— Помочь мы поможем, только брось ты свою привычку на других надеяться!.. Ребята, давайте все-таки решим, кто с Бунькой будет заниматься? — хмуро спросил Игорь.

Ребята молчали: у всех было много своей работы.

«Я бы мог помочь ему,— подумал Петя и посмотрел на Буньку.— Откажется... и ребята не захотят...»

— А все-таки,— сказал кто-то,— не по-товарищески выходит.

Бунька опустил голову и громко засопел. Петя вдруг решился.

— Я, ребята...— Голос его вздрагивал от волнения.— Если вы хотите... если согласны...

Ребята молча повернулись к нему и ждали.

— Я с удовольствием помогу Пронину...

— Без тебя обойдемся,— протянул кто-то из ребят.

Остальные молчали.

Петя стоял перед ними и ждал. В глазах его скапливались слезы. Бунька смотрел на Петю с удивлением и сочувствием.

— Ну что же вы? Говорите, что ли!.. Стоит человек... Тоже какие-то...— растерянно бормотал он, переводя глаза на товарищей.

— Ну как, ребята? — притворно равнодушным голосом спросил Игорь.— Набатов свою помощь предлагает.

— Пусть помогает.

— Пусть. Нам-то что!

Витя Волков прищурился и с презрительной улыбкой оглядел Петю с головы до ног.

Петя повернулся и медленно пошел к своей парте.

Ребята неодобрительно посмотрели на Волкова.

— Лежачего не бьют, знаешь? — тихо бросил ему Игорь и громко сказал: — Набатов! Договорись с Бунькой насчет занятий.

* * *

Наступили трудные дни. Петя и Бунька не расставались. Ребята видели, как Петя медленно и упорно объяснял что-то своему подшефному.

Терпению Пети удивлялся весь класс. Даже Волков говорил товарищам:

— Если б на меня, я бы не выдержал! Он ему одно, а тот другое!

Однажды ребята подошли к Пете:

— Ну как? Подвигается дело?

— Подвигается,— сказал Петя и смущенно улыбнулся.

Бунька похудел, толстые щеки его побледнели, и только уши были красными от волнения.

Андрей Александрович потирал руки и чему-то радовался про себя. После уроков он приходил к ребятам в пионерскую комнату, рассказывал о своих школьных годах и однажды, глядя на Петю, сказал:

— Школа учит жить в коллективе.

* * *

На контрольных работах Бунька вел себя молодцом. Он спокойно выполнял задание; отвечая у доски, не искал глазами поддержки у товарищей, и мел не прыгал в его руке.

Внимание ребят теперь привлекал Петя. Он волновался. Когда Бунька стоял у доски, Петя не отрывал от него глаз, безмолвно шевелил губами и болезненно морщился в ожидании ответа. Андрей Александрович часто взглядывал на мальчика. Ребята перешептывались.

Однажды в раздевалке кто-то окликнул Набатова. Он обернулся и увидел Витю.

— Тебе в какую сторону идти? — небрежно спросил тот.

Петя вспыхнул и радостно ответил:

— Мне... куда ты...

НОВИЧКИ

Я была больна и целые дни проводила на балконе. Наверху синело небо с мягкими разорванными облачками; в полинявшей осенней зелени деревьев кричали воробьи. А внизу прыгали, смеялись и играли дети... Я не прислушивалась к их голосам, не запоминала их лиц и имен.

Но однажды мое внимание привлекла маленькая девочка с большой сумкой. Она вышла из нижней квартиры и остановилась под моим балконом, пересчитывая зажатые в руке деньги. Сначала я увидела только ровную полоску пробора на аккуратно причесанной голове, две косички, длинные ресницы и пухлые губы. Потом она подняла голову и, глядя куда-то вверх, стала перечислять вслух то, что ей нужно было купить:

— Щавель... картошка... лук...— При этом она все время высовывала кончик языка, озабоченно смотрела на свою ладошку со смятыми деньгами и тихонько соображала: — Можно без луку...

Она была в большом затруднении, а когда из дому вылез пухлый мальчуган и протянул ей пустую бутылку, она совсем растерялась.

— Ах, бабушка...

Малыш посмотрел на нее круглыми карими глазами:

— Мише молока...

— Ну вот...— растерянно сказала девочка и, оглянувшись, крикнула: — Бабушка, возьми Мишу!

Потом присела на корточки, вытащила из кармана чистую тряпочку и вытерла малышу нос.

— Я сегодня куплю щавель... зелененький...— нараспев сказала она.

— И молока,— обхватив ее шею толстыми ручками, добавил малыш.

— А луку куплю тебе свежего-пресвежего...

— Нет, молока, нет, молока...— запротестовал малыш, оттопыривая нижнюю губу и обиженно, исподлобья глядя на девочку.

— Бабушка, возьми Мишу! Бабушка!

Нижнее окно раскрылось, и оттуда выглянула старушка.

— Батюшки мои, да как же это он вылез-то? — сказала она, протягивая руки.

Девочка с трудом подняла брата и посадила его на подоконник, потом она отдала старушке пустую бутылку и побежала к калитке.

Вернулась она скоро. Сумка, из которой торчала всякая зелень, перевешивала набок ее тонкую фигурку. Но лицо было довольное, глаза блестели.

Старушка, шлепая туфлями, семенила ей навстречу.

— Бабушка, я все-все купила. А тетенька одна такая добрая попалась, все спрашивала, как я хозяйничаю. Я ей сказала, что мама у нас в больнице, а папы давно нет — умер... Смотри, что я купила Мише...— Она вынула из корзинки красного петушка на длинной палочке.— Его сосать нужно! Сладкий, прозрачненький!

Она сглотнула слюнку и счастливо улыбнулась.

— Ну и себе бы купила,— с сожалением сказала старушка.

— Ну, себе! Дома есть печенье!

Дверь захлопнулась, и на дворе стало тихо.

А под вечер на асфальтовую площадку собрались ребята со всего двора. И почему-то теперь я стала различать их голоса, имена и лица. Моя знакомая, которую звали Лелей, играла с девочками в мяч, прыгала через веревочку. Прыгая, она все время поглядывала на своего толстого братишку, который вертелся около старших ребят. Они охотно сажали его на плечи, тискали в объятиях и смеялись каждому его слову.

— Медвежонок! Медвежонок!

— Мишка-топтыжка!

Малышу это надоело.

— Я к Леле хочу!

Леля бросила игру.

— Ну иди, иди ко мне... Ребята, не надо трогать его руками... Он похудеет от этого,— озабоченно сказала она, поправляя на братишке съехавший фартук.

Я слышала во дворе разные имена: Боря, Витя, Катя, Леша, но одно имя заставило меня прислушаться. Мальчика звали Анатолий. Не Толя, не Толька, а Анатолий! На мальчике был шелковый красный галстук. Приходил он под вечер и собирал около себя всю детвору: старшие и младшие ребята шумно встречали его приход. Он заводил какие-то игры, читал вслух и командовал малышами. В этот вечер он уселся под моим балконом на каменном выступе:

— Малыши, вперед! Равняйся! По росту!.. Живо!..

Малыши, толкая друг дружку, выстроились в одну шеренгу. Леля стала второй, а Миша, держась за чью-то курточку,— последним.

— Семилетки, два шага вперед!

Девочки и мальчики постарше заволновались, стали переглядываться. Анатолий повторил команду:

— Кто в школу скоро пойдет, два шага ко мне!

Тогда они поняли и, раздвинув маленьких, торжественно выстроились перед Анатолием. Их было шесть. И среди них была Леля. Ее глаза сияли, голова держалась прямо, косички с черными бантиками торчали в разные стороны. И тут я хорошо рассмотрела Анатолия. Ему было лет двенадцать, но выглядел он старше. Может быть, от густой пряди волос, которая все время спускалась ему на лоб, или от черных глубоко сидящих глаз, всегда серьезных, даже когда он улыбался. Сейчас он прошелся перед новичками и важно сказал:

— Протяните руки. Так. Руки у вас грязные... С такими руками в школу не принимают!

— Мы вымоем!

— Не вымоете, а отмоете. Вот... Через неделю пойдете в школу! Платья должны быть чистые, носы чистые, сумки или портфели вам матери купят...

— Мне уже купили! — крикнула одна девочка.

Новички зашевелились.

— И мне!.. Пенальчик синенький! И карандаши разные!

— А мне портфель купили! И тетрадки!

— А мне ручку и карандаш мама купила и шапку новую...

Я посмотрела на Лелю. Она молчала, и лицо у нее было такое же, как в тот раз, когда она считала на ладони деньги...

Улыбка медленно сбегала с ее губ, она сразу как-то осунулась и, тревожно оглядываясь по сторонам, пряталась за спины ребят. Мне казалось, что я слышу, как испуганно и быстро стучит ее сердечко.

— Завтра,— сказал Анатолий,— сделаем репетицию! Приходите все в чистых платьях, с чистыми руками — абсолютно!

Слово «абсолютно», видимо, доставило ему самому большое удовольствие, а малышей даже испугало.

— Абсолютно! — тихо повторили они. И, вырвавшись из строя, окружили Анатолия: — Можно с подарками? Можно с портфелями?

И, получив согласие, весело запрыгали:

— Завтра, завтра!.. Все с подарками!

Леля незаметно исчезла...

Утром я услышала легкие шажки. Леля шла с покупками: в руках у нее была та же сумка, из нее был виден хлеб, молоко и какой-то белый продолговатый предмет.

Потом она вышла из дому с Мишей, посадила его на травку и, держа перед ним кружку с молоком, тихо ему сказала:

— Я конфетку тебе завтра куплю... Ладно, Мишенька? А? Ладно?

Малыш вертел головой, тянулся к ней мокрыми губами:

— И завтра купишь, и вчера купишь. А я сегодня хочу...

...А вечером состоялся праздник новичков. Анатолий прохаживался перед ними, как настоящий командир. Я заметила, что галстук его был тщательно разглажен, а на груди появились какие-то значки. Гладенькие, отмытые до блеска, румяные, с подарками в руках, новички стояли как вкопанные. И Леля стояла в новом клетчатом платьице, прижимая к груди белый продолговатый предмет. Анатолий вызывал каждого новичка, рассматривал его тетрадки, карандаши, портфели...

— С такими подарками, брат, отличником надо быть! А тетрадочки-то у тебя чистенькие, новенькие! Смотри, чтоб ни пят-

нышка не было!.. А это что? Краски? Таких красок у меня у самого нет! А портфель-то, портфель!..

Счастливый малыш отходил на свое место. Каждая вещь от похвалы Анатолия приобретала еще большую ценность.

— Семь лет!.. Ведь это все равно что сорок! Взрослый человек! Школьник! Во как учиться надо!.. Я вас до самой школы с барабаном провожу! С треском!

Ребята смеялись.

У Лели Анатолий взял из рук пенал:

— Вот это пенал так пенал!

Он украдкой посмотрел на опущенные руки девочки: у нее больше ничего не было...

— Вот это пенал так пенал! И с крышкой! Будешь отличницей! Обязательно!

Потом он посмотрел подписи на всех подарках: от папы, от тети, от брата, от мамы... А у Лели было написано: «От Лели Колосковой — на память Леле».

Тут Анатолий запнулся. Вскинул вверх брови.

— Как, как? — закричал он, ворочая во все стороны пенал. И, не выдержав, расхохотался: — Да ведь ты же сама Леля Колоскова! Сама!

Леля покраснела, взяла у него из рук пенал и пошла к дому... Ребята смеялись, а она плакала. И сначала шла медленно, потом побежала. Анатолий кинулся за ней, но она скрылась в дверях.

— Анатолий! — крикнула я.

Он поднял голову, подошел к балкону. Он был озадачен, потому что ни разу не видел меня прежде.

— Ей некому дарить, понимаешь?

Он слушал меня, тер ладонью щеку, виноватый и опечаленный. Потом, откинув со лба прядь волос, сказал:

— Я все исправлю! Я не знал!

На другой день к вечеру я услышала у нас в коридоре голос Анатолия. Он пришел ко мне посоветоваться. Сел возле меня на стул, вытащил из кармана небольшой сверточек и осторожно

разгладил на коленях батистовый платочек, обвязанный голубым шелком, и красную ленту:

— Сестренка дала...

Я одобрила обе вещи. Анатолий обращался с ними осторожно и неумело. Ленту он навертел на палец и не мог снять ее, а платок, соскользнувший с его колен, нашел под своим ботинком и очень огорчился. Дул на него, тряс за кончик и, свернув в тугую трубочку, наконец спрятал в карман. Потом вздохнул и задумчиво сказал:

— Жаль только, что нет портфеля.

Я показала ему свой:

— Здесь сломан замочек.

— О, я сделаю! — Он схватил портфель с видом знатока, вытащил из кармана перочинный нож, выковырнул замок, вывернул весь портфель наизнанку и заявил мне, что завтра он будет готов, чему я не очень-то поверила, глядя на зияющую дырку вместо замка и растрепанную подкладку.

Но пока он работал, мне доставляло удовольствие смотреть, как, схватив двумя пальцами нижнюю губу, он по-взрослому хмурит брови или, выкручивая замок, посвистывает сквозь зубы. А прядь волос щекочет ему лоб и лезет на глаза... Ушел он очень довольный... А на другой день он забежал на одну минутку, принес блестящий, неузнаваемый портфель, без конца щелкал у меня над ухом новым замком и объяснял, каким сложным составом он помазал кожу, чтобы она блестела.

— Правда, она липнет к рукам и издает запах...

Потом он положил в портфель платок, ленту и ушел.

А вечером, прижавшись щекой к перилам, я не отрываясь смотрела на Лелю: она стояла в строю со своим пеналом.

Анатолий держал в руках портфель:

— Ребята! Вот этот портфель меня просили передать девочке, которая помогает своей бабушке и нянчит братишку, а зовут ее Леля Колоскова! Есть такая?

Леля вспыхнула, растерялась...

— Есть! Есть! — закричали ребята.— Вот она!

Строй сомкнулся, и упирающуюся Лелю вытолкнули на середину круга.

Анатолий торжественно передал ей портфель. Ребята захлопали.

А потом принесли барабан. Начался оглушительный треск, пение, маршировка. И Леля шагала среди других новичков, сияющая и серьезная.

КОЧЕРЫЖКА

Люди возвращались. На маленькой голубой станции, уцелевшей от бомбежек, беспорядочно и суетливо выгружались из вагонов женщины и дети с узлами и авоськами. По обеим сторонам дороги заколоченные домики, глубоко зарывшись в сугробы, ждали своих хозяев. То там то сям вспыхивали в окнах светлячки коптилок, из труб поднимался дым. Дольше всех пустовал домик Марьи Власьевны Самохиной. Забор ее повалился, и только кое-где стояли еще крепко сбитые колья. Над калиткой торчала вверх и билась на ветру сломанная доска. В морозные зимние ночи, проваливаясь в снег, к запушенному крыльцу брел голодный пес, похожий на затравленного волка. Он обходил дом, прислушиваясь к тишине, царившей за большими окнами, тянул носом воздух и, бессильно волоча длинный хвост, укладывался на снежном крыльце. А когда луна бросала на пустой дом светлые желтые круги, пес поднимал морду и выл.

Вой будоражил соседей. Измученные, настрадавшиеся люди, зарываясь головой в подушки, грозились заткнуть эту голодную глотку дубиной. Может быть, и нашелся бы человек, решившийся поднять дубину на поджарое собачье тело, но пес, как бы зная это, остерегался людей, и утром на снегу оставались только следы, тянувшиеся неровной цепочкой вокруг брошенного дома. И лишь один маленький человечек из домика напротив каждый вечер за старым обвалившимся погребом ожидал голодного пса. В растоптанных валенках и старой серой шинельке он тихонько вылезал на крыльцо и смотрел, как в сумерках белеет снег. Потом, прижимаясь к стене, круто заворачивал за угол дома и шел к погребу. Там, присев на корточки, он делал в снегу плотную ямку, выкладывал из кармана корочки хлеба и тихонько отсту-

пал за угол. А за погребом, медленно переставляя лапы и не сводя с ямки голодных волчьих глаз, появлялась поджарая собака. Ветер качал ее костлявое тело, когда она жадно глотала то, что принес маленький человечек. Окончив еду, пес поднимал голову и в упор смотрел на мальчика, а мальчик смотрел на пса. Потом оба расходились в разные стороны: собака в снежные сумерки, а мальчик в теплый дом.

* * *

Судьба маленького человечка была судьбой многих детей, застигнутых войной и обездоленных фашистскими варварами. Где-то на Украине золотой осенью в обуглившемся селе, только что отбитом у фашистов, безусый сержант Вася Воронов нашел на огороде завернутого в теплые тряпки двухлетнего мальчишку. Рядом на вспаханной огородной земле, среди обрубленных кочанов капусты, в белой сорочке, вышитой красными цветами, лежала, раскинув руки, молодая женщина. Голова ее была повернута набок, голубые глаза застыли в пристальном созерцании высокой горки срезанных капустных листов, а пальцы одной руки крепко сжимали бутылку с молоком. Из горлышка, заткнутого бумагой, медленно стекали на землю крупные молочные капли... Если б не эта бутылка с молоком, может быть, пробежал бы Вася Воронов мимо убитой женщины, догоняя своих товарищей. Но тут, горестно поникнув головой, осторожно вынул он из рук мертвой бутылку, проследил ее застывший взгляд, услышал за капустными листьями слабое кряхтенье и увидел широко открытые детские глаза. Неумелыми руками вытащил безусый сержант закутанного в одеяльце ребенка, сунул в карман бутылку с молоком и, наклонившись над мертвой женщиной, сказал:

— Беру... Слышь? Василий Воронов! — и побежал догонять товарищей.

На привале бойцы поили мальчика теплым молоком, любовно оглядывали его крепенькое тельце и шутя называли Кочерыжкой.

Кочерыжка был тихий; свесив голову на плечо Васи Воронова, он молча глядел назад, на ту дорогу, по которой его нес Вася.

А если мальчик начинал плакать, товарищи Воронова с пыльными и потными от зноя лицами приплясывали перед ним, тяжело потряхивая амуницией и хлопая себя по коленкам:

— Ай да мы! Ай да мы!

Кочерыжка замолкал, пристально вглядываясь в каждое лицо, как будто хотел запомнить его на всю жизнь.

— Изучает чегой-то! — шутили бойцы и дразнили Васю Воронова.— Эй, отец, докладай, что ли, по начальству насчет новорожденного!

— Боюсь, отымут,— хмурился Вася, прижимая к себе мальчонку. И упрямо добавлял: — Не дам. Никому не дам. Так и матери его сказал — не брошу!

— Одурел, парень! С ребенком, что ли, в бой пойдешь? Или в няньки теперь попросишься? — урезонивали Васю бойцы.

— Домой отошлю. К бабке, к матери. Закажу, чтоб берегли тама.

Твердо решив судьбу Кочерыжки, Вася Воронов добился своего. Поговорив по душам с начальством и передав своего питомца с рук на руки медицинской сестре, Вася написал домой длинное письмо. В письме было подробно описано все происшедшее, и кончалось оно просьбой: держать Кочерыжку, как своего, беречь, как родное дите сына Василия, и не называть его больше Кочерыжкой, потому как мальчик крещен в теплой речной купели самим Вороновым и его товарищами, давшими ему имя и отчество: Владимир Васильевич.

Молоденькая сестричка привезла Владимира Васильевича в семью Вороновых зимой сорок первого года, когда сами Вороновы, заколотив свой домик, бежали с вещами и авоськами к голубой станции. На ходу, второпях прочитали Анна Дмитриевна и бабка Петровна письмо Васеньки, со вздохами и слезами приняли от сестрички сверток в сером солдатском одеяле и, нагруженные вещами, полезли с ним в дачный вагон, а потом в теплушку... А когда вернулись на старое жилье и открыли свой отсыревший домик, война уже отодвинулась, письма Васеньки шли с немецких земель, а Кочерыжка уже бегал по комнате и сидел на скамейке, пристально изучая новые углы и новые лица своими зеленовато-голубыми глазами под темными шнурками

бровей. Мать Васеньки, Анна Дмитриевна, осторожно поглядывая в сторону мальчика, писала сыну:

«Завет чести твоей и совести, дорогой наш боец Васенька, мы сохраняем. Кочерыжку твоего, то есть Владимира Васильевича, не обижаем, только достатки наши невелики — особенно содержать его не можем. По приказу твоему мальчику о тебе поминаем, как что между вами произошло, и бутылочку тую держим на память. Еще разъясни ты нам, Васенька, как ему нас звать прикажешь, а все «тетенька» да «тетенька» я ему, бабку зовет Петровной, а сестренку твою Граню Ганей кличет».

Вася Воронов, получив письмо, слал ответ:

«За хлопоты ваши великое спасибо. В остальном разберусь, как домой приеду. Одна просьба: Кочерыжкой не звать, потому как это звание походное, данное случаем по обстоятельству местонахождения в капусте. А он должен быть как человек, Владимир Васильевич, и сознавать то, что я ему отец».

Кочерыжке своему Вася Воронов, подумав, всегда писал одно и то же: «Расти и слушайся». Пока что больших задач воспитания приемного сына он на себя не брал. Кочерыжка рос плохо, а слушался хорошо. Слушался молча, медленно, понятливо и серьезно.

— Батюшки, да что ты как спеленатый на лавке сидишь? Пойди хоть побегай маленько! — замечая его, на ходу кричала тетенька Анна Дмитриевна.

— А где побегать? — сползая с лавки, спрашивал Кочерыжка.

— Да в садике, батюшки мои!

Кочерыжка выходил на крыльцо и, как будто стесняясь, с неуверенной улыбкой смотрел на тетеньку, потом, опустив руки, неловко перебирая ногами, бежал к калитке. Оттуда медленно возвращался и снова садился на лавку или на крыльцо. Петровна качала головой:

— Притомился, Кочерыжка, то бишь Володечка?

Мальчик поднимал тонкие брови и односложно отвечал:

— Не.

Граня бегала в школу. Иногда у крыльца, как стайка веселых птиц, собирались ее подружки. Граня вытаскивала Ко-

черыжку, сажала его к себе на колени, дула на его большой лоб с пушистыми темными завитками и, скрестив на его животе крепкие, загорелые руки, говорила:

— Это наш, девочки! Мы его в капусте нашли! Не верите? Он сам знает. Правда, Кочерыжка?

— Правда,— подтверждал мальчик,— меня в капусте нашли!

— Бедненький! — ахали девочки, поглаживая его по головке.

— Я не бедненький,— отводя их руки, говорил Кочерыжка.— У меня отец есть. Вася Воронов — вот кто!

Девочки начинали возиться с ним, но Кочерыжка не любил шумных игр. Однажды Петровна дала ему немного земли из старого цветочного горшка, и в самом углу широкой скамьи Кочерыжка устроил себе огород. На огороде он сделал аккуратные грядочки. Граня дала мальчику красной глянцевитой бумаги и зеленой папиросной. Кочерыжка вырезал круглые красные ягодки, разложил их на грядках, а рядом воткнул зеленые кустики из папиросной бумаги. Потом принес из сада ветку и повесил на нее бумажные яблочки, раскрашенные с помощью Грани. В игре принимала участие и Петровна — она тайком подкладывала в огород свежую морковку и громко удивлялась:

— Гляди-ка, морковь у тебя поспела!

Анна Дмитриевна называла Петровну потатчицей, но сама как-то привезла два игрушечных ведерка и совочек для «огорода». Кочерыжка любил землю; он брал ее на ладонь, прижимался к ней щекой и, когда скупое зимнее солнце падало из окна, серьезно говорил:

— Не загораживайте солнце-то — ведь расти ничего не будет!

— Агроном!..— с гордостью говорила о нем Петровна.

* * *

Жизнь в то время была трудная. У Вороновых не хватало хлеба, картошки своей не было. Анна Дмитриевна работала в столовой. Она приносила в бидончике остатки супа. Граня с раз-

маху залезала в бидон ложкой и вылавливала гущу. За столом мать бранила ее:

— В такое-то время, когда весь народ от войны еще не оправился, она только о себе думает! Выловит гущу, а мать и бабушка как хотите! Да Кочерыжка еще на руках у нас!

Громкий голос и сердитые слова пугали Кочерыжку.

— Я не буду! — испуганно говорил он, сползая со стула.— Я не буду кушать!

— Сядь!.. Что за «не буду» такое? — в раздражении кричала на него Анна Дмитриевна.

Кочерыжка низко наклонял голову и начинал капать крупными слезами. Петровна схватывалась со своего места и, вытирая ему глаза передником, ругала дочь и внучку:

— Вы что ребенку нервы треплете? Чужое дите за столом, а они при нем куски считают! Взяли за своего, так и держите по совести!

— Да что ж я ему сказала-то? — ахала Анна Дмитриевна.— Не на него кричу, а на дочь родную! Я его и пальцем не трону! Мне с ним не жить... Пусть кто взял, тот и воспитывает!

— А мне, что ли, с ним жить? Мне и вовсе он не нужен на старости, а раз взяли, так надо сердце иметь! Вишь, он ото всего нервный какой!

— Ну, нервный! Представленный, и все тут! — кричала сквозь слезы Гранька, получившая от матери подзатыльник.— Все, все брату напишу! Пускай забирает его совсем! Не надо нам!

— А кто ж со мной жить будет? — вдруг спрашивал Кочерыжка, обводя всех тревожными заплаканными глазами.

Петровна спохватывалась:

— Усе, усе будем, сынок! Не плачь только! Советская власть сироту не бросит! А отец-то! Отец-то на што? Вон он глядит... Вон он...— Она снимала с полки фотографию Васи и, обтерев ее ладонью, подавала мальчику.— И-и, какой отец... С ружьем!

Кочерыжка сквозь слезы улыбался доброму скуластому лицу Васи, а Петровна, расчувствовавшись, крепко прижимала к себе мальчика:

— Разве он бросит?! Как повидал он это горюшко... Лежит

она, голубка сердечная, а молочко-то из бутылочки кап-кап...

Она вдруг прерывала себя и, подперев рукой щеку, начинала раскачиваться из стороны в сторону:

— Ах ты боже ж мой, боже ж мой... Несла своему сыночку, голубушка...

Анна Дмитриевна, прислушиваясь к ее словам, останавливалась посреди комнаты; Граня сидела тихо, поглядывая круглыми глазами то на мать, то на бабку.

— И сказал он ей, мертвенькой...

Кочерыжка закрывал глаза и, борясь с дремотой, крепче прижимал к себе карточку.

— ...нипочем я сыночка твоего не брошу...— доносился до него затихающий голос Петровны, смешанный со слезами и вздохами.— Ах ты боже ж мой, боже ж мой...

— Гляди, карточку всю изомнет! — вдруг кричала Гранька.— Заснул ведь! Дай-ка я возьму у него!

Петровна загораживала от нее Кочерыжку:

— Не тронь, не тронь, Гранечка! Я сама опосля возьму!

Анна Дмитриевна, как бы очнувшись, бежала к постели, взбивала подушечку и принимала из рук Петровны спящего мальчика. Гранька вертелась тут же, чтобы вытащить из горячих сонных рук Кочерыжки Васину карточку, но мать молча отводила ее руку и, глядя в курносое безмятежное лицо девочки, думала: «Чего в ней не хватает — сердца или разума?»

* * *

По ночам выла собака. Кочерыжка знал, что она воет от голода, от тоски по хозяевам и за это ее хотят убить. Кочерыжка хотел, чтобы собака перестала выть и чтобы ее не убивали. Поэтому однажды, увидев за своим погребом следы собачьих лап, он стал относить туда остатки еды. Собака и мальчик боялись друг друга. Пока Кочерыжка складывал свои сокровища в ямку, собака стояла в отдалении и ждала. Он не хотел погладить ее сбившуюся шерсть на тощих ребрах — она не хотела вильнуть ему хвостом. Но часто они смотрели друг на друга. И тогда между ними происходил короткий разговор.

«Все?» — спрашивали собачьи глаза.

«Все»,— отвечали ей глаза Кочерыжки.

И собака уходила, чтобы в сумерки следующего дня заставить его тревожно ждать за погребом, прислушиваясь к каждому голосу из дома. За столом Кочерыжка, глядя испуганными глазами на все лица, прятал за пазуху хлеб.

* * *

Однажды ночью он проснулся от собачьего голоса. Но это не был вой. Это был короткий визг. Кочерыжка прислушался. Визг не повторился. Мальчик понял: что-то случилось. Он сполз с кровати и, всхлипывая, пошел к двери. Петровна в одной юбке, сонная и растрепанная, схватила его на руки:

— Куда ты? Куда, батюшка мой?

Кочерыжка громко заплакал.

— Молчи, молчи, сынок... Усех в доме перебудишь...

Но мальчик вырывался из ее рук и, захлебываясь слезами, указывал на дверь:

— Туда, туда...

— Да куда же мы пойдем с тобой? Ведь на дворе тьма-тьмущая... Там усе волки сейчас бегают... Гляди-ко!

Петровна подняла Кочерыжку к окну и отдернула занавеску. На дворе стояла оттепель; сквозь мокрое стекло было видно, как из освещенного окна пустого дома на крыльцо падала желтая тень. Кочерыжка вдруг затих, а Петровна, зевая, сказала:

— Никак, Самохины приехали?

* * *

В эту ночь от станции, глубоко проваливаясь в снег тяжелыми бутсами, шла женщина. Рваное мужское пальто, подвязанное веревкой, мокрыми полами обхватывало ее колени, черный платок съехал на плечи, седые пряди волос прилипли к щекам. Женщина часто останавливалась и прислушивалась к собачьему вою. В калитке оторванная доска задела ее за плечо, а с крыльца поднялся одичалый пес и, прижимая к затылку уши, двинул-

ся ей навстречу. Женщина протянула к нему руки, чуть слышно пошевелила губами. Пес с коротким визгом упал на снег и пополз к ней на брюхе... Женщина обняла его за шею и достала из кармана ключ. Потом поднялась на ступеньки, открыла дверь, зажгла огарок свечи, и от освещенного окна упала желтая тень, которую увидел Кочерыжка.

* * *

Собака не приходила. Два дня ждал ее Кочерыжка, глядя на огонек, светившийся через дорогу. Теперь оттуда часто доносился хриплый, сердитый лай. Слышно было, как пес кидался к забору и до конца улицы провожал идущих мимо отрывистым лаем. Он сторожил свой дом. Ночью никто уже не слышал его жалобного воя и не грозил заткнуть ему глотку дубиной. Из разговоров соседей Кочерыжка знал, что в домик Самохиных вернулась одна старуха — Марья Власьевна... Бабка Маркевна, никуда не уезжавшая во время войны, считала себя хозяйкой опустевшего поселка с заколоченными домиками. Ей казалось, что именно она, оставаясь здесь, под немецкими бомбами, уберегла от разрушения весь поселок. И как хозяйка встречала она всех возвращающихся, приветливо и жалостно, не скупясь ни на сочувствие, ни на вязанку дров для захолодавших людей. Первая являлась она к семьям, еще не обогревшим пустые углы, и, прислонившись к косяку двери, зябко кутаясь в клетчатую шаль, говорила:

— Ну вот, слава те господи! Вернулись! На родном пороге не обобьешь ноги!

И тут же зорко примечала она чьи-то заплаканные глаза, горестно покачивала головой, кляла душегубов-фашистов, вытирала концом платка слезы и утешала:

— Что делать, милушка, война... Уж теперь не вернешь и сама в могилку не полезешь. Скрепи сердце, как ни есть... Небось не одна поплачешь, люди с тобой поплачут и над твоим и над своим горем... Все вместе, легче будет...

Серенькое, востренькое лицо ее, теплые руки с темными жилками, слезы и сочувствие успокаивали. Не одна осиротевшая

женщина выплакала свое горе вместе с Маркевной. Поплакав, бабка Маркевна деловито распоряжалась:

— Печку-то спробуй — не дымит ли? Да пойдем ко мне: дровишек сухоньких дам или кипяточку отолью.

Бабка Маркевна жила одна, но с утра до вечера у нее толокся народ — женщины, ребятишки. Каждому что-то было нужно. Иногда на широкой лавке под печкой сидел у бабки чей-нибудь закутанный ребенок, и бабка, придя со двора, говорила:

— Ишь бог послал... Чей же это? Сафроновых али Журкиных? — И сама себе отвечала: — Небось Журкиных... Она нынче к снохе в город уехала...

Погремев в печи заслонкой, Маркевна вытаскивала горячую картофелину, дула на нее, перебрасывая с ладони на ладонь, и подносила ребенку:

— На-кось... Погрей ручки да скушай!

Теперь бабка Маркевна часто сидела у Петровны и, указывая на домик Самохиной, с обидой говорила:

— Я к ней, а она от меня... я во двор, а она в дом... Вижу, лица на ней нет.

— Да-да,— подтверждала Петровна,— чуждается она людей... а бывало, как работала библиотекаршей на заводе, от одних ребят отбою не было, сама всех привечала.

Маркевна освобождала от шали востренький подбородок и шумно сморкалась.

— Всхожу это я в сени, а у самой сердце не на месте... И ее жалко, и навязываться тошно... Только думаю себе: горе-то что петля на шее, если некому растянуть ее, она всего человека захлестнет.— Маркевна оглянулась на Кочерыжку и вдруг зашептала: — Ведь одна-одинехонька вернулась. Игде невестка, игде внучка ейная. Все небось в земле сырой похоронено. Как не бывало да не было. И сама-то вся рваная, пальтишко худенькое...

— О-хо-хо...— подперев щеку рукой, вздыхала Петровна.— Ведь полным домком жил человек! Да где же это она всех растеряла-то?

Но Маркевна уже снова перешла от сочувствия к обиде:

— Да разве в ней человецкая душа осталась? Голубушка, говорю, милая ты моя, одна, что ли, в свой домик возвернулась?

А она это как глянет на меня, руками за стол схватилась да как крикнет: «Не спрашивай!» Батюшки мои! Ровно я ей в сердце иголку всадила...— Маркевна закрылась платком и заплакала.

Петровна мельком взглянула на Кочерыжку. Лицо у него было серое, губы дрожали, в глазах стоял испуг.

— Уйди ты отсюда! Что за ребенок такой?! — рассерженно крикнула Петровна и, схватив Кочерыжку за руку, вытащила его в кухню.— Ступай оденься, погуляй хоть с ребятами! — Она бросила ему шинельку и платок.— Ступай, ступай! Вот всегда эдак-то: прилипнет к лавке и сидит на нервы действует,— объясняла она бабке Маркевне, возвращаясь в комнату.

Кочерыжка нерешительно потоптался в кухне, взял с плиты печеную картофелину, надел шинельку, вышел на двор и побрел на собачий лай. Ему хотелось взглянуть на собаку, которая уже два дня не приходила к погребу. Но ему было страшно, что на крыльце Самохиных вдруг появится та женщина и закричит на него, как на бабку Маркевну. Во дворе никого не было. Не отрывая глаз от закрытой двери, Кочерыжка долго стоял у забора, потом храбро направился к калитке.

* * *

Марья Власьевна сидела одна у холодной печки. Около нее валялась сломанная табуретка и секач. Скрип двери, серая шинелька и протянутая ладошка с печеной картофелиной испугали ее. Она откинула со лба седые волосы и, зажмурившись, сказала:

— Боже мой, что это?

— Собаке...— дрожащим голосом прошептал Кочерыжка, не сводя с нее глаз.

Марья Власьевна глубоко вздохнула.

— Волчок!

Со двора вбежала собака, шумно обнюхала мальчика и, виляя хвостом, остановилась рядом с ним. Марья Власьевна молча смотрела, как Кочерыжка кормил собаку. Потом она заглянула в печь и чиркнула спичкой. Спичка погасла. Она снова чиркнула. Кочерыжка подобрал с полу тоненькие щепоч-

ки и положил их перед ней. Потом обнял за шею собаку и удивленно сказал:

— Я ее не боюсь.

В печке затрещали сухие доски. Мальчик осторожно присел на корточки и протянул к огоньку красные руки.

— Чей ты? — тихо, с напряженным вниманием вглядываясь в его лицо, спросила Марья Власьевна.

— Васи Воронова. Я Кочерыжка,— робко сказал он и, заметив на ее губах слабую улыбку, стал рассказывать свою историю.

Он делал это совсем так, как Петровна, подперев рукой щеку и раскачиваясь из стороны в сторону. Марья Власьевна слушала его с удивлением и жалостью. Прощаясь, Кочерыжка сказал:

— Я к тебе и завтра приду.

По дороге его переняла Граня. Размахивая концами платка, она сердито потащила его к дому:

— Ходит не знай где! Весь в снегу извалялся! Настоящий Кочерыжка!

От усталости, сердитого голоса Грани и всего пережитого за этот день Кочерыжка сел на снег и заплакал.

* * *

Самохина сторонилась соседей. Она часами сидела одна, опустив на колени руки. Ее память с болезненной точностью рисовала ей то одно, то другое... Разбросанные в беспорядке вещи напоминали ей сборы в дорогу и залитое слезами лицо ее невестки Маши. Слезы свои Маша объясняла по-разному, невпопад: то нежеланием расстаться с насиженным углом, то боязнью перед незнакомой дорогой. Марья Власьевна не знала тогда, что Маша скрывает от нее смерть сына, что она одна переживает свое тяжелое горе, щадя старуху мать. Марья Власьевна вспоминает, как она сердилась на нее за эти слезы, как в последнюю ночь сборов, выйдя из терпения, она сурово прикрикнула на невестку: «Перестань! Возьми себя в руки! Стыдно! Люди близких теряют...»

Мысли Марьи Власьевны перескакивают. Она видит длинный эшелон, набитый женщинами и детьми. Она сидит между своими и чужими узлами, затиснутая в угол теплушки; потная головенка внучки, прикрытая ее широкой ладонью, прижимается к груди. В полумраке большие заплаканные глаза Маши. А потом бомбежка и глухой полустанок, где она, Марья Власьевна, металась между разбитыми вагонами, не выпуская из рук круглого синего чайника и бессмысленно объясняя кому-то с остановившимися от ужаса глазами: «За горяченьким пошла... за горяченьким...»

А из-под обломков люди вытаскивали что-то страшное, бесформенное, в чем уже нельзя было узнать ни внучки, ни Маши. Кто-то отнимал у нее залитый кровью капор, кто-то совал ей в руки узелок и вел ее за носилками, покрытыми серым брезентом... Затерянная на этом полустанке, одна среди чужих людей, она случайно развязала Машин узелок и там нашла карточку сына вместе с его письмами к жене. Рядом с карточкой лежала серая бумажка, где сообщалось о славной смерти честного бойца Андрея Самохина... Лицо сына было радостное и удивленное, как будто он сам не верил в это сообщение о его смерти. Марья Власьевна стискивала руки, обводила глазами пустые углы и шептала без слез:

— Деточки мои... деточки...

Волчок клал ей на колени свою острую морду и, шумно вздыхая, лизал старые, сморщенные руки.

* * *

Теперь, когда Кочерыжка прятал в карман хлеб, Петровна бросала на Анну Дмитриевну многозначительный взгляд, и та сама клала перед мальчиком горку печеного картофеля:

— Кушай, кушай, сынок! А то на потом себе спрячь!

Кочерыжка брал в руки картошку и обводил всех недоверчивым, вопросительным взглядом. Но все смотрели в свои тарелки, а то нарочно выходили в кухню, и, глядя, как торопливо натягивает Кочерыжка свою шинельку, Петровна таинственно шептала:

— Собралси...

А Анна Дмитриевна тяжело вздыхала:

— Что ему там нужно?

Если б не Маркевна, в семье Вороновых давно запретили бы Кочерыжке ходить к необщительной соседке.

— В горе он сам родился, да еще на ее горе глаза таращит. Эдак вовсе ребенка испортить можно,— беспокоилась Петровна.

— А не пусти — плакать будет,— огорчалась Анна Дмитриевна.

Гранька надувала розовые губы:

— Сами позволяете... Вася приедет — всем попадет... Не она его нашла, и ладно!

Но Маркевна была другого мнения.

— Как можно не пускать? — строго говорила она.— Грех в нем сердечко сдерживать. Кто чужие слезы утрет, тот меньше своих прольет... Не всякое горе к себе близко подпускает, а ребенок, он как лучик тепленький... Ведь вот я-то, старая, разбередила ей душеньку...

История Самохиной, приукрашенная и неправдоподобная, ходила по всему поселку, о ней говорили в заводском кооперативе, где люди получали картошку.

Правдой во всем этом было только то, что осталась женщина одна-одинешенька. Но не это мучило Маркевну, когда вспоминала она Самохину. Мучила ее мертвая душа в живом человеке, и, не в силах оживить ее сама, она надеялась на Кочерыжку.

Уходя, Маркевна вынимала из-под платка свежевыпеченный хлебец и совала его Петровне:

— Дай мальчику-то... пущай снесет... от себя вроде.

Кочерыжка не понимал маленьких хитростей взрослых, он и вправду носил от себя. Войдя к Марье Власьевне, он просто выкладывал на стол все, что принес, выбирая куски для собаки. Один раз Самохина сурово сказала:

— Не носи больше.— Но, заметив в его глазах испуг, спросила: — Кто тебя посылает?

— Сам иду,— всхлипнул Кочерыжка.

Марья Власьевна погладила его по голове:

— Не носи больше, слышишь? Так приходи...

Вечером она собрала кое-что из белья, приладила лампочку и села чинить. Потом затопила печь, нагрела воды, вымыла комнату, вытащила из сарая маленький стульчик и, подумав, поставила его около печки.

* * *

Смеркалось, а Кочерыжки не было. Анна Дмитриевна не выдержала, надела шаль и пошла к дому Самохиной:

— Хоть погляжу своими глазами, как он там...

Но, дойдя до калитки, испуганная яростным лаем собаки, она повернула обратно и, придя домой, написала письмо сыну.

«Дорогой мой Васенька!

Исполняю свой материнский долг и спешу с тобой посоветоваться. Твой сынок Володенька мальчик тихий, беспокойства он нам не доставляет, только последнее время совсем мы с ним голову потеряли и ума не приложим, как нам быть...»

Анна Дмитриевна подробно описала возвращение соседки Самохиной, привязанность к ней мальчика и закончила словами:

«...Сердце в нем мягкое, а характер настойчивый — весь в тебя».

Заклеив письмо, она позвала Граньку:

— Снеси на станцию. Да покличь Кочерыжку.

— Не пойду я за ним,— отказывалась Гранька.

В это время входная дверь стукнула, и вместе с морозным паром на пороге встали две фигуры. Женщина в черном платке и в мужском пальто, подвязанном веревкой, держала за руку Кочерыжку.

— У меня мальчик ваш был,— тихо сказала она и повернулась, чтобы уйти.

Но Анна Дмитриевна взволновалась:

— Он у вас, а вы у нас... посидите маленько.

Петровна живехонько столкнула с табуретки Граньку и вышла на кухню.

— Хоть чайку-то откушай с нами... Добрые соседи — вторая

семья.— Сказав это, она вдруг испугалась и робко добавила: — Не обижай старуху, Власьевна!

— Спасибо. У меня там собака заперта,— со вздохом сказала Марья Власьевна.

Но Анна Дмитриевна увлекла ее в комнату и усадила на табуретку.

— Садись, садись рядышком, Володечка! Около тетеньки садись,— хлопотала она.

— С мороза-то чайку попейте,— угощала Петровна.

Самохина молча взяла чашку. Анна Дмитриевна подвинула ей кусок сахару.

— Кушай, кушай, голубочек! — шептала Кочерыжке Петровна, не зная, какой вести разговор.

Граня в упор рассматривала гостью. Гладкие седые волосы, глубокие морщины. Лицо — усталое. Казалось, что у нее смертельно болит голова. Она с трудом поднимала на говорившего выцветшие серые глаза. Привечая гостью, Петровна тщательно подбирала слова и, боясь сказать чего не следует, беспомощно поглядывала на Анну Дмитриевну. Анна Дмитриевна дергала под столом Граньку, обращалась к Кочерыжке и, не слушая его ответов, говорила про погоду:

— Все снег да снег! И куда его столько навалило? На железной дороге девки только и гребут... только и гребут...

В разгар чаепития вошла Маркевна. Увидя за столом Самохину, она оробела, сунула всем руку дощечкой и сразу повела громкий разговор:

— Зима, зима! А весна-то уж вот она! На пригорке сидит, на солнышко поглядывает!

— Верно, верно! — почувствовав в ней поддержку, оживилась Петровна.— Зиму-то мы уже отстрадали! Теперь всяко растение к солнышку потянется, всякой душеньке на земле полегчает.

Маркевна строго глянула на нее.

— И подснежнички где-нигде покажутся, и цветочки по овражкам желтенькие...— с испуганным лицом затянула Петровна.

А гостья сидела молча, сжимая обеими руками кружку,

как будто хотела согреть свои иззябшие руки. Глаза ее смотрели куда-то далеко, мимо этих людей, поивших ее чаем. А они, исчерпав все пустые слова, напуганные ее молчанием, сначала перешли на шепот, а потом и вовсе замолчали, растерянно и грустно поглядывая друг на друга. Один Кочерыжка сопел и беспокойно вертелся на лавке. Ему казалось, что все забыли про гостью, а она уже давно пьет горячую воду без сахара. Боясь, чтобы она так и не ушла, он припомнил самые лучшие, по его мнению, слова, которые говорила гостям Петровна, повернулся к Самохиной и, подвигая к ней сахар, громко сказал:

— Кушай, голубочек!

Самохина посмотрела на него и улыбнулась.

Петровна ахнула, Гранька расхохоталась, а Маркевна торжествующе сказала:

— Угощай! Угощай! Ты хозяин! Проси еще чашечку испить!

Провожая Марью Власьевну, Анна Дмитриевна просила не забывать их.

— А уж мальчик, коль не мешает, так нам только радостно... только радостно,— повторяла она, опасаясь про себя, что от Васи выйдет приказ не пускать к Самохиной Кочерыжку.

* * *

Теперь каждое утро после завтрака Кочерыжка начинал собираться.

— На работу, сынок? — шутливо спрашивала его Петровна, не подозревая, что после запрещения носить еду мальчик придумал себе новую заботу: идя по двору или по дороге, он усердно собирал щепки, складывал их в букетик, приносил Марье Власьевне и молча смотрел, как она разжигает огонь его щепками.

Ему нравилось, что в комнате было чисто. Наследив на полу мокрыми валенками, он брал тряпку и, посапывая, затирал свои следы. Все чаще заставал он Самохину за работой. Однажды она принесла в круглой корзине грязное белье, и на другой день, подходя к дому, он увидел густой белый дым, валив-

ший из трубы. В комнате было тепло, на плите булькал котел. Марья Власьевна стирала, засучив рукава. Кочерыжка остановился на пороге и нежно улыбнулся:

— Тепло у нас!

Марья Власьевна сняла с него шинельку и придвинула к печке стульчик:

— Погрейся. Картинки погляди.

Она достала с полки отсыревшую книжку с картинками и подала мальчику. Собака уселась рядом. Переворачивая страницы, Кочерыжка смотрел картинки и шевелил губами.

Марья Власьевна придвинула к печке стул и стала читать. Она читала медленно: множество слов и собственный голос утомляли ее. Иногда, перевернув страницу, она замолкала, но глаза Кочерыжки смотрели на нее с нетерпеливым ожиданием, и она читала дальше, пока не кончила сказку.

— Вся? — с сожалением спросил Кочерыжка.

— Вся.

Мальчик пристально посмотрел на нее и, наклонив голову, спросил:

— Сапоги-скороходы есть у тебя?

— Нету. А у тебя? — вдруг лукаво спросила Марья Власьевна.

Он посмотрел на свои растоптанные валенки:

— И у меня нету!

Они оба засмеялись.

С тех пор чтение сделалось любимым занятием обоих. Марья Власьевна стирала белье для заводской столовой; Кочерыжка терпеливо ждал, пока она закончит стирку и, придвинув свой стул к печке, начнет ему читать. От сказок перешли к рассказам. Первым читали «Каштанку». В том месте, где собачонка бегает по улице, разыскивая следы столяра, Кочерыжка разволновался. Он перестал слушать, заглядывал вперед и нетерпеливо спрашивал:

— А хозяин-то, хозяин-то у тебя где? — И сердился: — Не надо мне про гуся! Я говорю, хозяина ищи!

Марье Власьевне приходилось доказывать, объяснять, уго-

варивать. Кочерыжка слушал, соглашался и, прижимаясь к ее плечу, просил:

— Читай, баба Маня!

* * *

Жизнь начинала входить в прежнюю колею. Анна Дмитриевна уже не носила из столовой суп, а Петровна все чаще баловала своих горячими лепешками. Щеки у ребят порозовели. Кочерыжку заставляли пить козье молоко, и, когда он прыгал по комнате, Петровна острила:

— Ишь-ишь, коза-то бунтует!

От Васи пришло только одно письмо. Пахло оно недавним порохом, было полно тоски по дому и уверенности в близком конце войны:

«Только бы ступить мне на родную землю, обнять вас всех да заглянуть в глаза сыну... Экий парень небось вырос! Ведь шестой год ему пошел! Жаль, не узнает он меня!»

— Где же узнать-то? — вздыхала Петровна.

* * *

Стаял снег. Влажная черная земля подсохла. Люди радостно засуетились, высыпали на огороды. Разделывали грядки, подвязывали молодые деревца и перекликались со двора во двор звонкими помолодевшими голосами. В саду Марьи Власьевны зазеленели кусты клубники, вылезли из-под снега тоненькие прутики малины. На окне в тарелке мокли завязанные в тряпочку бобы. Кочерыжка каждый день заглядывал в тряпочку и умилялся, когда у бобов появлялись крошечные зеленые хвостики. Марья Власьевна привезла из города рассаду капусты, они вместе сажали ее и радовались крепким тугим стебелькам. В праздник Победы Марья Власьевна с Кочерыжкой снова сидела рядом за столом Анны Дмитриевны. Народу собралось много, было шумно, пили за славных бойцов, за Васю Воронова. Петровна плеснула в чашку сладкого вина и подала Кочерыжке:

— Выпей, выпей, Владимир Васильевич, за папаньку своего!

Общая радость отодвинула личное горе каждого. Плача о погибших, люди радовались живым. Марья Власьевна тоже плакала и радовалась, обнимая Петровну и Анну Дмитриевну. Кочерыжка смотрел на всех сияющими глазами и смущался, когда пили за его отца — Васю Воронова.

* * *

Каждый день с голубой станции шли военные. Маркевна то и дело, прикрыв глаза рукой, смотрела на большую дорогу и, завидев человека в зеленой гимнастерке, выходила на крыльцо. Инвалиду без руки или без ноги она сама шла навстречу, низко кланялась и говорила:

— Прости, сынок! За нас, грешных, пострадал!

И растроганный чужой человек обнимал ее сухонькие плечи:

— Не зря пострадал, мать.

Петровна после каждого поезда посылала Граньку поглядеть, не идет ли Вася.

Анна Дмитриевна вскакивала ночью и, заслышав голоса на дороге, окликала:

— Васенька!

Марья Власьевна, завидев издали военного, указывала на него Кочерыжке. Но мальчик уверенно отвечал:

— Не он. Я его изо всех сразу узнаю.

Он уверял, что даже сердитый Волчок не будет лаять на Васю.

— Ведь он не чужой, а отец мне,— простодушно говорил он.

Марья Власьевна грустно улыбалась. Ей представлялся высокий плечистый человек, который берет за руку Кочерыжку и навсегда уводит его из ее дома. Ей даже снилось, как мальчик идет за своим отцом, оглядываясь на крыльцо, где они так часто сидели с книжкой, на собаку, которую он кормил, и на нее, свою бабу Маню...

А Кочерыжка, не замечая ее тревоги, все чаще и чаще говорил:

— Отец едет ко мне!

* * *

Василий Воронов приехал. Он был крепкий, коренастый, с широкой улыбкой и громким голосом. Первая увидела его Гранька и с визгом бросилась в сени. Мать и бабка выскочили на крыльцо. Вася сбросил с плеч два чемодана, крякнул и прижал к своей груди обе старые седые головы.

— Эх, старушки мои!

— Боец ты наш, защитник! — обливая слезами его гимнастерку, лепетала Петровна.

— Сыночек... сыночек... Васенька...— ощупывая его дрожащими руками, повторяла Анна Дмитриевна.

Гранька при виде брата вдруг застеснялась и спряталась за дверь.

— Давай, давай ее сюда! — кричал Василий, вытаскивая сестренку.— А ну покажись, какая стала? Маленькая, большая, добрая, злая?

Отпустив Граньку, Вася оглянулся вокруг и тревожно спросил:

— Где ж он?

Все поняли, что он спрашивает о Кочерыжке.

— Сейчас, сейчас,— заторопилась Петровна, повязывая платок.

Анна Дмитриевна торопливо стала рассказывать, что мальчик у соседки Самохиной, о которой она писала в письме.

— У той же? Значит, дружба у них идет? — Вася широко улыбнулся, схватил шапку и крикнул Петровне: — Стой, бабушка! Я сам туда пойду! Я их спугаю сейчас! Который дом-то? — Весело улыбаясь, он побежал через дорогу к дому Самохиной.

Кочерыжка в длинных синих штанах стоял рядом с Марьей Власьевной, подрезая большими садовыми ножницами кусты

малины. Марья Власьевна что-то говорила ему, оправляя выбившиеся из-под платка волосы. У забора залаял Волчок. Кочерыжка оглянулся, бросил ножницы и шепотом сказал:

— Баба Маня...

От калитки шел военный человек, отгоняя шапкой собаку. Кочерыжка бросился к нему, но вдруг, оробев, остановился.

— Кочерыжка! Владимир Васильевич?! — широко расставив руки, крикнул Вася Воронов.

Кочерыжка зажмурился и, подпрыгнув, обхватил его за шею.

— Сын-то, сын-то какой у меня вырос! — вглядываясь в его лицо, говорил Василий.

Марья Власьевна молча смотрела на них с растерянной жалкой улыбкой. Собака беспокойно взвизгивала.

— Узнал меня? — радостно спрашивал Василий, поглаживая пальцами темные брови мальчика и пристально вглядываясь в знакомые голубовато-зеленые глаза.

— Узнал! Сразу узнал! И она узнала! — Кочерыжка обернулся к Марье Власьевне и, вцепившись обеими руками в руку Василия, потащил его за собой.— Узнала отца моего? — быстро и тревожно спросил он Марью Власьевну.

— Не узнала, так я узнал! — с волнением в голосе сказал Вася и, подойдя к Марье Власьевне, расцеловал ее в обе щеки.— Мы друг дружку небось давно знаем! Через него познакомились, верно я говорю?

Марья Власьевна посмотрела в его открытые глаза и облегченно вздохнула. А Кочерыжка уже тащил Васю за руку, показывал ему грядки, кусты и говорил, задыхаясь от радости:

— Гляди, чего тут мы с ней насажали! Гляди, отец!

Слово «отец» он произносил твердо, как будто давно привык к нему. А Вася Воронов, поминутно оборачиваясь к Самохиной, повторял:

— Спасибо вам за него, спасибо! — И неудержимо радовался: — Нет, каков сын-то у меня!

Марья Власьевна улыбалась, кивала головой, но руки ее

дрожали. У крыльца она остановилась, подняла на Васю Воронова серые усталые глаза и тихо спросила:

— Уедете куда или с матерью жить будете?

Он понял ее вопрос и твердо сказал:

— Никуда! У нас с ним теперь два дома, и оба свои. Чего же еще искать-то?

ВОЛШЕБНОЕ СЛОВО

СИНИЕ ЛИСТЬЯ

У Кати было два зеленых карандаша. У Лены ни одного. Вот и просит Лена Катю:

— Дай мне зеленый карандаш!

А Катя и говорит:

— Спрошу у мамы.

Приходят на другой день обе девочки в школу. Спрашивает Лена:

— Позволила мама?

А Катя вздохнула и говорит:

— Мама-то позволила, а брата я не спросила.

— Ну что ж, спроси еще брата,— говорит Лена.

Приходит Катя на другой день.

— Ну что, позволил брат? — спрашивает Лена.

— Брат-то позволил, да я боюсь, сломаешь ты карандаш.

— Я осторожненько,— говорит Лена.

— Смотри,— говорит Катя,— не чини, не нажимай крепко и в рот не бери. Да не рисуй много.

— Мне,— говорит Лена,— только листочки на деревьях нарисовать надо да травку зеленую.

— Это много,— говорит Катя, а сама брови хмурит. И лицо недовольное сделала.

Посмотрела на нее Лена и отошла. Не взяла карандаш. Удивилась Катя, побежала за ней.

— Ну что ж ты? Бери!

— Не надо,— отвечает Лена.

На уроке учитель спрашивает:

— Отчего у тебя, Леночка, листья на деревьях синие?

— Карандаша зеленого нет.

— А почему же ты у своей подружки не взяла?

Молчит Лена. А Катя покраснела и говорит:

— Я ей давала, а она не берет.

Посмотрел учитель на обеих:

— Надо так давать, чтобы можно было взять.

НА КАТКЕ

День был солнечный. Лед блестел. Народу на катке было мало. Маленькая девочка, смешно растопырив руки, ездила от скамейки к скамейке. Два школьника подвязывали коньки и смотрели на Витю.

Витя выделывал разные фокусы — то ехал на одной ноге, то кружился волчком.

— Молодец! — крикнул ему один из мальчиков.

Витя стрелой пронесся по кругу, лихо завернул и наскочил на девочку. Девочка упала. Витя испугался.

— Я нечаянно...— сказал он, отряхивая с ее шубки снег.— Ушиблась?

Девочка улыбнулась:

— Коленку...

Сзади раздался смех.

«Надо мной смеются!» — подумал Витя и с досадой отвернулся от девочки.

— Эка невидаль — коленка! Вот плакса! — крикнул он, проезжая мимо школьников.

— Иди к нам! — позвали они.

Витя подошел к ним. Взявшись за руки, все трое весело заскользили по льду. А девочка сидела на скамейке, терла ушибленную коленку и плакала.

ОТОМСТИЛА

Катя подошла к своему столу и ахнула: ящик был выдвинут, новые краски разбросаны, кисточки перепачканы, на столе растеклись лужицы бурой воды.

— Алешка! – закричала Катя.— Алешка!..— И, закрыв лицо руками, громко заплакала.

Алеша просунул в дверь круглую голову. Щеки и нос у него были перепачканы красками.

— Ничего я тебе не сделал! — быстро сказал он.

Катя бросилась на него с кулаками, но братишка исчез за дверью и через раскрытое окно прыгнул в сад.

— Я тебе отомщу! — кричала со слезами Катя.

Алеша, как обезьянка, вскарабкался на дерево и, свесившись с нижней ветки, показал сестре нос.

— Заплакала!.. Из-за каких-то красок заплакала!

— Ты у меня тоже заплачешь! — кричала Катя.— Еще как заплачешь!

— Это я-то заплачу? — Алеша засмеялся и стал быстро карабкаться вверх.— А ты сначала поймай меня!

Вдруг он оступился и повис, ухватившись за тонкую ветку. Ветка хрустнула и обломилась. Алеша упал.

Катя бегом бросилась в сад. Она сразу забыла свои испорченные краски и ссору с братом.

— Алеша! — кричала она.— Алеша!

Братишка сидел на земле и, загораживая руками голову, испуганно смотрел на нее.

— Встань! Встань!

Но Алеша втянул голову в плечи и зажмурился.

— Не можешь? — кричала Катя, ощупывая Алешины коленки.— Держись за меня.— Она обняла братишку за плечи и осторожно поставила его на ноги.— Больно тебе?

Алеша мотнул головой и вдруг заплакал.

— Что, не можешь стоять? — спросила Катя.

Алеша еще громче заплакал и крепко прижался к сестре.

— Я никогда больше не буду трогать твои краски... никогда... никогда... не буду!

ПЛОХО

Собака яростно лаяла, припадая на передние лапы. Прямо перед ней, прижавшись к забору, сидел маленький взъерошенный котенок. Он широко раскрывал рот и жалобно мяукал. Неподалеку стояли два мальчика и ждали, что будет. В окно выглянула женщина и поспешно выбежала на крыльцо. Она отогнала собаку и сердито крикнула мальчикам:

— Как вам не стыдно!

— А что — стыдно? Мы ничего не делали! — удивились мальчики.

— Вот это и плохо! — гневно ответила женщина.

ВОЛШЕБНОЕ СЛОВО

Маленький старичок с длинной седой бородой сидел на скамейке и зонтиком чертил что-то на песке.

— Подвиньтесь,— сказал ему Павлик и присел на край.

Старик подвинулся и, взглянув на красное сердитое лицо мальчика, сказал:

— С тобой что-то случилось?

— Ну и ладно! А вам-то что? — покосился на него Павлик.

— Мне ничего. А вот ты сейчас кричал, плакал, ссорился с кем-то...

— Еще бы! — сердито буркнул мальчик.— Я скоро совсем убегу из дому.

— Убежишь?

— Убегу! Из-за одной Ленки убегу.— Павлик сжал кулаки.— Я ей сейчас чуть не поддал хорошенько! Ни одной краски не дает! А у самой сколько!..

— Не дает? Ну, из-за этого убегать не стоит

— Не только из-за этого. Бабушка за одну морковку из кухни меня прогнала... прямо тряпкой, тряпкой...

Павлик засопел от обиды.

— Пустяки! — сказал старик.— Один поругает — другой пожалеет.

— Никто меня не жалеет! — крикнул Павлик.— Брат на лодке едет кататься, а меня не берет. Я ему говорю: «Возьми лучше, все равно я от тебя не отстану, весла утащу, сам в лодку залезу!»

Павлик стукнул кулаком по скамейке. И вдруг замолчал.

— Что же, не берет тебя брат?

— А почему вы все спрашиваете?

Старик разгладил длинную бороду:

— Я хочу тебе помочь. Есть такое волшебное слово...

Павлик раскрыл рот.

— Я скажу тебе это слово. Но помни: говорить его надо тихим голосом, глядя прямо в глаза тому, с кем говоришь. Помни — тихим голосом, глядя прямо в глаза...

— А какое слово?

Старик наклонился к самому уху мальчика. Мягкая борода его коснулась Павликовой щеки. Он прошептал что-то и громко добавил:

— Это волшебное слово. Но не забудь, как нужно говорить его.

— Я попробую,— усмехнулся Павлик,— я сейчас же попробую.

Он вскочил и побежал домой.

Лена сидела за столом и рисовала. Краски — зеленые, синие, красные — лежали перед ней. Увидев Павлика, она сейчас же сгребла их в кучу и накрыла рукой.

«Обманул старик! — с досадой подумал мальчик.— Разве такая поймет волшебное слово!»

Павлик боком подошел к сестре и потянул ее за рукав. Сестра оглянулась. Тогда, глядя ей в глаза, тихим голосом мальчик сказал:

— Лена, дай мне одну краску... пожалуйста...

Лена широко раскрыла глаза. Пальцы ее разжались, и, снимая руку со стола, она смущенно пробормотала:

— Ка-кую тебе?

— Мне синюю,— робко сказал Павлик.

Он взял краску, подержал ее в руках, походил с нею по комнате и отдал сестре. Ему не нужна была краска. Он думал теперь только о волшебном слове.

«Пойду к бабушке. Она как раз стряпает. Прогонит или нет?»

Павлик отворил дверь в кухню. Старушка снимала с противня горячие пирожки. Внук подбежал к ней, обеими руками повернул к себе красное морщинистое лицо, заглянул в глаза и прошептал:

— Дай мне кусочек пирожка... пожалуйста.

Бабушка выпрямилась.

Волшебное слово так и засияло в каждой морщинке, в глазах, в улыбке...

— Горяченького... горяченького захотел, голубчик мой! — приговаривала она, выбирая самый лучший, румяный пирожок.

Павлик подпрыгнул от радости и расцеловал ее в обе щеки.

«Волшебник! Волшебник!» — повторял он про себя, вспоминая старика.

За обедом Павлик сидел притихший и прислушивался к каждому слову брата. Когда брат сказал, что поедет кататься

на лодке, Павлик положил руку на его плечо и тихо попросил:

— Возьми меня, пожалуйста.

За столом сразу все замолчали. Брат поднял брови и усмехнулся.

— Возьми его,— вдруг сказала сестра.— Что тебе стоит!

— Ну отчего же не взять? — улыбнулась бабушка.— Конечно, возьми.

— Пожалуйста,— повторил Павлик.

Брат громко засмеялся, потрепал мальчика по плечу, взъерошил ему волосы.

— Эх ты, путешественник! Ну ладно, собирайся.

«Помогло! Опять помогло!»

Павлик выскочил из-за стола и побежал на улицу. Но в сквере уже не было старика. Скамейка была пуста, и только на песке остались начерченные зонтиком непонятные знаки.

СЫНОВЬЯ

Две женщины брали воду из колодца. Подошла к ним третья. И старенький старичок на камушек отдохнуть присел.

Вот говорит одна женщина другой:

— Мой сынок ловок да силен, никто с ним не сладит.

— А мой поет, как соловей. Ни у кого голоса такого нет,— говорит другая.

А третья молчит.

— Что же ты про своего сына не скажешь? — спрашивают ее соседки.

— Что ж сказать? — говорит женщина.— Ничего в нем особенного нету.

Вот набрали женщины полные ведра и пошли. А старичок — за ними. Идут женщины, останавливаются. Болят руки, плещется вода, ломит спину.

Вдруг навстречу три мальчика выбегают.

Один через голову кувыркается, колесом ходит — любуются им женщины.

Другой песню поет, соловьем заливается — заслушались его женщины.

А третий к матери подбежал, взял у нее ведра тяжелые и потащил их.

Спрашивают женщины старичка:

— Ну, что? Каковы наши сыновья?

— А где ж они? — отвечает старик.— Я только одного сына вижу!

СЛУЧАЙ

Мама подарила Коле цветные карандаши.

Однажды к Коле пришел его товарищ Витя.

— Давай рисовать!

Коля положил на стол коробку с карандашами. Там было только три карандаша: красный, зеленый и синий.

— А где же остальные? — спросил Витя.

Коля пожал плечами.

— Да я раздал их: коричневый взяла подружка сестры — ей нужно было раскрасить крышу дома; розовый и голубой я подарил одной девочке с нашего двора — она свои потеряла... А черный и желтый взял у меня Петя — у него как раз таких не хватало...

— Но ведь ты сам остался без карандашей! — удивился товарищ.— Разве они тебе не нужны?

— Нет, очень нужны, но все такие случаи, что никак нельзя не дать!

Витя взял из коробки карандаши, повертел их в руках и сказал:

— Все равно ты кому-нибудь отдашь, так уж лучше дай мне. У меня ни одного цветного карандаша нет!

Коля посмотрел на пустую коробку.

— Ну, бери... раз уж такой случай...— пробормотал он.

ПРОСТО СТАРУШКА

По улице шли мальчик и девочка. А впереди них шла старушка. Было очень скользко. Старушка поскользнулась и упала.

— Подержи мои книжки! — крикнул мальчик, передавая девочке свой портфель, и бросился на помощь старушке.

Когда он вернулся, девочка спросила его:

— Это твоя бабушка?

— Нет,— отвечал мальчик

— Мама? — удивилась подружка.

— Нет!

— Ну, тетя? Или знакомая?

— Да нет же, нет! — отвечал мальчик.— Это просто старушка.

ДЕВОЧКА С КУКЛОЙ

Юра вошел в автобус и сел на детское место. Вслед за Юрой вошел военный. Юра вскочил:

— Садитесь, пожалуйста!

— Сиди, сиди! Я вот здесь сяду

Военный сел сзади Юры. По ступенькам поднялась старушка.

Юра хотел предложить ей место, но другой мальчик опередил его.

«Некрасиво получилось»,— подумал Юра и стал зорко смотреть на дверь.

С передней площадки вошла девочка. Она прижимала к себе туго свернутое байковое одеяльце, из которого торчал кружевной чепчик.

Юра вскочил:

— Садитесь, пожалуйста!

Девочка кивнула головой, села и, раскрыв одеяло, вытащила большую куклу.

Пассажиры засмеялись, а Юра покраснел.

— Я думал, она женщина с ребенком,— пробормотал он.

Военный одобрительно похлопал его по плечу:

— Ничего, ничего! Девочке тоже надо уступать место! Да еще девочке с куклой!

ДОЛГ

Принес Ваня в класс коллекцию марок.

— Хорошая коллекция! — одобрил Петя и тут же сказал: — Знаешь что, у тебя тут много марок одинаковых, дай их мне. Я попрошу у отца денег, куплю других марок и верну тебе.

— Бери, конечно! — согласился Ваня.

Но отец не дал Пете денег, а сам купил ему коллекцию. Пете стало жаль своих марок.

— Я тебе потом отдам,— сказал он Ване.

— Да не надо! Мне эти марки совсем не нужны! Вот давай лучше в перышки сыграем!

Стали играть. Не повезло Пете — проиграл он десять перьев. Насупился.

— Кругом я у тебя в долгу!

— Какой это долг,— говорит Ваня,— я с тобой в шутку играл.

Посмотрел Петя на товарища исподлобья: нос у Вани толстый, по лицу веснушки рассыпались, глаза какие-то круглые...

«И чего это я с ним дружу?— подумал Петя.— Только долги набираю». И стал он от товарища бегать, с другими мальчиками дружить, и у самого какая-то обида на Ваню.

Ляжет он спать и мечтает:

«Накоплю еще марок и всю коллекцию ему отдам, и перья отдам, вместо десяти перьев — пятнадцать...»

А Ваня о Петиных долгах и не думает, удивляется он: что это такое с товарищем случилось?

Подходит как-то к нему и спрашивает:

— За что косишься на меня, Петя?

Не выдержал Петя. Покраснел весь, наговорил товарищу грубостей:

— Ты думаешь, ты один честный? А другие нечестные! Ты думаешь, мне твои марки нужны? Или перьев я не видел?

Попятился Ваня от товарища, обидно ему стало, хотел он что-то сказать и не смог.

Выпросил Петя у мамы денег, купил перьев, схватил свою коллекцию и бежит к Ване.

— Получай все долги сполна! — Сам радостный, глаза блестят.— Ничего за мной не пропало!

— Нет, пропало! — говорит Ваня.— И того, что пропало, не вернешь ты уже никогда!

ВРЕМЯ

Два мальчика стояли на улице под часами и разговаривали.

— Я не решил примера, потому что он был со скобками,— оправдывался Юра.

— А я потому, что там были очень большие числа,— сказал Олег.

— Мы можем решить его вместе, у нас еще есть время!

Часы на улице показывали половину второго.

— У нас целых полчаса,— сказал Юра.— За это время летчик может перевезти пассажиров из одного города в другой.

— А мой дядя, капитан, во время кораблекрушения в двадцать минут успел погрузить в лодки весь экипаж.

— Что — за двадцать!..— деловито сказал Юра.— Иногда пять — десять минут много значат. Надо только учитывать каждую минуту.

— А вот случай! Во время одного состязания...

Много интересных случаев вспомнили мальчики.

— А я знаю...— Олег вдруг остановился и взглянул на часы.— Ровно два!

Юра ахнул.

— Бежим! — сказал Юра.— Мы опоздали в школу!

— А как же пример? — испуганно спросил Олег.

Юра на бегу только махнул рукой.

ПРОСТО ТАК

Костя сделал скворечник и позвал Вову:

— Посмотри, какой птичий домик я сделал.

Вова присел на корточки.

— Ой, какой! Совсем настоящий! С крылечком! Знаешь что, Костя,— робко сказал он,— сделай и мне такой! А я тебе за это планер сделаю.

— Ладно,— согласился Костя.— Только давай не за то и не за это, а просто так: ты мне сделаешь планер, а я тебе скворечник.

НАВЕСТИЛА

Валя не пришла в класс. Подруги послали к ней Мусю.

— Пойди и узнай, что с Валей: может, она больна, может, ей что-нибудь нужно?

Муся застала подружку в постели. Валя лежала с завязанной щекой.

— Ох, Валечка! — сказала Муся, присаживаясь на стул.— У тебя, наверно, флюс! Ах, какой флюс был у меня летом! Целый нарыв! И ты знаешь, бабушка как раз уехала, а мама была на работе...

— Моя мама тоже на работе,— сказала Валя, держась за щеку.— А мне надо бы полосканье...

— Ох, Валечка! Мне тоже давали полосканье! И мне стало лучше! Как пополощу, так и лучше! А еще мне помогала грелка горячая-горячая...

Валя оживилась и закивала головой.

— Да, да, грелка... Муся, у нас в кухне стоит чайник...

— Это не он шумит? Нет, это, верно, дождик! — Муся вскочила и подбежала к окну.— Так и есть, дождик! Хорошо, что я в галошах пришла! А то можно простудиться!

Она побежала в переднюю, долго стучала ногами, надевая галоши. Потом, просунув в дверь голову, крикнула:

— Выздоравливай, Валечка! Я еще приду к тебе! Обязательно приду! Не беспокойся!

Валя вздохнула, потрогала холодную грелку и стала ждать маму.

— Ну что? Что она говорила? Что ей нужно? — спрашивали Мусю девочки.

— Да у нее такой же флюс, как был у меня! — радостно сообщила Муся.— И она ничего не говорила! А помогают ей только грелка и полосканье!

ПЕРЫШКО

У Миши было новое перо, а у Феди старое. Когда Миша пошел к доске, Федя обменял свое перо на Мишино и стал писать новым. Миша это заметил и на переменке спросил:

— Зачем ты взял мое перышко?

— Подумаешь какая невидаль — перышко! — закричал Федя.— Нашел чем попрекать! Да я тебе таких перьев завтра двадцать принесу.

— Мне не надо двадцать! А ты не имеешь права так делать! — рассердился Миша.

Вокруг Миши и Феди собрались ребята.

— Жалко перышка! Для своего же товарища! — кричал Федя.— Эх ты!

Миша стоял красный и пытался рассказать, как было дело:

— Да я не давал тебе... Ты сам взял... Ты обменял...

Но Федя не давал ему говорить. Он размахивал руками и кричал на весь класс:

— Эх ты! Жадина! Да с тобой никто из ребят водиться не будет!

— Да отдай ты ему это перышко, и дело с концом! — сказал кто-то из мальчиков.

— Конечно, отдай, раз он такой...— поддержали другие.

— Отдай! Не связывайся! Из-за одного пера крик подымает!

Миша вспыхнул. На глазах у него показались слезы.

Федя поспешно схватил свою ручку, вытащил из нее Мишино перо и бросил его на парту.

— На, получай! Заплакал! Из-за одного перышка!

Ребята разошлись. Федя тоже ушел. А Миша все сидел и плакал.

РЕКС И КЕКС

Слава и Витя сидели на одной парте.

Мальчики очень дружили и как могли помогали друг другу. Витя помогал Славе решать задачи, а Слава следил, чтобы Витя правильно писал слова и не пачкал свои тетради кляксами. Однажды они сильно поспорили:

— У нашего директора есть большая собака, ее зовут Рекс,— сказал Витя.

— Не Рекс, а Кекс,— поправил его Слава.

— Нет, Рекс!

— Нет, Кекс!

Мальчики поссорились. Витя ушел на другую парту. На следующий день Слава не решил заданную на дом задачу, а Витя подал учителю неряшливую тетрадь. Спустя несколько дней дела пошли еще хуже: оба мальчика получили по двойке. А потом они узнали, что собаку директора зовут Ральф.

— Значит, нам не из-за чего ссориться! — обрадовался Слава.

— Конечно, не из-за чего,— согласился Витя.

Оба мальчика снова уселись на одну парту.

— Вот тебе и Рекс, вот тебе и Кекс. Противная собака, две двойки мы из-за нее схватили! И подумать только, из-за чего люди ссорятся!..

СТРОИТЕЛЬ

На дворе возвышалась горка красной глины. Сидя на корточках, мальчики рыли в ней замысловатые ходы и строили крепость. И вдруг они заметили в сторонке другого мальчика, который тоже копался в глине, макал в жестянку с водой красные руки и старательно обмазывал стены глиняного дома.

— Эй ты, что ты там делаешь? — окликнули его мальчики.

— Я строю дом.

Мальчики подошли ближе.

— Какой же это дом? У него кривые окна и плоская крыша. Эх ты, строитель!

— Да его только двинь, и он развалится! — крикнул один мальчик и ударил домик ногой.

Стена обвалилась.

— Эх ты! Кто же так строит? — кричали ребята, ломая свежевымазанные стены.

«Строитель» сидел молча, сжав кулаки. Когда рухнула последняя стена, он ушел.

А на другой день мальчики увидели его на том же месте. Он снова строил свой глиняный дом и, макая в жестянку красные руки, старательно воздвигал второй этаж...

СВОИМИ РУКАМИ

Учитель рассказывал ребятам, какая чудесная жизнь будет при коммунизме, какие будут построены летающие города-спутники, и как люди научатся по своему желанию изменять климат, и на севере начнут расти южные деревья...

Много интересного рассказывал учитель, ребята слушали затаив дыхание.

— Но,— добавил учитель,— для того чтобы достичь всех этих благ, нужно еще много и хорошо потрудиться!

Когда ребята вышли из класса, один мальчик сказал:

— Я хотел бы заснуть и проснуться уже при коммунизме!

— Это неинтересно! — перебил его другой.— Я хотел бы видеть своими глазами, как это будет строиться!

— А я,— сказал третий мальчик,— хотел бы все это строить своими руками!

ТРИ ТОВАРИЩА

Витя потерял завтрак. На большой перемене все ребята завтракали, а Витя стоял в сторонке.

— Почему ты не ешь? — спросил его Коля.

— Завтрак потерял...

— Плохо,— сказал Коля, откусывая большой кусок белого хлеба.— До обеда далеко еще!

— А ты где его потерял? — спросил Миша.

— Не знаю...— тихо сказал Витя и отвернулся.

— Ты, наверно, в кармане нес, а надо в сумку класть,— сказал Миша.

А Володя ничего не спросил. Он подошел к Вите, разломил пополам кусок хлеба с маслом и протянул товарищу:

— Бери, ешь!

ХОРОШЕЕ

Проснулся Юрик утром. Посмотрел в окно. Солнце светит. Денек хороший.

И захотелось мальчику самому что-нибудь хорошее сделать.

Вот сидит он и думает:

«Что, если б моя сестренка тонула, а я бы ее спас!»

А сестренка тут как тут:

— Погуляй со мной, Юра!

— Уходи, не мешай думать!

Обиделась сестренка, отошла.

А Юра думает:

«Вот если б на няню волки напали, а я бы их застрелил!»

А няня тут как тут:

— Убери посуду, Юрочка.

— Убирай сама — некогда мне!

Покачала головой няня.

А Юра опять думает:

«Вот если б Трезорка в колодец упал, а я бы его вытащил!»

А Трезорка тут как тут. Хвостом виляет: «Дай мне попить, Юра!»

— Пошел вон! Не мешай думать!

Закрыл Трезорка пасть, полез в кусты.

А Юра к маме пошел:

— Что бы мне такое хорошее сделать?

Погладила мама Юру по голове:

— Погуляй с сестренкой, помоги няне посуду убрать, дай водички Трезору.

ВСЕ ВМЕСТЕ

В первом классе Наташе сразу полюбилась девочка с веселыми голубыми глазками.

— Давай будем дружить,— сказала Наташа.

— Давай! — кивнула головой девочка.— Будем вместе баловаться!

Наташа удивилась:

— Разве если дружить, так надо вместе баловаться?

— Конечно. Те, которые дружат, всегда вместе балуются, им вместе и попадает за это! — засмеялась Оля.

— Хорошо,— нерешительно сказала Наташа и вдруг улыбнулась.— А потом их вместе и хвалят за что-нибудь, да?

— Ну, это редко! — сморщила носик Оля.— Это смотря какую подружку себе найдешь!

ВЫРВАННЫЙ ЛИСТ

У Димы кто-то вырвал из тетрадки чистый лист.

— Кто бы это мог сделать? — спросил Дима.

Все ребята молчали.

— Я думаю, что он сам выпал,— сказал Костя.— А может быть, тебе в магазине такую тетрадку дали... Или дома твоя сестренка вырвала этот лист. Мало ли что бывает... Правда, ребята?

Ребята молча пожимали плечами.

— А еще, может, ты сам где-нибудь зацепился... Крах! — и готово!.. Правда, ребята?

Костя обращался то к одному, то к другому, торопливо объясняя.

— Кошка тоже могла вырвать этот лист... Еще как! Особенно котеночек какой-нибудь...

Уши у Кости покраснели, он все говорил, говорил что-то и никак не мог остановиться.

Ребята молчали, а Дима хмурился. Потом он хлопнул Костю по плечу и сказал:

— Хватит тебе!

Костя сразу обмяк, потупился и тихо сказал:

— Я отдам тебе тетрадь... У меня есть целая!..

ПРОСТОЕ ДЕЛО

На каникулы выдался сильный мороз. Москва стояла белая, нарядная; в скверах застывшие деревья закудрявились от инея. Юра и Саша бежали с катка. Мороз колол им щеки, пробирался сквозь варежки к закоченевшим пальцам. До дома было уже недалеко, но, пробегая мимо аптеки, мальчики заскочили туда погреться. Поеживаясь и подпрыгивая, они прошли в уголок и увидели около батареи старушку. Она была в теплом пуховом платке. На горячих трубах сушились ее мокрые варежки. Увидев мальчиков, старушка поспешно сдвинула в сторону свое имущество и, вытянув из пухового платка остренький подбородок, сказала:

— Грейтесь, грейтесь, голубчики! Разошелся батюшка-мороз, нечего сказать! Бежишь — и ног своих не чуешь.

— Замерзли, бабушка? — весело спросил Юра.

Саша бегло взглянул на красные сморщенные щеки, на тоненькие, как ниточки, морщинки.

— Замерзла, деточки! — вздохнула старушка.— И вот, скажи на милость, никуда не хожу, а тут, как на грех, выбралась из дому! — Пояснила: — За дровами пошла. Дрова у нас кончились. Раньше все, бывало, дочка моя с соседкой привозила, а сейчас дочка в отъезде, а соседка заболела,— дай, думаю, я сама пойду... Мороз — ведь он, батюшка, и на печи найдет, коли

печь не топлена! Вот и пошла. А на складе-то перерыв, а у меня уж руки-ноги не свои, и мороз дыханье забил. Добежала до угла — да в аптеку! А сейчас уж о дровах и не думаю, только бы до своего дому добраться!

Старушка натянула теплые варежки, поправила на голове платок.

— Пойду я... Грейтесь, ребятки!

— А мы тоже домой сейчас! У меня Дед Мороз половину носа отгрыз! — засмеялся Юра.

— А у меня ухо всю дорогу жевал! А зато каток подморозил здорово! Летишь и, как в зеркале, себя видишь! — сказал Саша.

— Вы уши-то под шапки подберите, а то как сыроежки они у вас торчат,— забеспокоилась старушка.— Долго ли отморозить.

— Ничего, нам близко.

— Ну-ну... Мне тоже недалеко. Пойду уж я, пожалуй,— заторопилась старушка.

— И мы пойдем, бабушка!

* * *

Ребята вышли из аптеки и, подпрыгивая, побежали вперед. Оглянувшись, они увидели старушку. Она закрывала лицо от ветра и шла осторожно, видимо боясь поскользнуться.

— Бабушка! — окликнули мальчики.

Но старушка не услышала их.

Мальчики решили подождать. Засунув в рукава замерзшие руки, они нетерпеливо топтались на месте.

— Скажи пожалуйста, опять встретились! — радостно удивилась старушка, увидев перед собой знакомые лица.

— Вот так встретились! — расхохотался Саша.

— Немудрено! — фыркнул Юра и, наклонившись сбоку к пуховому платку, весело крикнул: — Мы вас ждали, бабушка! Держитесь за меня.

— Нас мороз боится! — кричал Саша.

Старушка, ухватившись за Юрин рукав, быстро засеменила

по мерзлому тротуару. Пробегая мимо ворот, на которых было написано большими буквами: «Дровяной склад», она подняла глаза и с огорчением сказала:

— Открылись теперь! Ишь ты... И квитанция у меня! Да уж бог с ними, с дровами!

Саша остановился:

— Постойте... Это ведь быстро! Вы подождите, а мы возьмем с Юркой! Давайте квитанцию!.. Юрка, возьмем дрова!

— Конечно, возьмем! Что нам стоит! — хлопая варежками, сказал Юра.— Давайте квитанцию, бабушка!

Старушка растерянно поглядела на них, порылась в варежке, нашла квитанцию.

— Да как же это? — передавая Саше квитанцию, сказала она.— Да с чего же это вы тут морозиться будете? Я уж как-нибудь нынче обойдусь с дровами-то, у соседей одолжу... Вон дом-то мой стоит! Ворота красные! Пойдемте и вы со мной — погреетесь!

— Да мы сами возьмем! И привезем сами! — решил Саша.— Идите домой!.. Юрка, проводи! Да узнай толком адрес! — распорядился он.

Старушка еще раз взглянула на раскрытые ворота склада, на Сашу и, махнув рукой, быстрыми шажками пошла по улице, Юра пошел за ней.

Когда он вернулся, Саша вместе с возчиками уже складывал на санки мерзлые бревна и деловито командовал:

— Сухих, дяденька, кладите! Березовых! Это для старого человека дрова!

* * *

В это время на кухне соседка говорила бабушке:

— Да как же это вы, бабуся, распорядились так? Сунули ребятишкам ордерок и пошли!

— Да так и распорядилась, Марья Ивановна! Да не я и распорядилась-то, а они! Ведь вот какие ребята-то славные! Не померзли бы только!

— Да что они, знакомые вам, что ли, бабушка? — спросила соседка.

— Знакомые, Марья Ивановна! Как же не знакомые? С полчаса в аптеке вместе стояли и домой вместе пошли! — отвечала старушка, снимая с себя платок и приглаживая седые, прилипшие к вискам волосы.

Саша и Юра крепкими кулаками застучали в дверь и в облаке морозного пара появились на пороге.

— Дрова привезли, бабушка! Принимайте дрова! Куда складывать? Давайте пилу! Перепилить надо! А топор есть? Давайте топор! — командовал Саша.

— Пилу и топор! Сейчас все перепилим и расколем вам! Что нам стоит! — кричал Юра.

— Боевые внучата у вас, бабуся! Командиры,— басил за их спиной возчик.— Самых знаменитых дровишек привезли!

— Ах ты, батюшки! Привезли! Марья Ивановна, привезли! А вы говорите — знакомые ли? Да при чем же тут знакомство наше, Марья Ивановна, когда галстуки-то на них красные?

А во дворе уже слышался бойкий стук топора, визжала пила; веселые мальчишеские голоса с басовитыми нотками распоряжались спешно мобилизованными во дворе малышами:

— Носите в сени! Складывайте столбиками!

...Хлопнула дверь. Саша, сбросив перед печкой щепки, отряхнул варежки и сказал:

— Все, бабушка! Не поминайте лихом!

— Соколы вы мои...— растроганно сказала старушка.— Дело-то какое мне сделали, голубчики!

— Нам это ничего не стоит,— смущенно сказал Юра.

Саша кивнул головой:

— Для нас это простое дело!

ТРУД СОГРЕВАЕТ

В интернат привезли дрова.

Нина Ивановна сказала:

— Наденьте свитеры, мы будем носить дрова.

Ребята побежали одеваться.

— А может быть, дать им лучше пальто? — сказала нянечка.— Сегодня холодный осенний денек!

— Нет, нет! — закричали ребята.— Мы будем трудиться! Нам будет жарко!

— Конечно! — улыбнулась Нина Ивановна.— Нам будет жарко! Ведь труд согревает!

«РАЗДЕЛИТЕ ТАК, КАК ДЕЛИЛИ РАБОТУ...»

Старый учитель жил один. Ученики и ученицы его давно выросли, но не забывали своего бывшего учителя.

Однажды к нему пришли два мальчика и сказали:

— Наши матери прислали нас помочь вам в хозяйстве.

Учитель поблагодарил и попросил мальчиков наполнить водой пустую кадку. Она стояла в саду. Около нее на скамье были сложены лейки и ведра. А на дереве висело игрушечное ведерко, маленькое и легкое как перышко,— из него в жаркие дни учитель пил воду.

Один из мальчиков выбрал прочное железное ведро, постучал по его дну пальцем и не спеша направился к колодцу; другой снял с дерева игрушечное ведерко и побежал за товарищем.

Много раз мальчики ходили к колодцу и возвращались назад. Учитель смотрел на них из окна. Над цветами кружились пчелы. В саду пахло медом. Мальчики весело разговаривали. Один из них часто останавливался, ставил на землю тяжелое ведро и вытирал со лба пот. Другой бежал с ним рядом, расплескивая воду в игрушечном ведерке.

Когда кадка была наполнена, учитель позвал обоих мальчиков, поблагодарил их, потом поставил на стол большой глиняный кувшин, доверху наполненный медом, а рядом с ним граненый стакан, также наполненный медом.

— Отнесите эти подарки своим матерям,— сказал учитель.— Пусть каждый из вас возьмет то, что заслужил.

Но ни один из мальчиков не протянул руки.

— Мы не можем разделить это,— смущенно сказали они.

— Разделите это так, как делили работу,— спокойно сказал учитель.

В ЛАГЕРЕ

Еще с вечера Наташа и Муся решили после завтрака сбегать на речку.

— Какое я место знаю! — перегнувшись через спинку кровати, шептала Наташа.— Вода чистая, прохладная... Мелко-мелко! Никак не утонешь! Как раз для тех, кто плавать не умеет.

— Завтра же утречком побежим! И выкупаемся! Только ребятам не говори, а то все бросятся и опять мы плавать не научимся из-за них! — говорила Муся.

Утро было солнечное. За раскрытым окном так звонко пели птицы, что спать было невозможно. Наташа и Муся с трудом дождались горна и первые убрали свои кровати.

— Сейчас же после завтрака на речку!

Но на утренней линейке вожатый сказал, что соседний колхоз спешит с уборкой сена, так как стоят очень жаркие дни и ожидается гроза, и что колхозу нужно помочь.

— Поможем! Поможем! — с готовностью закричали ребята.

— Выделите нам луг побольше! Нас много!

— Нас много! Нам побольше! — кричали вместе с ребятами Наташа и Муся.

— После завтрака не придется купаться, пойдем после обеда! — условились подруги.

На уборку вышел весь лагерь. Пионеры рассыпались по полю. Одни сгребали граблями сухое сено, другие складывали его в копны. Зазвенели веселые песни. Солнце, остановившись над полем и заглядевшись на ребят, беспощадно пекло их головы и черные от загара спины. Сухие цветы и травы пахли знойным медовым запахом. Одна за другой вырастали на поле туго сложенные копны. Под одной из копен стояло ведро со свежей водой; ребята то и дело подбегали к нему с граблями в руках и, наскоро напившись, снова принимались за дела.

— Вот в такую жару выкупаться здорово! Утром что... Утром не жарко... Самое удовольствие в жару! — говорила Наташа, подбирая под косынку разлетающиеся волосы и смачивая водой лоб.

— Сейчас, в самую жару, нехорошо даже! Вот кончим, и как раз жара спадет! Тогда искупаемся! — ответила Муся.

До обеда все было убрано. Далеко были видны аккуратные, как шалаши, копны, и низко скошенная трава делала поле колючим и голым. Ребята пошли обедать. Наташа и Муся прятали за столом полотенце и мыло.

— Вот искупаемся так искупаемся!

— Надо успеть, пока ребята укладываются на мертвый час! — шептались девочки.

* * *

Воздух был душный. Ни один листок не шевелился на кустах. Небо потемнело, из-за леса наползала большая синяя туча. Наташа и Муся бежали к реке напрямки, через поле.

— Скорей, скорей! Мы еще успеем до грозы выкупаться!

И вдруг сорвался ветер. Он налетел на сложенные копны, закружился, засвистел и, срывая верхушки сена, как пух, разнес его по полю.

Девочки ахнули и бросились назад, в лагерь.

— Ребята! Ребята! Копны не накрыли! Ветер сено разносит! Вставайте!

Ребята уже ложились спать.

— Вставайте! Вставайте! — разнеслось по лагерю.

Горнист затрубил тревогу. Все бросились в поле. По дороге захватывали ветки, хворост и накрывали копны. Ветер вдруг утих, острая молния пронзила тучу, и дождь потоком хлынул на землю! Это был теплый летний ливень, освежающий душный, застывший воздух.

Истомленные жарким днем и работой на солнцепеке, ребята неожиданно попали под великолепный душ. Наташа и Муся прибежали в лагерь последними. Волосы у них были мокрые, щеки и глаза блестели, сарафаны прилипли к телу.

— Вот искупались так искупались! — кричала Наташа.— Вода чистая, прохладная, мелко-мелко, никак не утонешь!

— Как раз для тех, кто плавать не умеет! — хохоча, вторила ей Муся.

ПАПА-ТРАКТОРИСТ

Витин папа тракторист. Каждый вечер, когда Витя ложится спать, папа собирается в поле.

— Папа, возьми меня с собой! — просит Витя.

— Вырастешь — возьму,— спокойно отвечает папа.

И всю весну, пока папин трактор выезжает на поля, между Витей и папой происходит один и тот же разговор:

— Папа, возьми меня с собой!

— Вырастешь — возьму.

Однажды папа сказал:

— И не надоело тебе, Витя, каждый день просить об одном и том же?

— А тебе, папа, не надоело каждый раз отвечать мне одно и то же? — спросил Витя.

— Надоело! — засмеялся папа и взял Витю с собой в поле.

ЧЕГО НЕЛЬЗЯ, ТОГО НЕЛЬЗЯ

Один раз мама сказала папе:

— Не повышай голос!

И папа сразу заговорил шепотом.

С тех пор Таня никогда не повышает голос; хочется ей иногда покричать, покапризничать, но она изо всех сил сдерживается. Еще бы! Уж если этого нельзя папе, то как же можно Тане?

Нет уж! Чего нельзя, того нельзя!

БАБУШКА И ВНУЧКА

Мама принесла Тане новую книгу.

Мама сказала:

— Когда Таня была маленькой, ей читала бабушка; теперь Таня уже большая, она сама будет читать бабушке эту книгу.

— Садись, бабушка! — сказала Таня.— Я прочитаю тебе один рассказик.

Таня читала, бабушка слушала, а мама хвалила обеих:

— Вот какие умницы вы у меня!

ТРИ СЫНА

Было у матери три сына — три пионера. Прошли годы. Грянула война. Провожала мать на войну трех сыновей — трех бойцов. Один сын бил врага в небе. Другой сын бил врага на земле. Третий сын бил врага в море. Вернулись к матери три героя: летчик, танкист и моряк!

ТАНИНЫ ДОСТИЖЕНИЯ

Каждый вечер папа брал тетрадку, карандаш и подсаживался к Тане и бабушке.

— Ну, какие ваши достижения? — спрашивал он.

Папа объяснил Тане, что достижениями называется все то хорошее и полезное, что сделал за день человек. Танины достижения папа аккуратно записывал в тетрадку.

Однажды он спросил, как обычно держа наготове карандаш:

— Ну, какие ваши достижения?

— Таня мыла посуду и разбила чашку,— сказала бабушка.

— Гм...— сказал отец.

— Папа! — взмолилась Таня.— Чашка была плохая, она сама упала! Не стоит писать о ней в наши достижения! Напиши просто: Таня мыла посуду!

— Хорошо! — засмеялся папа.— Накажем эту чашку, чтобы в следующий раз, при мытье посуды, другая была осторожней!

СТОРОЖ

В детском саду было много игрушек. По рельсам бегали заводные паровозы, в комнате гудели самолеты, в колясках лежали нарядные куклы. Ребята играли все вместе, и всем было весело. Только один мальчик не играл. Он собрал около себя целую кучу игрушек и охранял их от ребят.

— Мое! Мое! — кричал он, закрывая игрушки руками.

Дети не спорили — игрушек хватало на всех.

— Как мы хорошо играем! Как нам весело! — похвалились ребята воспитательнице.

— А мне скучно! — закричал из своего угла мальчик.

— Почему? — удивилась воспитательница.— У тебя так много игрушек!

Но мальчик не мог объяснить, почему ему скучно.

— Да потому, что он не игральщик, а сторож,— объяснили за него дети.

ПУГОВИЦА

У Тани оторвалась пуговица. Таня долго пришивала ее к лифчику.

— А что, бабушка,— спросила она,— все ли мальчики и девочки умеют пришивать свои пуговицы?

— Вот уж не знаю, Танюша; отрывать пуговицы умеют и мальчики и девочки, а пришивать-то все больше достается бабушкам.

— Вот как! — обиженно сказала Таня.— А ты меня заставила, как будто сама не бабушка!

ПЕЧЕНЬЕ

Мама высыпала на тарелку печенье. Бабушка весело зазвенела чашками. Все уселись за стол. Вова придвинул тарелку к себе.

— Дели по одному,— строго сказал Миша.

Мальчики высыпали все печенье на стол и разложили его на две кучки.

— Ровно? — спросил Вова.

Миша смерил глазами кучки:

— Ровно... Бабушка, налей нам чаю!

Бабушка подала обоим чай. За столом было тихо. Кучки печенья быстро уменьшались.

— Рассыпчатые! Сладкие! — говорил Миша.

— Угу! — отзывался с набитым ртом Вова.

Мама и бабушка молчали. Когда все печенье было съедено, Вова глубоко вздохнул, похлопал себя по животу и вылез из-за стола. Миша доел последний кусочек и посмотрел на маму — она мешала ложечкой неначатый чай. Он посмотрел на бабушку — она жевала корочку черного хлеба...

ОБИДЧИКИ

Толя часто прибегал со двора и жаловался, что ребята его обижают.

— Не жалуйся,— сказала однажды мать,— надо самому лучше относиться к товарищам, тогда и товарищи не будут тебя обижать!

Толя вышел на лестницу. На площадке один из его обидчиков, соседский мальчик Саша, что-то искал.

— Мать дала мне монетку на хлеб, а я потерял ее,— хмуро пояснил он.— Не ходи сюда, а то затопчешь!

Толя вспомнил, что сказала ему утром мама, и нерешительно предложил:

— Давай поищем вместе!

Мальчики стали искать вместе. Саше посчастливилось: под лестницей в самом уголке блеснула серебряная монетка.

— Вот она! — обрадовался Саша.— Испугалась нас и нашлась! Спасибо тебе. Выходи во двор. Ребята не тронут! Я сейчас, только за хлебом сбегаю!

Он съехал по перилам вниз. Из темного пролета лестницы весело донеслось:

— Вы-хо-ди!..

НОВАЯ ИГРУШКА

Дядя сел на чемодан и открыл записную книжку.

— Ну, что кому привезти? — спросил он.

Ребята заулыбались, придвинулись ближе.

— Мне куклу!

— А мне автомобильчик!

— А мне подъемный кран!

— А мне... А мне...— Ребята наперебой заказывали, дядя записывал.

Один Витя молча сидел в сторонке и не знал, что попросить... Дома у него весь угол завален игрушками... Там есть и вагоны с паровозом, и автомобили, и подъемные краны... Все-все, о чем просили ребята, уже давно есть у Вити... Ему даже нечего по-

желать... А ведь дядя привезет каждому мальчику и каждой девочке новую игрушку, и только ему, Вите, он ничего не привезет...

— Что же ты молчишь, Витюк? — спросил дядя.

Витя горько всхлипнул.

— У меня... все есть...— пояснил он сквозь слезы.

ЛЕКАРСТВО

У маленькой девочки заболела мама. Пришел доктор и видит — одной рукой мама за голову держится, а другой игрушки прибирает. А девочка сидит на своем стульчике и командует:

— Принеси мне кубики!

Подняла мама с пола кубики, сложила их в коробку, подала дочке.

— А куклу? Где моя кукла? — кричит опять девочка.

Посмотрел на это доктор и сказал:

— Пока дочка не научится сама прибирать свои игрушки, мама не выздоровеет!

КТО НАКАЗАЛ ЕГО?

Я обидел товарища. Я толкнул прохожего. Я ударил собаку. Я нагрубил сестре. Все ушли от меня. Я остался один и горько заплакал.

— Кто наказал его? — спросила соседка.

— Он сам наказал себя,— ответила мама.

КАРТИНКИ

У Кати было много переводных картинок. На переменке Нюра подсела к Кате и со вздохом сказала:

— Счастливая ты, Катя, все тебя любят! И в школе и дома...

Катя благодарно взглянула на подругу и смущенно сказала:

— А я бываю очень плохая... Я даже сама это чувствую...

— Ну что ты! Что ты! — замахала руками Нюра.— Ты очень

хорошая, ты самая добрая в классе, ты ничего не жалеешь... У другой девочки попроси что-нибудь — она ни за что не даст, а у тебя и просить не надо... Вот, например, переводные картинки...

— Ах, картинки...— протянула Катя, вытащила из парты конверт, отобрала несколько картинок и положила их перед Нюрой.— Так бы сразу и сказала... А зачем было хвалить?..

КТО ХОЗЯИН?

Большую черную собаку звали Жук. Два мальчика, Коля и Ваня, подобрали Жука на улице. У него была перебита нога. Коля и Ваня вместе ухаживали за ним, и, когда Жук выздоровел, каждому из мальчиков захотелось стать его единственным хозяином. Но кто хозяин Жука, они не могли решить, поэтому спор их всегда кончался ссорой.

Однажды они шли лесом. Жук бежал впереди. Мальчики горячо спорили.

— Собака моя,— говорил Коля,— я первый увидел Жука и подобрал его!

— Нет, моя,— сердился Ваня,— я перевязывал ей лапу и таскал для нее вкусные кусочки!

Никто не хотел уступить. Мальчики сильно поссорились.

— Моя! Моя! — кричали оба.

Вдруг из двора лесника выскочили две огромные овчарки. Они бросились на Жука и повалили его на землю. Ваня поспешно вскарабкался на дерево и крикнул товарищу:

— Спасайся!

Но Коля схватил палку и бросился на помощь Жуку. На шум прибежал лесник и отогнал своих овчарок.

— Чья собака? — сердито закричал он.

— Моя,— сказал Коля.

Ваня молчал.

ПРОДЕЛКИ БЕЛКИ

Пошли пионеры в лес по орехи.

Забрались две подружки в густой орешник, нарвали орехов полную корзинку. Идут по лесу, а синие колокольчики кивают им головками.

— Давай повесим корзинку на дерево, а сами колокольчиков нарвем,— говорит одна подружка.

— Ладно! — отвечает другая.

Висит корзинка на дереве, а девочки цветы рвут.

Выглянула из дупла белка, заглянула в корзинку с орехами... Вот, думает, удача!

Натаскала белка полное дупло орехов. Пришли девочки с цветами, а корзинка-то пустая...

Только на головы скорлупки летят.

Поглядели девочки наверх, а это белка сидит на ветке, распушила свой рыжий хвост и щелкает орехи!

Засмеялись девочки:

— Ах ты лакомка!

Подошли и другие пионеры, посмотрели на белку, посмеялись, поделились с девочками своими орехами и пошли домой.

ЧТО ЛЕГЧЕ?

Пошли три мальчика в лес. В лесу грибы, ягоды, птицы. Загулялись мальчики. Не заметили, как день прошел. Идут домой — боятся:

— Попадет нам дома!

Вот остановились они на дороге и думают, что лучше: соврать или правду сказать?

— Я скажу,— говорит первый,— будто волк на меня напал в лесу. Испугается отец и не будет браниться.

— Я скажу,— говорит второй,— что дедушку встретил. Обрадуется мать и не будет бранить меня.

— А я правду скажу,— говорит третий.— Правду всегда легче сказать, потому что она правда и придумывать ничего не надо.

Вот разошлись они все по домам. Только сказал первый мальчик отцу про волка — глядь: лесной сторож идет.

— Нет,— говорит,— в этих местах волка.

Рассердился отец. За первую вину наказал, а за ложь — вдвое.

Второй мальчик про деда рассказал. А дед тут как тут — в гости идет.

Узнала мать правду. За первую вину наказала, а за ложь — вдвое.

А третий мальчик как пришел, так с порога во всем повинился. Поворчала на него тетка да и простила.

ПОДАРОК

У меня есть знакомые: Миша, Вова и их мама. Когда мама бывает на работе, я захожу проведать мальчиков.

— Здравствуйте! — кричат мне оба.— Что вы нам принесли?

Один раз я сказала:

— Почему вы не спросите, может, я замерзла, устала? Почему вы сразу спрашиваете, что я вам принесла?

— Мне все равно,— сказал Миша,— я буду спрашивать так, как вы хотите.

— Нам все равно,— повторил за братом Вова.

Сегодня они оба встретили меня скороговоркой:

— Здравствуйте. Вы замерзли, устали, а что вы нам принесли?

— Я принесла вам только один подарок.

— Один на троих? — удивился Миша.

— Да. Вы должны сами решить, кому его дать: Мише, маме или Вове.

— Давайте скорей. Я сам решу! — сказал Миша.

Вова, оттопырив нижнюю губу, недоверчиво посмотрел на брата и громко засопел.

Я стала рыться в сумочке. Мальчики нетерпеливо смотрели мне на руки. Наконец я вытащила чистый носовой платок.

— Вот вам подарок.

— Так ведь это... это... носовой платок! — заикаясь, сказал Миша.— Кому нужен такой подарок?

— Ну да! Кому он нужен? — повторил за братом Вова.

— Все равно подарок. Вот и решайте, кому его дать.

Миша махнул рукой.

— Кому он нужен? Он никому не нужен! Отдайте его маме!

— Отдайте его маме! — повторил за братом Вова.

ДО ПЕРВОГО ДОЖДЯ

Таня и Маша были очень дружны и всегда ходили в детский сад вместе. То Маша заходила за Таней, то Таня за Машей. Один раз, когда девочки шли по улице, начался сильный дождь. Маша была в плаще, а Таня в одном платье. Девочки побежали.

— Сними свой плащ, мы накроемся вместе! — крикнула на бегу Таня.

— Я не могу, я промокну! — нагнув вниз голову с капюшоном, ответила ей Маша.

В детском саду воспитательница сказала:

— Как странно, у Маши платье сухое, а у тебя, Таня, совершенно мокрое, как же это случилось? Ведь вы же шли вместе?

— У Маши был плащ, а я шла в одном платье,— сказала Таня.

— Так вы могли бы укрыться одним плащом,— сказала воспитательница и, взглянув на Машу, покачала головой.

— Видно, ваша дружба до первого дождя!

Обе девочки покраснели: Маша за себя, а Таня за Машу.

МЕЧТАТЕЛЬ

Юра и Толя шли неподалеку от берега реки.

— Интересно,— сказал Толя,— как это совершаются подвиги? Я все время мечтаю о подвиге!

— А я об этом даже не думаю,— ответил Юра и вдруг остановился...

С реки донеслись отчаянные крики о помощи. Оба мальчика

помчались на зов... Юра на ходу сбросил туфли, отшвырнул в сторону книги и, достигнув берега, бросился в воду.

А Толя бегал по берегу и кричал:

— Кто звал? Кто кричал? Кто тонет?

Между тем Юра с трудом втащил на берег плачущего малыша.

— Ах, вот он! Вот кто кричал! — обрадовался Толя.— Живой? Ну и хорошо! А ведь не подоспей мы вовремя, кто знает, что было бы!

ВЕСЕЛАЯ ЕЛКА

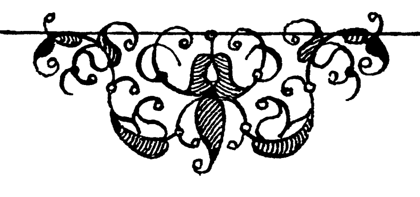
Таня и мама украшали елку. На елку пришли гости. Танина подруга принесла скрипку. Пришел брат Тани — ученик ремесленного училища. Пришли два суворовца и Танин дядя.

За столом пустовало одно место: мама ждала сына — моряка.

Все веселились, только мама была грустная.

Раздался звонок, ребята бросились к дверям. В комнату вошел Дед Мороз и стал раздавать подарки. Тане досталась большая кукла. Потом Дед Мороз подошел к маме и снял бороду. Это был ее сын — моряк.

Сказки

ЗАЯЧЬЯ ШАПКА

Жил-был заяц. Шерсть пушистая, уши длинные. Заяц как заяц. Да такой хвастунишка, что во всем лесу другого такого не сыскать. Играют зайчишки на поляне, прыгают через пенек.

— Это что! — кричал заяц.— Я могу через сосну перепрыгнуть!

Играют в шишки — кто выше подбросит.

А заяц опять:

— Это что! Я на самую тучу закину!

Смеются над ним зайцы:

— Хвастунишка!

Пришел как-то в лес охотник, убил хвастливого зайца и сделал из его шкурки шапку. Надел сынишка охотника эту шапку и давай ни с того ни с сего перед ребятами похваляться:

— Я лучше самой учительницы все знаю! Мне любая задача нипочем!

— Хвастунишка! — говорят ему ребята.

Пришел мальчик в школу, снял шапку и сам удивляется:

— С чего это я, право, расхвастался?

А вечером пошел он с ребятами с горки кататься, надел шапку и опять давай хвастать:

— Я сейчас с горки скачусь прямо на тот берег озера!

Перевернулись на горе его санки, слетела с головы мальчика шапка и закатилась в сугроб. Не нашел ее мальчик. Так без шапки и домой вернулся. А шапка осталась лежать в сугробе.

Пошли как-то девочки хворост собирать. Идут, меж собой сговариваются друг от дружки не отставать.

Вдруг видит одна девочка — лежит на снегу белая пушистая шапка.

Подняла она ее, надела на голову да как задерет кверху нос!

— Что мне с вами ходить! Я сама больше вас всех хворосту соберу и скорей дома буду!

— Ну и ступай одна,— говорят подружки.— Экая хвастунишка!

Обиделись и ушли.

— Без вас обойдусь! — кричит им вслед девочка.— Одна целый воз притащу!

Сняла шапку — снег отряхнуть, оглянулась вокруг и ахнула:

— Что я в лесу одна делать буду? Мне и дороги не найти, и хворосту не собрать одной!

Бросила она шапку и пустилась подружек догонять. Осталась заячья шапка под кустом лежать. Да недолго пролежала она там. Кто мимо шел, тот и нашел. Кто увидал, тот и поднял.

Посмотрите вокруг, ребятки, нет ли на ком из вас заячьей шапки?

ДОБРАЯ ХОЗЯЮШКА

Жила-была девочка. И был у нее петушок. Встанет утром петушок, запоет:

— Ку-ка-ре-ку! Доброе утро, хозяюшка!

Подбежит к девочке, поклюет у нее из рук крошки, сядет с ней рядом на завалинке. Перышки разноцветные словно маслом смазаны, гребешок на солнышке золотом отливает. Хороший был петушок!

Увидала как-то раз девочка у соседки курочку. Понравилась ей курочка. Просит она соседку:

— Отдай мне курочку, а я тебе своего петушка отдам!

Услыхал петушок, свесил на сторону гребень, опустил голову, да делать нечего — сама хозяйка отдает.

Согласилась соседка — дала курочку, взяла петушка.

Стала девочка с курочкой дружить. Пушистая курочка, тепленькая, что ни день — свежее яичко несет.

— Куд-кудах, моя хозяюшка! Кушай на здоровье яичко!

Съест девочка яичко, возьмет курочку на колени, перышки ей гладит, водичкой поит, пшеном угощает. Только раз приходит в гости соседка с уточкой. Понравилась девочке уточка. Просит она соседку:

— Отдай мне твою уточку — я тебе свою курочку отдам!

Услыхала курочка, опустила перышки, опечалилась, да делать нечего — сама хозяйка отдает.

Стала девочка с уточкой дружить. Ходят вместе на речку купаться. Девочка плывет — и уточка рядышком.

— Тась-тась-тась, моя хозяюшка! Не плыви далеко — в речке дно глубоко!

Выйдет девочка на бережок — и уточка за ней.

Приходит раз сосед. За ошейник щенка ведет. Увидала девочка:

— Ах, какой щеночек хорошенький! Дай мне щенка — возьми мою уточку!

Услыхала уточка, захлопала крыльями, закричала, да делать нечего. Взял ее сосед, сунул под мышку и унес.

Погладила девочка щенка и говорит:

— Был у меня петушок — я за него курочку взяла; была курочка — я ее за уточку отдала; теперь уточку на щенка променяла!

Услышал это щенок, поджал хвост, спрятался под лавку, а ночью открыл лапой дверь и убежал.

— Не хочу с такой хозяйкой дружить! Не умеет она дружбой дорожить.

Проснулась девочка — никого у нее нет!

БОЛТУШКИ

Три сороки сидели на суку и болтали так, что дуб трещал и отмахивался зелеными ветками от болтушек.

Вдруг из лесу выскочил заяц.

— Подружки-болтушки, придержите язычки. Не говорите охотнику, где я.

Присел заяц за куст. Замолчали сороки.

Вот идет охотник. Невтерпеж первой сороке. Завертелась она, захлопала крыльями.

— Кра-кра-кра! Удобный сучок, да болит язычок!

Посмотрел охотник наверх. Не стерпела и вторая сорока — широко раскрыла клюв:

— Кра-кра-кра! Поговорить!

Оглянулся кругом охотник. Не стерпела и третья сорока:

— Тр-ром! Тр-ром! За кустом!

Выстрелил охотник в кусты.

— Проклятые болтушки! — крикнул заяц и помчался что было духу.

Не догнал его охотник.

А сороки долго удивлялись:

— За что же это нас обругал заяц?

КАКОЙ ДЕНЬ?

Кузнечик вспрыгнул на бугорок, погрел на припеке зеленую спинку и, потирая лапки, затрещал:

— Пр-р-е-е-красный день!

— Отвр-ратительный! — отозвался дождевой червяк, глубже зарываясь в сухую землю.

— Как! — подпрыгнул кузнечик.— На небе ни одного

облачка. Солнышко так славно припекает. Каждый скажет: прекрасный день!

— Нет! Дождик да мутные теплые лужи — это прекрасный день.

Но кузнечик не согласился с ним.

— Спросим третьего,— решили они.

В это время муравей тащил на спине сосновую иглу и остановился отдохнуть.

— Скажите,— обратился к нему кузнечик,— какой сегодня день: прекрасный или отвратительный?

Муравей вытер лапкой пот и задумчиво сказал:

— На этот вопрос я отвечу вам после захода солнца.

Кузнечик и червяк удивились:

— Что ж, подождем!

После захода солнца пришли они к большому муравейнику.

— Ну, какой сегодня день, уважаемый муравей?

Муравей показал на глубокие ходы, прорытые в муравейнике, на кучи сосновых иголок, собранных им, и сказал:

— Сегодня чудесный день! Я хорошо поработал и могу спокойно отдохнуть!

КТО ВСЕХ ГЛУПЕЕ?

Жили-были в одном доме мальчик Ваня, девочка Таня, пес Барбос, утка Устинья и цыпленок Боська.

Вот однажды вышли они все во двор и уселись на скамейку: мальчик Ваня, девочка Таня, пес Барбос, утка Устинья и цыпленок Боська.

Посмотрел Ваня направо, посмотрел налево, задрал голову кверху. Скучно! Взял да и дернул за косичку Таню.

Рассердилась Таня, хотела дать Ване сдачи, да видит — мальчик большой и сильный. Ударила она ногой Барбоса. Завизжал Барбос, обиделся, оскалил зубы. Хотел укусить ее, да Таня — хозяйка, трогать ее нельзя. Цапнул Барбос утку Устинью за хвост. Всполошилась утка, пригладила свои перышки. Хотела цыпленка Боську клювом ударить, да раздумала.

Вот и спрашивает ее Барбос:

— Что же ты, утка Устинья, Боську не бьешь? Он слабее тебя.

— Я не такая глупая, как ты,— отвечает Барбосу утка.

— Есть глупее меня,— говорит пес и на Таню показывает

Услыхала Таня.

— И глупее меня есть,— говорит она и на Ваню смотрит

Оглянулся Ваня, а сзади него никого нет

ВОЛШЕБНАЯ ИГОЛОЧКА

Жила-была Машенька-рукодельница, и была у нее волшебная иголочка. Сошьет Маша платье — само себя платье стирает и гладит. Разошьет скатерть пряниками да конфетками, постелит на стол, глядь — и впрямь сладости появляются на столе. Любила Маша свою иголочку, берегла ее пуще глаза и все-таки не уберегла. Пошла как-то в лес по ягоды и потеряла. Искала, искала, все кустики обошла, всю травку обшарила — нет как нет ее иголочки. Села Машенька под деревом и давай плакать.

Пожалел девочку Ежик, вылез из норки и дал ей свою иголку.

— Возьми, Машенька, может, она тебе пригодится!

Поблагодарила его Маша, взяла иголочку, а сама подумала: «Не такая моя была». И снова давай плакать. Увидела ее слезы высокая старая Сосна — бросила ей свою иголку.

— Возьми, Машенька, может, она тебе пригодится!

Взяла Машенька, поклонилась Сосне низко и пошла по лесу Идет, слезы утирает, а сама думает: «Не такая эта иголочка, моя лучше была». Вот повстречался ей Шелкопряд, идет — шелк прядет, весь шелковой ниткой обмотался.

— Возьми, Машенька, мой шелковый моточек, может, он тебе пригодится!

Поблагодарила его девочка и стала спрашивать:

— Шелкопряд, Шелкопряд, ты давно в лесу живешь, давно шелк прядешь, золотые нитки делаешь из шелка, не знаешь ли, где моя иголка?

Задумался Шелкопряд, покачал головой.

— Иголка твоя, Машенька, у Бабы-Яги, у Бабы-Яги — костяной ноги. В избушке на курьих ножках. Только нет туда ни пути, ни дорожки. Мудрено достать ее оттуда.

Стала Машенька просить его рассказать, где Баба-Яга — костяная нога живет.

Рассказал ей все Шелкопряд:

— Идти туда надо не за солнцем, а за тучкой,
По крапивке да по колючкам,
По овражкам да по болотцу.
До самого старого колодца.
Там и птицы гнезд не вьют,
Одни жабы да змеи живут,
Да стоит избушка на курьих ножках,
Сама Баба-Яга сидит у окошка,
Вышивает себе ковер-самолет.
Горе тому, кто туда пойдет.
Не ходи, Машенька, забудь свою иголку,
Возьми лучше мой моточек шелку!

Поклонилась Машенька Шелкопряду в пояс, взяла шелку моточек и пошла, а Шелкопряд ей вслед кричит:

— Не ходи, Машенька, не ходи!
У Бабы-Яги избушка на курьих ножках.
На курьих ножках в одно окошко.
Сторожит избушку большая Сова,
Из трубы торчит Совиная голова,
Ночью Баба-Яга твоей иголкой шьет,
Вышивает себе ковер-самолет.
Горе, горе тому, кто туда пойдет!

Страшно Машеньке к Бабе-Яге идти, да жалко ей свою иголочку.

Вот выбрала она в небе темную тучку.
Повела ее тучка
По крапивке да по колючкам
До самого старого колодца,
До зеленого мутного болотца,
Туда, где жабы да змеи живут,

Туда, где птицы свои гнезда не вьют.

Видит Маша избушку на курьих ножках,

Сама Баба-Яга сидит у окошка,

А из трубы торчит Совиная голова...

Увидела Машу страшная Сова да как заохает, закричит на весь лес:

— Ох-хо-хо-хо! Кто здесь? Кто здесь?

Испугалась Маша, подкосились у нее ноги от страха. А Сова глазами ворочает, и глаза у нее как фонари светятся, один желтый, другой зеленый, все кругом от них желто да зелено!

Видит Машенька, некуда деться ей, поклонилась Сове низко и просит:

— Позволь, Совушка, Бабу-Ягу повидать. У меня к ней дело есть!

Засмеялась Сова, заохала, а Баба-Яга ей из окошка кричит:

— Сова моя, Совушка, само жарко́е к нам в печку лезет! — И говорит она девочке так ласково:

— Входи, Машенька, входи!!

Я сама тебе все двери открою,

Сама их за тобой и закрою!

Подошла Машенька к избушке и видит: одна дверь железным засовом задвинута, на другой тяжелый замок висит, на третьей литая цепь.

Бросила ей Сова три перышка.

— Открой,— говорит,— двери да входи поскорее!

Взяла Маша одно перышко, приложила к засову — открылась первая дверь, приложила второе перышко к замку — открылась вторая дверь, приложила она третье перышко к литой цепи — упала цепь на пол, открылась перед ней третья дверь! Вошла Маша в избушку и видит: сидит Баба-Яга у окошка, нитки на веретено мотает, а на полу ковер лежит, на нем крылья шелком вышиты и Машина иголочка в недошитое крыло воткнута. Бросилась Маша к иголочке, а Баба-Яга как ударит помелом об пол, как закричит:

— Не трогай мой ковер-самолет! Подмети избу, наколи дров, истопи печку, вот кончу ковер, зажарю тебя и съем!

Схватила иголочку Баба-Яга, шьет и приговаривает:
— Девчонка, девчонка, завтра ночью
Ковер дошью да с Совушкой-Совой попирую,
А ты гляди, чтобы избу подмела
И сама бы в печке была! —
Молчит Машенька, не откликается,
А ночка черная уже надвигается...

Улетела чуть свет Баба-Яга, а Машенька скорей села ковер дошивать. Шьет она, шьет, головы не поднимает, уж три стебелька осталось ей дошить, как вдруг загудела вся чаща вокруг, затряслась, задрожала избушка, потемнело синее небо — возвратилась Баба-Яга и спрашивает:

— Сова моя, Совушка,
Хорошо ли ты ела и пила?
Вкусная ль девчонка была? —
Застонала, заохала Сова:
— Не ела, не пила Совиная голова,
А девчонка твоя живехонька-жива.
Печку не топила, себя не варила.
Ничем меня не кормила.—
Вскочила Баба-Яга в избу, а иголочка Машеньке шепчет:
— Вынь иголочку сосновую,
Положи на ковер как новую,
Меня спрячь подальше!

Улетела опять Баба-Яга, Машенька скорей за дело принялась; шьет-вышивает, головы не поднимает, а Сова ей кричит:

— Девчонка, девчонка, почему из трубы дым не поднимается?

Отвечает ей Машенька:

— Сова моя, Совушка, плохо печь разгорается.

А сама дрова кладет, огонь разжигает.

А Сова опять:

— Девчонка, девчонка, кипит ли вода в котле?

А Машенька ей отвечает:

— Не кипит вода в котле.
Стоит котел на столе.

А сама ставит на огонь котел с водой и опять за работу

садится. Шьет Машенька, шьет, так и бегает иголочка по ковру, а Сова опять кричит:

— Топи печку, я есть хочу!

Подложила Маша дров, пошел дым к Сове.

— Девчонка, девчонка! — кричит Сова.— Садись в горшок, накройся крышкой и полезай в печь!

А Маша и говорит:

— Я бы рада тебе, Совушка, угодить, да в горшке воды нет!

А сама все шьет да шьет, уж один стебелек ей остался.

Вынула у себя Сова перышко и бросила ей в окошко.

— На, открой дверь, сходи за водой, да смотри мне, коль увижу, что ты бежать собираешься, кликну Бабу-Ягу, она тебя живо догонит!

Открыла Машенька дверь и говорит:

— Сова моя, Совушка, сойди в избу да покажи, как надо в горшок садиться, как крышкой накрыться.

Рассердилась Сова да как прыгнет в трубу и в котел угодила! Задвинула Маша заслонку, а сама села ковер дошивать. Как вдруг задрожала земля, зашумело все вокруг, вырвалась у Маши из рук иголочка:

— Бежим, Машенька, скорей,
Открывай трое дверей,
Бери ковер-самолет,
Беда на нас идет!

Схватила Машенька ковер-самолет, открыла Совиным перышком двери и побежала. Прибежала в лес, села под сосной ковер дошивать. Белеет в руках проворная иголочка, блестит, переливается шелковый моточек ниток, совсем немножко остается дошить Маше.

А Баба-Яга вскочила в избушку, потянула носом воздух и кричит:

— Сова моя, Совушка,
Где ты гуляешь,
Почему меня не встречаешь?

Вытащила она из печки котел, взяла большую ложку, ест и похваливает:

— До чего девчонка вкусна,

До чего похлебка жирна!

Съела она всю похлебку до самого донышка, глядит — на донышке Совиные перышки! Глянула на стенку, где ковер висел, а ковра-то и нет! Догадалась она тут, в чем дело, затряслась от злости, схватила себя за седые космы и давай по избе кататься:

— Я тебя, я тебя
За Совушку-Сову
В клочки разорву!

Села она на свое помело и взвилась в воздух; летит, сама себя веником пришпоривает.

А Машенька под Сосной сидит, шьет, торопится, уж последний стежок ей остается. Спрашивает она Сосну высокую:

— Сосна моя милая, далеко ли еще Баба-Яга?

Отвечает ей Сосна:

— Пролетела Баба-Яга зеленые луга,
Помелом взмахнула, на лес повернула...

Еще пуще торопится Машенька, уж совсем немного ей остается, да нечем дошить, кончились у нее нитки шелковые. Заплакала Машенька. Вдруг, откуда ни возьмись,— Шелкопряд:

— Не плачь, Маша, нá тебе шелку,
Вдень мою нитку в иголку!

Взяла Маша нитку и опять шьет.

Вдруг закачались деревья, поднялась дыбом трава, налетела Баба-Яга как вихрь! Да не успела она на землю спуститься, как подставила ей Сосна свои ветки, запуталась она в них и прямо около Маши на землю упала.

А уж Машенька последний стежок дошила и ковер-самолет расстелила, только сесть на него остается.

А Баба-Яга уже с земли поднимается, бросила в нее Маша ежиную иголку: прибежал старый Еж, кинулся Бабе-Яге в ноги, колет ее своими иголками, не дает с земли встать. А Машенька тем временем на ковер вскочила, взвился ковер-самолет под самые облака и в одну секунду домчал Машеньку домой.

Стала жить она, поживать, шить-вышивать людям на пользу, себе на радость, а иголочку свою берегла пуще глаза. А Бабу-Ягу затолкали ежи в болото, там она и затонула на веки вечные.

Стихи

УТРО

Солнце — в оконце,
Я — на порог.
Сколько тропинок,
Сколько дорог!

Сколько деревьев,
Сколько кустов,
Пташек, букашек,
Трав и цветов!

Сколько цветущих,
    Пышных полей,
Бабочек пестрых,
    Мух и шмелей!

Солнце — в оконце,
    Я — на порог.
Сколько работы
    Для рук и для ног!

ЗАГАДКА

У мамы моей
Пять сыновей.
Начну я считать —
И вовсе не пять.

Считайте хоть сами:
Володя, Игнат,
Сережа и Саня —
Мой маленький брат.

Четыре? Четыре!
А пятого нет.
Считаю сначала —
Все тот же ответ.

Считаю по пальцам
Вперед и назад.
Скажите, ребята,
Где пятый мой брат?

Ведь точно я знаю:
У мамы моей
Пять сыновей.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Расчесала туча бороду,
Ветер вдруг ускорил бег,
И пошел кружить по городу
Первый снег!

Пусть скорей мороз пожалует,
С ним и лыжи, и коньки.
То-то нас зима побалует
В эти ясные деньки!

ВЕСЕЛЫЕ ДЕНЬКИ

Проснулся я, слышу — залаял Дружок.
Гляжу — на кого он? На первый снежок!
Конечно, он не жил на свете зимой
И с горки еще не катался со мной.

Коньков не видал. Ну и лает, чудак.
А вот посмотрел бы на взрослых собак!
Они так и рвутся на первый снежок...
Бежим-ка и мы поскорее, Дружок!

И если явился со снегом мороз,
Огнем загорится холодный твой нос,
И так тебе весело станет зимой,
Тебя не загонишь, пожалуй, домой.

Ты будешь кругами носиться, скакать
И снег, как метелкой, хвостом разметать.
Прокатишься с горки по гладкому льду,
Потом на каток я тебя поведу.

Веселые скоро наступят деньки!
Эх, жалко — не можешь надеть ты коньки!

МАЛЕНЬКИЙ ЦЫПЛЕНОК НА БОЛЬШОЙ ЗЕМЛЕ

Маленький цыпленок
Вылез из яйца,
Матери не знал он,
Не видал отца.
В крепкую скорлупку
Долго он стучал,
Знал, что надо выйти,
А куда — не знал.
Кто-то взял цыпленка
В теплую ладонь
И кому-то тихо
Прошептал: «Не тронь!»
Подложил под чье-то
Нежное крыло,
И цыпленку стало
Мягко и тепло.
Задремал. Сложились
Крылышки в тепле.
Маленький цыпленок
На большой земле.

БЕДНЫЙ ЕЖИК

Спит медведь. Уснула галка.
Сон сморил лису.
Я не сплю. Мне очень жалко
Ежика в лесу.
Бедный ежик, бедный ежик!
По ночам не спит.
Весь в иголках, лечь не может,
Сядет и сидит!
На бочок приляжет — колко.
Колется спина.

Я б не мог всю ночь под елкой
Просидеть без сна.
Как себя он спать уложит?
Снял бы шкурку прочь.
Бедный ежик, бедный ежик,
Как тебе помочь?

В ГОСТИ К ЯГОДАМ

На березовой полянке
Земляничка расцвела,
Закраснелась, заалелась,
В гости Груню зазвала:

«Кушай, Груня, земляничку,
Для тебя созрела я.
А поешь — запей водичкой
Из студеного ручья!»

Съела Груня земляничку,
Запила ее водичкой,
Побежала на село.

А наутро все село
В гости к ягодам пришло.

ХОРОШИЙ ГУСЬ

Я поссорился с Митей,
А потом заскучал.
Я сказал ему: «Митя!
Я нарочно кричал.

Я нечаянно, Митя.
Я уже не сержусь.
Но ты тоже ведь, Митя,
Хороший гусь!»

КУРИНЫЙ РАЗГОВОР

Встретила Хохлатка
Петю-Петушка.
Друг дружке поклонились
Два красных гребешка.
И, разгребая лапками
Навозный теплый сор,
Они ведут учтивый
Куриный разговор.
— Ты куд-куда,
Ты куд-куда,
Ты куд-куда идешь?
— Я ко-ко-ко,
Я ко-ко-ко
Шагаю прямо в рожь.
— Ах, куд-куда,
Ах, куд-куда,
Возьми меня туда.
— Но ко-ко-ко,
Но ко-ко-ко
Ведь это далеко.
— Ах, не беда,
Ах, не беда,
Мы после отдохнем.—
Так ко-ко-ко
И куд-куда
Пошли гулять вдвоем!

В ЗОЛОТОМ КОЛЕЧКЕ

Наклонилось солнце низко над домами,
Заблестели стекла желтыми огнями.

Наклонилось солнце низко над крылечком.
Посижу на солнце в золотом колечке.

Наклонилось солнце низко над садами,
И запели птицы разными ладами.

Наклонилось солнце над зеленой грушей,
Зажелтела груша — грушу можно кушать.

Сяду на крылечке
В золотом колечке,
Буду грушу кушать,
Буду птичек слушать!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСЕНКА

Спи, мой мальчик.
Спи и слушай
Песенку мою.
Вот в саду упала груша.
Баюшки-баю.

Ночью тихою дорожкой
Месяц золотой
В красных шелковых сапожках
Сад обходит твой.

Он в меду купает сливы,
Сушит на ветру.
Ты увидишь, как красиво
Будет поутру.

Как заморских птичек стайки,
Тесно сбившись в ряд,
Чудо-яблочки китайки
Утром заблестят.

Что-то глухо прошуршало,
Это сквозь листву
Сверху яблоко упало
В сонную траву.

Спи, мой мальчик,
Спи и слушай
Песенку мою.
Вот опять упала груша...
Баюшки-баю.

ЕЖИНКА

В глубокой прохладной ложбинке,
Где летняя травка свежа,
Привольно живется Ежинке,
Единственной внучке Ежа.

Весь день она тихо играет,
Шуршит прошлогодним листом,
Еловые шишки бросает
И дремлет в тени под кустом.

Однажды надвинулась тучка,
Стал ветер деревья качать
И Ежик любимую внучку
Заботливо вышел встречать.

И вдруг, запыхавшись, Зайчишка
Бежит, перепуган до слез:
— Скорее! Какой-то мальчишка
Ежинку в корзине унес!

Мелькали березы и елки,
Зеленый кустарник и рожь.
Подняв, как оружье, иголки,
Бежал, ощетинившись, Еж!

В прохладной пыли на дороге
Он след мальчугана искал.
Он по лесу бегал в тревоге
И внучку по имени звал!

Стемнело... И дождик закапал,
Живого следа не найдешь.
Упал под сосной и заплакал
Измученный дедушка Еж!

А дедова внучка сидела
За шкафом, свернувшись клубком.
Она и взглянуть не хотела
На блюдце с парным молоком!

И утром к зеленой ложбинке
Из города дети пришли,
И дедову внучку Ежинку
В корзинке назад принесли.

Пустили на мягкую травку:
— Дорогу домой ты найдешь?
— Найдет! — закричал из канавки
Взволнованным голосом Еж.

ТИЛИ-БОМ!

(Песенка)

Мне «снегурки»-коньки подарили,
Я от радости громко запел:
    «Тили-бом! Тили-бом, тили-ти́ли!
Я таких никогда не имел!»
        Мои песни весь дом оглушили,
        И родителям я надоел!
        — Замолчи!

«Тили-бом, тили-тили...
Я таких никогда не имел!»
Мне сказали, чтоб пел я не дома,
И послали меня на каток.
Там один пионер незнакомый
Мне и петь и кататься помог!
Тили-бом, тили-бом, тили-тили!
Мы неслись по дорожке вдвоем!
Тили-бом, тили-бом — мы решили,
Что и завтра кататься придем!

ОЗОРНОЙ ДОЖДИК

Этот дождик озорной
Всюду бегает за мной
И сегодня и вчера...
Что за глупая игра!

Я в калитку — он идет!
Я домой — у двери ждет.
Каплей тихо у крыльца —
Кап-кап-кап! И нет конца!

Утром в школу я бежал —
Он до школы провожал.
Вышел я, иду домой...
Вот так так — и он со мной!

И решил я быть хорошим.
Плащ надел, надел калоши.
Я до вечера ходил,
За собой его водил,
Так водил, что он устал —
Отказался! Перестал!

ДВА КОНЯ

Мама, ноги у меня
Все равно что два коня!
Я их утром запрягаю,
Я сапожки обуваю,
Зашнурую, запрягу,
И бегу, бегу, бегу!

По дорожке скачут ножки,
Где вприпрыжку, где в галоп,
Звонко стукают сапожки.
Кони — рысью! Кони — гоп!

По камням и по пескам,
Через речку по мосткам,
По полям и по лугам...
Как я рад своим ногам!

ГОСТЬЯ

В детский сад пришла чужая кошка,
В сильный дождь откуда-то пришла,
Постучалась лапкою в окошко,
На карниз уселась и ждала.

По стеклу сбегали быстро капли
На худое кошкино лицо,
Лапки серые в воде обмякли...
Мы открыли двери на крыльцо.

Все гурьбой мы бросились к окошку —
Сыпал дождь на головы с берез!
Первый я схватил чужую кошку,
Поднял вверх и в комнату принес.

Мы налили в блюдечко какао,
Накрошили сладкий пирожок...
Гостья выпила, сказала: «Мяу!»
По-кошачьи значит: «Хорошо!»

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ДОМ

Удивительный наш дом,
Чудеса творятся в нем:
К нам шутник какой-то влез,
Зонтик дедушкин исчез.
В теплом мамином халате
Спали куклы на кровати,
Крепко спали — не слыхали,
Как халат тихонько сняли.
Положили на порог
Коврик маленький для ног,
А приходим со двора —
На пороге нет ковра!
Не ложится в спальне Катя:
Вдруг исчезнут все кровати?
Мама спрашивает строго,
Отчего хрустит дорога
Из буфета до порога.
Постучит сирень в окошко —
Катя смотрит в темный сад.
Прыгнет кошка, звякнет ложка,
«Кто там? Кто там?» — все кричат.
Петя сделал два засова:
Напугали и его.
Только самый младший, Вова,
Не боится никого.
Он шагает спозаранок
По двору, как петушок.

У него хрустит в карманах
Сладкий сахарный песок.
У забора за сараем
Есть веселая семья.
Вову любят, Вову знают,
Вову ждут его друзья.
Из халата лезет вата,
Зонт раскинулся шатром,
Тихо возятся щенята
В теплой ямке под зонтом.

КУДЛАТКА

Я до вечера гуляла,
Но Кудлатки не видала.
Не пришла гулять Кудлатка,
Не носила мне лопатку,
Не встречала звонким лаем.
Где она — не понимаю!

Утром я пораньше встала,
Прямо к будке побежала,
В будке тоже нет Кудлатки,
Но зато... лежат щенятки!

Да какие!.. Меховые!
Настоящие! Живые!
Друг на дружку лезут в кучу,
И один другого лучше.
Я их сразу полюбила,
Теплым шарфиком прикрыла,
Имена им надавала...
Вдруг Кудлатка прибежала!

Поворчала, а потом
Помахала мне хвостом,
Языком щеку лизнула
И во весь свой рот зевнула.

— Спи,— сказала я Кудлатке.
Спит она. И спят щенятки.
Я на корточках сижу,
Крепкий сон их сторожу!

СТРОИТЕЛЯМ

Льет осенний дождик,
Впереди зима.
Слава тем, кто строит
Теплые дома!

Кто свой труд тяжелый
Отдает стране,
Кто построил школу
И тебе и мне!

ВАЖНЫЕ КОРОВЫ

На лугу колхозном
За густой дубровой
Медленно шагают
Важные коровы.

Медленно шагают,
Медленно жуют,
В полдень лягут в травы
И доярок ждут.

Потечет в подойник
Молоко густое,
Повернет корова голову свою
И как будто спросит:
«Много ли? Какое?
Пусть ребята знают, что я им даю!»

ВЕСЕННИЙ ДОЖДИК

Дождевые лужицы
На земле.
Вьются капли весело
На стекле,
По крылечку прыгают,
Как горох.
Спать ложатся капельки
В теплый мох.

Дождевые лужицы
На земле.
Голубые бусинки
На стебле,
Тучки темно-синие
В небесах,
Птичек потревоженных
Голоса...

Дождики, пролитые
На поля,
Ваши капли чистые
Пьет земля,
Пьет и поит зернышки,
Словно мать,
Чтобы людям хлебушка
Больше дать.

КОММЕНТАРИИ

«Расскажите, пожалуйста, о дальнейшей судьбе Васька Трубачева».

Так заканчивалось почти каждое письмо, получаемое В. А. Осеевой после выхода в свет первой и второй книги ее знаменитой повести «Васек Трубачев и его товарищи».

Да и могли ли оставить читателей равнодушными неугомонные, пытливые и озорные герои осеевского произведения?!

Те, кто успел узнать, как полнокровно и радостно жили, учились и, несмотря на тяжелую ссору, крепко дружили Васек, Саша, Коля, их одноклассники и одноклассницы; кто прочитал, как внезапно и трагически оборвалась для них счастливая мирная жизнь и война настигла пионерский отряд Трубачева далеко от дома, на оккупированной фашистами Украине, настойчиво ждали продолжения повести.

Среди многочисленных юных и взрослых почитателей произведения В. А. Осеевой прозвучал и голос участника Великой Отечественной войны писателя Ю. Бондарева, написавшего в 1952 году в журнале «Дружные ребята»: «Читая эту мужественную повесть о пионерах-патриотах, вы, ребята, не раз с уважением задумаетесь над поступками Васька Трубачева, который смело и уверенно руководил своим отрядом; полюбите Мазина, проницательного, чуткого и самоотверженного товарища; узнаете доброго Сашу Булгакова; познакомитесь с решительным и порывистым хлопцем Геной, украинским пионером, который спасает вожатого Митю».

И писательница создает третью, заключительную книгу о возвратившихся с Украины в родной город героях повести.

Отдельные главы книги прямо с писательского стола попадают на страницы журналов — читатели торопят, читатели ждут. Так, глава «Зеленый пустырь» — о первой встрече Васька и его друзей с директором школы — появилась в февральском номере журнала «Дружные ребята» за 1952 год.

Затем, в майском номере 5 и номере 6 (июньском) журнала «Пионер» в том же 1952 году печатается продолжение повести, где пионеры из отряда Трубачева так же, как и возрождающий родную землю весь народ, своими руками восстанавливают собственную школу.

Немало преград и огорчений ожидало их на избранном пути: и недоверие некоторых взрослых руководителей, и появление в их пионерском отряде капризного, избалованного отцовской славой подростка, и нелегкий физический труд.

Но возмужавшие в испытаниях войны мальчики и девочки не разочаровали читателей — они оказались все теми же справедливыми, честными и смелыми, какими их помнили по первым книгам В. А. Осеевой. И так же остались верны своей дружбе, своему пионерскому долгу.

РАССКАЗЫ

Быть может, кому-то из тех, кто держит в руках эту книгу, еще не довелось узнать удивительную историю о некоем таинственном слове, открывающем путь к человеческим сердцам. Тогда попробуйте обратиться к родителям. Скорее всего, они охотно вспомнят и перескажут знакомый им с детства рассказ В. А. Осеевой «Волшебное слово» (впервые появившийся в журнале «Мурзилка» № 10—11 в 1944 году).

И тут следует, очевидно, напомнить, что автор многих любимых вами с детства рассказов и популярнейших повестей о Ваське Трубачеве и Динке — одно и то же лицо — В. А. Осеева.

Первым, принесшим ей известность, был рассказ «Бабка», опубликованный в июльско-августовском номере журнала «Дружные ребята» за 1939 год. А в конце того же 1939 года рассказ бы издан в литературном сборнике «Снежки» (М.—Л., Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1939).

Казалось бы, ничем не примечательная житейская история о душевной черствости мальчика по отношению к собственной бабушке приобретает под пером В. А. Осеевой не только философский смысл, но будоражит, будит сердце читающего подростка. Вызванное смертью «бабки» сердечное прозрение героя повести позволяет ему (а заодно и читателю) сделать неизбежный нравственный вывод.

Рассказ «Бабка» неизменно включался писательницей во многие сборники. Он выходил не только в Детгизе («Детская литература»), но и в издательствах союзных республик.

В предисловии к последнему прижизненному сборнику рассказов («Отцовская куртка») в 1969 году В. А. Осеева писала: «Рассказы... написаны мной в разное время, одни раньше, другие позже, но в каждом из них есть живые герои, взятые мной прямо из жизни. Я не знаю, где они сейчас, но вижу их так ясно, будто расстались мы только вчера. Так вижу я Леню Чистякова, большака из «Отцовской куртки». В его шумной многодетной семье, в затерянном среди гор селе Байки, я жила во время войны. Говорят: «Чтобы человека узнать, надо съесть с ним пуд соли». Мы с Леней Чистяковым и с его славной матерью Оней ели не соль, а гороховую похлебку, и садилось нас за стол десять человек, мал мала меньше. Ели со слезами, а закусывали смехом. А когда я болела, бегал Ленька со своим братишкой на гору искать в непроходимых лесах таинственный корень «жив-травы». Вернулись они исцарапанные колючими ветками, но волшебный корень достали, собирали в пути и голубику. И уж не знаю, то ли от корня, то ли от голубики, а может, просто от трогательного мальчишеского сочувствия, только я скоро выздоровела. Много лет спустя на вышедший впервые рассказ «Отцовская куртка» радостно откликнулся молодой солдат Леонид Чистяков».

В 1943 году в августовско-сентябрьском номере журнала «Мурзилка» появляются два коротких рассказа-притчи В. А. Осеевой «Синие листья» и «Время», где в незатейливых, «обыкновенных» играх детей, их разговорах и поступках проявляются детские характеры, возникают картины серьезной «взрослой» жизни. Скупо, порой несколькими фразами создает писательница сцены, где рельефно показывает детям их самих в отношениях с родителями, друг с другом,

с незнакомыми людьми, позволяет увидеть себя со стороны, извлечь необходимые нравственные уроки.

Так писать для детей В. А. Осеева училась у великих предшественников — Л. Н. Толстого и К. Ф. Ушинского.

Упомянутый рассказ «Синие листья» становится одним из наиболее известных, много раз переиздается, его название автор дает одному из лучших своих сборников.

В 1944 году, кроме «Волшебного слова», публикуется еще один рассказ писательницы — «Новички» (в № 8—9 журнала «Пионер»).

Заметим, что многие хорошо знакомые ныне и взрослым, и детям рассказы В. А. Осеевой впервые увидели свет в известных детских журналах. Так, короткий рассказ-притча «Отомстила» был опубликован в журнале «Пионер» № 6 за 1945 год, «Памятное слово» — в журнале «Пионер» № 6 за 1945 год, «Три сороки» — в журнале «Мурзилка» № 8—9 за 1946 год, «Маленькое ведерко» — в журнале «Мурзилка» № 12 за 1946 год (в сборнике «Все вместе» («Советская Россия», 1979) этот рассказ назван «Разделите так, как делили работу»), «Вешняки» — в журнале «Дружные ребята» № 10 за 1948 год (во всех последующих изданиях называется «Звено Кости Вешняка»), «Вишенка» — в журнале «Мурзилка» № 8 за 1949 год, «Простое дело» — в журнале «Мурзилка» № 4 за 1950 год, «Выходной день Вольки» — в журнале «Мурзилка» № 7 за 1950 год, «Именем героя» — в журнале «Затейник» № 11 за 1950 год.

Особой добротой и сердечностью согреты у В. А. Осеевой произведения из жизни подростков военной и ранней послевоенной поры, где открывается их удивительная душевная красота. Это и двенадцатилетний мальчуган в одежде ремесленника, мечтающий заменить ушедшего на фронт старшего брата («Андрейка»), и обретший вторую семью сирота Кочерыжка, найденный солдатом Василием Вороновым на поле боя («Кочерыжка»), и второклассница Таня, почтительно именуемая окружающими Татьяной Петровной («Татьяна Петровна»).

«Ничто выдуманное, «высосанное из пальца», не живет,— писала В. А. Осеева.— Герои мертвы; они смотрят со страниц как разодетые манекены. Напрасно, пытаясь их оживить, писатель придумывает для этих образов «украшательные» детали, а они еще упорней мстят ему своим мертвым равнодушием... Я смотрю на свои пальцы, с которых еще не смылись синие пятна чернил, я сижу тихая и виноватая, как бабка, не выучившая урока. В букве «ш» у нее было четыре палочки.

«Не научилась...» — подумал о ней Борька.

И мне хочется сказать словами бабки:

«Вот так-то, родные мои... Не просто, не просто писать рассказы».

СКАЗКИ

В. А. Осееву отличала редкая способность видеть в обыкновенном, обыденном — необыкновенное. Отсюда ее неувядающее тяготение к волшебному, сказочному, элементы которого можно встретить и в ее прозе, и в стихотворениях.

А вот собственно сказок писательница создала не так уж много. Одна из них — «Какой день» — впервые была опубликована в журнале «Мурзилка» № 4 за 1944 год, две другие — «Заячья шапка» и «Добрая хозяюшка» появились в 1947 году в сборнике «Добрая хозяюшка» (М.— Л., Детгиз, 1947), «Ежинка» напечатана в одноименном сборнике «Ежинка» (М.— Л., Детгиз, 1951), сказка «Кто сильнее?» впервые увидела свет в журнале «Дружные ребята» № 1 за 1952 год, а «Волшебная иголочка» публиковалась в сборнике «Синие листья» (М., «Детская литература», 1965).

В каждой из них изображенные писательницей люди, животные, силы приро-

ды существуют и действуют по тем же законам добра, взаимопомощи, совместного противостояния злу, обману, коварству, как и во всем творчестве В. А. Осеевой.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Первые публикации стихотворений В. А. Осеевой относятся к 1939 году, когда в сборнике «Снежки» вместе с рассказом «Бабка» появились три поэтических произведения писательницы: «Бить нехорошо», «Ручей», «Удивительный дом». В том же 1939 году в № 7 журнала «Мурзилка» было напечатано еще одно стихотворение — «Ноги».

Поэзия никогда не была чужда писательнице. И время от времени «выплескивалась» в очередной группе стихотворений. Так, в начале пятидесятых годов выходят в свет два сборника произведений В. А. Осеевой, где нашли себе место ее новые стихотворения «Ежинка» (М.— Л., Детгиз, 1951) и «Сосчитай-ка!» (М.— Л., Детгиз, 1952).

Душу ребенка, на каждом шагу открывающего для себя огромный мир, переполняют изумление и радость. Эти чувства обретают живое воплощение в легких и светлых стихотворениях писательницы «Маленький цыпленок на большой земле», «Бедный ежик», «Весенний дождик», «В гости к ягодам», «Хороший гусь», «Куриный разговор», «Колыбельная песенка», вошедших в сборник «Синие листья» (М., «Детская литература», 1965).

З. Короза

СОДЕРЖАНИЕ

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Валентина Александровна Осеева

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

Том II

ИБ № 8054

Ответственный редактор
Р. Н. Ефремова

Художественный редактор
М. Д. Суховцева

Технические редакторы
Е П Кудиярова
и Т. П. Тимошина

Корректоры
Е. В. Куликова
и Е. И. Щербакова

Сдано в набор 21.11.84.
Подписано к печати 16 04.85.
Формат 60×90[1]/16. Бум. тип. № 1.
Шрифт литературный.
Печать высокая.
Усл. печ. л. 35. Усл. кр.-отт. 35,5
Уч.-изд. л. 29,59. Тираж 100 000 экз.
Заказ № 76. Цена 1 р. 40 к.

Орденов Трудового Красного Знамени
и Дружбы народов
издательство «Детская литература»
Государственного комитета РСФСР
по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
103720, Москва, Центр,
М. Черкасский пер., 1

Ордена Трудового Красного Знамени
фабрика «Детская книга» № 1
Росглавполиграфпрома
Государственного комитета РСФСР
по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных
форм «Целлофот»

